Олег Юрганов

ВОЛШЕБСТВО ФЕНОМЕНА

Марк Твен

Эдгар Кейси

Дейл Карнеги

Пол Ричард Александер

и

Михаил Чернышёв

Документальный роман Олега Юрганова «Волшебство феномена» заставляет задуматься о жизни отдельного человека в бесконечной карусели бытия. Автор рассказывает о борьбе своих героев, которые проходят тернистый путь к достижению судьбоносных целей. Рожденный в разных социально-политических условиях, повзрослев нравственно и сформировавшись, как личность, О. Юрганов разделил свою жизнь на две страны, вернее, на две противоположные общественные системы. При этом он не только сохранил язык и нравственные ценности своего народа, но и окунулся в глубины американской литературы, истории и культуры. Особого внимания заслуживает рассказ автора о творчестве и мировоззрении Марка Твена, влияние которого на жизнь самого О. Юрганова было очевидным. Это заставило его глубоко изучить литературное наследие писателя-гуманиста. Осмыслить мнения современников их оценки творчества Марка Твена, привлечь множество американских источников. Однако много времени, сил и энергии автор посвятил, работая над книгой, изучению жизни и творчества выдающихся американцев: Эдгара Кейси, Дейла Карнеги, Пола Ричарда Александра и других. Документальный роман О. Юрганова по сути является размышлением о жизнедеятельности американского народа, в духовных усилиях которого формировалась уникальная культура страны и рождались феномены, о чьих судьбах рассказывает автор.

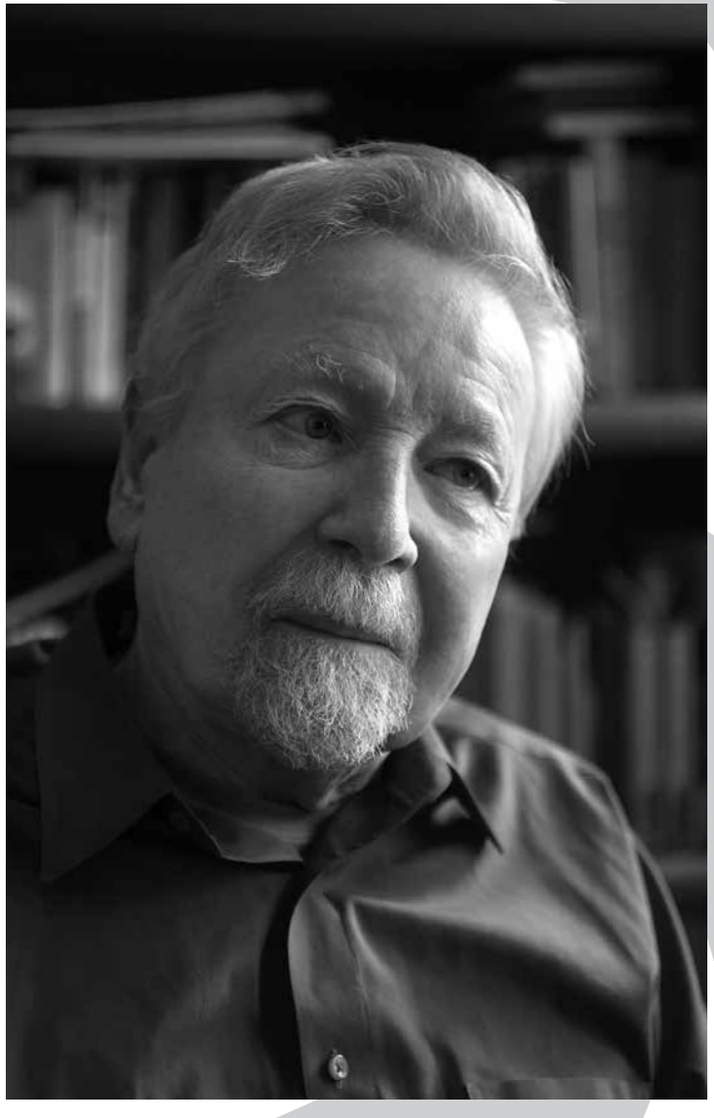
Феликс Анохин
автор поэтического сборника «На грани веков»

Oleg Yurganov's documentary novel «The Magic of a Phenomenon» makes you think about the life of an individual in the endless carousel of existence. The author talks about the struggle of his heroes, who go through a thorny path to achieving fateful goals. Born in different socio- political conditions, having matured morally and formed as a person, O. Yurganov divided his life into two countries, or rather, into two opposite social systems. At the same time, he not only preserved the language and moral values of his people, but also plunged into the depths of American literature, history and culture. The author's story about the work and worldview of Mark Twain, whose influence on the life of O. Yurganov himself was obvious, deserves special attention. This forced him to deeply study the literary heritage of the humanist writer. To comprehend the opinions of contemporaries and assessments of Mark Twain's work, to attract many American sources. However, the author devoted a lot of time, effort and energy, while working on the book, to studying the lives and works of outstanding Americans: Edgar Cayce, Dale Carnegie, Paul Richard Alexander and others. O. Yurganov's documentary novel is essentially a reflection on the life of the American people, in whose spiritual efforts the unique culture of the country was formed and the phenomena whose fates the author talks about were born.

Felix Anokhin
author of the poetry collection «On the Edge of the Centuries»

Зине Ю. и Тане С.,
с благодарностью...

Автор



Олег Юрганов

ВОЛШЕБСТВО ФЕНОМЕНА

Документальный роман–размышление

Марк Твен

Эдгар Кейси

Дейл Карнеги

Пол Ричард Александер

и

Михаил Чернышёв

Аркаим
Владимир 2025

Аннотация

Эта книга о феноменах человеческого духа. О силе воли, преодолевающей все невзгоды. Об удивительной способности памяти хранить мельчайшие следы жизни, которые пробуждаются, когда человек сталкивается с минутами далекого прошлого, которые, казалось бы, безвозвратно стерты временем. Вспоминая и даже воспроизводя их, каждый рискует придать им некий фантастический флер. Но в книге «Волшебство феномена» – иная развязка. Автор рассказывает о феноменальных людях, их влиянии на себя и судьбы людей. События, происходившие в жизни феноменальных личностей, о которых рассказывается в книге, происходили в разное время, в разных уголках Земли, и это обогащает реальность, поражая воображение магией того, что было сделано конкретными людьми в конкретном месте и времени.

Abstract

This book is about the phenomena of the human spirit. About the willpower that overcomes all adversity. About the amazing ability of memory to store the smallest traces of life that awaken when a person encounters minutes of the distant past that seem to have been irrevocably erased by time. Remembering and even reproducing them, everyone risks giving them a certain fantastic flair. But in the book «The Magic of the Phenomenon» there is a different outcome. The author talks about phenomenal people, their influence on themselves and the destinies of people. The events that took place in the lives of phenomenal personalities, which are described in the book, took place at different times, in different parts of the Earth, and this enriches reality, striking the imagination with the magic of what was done by specific people in a specific place and time.

Предисловие

Эта книга – рассказ о жизни американцев, которые оставили след в истории своей страны, став известными и всему миру. Вместе с тем, их след, неожиданно для меня, оказался заметным и в моей судьбе. Как это могло произойти? Ответить на этот вопрос непросто. Хотя... Взять к примеру Марка Твена. Именно американец с таким именем на обложке книги появился перед моими глазами, когда мне исполнилось лет десять или двенадцать. В школе о Марке Твене я ничего нового не узнал. Моя учительница русской словесности сказала, что это «американский писатель-гуманист». Однако этот человек прежде всего был Сэмюэлем Ленгхорном Клеменсом, что родился он 30 ноября 1835 года, в США – Флориде, штат Миссури, и об этом я узнал, когда поступил в Саратовский университет и получил высшее филологическое образование. В СССР я читал его книги и взрослел, читая сочинения других американских авторов XIX-XX веков. Книги аккуратно укладывались у меня в памяти, наряду с классиками европейской литературы. Снова и снова я возвращался к Марку Твену, вплоть до отъезда в США в самом начале девяностых. Почему? Потому что стали появляться фильмы, снятые по его главным книгам. «Принц и нищий» вызвала живейший интерес у кинематографистов и они сняли по этой книге кинофильм. Чуть раньше вышел фильм про Тома Сойера. Я был уже молодым человеком, но смотрел это кино с увлечением. Дальше – больше! Мне исполнилось. 21 год и я увидел в книжных магазинах ещё одну

книгу того же Марка Твена, которая называлась «Янки при дворе короля Артура.» В конце семидесятых появился фильм по этой книге и я, уже отец семейства, смотрел его со своими детьми. Как ни странно, ни у меня, ни у моих малышей фильм не оставил впечатления. Малыши еще не доросли до понимания, а я, прочитанную десять лет назад книгу с таким же названием, из памяти не извлёк.

Можно продолжить путешествие по годам моей жизни. Не хватит места, чтобы охватить все явления культурного бытия, запечатлевшиеся в моей памяти. С американскими феноменами я в СССР был связан нитями истории, культуры и отчасти науки. Прочитанные мною книги были путеводителями по всему миру и особенно – двадцатому веку, заполненному годами моей жизни. Помню, как в библиотеке Саратовского университета, я прочитал доклад на факультативе по истории иностранной литературы. В зале было двадцать студентов, которые слушали мои впечатления о книге Марка Твена, посвящённой героической жизни и трагической гибели Жанны Д'Арк, охватывая события далеких веков. Семинар был посвящён годовщине гибели Зои Космодемьянской, сравнение судьбы которой с жизнью и смертью Жанны Д'Арк для всех нас, в середине шестидесятых годов, было очевидным.

В 1992 году, переехав в США из развалившегося СССР, я стал работать в русскоязычной газете «Каскад» в городе Балтиморе. Тридцатого ноября 1995 года, за пять лет до окончания XX века случилось... событие: 160 лет со дня рождения Марка Твена. Случайно заглянув в книжный магазин на улице Рейстерстаун (Reisterstown), я увидел маленький плакатик, написанный от руки: «Let's wish Mark Twain a happy birthday!» То есть: «Давайте поздравим Марка Твена с Днём рождения!» Это выглядело очень трогательно. Я подошёл к книжным полкам. Там стояли его книги и я взял одну из них. Это была – классика! «Приключения Тома Сойера». Простенькое издание для дорожных путешествий, чтобы почитать и, если забыть на скамье, то не жалко... Тогда же в своей газете я решил написать статью о писателе, которую назвал: «О моём Марке Твене». Я писал именно об американце, о котором уже нимало знал. Да, я уже знал, что он вырос на берегах Миссисипи и на этой большой реке стал лоцманом, использовав профессиональный термин своих коллег: «Mark twain», выкрикивая допустимый размер толщи воды в фарватере реки Mississippi, по которой двигался пароход, ведомый лоцманом Сэмом Клеменсом,

без риска сесть на мель. «Марк твен!» (мерка-два) – звучало на речном перекате голосом лотового матроса, убедившегося, что глубина воды достигает двух морских саженей (около четырех метров) и пароход безопасно мог следовать своим курсом. Этот псевдоним и стал известен всему миру. «Моим» писатель стал потому, что в 1994 году, когда я писал свою статью, мне уже шёл пятьдесят второй год и «знал» я Марка Твена аж с 1949 года!

Так или иначе, но именно в моём воображении он жил уже несколько десятилетий! Как ему жилось в моём воображении судить не берусь, но статья тогда, в 1995 году, вышла, как свидетельство о пребывании в моей памяти замечательного американского писателя. Я уже успел начитать и кое-что из «Википедии (Wikipedia)», использовав прочитанное для уточнения моих собственных воспоминаний, в форме которой была и моя статья.

Перечитывать Марка Твена я начал, приехав в США. На это ушло лет пять или семь. В Америке я стал писателем и завершив восемь своих книг, подступил к феномену его имени. Началась массовая цифровизация архивов и библиотек, вскоре появился Искусственный интеллект и я получил возможность призвать на свой компьютер американские архивы и множество книг на разных языках. Писать о феноменах, с которым вольно или невольно я «встречался» в течении своей жизни теперь стало гораздо проще. Среди них был и Семюэл Ленгхорн Клеменс то есть писатель Марк Твен. Тогда обилием всего того, что он написал и оставил после своего ухода, я ужаснулся! Два года я изучал его наследие, сидя перед компьютером. Затем, около года, писал главу, ставшей первой в моей книге «Волшебство феномена». Так начал рождаться документальный роман-размышление, посвящённый судьбе ещё нескольких феноменальных американцев, в число которых я включил и друга моей молодости - русского поэта и учёного М. Чернышёва, человека с феноменальной судьбой.

Тогда же я задал себе вопрос: «Кто из американцев протоптал дорожку к твоей памяти?» Такой вопрос обычно просто так не задают. Он у меня возник когда я уже приехал в США. Однако, я трудился, зарабатывал на жизнь, воспитывал детей... В такие минуты о себе не думаешь. Об этом заставляет задумываться сама жизнь, и когда я стал работать в газете, эта мысль пришла ко мне «без стука». А тут еще и с моей памятью стали происходить странные вещи. То, что в ней казалось бы утонуло пятьдесят, шестьдесят лет назад, стало

постепенно... всплывать. По одной из своих профессий я был психологом. «Реинкарнация» периода детства и отрочества, как я называю мои способности воспроизводить пласты памяти далёкого прошлого, происходила то ли во сне, то ли в случайных видениях, появление которых никак не регулируется сознанием.

Так я вспомнил крохотный эпизод случившийся со мной в возрасте двадцати пяти лет от роду. Я повздорил с моей женой. Чтобы немного успокоиться, вышел на улицу, подышать свежим воздухом, после проливного дождя. Наша квартира была неподалеку от Волги, в городе Саратове, где я работал и жил в то время. Прогуливаясь по улице, я зашёл в маленький скверик на набережной и присел на скамью, которая уже просохла под лучами жаркого солнца, избавившегося от плена рассеявшихся туч. Разглядывая огромный мост, построенный через реку Волгу, год или два назад, я опёрся на скамью, чтобы присесть удобнее и пальцами наткнулся на что-то сырое. Это был промокший журнал. Обложка была вырвана, на второй, после неё странице, было напечатано крупными буквами: «Наука и жизнь». Вытирая руки платком, я наткнулся взглядом на страницу и увидел мелким шрифтом напечатанные строчки текста. Это было оглавление. Машинально читаю: «Спящий лекарь...». Так впервые я прочитал про американца Эдгара Кейси, о феномене которого кратко писал в 1968 году популярный журнал из моего прошлого.

Словосочетание «спящий лекарь» меня заинтриговало. Наверняка я подумал, что могу наткнуться на что-то крайне необычное. Не удержался. Тряхнув сырой журнал, чтобы сбросить следы дождя со страниц, не успевших разбухнуть от воды, я стал искать статью. Однако, это была заметка, ироническое сообщение типа: «Вокруг света» или «Всякая всячина», на которые мы натыкаемся по воле издателей, готовых нас удивить чем-то необычным или забавным. Конечно, я не запомнил фамилию этого человека, тем более, как она пишется на английском. К тому же и фотографий там не было. Сообщалось имя американца, который впадал в гипноз и слушая пациента, предлагал эффективное лечение. Изложение и в самом деле было ироничным. Однако, запав в мою память, Эдгар Кейси, а это был именно он, неожиданно «всплыл», когда я, волею судеб, оказался на его родине – в Америке. Я не знал, как точно пишется его имя и как в Интернете искать подробности его судьбы. Мой сын, который учился в американской школе, помог мне и вместе мы разобрались окончательно.

На радостях я решил написать об Эдгаре Кейси статью в свою газету, в которой я уже работал одиннадцатый год. Так подробности жизни этого уникального человека стали доступны для многих сотен наших читателей. Эдгар жил теперь в моей памяти, заставляя снова и снова обращаться к Интернету, добывая всё новые и новые подробности его жизни. Настал момент, когда я завершил главу о Марке Твене и у меня не было ни минуты сомнений в том, что рассказ о следующем американском феномене будет уже хорошо изученная мной судьба Эдгара Кейси.

Я приехал в Америку атеистом. Едва я начал подбираться к биографии Кейси, я был сражён его религиозными представлениями о мире и жизни. Постепенно проникая в глубины его мировоззрения, я почувствовал нужду осмыслить корни его этики, которая была основой его мироощущения. Когда же я увидел реальность его феномена, мне потребовалось обратиться к его биографии, которую он написал собственноручно.

Невозможно понять американца, не познав его духовной предыстории. Религиозность родителей Эдгара была основой их мироощущения. Вместе с тем их жизнь была глубоко пропитана каждодневными заботами и нуждами, рождавшими самые драматические события, истоки которых таились в их духовных переживаниях, тесно сплетенных с религиозными представлениями. Личность их сына, едва ли не с младенчества была полна загадочных явлений, заставлявших родственников вглядываться в поступки Эдгара. С ранних лет своего бытия Эдгар ни на минуту не отрывался от религиозных истоков морали, хотя обыденная, естественная греховность подростка, юноши была присуща ему, при неизбежном и даже отчаянном раскаивании перед Господом. Понять это мне было очень непросто, осмысливая уникальность феномена, присущего Кейси. Работая над этим образом я постепенно сам возвращался... к Богу, вспомнив и таинство своего крещения, а позднее услышав желание своего младшего сына креститься, обратившись к Православию. Вплотную приблизившись к Библии, осмысливая Богословие, я лучше стал понимать Эдгара Кейси. Особенно суть его признания: «Я – человек Бога». Это случилось у меня, когда, знакомясь с его биографией, я убедился в смыслах, звучавших из его уст суждений. Свой феномен, поражавший и его окружение, и его самого Эдгар оценивал, как благосклонность Бога лично к нему. Столкновения с соблазнами, которые в изобилии

предоставляла ему жизнь, воспринимались Эдгаром Кейси, как проверка Господом его нравственной, а точнее духовной устойчивости. Одновременно всплывали мои давние интересы к психологии, экстрасенсорике, захватывая глубины моей любознательности к этим наукам и, разбираясь с истоками его феномена я привлёк к главе об Эдварде Кейси Раймонда Муди, Роберта Монро, Елизабет Коблер-Росс, Наталью Бехтереву, с их неподдельным интересом к самым таинственным явлениям, о которых в СССР приходилось молчать. «Об этом» не принято было говорить в обществе, материалистическая идеология которого отвергала религию и даже преследовала её служителей и самих верующих десятки лет.

Жизнь человека подвержена, иной раз, парадоксальным влияниям.

Парадокс в данном случае это и в самом деле: др.-греч. παράδοξος – «неожиданный; странный». То есть греч. παρα – «против, вопреки». Более того и др.-греч. δόξα – «мнение, которое расходится с общепринятым и кажется нелогичным или противоречащим здравому смыслу.» Ну как можно объяснить тот факт, что пророчица с мировым именем Джин Диксон, на авторитет которой ссылались десятки мировых звёзд и правительственных чиновников, предсказавшая гибель мировых авторитетов от насилия, оказалась неведома в стране, финальную трагедию которой она же и предсказала, задолго до свершения этой драмы, кстати, как и сам Эдгар Кейси! Масштаб природного дарования Джин Диксон я осознал только, приехав в США. Работая в газете «Каскад», я наткнулся на обрывок статьи в газете «Новое Русское Слово», издававшейся в Нью-Йорке, о смерти «Великой пророчицы мира...». Статья оказалась некрологом по поводу её кончины в 1997 году, в возрасте девяноста трёх лет. Чутьё журналиста подсказало мне значимость этой личности и я рассказал своим читателям о её жизни и пророчествах в газете, где я тогда продолжал работать.

И снова о парадоксе. Когда в 1960 я жил в Краснодаре после окончания трудного лечения в больнице, завершившегося безнадёжным итогом, в том же году Джин Диксон была озабочена подступающей трагедией в своей стране. Над головой её Президента стали собираться грозные тучи гибельного финала его жизни. Позднее, когда я учился ходить и целыми днями тренировал свои измученные болезнью ноги, я случайно услышал о гибели Президента Кеннеди, а вскоре и его брата Роберта Кеннеди. Информационные службы СССР не сообщали о подробностях, которыми были переполнены

все газеты мира. В частности о том, что они были накануне этого злодейского события изложены в точности прорицательницей Джин Диксон! Только приехав в Америку, я получил возможность воспроизвести в памяти и своих чувствах все подробности феномена Джин Диксон, одновременно осмысливая её жизненный путь и лабиринты ее мировоззрения, которая питалась... богословием. Феномен потому и появляется в жизненной реальности, чтобы удивлять. И не только! Он становится предметом внимания миллионов почитателей и сотен исследователей, которые помогают разобраться в его истоках. Скрывать феномен бессмысленно, потому что его сокрытие – обедняет жизненный мир современников. Да, нередко, рядом, к ним появляются мошенники, питающееся наивностью сограждан, обирая их, нередко доводя до смертного отчаяния. Но это происходит вследствие отсутствия готовности принять и понять все достоинства и парадоксы современной цивилизации. Да, его детали иной раз прячутся в таинственной дымке недомыслия, подвергая личность гипнозу самообмана, отравляя его разум. «Обманываться рад» лишь тот, ко хочет «всё сразу и сейчас». Однако, за это приходится (Увы!) расплачиваться...

О Дейле Карнеги я тоже узнал случайно. Получив университетское образование, я увлёкся психологией, социологией, работал в оборонных отраслях советской промышленности, затем начал исследовательскую практику на крупнейших предприятиях России и Белоруссии. Позднее приступил к работе в Академии наук этой республики, входившей в состав СССР. Я ничего не знал о человеке, который всю свою жизнь посвятил разрешению противоречий в области «человеческих отношений.» Я не читал его книг. Не знал его биографии.

Институт философии и права Академии наук Белоруссии, в котором я работал, в начале семидесятых был довольно посредственным исследовательским учреждением и, тем не менее, социология, проблемы социального развития трудовых коллективов уже начали просачиваться сквозь скучную формалистику исследований, проводимых в этом научном учреждении. Но вскоре и туда стали прорываться социальные проблемы из заводских цехов промышленных предприятий. Они не предусматривались идеологией коммунистической партии. Да, центром внимания политики КПСС – трудовые коллективы были. Они являлись хозяевами средств производства и всей производимой заводами, фабриками продукции. Считалось, что политика правящей партии строит свои отношения на производстве,

заранее и безусловно отражая в партийных документах все условия гуманного развития человеческих отношений на производстве. Тогда царила догма, что в деятельности КПСС и в трудовых коллективах, абсолютны и справедливость, и нравственная культура, и равноправие, и свобода мнений, и научная организация труда. В середине шестидесятых годов был объявлен курс на строительство коммунистического общества. В Кодексе строителя коммунизма все названые выше условия гуманного развития человеческих отношений были задекларированы. Нравственная суть отношений между гражданами, строящими коммунизм была выражена до мельчайших подробностей в документах, законах, деловых инструкциях, которыми руководствовались и сами коммунисты, и все беспартийные граждане – поголовно! Опыт показал, что всё это было... мифологией. Работая в Институте философии и права Академии наук Белоруссии, я убеждался, что с этим противоречием придётся энергично бороться и написал свою первую книгу «Смотрись, как в зеркало в другого человека», посвящённую проблемам деловых коммуникаций на производстве. Как она была встречена и властями, и рядовыми читателями – рассказ ниже, но жизнь шла своим чередом.

И вдруг... в 1970 году в Новосибирске начал издаваться журнал «Эко». Его учредители – Сибирское отделение Российской Академии наук, Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН. Я с удивлением разглядывал новый журнал, материалы которого меня просто озадачили. Статья о «человеческих отношениях» рассказывала об американском бизнесмене Дейле Карнеги, основоположнике теории и практики... человеческих отношений на производстве и в управлении экономикой. Позднее, для моих коллег и для меня эти статьи из его книг, фрагменты которых публиковались в журнале «Эко», стали откровением! Не буду вдаваться в подробности, поскольку в главе «Дейл Карнеги и практика человеческих отношений» описаны во всех подробностях мои с ним «взаимоотношения»...

Проблемы инвалидов в обществе были долгое время предметом заботы не столько государства, сколько церкви, волонтёрских организаций, благотворительных сообществ, собирающих «с миру по нитке» денежные средства на покрытие расходов по их содержанию. Войны и эпидемии, через которые проходило едва ли не каждое государство Земли приводили не только к сокращению населения,

но и появлению массы людей, утративших здоровье, беспомощных, несчастных, нуждавшихся в заботе и опеке. Америка – страна с особой историей, население которой формировалось выходцами из бесчисленных краёв нашей планеты. В эту страну прибывали те, кого обуревали идеи авантюризма и удачи. Никто не представлял себе, что преодолевая Мировой Океан и достигнув земли обетованной, получит здесь все блага цивилизации. Их надо было создавать своими руками, в отчаянной борьбе за существование и даже ценой собственной жизни, которая могла оборваться в любую минуту. Инвалид – феномен малоизвестный истории американской цивилизации. Каждая эпоха, зарождавшаяся в итоге колоссальных усилий миллионов американцев, опиралась на смыслы «разумного эгоизма» и прагматизма. Философия этой страны, складывающаяся в начале XVIII века опиралась не столько на европейский опыт абстрактного гуманизма, сколько на практицизм и целесообразность в процессе освоения новых земель и территорий, осваемых поселенцами. Со временем, эта философия оправдывалась политиками. Она проникала в суть и смысл совместного сосуществования миллионов граждан государства, именуемого С.Ш.А. Закреплялась в обыденной жизни граждан. Формировала юриспруденцию, законодательство и право. Появление в Америке реальных инвалидов, как социального слоя, обретавшего свои интересы, специфическую практику, культуру выживания, организованную опеку, страховую медицину, защиту беспомощных и больных, благотворительность стала зарождаться в конце XIX и в начале XX веков. Так или иначе, но проблемы инвалидов постепенно приобретали развитой юридический инструментарий, квалифицированное правовое и финансовое обеспечение со стороны государства. В середине XX века начал складываться опыт выживания жертв эпидемий, в частности - полиомиелита. Мышечные структуры таких больных, атакованные вирусом, утрачивали функции в области спины, нижних и верхних конечностей, груди, парализуя дыхательные и двигательные акты, обрекая людей на неминуемую гибель. В этой среде, вопреки жестокому приговору неизлечимой болезни, возникли поразительные феномены! Жизнь Пола Ричарда Александра стала примером физического и духовного выживания в условиях... абсолютно исключающих нормальную жизнедеятельность! Тем не менее, Пол получил высшее юридическое образование, став доктором юриспруденции. Это позволило ему активно защищать

интересы инвалидов, путём разработки правовых актов или усовершенствования уже существовавших законов, резко расширив рамки их применения в процессе его адвокатской практики, невероятной в его положении.

Вместе с тем, рассказывая о Поле Александре, я получил возможность, на фоне его жизненного примера, рассказать об опыте точно такого же больного, моего друга Михаила Чернышёва. Живя в СССР, затем в РФ, он окончил домашнюю школу, поступил в Саратовский университет и получил высшее образование. Затем Миша поступил в аспирантуру, защитил диссертацию, став кандидатом наук, обогатив русскую филологическую науку новыми открытиями. М. Чернышёв написал две научные монографии, три поэтических сборника. Некоторые из его стихов стали замечательными лирическими песнями, звучавшими по всей России. Он прожил крайне сложную жизнь, как и американец Пол Р. Александр. Оба страдали от полиомиелита и оба показали пример уникальной жизнедеятельности, в которой их победа над недугом – свидетельство, воплощения силы духа инвалида, приговоренного к гибели.

И последнее. Всё о чём я рассказываю в этой книге прошло через мою собственную жизнь. Каждая из судеб, рассказанных мной, была реальностью Америки, СССР и Российской Федерации. Но вот что интересно! Всё, описанное мной в документальном романе-размышлении было, либо стало частью моего духовного бытия, моей жизненной реальностью, сопровождавшей меня до того момента, когда я, наконец, решился рассказать о ней.

В книге о феноменальных американцах я часто использую родной язык моих героев. Делаю это с уважением к каждому из них, к их биографиям, к излагаемым ими фактам, суждениям и оценкам, которые они адресуют конкретным личностям или описывают важнейшие события в их жизни. Над книгой я работал, живя в США, она адресована широкому кругу читателей, среди которых, как мои нынешние соотечественники, так и бывшие сограждане в Российской Федерации. Перевод всей книги на английский язык – дело будущего, сейчас я адресую её российскому читателю, делясь с ним реальностью слияния цивилизаций, исторических эпох, схожести судеб людей, разбросанных по просторам Земли, но не затерявшихся в лабиринтах духовных и идеологических противоречий. Тексты познавательных иллюстраций я размещаю на родном языке американцев, судьба

которых стала явлением в истории современной цивилизации. Таким образом, я даю читателю возможность убедиться в моем уважении к феноменальным личностям, в том числе и к тем, кто давал прижизненные оценки своим поступкам. Возможно, в процессе перевода на русский язык и произойдет незначительная потеря смысла, но вдумчивый читатель сможет постичь суть, прочитав текст высказываний героев книги на их родном языке.

И ещё... Время написания книг диктует свои стандарты и правила, в которых царит культура доступности каждого приводимого факта или иллюстрации. Сегодня, в эпоху Интернета и Искусственного интеллекта, доступность источников, привлекаемых автором для подтверждения своих идей, суждений и мнений – абсолютна! Теперь написание иностранных фамилий, цитируемых источников, иностранных текстов и всего прочего, которые автор привлекает для подтверждения собственных смыслов, не застанет читателя врасплох. Достаточно обратиться к Искусственному интеллекту, написать в поисковой строке Яндекса, Гугла и существующей в них Википедии свой вопрос, о привлекаемых в текст иллюстрациях, как названные мной «соратники» творческого процесса мгновенно извлекут из своих источников все подробности. Таковы новые условия чтения книги, написанной в двадцатых годах XXI века...

Preface

This book is a story about the life of Americans who left a mark on the history of their country, becoming known to the whole world. At the same time, their trace, unexpectedly for me, turned out to be noticeable in my fate. How could it happen? It is not easy to answer this question. Though... Take Mark Twain, for example. It was an American with that name on the cover of the book that appeared before my eyes when I was ten or twelve. At school, I didn't learn anything new about Mark Twain. My teacher of Russian literature said that he was an «American humanist writer.» However, this man was primarily Samuel Langhorn Clemens, that he was born on November 30, 1835, in Florida, Missouri, USA, and I learned about this when I entered Saratov University and received a higher philological education. In the USSR, I read his books and grew up reading the works of other American authors of the 19th and 20th centuries. The books fit neatly in my memory, along with the classics of European literature. Again and again, I returned to Mark Twain, until I left for the United States in the very beginning of the nineties. Why? Because films based on his main books began to appear. «The Prince and the Pauper» aroused keen interest among filmmakers and they made a film based on this book. A little earlier, a film about Tom Sawyer was released. I was already a young man, but I watched this movie with enthusiasm. More to come! I'm done. I was 21 years old and I saw in bookstores another book by the same Mark Twain, which was called «A Yankee in King Arthur's Court.» Oddly enough, neither I nor my kids were impressed by the film. The kids have not yet grown up to understand, and I, who read a book with the same name ten years ago, did not take out of their memory.

You can continue your journey through the years of my life. There is not enough space to cover all the phenomena of cultural existence that are imprinted in my memory. In the USSR, I was connected with American phenomena by the threads of history, culture and, to some extent, science. The books I read were guides to the whole world and especially to the twentieth century, filled with years of my life. I remember how in the library of Saratov University, I read a report at an elective course on the history of foreign literature. There were twenty students in the hall who listened to my impressions of Mark Twain's book dedicated to the heroic life and tragic death of Joan of Arc, covering the events of distant centuries. The seminar was dedicated to the anniversary of the death of Zoya Kosmodemyanskaya, the comparison of whose fate with the life and death of Joan of Arc was obvious to all of us, in the mid-sixties.

In 1992, after moving to the United States from the collapsed USSR, I began working for the Russian-language newspaper «Cascade» in Baltimore. On November 30, 1995, five years before the end of the twentieth century, it happened... event: 160th anniversary of the birth of Mark Twain. When I happened to look into a bookstore on Reisterstown Street, I saw a small handwritten poster: «Let's wish Mark Twain a happy birthday!» I went to the bookshelves. There were his books and I took one of them. It was a classic! «The Adventures of Tom Sawyer». A simple edition for road trips, to read and, if you forget on the bench, then you don't regret it... At the same time, I decided to write an article about the writer in my newspaper, which I called: «About my Mark Twain». I wrote about an American about whom I already knew nothing. Yes, I already knew that he grew up on the banks of the Mississippi and on this large River became a pilot, using the professional term of his colleagues: «Mark twain», shouting out the permissible size of the water column in the fairway of the Mississippi River, along which the steamer was moving, pilot Sam Clemens, without the risk of running aground. «Mark Twain!» (mark two) – sounded on the river rift in the voice of the lot sailor, who has made sure that the depth of the water reaches two sea fathoms (about four meters) and the steamer could safely follow with its own course. This pseudonym became known all over the world. «Mine» he became because in 1994, when I was writing my article, I it was already the fifty-second year and I had «known» Mark Twain since 1949!

One way or another, but it was in my imagination that he had been living for several decades! I do not presume to judge how he lived in my imagination, but the article then, in 1995, came out as evidence of the presence in my memory of a wonderful American writer. I had already read some of the Wikipedia, using what I had read to refine my own memories, in the form of which was my article.

I began to reread Mark Twain when I arrived in the United States. It took five or seven years. In America, I became a writer and, having completed eight of my books, I approached the phenomenon of his name. The massive digitalization of archives and libraries began, soon Artificial Intelligence appeared and I was able to call on my computer American archives and many books in different languages. It has now become much easier to write about phenomena that I have voluntarily or unwittingly «met» during my life. Among them was Samuel Langhorne Clemens, that is, the writer Mark Twain. Then I was horrified by the abundance of everything that he wrote and left after his departure! For two years, I studied his legacy, sitting in front of a computer. Then, for about a year, I wrote the chapter that became the first in my book «The Magic of the Phenomenon». This is how a documentary novel-reflection began to be born, dedicated to the fate of several more phenomenal Americans, among whom I included a friend of my youth - the Russian poet and scientist M. Chernyshev, a man with a phenomenal fate.

At the same time, I asked myself: «Which of the Americans has trodden the path to your memory?» I had it when I had already arrived in the United States. However, I worked, earned a living, raised children... At such moments, you don't think about yourself. Life itself makes me think about it, and when I started working in the newspaper, this idea came to me "without knocking". And then strange things began to happen to my memory. What seemed to have drowned in it fifty, sixty years ago, became gradually... emerge. I was a psychologist in one of my professions. The «reincarnation» of childhood and adolescence, as I call my ability to reproduce the layers of memory of the distant past, took place either in dreams or in random visions, the appearance of which is not regulated by consciousness in any way.

So I remembered a tiny episode that happened to me when I was old twenty-five years old. I had a quarrel with my wife. To calm down a little, I went outside, to breathe fresh air, after a pouring rain. Our apartment was not far from the Volga, in the city of Saratov, where I worked and lived

at that time. Walking along the street, I went into a small square on the embankment and sat down on a bench, which had already dried under the rays of the hot sun, which had freed itself from the captivity of the scattered clouds. Looking at the huge bridge built over the Volga River a year or two ago, I leaned on a bench to sit more comfortably and came across something damp with my fingers. It was a soaked magazine. The cover was torn out, on the second page, after it, it was printed in large letters: «Science and Life». Wiping my hands with a handkerchief, my eyes came across the page and saw lines of text printed in small print. That was the table of contents. Mechanically I read: «Sleeping Healer...». So for the first time I read about the American Edgar Cayce, about whose phenomenon a popular Junal from my past briefly wrote in 1968.

The phrase «sleeping healer» intrigued me. That's for sure I thought I might stumble upon something extremely unusual. I couldn't resist. Shaking the damp magazine to shake off the traces of rain from the pages, which had not had time to swell with water, I began to look for the article. However, it was a note, an ironic message like «Around the World» or «Sundries», which we stumble upon at the behest of publishers who are ready to surprise us with something unusual or funny. Of course, I did not remember the name of this person, especially how it is written in English. In addition, there were no photos there. The name of an American who fell into hypnosis and, while listening to the patient, offered effective treatment, was reported. The presentation was indeed ironic. However, having sunk into my memory, Edgar Cayce, and it was him, unexpectedly "surfaced" when, by the will of fate, I found myself in his homeland - in America. I didn't know exactly how to spell his name or how to search the Internet for details of his fate. My son, who studied at an American school, helped me and together we figured it out completely. In my joy, I decided to write an article about Edgar Cayce in my newspaper, where I had been working for eleven years. Thus, the details of the life of this unique person became available to many hundreds of our readers. Edgar now lived in my memory, forcing me to turn to the Internet again and again, getting more and more details of his life. The moment had come when I had finished the chapter on Mark Twain, and I had no doubt that the story of the next American phenomenon would be the fate of Edgar Cayce, which I had already studied well.

I came to America as an atheist. As soon as I began to get closer to Cayce's biography, I was struck by his religious ideas about the world and

life. Gradually penetrating into the depths of his worldview, I felt the need to comprehend the roots of his ethics, which was the basis of his worldview. When I saw the reality of his phenomenon, I had to turn to his biography, which he wrote with his own hand.

It is impossible to understand an American without knowing his spiritual prehistory. The religiosity of Edgar's parents was the basis of their worldview. At the same time, their lives were deeply saturated with daily cares and needs, which gave rise to the most dramatic events, the origins of which were hidden in their spiritual experiences, closely intertwined with religious ideas. The personality of their son, whether eaten from infancy, was full of mysterious phenomena that forced relatives to peer into Edgar's actions. From the early years of his existence, Edgar did not break away from the religious sources of morality for a minute, although the ordinary, natural sinfulness of a teenager, a young man, was inherent in him, with inevitable and even desperate repentance before the Lord. It was very difficult for me to understand this, comprehending the uniqueness of the phenomenon inherent in Cayce. Working on this image, I gradually returned myself... to God, remembering the sacrament of his baptism, and later hearing the desire of his youngest son to be baptized, turning to Orthodoxy. Having come close to the Bible, comprehending theology, I began to understand Edgar Cayce better.Especially the essence of his confession: «I am a man of God.» This happened to me when, getting acquainted with his biography, I became convinced of the meanings of his judgments. Edgar evaluated his phenomenon, which amazed both his entourage and himself, as God's favor to him personally. Encounters with temptations, which life provided him in abundance, were perceived by Edgar Cayce as a test of the Lord's moral, or rather spiritual, stability. At the same time, my long-standing interests in psychology and extrasensory perception surfaced, capturing the depths of my curiosity about these sciences and, dealing with the origins of its phenomenon, I attracted Raymond Moody, Robert Monroe, Elizabeth Kobler-Ross, Natalia Bekhtereva, with their genuine interest in the most mysterious phenomena that had to be kept silent in the USSR, to the chapter on Edward Casey. It was not customary to talk about «this» in a society whose materialistic ideology rejected religion and even persecuted its ministers and believers themselves for decades.

Human life is sometimes subject to paradoxical influences. The paradox in this case is indeed: Ancient Greek. παράδοξος – «unexpected; strange». That is, the Greek παρα – «against, in spite of». Moreover, and the Ancient

Greek. δόξα – «an opinion that differs from the generally accepted and seems illogical or contrary to common sense.» Well, how can one explain the fact that the world-famous prophetess Jean Dixon, whose authority was referred to by dozens of world stars and government officials, who predicted the death of world authorities from violence, was unknown in the country, the final tragedy of which she herself predicted, long before the completion of this drama? by the way, as well as Edgar Cayce himself! I realized the scale of Jean Dixon's natural talent only when I came to the United States. While working in the newspaper «Kaskad», I came across a fragment of an article in the newspaper «New Russian Word», published in New York, about the death of the «Great Prophetess of the World»... The article turned out to be an obituary of her death in 1997, at the age of ninety-three. The journalist's instinct prompted me to the importance of this person and I told my readers about her life and prophecies in the newspaper where I continued to work at that time.

And again, about the paradox. When in 1960 I lived in Krasnodar after the end of difficult treatment in the hospital, which ended hopelessly as a result, in the same year, Jean Dixon was preoccupied with the approaching tragedy in his own country. Over the head of its President, they began to gather the menacing clouds of the fatal finale of his life. Later, as I was learning to walk and exercising my sick legs all day, I overheard about the death of President Kennedy and soon after his brother, Robert Kennedy. The information services of the USSR did not report on the details that all the newspapers of the world were full of. In particular, that they were set out exactly on the eve of this villainous event by the soothsayer Jean Dixon! Only when I came to America, I got the opportunity to reproduce in my memory and feelings all the details of the phenomenon of Jean Dixon, At the same time, comprehending her life path and the labyrinths of her worldview, which was nourished... Theology. The phenomenon appears in life reality in order to surprise. And not only! It becomes the subject of attention of millions of admirers and hundreds of researchers who help to understand its origins. It is pointless to hide the phenomenon, because its concealment impoverishes the life world of contemporaries. Yes, often, swindlers appear next to them, feeding on the naivety of their fellow citizens, robbing them, often driving them to mortal despair. But this is due to the lack of readiness to accept and understand all the advantages and paradoxes of modern civilization. Yes, its details are sometimes hidden in a mysterious haze of thoughtlessness, subjecting the person to the hypnosis

of self-deception, poisoning his mind. Only the one who wants «everything at once and now» is happy to be «deceived». However, this has to be paid for (alas!) ...I also learned about Dale Carnegie by accident. After receiving a university education, I became interested in psychology, sociology, worked in the defense industries of Soviet industry, then began research practice at the largest enterprises in Russia and Belarus. Later he began to work at the Academy of Sciences of this republic, which was part of the USSR. I knew nothing about a man who devoted his whole life to resolving contradictions in the field of «human relations». I did not know his biography.

The Institute of Philosophy and Law of the Academy of Sciences of Belarus, where I worked, was a rather mediocre research institution in the early seventies, and, nevertheless, sociology, the problems of social development of labor collectives had already begun to seep through the boring formalism of research conducted in this scientific institution. But soon social problems began to break through there from the factory workshops of industrial enterprises. They were not provided for by the ideology of the Communist Party. Yes, the focus of the CPSU policy was on labor collectives. They were the owners of the means of production and all products produced by factories and factories. It was believed that the policy of the ruling party builds its relations in production, reflecting in advance and unconditionally in party documents all the conditions for the humane development of human relations in production. At that time, the dogma that in the activities of the CPSU and in labor collectives, justice, moral culture, equality, freedom of opinion, and scientific organization of labor were absolute. In the mid-sixties, a course for the construction of a communist society was announced. In the Code of the Builder of Communism, all the above-mentioned conditions for the humane development of human relations were declared. The moral essence of relations between citizens building communism was expressed to the smallest detail in documents, laws, business instructions, which guided both the communists themselves and all non-party citizens – without exception! Experience has shown that all this was... Mythology. Working at the Institute of Philosophy and Law of the Academy of Sciences of Belarus, I was convinced that this contradiction would have to be vigorously fought and wrote my first book «Look at another person as in a mirror», dedicated to the problems of business communications in production. How it was received by both the authorities and ordinary readers is the story below, but life went on as usual.

And suddenly... in 1970, the magazine «Eco» began to be published in

Novosibirsk. Its founders are the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Economics and Industrial Engineering (IEEP) of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. I was surprised to look at the new magazine, the materials of which simply puzzled me. The article on «human relations» told about the American businessman Dale Carnegie, the founder of the theory and practice... human relations in production and in economic management. Later, for my colleagues and for me, these articles from his books, fragments of which were published in the magazine «Eco», became a revelation! I will not go into details, because in the chapter «Dale Carnegie and the Practice of Human Relations» my "relationship" with him is described in detail...

For a long time, the problems of people with disabilities in society were the subject of concern not so much of the state, but of the church, volunteer organizations, charitable communities that collect money «from the world by a thread» to cover the costs of their maintenance. Wars and epidemics, which almost every state of the Earth went through, led not only to a decrease in population, but also to the appearance of a mass of people who lost their health, helpless, unhappy, in need of care and guardianship. America is a country with a special history, the population of which was formed by immigrants from countless parts of our planet. Those who were obsessed with the ideas of adventurism and luck arrived in this country. No one imagined that crossing the World Ocean and reaching the promised land, they would receive all the benefits of civilization here. They had to be created with their own hands, in a desperate struggle for existence and even at the cost of their own lives, which could end at any moment. A disabled person is a phenomenon little known to the history of American civilization. Each era, born as a result of the colossal efforts of millions of Americans, was based on the meanings of «rational egoism» and pragmatism. The philosophy of this country, which took shape at the beginning of the 18th century, was based not so much on the European experience of abstract humanism as on practicality and expediency in the process of developing new lands and territories developed by settlers. Over time, this philosophy was justified by politicians. It penetrated into the essence and meaning of the coexistence of millions of citizens of the state called the U.S.A. She formed jurisprudence, legislation and law. The emergence of real disabled people in America as a social stratum that acquired its own interests, specific practices, culture of survival, organized guardianship, insurance medicine, protection of the helpless and sick, charity began to emerge in

the late 19th and early 20th centuries. One way or another, the problems of the disabled gradually acquired a developed legal instrument, qualified legal and financial support from the state. In the middle of the twentieth century, the experience of survival of victims of epidemics, in particular polio, began to take shape. The muscle structures of such patients, attacked by the virus, lost their functions in the back, lower and upper extremities, chest, paralyzing respiratory and motor acts, dooming people to imminent death. In this environment, in spite of the cruel sentence of an incurable disease, amazing phenomena have arisen! Paul Richard Alexander's life has become an example of physical and spiritual survival in the conditions of... absolutely excluding normal life! However, Paul received a law degree, becoming a Doctor of Jurisprudence. This allowed him to actively protect the interests of people with disabilities, by developing legal acts or improving existing laws, dramatically expanding the scope of their application in the process of his legal practice, which is incredible in his position.

At the same time, talking about Paul Alexander, I got the opportunity, against the background of his life example, to tell about the experience of exactly the same patient, my friend Mikhail Chernyshev. Living in the USSR, then in the Russian Federation, he graduated from home school, entered Saratov University and received higher education. Then Misha entered graduate school, defended his dissertation, became a candidate of sciences, enriching Russian philological science with new discoveries. M. Chernyshev wrote two scientific monographs, three poetry collections. Some of his poems became wonderful lyrical songs that sounded throughout Russia. He lived an extremely difficult life, as did the American Paul R. Alexander. Both suffered from poliomyelitis and both showed an example of a unique life activity, in which their victory over the disease is evidence of the embodiment of the strength of spirit of a disabled person sentenced to death.

And the last thing. Everything I talk about in this book has gone through my own life. Each of the fates I told was the reality of America, the USSR and the Russian Federation. But here's what's interesting! Everything that I described in the documentary novel-reflection was, or became, part of my spiritual being, my life reality, which accompanied me until the moment when I finally decided to talk about it.

In a book about phenomenal Americans, I often use the native language of my characters. I do this with respect for each of them, for their biographies, for the facts they present, the judgments and assessments that they address

to specific personalities or describe the most important events in their lives. I worked on the book while living in the United States, it is addressed to a wide range of readers, including both my current compatriots and former fellow citizens in the Russian Federation. The translation of the entire book into English is a matter for the future, now I am addressing it to the Russian reader, sharing with him the reality of the merging of civilizations, historical eras, the similarity of the fates of people scattered across the expanses of the Earth, but not lost in the labyrinths of spiritual and ideological contradictions. Thus, I give the reader the opportunity to make sure of my respect for phenomenal personalities, including those who gave lifetime assessments of their actions. Perhaps in the process of translation into Russian, there will be a slight loss of meaning, but a thoughtful reader will be able to comprehend the essence by reading the text of the statements of the characters of the book in their native language.

One more thing... The time of writing books dictates its own standards and rules, in which a culture of accessibility of each cited fact or illustration reigns. Today, in the era of the Internet and Artificial Intelligence, the availability of sources used by the author to confirm his ideas, judgments and opinions is absolute! Now the writing of foreign names, cited sources, foreign texts and everything else that the author uses to confirm his own meanings will not take the reader by surprise. It is enough to turn to Artificial Intelligence, write your question in the search bar of Yandex, Google and the existing Wikipedia, about the illustrations used in the text, as the "associates" of the creative process I have named will instantly extract all the details from their sources. These are the new conditions for reading a book written in the twenties of the twenty-first century...

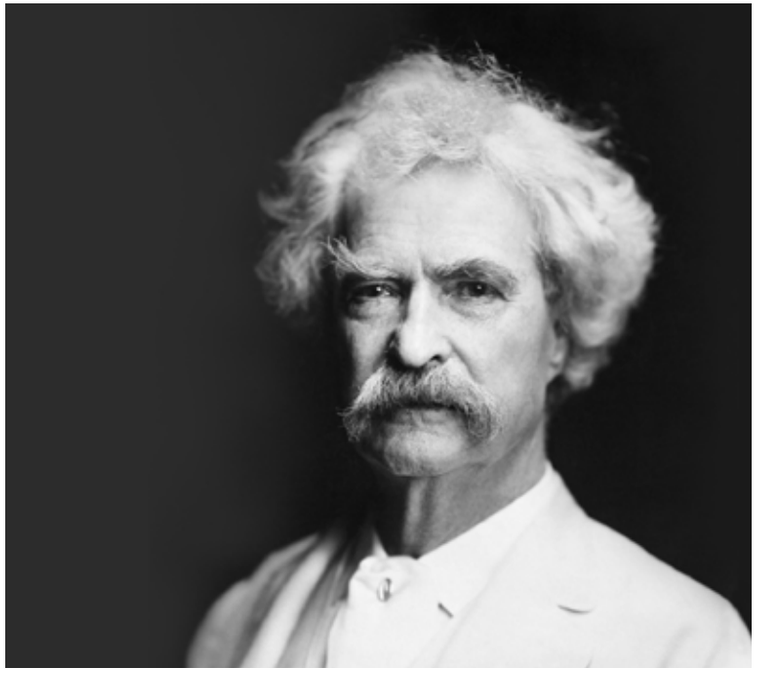
«Так неприятно читать благородный отрывок
и не иметь рядом никого, кого ты любишь, чтобы
разделить с тобой это счастье».

«Если бы каждый был доволен собой,
не было бы героев».

«Давайте постараемся жить так, чтобы, когда мы умрём,
даже гробовщик пожалел».

Американец, Сэмюэл Ленгхорн Клеменс, ставший... писателем Марком Твеном!

Явление – Бытие – Творчество – Бессмертие



I.

...Мне было лет двенадцать, когда я впервые прочитал книгу, название которой привлекло меня обещанием рассказать о *приключениях* Тома Сойера и Гекельберри Финна. О каких приключениях этих мальчишек мне расскажет автор книги Марк Твен? Никого из них я не знал. Из краткого предисловия мне сообщили, что автор книги – американец. Том Сойер – тоже американец. Они оба – автор и его герой – прошли нелегкое детство. Перелистываю книгу, смотрю на картинки. Об Америке я знал со слов отца. На дворе стоял 1950 год. Мы жили в Краснодаре. Есть такой город на берегу Кубани. Пять лет назад закончилась страшная война, и отец на мой вопрос «Где Америка?» ответил неопределенно:

– Далеко... – помолчав, добавил. – Они молодцы... Помогали нам воевать с Гитлером.

– Она большая? – не унимался я.

Он усмехнулся, раскинув руки по разные стороны, сказал:

– Во-о-от такая! Спи давай.

И ушел из комнаты...

В одиннадцать лет книжки читаешь не очень вдумчиво. Об авторе и вовсе не задумываешься. Правда, со временем, когда повзрослеешь, к уже прочитанным в детстве книгам иногда возвращаешься. Конечно, не ко всем! А уж если к их авторам испытываешь даже некое почтение, значит, они в твоей душе что-то оставили. Том Сойер и Гекельберри Финн стали моими... Ну не знаю... Вроде как друзьями. То, что с ними происходило в книжном повествовании, меня очень занимало. Иной раз, очень хотелось им как-то подражать. Уж больно забавными были их проделки. Но, увы, делать это я не мог. У меня были больны ноги. Я чаще лежал в кровати. Чтобы как-то отвлечься от боли в разрушенных болезнью бедрах, я подолгу размышлял. Врачи уже двенадцатый год пытались мне помочь, но пока безрезультатно. Мои бедренные суставы потихоньку гнили от туберкулеза в глубинах ягодиц.

...Вернувшись из больницы, летом, я увидел, что мой отец что-то делает на берегу Кубани. Он тогда был в отпуске и что-то там у воды мастерил. Подойти к нему я не мог. Я едва ходил на костылях, а к берегу надо было добираться, преодолевая пригорок, который был мне тогда недоступен. Постояв, зависнув на костылях пару-тройку минут на пороге дома и убедившись в собственной беспомощности, я отправился в кровать, чтобы продолжать читать книгу Марка Твена «*Приключения Тома Сойера и Гекельберри Финна*». Мой отец целыми днями пропадал на берегу реки, но рассказывать, как там у него идут дела, не спешил. Однажды он, вернувшись с берега реки, спросил меня:

– А что ты читаешь?

Я показал ему книгу и сказал:

– Мне мама принесла из библиотеки.

Отец прочитал название на обложке, беззвучно шевеля губами: «Марк Твен... Приключения...»

...Много позже я узнал, что впервые имя «Марк Твен» стало известно

в России в конце XIX века. В журнале «*Отечественные записки*» некий критик или литературовед опубликовал отрывки из его романа «*Позолоченный век...*», в котором автор весьма иронично оценивал ту коррупционную реальность, которая существовала, при его жизни в Америке. К этой книге я еще вернусь позднее, но реакция моего отца на книгу, которую я тогда, в свои одиннадцать лет, читал, меня удивила.

– А я эту книгу не читал. А про что она? – спросил папа, вертя книгу в руках.

Я тогда толком еще не узнал все подробности приключений двух мальчишек и пробормотал:

– Да вот... Мальчики в Америке забавлялись...

Отец вернул мне книгу и ушел на берег реки продолжать прерванную на обеденное время работу. Я продолжил читать свою книгу. Однако я никак не мог понять, почему мой отец не знает Марка Твена. Конечно, я мало что знал тогда и сам о писателе и его героях. Это теперь я могу понять, что отец не мог знать о Томе Сойере, Гекельберри Финне, да и Марке Твене тоже. Годы его детства и отрочества, даже ранней юности, пришлись на время Гражданской войны в России. Как мне, одиннадцать лет, ему исполнилось в 1926 году. В стране была разруха. Книжные издательства едва справлялись с выпуском учебников. Литература для юношества в 1930-1932 годах, когда моему отцу было двадцать, двадцать один год и он мог уже понять смыслы «*Позолоченного века...*» или «*Янки из Коннектикута при дворе короля Артура*», до советского читателя еще не дошла. Время поиска его профессионального самоопределения, во времена взросления, было насыщено мало кому понятной идеологией большевизма. Вся его жизнь была тесно связана с идеями грандиозных строек коммунизма! К тому же, его беспокойный характер выделывал такие «пируэты», что о нем самом можно было написать множество приключенческих книг...

Однако в России книги Марка Твена, в переводах с английского на русский, выходили еще до октябрьского переворота. Делалось это непрофессионально и даже неряшливо. Упоминавшийся мной «*Позолоченный век...*» после перевода М.К. Цебриковой, которая перевела название книги как «*Мишурный век*», имя Марка Твена начинает регулярно появляться на страницах «*Отечественных записок*». Было это еще до октября 1917 года, и журнал редактировался двумя русскими

писателями: Николаем Некрасовым и Александром Салтыковым-Щедриным. Читала его по большей части российская интеллигенция. Но этот журнал не был доступен моему деду и прадеду, крестьянам Юрьевым, которые относились к разряду эмигрантов, приехавших в Азербайджан в середине XIX века. Им обоим было явно не до американского писателя. Приближались грозные и смутные времена...

В пору обострявшихся в Европе социальных конфликтов ввоз в Россию литературы из заграницы был властями запрещен. Благодаря близкому знакомству с революционными деятелями Европы и русскими эмигрантами, М.К. Цебрикова – первый переводчик Марка Твена – была в курсе всего нового, что появляется за рубежом. Она – постоянный читатель европейских журналов «*Atheneum*», «*Fortnightly Review*», «*Cornhill Magazine*» и других. Отлично ориентируется в их направлениях. «...*Fortnightly Review,* – пишет она, – *радикальный журнал*». Для нее это было свидетельством того, что опубликованный там роман Марка Твена и его соавтора Чарльза Дэдлея Уорнера «*Позолоченный век...*» (The Gilded Age: A Tale of Today is a novel by Mark Twain and Charles Dudley Warner first published in 1873) заслуживает публикации в «*Отечественных записках*». Пока Цебрикова переводила на русский этот роман, ее коллеги трудились над переводом юмористических рассказов Марка Твена, которые появились на страницах «*Отечественных записок*» под рубрикой: «*Юморист-американец об Америке. Книга очерков Марка Твейна*».

Моему деду по отцу, Александру, тринадцать лет исполнилось в 1904 году. Самое время почитать о приключениях Тома Сойера, но... И для него книги Марка Твена оказались недоступными. Родился он в Пензенской губернии в 1891 году, отправился вместе со своим отцом и мачехой в Баку, где через год начались волнения. Кстати, о прадеде, его отце, я и не говорю. Он был грамотным, закончил церковно-приходскую школу, но эмиграция, жизненные проблемы... В Азербайджане, как и в России, расползалась смута. Потом наступил 1917 год – Февральская революция... Затем Октябрьский переворот. Одним словом, судьба моих «предков» прошла мимо замечательных книг американца Сэмюэла Клеменса, то есть Марка Твена!

М.К. Цебрикова с горечью отмечает в своем предисловии «От переводчицы» к роману «*Позолоченный век...*» продажность, пропитавшую Америку того времени, поклонение Золотому Тельцу, дух спекуляции в обычаях американцев. Она возмущена бесстыдством людей,

«*...торгующих общественной совестью, прикрываясь маской религиозности*», что очень искусно проделывал Дилуорти, один из персонажей «*Позолоченного века...*». В Америке роман Марка Твена произвел эффект разорвавшейся бомбы и... даже вызвал возмущение в широких слоях общества[1]. Однако я немного опередил события.

Марк Твен в России побывал. Даже встретился с Российским императором Александром, когда в 1868 году в качестве корреспондента газеты «*Альта Калифорния*» совершал свое первое путешествие по Европе и Ближнему Востоку на пароходе «*Квакер Сити*». Свои впечатления он описывает в книге «*Простаки за границей, или Путь новых паломников*». Это была командировка редакции. Репортажи, которые он посылал в газету «*Альта Калифорния*», мгновенно становились национальным бестселлером. А как случилась встреча с русским царем?

Пароход пристал к пристани Ялты. Решено было высадиться, и, узнав, что в это же время здесь отдыхает император России, Марку Твену пришла в голову мысль встретиться с ним и «...поболтать...» Пассажиры поручили именно ему (кому ж еще?) написать царю «Адрес» (торжественную речь, которую кто-то из гостей должен был прочитать императору в знак благодарности за оказанный прием). «Адрес» начинался так: «*Мы – горсточка частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия, скромно, как и приличествует людям, не занимающим никакого официального положения, и потому ничто не оправдывает нашего появления перед лицом вашего величества, кроме желания лично выразить признательность властителю государства, которое, по свидетельству доброжелателей и недругов, всегда было верным другом нашего любимого отечества*». Матросы «Квакер-Сити» от души веселились, разыгрывая в лицах визит пассажиров парохода к императору. Третий помощник кока нарядился в скатерть-мантию, вместо скипетра взял скалку и взгромоздился на якорную лебедку, а остальные члены экипажа, изображая гостей, стали расплываться в таких замысловатых улыбках, которые свели бы в гроб любого монарха. Шутовской «прием у императора», разыгранный матросами «Квакер-Сити», всех изрядно развеселил. «*С утра до ночи,* – пишет Марк Твен в своих

[1] «Позолоченный век» роман Марка Твена и Чарльза Дэдлей Уорнера: в 3-х ч. / пер. М. Цебриковой. СПб.: Типография А. А. Краевского, 1874. 396 с. (Отечественные записки № 5-6, 7, 8, 9, 10).

записях о встрече с Российским императором, – *только и слышишь избранные места из всем надоевшего адреса. Обожженные солнцем матросы спускаются с верхней площадки фок-мачты и скромно рекомендуются «горсточкой частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия» и т. д., хлопочущие у топок в недрах корабля кочегары, словно извиняясь за свои черные лица и неказистую одежду, просят не забывать, что они горсточка частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия...»* Перед встречей с императором американцы запаниковали – куда девать руки? А ноги? Однако визит прошел на удивление непринужденно. Александр II был одет в простую фуражку и белый полотняный костюм, без орденов и регалий, и выглядел как самый обычный отпускник. Лицо у него было решительным, но добрым и отзывчивым. Император выслушал пресловутый Адрес, «*не поморщившись*», – как заметил автор «*Простаков за границей...*» – и передал одному из высших офицеров «*для отправки в архив, а может быть и в печку*». Царь говорил с гостями по-английски.

Марк Твен был в высшей степени гуманистом, либералом и демократом, потому общение с самодержцем оставило у него смешанные чувства, но скорее положительные, потому что американцы уважали Александра II как правителя, освободившего народ от крепостного права. И все же без фирменного сарказма не обошлось. «*...У меня даже было смутное желание получше разглядеть его руки, чтобы убедиться, что он, как все мы, из плоти и крови. Вот он передо мной – человек, который может творить такие чудеса, – и однако, если я захочу, я могу сбить его с ног. Дело простое, и все же явно ни с чем не сообразное, – все равно что опрокинуть гору или стереть с лица земли целый континент... Если бы я мог украсть его сюртук, я не колебался бы ни секунды. Когда я встречаю подобного человека, мне всегда хочется унести что-нибудь на память о нем*». Марку Твену удалось поболтать с дочкой государя императора – великой княжной Марией Александровной, которой на тот момент было четырнадцать лет. «*...Она просто девочка, я видел таких сотни, но никогда еще ни одна из них не вызывала во мне такого жадного интереса*», – признавался писатель. Великая княжна была одета в соломенную шляпу, летнее шелковое платье в голубую крапинку и туфли без каблуков. Барышня показалась американцу настоящей папиной дочкой. «*Всякий раз,*

когда их взгляды встречались, я все больше убеждался, что стоит ей, такой застенчивой и робкой, захотеть, и она может забрать над ним огромную власть. Сколько раз ей представляется случай управлять самодержцем всея Руси, каждое слово которого закон для семидесяти миллионов человек!» Через пару часов встреча благополучно завершилась, царская семья распрощалась с визитерами «*и отправилась считать серебряные ложки*», а американцев пригласили на продолжение банкета к великому князю Михаилу в соседний дворец. Там бил большой фонтан, который, «*может быть, разводит комаров, а пожалуй, что и нет*». Репортаж Марка Твена завершался следующим выводом: «*Я думал, что императоры люди страшные. Я думал, они только и делают, что восседают на тронах, увенчанные великолепными коронами… Однако оказалось, что они до удивления похожи на простых смертных. Дома они куда приятнее, чем во время пышных приемов. Одеваться и вести себя, как все, для них так же естественно, как для любого из нас положить себе в карман карандаш, который мы на минутку взяли у приятеля*». С годами взгляды Марка Твена на русскую монархию стали куда более радикальными. Он активно выступал против Николая II и даже симпатизировал Максиму Горькому, хотя с ним встретиться ему не удалось по вине последнего. Но это уже другая история. Кстати, а сколько лет было тогда Сэму Клемensу? Если встреча с императором случилась в 1868 году, а он родился в 1835... Да, ему было тридцать три года...

История Российской Империи неожиданно распахнула свои просторы, в которых Марк Твен увидел одного из представителей царствующего Дома Романовых. Впечатления остались, с блеском изложенные писателем, характер которого придал им привкус доброжелательно-ироничный, который так нравился американским читателям газеты «*Альта Калифорния*». Прежде всего их знакомил со своими путевыми заметками писатель Марк Твен.

Жизнь продолжалась, но все оставшиеся годы больше не дарили ему таких случайных встреч в заморских путешествиях. Вместе с тем след в России им был оставлен навсегда! В двух городах этой бесконечно просторной страны – Волгограде, а точнее в Дзержинском районе этого города на Волге, есть улица его имени, кстати, совсем рядом с двумя улицами, названными в честь замечательного музыканта Шуберта и не менее знаменитого, чем сам американский писатель – немецкого поэта Генриха Гейне. В Дагестане есть древний город

Дербент, где улица имени Марка Твена соседствует с двумя улицами: имени Рудаки и Омара Хайяма. Достойное соседство, неправда ли?

Однако вернусь к собственному детству. Я продолжал читать книгу Марка Твена «*Приключения Тома Сойера и Гекельберри Финна*». Все происходившее в повествовании занимало меня, оставляя в памяти след, а в эмоциях впечатления. И тут случилось невероятное. Мой отец, спустя два или три дня, предложил мне совершить с ним короткое путешествие. Моему удивлению не было предела. Куда? Да и как? Я едва мог ходить! Все разрешилось просто. Отец взял меня на руки и поднялся на пригорок, за бугром которого была река. К ее берегу, тесно примыкал... плот! Я только что закончил читать приключения Гекельберри Финна, где описывался почти такой же плот, на котором этот мальчишка и его напарник, чернокожий юноша-раб, собирались отплыть по водам широкой реки Миссисипи! Увидев плот, я едва не задохнулся от восхищения. Отец, держа меня на руках, осторожно ступил на плот и аккуратно усадил меня на большую накаченную автомобильную шину, лежавшую на плоту. Удобно устроившись, я разглядывал это сооружение, пытаясь сравнить его с тем, о котором писал Марк Твен.

Время, конечно, наложило свой отпечаток на нашу конструкцию плота. У Гекельберри Финна он был сделан из бревен. Наш плот оказался иным. На три плотно накачанные автомобильные шины, диаметром около восьмидесяти дюймов, мой отец наложил площадку, сколоченную из узких досок, между которыми свободно проходила моя рука. Шириной она была фута три или три с половиной. Поперечные доски прятались под водой и их было четыре. К ним веревками крепились резиновые шины. Сквозь щели была видна вода реки. Сами шины плотно примыкали друг к другу. Просматривая конструкцию плота, я вспомнил, что у Гекельберри Финна и его приятеля, беглого чернокожего раба Джима, на плоту была палатка, куда они прятали от дождя продукты питания и одежду. Задыхаясь от восторга, я спросил отца:

– А где же палатка? Если будет дождь, мы же с тобой промокнем!

Отец весело расхохотался и, справившись со смехом, сказал примирительно:

– Мы тут недалеко с тобой отплывем. Вон видишь остров?

Он показал рукой на полоску земли, заросшую высокой травой. О противоположном берегу Миссисипи писалось и в книге, которая

лежала на моей кровати, когда в комнату вошел отец, чтобы взять меня на руки и отнести на этот плот.

Конечно, короткое путешествие на плоту отца стало для меня радостным сюрпризом. Мы осторожно плыли по реке Кубань, и я не знал, что нас ждет на острове. Плот легко двигался по реке, подчиняясь воле отца, который, держа короткое весло, легко управлял движением плота по воде, приближаясь к острову. Кубань находилась по соседству с нашим домом. Ее ширина – примерно триста футов или даже больше. Мы медленно скользили по воде и, наконец, приблизились к острову, за которым ширина реки резко увеличивалась. Отец выскочил на берег и притянул к себе веревку, которая лежала у его ног, будучи привязанной к плоту. Легко притянув плот к широкой песчаной косе, он привязал веревку к торчавшему пню и перенес меня на руках, посадив на траву. Я смотрел на реку, видя изгиб воды, который касался края плота. Воздух был чист, летали птицы, отец сидел на траве и тоже смотрел на противоположный берег, где вдали стоял наш, недавно построенный дом. Было удивительно хорошо и спокойно. Вспомнив прерванное чтение приключений Гекельберри Финна и его темнокожего приятеля, я подумал: «Интересно, удастся ли Джиму избежать неприятностей?» Перебирая в памяти прочитанные страницы книги Марка Твена, я услышал голос отца.

– О чем ты думаешь?

Говорить не хотелось. Отец этой книги не читал. Сам я еще ее не закончил. Заныла нога, в том месте, где был плотно перевязан давний свищ. Он не давал мне покоя ни днем, ни ночью. Я неопределенно махнул рукой, тихо пробормотав:

– Да так... Хорошо здесь...

Этот эпизод из моей жизни произошел семьдесят два года назад. Когда я писал свою биографию в пяти томах, живя уже в США, я о нем даже не вспомнил. Только сейчас, признаваясь в своей любви к Сэмюэлу Ленгхорну Клеменсу, ставшему всемирно известным писателем Марком Твеном, взяв в руки его книгу о приключениях Гекельберри Финна, я, будто по волшебству, перенесся на семьдесят два года назад. Ощутил себя несчастным ребенком, пораженным тяжелой формой костного туберкулеза. Мальчишкой, утратившим подвижность и принесенным на руках отца на этот плот, приплывший к острову в летний день, богатый приключениями, который сделал меня неожиданно и запоминающе счастливым. Я ощутил свежесть летнего

дыхания дня. Почти слыша шелест воды. Увидел ловкий прыжок отца с плота на берег. Ощутил все те радости, которые, впрочем, назавтра закончились. Я уезжал в госпиталь. Предстояло лечить мои ноги. Точнее, тазобедренные суставы. Они были изуродованы тяжелым недугом. А в памяти остались мои радостные переживания завершающегося детства. Они, эти переживания, были неожиданно подарены сегодня моим отцом и теперь американцем – Марком Твеном...

...Кстати, впервые настоящий литературный перевод обеих книг о приключениях Тома Сойера и Гекельберри Финна был сделан в России Корнеем Чуковским. В 1951 году тираж книги был небольшим. Она была в детских библиотеках, но знали Тома Сойера и Гекельберри Финна не многие. После переводов Нины Дарузе тираж издания резко возрос, и герои Марка Твена стали крайне популярными у советской детворы. К этой категории принадлежал и я. Жаль, что мой отец не мог знать подробностей о приключениях Тома Сойера и Гекельберри Финна. Жаль, но это так. Спасибо ему за тот подарок в годы моего детства, который неожиданно был связан с приключениями Гекельберри Финна, рассказанными Марком Твеном.

Поскольку я начал свой рассказ с «Приключений Гекельберри Финна» Марка Твена, я невольно подтвердил слова Эрнста Хемингуэя о том, что американская литература началась именно с этой книги. Глупо возражать такой оценке, если учесть еще более комплиментарные слова Уильяма Фолкнера, который писал, что Марк Твен был «*...первым по-настоящему американским писателем, и все мы с тех пор – его наследники*».

II.

Сто восемьдесят пять лет со дня рождения Сэмюэла Ленгхорна Клеменса, ставшего позднее Марком Твеном, человечество отметило в 2020 году, поскольку родился он 30 ноября 1835 года. Его появление на свет произошло в крохотном поселении Флорида, штат Миссури, в семье Джона Маршалла Клеменса и Джейн Лэмптон Клеменс. Однако их сын Сэм Клеменс оставил несколько заметок о своей родословной, позволивших судить о наследственных корнях самого писателя Марка Твена. Он возводит начало того, что он именует «*...поворотным пунктом моей жизни*», ни больше ни меньше как к «райскими кущами». «*Именно там,* – пишет он, – *было выковано начальное звено той цепи, которая в конечном счете привела меня в ряды пишущей братии*». Достаточно познакомиться с ближайшими предками Сэмюэла Ленгхорна Клеменса, чтобы определить, какую роль в становлении его личности сыграли наследственные черты. Дух возмущения против деспотизма издавна укоренился в семействе Клеменсов. Таков предок писателя, Грегори Клеменс, английский судья, подписавший смертный приговор Карлу I и тем самым сделавший, к великому удовлетворению Твена, «*...все от него зависящее, чтобы укоротить списки коронованных мошенников своего времени...*» Таковы предки-квакеры, завещавшие писателю свою ненависть к войне и клерикализму и «*...сочувствие всем угнетенным, всем меньшинствам в их борьбе против жестокости и произвола в любой форме*» – замечал писатель. Один из его предков-квакеров в штате Виргиния отпустил на волю тридцать три своих раба, заявив, что, по его убеждению, «*...свобода – естественное право человека...*» Отец Марка Твена, Джон Маршалл Клеменс, родился 11 августа 1798 года в Кэмпбеллском графстве штата Виргиния. Семья поселилась в штате Кентукки и здесь Джон Клеменс изучал юриспруденцию и получил право на адвокатскую практику. Здесь же в 1823 году он женился на Джейн Лэмптон, славившейся в городе красотой и умом. Местные Лэмптоны притязали на родство со своими английскими однофамильцами, носившими титул графов Дюрхемов, и некоторые из них чуть ли не всю свою жизнь посвятили тому, чтобы доказать свои права на титул и привилегии предков. Об одном из них, Джеймсе Лэмптоне, Марк Твен, осознававший бессмысленность этих притязаний, писал: «*Так называемый «граф» был человек, не лишенный способностей, и мог бы кое-чего достигнуть в жизни, если бы на свою беду не происходил от знатных предков*». Уже год спустя после женитьбы Джон Клеменс снялся с места и переехал в другой город, положив этим начало бесчисленным переездам, которые в конце концов привели его и его разросшееся семейство в штат Миссури. Городок Джемстаун в штате Теннесси стал местом, где Клеменс завел адвокатскую практику, получил звание окружного мирового судьи. Позднее он был избран секретарем выездной сессии окружного суда и даже выполнял обязанности окружного прокурора. Он так уверовал в свою судьбу, что приобрел здесь тысячи акров земли! Джон Маршалл не сомневался, что закладывает будущее благосостояние Клеменсов.

Однако земля, купленная за бесценок, оказалась бесплодной.

На ней родился только картофель да сорняки. «*Эта земля... определила жизнь нашей семьи... более чем на одно поколение... Сорок лет она поддерживала в нас несбыточные надежды. Она усыпляла нашу энергию, превращала нас в фантазеров, бездельников и мечтателей. Мы постоянно надеялись разбогатеть – и не далее как в будущем году. Вступить в жизнь бедняком, мня себя миллионером, – человек, не испытавший этого, представления не имеет, какое это проклятие!*» – писал Марк Твен. Джон Клеменс постепенно докатился до зависимого существования деревенского лавочника в Джемстауне и почтмейстера крошечного поселка в девяти милях севернее этого города. Весной 1835 года Джон Клеменс распродал все и отправился на Запад. На сей раз его влекло к себе местечко Флорида в штате Миссури, куда его вместе с семьей давно приглашал шурин Кворлз. Позднее Твен писал: «*...состояние отца погибло... в великом финансовом крахе 1834-го года... Это был гордый человек, замкнутый и суровый; с таким характером трудно было оставаться в местах, видевших его былое величие, и чувствовать себя предметом общего соболезнования*». Да, Джон Маршалл не терял надежды. Возможность начать все сначала манила его. После изнурительного путешествия на лошадях и на пароходе семейство Клеменсов, состоявшее уже из семи человек (включая Дженни, молоденькую негритянку, последнюю из трех невольников, доставшихся на долю Джона Клеменса после раздела отцовского имения), достигло местечка Флориды в штате Миссури. Здесь-то 30 ноября 1835 года в двухкомнатном деревянном домишке на Саут-Милл-стрит и родился Марк Твен. Во Флориде Джон Клеменс занимался адвокатурой, служил судьей в суде графства Монро и держал лавку сначала вместе с Кворлзом, а потом и самостоятельно. Вскоре дела его настолько поправились, что он построил себе дом получше и приобрел землю в графстве Монро. Однако его надежды на обеспеченную жизнь во Флориде потерпели фиаско после провала в конгрессе проекта по установлению судоходства на реке Соленой, по которому Флорида должна была стать пристанью, доступной для речных судов. В ноябре 1839 года он переезжает с семьей за тридцать миль от Флориды в Ганнибал, «*...политический и общественный центр северо-восточной части штата Миссури в 30-е годы*». Здесь он открыл мелочную лавку, остальные сбережения вложил в недвижимость, а несколько тысяч долларов дал взаймы земельному спекулянту Айре Стауту, в свое время перекупившему у него наиболее

ценные участки в графстве Монро. Неумелый бизнес, да к тому же крах на биржах 1837 года, привели Джона Клеменса на грань банкротства. К тому же коммерсант, которому Джон Маршалл одолжил деньги, долг не вернул. «Это был последний удар, – вспоминал Марк Твен, – приведший отца к нищенскому существованию до самой смерти». Джон Маршалл Клеменс скончался в 1847 году.

Эти тягостные воспоминания остались в памяти и чувствах Марка Твена, но свое собственное рождение он тем не менее осмысливал философски. Вот что он пишет об этом. «*В деревушке было сто человек, и я увеличил население ровно на один процент. Не многие известные всему миру личности могут похвастать этим. Даже Шекспир не может! То, что я сделал для Флориды я мог бы сделать для другого места, даже предполагаю, для Лондона*». Метафизический акцент придал его рассуждениям совершенно неожиданный акт, случившийся в астрономии. На тот момент мимо родных холмов прилетала комета Галлея. Позднее, узнав об этом, Марк Твен заметил знаменательность для себя этого явления в небесной механике, неожиданно спрогнозировав, что это небесное тело поселит его края и в день его кончины. Все так и случилось!

Дом, в котором родился Сэм, сохранился до наших дней. Он стоит на берегу озера, названного именем Марка Твена, и парка, носящего тоже имя писателя. Сэм был шестым ребенком в семье. Свое полное имя он узнал случайно, будучи школьником. Расшалившись на уроке, он услышал строгий голос учительницы: «*Сэмюэл Ленгхорн Клеменс, да успокойтесь же вы наконец!*» При воспитательной беседе с матерью, он узнал, что первое имя ему дали в честь деда, а имени «Ленгхорн» он удостоился в память о друге семьи его отца Джона Маршалла Клеменса. Кстати, родня, да и собственная семья, никогда не называли его Марком Твеном. Этот литературный псевдоним оставался привилегией только читателей его книг. Когда Сэму исполнилось четыре года, его семья переехала в городок Ганнибал, где был речной порт на реке Миссисипи. Кстати, городок Ганнибал и был городом Санкт-Петербургом, где происходили события, описанные Марком Твеном в его повести «*Приключения Тома Сойера и Гекельберри Финна*». Разумеется, и река Миссисипи стала тоже «персонажем» этих книг. Более того, именно она дала Сэму Клеменсу имя «Марк Твен». Но об этом чуть позже.

В 1840 году Сэм Клеменс отправляется в начальную школу. Это

типичное для его времени учебное заведение, в которой он осваивает начала грамотности. Детство и первые годы отрочества Сэм проводит на ферме у своего дяди Джона Коурлеа, поблизости от Флориды, в штате Миссури. Прошедшие пять или шесть лет его жизни Марк Твен всегда вспоминает с удовольствием и безмятежностью. Но жизнь очень скоро поворачивается к подростку Сэмюэлу Ленгхорну Клеменсу неприглядной стороной. В 1847 году от воспаления легких умирает его отец. Шестому сыну Сэму исполнилось, на момент этого драматического события, одиннадцать лет. Школу пришлось оставить ради копеечного заработка, которым предстояло хоть както поддерживать семью матери-вдовы Джейн Клеменс. Мальчишка нанимается на работу посыльным и одновременно становится учеником наборщика в «*Газете*», принадлежавшей Генри Ла Косситу. Она издавалась здесь же, в Ганнибале.

Осенью и зимой 1847 года Сэм еще посещал занятия в школе, потом заболел корью, а весной мать решила, что ему пора получить профессию и научиться самому зарабатывать. Сэма взяли учеником наборщика в газету «Ганнибал курьер», при этом денег ему не платили, зато кормили и предоставляли жилье. Со своими обязанностями Сэм справлялся блестяще. В 1849 году он бросил школу. Но, когда исчезло принуждение к учебе, появился интерес. Сэм стал брать уроки немецкого языка у местного сапожника, учил французский, читал Дефо, Сервантеса, Диккенса, увлекся средневековой историей и Жанной д'Арк. Вскоре Сэм начал выполнять обязанности корректора и даже помощника редактора. Но денег ему так и не платили. Летом 1850 года Орион, старший брат Сэма, продав часть теннессийской земли, доставшейся от отца, купил в Ганнибале еженедельник «Джорнэл» с типографией и основал газету «Ганнибал вестерн юнион». В сентябре он взял на работу Сэма. В газете печатали местные новости, анекдоты, отрывки из романов. Пятнадцатилетний Сэм легко справлялся со своей работой, но брат ничего ему не платил. «*Я был по отношению к Сэму тираническим и несправедливым,* – признавал впоследствии Орион. – *Он работал прекрасно. Быстро и аккуратно, как настоящий профессионал. Каким бы количеством работы я его ни нагружал, он справлялся с нею очень быстро, а я за это нагружал его еще больше*». Сэм так и не простил брату этой несправедливости.

В январе 1851 года газета «*Филадельфия пост*» напечатала первое произведение Сэма Клеменса. Это была небольшая юмореска

«*Храбрый пожарный*» про молодого человека, мечтавшего стать героем на пожаре, но в результате спасшего... только метлу и швабру. Правда, гонорара Сэм не получил. В то время в Ганнибале было слишком много газет, и дела у Ориона Клеменса шли плохо. Для экономии типографию перенесли в дом Клеменсов, но проблем это не решило. Орион решил продать еще часть земли в Теннесси, но для этого ему надо было уехать из Ганнибала. На время его отсутствия руководить газетой остался шестнадцатилетний Сэм Клеменс. Он воспользовался этим случаем и решил немного развлечься. Он написал несколько ядовитых юморесок, посвященных конкурирующим газетам. В одной из них он красочно описал попытку утопиться от несчастной любви редактора одной из издававшихся в Ганнибале газет. Разумеется, это была выдуманная им история. Газета Сэма шла нарасхват! Разгневанные конкуренты приходили разбираться. Увидев на месте главного редактора подростка, удалялись ни с чем. С того времени Сэм часто заменял брата во время его отлучек, а местные жители быстро привыкли к своеобразному стилю газеты. В своих заметках Сэм безудержно фантазировал, сообщая в заголовках об ужасных происшествиях («500 человек пропали без вести!»). Писал пародии на передовицы и советы домохозяйкам. 13 мая 1852 года опубликовал поэму в прозе «Рыжая» под псевдонимом «Сын Адама». Сэм Клеменс развлекался, пытаясь вытянуть умирающую газету «*Ганнибал вестерн юнион*». Однако, несмотря на все его усилия, газету пришлось продать. Орион Клеменс переехал в Маскетин, штат Айова, основал газету «*Маскетин джорнэл*». Сэм к тому времени уже уехал. Его отношения с братом испортились окончательно, и он, сказав матери, что едет в Сент-Луис к сестре Памеле, которая к тому времени уже была замужем, в июне отправился в дорогу. Через много лет в письме одному из друзей Марк Твен написал, каким он был в то время: «Неопытный дуралей, самовлюбленная задница, навозный жук в человеческом облике, надрывающийся над своим куском дерьма, воображающий, что способен изменить мир и сделать это единственно правильным образом», «*...Невежественность, нетерпимость, самодовольство, глупость, тупоголовость – и трогательное непонимание всего этого*». Два месяца Сэм Клеменс прожил у сестры в Сент-Луисе, работал наборщиком в газете «*Ивнинг ньюс*». В августе он уехал в Нью-Йорк с населением не менее пятисот тысяч человек. Сэм поселился в пансионе, довольно быстро нашел работу в типографии «*Грей энд Грин*», где стал зарабатывать

четыре доллара в неделю. В одном из писем матери он сообщил, что это его «*...первая настоящая работа и самая честная...*». Он ходил на Всемирную выставку, в театры на Бродвее, в библиотеку.

20 октября 1852 года Сэм уволился и переехал в Филадельфию, где поступил наборщиком в газету с амбициозным названием «Inquirer» («Исследователь»), работал по ночам и выходным. Платили хорошо, он присылал деньги матери, ходил по библиотекам и музеям. По просьбе Ориона Сэм изредка присылал небольшие статьи для его газеты «Musketean Journal» за подписью «W». Всего прислал восемь текстов с конца 1853 года по начало 1855 года. В январе 1854 года Сэм съездил на пару недель в Вашингтон, побывал в Капитолии, видел сенаторов, похожих, как он написал Ориону, «*...на стадо обезьян*». Вернувшись, работал наборщиком в газетах «*Ledger*» и «*North American*», в июне приехал к Ориону. Тот жил в Маскетине, но отказался от предложения брата работать в его газете. Сэм предпочел «Evening News», издававшийся в Сент-Луисе. В декабре 1854 года Орион женился на Мэри Элеонор Стотте из Кеокука (штат Айова), в июне 1855 года переехал к родственникам жены и в кредит приобрел типографию. В этот раз Сэм согласился на предложение старшего брата поработать у него на должности наборщика с окладом пять долларов в неделю. Но дела у того не заладились. Обещанных денег Орион Клеменс не платил, а вместо оплаты подарил брату половину пая. Однако этот пай ничего не стоил. В августе 1856 года Сэм решил отправиться в путешествие. Он хотел попасть в Бразилию, но что-то помешало этим планам. Уже в одиночку Сэм в сентябре поехал в Цинциннати, намереваясь скопить денег и в Новом Орлеане сесть на морской пароход. По пути навестил сестру Памелу. Здесь ему пришла хорошая идея – он вернулся в Кеокук и предложил редактору газет «*Saturday Post*» и «*Keokuk Daily Post*» Джорджу Ризу присылать для его изданий путевые заметки. Тот согласился и назначил хороший гонорар: пять долларов за очерк. Сэм добрался до Цинциннати, устроился на работу в типографию «Wrightson». Отправил Ризу три юморески под псевдонимом «*Томас Джефферсон Снодграсс*». В них рассказывалось о неотесанном провинциале, который, оказавшись в городе, то и дело влипает в дурацкие истории. За зиму 1857 года Сэм накопил достаточно денег для путешествия и 28 февраля отправился на пароходе «*Пол Джонс*» вниз по Миссисипи до Нового Орлеана. В дороге он познакомился с лоцманом Хорэсом Биксби и уговорил того взять себя «*щенком*»,

то есть учеником лоцмана. Он давно мечтал об этой профессии. Устав от беготни за заработком в газетах, Сэм, едва сдерживая эмоции радости, слушал первые слова инструкции своего наставника.

Спустя время, обретя навыки новой профессии, Сэм устраивается на пароход «*Пенсильвания*» помощником лоцмана. Казалось бы, все в его судьбе складывается просто великолепно! Профессия лоцмана на реке Миссисипи – что может быть лучше? Но... Гибель Генри Клеменса, младшего брата Сэма, отозвалась острой болью в сердцах большой семьи Клеменсов. В юности Генри помогал своему брату Ориону в редакции газеты в Ганнибале, где тот работал. Сэм, служащий на пароходе «*Пенсильвания*» помощником лоцмана, помогает младшему брату устроиться здесь же клерком. Вскоре, оставив пароход «*Пенсильвания*», сошел на берег в ожидании обещанной ему вакансии лоцмана.

13 июня этого года на этом пароходе произошел взрыв парового котла. Генри Клеменс получил много травм и ожогов. Вместе с другими пострадавшими он был доставлен в Мемфис, штат Теннесси.16 июня 1858 года газета «Memphis Eagle Enquirer» сообщила о прибытии Сэмюэла Клеменса, который, узнав о трагедии, поспешил в госпиталь к брату. «*Вчера*, – писала газета, – *мы стали свидетелями одной из самых волнующих сцен, которые когда-либо происходили. Сэмюэл Клеменс – брат Мистера Генри Клеменса, второго клерка «Пенсильвании», который сейчас находится в тяжелом состоянии из-за травм, полученных в результате взрыва котла, прибыл в город вчера днем на пароходе «А.Т. Лейси». Он поспешил в госпиталь, чтобы увидеться с младшим братом, и, подойдя к постели раненого, почувствовал такое сильное волнение, при виде ошпаренного и изможденного тела, что рухнул на пол. Старший брат Генри – Сэм был помощником лоцмана на «Пенсильвании», но, уехал в Новый Орлеан, когда судно поднялось в воздух*». «*Memphis needle & inquirer», 16 Jun 1858.* На пароходе «Ганнибал Сити» Сэмюэл Клеменс перевез тело покойного брата Генри из Сент-Луиса в их родной город Ганнибал, штат Миссури, где он и был похоронен.

9 апреля 1859 года Сэмюэл Клеменс получает официальное свидетельство о праве самостоятельно проводить суда «до и от» Сент Луиса и Нового Орлеана. Его месячная зарплата составляла порядка трех тысяч пятьсот пятидесяти долларов (по нынешнему курсу). Не так уж и плохо! Более того перспективы улучшения материального достатка

росли и возможность получить за свой труд около тринадцати тысяч пятисот долларов была вполне реальна! Кстати, в те времена не существовало подоходного налога. Что заработал, то и получишь на руки.

Достаточно было пароходу выйти из порта, и он поступал в личное распоряжение лоцмана. Такова логика профессии: только он знает, куда вести пароход по речному фарватеру. Никто ему не указ. Только лоцман знает все места на реке, где безопасно для пассажиров можно провести судно. Это наполняло Сэмюэла Клеменса гордостью. Разумеется, он никогда не злоупотреблял этой своей исключительной привилегией. Надо признать, что мистер Клеменс был самым умелым лоцманом на Миссисипи. У него никогда не было аварий или каких-то досадных ошибок в проведении судов по реке. Еще на «*Пенсильвании*», где Сэм работал помощником лоцмана, он чувствовал себя вполне счастливым человеком. Правда, до тех пор, пока не появился его новый начальник, Уильям Браун. Отношения не сложились, и в мае, во время остановки в Новом Орлеане, он, отчаянно с ним поругавшись, сошел с парохода и тут... Неожиданно произошла его встреча с дочерью судьи из Миссури Лори Райт. Лоцману, у которого до этой поры никогда не было романтических приключений, она вскружила голову. В то время Лори Райт было четырнадцать лет, а Сэму – двадцать четыре. Конфликт с Уильямом Брауном мгновенно забылся и три дня молодые люди наслаждались общением друг с другом. Танцевали на палубах, приставших к пристани пароходах, бродили по улицам, магазинам Нового Орлеана. Писатель Рон Пауэрс утверждает, что именно эта девушка сформировала идеал Твена – юная прекрасная девушка, нечто воздушное и невинное, как ангел. Спустя сорок лет после этого романтического события, в 1898 году, Сэм, тогда уже Марк Твен, написал рассказ: «*My Platonic Sweetheart*», явно навеянный образом Лори Райт. Писатель спустя время неохотно вспоминал время общения с девушкой своей юности. Оно и понятно, только после его смерти стало известно, что он несколько раз писал ей письма и даже приезжал к ее родителям в 1860 году, но... получил отказ.

Это было на редкость нежное и мягкое по стилистике изложение лирических чувств, которые в минуты этой встречи охватывали юношу. Впрочем, судите сами, хотя бы по этому крохотному отрывку, который я предлагаю из этого рассказа уже зрелого писателя Марка Твена.

«I met her first when I was seventeen and she fifteen. It was in a dream. No, I did not meet her; I overtook her. It was in a Missourian village which I had never been in before, and was not in at that time, except dream wise; in the flesh I was on the Atlantic seaboard ten or twelve hundred miles away. The thing was sudden, and without preparation–after the custom of dreams. There I was, crossing a wooden bridge that had a wooden rail and was untidy with scattered wisps of hay, and there she was, five steps in front of me; half a second previously neither of us was there. This was the exit of the village, which lay immediately behind us. Its last house was the blacksmith-shop; and the peaceful clinking of the hammers–a sound which nearly always seems remote, and is always touched with a spirit of loneliness and a feeling of soft regret for something, you don't know what–was wafted to my ear over my shoulder; in front of us was the winding country road, with woods on one side, and on the other a rail fence, with blackberry vines and hazel bushes crowding its angles; on an upper rail a bluebird, and scurrying toward him along the same rail a fox-squirrel with his tail bent high like a shepherd's crook; beyond the fence a rich field of grain, and far away a farmer in shirt-sleeves and straw hat wading knee-deep through it: no other representative of life, and no noise at all; everywhere a Sabbath stillness. I remember it all–and the girl, too, and just how she walked, and how she was dressed. In the first moment I was five steps behind her; in the next one I was at her side–without either stepping or gliding; it merely happened; the transfer ignored space. I noticed that, but not with any surprise; it seemed a natural process. I was at her side. I put my arm around her waist and drew her close to me, for I loved her; and although I did not know her, my behavior seemed to me quite natural and right, and I had no misgivings about it. She showed no surprise, no distress, no displeasure, but put an arm around my waist, and turned up her face to mine with a happy welcome in it, and when I bent down to kiss her, she received the kiss as if she was expecting it, and as if it was quite natural for me to offer it and her to take it and have pleasure in it. The affection which I felt for her and which she manifestly felt for me was a quite simple fact; but the quality of it was another matter. It was not the affection of brother and sister–it was closer than that, more clinging, more endearing, more reverent; and it was not the love of sweethearts, for there was no fire in it. It was somewhere between the two, and was finer than either, and more exquisite, more profoundly contenting. We

often experience this strange and gracious thing in our dream-loves: and we remember it as a feature of our childhood-loves, too...» *(Title: «My Platonic Sweetheart», Written: July and August of 1898, Wikipedia)*

«Я встретил ее впервые, когда мне было семнадцать, а ей пятнадцать. Это было во сне. Нет, я не встретил ее; я догнал ее. Это было в деревне в Миссури, в которой я никогда раньше не был, и не был в то время, кроме как во сне; во плоти я был на побережье Атлантики в десяти или двенадцати сотнях миль отсюда. Это произошло внезапно и без подготовки – по обычаю снов. Вот я, пересекаю деревянный мост с деревянными перилами, неопрятный, с разбросанными пучками сена, и вот она, в пяти шагах от меня; полсекунды назад никого из нас там не было. Это был выезд из деревни, которая находилась сразу за нами. Ее последним домом была кузница; и мирный звон молотков – звук, который почти всегда кажется далеким и всегда тронут духом одиночества и чувством мягкого сожаления о чем-то, вы не знаете о чем, – донесся до моего уха через плечо; перед нами была извилистая сельская дорога, с одной стороны лес, а с другой – ограда из брусьев, по углам которой толпились кусты ежевики и орешника; на верхней перекладине – синяя птица, а по той же перекладине к ней спешила белка-лиса с высоко поднятым, как пастуший посох, хвостом; за оградой – богатое поле пшеницы, а вдалеке – фермер в рубашке с короткими рукавами и соломенной шляпе, бредущий по колено в воде: никаких других представителей жизни и никакого шума; повсюду – тишина субботнего дня. Я помню все – и девушку тоже, и как она шла, и как она была одета. В первый момент я был в пяти шагах позади нее; в следующий – я был рядом с ней – не ступая и не скользя; это просто произошло; перемещение игнорировало пространство. Я заметил это, но без всякого удивления; это казалось естественным процессом. Я был рядом с ней. Я обнял ее за талию и притянул к себе, потому что я любил ее; и хотя я не знал ее, мое поведение казалось мне вполне естественным и правильным, и я не испытывал никаких опасений по этому поводу. Она не выказала ни удивления, ни огорчения, ни неудовольствия, но обняла меня за талию и повернула ко мне свое лицо с радостным приветствием в нем, и когда я наклонился, чтобы поцеловать ее, она приняла поцелуй так, как будто она его ожидала, и как будто для меня было вполне

естественно предложить его, а для нее принять его и получить от этого удовольствие. Привязанность, которую я чувствовал к ней, и которую она явно чувствовала ко мне, была совершенно простым фактом; но ее качество было другим вопросом. Это не была привязанность брата и сестры – она была ближе, чем это, более цепкая, более ласковая, более почтительная; и это не была любовь влюбленных, потому что в ней не было огня. Она была где-то посередине между ними двумя и была тоньше, чем любая из них, и более изысканной, более глубоко удовлетворяющей. Мы часто переживаем эту странную и милостивую вещь в наших снах-любви: и мы помним ее как черту нашей детской любви...» (Название: «Моя платоническая возлюбленная». Написано: июль и август 1898 года, Википедия)

Эссе было написано сорок лет спустя после случившейся встречи Сэма с Лори и пролежало в его архивах до самой смерти. В 1912 году оно было опубликовано его биографами...

Марк Твен напишет «Старые времена на Миссисипи», которая была опубликована в журнале «Atlantic» в 1875 году. Позднее эта книга послужила основой «Жизни на Миссисипи» (1883). Марк Твен расширил мемуарную часть – воспоминания о своей лоцманской службе в пятидесятых годах, дополнил их впечатлениями от нового путешествия по Миссисипи в 1882 году. В этой книге он расскажет о лоцманском труде, оставившем в его душе глубокие впечатления. Его описания всех деталей этой профессии сродни тем эмоциям, которые он переживал во всех происходивших в его жизни событиях и возникавших обстоятельствах, случившихся в его юные годы службы лоцманом на Миссисипи. Он пережил смерть младшего брата. Пережил мгновенно нахлынувшие на него романтические чувства, практически ежедневно переживал яркие эмоции от виденных им природных картин реки, капризы которой обуздывал, проводя по фарватеру свой пыхтящий дымом и теплом пароход. Он писал об этих чувствах спустя почти десять лет с той поры, как переступил с досок пристани на поверхность палубы парохода, на котором мечтал уговорить лоцмана взять его «щенком» (учеником) и освоить все тайны этой профессии.

Он писал так, будто впервые переживал события, ставшие на несколько лет желанной реальностью его юной души. Ощутите настроение...

«When I was a boy, there was but one permanent ambition among my comrades in our village on the west bank of the Mississippi River. That was, to be a steam boatman. We had transient ambitions of other sorts, but they were only transient. When a circus came and went, it left us all burning to become clowns; the first negro minstrel show that came to our section left us all suffering to try that kind of life; now and then we had a hope that if we lived and were good, God would permit us to be pirates. These ambitions faded out, each in its turn; but the ambition to be a steam boatman always remained. Once a day a cheap, gaudy packet arrived upward from St. Louis, and another downward from Keokuk. Before these events had transpired, the day was glorious with expectancy; after they had transpired, the day was a dead and empty thing. Not only the boys, but the whole village, felt this. After all these years I can picture that old time to myself now, just as it was then: the white town drowsing in the sunshine of a summer's morning; the streets empty, or pretty nearly so; one or two clerks in front of the Water Street stores, with their splint-bottomed chairs tilted back against the wall, chins on breasts, hats slouched over their faces, asleep–with shingle-shavings enough around to show what broke them down; a sow and a litter of pigs loafing along the sidewalk, doing a good business in water-melon rinds and seeds; two or three lonely little freight piles scattered about the «levee;» a pile of «skids» on the slope of the stone-paved wharf, and the fragrant town drunkard asleep in the shadow of them; two or three wood flats at the head of the wharf, but nobody to listen to the peaceful lapping of the wavelets against them; the great Mississippi, the majestic, the magnificent Mississippi, rolling its mile-wide tide along, shining in the sun; the dense forest away on the other side; the «point» above the town, and the «point» below, bounding the river-glimpse and turning it into a sort of sea, and withal a very still and brilliant and lonely one. Presently a film of dark smoke appears above one of those remote «points;» instantly a negro drayman, famous for his quick eye and prodigious voice, lifts up the cry, «S-t-e-a-m-boat a-comin'!» and the scene changes! The town drunkard stirs, the clerks wake up, a furious clatter of drays follows, every house and store pour out a human contribution, and all in a twinkling the dead town is alive and moving. Drays, carts, men, boys, all go hurrying from many quarters to a common Centre, the wharf. Assembled there, the

people fasten their eyes upon the coming boat as upon a wonder they are seeing for the first time. And the boat is rather a handsome sight, too. She is long and sharp and trim and pretty; she has two tall, fancy-topped chimneys, with a gilded device of some kind swung between them; a fanciful pilot-house, all glass and «gingerbread,» perched on top of the «Texas» deck behind them; the paddle-boxes are gorgeous with a picture or with gilded rays above the boat's name; the boiler deck, the hurricane deck, and the texas deck are fenced and ornamented with clean white railings; there is a flag gallantly flying from the jack-staff; the furnace doors are open and the fires flaring bravely; the upper decks are black with passengers; the captain stands by the big bell, calm, imposing, the envy of all; great volumes of the blackest smoke are rolling and tumbling out of the chimneys–a husbanded grandeur created with a bit of pitch pine just before arriving at a town; the crew are grouped on the forecastle; the broad stage is run far out over the port bow, and an envied deck-hand stands picturesquely on the end of it with a coil of rope in his hand; the pent steam is screaming through the gauge-cocks; the captain lifts his hand, a bell rings, the wheels stop; then they turn back, churning the water to foam, and the steamer is at rest. Then such a scramble as there is to get aboard, and to get ashore, and to take in freight and to discharge freight, all at one and the same time; and such a yelling and cursing as the mates facilitate it all with! Ten minutes later the steamer is under way again, with no flag on the jack-staff and no black smoke issuing from the chimneys. After ten more minutes the town is dead again, and the town drunkard asleep by the skids once more.

My father was a justice of the peace, and I supposed he possessed the power of life and death over all men and could hang anybody that offended him. This was distinction enough for me as a general thing; but the desire to be a steam boatman kept intruding, nevertheless. I first wanted to be a cabin-boy, so that I could come out with a white apron on and shake a table-cloth over the side, where all my old comrades could see me; later I thought I would rather be the deck-hand who stood on the end of the stage-plank with the coil of rope in his hand, because he was particularly conspicuous. But these were only day-dreams– they were too heavenly to be contemplated as real possibilities. By and by one of our boys went away. He was not heard of for a long time. At last he turned up as apprentice engineer or «striker» on a steamboat. This thing shook the bottom out of all my Sunday-school teachings. That boy

had been notoriously worldly, and I just the reverse, yet he was exalted to this eminence, and I left in obscurity and misery. There was nothing generous about this fellow in his greatness. He would always manage to have a rusty bolt to scrub while his boat tarried at our town, and he would sit on the inside guard and scrub it, where we could all see him and envy him and loathe him. And whenever his boat was laid up he would come home and swell around the town in his blackest and greasiest clothes, so that nobody could help remembering that he was a steam boatman; and he used all sorts of steamboat technicalities in his talk, as if he were so used to them that he forgot common people could not understand them. He would speak of the «labboard» side of a horse in an easy, natural way that would make one wish he was dead. And he was always talking about «St. Looy» like an old citizen, he would refer casually to occasions when he «was coming down Fourth Street,» or when he was «passing by the Planter's House,» or when there was a fire and he took a turn on the brakes of «the old Big Missouri;» and then he would go on and lie about how many towns the size of ours were burned down there that day. Two or three of the boys had long been persons of consideration among us because they had been to St. Louis once and had a vague general knowledge of its wonders, but the day of their glory was over now. They lapsed into a humble silence, and learned to disappear when the ruthless «cub»-engineer approached. This fellow had money, too, and hair oil. Also, an ignorant silver watch and a showy brass watch chain. He wore a leather belt and used no suspenders. If ever a youth was cordially admired and hated by his comrades, this one was. No girl could withstand his charms. He «cut out» every boy in the village. When his boat blew up at last, it diffused a tranquil contentment among us such as we had not known for months. But when he came home the next week, alive, renowned, and appeared in church all battered up and bandaged, a shining hero, stared at and wondered over by everybody, it seemed to us that the partiality of Providence for an undeserving reptile had reached a point where it was open to criticism.

This creature's career could produce but one result, and it speedily followed, Boy after boy managed to get on the river. The minister's son became an engineer. The doctor's and the postmaster's sons became «mud clerks;» the wholesale liquor dealer's son became a bar-keeper on a boat; four sons of the chief merchant, and two sons of the county judge, became pilots. Pilot was the grandest position

of all. The pilot, even in those days of trivial wages, had a princely salary–from a hundred and fifty to two hundred and fifty dollars a month, and no board to pay. Two months of his wages would pay a preacher's salary for a year. Now some of us were left disconsolate. We could not get on the river–at least our parents would not let us.

So, by and by I ran away. I said I never would come home again till I was a pilot and could come in glory. But somehow, I could not manage it. I went meekly aboard a few of the boats that lay packed together like sardines at the long St. Louis wharf, and very humbly inquired for the pilots, but got only a cold shoulder and short words from mates and clerks. I had to make the best of this sort of treatment for the time being, but I had comforting day-dreams of a future when I should be a great and honored pilot, with plenty of money, and could kill some of these mates and clerks and pay for them.

Months afterward the hope within me struggled to a reluctant death, and I found myself without an ambition. But I was ashamed to go home. I was in Cincinnati, and I set to work to map out a new career. I had been reading about the recent exploration of the river Amazon by an expedition sent out by our government. It was said that the expedition, owing to difficulties, had not thoroughly explored a part of the country lying about the head-waters, some four thousand miles from the mouth of the river. It was only about fifteen hundred miles from Cincinnati to New Orleans, where I could doubtless get a ship. I had thirty dollars left; I would go and complete the exploration of the Amazon. This was all the thought I gave to the subject. I never was great in matters of detail. I packed my valise, and took passage on an ancient tub called the Paul Jones, for New Orleans. For the sum of sixteen dollars I had the scarred and tarnished splendors of «her» main saloon principally to myself, for she was not a creature to attract the eye of wiser travelers.

When we presently got under way and went poking down the broad Ohio, I became a new being, and the subject of my own admiration. I was a traveler! A word never had tasted so good in my mouth before. I had all exultant sense of being bound for mysterious lands and distant climes which I never have felt in so uplifting a degree since. I was in such a glorified condition that all ignoble feelings departed out of me, and I was able to look down and pity the untraveled with a compassion that had hardly a trace of contempt in it. Still, when we stopped at villages and wood-yards, I could not help lolling carelessly upon the railings of

the boiler duck to enjoy the envy of the country boys on the bank. If they did not seem to discover me, I presently sneezed to attract their attention, or moved to a position where they could not help seeing me. And as soon as I knew they saw me I gaped and stretched, and gave other signs of being mightily bored with traveling.

I kept my hat off all the time, and stayed where the wind and the sun could strike me, because I wanted to get the bronzed and weather-beaten look of an old traveler. Before the second day was half gone, I experienced a joy which filled me with the purest gratitude; for I saw that the skin had begun to blister and peel off my face and neck. I wished that the boys and girls at home could see me now.

We reached Louisville in time–at least the neighborhood of it. We stuck hard and fast on the rocks in the middle of the river and lay there four days. I was now beginning to feel a strong sense of being a part of the boat's family, a sort of infant son to the captain and younger brother to the officers. There is no estimating the pride I took in this grandeur, or the affection that began to swell and grow in me for those people. I could not know how the lordly steamboatman scorns that sort of presumption in a mere landsman. I particularly longed to acquire the least trifle of notice from the big stormy mate, and I was on the alert for an opportunity to do him a service to that end. It came at last. The riotous powwow of setting a spar was going on down on the forecastle, and I went down there and stood around in the way–or mostly skipping out of it– till the mate suddenly roared a general order for somebody to bring him a capstan bar. I sprang to his side and said: «Tell me where it is–I 'll fetch it!»

If a rag-picker had offered to do a diplomatic service for the Emperor of Russia, the monarch could not have been more astounded than the mate was. He even stopped swearing. He stood and stared down at me. It took him ten seconds to scrape his disjointed remains together again. Then he said impressively: «Well, if this don't beat hell!» and turned to his work with the air of a man who had been confronted with a problem too abstruse for solution.

I crept away, and courted solitude for the rest of the day. I did not go to dinner; I stayed away from supper until everybody else had finished. I did not feel so much like a member of the boat's family now as before. However, my spirits returned, in installments, as we pursued our way down the river. I was sorry I hated the mate so, because it was not in

(young) human nature not to admire him. He was huge and muscular; his face was bearded and whiskered al over; he had a red woman and a blue woman tattooed on his right arm–one on each side of a blue anchor with a red rope to it; and in the matter of profanity he was perfect. When he was getting out cargo at a landing, I was always where I could see and hear. He felt all the sublimity of his great position, and made the world feel it, too. When he gave even the simplest order, he discharged it like a blast of lightning, and sent a long, reverberating peal of profanity thundering after it. I could not help contrasting the way in which the average landsman would give an order, with the mate's way of doing it. If the landsman should wish the gang-plank moved a foot farther forward, he would probably say: «James, or William, one of you push that plank forward, please;» but put the mate in his place, and he would roar out: «Here, now, start that gang-plank forward! Lively, now! What 're you about! Snatch it! snatch it! There! there! Aft again! Aft again! Don't you hear me? Dash it to dash! Are you going to sleep over it! 'Vast heaving. 'Vast heaving, I tell you! Going to have it clear astern? Where 're you going with that barrel! Forward with it 'fore I make you swallow it, you dashed split between a mud-turtle and applied horse!» I wished I could talk like that.

When the soreness of my adventure with the mate had somewhat worn off, I began timidly to make up to the humblest official connected with the boat – the night watchman. He snubbed my advances at first, but I presently ventured to offer him a new chalk pipe, and that softened him. So he allowed me to sit with him by the big bell on the hurricane deck, and in time he melted into conversation. He could not well have helped it, I hung with such homage on his words and so plainly showed that I felt honored by his notice. He told me the names of dim capes and shadowy islands as we glided by them in the solemnity of the night, under the winking stars, and by and by got to talking about himself. He seemed over-sentimental for a man whose salary was six dollars a week– or rather he might have seemed so to an older person than I. But I drank in his words hungrily, and with a faith that might have moved mountains if it had been applied judiciously. What was it to me that he was soiled and seedy and fragrant with gin? What was it to me that his grammar was bad, his construction worse, and his profanity so void of art that it was an element of weakness rather than strength in his conversation? He was a wronged man, a man who had seen trouble, and that was enough for me. As he mellowed into his plaintive history his tears dripped upon

the lantern in his lap, and I cried, too, from sympathy. He said he was the son of an English nobleman–either an earl or an alderman, he could not remember which, but believed he was both; his father, the nobleman, loved him, but his mother hated him from the cradle; and so while he was still a little boy he was sent to «one of them old, ancient colleges»–he could not remember which; and by and by his father died and his mother seized the property and «shook» him, as he phrased it. After his mother shook him, members of the nobility with whom he was acquainted used their influence to get him the position of «loblolly-boy in a ship;» and from that point my watchman threw off all trammels of date and locality and branched out into a narrative that bristled all along with incredible adventures; a narrative that was so reeking with bloodshed and so crammed with hair-breadth escapes and the most engaging and unconscious personal villainies, that I sat speechless, enjoying, shuddering, wondering, worshiping.

It was a sore blight to find out afterwards that he was a low, vulgar, ignorant, sentimental, half-witted humbug, an untraveled native of the wilds of Illinois, who had absorbed wildcat literature and appropriated its marvels, until in time he had woven odds and ends of the mess into this yarn, and then gone on, telling it to fledge lings like me, until he had come to believe it himself...» *(Title: «Life On The Mississippi» «Chapter 4: The Boys Ambition» «Chapter 5: I Want To Be A Cub Pilot», Written in: 1883, telelib.com)*

«Когда я был мальчиком, у моих товарищей в нашей деревне на западном берегу реки Миссисипи была только одна постоянная амбиция. Это было стать пароходчиком. *(Имеется в виду работать и управлять водоплавающим средством на реке О.Ю.)* У нас были преходящие амбиции другого рода, но они были только преходящими. Когда приезжал и уезжал цирк, он оставлял нас всех гореть желанием стать клоунами; первое шоу негритянских менестрелей, которое приехало в наш район, оставило нас всех страдающими, чтобы попробовать такую жизнь; время от времени у нас была надежда, что если мы будем жить и будем хорошими, Бог позволит нам стать пиратами. Эти амбиции угасали, каждое по очереди; но амбиция стать пароходчиком всегда оставалась. Раз в день и Сент-Луиса приходил дешевый, безвкусный пакет *(Имеется в виду почтово-пассажирское водоплавающее средство – О.Ю.)*,

а другой – из Кеокука. До того, как произошли эти события, день был великолепен ожиданием; после того, как они произошли, день был мертвым и пустым. Не только мальчики, но и вся деревня чувствовали это. После всех этих лет я могу себе сейчас представить то старое время, точно так же, как оно было тогда: белый город, дремлющий в солнечном свете летнего утра; улицы пустые или почти пустые; один или два клерка перед магазинами на Уотер-стрит, в своих стульях с щепками *(Так назывались спинки стула О.Ю.),* откинутыми назад к стене, с подбородками на груди, в шляпах, надвинутых на лица, спят – с таким количеством стружек *(Имеется в виду шелуха семечек О.Ю.)* что вокруг было достаточно... свинья с выводком поросят бродят по тротуару, делая хороший бизнес на арбузных корках и семечках; две или три одиноких маленьких грузовых штабеля, разбросанных по «дамбе»; куча «полозьев» на склоне вымощенной камнем пристани и благоухающий городской пьяница, спящий в их тени; две или три деревянных стоянки у начала пристани, но никто не слышит мирного плеска волн о них; великая Миссисипи, величественная, великолепная Миссисипи, катящая свой прилив шириной в милю, сияющая на солнце; густой лес вдали на другой стороне; «точка» над городом и «точка» внизу, ограничивающая речной проблеск и превращающая его в своего рода море, и к тому же очень тихое, блестящее и одинокое. Вскоре над одной из этих отдаленных «точек» появляется пелена темного дыма; немедленно негр-ломовой извозчик, известный своим острым глазом и удивительным голосом, поднимает крик: «Пароход!! ...» Собравшиеся люди устремляют свои взоры на приближающуюся лодку, как на чудо, которое они видят впервые. И лодка тоже представляет собой довольно красивое зрелище. Она длинная, острая, изящная и красивая; у нее две высокие, причудливые верхушки дымоходов, между которыми качается какой-то позолоченный прибор; причудливая рулевая рубка, вся из стекла и «пряничная», возвышается на палубе «Техас» позади них; ящики для весел великолепны с картиной или с позолоченными лучами над названием лодки; котельная палуба, палуба «Урагана» и палуба «Техаса» огорожены и украшены чистыми белыми перилами; на гак-штоке храбро развевается флаг; дверцы топки открыты, и огонь храбро пылает; верхние палубы черны от пассажиров; капитан стоит у большого колокола, спокойный, внушительный,

предмет зависти всех; Большие клубы черного дыма клубятся и вываливаются из труб – сдержанное величие, созданное с помощью куска смоляной сосны как раз перед прибытием в город; команда сгруппирована на баке; широкая сцена вынесена далеко за пределы левого носа, и завидный палубный матрос живописно стоит на ее конце с мотком каната в руке; сдерживаемый пар ревет через контрольные краны; капитан поднимает руку, звонит колокол, колеса останавливаются; затем они поворачивают назад, вспенивая воду, и пароход останавливается. Затем такая суета, какая только есть, чтобы попасть на борт, и сойти на берег, и принять груз, и выгрузить груз, и все это одновременно; и такие вопли и ругательства, которыми помощники все это облегчают! Десять минут спустя пароход снова в пути, без флага на гак-штоке и без черного дыма, выходящего из труб. Еще через десять минут город снова вымер, а городской пьяница снова заснул на задворках.

Мой отец был мировым судьей, и я предполагал, что он обладает властью над жизнью и смертью всех людей и может повесить любого, кто его оскорбит. Это было достаточное отличие для меня как обычного человека; но желание стать пароходчиком все равно продолжало вторгаться. Сначала я хотел быть юнгой, чтобы выходить в белом фартуке и вытряхивать скатерть через борт, где все мои старые товарищи могли бы меня видеть; позже я подумал, что предпочту быть палубным матросом, стоящим на конце палубной доски с мотком веревки в руке, потому что он был особенно заметен. Но это были только мечты – они были слишком небесными, чтобы рассматривать их как реальные возможности. Вскоре один из наших мальчиков ушел. О нем долгое время ничего не было слышно. Наконец он появился в качестве ученика машиниста или «забастовщика» на пароходе. Это дело потрясло все мои учения в воскресной школе. Этот парень был известен своей мирской жизнью, а я наоборот, однако он был вознесен до такой высоты, а я ушел в безвестности и нищете. В его величии не было ничего щедрого. Он всегда умудрялся чистить ржавый болт, пока его лодка оставалась в нашем городе, и он сидел на внутренней страже и драил его, где мы все могли видеть его, завидовать ему и ненавидеть его. И всякий раз, когда его лодка стояла на приколе, он возвращался домой и разгуливал по городу в своей самой черной и засаленной одежде, так что никто не мог не вспомнить, что

он был пароходным лодочником; и он использовал всевозможные пароходные технические термины в своей речи, как будто он настолько к ним привык, что забыл, что простые люди не могут их понять. Он говорил о «лаббордовой» стороне лошади легко и естественно, что заставляло желать его смерти. И он всегда говорил о «Сент-Луе», как старый горожанин, он небрежно упоминал случаи, когда он «проезжал по Четвертой улице», или когда он «проезжал мимо Дома Плантатора», или когда был пожар, и он ехал на тормозах «старого Большого Миссури»; а затем он продолжал и лгал о том, сколько городов размером с наш сгорело там в тот день. Двое или трое мальчиков давно были среди нас уважаемыми персонами, потому что они когда-то были в Сент-Луисе и имели смутные общие знания о его чудесах, но день их славы уже прошел. Они впали в скромное молчание и научились исчезать, когда приближался безжалостный «молодой» инженер. У этого парня тоже были деньги и масло для волос. А также невежественные серебряные часы и броская латунная цепочка для часов. Он носил кожаный ремень и не использовал подтяжки. Если когда-либо юношу искренне восхищали и ненавидели его товарищи, то это был именно он. Ни одна девушка не могла устоять перед его чарами. Он «вырезал» всех парней в деревне. Когда его лодка наконец взорвалась, это распространило среди нас спокойное удовлетворение, какого мы не знали уже несколько месяцев. Но когда он вернулся домой на следующей неделе, живой, прославленный, и появился в церкви весь избитый и забинтованный, сияющий герой, на которого все смотрели и которому все удивлялись, нам показалось, что пристрастие Провидения к недостойной рептилии достигло той точки, когда оно стало открыто для критики. Карьера этого существа могла дать только один результат, и он быстро последовал. Мальчик за мальчиком умудрялись попасть на реку. Сын священника стал инженером. Сыновья доктора и почтмейстера стали «грязевыми клерками»; сын оптового торговца спиртным стал барменом на лодке; четыре сына главного торговца и два сына окружного судьи стали лоцманами. Лоцман был самой высокой должностью из всех. Лоцман, даже в те дни ничтожных зарплат, имел королевское жалованье – от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти долларов в месяц, и не нужно было платить за еду. Двухмесячной его зарплаты хватило бы на годовое жалованье проповедника. Теперь

некоторые из нас остались безутешными. Мы не могли попасть на реку – по крайней мере, наши родители не позволяли нам. Поэтому я вскоре сбежал. Я сказал, что никогда не вернусь домой, пока не стану лоцманом и не смогу прийти во славе. Но как-то я не мог этого сделать. Я смиренно поднялся на борт нескольких лодок, которые стояли набитыми как сардины в бочке у длинной пристани Сент-Луиса, и очень скромно спросил о лоцманах, но получил только холодный прием и короткие слова от помощников и клерков. Мне пришлось извлечь максимум из такого обращения на данный момент, но у меня были утешительные мечты о будущем, когда я стану великим и уважаемым пилотом, с кучей денег, и смогу убить некоторых из этих помощников и клерков и заплатить им.

Месяцы спустя надежда во мне боролась с неохотной смертью, и я обнаружил, что у меня нет амбиций. Но мне было стыдно возвращаться домой. Я был в Цинциннати и принялся за работу, чтобы наметить новую карьеру. Я читал о недавнем исследовании реки Амазонки экспедицией, отправленной нашим правительством. Говорили, что экспедиция из-за трудностей не исследовала как следует часть страны, лежащую у истоков, примерно в четырех тысячах миль от устья реки. От Цинциннати до Нового Орлеана, где я, несомненно, мог бы сесть на корабль, было всего около полутора тысяч миль. У меня оставалось тридцать долларов; я собирался отправиться и завершить исследование Амазонки. Это были все мои мысли по этому поводу. Я никогда не был большим любителем деталей. Я упаковал свой чемодан и сел на старую лодку под названием «Пол Джонс» до Нового Орлеана. За сумму в шестнадцать долларов я получил в свое распоряжение потрескавшееся и потускневшее великолепие «ее» главного салона, поскольку она не была существом, способным привлечь внимание более мудрых путешественников. Когда мы вскоре тронулись в путь и отправились вниз по широкому Огайо, я стал новым существом и предметом собственного восхищения. Я был путешественником! Никогда еще слово не было таким вкусным для меня. У меня было все ликующее чувство, что я направляюсь к таинственным землям и далеким краям, которое я никогда не чувствовал в такой возвышенной степени с тех пор. Я был в таком возвышенном состоянии, что все низменные чувства покинули меня, и я мог смотреть вниз и жалеть тех, кто не путешествовал, с состраданием, в котором едва ли было

и следа презрения. Тем не менее, когда мы останавливались в деревнях и на дровяных складах, я не мог не развалиться беззаботно на перилах котельной утки, чтобы насладиться завистью сельских мальчишек на берегу. Если они, казалось, не замечали меня, я тут же чихал, чтобы привлечь их внимание, или занимал позицию, где они не могли не заметить меня. И как только я знал, что они меня видят, я разинул рот и потянулся, и подал другие знаки, что мне очень скучно путешествовать.

Я все время не надевал шляпу и оставался там, где ветер и солнце могли ударить меня, потому что я хотел обрести загорелый и обветренный вид старого путешественника. Не прошло и половины второго дня, как я испытал радость, которая наполнила меня чистейшей благодарностью; потому что я увидел, что кожа начала покрываться волдырями и шелушиться на моем лице и шее. Мне хотелось, чтобы мальчики и девочки дома могли меня сейчас увидеть.

Мы добрались до Луисвилля вовремя – по крайней мере, до его окрестностей. Мы крепко и крепко застряли на камнях посреди реки и пролежали там четыре дня. Теперь я начал чувствовать себя частью семьи судна, своего рода маленьким сыном для капитана и младшим братом для офицеров. Невозможно оценить гордость, которую я испытывал от этого величия, или привязанность, которая начала разрастаться и расти во мне к этим людям. Я не мог понять, как благородный пароходчик презирает такую самонадеянность в простом сухопутном человеке. Я особенно жаждал получить хотя бы малейшее внимание от большого штормового помощника и был начеку, ожидая возможности оказать ему услугу в этом направлении. Наконец она представилась. На баке шла шумная возня с установкой рангоута, и я спустился туда и стоял на пути – или, скорее, уклонялся от нее – пока помощник внезапно не проревел общий приказ кому-то принести ему шпиль. Я подскочил к нему и сказал: «Скажите, где это – я принесу!» Если бы тряпичник предложил оказать дипломатическую услугу российскому императору, монарх не был бы более поражен, чем помощник. Он даже перестал ругаться. Он стоял и смотрел на меня сверху вниз. Ему потребовалось десять секунд, чтобы снова собрать свои разрозненные останки. Затем он выразительно сказал: «Ну, если это не ад!» и вернулся к своей работе с видом человека, который столкнулся с проблемой, слишком сложной для решения.

Я улизнул и искал уединения на остаток дня. Я не пошел на ужин; я не ужинал, пока все остальные не закончили. Теперь я не чувствовал себя так, как раньше, членом семьи судна. Однако, ко мне возвращалось настроение, по частям, когда мы продолжали свой путь вниз по реке. Мне было жаль, что я так ненавидел помощника, потому что не в (молодой) человеческой природе не восхищаться им. Он был огромным и мускулистым; его лицо было покрыто бородой и усами; на его правой руке были вытатуированы красная и синяя женщины – по одной с каждой стороны синего якоря с красной веревкой; и в вопросах сквернословия он был идеален. Когда он выгружал груз на причале, я всегда был там, где мог видеть и слышать. Он чувствовал всю возвышенность своего высокого положения и заставлял мир чувствовать это. Когда он отдавал даже самый простой приказ, он разряжал его, как удар молнии, и посылал вслед за ним долгий, раскатистый раскат ругательств. Я не мог не противопоставить способ, которым средний сухопутный человек отдает приказ, способу, которым это делает помощник. Если сухопутный человек хотел, чтобы сходни сдвинулись на фут вперед, он, вероятно, сказал бы: «Джеймс или Уильям, кто-нибудь из вас, пожалуйста, подтолкните эту доску вперед»; но поставьте помощника на место, и он заорет: «Эй, сейчас, двигайте этот сходной трап вперед! Живее, сейчас! Что вы делаете! Хватайте его! Хватайте его! Вперед! Вперед! Снова на корму! Снова на корму! Вы меня не слышите? Бросайте его на бросок! Вы собираетесь спать из-за этого! Огромная качка. Огромная качка, я вам говорю! Хотите, чтобы он был за кормой? Куда вы идете с этой бочкой! Вперед с ней, пока я не заставил вас ее проглотить, вы, чертовы раздвоенные между грязевой черепахой и прирученной лошадью!» Я бы хотел уметь так говорить. Когда болезненность моего приключения с помощником немного утихла, я начал робко заигрывать с самым скромным должностным лицом, связанным с судном, – ночным сторожем. Сначала он пренебрег моими заигрываниями, но вскоре я рискнул предложить ему новую меловую трубку, и это смягчило его. Поэтому он позволил мне сесть с ним у большого колокола на ураганной палубе, и со временем он растворился в разговоре. Он не мог не сделать этого, я с таким почтением внимал его словам и так ясно показывал, что чувствую себя польщенным его вниманием. Он называл мне названия смутных мысов и тенистых островов, когда мы скользили мимо

них в торжественности ночи, под мигающими звездами, и постепенно заговорил о себе. Он казался чрезмерно сентиментальным для человека, чья зарплата составляла шесть долларов в неделю, или, скорее, он мог бы показаться таким человеку постарше меня. Но я жадно впитывал его слова и с верой, которая могла бы свернуть горы, если бы ее применяли разумно. Какое мне дело до того, что он был грязным, потрепанным и пах джином? Какое мне дело до того, что его грамматика была плохой, его построение еще хуже, а его сквернословие было настолько лишено искусства, что это было элементом слабости, а не силы в его разговоре? Он был обиженным человеком, человеком, который видел беду, и этого было для меня достаточно. Когда он смягчился в своей жалобной истории, его слезы капали на фонарь у него на коленях, и я тоже плакал от сочувствия. Он сказал, что он сын английского дворянина – то ли графа, то ли олдермена, он не мог вспомнить, кем именно, но верил, что он был и тем, и другим; его отец, дворянин, любил его, но мать ненавидела его с колыбели; и поэтому, когда он был еще маленьким мальчиком, его отправили в «один из тех старых, древних колледжей» – он не мог вспомнить, в какой именно; и вскоре его отец умер, а его мать завладела имуществом и «встряхнула» его, как он выразился. После того, как его мать встряхнула его, члены знати, с которыми он был знаком, использовали свое влияние, чтобы получить для него должность «мальчика-лололли на корабле»; и с этого момента мой сторож сбросил все путы даты и места и разветвился в повествование, которое щетинилось невероятными приключениями; повествование, которое так воняло кровопролитием и так напичкано мельчайшими побегами и самыми захватывающими и неосознанными личными злодеяниями, что я сидел безмолвный, наслаждаясь, содрогаясь, удивляясь, преклоняясь. Тяжело было впоследствии узнать, что он был низким, вульгарным, невежественным, сентиментальным, полоумным обманщиком, непутешествовавшим уроженцем дебрей Иллинойса, который впитал в себя дикую литературу и присвоил ее чудеса, пока со временем не вплел обрывки этой путаницы в эту байку, а затем продолжил рассказывать ее таким птенцам, как я, пока сам не поверил в нее...» *(Название: «Жизнь на Миссисипи» «Глава 4: Амбиции мальчишки» «Глава 5: Я хочу стать молодым пилотом», написано в 1883, telelib.com)*

И так далее... Читайте книгу, не пожалеете. Кстати, этот текст был мной перепечатан из журнала «Atlantic» в той стилистике и орфографии, которая существовала в 1875 году. Нечто подобное, что и Сэм пережил я, с той лишь разницей, что в свои шестнадцать лет мог только бредить, прихватив тельняшку соседа, натянул её на себя или, уговорив того же соседа, вернувшегося из армии, дать мне свою морскую форму с бескозыркой, чтобы сфотографироваться «на память...»

...Со временем приходил профессиональный опыт. Осознание важности профессии лоцмана. Готовность пережить не только все радости работы, но и все те риски и возможные провалы, таившиеся в этой профессии. Жизнь на реке Миссисипи впитывала все новые и новые переживания. Обнаруживала впечатления для юной души. Они закаляли его личность. Делали характер под стать профессиональному облику лоцмана. С момента обретения положения «щенка», мало в чем разбиравшегося, Сэмюэл Клеменс, жадно наблюдавший за действиями своего «патрона», обретал долгожданную самостоятельность и даже решительность в этом нелегком деле. Спустя восемь лет, став уже Марком Твеном, он издаст книгу, которую назовет «*Life on the Mississippi*».

III.

Следующий период жизни Сэмюэла Клеменса связан со старательскими лагерями на серебряных рудниках в приисковых городках Дальнего Запада США. Однако, прежде чем перейти к этим годам его жизни, следует остановиться на отношении Сэма к американской Гражданской войне 1861-1865 годов. Ему двадцать шесть лет. В эти годы рассчитывать на ясное понимание происходивших в стране событий было непросто. Особенно если учесть, что Сэм был южанином. Его родные были выходцами из рабовладельческих штатов и, хотя не принадлежали к плантаторской аристократии, оставались все же связаны с политическими традициями Юга Америки. Помимо центрального вопроса о сохранении рабства африканцев, затрагивавшего в основном рабовладельческую верхушку, политическая традиция Юга включала местнические предрассудки и ненависть к северным «янки», которые разжигались лидерами рабовладельческой верхушки. Организовав мятеж против законного правительства, Южная конфедерация подняла отчаянный крик о нарушении центральной властью в Вашингтоне суверенных прав южных штатов. В накаленной обстановке 1861 года политически неискушенному двадцатишестилетнему южанину нелегко было разобраться в начавшейся борьбе. Когда в апреле 1861 года президент Линкольн обратился к американскому народу с призывом вступать в армию северян, губернатор штата Миссури Джексон, выдвинутый южанами, ответил отказом. В мае того же года законодательное собрание Миссури провело закон о формировании в штате гражданской милиции в защиту Юга. В середине июня в Ганнибале было сформировано подразделение милиции в защиту от «янки». В него вошел Сэмюэл Клеменс, тогда уже безработный, потому что навигация на реке Миссисипи была закрыта, в связи с военными действиями. Он тут же был избран младшим лейтенантом.

В семье Клеменсов произошел раскол. Такое происходило во многих семьях, обитавших в приграничных штатах Америки. Орион Клеменс, старший брат Сэма, был убежденным противником рабства чернокожих. Его сторонников называли аболиционистами (abolition – отмена) – участниками движения, которое было распространено и в США, и в Европе. Американские аболиционисты принимали участие в президентской кампании 1860 года на стороне Авраама Линкольна, выступавшего за отмену рабства чернокожих. Орион Клеменс получил пост помощника губернатора территории Невады, на Дальнем Западе США. Никаких воспоминаний о спорах в семье Клеменсов не сохранилось, однако нет сомнения, что Орион не мог остаться равнодушным к политическим блужданиям Сэмюэла, который пробыл в своем отряде милиции всего три недели. Вместе с тем силы губернатора Джексона были разбиты регулярными частями северян уже в середине июня. Местные формирования милиции южан распались. В начале июля Сэм Клеменс, физически измученный, раздираемый противоречивыми чувствами, приехал в Сент-Луис, где его старший брат Орион, готовясь к отъезду в Неваду, предложил Сэму ехать с ним. Не раздумывая, он уехал вместе с Орионом, получив статус его личного секретаря.

После окончания гражданской войны в 1865 году Сэм Клеменс вернулся с Запада, но уже убежденным противником Юга. Таковым он оставался всю оставшуюся жизнь. До конца своих дней Сэм, став уже писателем Марком Твеном, сохранил чувство вины за расовые предрассудки своих юных лет. Он, как мог, материально помогал чернокожим-студентам. Всякое проявление неуважения к афроамериканцам возмущало Твена, вызывало у него резкий протест. В письме к жене от 8 января 1885 года, из поездки с публичными чтениями по южным штатам, писатель Марк Твен описывает характерную сцену, разыгравшуюся в местном поезде. «*Деревенский мальчуган, беседуя со своей 17-летней сестрой, высказывает мнение о женщине-негритянке так громко, что та слышит: – Гляди, как вырядилась эта черномазая! В жизни не видел такой расфуфыренной черномазой!* «*А та очаровательна, – пишет Марк Твен, – одета с большим вкусом, умнее и воспитаннее, чем вся семья этого мальчишки за семь поколений, вместе взятых*». Борьбе с расизмом писатель Марк Твен отдавал много душевных сил. Уже в 1868 году он опубликовал в газете «Буффало экспресс» смелую статью «Всего только негр!», в которой клеймил линчевателей. В последние годы жизни, приведенный в ярость и отчаяние всё участившимися случаями линчевания негров в США, Твен создал один из самых выдающихся своих памфлетов – «Соединенные Линчующие Штаты» *(«The United States of Lyncher Dom»)*. Я привожу здесь этот памфлет полностью...

> «And so, Missouri has fallen, that great state! Certain of her children have joined the lynchers, and the smirch is upon the rest of us. That handful of her children have given us a character and labeled us with a name, and to the dwellers in the four quarters of the earth we are «lynchers,» now, and ever shall be. For the world will not stop and think – it never does, it is not its way; its way is to generalize from a single sample. It will not say, «Those Missourians have been busy eighty years in building an honorable good name for themselves; these hundred lynchers down in the comer of the state are not real Missourians, they are renegades.» No, that truth will not enter its mind; it will generalize from the one or two misleading samples and say, «The Missourians are lynchers.» It has no reflection, no logic, no sense of proportion. With figures go for nothing; to it, figures reveal nothing, it cannot reason upon them rationally; it would say, for instance, that China is being swiftly and surely Christianized, since nine Chinese Christians are being made

> every day; and it would fail, with him, to notice that the fact that 33,000 pagans are born there every day, damages the argument. It would say, «There are a hundred lynchers there, therefore the Missourians are lynchers»; the considerable fact that there are two and a half million Missourians who are not lynchers would not affect their verdict. Oh, Missouri! The tragedy occurred near Pierce City, down in the southwestern corner of the state. On a Sunday afternoon a young white woman who had started alone from church was found murdered. For there are churches there; in my time religion was more general, more pervasive, in the South than it was in the North, and more virile and earnest, too, I think; I have some reason to believe that this is still the case. The young woman was found murdered. Although it was a region of churches and schools the people rose, lynched three negroes – two of them very aged ones – burned out five negro households, and drove thirty negro families into the woods. I do not dwell upon the provocation which moved the people to these crimes, for that has nothing to do with the matter; the only question is, does the assassin take the law into his own hands? It is very simple, and very just. If the assassin be proved to have usurped the law's prerogative in righting his wrongs, that ends the matter; a thousand provocations are no defense. The Pierce City people had bitter provocation – indeed, as revealed by certain of the particulars, the bitterest of all provocations – but no matter, they took the law into their own hands, when by the terms of their statutes their victim would certainly hang if the law had been allowed to take its course, for there are but few negroes in that region and they are without authority and without influence in overawing juries. Why has lynching, with various barbaric accompaniments, become a favorite regulator in cases of «the usual crime» in several parts of the country? Is it because men think a lurid and terrible punishment a more forcible object lesson and a more effective deterrent than a sober and colorless hanging done privately in a jail would be? Surely sane men do not think that. Even the average child should know better. It should know that any strange and much-talked-of event is always followed by imitations, the world being so well supplied with excitable people who only need a little stirring up to make them lose what is left of their heads and do things which they would not have thought of ordinarily. It should know that if a man jump off Brooklyn Bridge another will imitate him; that if a person venture down Niagara Whirlpool in a barrel another will imitate him; that if a Jack the Ripper

make notoriety by slaughtering women in dark alleys he will be imitated; that if a man attempt a king's life and the newspapers carry the noise of it around the globe, regicides will crop up all around. The child should know that one much-talked-of outrage and murder committed by a negro will upset the disturbed intellects of several other negroes and produce a series of the very tragedies the community would so strenuously wish to prevent; that each of these crimes will produce another series, and year by year steadily increase the tale of these disasters instead of diminishing it; that, in a word, the lynchers are themselves the worst enemies of their women. The child should also know that by a law of our make, communities, as well as individuals, are imitators; and that a much-talked-of lynching will infallibly produce other lynchings here and there and yonder, and that in time these will breed a mania, a fashion; a fashion which will spread wide and wider, year by year, covering state after state, as with an advancing disease. Lynching has reached Colorado, it has reached California, it has reached Indiana – and now Missouri! I may live to see a negro burned in Union Square, New York, with fifty thousand people present, and not a sheriff visible, not a governor, not a constable, not a colonel, not a clergyman, not a law-and-order representative of any sort. Increase in Lynching. – In 1900 there were eight more cases than in 1899, and probably this year there will be more than there were last year. The year is little more than half gone, and yet there are eighty-eight cases as compared with one hundred and fifteen for all of last year. The four Southern states, Alabama, Georgia, Louisiana and Mississippi are the worst offenders. Last year there were eight cases in Alabama, sixteen in Georgia, twenty in Louisiana, and twenty in Mississippi – over one-half the total. This year to date there have been nine in Alabama, twelve in Georgia, eleven in Louisiana, and thirteen in Mississippi–again more than one-half the total number in the whole United States. – Chicago Tribune. It must be that the increase comes of the inborn human instinct to imitate – that and man's commonest weakness, his aversion to being unpleasantly conspicuous, pointed at, shunned, as being on the unpopular side. Its other name is Moral Cowardice, and is the commanding feature of the make-up of 9,999 men in the 10,000. I am not offering this as a discovery; privately the dullest of us knows it to be true. History will not allow us to forget or ignore this supreme trait of our character. It persistently and sardonically reminds us that from the beginning of the world no revolt against a public infamy

or oppression has ever been begun but by the one daring man in the 10,000, the rest timidly waiting, and slowly and reluctantly joining, under the influence of that man and his fellows from the other ten thousand. The abolitionists remember. Privately the public feeling was with them early, but each man was afraid to speak out until he got some hint that his neighbor was privately as he privately felt himself. Then the boom followed. It always does. It will occur in New York, some day; and even in Pennsylvania. It has been supposed – and said that the people at a lynching enjoy the spectacle and are glad of a chance to see it. It cannot be true; all experience is against it. The people in the South are made like the people in the North – the vast majority of whom are right-hearted and compassionate, and would be cruelly pained by such a spectacle – and would attend it, and let on to be pleased with it, if the public approval seemed to require it. We are made like that, and we cannot help it. The other animals are not so, but we cannot help that, either. They lack the Moral Sense; we have no way of trading ours off, for a nickel or some other thing above its value. The Moral Sense teaches us what is right, and how to avoid it – when unpopular. It is thought, as I have said, that a lynching crowd enjoys a lynching. It certainly is not true; it is impossible of belief. It is freely asserted – you have seen it in print many times of late – that the lynching impulse has been misinterpreted; that it is act the outcome of a spirit of revenge, but of a «mere atrocious hunger to look upon human suffering.» If that were so, the crowds that saw the Windsor Hotel burn down would have enjoyed the horrors that fell under their eyes. Did they? No one will think that of them, no one will make that charge. Many risked their lives to save the men and women who were in peril. Why did they do that? Because none would disapprove. There was no restraint; they could follow their natural impulse. Why does a crowd of the same kind of people in Texas, Colorado, Indiana, stand by, smitten to the heart and miserable, and by ostentatious outward signs pretend to enjoy a lynching? Why does it lift no hand or voice in protest? Only because it would be unpopular to do it, I think; each man is afraid of his neighbor's disapproval – a thing which, to the general run of the race, is more dreaded than wounds and death. When there is to be a lynching the people hitch up and come miles to see it, bringing their wives and children. Really to see it? No--they come only because they are afraid to stay at home, lest it be noticed and offensively commented upon. We may believe this, for we all know how we feel about such spectacles –

also, how we would act under the like pressure. We are not any better nor any braver than anybody else, and we must not try to creep out of it. A Savonarola can quell and scatter a mob of lynchers with a mere glance of his eye: so can a Merrill or a Beloat. For no mob has any sand in the presence of a man known to be splendidly brave. Besides, a lynching mob would like to be scattered, for of a certainty there are never ten men in it who would not prefer to be somewhere else – and would be, if they but had the courage to go. When I was a boy I saw a brave gentleman deride and insult a mob and drive it away; and afterward, in Nevada, I saw a noted desperado make two hundred men sit still, with the house burning under them, until he gave them permission to retire. A plucky man can rob a whole passenger train by himself; and the half of a brave man can hold up a stagecoach and strip its occupants. Then perhaps the remedy for lynchings comes to this: station a brave man in each affected community to encourage, support, and bring to light the deep disapproval of lynching hidden in the secret places of its heart – for it is there, beyond question. Then those communities will find something better to imitate – of course, being human, they must imitate something. Where shall these brave men be found? That is indeed a difficulty; there are not three hundred of them in the earth. If merely physically brave men would do, then it were easy; they could be furnished by the cargo. When Hobson called for seven volunteers to go with him to what promised to be certain death, four thousand men responded – the whole fleet, in fact. Because all the world would approve. They knew that; but if Hobson's project had been charged with the scoffs and jeers of the friends and associates, whose good opinion an approval the sailors valued; he could not have got his seven. No, upon reflection, the scheme will not work. There are not enough morally brave men in stock. We are out of moral-courage material; we are in a condition of profound poverty. We have those two sheriffs down South who — but never mind, it is not enough to go around; they have to stay and take care of their own communities. But if we only could have three or four more sheriffs of that great breed! Would it help? I think so. For we are all imitators: other brave sheriffs would follow; to be a dauntless sheriff would come to be recognized as the correct and only the dreaded disapproval would fall to the share of the other kind; courage in this office would become custom, the absence of it a dishonor, just as courage presently replaces the timidity of the new soldier; then the mobs and the lynchings would

disappear, and –However. It can never be done without some starters, and where are we to get the starters? Advertise? Very well, then, let us advertise. In the meantime, there is another plan. Let us import American missionaries from China, and send them into the lynching field. With 1,500 of them out there converting two Chinamen apiece per annum against an uphill birth rate of 33,000 pagans per day, it will take upward of a million years to make the conversions balance the output and bring the Christianizing of the country in sight to the naked eye; therefore, if we can offer our missionaries as rich a field at home at lighter expense and quite satisfactory in the matter of danger, why shouldn't they find it fair and right to come back and give us a trial? The Chinese are universally conceded to be excellent people, honest, honorable, industrious, trustworthy, kind-hearted, and all that – leave them alone, they are plenty good enough just as they are; and besides, almost every convert runs a risk of catching our civilization. We ought to be careful. We ought to think twice before we encourage a risk like that; for, once civilized, China can never be uncivilized again. We have not been thinking of that. Very well, we ought to think of it now. Our missionaries will find that we have a field for them – and not only for the 1,500, but for 15,011. Let them look at the following telegram and see if they have anything in China that is more appetizing. It is from Texas: The negro was taken to a tree and swung in the air. Wood and fodder were piled beneath his body and a hot fire was made. Then it was suggested that the man ought not to die too quickly, and he was let down to the ground while a party went to Dexter, about two miles distant, to procure coal oil. This was thrown on the flame and the work completed. We implore them to come back and help us in our need. Patriotism imposes this duty on them. Our country is worse off than China; they are our countrymen, them motherland supplicates their aid in this her hour of deep distress. They are competent; our people are not. They are used to scoffs, sneers, reviling's, danger; our people are not. They have the martyr spirit; nothing but the martyr spirit can brave a lynching mob, and cow it and scatter it. They can save their country, we beseech them to come home and do it. We ask them to read that telegram again, and yet again, and picture the scene in their minds, and soberly ponder it; then multiply it by 115, add 88; place the 203 in a row, allowing 600 feet of space for each human torch, so that there be viewing room around it for 5,000 Christian American men, women, and children, youths and maidens; make it night for grim effect; have the

show in a gradually rising plain, and let the course of the stakes be uphill; the eye can then take in the whole lineof twenty-four miles of blood-and-flesh bonfires unbroken, whereas if it occupied level ground the ends of the line would bend down and be hidden from view by the curvature of the earth. All being ready, now, and the darkness opaque, the stillness impressive – for there should be no sound but the soft moaning of the night wind and the muffled sobbing of the sacrifices – let all the far stretch of kerosene pyres be touched off simultaneously and the glare and the shrieks and the agonies burst heavenward to the Throne. There are more than a million persons present; the light from the fires flushes into vague outline against the night the spires of five thousand churches. O kind missionary, O compassionate missionary, leave China! come home and convert these, Christians! I believe that if anything can stop this epidemic of bloody insanities it is martial personalities that can face mobs without flinching; and as such personalities are developed only by familiarity with danger and by the training and seasoning which come of resisting it, the likeliest place to find them must be among the missionaries who have been under tuition in China during the past year or two. We have abundance of work for them, and for hundreds and thousands more, and the field is daily growing and spreading. Shall we find them? We can try. In 75,000,000 there must be other Merrill's and Bloats; and it is the law of our make that each exam shall wake up drowsing chevaliers of the same great knighthood and bring them to the front. » *(Title: «The United States Of Lyncherdom» Written 1901, Ozarks)*

«И вот пал Миссури, этот великий штат! Некоторые из его детей присоединились к линчевателям, и позор лежит на всех нас. Эта горстка его детей дала нам характер и наделила нас именем, и для обитателей четырех сторон света мы «линчеватели» сейчас и всегда будем ими. Ибо мир не остановится и не подумает – он никогда этого не делает, это не его путь; его путь – обобщать по одному образцу. Он не скажет: «Эти миссурийцы были заняты созданием себе почетного доброго имени восемьдесят лет; эти сто линчевателей в углу штата – не настоящие миссурийцы, они ренегаты». Нет, эта истина не придет ему в голову; он обобщит один или два вводящих в заблуждение примера и скажет: «Миссурийцы – линчеватели». У него нет ни размышлений, ни логики, ни чувства меры. С цифрами ничего не стоит; для него цифры ничего не открывают,

он не может рассуждать о них рационально; он бы сказал, например, что Китай быстро и уверенно христианизируется, поскольку каждый день там делают девять китайцев христианами; и он бы не заметил, как и он, что тот факт, что там каждый день рождается 33 000 язычников, портит аргумент. Он бы сказал: «Там есть сто линчевателей, поэтому миссурийцы – линчеватели»; тот существенный факт, что есть два с половиной миллиона миссурийцев, которые не являются линчевателями, не повлиял бы на их вердикт. О, Миссури! Трагедия произошла недалеко от Пирс-Сити, в юго-западном углу штата. В воскресенье днем молодая белая женщина, которая одна вышла из церкви, была найдена убитой. Потому что там есть церкви; в мое время религия была более распространенной, более распространенной на Юге, чем на Севере, и более мужественной и искренней, я думаю; у меня есть некоторые основания полагать, что это все еще так. Молодую женщину нашли убитой. Хотя это был район церквей и школ, люди восстали, линчевали трех негров – двое из них были очень пожилыми, – сожгли пять негритянских домов и согнали тридцать негритянских семей в леса. Я не буду останавливаться на провокации, которая побудила людей к этим преступлениям, поскольку это не имеет никакого отношения к делу; единственный вопрос в том, берет ли убийца закон в свои руки? Это очень просто и очень справедливо. Если будет доказано, что убийца узурпировал прерогативу закона по исправлению своих ошибок, это положит конец делу; тысяча провокаций не являются оправданием. У жителей Пирс-Сити была горькая провокация – действительно, как показывают некоторые подробности, самая горькая из всех провокаций – но неважно, они взяли закон в свои руки, когда по условиям их уставов их жертва наверняка была бы повешена, если бы закону позволили идти своим чередом, поскольку в этом районе мало негров, и они не имеют полномочий и влияния на благоговейный страх присяжных. Почему линчевание с различными варварскими дополнениями стало излюбленным средством регулирования в случаях «обычного преступления» в нескольких частях страны? Может быть, потому, что люди считают жуткое и ужасное наказание более сильным наглядным уроком и более эффективным средством устрашения, чем трезвая и бесцветная казнь, совершенная в частном порядке в тюрьме? Конечно, здравомыслящие люди так не думают. Даже

среднестатистический ребенок должен знать лучше. Он должен знать, что за любым странным и широко обсуждаемым событием всегда следуют подражания, поскольку мир так богат возбудимыми людьми, которых нужно лишь немного расшевелить, чтобы они потеряли остатки своей головы и совершили поступки, о которых они в обычной жизни и не подумали бы. Он должен знать, что если человек спрыгнет с Бруклинского моста, другой последует его примеру; что если человек рискнет спуститься в Ниагарский водоворот в бочке, другой последует его примеру; что если Джек-потрошитель прославится тем, что будет убивать женщин в темных переулках, ему будут подражать; что если человек покушается на жизнь короля, а газеты разнесут шум об этом по всему миру, цареубийства начнутся повсюду. Ребенок должен знать, что одно широко обсуждаемое надругательство и убийство, совершенное негром, расстроит расстроенные умы нескольких других негров и вызовет серию тех самых трагедий, которые общество так усиленно хотело бы предотвратить; что каждое из этих преступлений вызовет другую серию, и год за годом неуклонно будет увеличивать рассказ об этих бедствиях вместо того, чтобы уменьшать его; что, одним словом, линчеватели сами являются злейшими врагами своих женщин. Ребенок должен также знать, что по закону, созданному нами, сообщества, как и отдельные лица, являются подражателями; и что широко обсуждаемое линчевание неизбежно вызовет другие линчевания здесь, там и там, и что со временем они породят манию, моду; моду, которая будет распространяться все шире и шире, год за годом, охватывая штат за штатом, как прогрессирующая болезнь. Линчевание достигло Колорадо, оно достигло Калифорнии, оно достигло Индианы – а теперь и Миссури! Я могу дожить до того, чтобы увидеть, как негра сжигают на Юнион-сквер в Нью-Йорке, на глазах у пятидесяти тысяч человек, и ни одного шерифа, губернатора, констебля, полковника, священника, представителя закона и порядка. Рост линчевания. – В 1900 году было на восемь случаев больше, чем в 1899 году, и, вероятно, в этом году их будет больше, чем в прошлом году. Год прошел чуть больше половины, и все же есть восемьдесят восемь случаев по сравнению со ста пятнадцатью за весь прошлый год. Четыре южных штата, Алабама, Джорджия, Луизиана и Миссисипи, являются самыми злостными нарушителями. В прошлом году было восемь случаев

в Алабаме, шестнадцать в Джорджии, двадцать в Луизиане и двадцать в Миссисипи – более половины от общего числа. В этом году их было девять в Алабаме, двенадцать в Джорджии, одиннадцать в Луизиане и тринадцать в Миссисипи – снова больше половины от общего числа во всех Соединенных Штатах. – Chicago Tribune. Должно быть, рост происходит из-за врожденного человеческого инстинкта подражания — этого и самой распространенной человеческой слабости, его отвращения к тому, чтобы быть неприятно заметным, на которого указывают, которого избегают, как находящегося на непопулярной стороне. Другое ее название – Моральная Трусость, и она является доминирующей чертой характера 9999 мужчин из 10000. Я не предлагаю это как открытие; втайне даже самый тупой из нас знает, что это правда. История не позволит нам забыть или проигнорировать эту высшую черту нашего характера. Он настойчиво и сардонически напоминает нам, что с начала мира ни одно восстание против общественного позора или угнетения не начиналось иначе, как одним смельчаком из 10 000, остальные робко ждали и медленно и неохотно присоединялись под влиянием этого человека и его товарищей из других десяти тысяч. Аболиционисты помнят. В частном порядке общественное чувство было с ними с самого начала, но каждый человек боялся говорить, пока не получал намека, что его сосед в частном порядке был таким же, как он сам в частном порядке чувствовал себя. Затем последовал бум. Так всегда бывает. Это произойдет в Нью-Йорке, когда-нибудь; и даже в Пенсильвании. Предполагалось – и говорилось, что люди на линчевании наслаждаются зрелищем и рады возможности его увидеть. Это не может быть правдой; весь опыт против этого. Люди на Юге созданы так же, как люди на Севере – подавляющее большинство которых правы и сострадательны, и были бы жестоко огорчены таким зрелищем – и посетили бы его, и сделали бы вид, что довольны им, если бы общественное одобрение, казалось, того требовало. Мы созданы такими, и мы не можем с этим поделать. Другие животные не такие, но и с этим мы не можем поделать. У них нет Нравственного Чувства; мы не можем обменять свое на никель или что-то еще, что дороже его стоимости. Нравственное чувство учит нас, что правильно и как этого избежать – когда это непопулярно. Как я уже сказал, считается, что линчевательная толпа наслаждается линчеванием. Это, конечно, неправда; в это

невозможно поверить. Свободно утверждается – вы видели это в печати много раз в последнее время – что импульс линчевания был неверно истолкован; что это действие является результатом духа мести, а не «просто зверской жажды смотреть на человеческие страдания». Если бы это было так, то толпы, которые видели, как сгорел отель «Виндзор», наслаждались бы ужасами, которые предстали их глазам. Так ли это было? Никто не подумает о них так, никто не выдвинет такого обвинения. Многие рисковали своими жизнями, чтобы спасти мужчин и женщин, которые были в опасности. Почему они это делали? Потому что никто не одобрял бы. Не было никаких ограничений; они могли следовать своему естественному побуждению. Почему толпа таких же людей в Техасе, Колорадо, Индиане стоит рядом, пораженная до глубины души и несчастная, и показными внешними знаками делает вид, что наслаждается линчеванием? Почему она не поднимает руки или голоса в знак протеста? Только потому, что это было бы непопулярно, я думаю; каждый человек боится неодобрения своего соседа – вещи, которая для общей массы людей страшнее ран и смерти. Когда должно произойти линчевание, люди садятся в упряжки и едут за много миль, чтобы увидеть его, приводя своих жен и детей. Действительно чтобы увидеть его? Нет – они приходят только потому, что боятся остаться дома, чтобы это не заметили и не стали оскорбительно комментировать. Мы можем в это верить, потому что все мы знаем, как мы относимся к таким зрелищам — а также как мы действовали бы под таким давлением. Мы не лучше и не храбрее кого-либо другого, и мы не должны пытаться улизнуть от этого. Савонарола может усмирить и рассеять толпу линчевателей одним лишь взглядом; то же могут сделать Меррилл или Белоат. Ибо ни одна толпа не имеет ни малейшего преимущества перед человеком, известным своей великолепной храбростью. Кроме того, толпа линчевателей хотела бы рассеяться, потому что в ней наверняка не найдется и десяти человек, которые не предпочли бы оказаться в другом месте – и были бы там, если бы у них хватило смелости уйти. Когда я был мальчиком, я видел, как храбрый джентльмен высмеивал и оскорблял толпу и прогонял ее; а позже, в Неваде, я видел, как известный головорез заставил двести человек сидеть неподвижно, пока под ними горел дом, пока он не даст им разрешения удалиться. Отважный человек может в одиночку ограбить

целый пассажирский поезд; а половина храбреца может ограбить дилижанс и обобрать его пассажиров. Тогда, возможно, средство от линчевания сводится к следующему: поместить храбреца в каждую затронутую общину, чтобы поощрять, поддерживать и выносить на свет глубокое неодобрение линчевания, скрытое в тайниках ее сердца, – ибо оно там, вне всякого сомнения. Тогда эти общины найдут что-то лучшее для подражания – конечно, будучи людьми, они должны подражать чему-то. Где найти этих храбрецов? Это действительно трудность; их нет на земле трехсот. Если бы просто физически храбрые люди подходили, то это было бы легко; их можно было бы предоставить грузом. Когда Хобсон вызвал семь добровольцев, чтобы пойти с ним на то, что обещало верную смерть, откликнулись четыре тысячи человек – фактически весь флот. Потому что весь мир одобрил бы. Они знали это; но если бы проект Хобсона был обвинен в насмешках и издевательствах друзей и коллег, чье доброе мнение и одобрение моряки ценили, он не смог бы получить своих семерых. Нет, поразмыслив, можно сказать, что эта схема не сработает. В запасе недостаточно морально храбрых людей. У нас нет морально-мужественного материала; мы находимся в состоянии глубокой нищеты. У нас есть те два шерифа на Юге, которые – но неважно, этого недостаточно, чтобы ходить вокруг; они должны остаться и заботиться о своих собственных общинах. Но если бы у нас было еще три или четыре шерифа этой великой породы! Поможет ли это? Я думаю, да. Ибо мы все подражатели: другие храбрые шерифы последовали бы за нами; быть бесстрашным шерифом стало бы признано правильным, и только страшное неодобрение выпало бы на долю другого рода; мужество в этой должности стало бы обычаем, его отсутствие – бесчестьем, так же как мужество теперь заменяет робость нового солдата; тогда толпы и линчевания исчезли бы, и – Однако. Это никогда не может быть сделано без некоторых закусок, а где мы возьмем закуску? Рекламировать? Очень хорошо, тогда давайте рекламировать. Тем временем, есть другой план. Давайте импортируем американских миссионеров из Китая и отправим их на площадку для линчевания. При том, что 1500 из них обращают по два китайца в год на фоне растущего уровня рождаемости в 33 000 язычников в день, потребуется более миллиона лет, чтобы обращения сбалансировали результаты и сделали христианизацию

страны заметной невооруженным глазом; поэтому, если мы можем предложить нашим миссионерам столь же богатое поле деятельности у себя дома за меньшие деньги и вполне удовлетворительную в плане опасности, почему бы им не посчитать справедливым и правильным вернуться и не дать нам шанс? Китайцы, как все признают, прекрасные люди, честные, благородные, трудолюбивые, заслуживающие доверия, добросердечные и все такое – оставьте их в покое, они и так достаточно хороши; и, кроме того, почти каждый обращенный рискует заразиться нашей цивилизацией. Мы должны быть осторожны. Мы должны дважды подумать, прежде чем поощрять такой риск; поскольку, однажды цивилизованный, Китай никогда не сможет снова стать нецивилизованным. Мы не думали об этом. Очень хорошо, мы должны подумать об этом сейчас. Наши миссионеры увидят, что у нас есть поле для них – и не только для 1500, но и для 15011. Пусть они посмотрят на следующую телеграмму и посмотрят, нет ли у них в Китае чего-нибудь более аппетитного. Она из Техаса: Негра отвели к дереву и раскачивали в воздухе. Под его тело навалили дрова и корм для скота и развели жаркий костер. Затем было высказано предположение, что человек не должен умирать слишком быстро, и его спустили на землю, пока группа отправилась в Декстер, примерно в двух милях отсюда, чтобы раздобыть угольное масло. Его бросили в огонь, и работа была завершена. Мы умоляем их вернуться и помочь нам в нашей нужде. Патриотизм возлагает на них эту обязанность. Наша страна находится в худшем положении, чем Китай; они наши соотечественники, их родина молит их о помощи в этот час ее глубокого бедствия. Они компетентны; наши люди – нет. Они привыкли к насмешкам, издевательствам, оскорблениям, опасности; наши люди – нет. У них есть мученический дух; только мученический дух может выдержать линчевающую толпу, запугать ее и разогнать. Они могут спасти свою страну, мы умоляем их вернуться домой и сделать это. Мы просим их прочитать эту телеграмму еще раз и еще раз, и представить себе эту сцену в своем сознании, и трезво обдумать ее; затем умножить ее на 115, добавить 88; разместить 203 в ряд, оставив 600 футов пространства для каждого человеческого факела, так чтобы вокруг него было место для просмотра 5000 христианских американских мужчин, женщин и детей, юношей и девушек; сделайте это ночью для мрачного

эффекта; устройте представление на постепенно поднимающейся равнине, и пусть ход кольев будет направлен вверх по склону; тогда глаз сможет охватить всю линию из двадцати четырех миль костров из крови и плоти непрерывно, тогда как если бы она занимала ровную местность, концы линии согнулись бы и были скрыты от глаз кривизной земли. Теперь все готово, и тьма непрозрачна, тишина впечатляющая – ибо не должно быть никаких звуков, кроме тихого стона ночного ветра и приглушенных рыданий жертвоприношений – пусть все далекие керосиновые костры будут зажжены одновременно, и сияние, и крики, и агония взорвутся в небеса к Престолу. Присутствует более миллиона человек; свет от костров вспыхивает в неясных очертаниях на фоне ночи шпилей пяти тысяч церквей. О добрый миссионер, о сострадательный миссионер, покинь Китай! вернись домой и обрати этих, христиан! Я верю, что если что-то и может остановить эту эпидемию кровавых безумий, так это воинственные личности, которые могут противостоять толпам, не дрогнув; и поскольку такие личности развиваются только благодаря знакомству с опасностью и обучению и закалке, которые приходят при сопротивлении ей, наиболее вероятным местом, чтобы найти их, должны быть миссионеры, которые проходили обучение в Китае в течение последнего года или двух. У нас для них, и для сотен и тысяч других, работы предостаточно, и поле деятельности ежедневно растет и расширяется. Найдем ли мы их? Мы можем попытаться. В 75 000 000 должны быть другие Мерриллы и Блоты; и закон нашего творения заключается в том, что каждый экзамен должен будить дремлющих кавалеров того же великого рыцарства и выводить их на передний план.» *(Название: «Соединенные Штаты Линчерского Дома», написано в 1901 году, Озарк)*

Этот памфлет Марка Твена я прочитал, уже живя в США. Так получилось, что мои литературные интересы развивались всю жизнь, и, казалось бы, при жизни в СССР я прочитал все главные книги американского писателя, а вот с его публицистикой знаком не был. Надо признать, интерес к его

творчеству в моей стране не угасал все годы моей жизни там, однако приоритетом оставались его главные сочинения. Сейчас, коснувшись истоков его духовных противоречий, я понял, сколь непрост был процесс формирования его воинственного интеллекта в Америке. Однако, при всей противоречивости мировоззренческих поисков Марка Твена, гнусный, средневековый, бесчеловечный акт – линчевание негров – оказался для него мощным тротиловым зарядом, взорвавшимся в его душе. И я моего Марка Твена хорошо понимаю! Мне было лет десять. Я жил тогда в Баку. Уже бегло читал. Тогда я газет в руки не брал. Там был мелкий шрифт, да и тексты не могли меня заинтересовать. 1949 год прошлого века, лето. Лежу в своей кровати в нашей бакинской квартире. На табуретке, рядом с моей кроватью, лежит газета. Заголовок отпечатан жирной черной краской «ПРАВДА». Наверняка отец спешил на работу и забыл взять. Дома – никого. Мать тоже ушла на работу. Газета свернута пополам, но в глаза бросилась большая фотография, наполовину закрытая краем газетного листа. Протягиваю руку, беру газету, разворачиваю. Почти сразу чувствую наплывающий на глаза ужас от увиденного. Заголовок не читаю – впиваюсь взглядом в картинку. Подробности текста под ней не помню. Прошло много лет. Но сюжет увиденной фотографии запечатлелся очень отчетливо: несколько человек стоят у дерева, на ветку которого перекинута веревка. Две рослые фигуры в белых одеждах и островерхих белых колпаках (как я узнал много позже, форма Ку-Клукс-Клана) вешают чернокожего парня. Мгновение я не мог оторвать взгляд от снимка. Бросил газету на пол. Натянул на голову одеяло. Закрыл глаза. Тут же всплыла увиденная накануне картина. Она высветилась отчетливым отпечатком. И как оказалось, на всю мою жизнь...

Формирование мировоззрения у Марка Твена происходит всю его жизнь. Можно выделить три главных трека в развитии его мировоззрения – человек, религия и политические взгляды. Каждая из этих тем не равноценна в пространстве его интересов, научных увлечений и проявлений неудержимой любознательности. Однако все они активно вовлечены в системе его повседневных взглядов, отражены в лекторской практике, в его весьма обширной социальной практике, воплощены в творческом процессе.

1862 год. Сэм Клеменс продолжает связи с масонами, хотя участвовать в ритуальных деяниях не удается – занят на серебряных рудниках

горнодобывающих районах Гумбольдт и Эсмеральда. Не он один. В его окружении множество людей, захваченных такой же страстью. Каждый человек служит для него источником жизненных впечатлений. В наибольшей мере, по его собственному признанию, его интересует шотландец по имени Макфарлейн, живущий с ним в одном пансионе. Он был значительно старше Сэма Клеменса, но именно это обстоятельство сблизило их. К тому же сам характер шотландца привлекал Сэма. Сдержанный, постоянно сосредоточенный на своих внутренних размышлениях, однако готовый говорить со своим юным собеседником серьезно, не обращая внимание на его юный возраст и вполне извинительное в его возрасте невежество. Именно эти особенности личности Макфарлейна придавали его облику привлекательность. Вот что пишет о нем сам Марк Твен. «*Когда мне исполнилось двадцать лет, я перебрался в Цинциннати и прожил там несколько месяцев. Жильцы нашего пансиона были самые заурядные люди разного возраста и обоего пола. Все это был народ суетливый, легкомысленный, разговорчивый и жизнерадостный, даже добродушный, порядочный и доброжелательный, но при всем том удручающе неинтересный. За одним исключением – это был шотландец Макфарлейн. Ему было сорок лет, как раз вдвое больше, чем мне, но мы с ним во многом не сходились и стали дружить с самого начала. Я всегда проводил вечера в его комнате перед огнем и наслаждался отдыхом, слушая его неумолкаемый говор и приглушенные завывания зимней вьюги, пока часы не пробьют десять. В это время он поджаривал себе копченую селедку, на манер приятеля прежних времен из Филадельфии, англичанина Сэмнера. Селедку он съедал на сон грядущий, и это было мне знаком уходить. Он был шести футов ростом, довольно худой, человек серьезный и искренний. Юмора в нем не было, его он даже вовсе не понимал. Улыбка у него была особенная, такая, которая только выражала его добродушие, но если я когда-нибудь и слышал, как он смеется, то совершенно этого не помню. В доме он ни с кем не водился, кроме меня, хотя со всеми был вежлив и мил. У него имелось десятка два-три увесистых книг – по философии, истории, точным наукам, и во главе всего этого ряда стояли библия и словарь. После селедки он всегда читал в постели часа два-три. Как он ни любил поговорить, о себе он редко что-нибудь рассказывал. Если ему задавали личный вопрос, он не обижался, но и спросивший не получал ответа: Макфарлейн только уклонялся в сторону и спокойно повествовал*

о чем-нибудь другом. Как-то он рассказал мне, что не получил почти никакого образования и всему, что знает, выучился самоучкой. Это, кажется, было его единственное биографическое откровение. Холостяк ли он был, вдовец, или соломенный вдовец – это так и осталось его тайной. Одевался он по дешевке, но аккуратно и очень следил за чистотой. Пансион наш был из дешевых; он уходил из дому в шесть утра и возвращался к шести вечера; руки у него были жесткие, и потому я заключил, что он какой-то механик, работает по десять часов в день, за очень скромную плату, – но я так и не узнал этого наверное. Обычно техническая сторона профессии, образы и метафоры, относящиеся к ней, проскальзывают в разговоре человека и выдают его ремесло; но если Макфарлейну когда и случалось проговориться, то мне это нисколько не помогло, хотя я целые полгода был настороже, выжидая этих самых разоблачений из одного только любопытства: меня нисколько не интересовало, чем он занимается, но мне хотелось выследить его по всем сыщицким правилам, и очень досадно было, что это не выходит. Думаю, что это был человек замечательный, если ему столько времени удавалось избегать профессиональных тем в разговоре. В нем была и еще одна достойная внимания черта: он знал весь словарь наизусть, с начала и до конца. Он утверждал, что знает. Он откровенно гордился таким успехом, говоря, что я не смогу найти ни одного английского слова, которое он не сумел бы сразу правильно написать и объяснить, что оно значит. Я потерял много времени, стараясь разыскать такое слово, которое поставило бы его в тупик, но все эти недели были потрачены даром, и в конце концов я бросил поиски; он так возгордился и так обрадовался, что я пожалел, зачем не сдался раньше. Библию, кажется, он знал не хуже, чем словарь. Нетрудно было заметить, что он считает себя философом и мыслителем. Разговор его всегда касался важных и серьезных предметов, и я должен отдать ему справедливость, признав, что в его беседе всегда участвовали сердце и совесть и не было и следа рассуждений и разглагольствований ради тщеславного удовольствия послушать самого себя. Разумеется, его мысли, рассуждения и умствования принадлежали не вполне образованному и совсем недисциплинированному уму, однако иногда у него попадались любопытные и замечательные догадки. Например: это было в самом начале 1856 года – за четырнадцать или пятнадцать лет до того, как мистер Дарвин поразил весь мир «Происхождением человека», – однако Макфарлейн уже тогда

говорил на эту тему со мной здесь, в пансионе города Цинциннати. Одна и та же общая идея, но с некоторой разницей. Макфарлейн считал, что животная жизнь на земле развивалась на протяжении бесчисленных веков из микроскопических зародышей или, быть может, даже одного микроскопического зародыша, брошенного создателем на земной шар на заре времен, и что это развитие шло по восходящей шкале к предельному совершенству, пока не поднялось до человека; а потом эта прогрессивная схема разладилась и пришла в упадок! Он говорил, что человеческое сердце – единственное дурное сердце во всем животном царстве; что человек единственное животное, способное питать злобу, зависть, ненависть, эгоизм, помнить зло, мстить; единственное животное, которое может терпеть собственную неопрятность и нечистоту в жилище; единственное животное, у которого пышно развился низменный инстинкт, называемый «патриотизмом»; единственное животное, которое грабит, преследует, угнетает и истребляет своих сородичей по племени; единственное животное, которое похищает и порабощает представителей чужого племени. Он утверждал, что разум человека является грубым придатком и ставит его гораздо ниже других животных и что не было еще человека, который не пользовался бы своим разумом ежедневно в течение всей своей жизни для собственной выгоды и в ущерб другим людям. Самое духовное из духовных лиц, пользуясь превосходством своего интеллекта, низводит своих домашних на уровень смиренных рабов, а эти рабы, в свою очередь, становятся над другими, ниже стоящими людьми, в силу того, что ума у них все-таки немного побольше».

Нетрудно представить диапазон тем обоюдных разговоров, которые вел со своим старшим товарищем юный собеседник. Вместе с тем интересы Сэма Клеменса не ограничиваются временно захватившей его серебряной и золотой лихорадкой. Он отсылает корреспонденции за подписью «Джош» в газету «*Enterprise Territory*» города Virginia City, а в октябре становится ее местным репортером.

Марк Твен очень придирчиво относился к своим архивам. Особым порядком они не отличались, но были для него в постоянной доступности. Примерно в 1884 году он написал заметки полемического свойства, посвященные *человеку*. Само это понятие было для него чрезвычайно *противоречивым* всю его жизнь. Он предпочитал общаться с каждым, кого представляла ему судьба в виде случайной встречи или в «*письменном виде*», когда кто-то высказывал в его адрес

нелицеприятные идеи, пользуясь услугами почты, и исчезал в пространстве бесконечного роя «homo sapiens», или представал перед ним в облике родственном, дружеском, официальном или ином. Человек был для Твена существом в высшей степени интересным. Он не чурался любых контактов, мгновенно реагировал на любую услышанную им мысль, статью, реплику, даже если она оказывалась верхом невежества, глупости или грубости. Так вот, эти полемические заметки утонули в недрах его архивов, и однажды он наткнулся на эти строчки, которые показались ему чрезвычайно полезными для размышлений. Случилось это в 1906 году. Много раз перечитав их, он понял, что не устоит перед соблазном исправить собственные идеи, и теперь, в его нынешнем возрасте – семьдесят один год – еще раз обратиться к понятию – *человек*. Рука зрелого редактора чувствуется в каждом слове текста, хотя интонация *эссе* отражает все признаки былой задиристости, которые теперь приобрели статус зрелых раздумий. Через четыре года он оставит этот мир, а *человек*, осмысленный им в его творчестве и обыденных раздумьях обретет и сохранит присущую Сэму Клеменсу, ставшему уже Марком Твеном, философскую интонацию...

«While rummaging through my old manuscripts, I came across one, written, it seems to me, about twenty-two years ago. It has a headline and appears to have been a draft for a magazine article. Now I understand very well why I didn't print it. Apparently, the reason for writing it was what happened around that time to Twitchell, who found himself in a situation that he would not forget until his grave, and perhaps even in his grave. I notice that from the beginning to the end of this allegorical article I dropped allusions to Twitchel, to a conversation with a priest who met me on the street, and to many other things that then infuriated me. Now, re-reading this old article, I guess why I did not submit it to print: no doubt, I decided then that my allegorical style was not perfect enough, that I had failed to properly veil Twichell and the conversation to which I alluded, and that any Hartfordian will be able to read between the lines everything that I did not say directly. I'll paste this decrepit article here and then talk about the above-mentioned incident in Joe's life. About a human. This is too vast a topic to cover in its entirety; Therefore, I will now touch on only one or two particulars. I want to look at man from the following point of view, starting from the following premise: that he was not created for any rational purpose – because he

serves no rational purpose; that he was hardly created intentionally at all, and that his unauthorized rise from the oyster bed to his present position surprised and saddened the Creator. For his history in all parts of the world, in all ages and under all circumstances, provides entire oceans and continents of evidence that of all earthly creatures he is the most disgusting. Of the entire brood, he is the only one endowed with malice. And this is the lowest of all instincts, passions, vices - and the most disgusting. Anger puts him below rats, larvae, trichinas. He is the only being who hurts others for fun and knows that it is pain. True, if a cat understands that he is causing pain by playing with a frightened mouse, we will have to make a reservation and admit that in one respect a person is morally equal to a cat. All living beings kill – this rule seems to know no exceptions - but of them only man kills for pleasure, only he kills out of malice, only he kills out of revenge. And besides, of all living creatures, only he has a dirty mind. Is it worth praising a person for his noble qualities, for his kindness, meekness, friendliness, for the ability to love, for courage, loyalty, patience, perseverance, prudence, for the many charming qualities of his soul? Other animals, free from the black and vile properties of his nature, also possess all this. ...There are certain sweet-smelling, sugar-coated varieties of lies that are widespread in the world, and apparently everyone in politics has tacitly agreed to support them and help them prosper. One lie says that there is such a thing in the world as independence: independence of views, independence of thought, independence of action. The other is that the world loves manifestations of independence, that it admires it, welcomes it. Another is that there is such a thing in the world as tolerance in religion, in politics, and so on; and from this follows the already mentioned auxiliary lie, that tolerance is admired, that it is welcomed. Each type of lie is a trunk, and many others branch off from it: the lie that not all people are slaves, the lie that people rejoice in someone else's success, someone else's happiness, someone else's exaltation and are full of pity when it is followed by a fall. And another offshoot lie: as if heroism is inherent in a person, as if anger and betrayal are not the basis of his nature, as if he is not always a coward, as if there is something in him that deserves eternity - whether in heaven, hell or somewhere else neither was it. And one more lie-offshoot: as if conscience, this moral first aid kit of a person, was not only created by the Creator, but is also invested in a person already equipped with the only correct, true and authentic recipes for

behavior, and that exactly the same first aid kits with exactly the same adjustments, eternal and unchanged, distributed among all peoples in all eras. And another lie-offshoot: as if I am me, and you are you, as if we are something independent, individual, with its own character, and not at all the tip of a worm-like string of ancestors, an uninterrupted series going further and further into the depths of centuries, to the monkeys; and as if this so-called individuality of ours is not in fact a moldy and rancid jumble of hereditary instincts and concepts, borrowed particle by particle, abomination by abomination from all this pathetic string, and the truly new and original in us will accumulate just enough to catch on the edge needles and examined under a microscope. Hence it is clear why the assertion that a person has a personal, unique and independent nature, which can be separated from everything superficial to the extent that makes it possible to say: yes, this is a person, not a procession, seems so fantastic... ... Let's consider the first lie, which we mentioned: that there is such a thing as independence, that it is inherent in individuals, that it is inherent in communities of people. However, if oceans and continents of evidence prove anything irrefutably, it is the complete lack of a sense of independence in the entire human race. Rare exceptions only emphasize the rule, illuminate it, and make it especially noticeable. All the New Englanders took turns for many years obediently standing in the train car all the way, not allowing themselves a single complaint out loud; and this situation continued until these countless millions produced one single independent man who stood up for his rights and forced the railroad company to provide him with a seat. Based on statistics and the law of probability, it can be concluded that it will take New England forty years to create a second such man. There is a law prohibiting trains from occupying the Asylium Street crossing for more than five minutes at a time, under penalty of appropriate punishment. For many years, pedestrians and carriages waited at the crossing for twenty minutes or more while it was monopolized by New England Railroad Company trains. I have repeatedly heard energetic protests against such a brazen violation of the law, but nevertheless the protesters continued to obediently wait. We are cautious sheep, we wait to see where the herd turns and then follow it. We have two opinions on every subject: one of our own, which we are afraid to express aloud, and the second, designed to please Mrs. Grundy, which we widely use, until in the end habit instills in us a taste for it, and necessity constantly defending

him does not make us love him and admire him, so that we forget what pitiful feeling gave birth to him. Look how this manifests itself in the political life of the country. Remember how, despising some presidential candidate with all the strength of our souls this year, we are afraid not to give him our vote next year; how we throw mud at him today and praise him to the skies from the public platform tomorrow - and the habit of turning a blind eye to the incriminating facts of last year soon gives rise to a sincere and dull belief in what is reported to us this year. Think about the tyranny of our parties - about what is called loyalty and loyalty to the party, about this trap invented by intriguers for selfish ends and turning voters into goods, into slaves, into hares, while they, along with their masters, shout all sorts of nonsense about freedom, independence, freedom of conscience, freedom of speech, sincerely not noticing the glaring contradictions and forgetting (or ignoring) the fact that a generation earlier their fathers and the then ministers of the church shouted the same sacrilegious lies when they slammed the door in front of the hunted slave, when they beat a handful of his philanthropic defenders with quotations from the Holy Scriptures and clubs, when they swallowed the insults of the southern slave owners and licked their boots. If we want to know the true essence of humanity, it will be enough to simply observe its representatives during elections. A certain Hartford priest, meeting me on the street, spoke of the new candidate and began to censure him with ardor and conviction - it was a pleasure to listen to this speech full of independence and courage1. He said: "Perhaps I should be proud, since this candidate is my relative; however, in fact, I feel pain and disgust, because I know him well, even very closely, and I know that he is a complete scoundrel and has always been like that." But you should have seen this priest forty days later, when, presiding over a political meeting, he convinced, insisted, and extolled the impeccable reputation of the same candidate! You would think that he was describing Cid, the Great Heart, Sir Galahad and Bayar, the knight without fear and reproach, merged into one. Was he sincere? Yes, by that time it already was. That's why it's all so pitiful and hopeless. How little effort a person must expend in order to learn to lie and to believe his lies, if circumstances show him that this is the general direction! Does he still believe this lie? It's quite possible not; he doesn't need her anymore. It was about a fleeting episode of his life: having given him what was due, he hastened to return to his main affairs. And what a petty, unconvincing lie is the assertion

that independence of actions and views is highly valued in people, arouses admiration, is revered, and is rewarded. When a person leaves a political party, he is looked at as if he were property of the party, its slave (however, in fact, almost all members of any political party are) and stole himself, ran away with what does not belong to him. He is slandered, mocked, despised, exposed to general reproach and disgrace. His name is mercilessly dragged through the mud, and the most vile means are used to harm his well-being. A preacher of the word of God who votes in obedience to the dictates of his conscience risks starving to death. But he deserves such a fate, because he taught a lie - that people respect and honor independence of thought and action. If Mr. Beecher is accused of a crime, all his followers will rise up as one man and defend him to the end, but who will remain his friend if he is accused of voting in obedience to the dictates of his conscience? Let's say the newspaper publisher or... or anyone else is accused of the same thing. All this talk about tolerance in any form is a comforting fib. There is no tolerance. It has no place in the human heart, but according to an ancient moldy habit, everyone, choking and sputtering, mutters about it. Intolerance is all for oneself and nothing for others... This is the basis of human nature, and its name is selfishness. For the sake of brevity, we will not examine all other types of lies. This will lead to nothing and will only prove once again that a person is what he is: loving and beloved when it comes to his family or friends, but otherwise a noisy, busy and vulgar enemy of his own kind, who spends his tiny life here. day, dirtying what he has time, and then entrusts himself to God, goes into darkness and never returns and does not give any news about himself, selfish even in death.»*(Title: «Roughing It» Written: 1872, loc.gov)*

«Роясь в своих старых рукописях, я наткнулся на одну, написанную, как мне кажется, около двадцати двух лет назад. У нее есть заголовок, и, по-видимому, это был черновик для журнальной статьи. Теперь я прекрасно понимаю, почему я ее не напечатал. Видимо, причиной ее написания послужило то, что случилось примерно в то время с Твитчеллом, который оказался в ситуации, которую он не забудет до самой могилы, а может быть, и в могиле. Я замечаю, что от начала до конца этой аллегорической статьи я опускал намеки на Твитчелла, на разговор со священником, встретившимся мне на улице, и на многое другое, что тогда меня бесило. Теперь,

перечитывая эту старую статью, я догадываюсь, почему я не отправил ее в печать: несомненно, я тогда решил, что мой аллегорический стиль недостаточно совершенен, что я не сумел должным образом скрыть Твитчелла и разговор, на который я намекнул, и что любой житель Харфорда сможет прочитать между строк все, что я не сказал прямо. Я вставлю сюда эту дряхлую статью, а затем расскажу о вышеупомянутом инциденте в жизни Джо. О человеке. Это слишком обширная тема, чтобы охватить ее полностью; поэтому я сейчас коснусь только одной или двух деталей. Я хочу взглянуть на человека со следующей точки зрения, исходя из следующей предпосылки: что он не был создан для какой-либо рациональной цели - потому что он не служит никакой рациональной цели; что он едва ли был создан намеренно вообще, и что его несанкционированное возвышение с устричной отмели до его нынешнего положения удивило и огорчило Создателя. Ибо его история во всех частях света, во все века и при всех обстоятельствах предоставляет целые океаны и континенты доказательств того, что из всех земных существ он самый отвратительный. Из всего выводка он единственный, кто наделен злобой. И это самый низкий из всех инстинктов, страстей, пороков - и самый отвратительный. Гнев ставит его ниже крыс, личинок, трихинелл. Он – единственное существо, которое причиняет боль другим ради забавы и знает, что это боль. Правда, если кот понимает, что он причиняет боль, играя с испуганной мышью, то придется оговориться и признать, что в одном отношении человек нравственно равен коту. Все живые существа убивают – это правило, кажется, не знает исключений, – но из них только человек убивает ради удовольствия, только он убивает из злобы, только он убивает из мести. И, кроме того, из всех живых существ только он имеет грязный ум. Стоит ли хвалить человека за его благородные качества, за его доброту, кротость, дружелюбие, за способность любить, за мужество, верность, терпение, настойчивость, рассудительность, за многие очаровательные качества его души? Всем этим обладают и другие животные, свободные от черных и подлых свойств своей натуры. ...Есть определенные сладко пахнущие, приторные разновидности лжи, которые широко распространены в мире, и, по-видимому, все в политике молчаливо согласились поддерживать их и помогать им процветать. Одна ложь гласит, что в мире есть такая вещь, как независимость:

независимость взглядов, независимость мыслей, независимость действий. Другая – что мир любит проявления независимости, что он восхищается ею, приветствует ее. Другая – что в мире есть такая вещь, как терпимость в религии, в политике и т. д.; и отсюда следует уже упомянутая вспомогательная ложь, что терпимостью восхищаются, что ее приветствуют. Каждый вид лжи — это ствол, и от него ответвляется множество других: ложь о том, что не все люди рабы, ложь о том, что люди радуются чужому успеху, чужому счастью, чужому возвышению и полны жалости, когда за этим следует падение. И еще одна ответвленная ложь: будто героизм присущ человеку, будто гнев и предательство не являются основой его натуры, будто он не всегда трус, будто в нем есть что-то, что заслуживает вечности – будь то на небесах, в аду или где-то еще, но этого не было. И еще одна ложь-ответвление: будто совесть, эта нравственная аптечка человека, не только создана Творцом, но и вложена в человека уже снабженной единственно правильными, истинными и подлинными рецептами поведения, и что точно такие же аптечки с точно такими же настройками, вечные и неизменные, распространены среди всех народов во все эпохи. И еще одна ложь-ответвление: будто я – это я, а ты – это ты, будто мы – это нечто самостоятельное, индивидуальное, со своим характером, а вовсе не кончик червеобразной вереницы предков, непрерывного ряда, уходящего все дальше и дальше в глубь веков, к обезьянам; и будто эта наша так называемая индивидуальность на самом деле не заплесневелая и прогорклая мешанина наследственных инстинктов и понятий, заимствованных частица за частицей, мерзость за мерзостью из всей этой жалкой вереницы, а истинно нового и самобытного в нас накопится ровно столько, чтобы зацепиться за острие иголки и рассмотреть под микроскопом. Отсюда понятно, почему утверждение о том, что человек имеет личную, уникальную и независимую природу, которая может быть отделена от всего поверхностного в той мере, что позволяет сказать: да, это человек, а не процессия, кажется таким фантастическим... ...Рассмотрим первую ложь, о которой мы упомянули: о том, что существует такая вещь, как независимость, что она присуща отдельным людям, что она присуща сообществам людей. Однако если океаны и континенты доказательств что-либо неопровержимо доказывают, так это полное отсутствие чувства независимости у всего

человеческого рода. Редкие исключения только подчеркивают правило, освещают его и делают особенно заметным. Все жители Новой Англии по очереди в течение многих лет покорно стояли в вагоне поезда всю дорогу, не позволяя себе ни единой жалобы вслух; и так продолжалось до тех пор, пока эти бесчисленные миллионы не произвели одного единственного независимого человека, который отстаивал свои права и заставлял железнодорожную компанию предоставлять ему место. На основании статистики и закона вероятности можно сделать вывод, что Новой Англии потребуется сорок лет, чтобы создать второго такого человека. Существует закон, запрещающий поездам занимать переезд на улице Асилум более пяти минут подряд, под страхом соответствующего наказания. В течение многих лет пешеходы и экипажи ждали на переезде по двадцать минут и более, пока он был монополизирован поездами компании New England Railroad Company. Я неоднократно слышал энергичные протесты против такого наглого нарушения закона, но тем не менее протестующие продолжали послушно ждать. Мы осторожные овцы, мы ждем, куда повернется стадо, а затем следуем за ним. У нас есть два мнения по каждому вопросу: одно наше собственное, которое мы боимся высказывать вслух, и второе, призванное угодить миссис Гранди, которым мы широко пользуемся, пока в конце концов привычка не привьет нам вкус к нему, а необходимость постоянно его защищать не заставит нас полюбить его и восхищаться им, так что мы забудем, какое жалкое чувство его породило. Посмотрите, как это проявляется в политической жизни страны. Вспомните, как, презирая всеми силами души какого-то кандидата в президенты в этом году, мы боимся не отдать за него свой голос в следующем году; как мы поливаем его грязью сегодня и превозносим до небес с публичной трибуны завтра – и привычка закрывать глаза на компрометирующие факты прошлого года вскоре порождает искреннюю и глухую веру в то, что нам сообщают в этом году. Подумайте о тирании наших партий – о том, что называется лояльностью и верностью партии, об этой ловушке, придуманной интриганами в корыстных целях и превращающей избирателей в товар, в рабов, в зайцев, в то время как они вместе со своими хозяевами кричат всякую чушь о свободе, независимости, свободе совести, свободе слова, искренне не замечая вопиющих противоречий и забывая (или игнорируя) тот факт,

что поколением раньше их отцы и тогдашние служители церкви кричали ту же кощунственную ложь, когда захлопывали дверь перед затравленным рабом, когда били кучку его человеколюбивых защитников цитатами из Священного Писания и дубинками, когда глотали оскорбления южных рабовладельцев и лизали им сапоги. Если мы хотим узнать истинную сущность человечества, достаточно будет просто понаблюдать за его представителями во время выборов. Некий священник из Хартфорда, встретив меня на улице, заговорил о новом кандидате и принялся его порицать с жаром и убеждением – слушать эту речь, полную независимости и мужества, было одно удовольствие. Он сказал: «Возможно, я должен гордиться, так как этот кандидат – мой родственник; однако на самом деле я чувствую боль и отвращение, потому что хорошо его знаю, даже очень близко, и знаю, что он законченный негодяй и всегда был таким». Но надо было видеть этого священника сорок дней спустя, когда, председательствуя на политическом собрании, он убеждал, настаивал и превозносил безупречную репутацию того же кандидата! Можно было подумать, что он описывает Сида, Великое Сердце, сэра Галахада и Баяра, рыцаря без страха и упрека, слившихся воедино. Был ли он искренен? Да, к тому времени это уже было так. Вот почему все так жалко и безнадежно. Как мало усилий должен затратить человек, чтобы научиться лгать и верить своей лжи, если обстоятельства показывают ему, что это генеральное направление! Верит ли он все еще этой лжи? Вполне возможно, что нет; она ему больше не нужна. Речь шла о мимолетном эпизоде его жизни: отдав должное, он поспешил вернуться к своим главным делам. И какой мелкой, неубедительной ложью является утверждение, что независимость действий и взглядов высоко ценится в людях, вызывает восхищение, почитается и вознаграждается. Когда человек выходит из политической партии, на него смотрят так, как будто он собственность партии, ее раб (впрочем, на самом деле почти все члены любой политической партии таковыми являются) и сам себя украл, сбежал с тем, что ему не принадлежит. Его клевещут, высмеивают, презирают, выставляют на всеобщее порицание и позор. Его имя беспощадно втаптывают в грязь, и самые гнусные средства употребляются, чтобы навредить его благополучию. Проповедник слова Божьего, голосующий, подчиняясь велению своей совести, рискует умереть с голоду.

Но он заслуживает такой участи, потому что он учил лжи – что люди уважают и чтут независимость мысли и действия. Если мистера Бичера обвинят в преступлении, все его последователи поднимутся как один человек и будут защищать его до конца, но кто останется его другом, если его обвинят в голосовании, подчиняясь велению своей совести? Допустим, издателя газеты или... или кого-то еще обвинят в том же самом. Все эти разговоры о толерантности в любой форме – утешительная ложь. Никакой толерантности нет. Ей нет места в человеческом сердце, но по древней заплесневелой привычке все, задыхаясь и брызгая слюной, бормочут о ней. Нетерпимость – это все для себя и ничего для других... Это основа человеческой натуры, и имя ей – эгоизм. Ради краткости мы не будем рассматривать все остальные виды лжи. Это ни к чему не приведет и только еще раз докажет, что человек есть то, что он есть: любящий и любимый, когда дело касается его семьи или друзей, но в остальном — шумный, суетливый и вульгарный враг себе подобных, который проводит свою крошечную жизнь здесь. день, пачкая то, что успевает, а затем вверяет себя Богу, уходит во тьму и никогда не возвращается и не дает никаких известий о себе, эгоистичный даже в смерти. *(Название: «Roughing It» Написано: 1872, loc.gov)*

Блуждая по мировоззренческим лабиринтам, Сэм Клеменс, скорее всего, неслучайно забрел к франкмасонам. Жизнь требовала поиска профессии, освоив которую можно было бы рассчитывать на стабильный доход и устойчивый душевный интерес. Казалось бы, она найдена. Он восхищен своим положением и оплатой. Но его интеллект уже был заинтригован влиянием его слова на массовое сознание. Репортерский труд захватывал, ощущение собственного могущества от газетных статей, затем литературных миниатюр и вскружило голову юному творцу сочинений, вызывающих мгновенную реакцию множества людей.

Отправляясь до Сент-Луиса на пароходе, Сэм Клеменс неожиданно для себя увидел суету и волнение на верхней палубе. Подойдя

к молодому человеку, с которым недавно познакомился и оживленно беседовал, спросил с тревогой и озабоченностью: «*Я мог бы вынести правду в любой форме, если вы мне скажете, что случилось на пароходе? Я стал свидетелем, что из кают уже вынесли пять трупов мужчин и женщин...*» Молодой человек, а это оказался доктор, сказал, что на пароходе холера и очень опасного типа. Надо быть осторожнее... Добавив, что он как доктор сделал все, что мог. Что он не волшебник и у него нет лекарств. Он искал на пароходе, но шкафчик, где хранятся лекарства, оказался пуст...

Хотя Сэму посчастливилось избежать холеры и, в конце концов, он благополучно высадился на берег, его рассказ об этом факте может свидетельствовать о мотивах членства с 1861 года в Ордене древних, свободных и признанных масонов. Позднее в его книге «*Простаки за границей*», вышедшей в 1869 году, отчасти звучат отголоски его пребывания в масонской ложе. На момент присоединения Сэма Клеменса в 1861 году к масонской ложе ему было двадцать шесть лет. Его духовное самоопределение продолжается, и мотивы вступления вряд ли имеет смысл считать осознанным актом. Встреча с врачом, молодым человеком, оказавшимся с Сэмом на пароходе, пассажирам которого грозила холера, оставила глубокий эмоциональный след в душе Сэмюэла Клеменса. На тот момент он еще пребывал под влиянием пресвитерианской религиозной догмы, и, слушая высказывания доктора-масона, он почувствовал родственную душу. Счастливо избегнув тяжкой участи больного холерой, пережив мощный стресс, молодой человек, сойдя в Сент-Луисе, находит масонскую ложу, называемую «Полярная звезда» № 79, крупнейшую в штате, и записывается в ее члены. Пресвитерианские идеалы его уже давно не прельщали, но религиозные традиции впитывались им с детства, под влиянием семьи. С отъездом из Ганнибала в его душе возникла пустота, и, потеряв младшего брата Генриха, пережив сильный стресс от угрозы страшной болезни, поговорив с доктором-масоном, Сэм был готов избавиться от духовной пустоты, заполнив имеющиеся пустоты неким суррогатом, суть которого вряд ли глубоко осознавал. Ритуальная экзотичность масонства произвела впечатление на юношу. К тому же многие члены ложи своими рассуждениями, выдававшими их эрудицию, способствовали решению Сэма присоединиться к их сообществу. Его прошение было подано 26 декабря 1860 года, а 18 февраля того же года комиссия по петициям одобрила его принятие

и Сэм Клеменс был должным образом избран для получения первой степени. Его прогресс был быстрым. 22 мая он был инициирован в ученики, 12 июня получил степень товарища по ремеслу и 10 июля был повышен до мастера масона, став Достопочтенным Мастером ложи «Полярной Звезды». Однако 26 июля – это всего через две недели после того, как он был возведен в «высшую степень мастера масона» – Сэм отправлялся из Сент-Луиса на территорию Невады в качестве личного секретаря своего брата Ориона. Более того, он покинул Сент-Луис, даже не попрощавшись со своими братьями-масонами. Вместо того, чтобы просить о демите (времени отсутствия в связи с жизненной необходимостью), он позволил секретарю ложи отстранить себя в связи с длительным отсутствием посещения ложи. Его товарищ по работе на серебряных рудниках, Кэлвин Х. Хигби, описал, как Сэм показал ему свое масонское «удостоверение». При этом он с комическим преувеличением описал свои переживания по поводу «ухода от братьев»[1]. Не сумев найти ночлег в Авроре, штат Невада, Марк Твен воскликнул К. Хигби: «*О, чувак, чувак, я знаю, что ты не настолько жестокосерд, чтобы заставлять человека спать в этом мерзком климате и есть пищу индейцев пьюте! Ваше искреннее и открытое лицо показывает, что у вас есть сердце и чувство сострадания*». Затем он «...подал что-то вроде экстраординарного «громкого приветственного знака бедствия» … вытянув свою стройную фигуру во весь рост и дико размахивая руками и ногами произнес: «*Господи, Боже мой! Неужели нет помощи сыну вдовы?*» «Сын вдовы» – это Хирам из Тира (3 Царств 7: 13-14), которого в масонских писаниях называют «Хирам Абиф», чтобы отличить его от Хирама, царя Тира. Очевиден в приводимом отрывке Келвина Хигби характер совсем молодого Сэма Клеменса, который, увлекшись новой идеей быстрого обогащения, оставил Сент-Луис и отправился на поиски удачи, которую он искал в серебряных рудниках штата Невады, в городке Аврора, где ему предстояло устроиться на ночлег. Дурачась и откровенно кривляясь перед новым приятелем, он обращается нему, извлекая из памяти усвоенные в недавнем масонском опыте отрывки писаний, используемых масонами для ритуальных практик. А началось все с того, что в 1861 году старший брат Сэма, Орион Клеменс, получил

1. Этот факт приводит Alexander E. Jones from University of Arkansas в статье «Mark Twain and Freemasonry» Source: American Literature Nov., 1954, Vol. 26, No. 3 (Nov., 1954), pp. 363-37

пост секретаря (помощника губернатора) на территории штата Невада, на дальнем Западе США. Он предложил младшему брату ехать с ним. Профессия лоцмана и неожиданные масонские увлечения Сэма Клеменса уже не слишком увлекали. Он очень гордился своим профессиональным опытом лоцмана, но юная душа требовала чего-то нового. Так что предложение брата оказалось очень кстати. В Неваде Сэм Клеменс окунулся в новую жизнь. Буйную, изобиловавшую контрастами. Он близко сошелся со старателями серебряных рудников, «переболел» серебряной лихорадкой. Не преуспев в старательской деятельности, он поступил репортером в «*Territorial Enterprise*» – газету в Вирджиния-Сити, куда уже посылал написанные между делом юмористические очерки из жизни старателей. *«В душный августовский день изнуренный, покрытый дорожной пылью путник вошел, шатаясь, в помещение редакции «Энтерпрайз» и, скинув с плеча тюк с одеялом, тяжело опустился в кресло. Он был без пиджака, в выцветшей синей фланелевой рубашке. Порыжелая широкополая шляпа, револьвер у пояса, высокие сапоги с отворотами. Спутанные пряди каштановых волос падали на плечи незнакомца, борода цвета дубленой кожи закрывала грудь. Он прошел пешком сто тридцать миль, отделявшие старательский поселок Аврора от Вирджиния Сити».* Так описал Albert Payne, биограф Марка Твена, его первое появление в редакции «Enterprise». Тогда ему было двадцать семь лет, и здесь он начал всерьез свою литературную деятельность и, кстати, окончательно останавливается на своем литературном псевдониме: Mark Twain. До того он подписывался в газете как Josh, однако «Марк Твен» как нельзя лучше отражал тот значительный факт в его биографии, которым он очень гордился. Однако отныне судьба тесно связала его родовое имя Sam Clemens с псевдонимом, который он использовал, взяв «напрокат» термин, которым сам часто пользовался в своей практике лоцмана. «Mark twain» обозначал допустимый размер толщи воды в фарватере реки Mississippi, по которой двигался пароход, ведомый лоцманом Сэмом Клеменсом, без риска сесть на мель. «Марк-твен! (Мерка-два!)» – выкрикивал на речном перекате лотовый матрос, убедившись, что глубина воды достигает двух морских саженей (около четырех метров) и пароход безопасно мог следовать курсом. Кстати, сам Марк Твен в 1875 году в журнальной публикации «Old times on the Mississippi», в примечании от автора, разъяснил этот лоцманский термин. Между тем в Сан-Франциско, в ту пору культурном

центре Тихоокеанского побережья США, Марк Твен заканчивает свое ученичество в литературном кружке его ровесника Брета Харта, бывшего к этому времени уже вполне профессиональным писателем. (Bret Harte born Francis Brett Hart; (August 25, 1836 – May 5, 1902) was an American short story writer and poet best remembered for short fiction featuring miners, gamblers, and other romantic figures of the California Gold Rush. In a career spanning more than four decades, he also wrote poetry, plays, lectures, book reviews, editorials and magazine sketches. As he moved from California to the eastern U.S. and later to Europe, he incorporated new subjects and characters into his stories, but his gold Rush tales have been those most often reprinted, adapted and admired) Его рассказы и пьесы нравились Марку Твену, а одну из сценических постановок он написал совместно со своим литературным наставником. Марк Твен быстро выдвинулся как фельетонист «Энтерпрайз». Приехавший в Неваду, американский юморист Чарльз Фарар Браун, хорошо известный под псевдонимом Артимес Уорд, одобрил литературные опыты Марка Твена и посоветовал ему всецело посвятить себя профессии писателя. В 1862 году, по рекомендации Артимеса Уорда, нью-йоркская газета «Сатердей Пресс» напечатала небольшой рассказ Твена «Джим Смайли и его знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». Я приведу короткий фрагмент. By Mark Twain: *«The Celebrated Jumping Frog of Calaveras County»*.

> «In compliance with the request of a friend of mine, who wrote me from the East, I called on good-natured, garrulous old Simon Wheeler, and inquired after my friend's friend, Leonidas W. Smiley, as requested to do, and I hereunto append the result. I have a lurking suspicion that Leonidas W. Smiley is a myth; that my friend never knew such a personage; and that he only conjectured that, if I asked old Wheeler about him, it would remind him of his infamous Jim Smiley, and he would go to work and bore me nearly to death with some infernal reminiscence of him as long and tedious as it should be useless to me. If that was the design, it certainly succeeded. I found Simon Wheeler dozing comfortably by the bar-room stove of the old, dilapidated tavern in the ancient mining camp of Angel's, and I noticed that he was fat and bald-headed, and had an expression most often reprinted, adapted and admired. of winning gentleness and simplicity upon his tranquil countenance. He roused up and gave me good-day. I told him a friend of mine had commissioned me to make some inquiries about a cherished

companion of his boyhood named Leonidas W. Smiley Rev. Leonidas W. Smiley a young minister of the Gospel, who he had heard was at one time a resident of Angel's Camp. I added that, if Mr. Wheeler could tell me anything about this Rev. Leonidas W. Smiley, I would feel under many obligations to him.

Simon Wheeler backed me into a corner and blockaded me there with his chair, and then sat me down and reeled off the monotonous narrative which follows this paragraph. He never smiled, he never frowned, he never changed his voice from the gentle-flowing key to which he tuned the initial sentence, he never betrayed the slightest suspicion of enthusiasm; but all through the interminable narrative there ran a vein of impressive earnestness and sincerity, which showed me plainly that, so far from his imagining that there was any thing ridiculous or funny about his story, he regarded it as a really important matter, and admired its two heroes as men of transcendent genius in finesse. To me, the spectacle of a man drifting serenely along through such a queer yarn without ever smiling, was exquisitely absurd. As I said before, I asked him to tell me what he knew of Rev. Leonidas W. Smiley, and he replied as follows. I let him go on in his own way, and never interrupted him once: There was a feller here once by the name of Jim Smiley, in the winter of '49 or maybe it was the spring of '50 I don't recollect exactly, somehow, though what makes me think it was one or the other is because I remember the big flume wasn't finished when he first came to the camp; but any way, he was the curiosity man about always betting on anything that turned up you ever see, if he could get anybody to bet on the other side; and if he couldn't, he'd change sides. Any way that suited the other man would suit him any way just so's he got a bet, he was satisfied. But still he was lucky, uncommon lucky; he most always come out winner. He was always ready and laying for a chance; there couldn't be no solittry thing mentioned but that feller'd offer to bet on it, and -take any side you please, as I was just telling you. If there was a horse-race, you'd find him flush, or you'd find him busted at the end of it; if there was a dog-fight, he'd bet on it; if there was a cat-fight, he'd bet on it; if there was a chicken-fight, he'd bet on it; why, if there was two birds setting on a fence, he would bet you which one would fly first; or if there was a camp-meeting, he would be there reg'lar, to bet on Parson Walker, which he judged to be the best exhorter about here, and so he was, too, and a good man. If he even seen a straddle-bug start to go anywhere, he

would bet you how long it would take him to get wherever he was going to, and if you took him up, he would foller that straddle-bug to Mexico but what he would find out where he was bound for and how long he was on the road. Lots of the boys here has seen that Smiley, and can tell you about him. Why, it never made no difference to him he would bet on anything the darndest feller. Parson Walker's wife laid very sick once, for a good while, and it seemed as if they warns going to save her; but one morning he come in, and Smiley asked how she was, and he said she was considerable better thank the Lord for his infinite mercy and coming on so smart that, with the blessing of Providence, she'd get well yet; and Smiley, before he thought, says, «Well, I'll risk two- and-a-half that she don't, any way.» Thish-yer Smiley had a mare the boys called her the fifteen- minute nag, but that was only in fun, you know, because, of course, she was faster than that and he used to win money on that horse, for all she was so slow and always had the asthma, or the distemper, or the consumption, or something of that kind. They used to give her two or three hundred yards start, and then pass her under way; but always at the fag-end of the race she'd get excited and desperate- like, and come cavorting and straddling up, and scattering her legs around limber, sometimes in the air, and sometimes out to one side amongst the fences, and kicking up m-o-r-e dust, and raising m-o-r-e racket with her coughing and sneezing and blowing her nose and always fetch up at the stand just about a neck ahead, as near as you could cipher it down. And he had a little small bull pup, that to look at him you'd think he wan's worth a cent, but to set around and look ornery, and lay for a chance to steal something. But as soon as money was up on him, he was a different dog; his underjaws begin to stick out like the fo'castle of a steamboat, and his teeth would uncover, and shine savage like the furnaces. And a dog might tackle him, and bully- rag him, and bite him, and throw him over his shoulder two or three times, and Andrew Jackson which was the name of the pup Andrew Jackson would never let on but what he was satisfied, and hadn't expected nothing else and the bets being doubled and doubled on the other side all the time, till the money was all up; and then all of a sudden he would grab that other dog jest by the j'int of his hind leg and freeze on it not chew, you understand, but only jest grip and hang on till they thronged up the sponge, if it was a year. Smiley always come out winner on that pup, till he harnessed a dog once that didn't have no hind legs, because they'd been sawed off by a circular saw, and

when the thing had gone along far enough, and the money was all up, and he come to make a snatch for his pet bolt, he saw in a minute how he'd been imposed on, and how the other dog had him in the door, so to speak, and he 'peered sur- prised, and then he looked sorter discouraged-like, and didn't try no more to win the fight, and so he got shucked out bad. He give Smiley a look, as much as to say his heart was broke, and it was his fault, for putting up a dog that hadn't no hind legs for him to take bolt of, which was his main dependence in a fight, and then he limped off a piece and laid down and died. It was a good pup, was that Andrew Jackson, and would have made a name for himself if he'd lived, for the stuff was in him, and he had genius I know it, because he hadn't had no opportunities to speak of, and it don't stand to reason that a dog could make such a fight as he could under the circumstances, if he hadn't no talent. It always makes me feel sorry when I think of that last fight of his's, and the way it turned out. Well, thither Smiley had rat-tarriers, and chicken cocks, and tom- cats, and all of them kind of things, till you couldn't rest, and you couldn't fetch nothing for him to bet on but he'd match you. He ketched a frog one day, and took him home, and said he cal'klated to edercate him; and so he never done nothing for three months but set in his back yard and learn that frog to jump. And you bet you he did learn him, too. He'd give him a little punch behind, and the next minute you'd see that frog whirling in the air like a doughnut see him turn one summerset, or may be a couple, if he got a good start, and come down flat-footed and all right, like a cat. He got him up so in the matter of catching flies, and kept him in practice so constant, that he'd nail a fly every time as far as he could see him. Smiley said all a frog wanted was education, and he could do most any thing and I believe him. Why, I've seen him set Dan'll Webster down here on this floor Dan'l Webster was the name of the frog and sing out, «Flies, Dan'll, flies!» and quicker'n you could wink, he'd spring straight up, and snake a fly off'n the counter there, and flop down on the floor again as solid as a gob of mud, and fall to scratching the side of his head with his hind foot as indifferent as if he hadn't no idea he'd been doin' any more'n any frog might do. You never see a frog so modest and straightforward as he was, for all he was so gifted. And when it come to fair and square jumping on a dead level, he could get over more ground at one straddle than any animal of his breed you ever see. Jumping on a dead level was his strong suit, you understand; and when it come to that, Smiley would ante up

money on him as long as he had a red. Smiley was monstrous proud of his frog, and well he might be, for fellers that had traveled and been everywhere, all said he laid over any frog that ever they see...» *(Title: «The Notorious Jumping Frog Of Calaveras County» Written: 1865, quizlet)*

«По просьбе одного моего друга, который написал мне с Востока, я посетил добродушного, болтливого старика Саймона Уиллера и осведомился о друге моего друга, Леонидасе В. Смайли, как меня и просили, и прилагаю результат. У меня есть скрытое подозрение, что Леонидас В. Смайли – миф; что мой друг никогда не знал такого персонажа; и что он только предположил, что если я спрошу о нем старого Уиллера, то это напомнит ему о его печально известном Джиме Смайли, и он примется за работу и утомит меня до смерти какими-то адскими воспоминаниями о нем, столь же длинными и утомительными, сколь и бесполезными для меня. Если таков был замысел, то он, безусловно, удался. Я нашел Саймона Уиллера, удобно дремавшего у печи в баре старой, полуразрушенной таверны в древнем шахтерском лагере Angel's, и я заметил, что он был толстым и лысым, и на его спокойном лице было выражение, которое чаще всего перепечатывается, адаптируется и вызывает восхищение. обаятельной кротости и простоты. Он проснулся и поздоровался со мной. Я сказал ему, что один мой друг поручил мне навести справки о любимом товарище его детства по имени Леонидас В. Смайли, преподобном Леонидасе В. Смайли, молодом служителе Евангелия, который, как он слышал, одно время жил в лагере Angel's. Я добавил, что если мистер Уилер сможет рассказать мне что-нибудь об этом преподобном Леонидасе В. Смайли, я буду чувствовать себя многим обязанным ему. Саймон Уилер загнал меня в угол и заблокировал меня там своим стулом, а затем усадил меня и начал монотонно рассказывать то, что следует за этим абзацем. Он ни разу не улыбнулся, ни разу не нахмурился, ни разу не изменил своего голоса с мягко-текучего тона, на который он настроил начальное предложение, он ни разу не выказал ни малейшего подозрения в энтузиазме; но на протяжении всего

бесконечного повествования тянулась жилка впечатляющей серьезности и искренности, которая ясно показывала мне, что, будучи столь далеким от того, чтобы воображать, что в его истории есть что-то смешное или забавное, он считал ее действительно важным делом и восхищался двумя ее героями как людьми трансцендентного гения в изяществе. Для меня зрелище человека, спокойно дрейфующего по такой странной истории, ни разу не улыбнувшись, было изысканно абсурдным. Как я уже говорил, я попросил его рассказать мне, что он знает о преподобном Леонидасе В. Смайли, и он ответил следующее. Я позволил ему продолжать в том же духе и ни разу не перебил его: Однажды здесь был парень по имени Джим Смайли, зимой 49-го или, может быть, весной 50-го, я точно не помню, но мне кажется, что это был тот или иной случай, потому что я помню, что большой желоб не был достроен, когда он впервые приехал в лагерь; но в любом случае, он был человеком любопытным и всегда делал ставки на все, что попадалось ему на глаза, если он мог заставить кого-то сделать ставку на другую сторону; а если не мог, то переходил на другую сторону. Любой способ, который устраивал другого человека, устраивал и его, просто чтобы он получил ставку, он был доволен. Но все равно ему везло, необыкновенно везло; он почти всегда выходил победителем. Он всегда был готов и не упускал случая; не могло быть и речи о каком-либо пустяке, чтобы этот парень не предложил поспорить и не принял любую сторону, как я только что вам рассказывал. Если были скачки, вы находили его в выигрыше или разоренным в конце; если была драка собак, он делал ставки; если была драка кошек, он делал ставки; если была драка кур, он делал ставки; если на заборе сидели две птицы, он делал ставки на то, какая из них вылетит первой; или если было лагерное собрание, он был там постоянно, чтобы делать ставки на пастора Уокера, которого он считал лучшим проповедником здесь, и он был таким, и был хорошим человеком. Если бы он увидел, как козявка куда-то едет, он бы поспорил с вами, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться туда, куда он направляется, и если бы вы его взяли, он бы последовал за этой козявкой в Мексику, но он бы узнал, куда она направляется и как долго она в пути. Многие ребята здесь видели этого Смайли и могут вам о нем рассказать. Да ему это никогда не было дела до того, что он бы поспорил на что угодно, даже

самый ужасный парень. Жена пастора Уокера однажды лежала очень больной, довольно долго, и казалось, что ее собираются спасти; но однажды утром он пришел, и Смайли спросил, как она себя чувствует, и он сказал, что ей намного лучше, благодарите Господа за его бесконечную милость и что она такая умная, что с благословения Провидения она еще поправится; и Смайли, не подумав, говорит: «Ну, я рискну двумя с половиной, что она этого не сделает, в любом случае». У этого Смайли была кобыла, которую мальчики называли пятнадцатиминутной клячей, но это было только в шутку, вы знаете, потому что, конечно, она была быстрее, чем та, и он выигрывал деньги на этой лошади, несмотря на то, что она была такой медленной и всегда страдала астмой, или чумой, или чахоткой, или чем-то в этом роде. Они давали ей старт в двести или триста ярдов, а затем обгоняли ее; но всегда в конце гонки она возбуждалась и отчаянно скакала и расставляла ноги, и разбрасывала свои передние ноги, иногда в воздухе, а иногда в сторону между ограждениями, и поднимала больше пыли, и поднимала больше грохота своим кашлем, чиханием и сморканием и всегда останавливалась на стоянке примерно на шею впереди, насколько вы могли это расшифровать. И у него был маленький щенок-бык, на которого можно было бы посмотреть, что он стоит цент, но он сидел и смотрел злобно, и подстерегал возможность что-нибудь украсть. Но как только на него ставили деньги, он становился другой собакой; его нижняя челюсть начинала выпирать, как носовая часть парохода, а зубы обнажались и сверкали дико, как печи. И собака могла схватить его, укусить и перекинуть через плечо два или три раза, и Эндрю Джексон, как звали щенка, Эндрю Джексон никогда не показывал, что он был доволен и ничего другого не ожидал, и ставки с другой стороны все время удваивались и удваивались, пока все деньги не были выиграны; а потом он внезапно хватал ту другую собаку за сустав задней ноги и замирал на ней, не жуя, понимаете, а просто сжимая и держась, пока они не набивали губку, если это был год. Смайли всегда выходил победителем в этой схватке, пока однажды не запряг собаку, у которой не было задних ног, потому что их отпилили циркулярной пилой, и когда дело зашло достаточно далеко, и все деньги были выплачены, и он пришел, чтобы урвать свой любимый рывок, он через минуту увидел, как его обманули, и как другая собака держала его в дверях, так

сказать, и он «выглянул удивленно, а затем он выглядел более обескураженным, и больше не пытался выиграть бой, и поэтому его сильно вышвырнули. Он бросил на Смайли взгляд, как бы говоря, что его сердце разбито, и это его вина, что он выставил собаку, у которой не было задних ног, чтобы урвать ее, которая была его главной опорой в бою, а затем он, хромая, отошел от куска, лег и умер. Это был хороший щенок, этот Эндрю Джексон, и он бы сделал себе имя, если бы был жив, потому что в нем было все, и он был гениален, я это знаю, потому что у него не было никаких возможностей, о которых можно было бы говорить, и неразумно, чтобы собака могла так драться, как она могла, при таких обстоятельствах, если бы у нее не было таланта. Мне всегда становится жаль, когда я думаю о его последней драке и о том, как все обернулось. Ну, там у Смайли были крысоловы, и петухи, и коты, и все такое, так что вы не могли отдохнуть, и вы не могли ничего принести ему, чтобы сделать ставку, но он бы сравнялся с вами. Однажды он пожаловался на лягушку, и взял ее домой, и сказал, что он собирает, чтобы обучить ее; и так он ничего не делал в течение трех месяцев, только сидел у себя на заднем дворе и учил эту лягушку прыгать. И вы можете поспорить, что он научил ее тоже. Он слегка подталкивал его сзади, и в следующую минуту вы видели, как эта лягушка кружилась в воздухе, как пончик, как она поворачивалась на один лет, или, может быть, на два, если у нее был хороший старт, и приземлялась на пол, как кошка. Он так поднял его в деле ловли мух, и держал его в практике так постоянно, что он прибивал муху каждый раз, насколько мог видеть. Смайли сказал, что все, что нужно лягушке, это образование, и что она может сделать почти все, и я ему верю. Да, я видел, как он посадил Дэна Уэбстера здесь, на этом полу. Дэн Уэбстер был именем лягушки, и пел: «Мухи, Дэн, мухи!» и быстрее, чем вы могли моргнуть, он подпрыгивал прямо вверх, схватывал муху с прилавка, и снова плюхался на пол, такой же твердый, как комок грязи, и начинал чесать бок своей головы задней ногой так равнодушно, как будто он понятия не имел, что он делал больше, чем любая лягушка могла бы сделать. Вы никогда не увидите лягушку такой скромной и прямолинейной, как он, несмотря на все его дарования. И когда дело доходило до честных и справедливых прыжков на ровной поверхности, он мог преодолеть больше пространства за один шаг, чем любое животное его

породы, которое вы когда-либо видели. Прыжки на ровной поверхности были его сильной стороной, вы понимаете; и когда дело доходило до этого, Смайли делал на него ставки, пока у него выпадал красный. Смайли был чудовищно горд своей лягушкой, и он мог бы быть горд, потому что парни, которые путешествовали и побывали везде, говорили, что он уложил каждую лягушку, которую когда-либо видели...» *(Название: «Знаменитая прыгающая лягушка округа Калаверас» написано: 1865)*

Читайте дальше, будет очень весело. По сути, это блестящее литературное эссе стало настоящей премьерой писателя Марка Твена.

Вместе с тем этот период своей жизни Сэмюэл Клеменс, ставший уже Марком Твеном, описывает со всей откровенностью как изнурительный и сложный этап: «*Мне пришлось искать другого заработка. Я стал рудокопом в копях Невады, потом газетным репортером; потом золотоискателем в Калифорнии; потом газетчиком в Сан-Франциско; потом специальным корреспондентом на Сандвичевых островах; потом разъездным корреспондентом в Европе и на Востоке; потом носителем факела просвещения на лекторских подмостках, и, наконец, я стал книжным писакой и непоколебимым столпом среди других столпов Новой Англии*». Щекочущая душу любознательность тем не менее не давала покоя Сэму Клеменсу. Она встала рядом с его вечным поиском волшебного баланса между добычей денег и утолением постоянной жажды знаний...

Приближающееся взросление приводило к поиску компромисса, а увлечение франкмасонством привело к ощущению некоего утоления любознательности. Таинственность обрядности масонской ложи, некая эволюция души, ощущаемая в присутствии разнородной братии, зараженной ритуальной значительностью каждого дня пребывания в пространстве масонских обрядов, придавали Сэму Клеменсу и собственную значительность. С 1861 по 1869 год он оставался под влиянием масонства. Наверняка интерес Марка Твена к масонству слабел, пока он пребывал под влиянием золотой лихорадки в Неваде, Калифорнии и даже Сандвичевых островах, работая репортером, предлагая газетам свои услуги журналиста. Однако интерес к масонству мгновенно возрождался, когда он возвращался в США. В свои двадцать девять – тридцать лет он, добираясь до Сент-Луиса, обратился в ложу «Полярной Звезды» с просьбой о реадмиссии, то есть восстановлении его в статусе «брата». Он был должным

образом восстановлен 21 апреля 1867 года. Не прошло и двух месяцев, после того как это случилось, факел любознательности вспыхнул вновь и Сэм Клеменс, узнав о согласии владельцев газет оплатить его путешествие по Европе и Ближнему Востоку на условиях присылать репортажи с «мест посещения», сел на пароход «Квакер-Сити» и... Братья масоны были подавлены его изменчивостью, покорно приняв акт неугомонной души Сэма Клеменса, в очередной раз разрываемой любознательностью.

Между тем Сэм стал уже Марком Твеном. Да, с 3 февраля 1863 года он подписывает свои репортажи именно этим псевдонимом, сделавшим его известным на весь мир! Продолжая работать в газете «*Enterprise*», он становится корреспондентом сан-францисской «*Morning Call*». Эта дерзость молодого журналиста приносит Марку Твену первый приступ славы, в которой было и влияние масонских знаний, потому что они нашли свое отражение в «Простаках за границей», написанной по итогам его первого большого путешествия по миру. Как бы там ни было, но вполне вероятно, что интерес Марка Твена к масонскому ордену достиг своего пика...

Итак, он достиг Ближнего Востока! Сошел на берег в Ливане! Размышляет...

О чем? О том, что «*...Все вокруг нас – это то, что когда-то было владениями Хирама, царя Тира, который доставлял древесину из кедров с этих ливанских холмов, чтобы построить части храма царя Соломона*». Для мастера-каменщика, именно в этом ранге пребывал Марк Твен, будучи восстановлен в масонской ложе, это место было удивительным! Он побывал и в других местах Ливана. Смотрел на святыни и вел себя как истинный Брат. Он приобрел кусок кедрового дерева и сделал из него ритуальный молоток, который отправил достопочтенному мастеру своей масонской ложи. Его презентация состоялась в марте 1868 года. Более того, в книге «*Простаки за границей*», принесшей ему мировую славу, Марк Твен несколько раз возвращается к теме строительства храма. Его, конечно, интересовали и предполагаемые руины храма, которые он считал «непререкаемой и неоспоримой» достоверностью. Наконец, он добрался до Иерусалима, но... Святая Земля явно начала ему надоедать. «*Мы пресытились достопримечательностями*», – жаловался он на страницах своей повести. И все же на этом молотке, вырезанном из ливанского кедра Марком Твеном, все еще находящимся во владении ложи «Полярной

Звезды», написано: «*Этот молоток сделан из кедра, вырубленного в Ливанском лесу, откуда Соломон получил древесину для храма. Рукоятка была вырезана самим братом Клеменсом из кедра, посаженного братом Годфри де Бульоном, первым христианским завоевателем этого города, 8 июля 1099 года, в Александрии. Египет, по приказу брата Клеменса*» (ложа «Полярной Звезды» № 79: AF & AM: Устав, правила и положения, Сент-Луис, 1931, стр. 3). Марк Твен отметил в своем дневнике, что у него «получили ветвь ливанского кедра, посаженного Годфри де Бульоном, первым королем Иерусалима, примерно с 0085 по 1099 год» («Записная книжка Марка Твена», стр. 101).

При несомненных парадоксах любознательности Сэма Клеменса, его духовное преображение в писателя Марка Твена, ставшего известным всему миру, не осталось без влияния случайного пребывания в недрах масонской ложи с ее многовековыми ритуальными пристрастиями, которые на некоторое время привлекли бескрайние пространства его мировоззрения и отразились на страницах его книги: «Простаки за границей.» ...В 1869 году Сэм Клеменс окончательно порывает с масонством...

IV.

Оливия (Ливи – как звали ее близкие) Луиза Лэнгдон Клеменс (Olivia Langdon Clemens) (1845–1904) была женой американского писателя Сэмюэла Ленгхорна Клеменса, известного миру как Марк Твен. Супруги Клеменс прожили вместе 34 года. После свадьбы Твен сказал своему приятелю: «*Если бы я знал, как счастливы женатые люди, я бы женился 30 лет назад, не тратя время на выращивание зубов*». В браке Сэмюэла и Оливии родились четверо детей: Лэнгдон Клеменс (1870–1872), Оливия Сьюзен Клеменс (1872–1896), Клара Клеменс (1874–1962), Джейн Клеменс (1880–1909).

Луиза Лэнгдон Клеменс, среди близких известная как Ливи, родилась 27 ноября 1845 года в Эльмире, штат Нью-Йорк. Она была дочерью богатого угольного коммерсанта Джервиса Лэнгдона (1809–1870) и Оливии Льюис Лэнгдон (1810–1890). Ее отец Джервис Лэнгдон, сын фермера, родился в 1809 году в почтенном семействе из Новой Англии, в шестнадцать лет начал работать в торговле, в 1832 году женился на Оливии Льюис, дочери фермера. Торговал древесиной, продвигался по службе, к 1843 году стал партнером в фирме «*Эндрюс*

и Лэнгдон», в 1855 году переключился на более перспективную отрасль – угольную, купил несколько шахт, основал транспортный бизнес, разбогател, жил в городе Эльмира (штат Нью-Йорк, близ границы с Пенсильванией) и к концу 1850-х годов был одним из виднейших его граждан. Кроме Оливии и Чарльза, в семье была приемная дочь Сьюзен, на десять лет старше Оливии, относились к ней как к родной. Лэнгдоны были людьми глубоко религиозными, реформистами и аболиционистами. Джервис был близким другом знаменитого борца за права негров Фредерика Дугласа, принял его в дом, когда тот бежал от рабства. В 1846 году Джервис вместе с другими прихожанами пресвитерианской церкви вышел из нее в знак протеста против рабовладения и основал Первую независимую конгрегационалистскую церковь. С 1854 года проповедником в ней стал Томас Бичер, брат знаменитого Генри Бичера (не менее знаменитая Гарриет Бичер-Стоу – их сестра).

Образование Оливии в 1850-х и 1860-х годах было сочетанием домашнего обучения и занятий в Терстонской женской семинарии и женском колледже в Эльмире. Ее хрупкое здоровье ухудшилось до инвалидности в период между 1860 и 1864 годами. «*...Она уже никогда, до конца дней, не была крепкой*», – писал Марк Твен в 1906 году. Оливия Лэнгдон познакомилась с Сэмюэлом Клеменсом в декабре 1867 года через своего брата Чарльза. На первом свидании они посетили чтение Чарльза Диккенса в Нью-Йорке. Клеменс ухаживал за ней на протяжении всего 1868 года, главным образом в письмах. Она отвергла его первое предложение руки и сердца, но через два месяца, в ноябре 1868 года, они обручились. О помолвке было объявлено в феврале 1869 года, а в феврале 1870 года они поженились. Венчание проходило в Эльмире, и церемонию проводили конгрегационные священники Джозеф Твичелл и Томас К. Бичер. Молодожены поселились в Буффало, штат Нью-Йорк, в доме, приобретенном для них отцом Ливи. Поначалу им было трудно жить. Джервис умер от рака в августе, а месяц спустя умерла подруга Оливии Эмма Най, приехавшая к ним погостить. Их первый ребенок, Лэнгдон Клеменс, родился в ноябре, но был не доношен. Семья переехала в Эльмиру, чтобы за Оливией и Лэнгдоном могли присматривать ее родственники. В 1871 году Оливия и Сэм Клеменс переехали в окрестности Хартфорда, штат Коннектикут, приобрели землю и построили огромный особняк, который стал их родным кровом на период с 1874

по 1891 год. Маленький Лэнгдон умер в 1872 году. Тогда же родились три дочери: в 1872 году – Оливия Сьюзен, в 1874 году – Клара и в 1880 году – Джейн (Джин). Клара впоследствии вспоминала материнскую «*...бескорыстную и нежную натуру – сочетавшуюся с полным пониманием, как интеллектуальным, так и человеческим, своего мужа*»; по ее словам, мать «*...заботилась обо всем, имевшем отношение к дому и домашнему очагу, что включало гостеприимство в отношении многочисленных гостей, и находила «...время для уроков французского и немецкого, равно как и часы для чтения вслух моим сестрам и мне*». Для своего обожаемого мужа, к которому она любовно обращалась «Малыш», Ливи была, по его словам,«*...преданным, рассудительным и скрупулезным редактором*». В июне 1891 года, в связи с ростом расходов и не всегда обдуманными капиталовложениями Сэмюэла Клеменса, истощившими его доходы, равно как и личный доход Ливи, они надолго закрыли свой дом в Хартфорде и отправились для восстановления сил и средств в Европу. С тех пор жизнь Ливи проходила во временных квартирах, гостиничных номерах и арендованных домах. Когда в апреле 1894 года писатель был вынужден объявить себя банкротом, финансовое будущее семьи было спасено с помощью уловки, наделившей Ливи статусом «*кредитора с преимущественным правом требования*», и передачи ей всех авторских прав Сэма Клеменса. В 1895 и 1896 годах Оливия и ее дочь Клара сопровождали Сэмюэла в его кругосветном лекционном турне, которое он предпринял, чтобы расплатиться с долгами. На следующий год их дочь Сюзи, оставшаяся дома в США, умерла от спинномозгового менингита в возрасте двадцати четырех лет. Это стало сокрушительным ударом для Оливии Клеменс. Она умерла от сердечной недостаточности в июне 1904 года в Италии. Похоронена на кладбище Вудлон в Эльмире...

Это весьма лаконичное изложение семейной жизни Марка Твена, тем не менее было до краев заполнено творчеством. В течение двух десятилетий, прожитых семьей Марка Твена в Хартфорде, его писательское творчество не знало простоев ни на минуту. Горестные и радостные события перемежались друг с другом, и супруги Клеменс стоически их переживали, храня любовь друг к другу. 19 марта 1872 года рождается дочь Сюзи Клеменс, а 2 июня умирает сын Лэнгдон Клеменс. Чтобы отвлечь Оливию от грустных мыслей, Сэм уезжает с ней и дочерью в Лондон и Шотландию. В Лондоне выходит его книга

«*Налегке*». Он выступает в Англии с лекциями.

«*Налегке*» – одна из первых книг Марка Твена. Достаточно прочитать предисловие, чтобы понять: в книге суть множества событий, случившихся в жизни Марка Твена.

> «Prefatory. This book is merely a personal narrative, and not a pretentious history or a philosophical dissertation. It is a record of several years of variegated vagabondizing, and its object is rather to help the resting reader while away an idle hour than afflict him with metaphysics, or goad him with science. Still, there is information in the volume; information concerning an interesting episode in the history of the Far West, about which no books have been written by persons who were on the ground in person, and saw the happenings of the time with their own eyes. I allude to the rise, growth and culmination of the silver-mining fever in Nevada — a curious episode, in some respects; the only one, of its peculiar kind, that has occurred in the land; and the only one, indeed, that is likely to occur in it.
>
> Yes, take it all around, there is quite a good deal of information in the book. I regret this very much; but really it could not be helped: information appears to stew out of me naturally, like the precious ottar of roses out of the otter. Sometimes it has seemed to me that I would give worlds if I could retain my facts; but it cannot be. The more I calk up the sources, and the tighter I get, the more I leak wisdom. Therefore, I can only claim indulgence at the hands of the reader, not justification. *(Commonlit.org 1861-1866)* THE AUTHOR. »

> «Вступление. Эта книга – всего лишь личное повествование, а не претенциозная история или философская диссертация. Это запись нескольких лет разнообразного бродяжничества, и ее цель – скорее помочь отдыхающему читателю скоротать праздный час, чем терзать его метафизикой или подстегивать его наукой. Тем не менее, в томе есть информация; информация об интересном эпизоде в истории Дальнего Запада, о котором не было написано ни одной книги людьми, которые были там лично и видели события того времени своими собственными глазами. Я намекаю на подъем, рост и кульминацию лихорадки добычи серебра в Неваде – любопытный эпизод, в некоторых отношениях; единственный, в своем роде, который произошел в этой стране; и единственный, действительно, который, вероятно, произойдет в ней. Да, если рассматривать все это с разных сторон, в книге довольно много информации. Я очень сожалею об этом; но на самом деле ничего не поделаешь: информация, кажется, вытекает из меня естественным образом, как драгоценный выдровый сок из роз из выдры. Иногда мне казалось, что я бы отдал все на свете, если бы мог сохранить свои факты; но это невозможно. Чем больше я подтасовываю источники тем больше из меня утекает мудрости. Поэтому я могу требовать только снисхождения от читателя, но не оправдания. *(Commonlit.org 1861-1866)* АВТОР. »

Писатель приступил к работе над этим произведением в середине 1870 года, через год после выхода в свет «*Простаков за границей*». Марк Твен решил создать путевые очерки, окрашенные в юмористические тона. Но на этот раз он хотел описать не Европу и «*святые места*» в Палестине, а отдаленные области Америки, где он жил в 1861–1866 годах, и Сандвичевы (Гавайские) острова. Глава издательской фирмы «Американ паблишинг компани» Э. Блис, который нажился на «*Простаках...*» и надеялся, что Твен напишет еще одну столь же популярную книгу, торопил писателя. Предполагалось, что Марк Твен завершит «*Налегке*» еще в 1870 году. Однако книга не была сдана в намеченный срок. По-видимому, ее тема вначале не очень привлекала Твена. Он даже предложил издательству написать взамен «*Налегке*» какое-нибудь другое произведение...

Из писем Марка Твена видно, что в 1871 году он начал с увлечением работать над новой книгой. К этому времени он стал яснее представлять себе значение тех сторон американской жизни, которые ему довелось наблюдать в Неваде и Калифорнии. О некоторых страницах прошлого писателю напомнили полученные им путевые заметки брата, Ориона Клеменса, совместно с которым он в свое время совершил поездку на Дальний Запад. Весной 1871 года в гости к писателю приехал его друг Джозеф Гудмен, редактор невадской газеты «*Territorial Enterprise*», в которой Твен некоторое время трудился репортером и фельетонистом. Гудмен помог Твену воскресить в памяти разные эпизоды их совместной жизни в районах добычи золота и серебра. Писатель переработал для книги ряд собственных корреспонденций с Гавайских островов, опубликованных в американской печати в 1866 году...

Книга «Налегке» вышла в свет в феврале 1872 года. Издательство «*American Publishing Company*» решило распространять новое

произведение Марка Твена, как ранее «*Простаков...*», не обычным путем – через книжные лавки, – а при помощи целой сети агентов, которые ходили из дома в дом, предлагая книгу покупателям. Популярность Марка Твена уже была так велика, что предварительная подписка сразу достигла весьма значительной цифры. Однако общий тираж «*Налегке*» оказался в конце концов не столь большим, как тираж «*Простаков за границей*».

«*Налегке*» рассказывает о виденном и пережитом с середины 1861 года, когда Твен вместе с братом отправился в Неваду, и до конца 1866 года, когда он, вернувшись из путешествия на Сандвичевы острова, покинул Дальний Запад. На первый взгляд, книга представляет собою чисто автобиографическое произведение. Марк Твен в хронологической последовательности рассказывает о многих событиях собственной жизни. Он повествует, например, о трудностях поездки в почтовой карете из Сент-Джозефа в Нарсон-Сити, о безуспешных попытках найти золото и серебро в Неваде, о работе в газете «*Territorial Enterprise*», о переезде в Сан-Франциско. В книге есть вполне достоверные описания быта старателей, чудес природы, однако в новом произведении даже шире, чем в «*Простаках за границей...*», Твен прибегает к... художественному вымыслу. В книге встречаются вставные анекдоты, пародии, самые невероятные комические эпизоды, не имеющие никакого отношения к изображаемым событиям, юмористические сценки, в центре которых вымышленные персонажи. Писатель юмористически утрирует реальные факты своей жизни. Рассказчик и главный герой книги в некоторых отношениях совсем не похож на Сэмюэла Клеменса – старателя, журналиста и путешественника. Марк Твен нередко изображает себя в книге «*Налегке*» комическим простаком, совершающим смехотворно нелепые поступки, или эгоистом, даже... трусом.

Он обходит молчанием некоторые факты из своей жизни в 1861–1866 годах или же говорит о них мимоходом. В первых главах «*Налегке*» с длинным описанием поездки обоих Клеменсов – Ориона и Сэма – в Неваду, не скоро удается понять, что все это происходило в начале Гражданской войны. Автор шутливо объясняет причину своего решения сопровождать брата, хотя в действительности он отправился на Дальний Запад в силу чрезвычайно серьезных обстоятельств, о которых стоит упомянуть.

...В годы, предшествовавшие войне Севера и Юга, Марк Твен

работал лоцманом на реке Миссисипи. Начавшиеся военные действия прервали нормальное движение пароходов на реке, и Твен оказался не у дел. Вскоре он вступил в армию южан и даже, как вы помните, получил чин лейтенанта. Прошло несколько недель, и он... дезертировал. Разобравшись в том, что происходит в родной стране, Сэм Клеменс решил больше не служить в войсках рабовладельцев. Однако многие поборники северян и их аболиционистских идеалов в родном штате Миссури считали его сторонником армии южан. Марк Твен ухватился за предложение брата поехать с ним в далекую Неваду прежде всего потому, что искал выхода из создавшейся и для него неприятной ситуации. В книге «*Налегке*» обо всем этом нет ни слова! Писатель обходит щекотливые моменты собственной биографии и не только там, где речь идет о его личной судьбе. Противоречия в мировоззрении молодого Сэма проявляются в новом произведении даже острее, чем в «*Простаках за границей*». Марк Твен щадит самолюбие Сэма Клеменса, понимая, как непрост был путь выхода из мировоззренческого лабиринта в юном возрасте, когда возникшие социальные конфликты заставляли его принимать не всегда верные решения.

Обстановка, создавшаяся в Неваде в разгар золотой и серебряной лихорадки, то и дело предстает перед читателями книги «*Налегке*» в авантюрном контексте, а о реальных невзгодах, выпадавших на долю старателей, рассказывается в шутливом тоне, смягчая тяжкую обыденность. Мировоззренческая противоречивость Марка Твена тех лет сказывается и на его отношении к коренному населению Америки – индейцам. Как и в «*Простаках за границей*», писатель не гнушается и издевательскими оценками коренных жителей континента. Можно найти немало легкомысленного и поверхностного в суждениях Марка Твена о гавайцах...

На рубеже XIX и XX веков, когда Соединенные Штаты становились мощной державой, Марк Твен в своих «*Деревенских жителях, 1840–43*» – кстати, это его произведение до сих пор не опубликовано полностью – назвал открытие золота в Калифорнии национальным бедствием для Америки. По его выражению, погоня за богатством, связанная с золотоискательством, «*...породила ту жажду денег, которая стала сегодня привычной, ту жестокость, тот цинизм, которые представляют собой дух нашего времени...*» Столь суровые оценки тогдашнего времени, жажда денег, цинизм, жестокость были очевидны

для Сэма Клеменса в Неваде, в те годы, когда он там жил, ощущая на себе все тяжкие противоречия бытия будущего Марка Твена. В период работы над книгой «*Налегке*» писатель еще был далек от мыслей, которые он выразил в своих сатирических произведениях в последние десятилетия жизни. Об этом следует помнить.

Тем не менее, прочитав «*Налегке*», узнаешь много интересного об американской реальности тех лет, когда индустрия США делала первые шаги в конце XIX века, двигаясь к глобальной гегемонии. Присущие Твену симпатии к простым людям позволили ему рассказать и то существенное в их жизни, что стало ценой, заплаченной ими за успехи страны в процессе индустриального развития.

Мы узнаем из книги, что те «*...двести тысяч*» здоровых и сильных мужчин, которых золотая и серебряная лихорадка привела в Калифорнию, в большинстве своем «*...состарились и одряхлели преждевременно*», «*...погибли от пули или ножа*» или «*...умерли, не вынеся горечи обманутых надежд*». Перед нами раскрывается облик страны, где человеческая жизнь ценится чрезвычайно дешево, где убийства совершаются по любому поводу и без повода, а бандиты являются «*блюстителями порядка*». Вдумчивый читатель поймет, что часто Твен, в шутливой форме, говорит об очень серьезных вещах, о мучительных переживаниях. Вспомним, к примеру, его краткий рассказ о работе на обогатительной фабрике.

В книге Марка Твена «*Налегке*» есть не только смягчающий юмор. В книге звучат и сатирические ноты. Он пародирует фальшивые «патриотические» речи, высмеивает лицемерие, показывает, какую роль играют кабатчики в политической жизни Невады, и т. д. Книга «*Налегке*» легко читается, как и «*Простаки...*», оставляя в душе сложные чувства, особенно когда понимаешь, что весь событийный ряд произведения был создан на основе пережитой автором реальности. Потому и главы, написанные с очевидным художественным мастерством, оставляют острые ощущения правды, равно как и страницы «*Простаков за границей*», написанные едва ли не «*на коленке*», несущие в себе аромат сиюминутных впечатлений репортера, полученных во время путешествия по Европе и Ближнему Востоку...

V.

...1873 год. Оливия сообщает мужу, что беременна и супруги решают, что Сэм сопроводит ее домой в Хартфорд в их поместье, а сам возвратится в Англию для продолжения работы над книгой «*Позолоченный век*». Марк Твен впервые приглашает в соавторство *Charles Dudley Warner.* Вернувшись в Лондон, они продолжают совместную работу. Около восьми месяцев они работают над книгой, и в конце года она выходит в Англии, а чуть позже в США.

Марк Твен, скорее всего, ощущал себя репортером. Разговорный жанр был ему гораздо ближе своей динамикой и простором импровизации, чем дисциплина сюжетного творчества в сравнительно широком жанре повести или романа. До того, как написать «Позолоченный век», из-под его пера вышло множество памфлетов, рассказов, сатирических миниатюр. Вместе с тем практика лектора оттачивала лаконизм, искусство комического воздействия на аудиторию, экспрессию изложения. К тому же он был замечательным рассказчиком анекдотов, того самого стендапа, в котором всегда таилась интрига и финальный сюрприз завершения сюжета. С этим багажом Сэмюэл Клеменс прекрасно справлялся с запросами журналистики. Однако творческое взросление и внутренняя потребность осмысливать сложные многоплановые проблемы, которые уже не укладывались в рамки скоротечного памфлета или эссе, а требовали более широких жанровых границ изложения, заставляли рискнуть взяться за роман. Его дружба с Чарлзом Уорнером была скорее комфортным условием решиться написать роман, чем готовностью разделить с ним творческий успех. Они жили по соседству в Хартворте, что тоже было немаловажным фактором для совместного труда. Чарльз Уорнер был редактор, новеллист, автор книг о путешествиях. Он обладал литературным даром, но узость, ограниченность, некий консерватизм его жизненных взглядов были очевидны. Размах критического мышления Марка Твена он не одобрял, хотя и критиковал продажных сенаторов. Исходил из убеждения, что нищета в Соединенных Штатах порождена «*человеческими слабостями и преступностью*». Его взгляды и мировоззрение менялись, дрейфуя в конце жизни к более острым оценкам власти монополий США, но такой радикализации, как у Марка Твена, они не претерпели. В начале 70-х годов Уорнер представлялся Твену воплощением литературной зрелости

и стилистической культуры изложения. Ему хотелось опереться на творческий опыт хартфордского соседа.

Размышляя о собственном проекте, Твен и Уорнер задумали совместно создать книгу о современной Америке. О нравах бизнесменов и политиков, о превратности борьбы за богатство. О людях плохих и хороших. Это должен был быть первый роман Твена. Почти без особых дискуссий решено было назвать его «Позолоченный век». Метафора была понятна обоим, а интрига в этой двойственности так же была очевидна. Правда, в процессе работы над романом Марк Твен гораздо эмоциональнее обострял критически пафос изложения, в то время как его партнер избегал крайностей. В феврале 1873 года он сел за стол, чтобы по намеченному соавторами плану набросать начало книги. Марк Твен испытывал большой подъем. Первый же день работы оказался весьма плодотворным. Даже четыре года спустя в письме к своему другу Гоуэлсу писатель с гордостью вспоминал этот день удивительно успешного творческого труда. Вступительные одиннадцать глав романа, принадлежащие Твену, рассказывают главным образом о фермере Хокинсе – человеке, замученном нищетой. Он обитатель крохотного поселка в восточном Теннесси. Вокруг него подлинное запустение. Вытоптанный двор, кругом мусор. Хокинс понимает, что ему и семье ничего хорошего здесь ждать не приходится. Родственник Селлерс предлагает Хокинсу переехать в новый штат – Миссури. Там фермерам живется гораздо лучше. И вот Хокинс снимается с насиженного места. Уже в пути на новое место его встречают тяжкие испытания. Твен повествует о болезнях, которые косят и взрослых, и малых. Рассказывает о «голодной долине», которую проезжает семья Хокинсов. Наконец, они в Миссури. Однако надежды на безбедное существование не оправдываются. Поселок, куда они прибыли, выглядит весьма безотрадно. Жена Хокинса признается как-то, что в доме нет ни куска хлеба. В свое время Хокинс случайно приобрел в Теннесси огромный участок земли, несколько десятков тысяч акров. Он надеется, что «земля из Теннесси» содержит уголь и железную руду. Но, увы, Хокинсу не суждено стать богатым. Умирая, он оставляет своей жене и детям только эту бесплодную землю. Никаких реальных доходов семье ждать неоткуда.

Образ Хокинса – человека с драматической судьбой – принадлежит к числу наиболее удачных у Марка Твена. Очевидно, что в этом образе нечто, напоминающее Джона Маршалла Клеменса – отца Сэма

Клеменса. В частности, история *«земли из Теннесси»* взята почти буквально из анналов семьи Клеменсов. Но Марк Твен не просто опирается на реальный факт своей жизни. Он строит судьбу Хокинса, осмысливая ее как типичный феномен окружающей его реальности...

Сотни тысяч простых американцев, подобно Хокинсу, всю жизнь мечтают о достатке как основе обыденного благополучия, но их настигает разочарование. Иной персонаж романа – Селлерс. Фантазер-спекулянт, вечно носится с проектами наживы. Никогда не унывает, но неизменно бедствует. Селлерс хвастает своими несуществующими имениями и капиталами. Он без конца лжет! Но делает это вдохновенно, обманывая... самого себя. Увы, нищета остается непреодоленной, как ни украшай свою реальность мишурой лжи. Как бы ни расхваливал Селлерс диетические достоинства простой воды и репы, этих единственных составных частей семейного обеда, в глазах его жены во время голодной трапезы все время стоят слезы. В доме Селлерса нет дров. Он ставит зажженную свечу в печку, чтобы создать впечатление, будто печка топится. Однако в комнате по-прежнему холодно. Марк Твен высмеивает Селлерса и вместе с тем сочувствует ему. В этом гротескном образе получил комическое отражение тот неукротимый огонь предпринимательства, который горел в сердцах тысяч и тысяч американцев в условиях *«позолоченного века»*. Разумеется, обычные дельцы не были столь добродушны и бескорыстно внимательны к друзьям, как Селлерс. Он – воплощение жажды богатства. Но в еще в большей мере – жертва всепожирающего стяжательства.

После того как Твен завершил работу над первыми главами романа, они были прочитаны и обсуждены соавторами в присутствии жен, а затем Уорнер приступил к написанию следующего большого раздела книги. Каждый из соавторов, по существу, разрабатывал в романе свою собственную сюжетную линию.

Если в дальнейших главах *«Позолоченного века»* Марк Твен главным образом высмеивал, обличал, изображая людей бесчестных, мерзких, подлых, то Уорнер занялся созданием *«положительных героев»*. Как он их себе представлял? В романе показаны американцы, которые, как и Селлерс, не прочь приобрести состояние, но чуждаются всякого обмана, честны. Главный среди них – Филипп Стерлинг. Он не придерживается методов спекулянтов, жуликов, бандитов, жаждущих легкой наживы. Филипп упорно ищет уголь. Ему приходится терпеть нужду и в конце концов удача приходит к нему. Залежи угля

обнаружены, и он становится богатым. Его невеста – дочь состоятельных родителей. Она старательна от природы и жаждет изучать медицину, и жизнь ее тоже складывается счастливо.

Уорнер упорно работал над своими главами, но образов убедительных и ярких создать не смог. И причина не в отсутствии писательского таланта. Его добродетельные герои, тот же Филипп и его невеста, мало чего общего имели с окружавшей их реальностью. Потому и были изображены бесцветно, невыразительно. Гораздо более интересны главы, написанные Марком Твеном, в которых были изображены реальные условия *«деловой жизни»* Америки, в частности на *«земле из Теннесси»*. События, разворачивающиеся в его главах, придают сюжету напряжение. Дельцы задумали продать эту, никому не нужную, землю государству. Путем подкупа членов конгресса США они хотят получить за нее много денег. Затевается сложная афера. Во многих главах романа действие происходит в столице страны. Перед нами мир политиканов, предпринимателей, журналистов. Почти все они люди бесчестные, хищники, воры. Рассказ о том, что произошло с деньгами, которые в конце концов были получены за *«землю из Теннесси»*, полон иронического сарказма. Увы, владельцам этой земли ничего не досталось, все было роздано политиканам и газетчикам.

В книге приводится перечень взяток. Каждому члену комитета по ассигнованиям палаты представителей уплачено по десять тысяч долларов. Членам сенатского комитета – столько же. Председателю комитета нужно, конечно, дать несколько больше. Дороже обычного обходятся «высокоморальные» законодатели. Затем лица, которые агитировали среди законодателей. Те, кто склонял их принять законопроект о покупке *«земли из Теннесси»*. А дорогие обеды. Подарки, взятки мелким провинциальным чиновникам. Оплата рекламы. В том числе журналистам, пишущим статьи для религиозной газеты. Ну, конечно, «пожертвования»... Авторы изображают не только прямой, но и косвенный подкуп, показывают, как чары прекрасных женщин помогают переубедить самых несговорчивых. В романе запечатлена атмосфера лжи и предательства.

Важнейший персонаж книги – сенатор Дилуорти. Если сочиненные Уорнером сцены, в которых появляются мифические предприниматели, лишены искры жизни, сцены с Дилуорти наполнены правдой. Образ сенатора взят из жизни. Кое-что в этом «герое» напоминает подлинного политического деятеля того времени – сенатора Помроя

из Канзаса, скандальные поступки которого так часто обсуждались на страницах газет. Однако Дилуорти – обобщенный реалистический характер. «Плохой мальчик», раскрытый на материале жизни *«позолоченного века»*. Дилуорти – преуспевающий пройдоха.

Как пишет Твен, сенатор *«...появлялся в церкви, играл главенствующую роль на молитвенных собраниях, всячески поощрял общества трезвости; осчастливил своим присутствием кружки, в которых дамы благотворительности ради занимались шитьем, и даже изредка сам брался за иголку и делал стежок-другой на коленкоровой рубахе, предназначавшейся для какого-нибудь непросвещенного язычника Южных морей, и этим приводил в восхищение дам, в чьих глазах одеяние, удостоенное сенаторского прикосновения, становилось чуть ли не святыней»*.

Марк Твен полон ядовитого сарказма. Речь Дилуорти в воскресной школе – образец засахаренной лжи. Обращаясь к своим *«маленьким друзьям»*, изливая на них *«лучезарный»* взгляд, улыбаясь *«снисходительной улыбкой»*, он говорит: *«Я сидел сейчас и спрашивал себя: где я нахожусь? Быть может, в каком-либо далеком царстве; и предо мною маленькие принцы и принцессы? Нет! Быть может, я нахожусь в каком-нибудь многолюдном большом городе моего отечества, куда привезли лучших, избранных детей нашей страны как бы на выставку, для присуждения наград и премий? Нет! Быть может, я попал в неведомую часть света, где все дети – настоящее чудо, о каком мы и не слыхали? Нет! Так где же я? Да где же я?»*

В Америке воцарился не «золотой», а *«позолоченный век»*. Политическая и «деловая» жизнь страны, распростершейся вокруг соавторов, насквозь фальшива! В предисловии авторы обращаются к языку метафор и саркастических иносказаний, помня о наследстве Свифта. *«Читатель убедится, что наша книга описывает несуществующее общество; самое большое затруднение для писателей, вступивших в эту область художественного вымысла, – недостаток ярких и убедительных примеров. В стране, где неизвестна лихорадка наживы, где никто не томится жаждой быстрого обогащения, где бедняки простодушны и довольны своей судьбой, а богачи щедры и честны, где общество сохраняет первозданную чистоту нравов, а политикой занимаются только люди одаренные и преданные отечеству, – в такой стране нет и не может быть материала для истории, подобной той, которую мы создали на основе изучения нашего несуществующего государства»*.

«Позолоченный век» – свидетельство литературного комизма в творчестве Твена, переходящего границы невинного смеха к острым сатирическим обобщениям и оценкам реальности, подвергаемой уничтожающей критикой. Марк Твен рисует широкие картины жизни и в его произведениях появляются новые краски. Вступление писателя Марка Твена к новому периоду творческой эволюции очевидно! *«Позолоченный век»* проложил дорогу таким замечательным повестям и романам Твена, как *«Приключения Тома Сойера»*, *«Приключения Гекльберри Финна»* и *«Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»*.

Но было бы ошибкой думать, что писателю вовсе чужды иллюзии его соавтора – Уорнера. В предисловии к лондонскому изданию «Позолоченного века», в декабре 1873 года, Марк Твен пишет: *«В Америке почти каждый человек имеет свою мечту, свой излюбленный план, благодаря которому он рассчитывает выдвинуться в смысле общественного положения или материального благополучия. Этот-то всепроникающий дух спекуляции мы и попытались изобразить… Он – характерная особенность, одновременно и хорошая и дурная, как отдельных личностей, так и всей нации. Хорошая – потому, что не позволяет застывать на месте… Дурная – потому, что избранная цель часто бывает избранной дурно… Однако это все же такая черта, которую народу предпочтительнее иметь, даже иногда и страдая из-за нее, чем не иметь ее вовсе»*.

«Позолоченный век» в первый же месяц выхода в свет выдержал три издания. За два месяца разошлось сорок тысяч экземпляров. По оценке Марка Твена, это был *беспрецедентный* для Америки успех. Спустя год после выхода романа сообщалось, что он распродан в пятидесяти восьми тысячах экземпляров и что на долю Твена пришлось около двадцати пяти тысяч долларов авторского гонорара. Тут же по следам вышедшей книги Твен наспех скомпоновал из написанных им глав пьесу *«Полковник Селлерс»*. Она тоже принесла ему хороший доход. Ни одна из книг Твена не вызвала столько откликов в печати, сколько *«Позолоченный век»*. Неблагоприятные отзывы – а таких было большинство – делились на две категории. Одни критики выражали недовольство тем, что Твен вместо очередной юмористической книги выступил с серьезной сатирой. Газета «Democrat», выходившая в Сент-Луисе, охарактеризовала этот первый роман Твена как *«грандиозное озорство»*. Другие осуждали книгу за то, что все внимание

в ней сосредоточено на темных сторонах американской действительности, вместо того чтобы показать привлекательные стороны жизни. Чикагская «Tribune» негодовала: *«Авторы осквернили свое дарование, обманули доверие публики и навлекли на себя общее недовольство»*. Бостонская «Literary World » недоумевала: *«Как мистер Уорнер, писатель с утвердившейся репутацией, поставил свое имя под такой макулатурой»*. Газета «Independent» обвиняла авторов за *«…показ в книге всего дурного, отталкивающего… Мы заранее краснеем при мысли, что эту книгу переиздадут в Европе»*. На ту же точку зрения стало большинство английских критиков. Обозреватель «Atheneum» с неудовольствием говорил о *«…порочном направлении ума, склонного копаться в «грязном белье» («linger sale») американских спекулянтов на забаву читателям-иностранцам»*.

Однако у книги нашлись и защитники. Они высоко оценили ее как раз за социальный контекст, превознося Твена как проницательного истолкователя американской действительности. Рецензент «Appleton Journal» с удовлетворением отмечал, что юморист Твен не остался слеп к современным общественным язвам и порокам, что он способствовал своим пером сатирика, своим *«острым умом… и талантом их разоблачению. Роман обнажил многие уродства и гримасы современной американской жизни, и это должно произвести впечатление и на те круги, куда до сих пор не проникали олимпийские стрелы газетных громовержцев и воскресных проповедников»*. Оба автора «добились успеха, немыслимого для писателей с менее острым пером». Известный критик Ф.Б. Перкинс в обзоре для «Old and new» утверждал, что роман написан превосходно и отмечал *«…его высокую идейность, его меткие зарисовки и портреты, незаурядное знание людей и фактов и стремительно развивающееся действие…»*. Так же высоко оценил *«Позолоченный век»* рецензент английского «Spectator». Большая удача, отмечал он, что роман написан американцами, а не англичанами: читатели в Соединенных Штатах не смогут отмахнуться от «беспощадных разоблачений американского безрассудства и алчности», отнеся их за счет *«…пресловутого злопыхательства английских писателей, которые будто бы упорствуют в своем превратном понимании и изображении всего американского»*. Что же касается существа дела, то авторы, по мнению рецензента, оказали великую услугу своей стране, обратив ее внимание на необходимость коренных реформ.

Немало критиков отвергало обвинение в том, будто *«Позолоченный век»* – не более как пасквиль. Они подчеркивали, говоря словами бостонской «Transcript», что «*...книга окажет существенную помощь движению за реформы, которое прокладывает себе дорогу в политической жизни наших дней*». Большинство критиков сходилось в том, что название романа и его герой, полковник Селлерс, несомненно, станут именами нарицательными и обогатят американский фольклор. Нью-йоркская «Tribune» посвятила редакционную статью *«Племя Селлерсов»*, где говорилось, что, хотя герой Твена и вымышлен, он представляет собой живой и яркий образ настоящего американца, воплощение типических, чисто американских черт. Это не выдумка писателя. Американское общество изобилует такими оригиналами, людьми, потерпевшими крушение в мелководье жизненных неудач, но беспечно греющихся на солнце.

Спустя двести тридцать лет после публикации романа «Позолоченный век» актуальность проблем, затронутых Марком Твеном, отмечают и современные критики. Они так же, как и современники писателя, в своих оценках не единодушны. Правда, их уже не шокирует разоблачение пороков американской государственной машины. Напротив, предметом разногласий служит вопрос, достаточно ли глубоко Твен вскрыл язвы своего времени? Они признают, что ему удалось заглянуть в лицо реальной действительности. Вместе с тем они считают, что «*...общее впечатление от книги скорее идиллическое; пресловутый миф об Америке лежит на ней розовой дымкой*». *«Основные персонажи книги не воспринимаются всерьез как главные носители зла. Изобразить истинных виновников Твен не решился, это навлекло бы на него слишком много неприятностей»* – утверждает Гренвил Хикс, риторически вопрошая: *«Где же причина того, что столько конгрессменов оказались продажными, столько деловых людей – моральными банкротами?»* Кстати, сам же и отвечает: *«Эти вопросы Сэм Клеменс и Уорнер не были в состоянии разрешить. Им легче было обрушиться на систему присяжных или прочитать проповедь, обличающую спекуляцию...»* Кеннет Р. Эндрюз ставит в вину писателю, что он «*...критикует не столько систему коррупции, сколько ложные иллюзии, бесчестность и грубость жителей «границы», которые стремятся воспользоваться этой системой для личного обогащения*». Отстаивая противоположную точку зрения, Люси Локвуд Хазардс указывает, что Ван Вик Брукс в своих нападках почти

полностью основывается на сюжетной линии Филипа Стерлинга, то есть как раз на тех главах, которые Твен не писал. Брукс ограничивается чисто случайными и поверхностными упоминаниями о полковнике Селлерсе и вовсе умалчивает о сенаторе Дилуорти. А между тем эти два персонажа образуют вместе как бы слитный образ человека в позолоченном веке. По словам Чарльза и Мэри Бэрд, «роман рисует все общественное здание, сверху донизу». Того же мнения и Бернард Де Вото. Он пишет: *«В романе дана как бы панорама позорного режима: президент, конгресс, скрытые пружины, движущие политикой, вырождение демократии, разложение в правящих кругах, фальсификация выборов, взяточничество, подкуп, преступления по должности, фарс народного суда. в «Позолоченном веке» вам бьют в нос гнилостные запахи, вас оглушает разноголосый гомон эпохи... Его порождения – спекулянты, политики и их прихлебатели – существуют в трех измерениях и освещены безжалостным светом презрения»*. Примерно тех же взглядов придерживается Уолтер Ф. Тэйлор. Он согласен с тем, что Твену не удалось «*...просветить до самых глубин вакханалию алчности и рвачества, не удалось докопаться до ее первопричин*», однако отдает должное роману в том, что он «*блестяще отразил... немаловажный этап нашей, американской действительности*». А Томас Бонд Бернхем в своей неопубликованной работе «Марк Твен и «Позолоченный век» приходит к выводу, что, хотя роман «*...и не посягает на священные догмы капитализма... он все же зло высмеивает чудовищную грубость и несправедливость, которые так часто вырастают на основе этих догм*». Он отрицает, что «*Позолоченный век*» якобы «*обходит наболевшие вопросы времени*», заявляя, что «*достаточно обратиться к самой книге, чтобы не согласиться с этим мнением*». Роман «*Позолоченный век*» – произведение, в котором авторы осмелились обратиться к острым проблемам своего времени, разоблачить коррупцию, широко охватившую страну и породившие ее силы. Показать реальный упадок нравов. Этот роман – одно из немногих, созданных в Америке, литературных произведений, ярко и гневно изобразивших жизнь без прикрас, хотя сделать это было непросто, если учесть тщетные старания соавтора Марка Твена – Уоррена, готового смягчить жестокую реальность созданием фальшивых литературных образов, сотканных из скрытых нитей своего подсознания. Сравнения романа с событиями сегодняшнего дня не оставляют сомнение в том, что прозорливость Марка Твена в оценке человеческих

характеров вышла далеко за рамки современного ему периода жизни США. Потомки литературных героев, созданных его разгневанной душой и саркастическим духом отрицания зла, дожили до наших дней. Достаточно посмотреть на экраны телевизоров и открыть «New-York Times» или «Washington Post», или те же романы современных писателей, которые, следуя литературной традиции Марка Твена, сурово препарируют современную американскую политическую реальность...

VI.

В 1874 году в январе Марк Твен возвращается домой из Лондона, а 8 июня Оливия родила дочь – Клару Ленгхорн Клеменс. Пять лет протекают в их доме, в Хартфорде, где Марк Твен напряженно, но с огромным удовольствием трудится. Тогда же выходит его очередная книга «*Старые и новые очерки*» (в 1875 году) и главная книга всей его жизни – «*Приключения Тома Сойера*» (в 1876 году). Эта повесть открывает пространство жизни Сэма Клеменса, которое заполняет целиком великая река Миссисипи. Границы повествования завершаются «*Приключениями Гекльберри Финна*». Эти книги Марка Твена становятся вершинами его литературного творчества. Я воспользовался тем, что интернет переполнен информацией о творчестве Марка Твена и наткнулся на короткий текст о сути событий, происходивших в книге «*Приключения Тома Сойера*». Перечитывать ее – одно удовольствие, даже сейчас, когда тебе уже далеко за восемьдесят...

> «The Adventures of Tom Sawyer' Summary Tom Sawyer is a young boy living with his Aunt Polly on the banks of the Mississippi River. He seems to most enjoy getting into trouble. After missing school one day (and getting into a fight), Tom is punished with the task of whitewashing a fence. However, he turns the punishment into a bit of entertainment and tricks other boys to finish the work for him. He convinces the boys that the chore is a great honor, so he receives small, precious objects in payment. Around this time, Tom falls in love with a young girl, Becky Thatcher. He suffers under a whirlwind romance and engagement to her before she shuns him after she hears of Tom's previous engagement to Amy Lawrence. He tries to win Becky back, but it doesn't go well. She refuses a gift he tries to give her. Humiliated, Tom runs off and dreams up a plan to run away. It's around this time that Tom runs into Huckleberry Finn, who would be the titular character in Twain's next and most acclaimed novel. Huck and Tom agree to meet in the graveyard at midnight to test a scheme to cure warts involving a dead cat. The boys meet at the graveyard, which brings the novel to its pivotal scene when they witness a murder. Injun Joe kills Dr. Robinson and tries to blame it on the drunken Muff Porter. Injun Joe is unaware that the boys have seen what he's done. Afraid of the consequences of this knowledge, he and Huck swear an oath of silence. However, Tom becomes deeply depressed when Muff goes to jail for Robinson's murder. After yet another rejection by Becky Thatcher, Tom and Huck run off with their friend Joe Harper. They steal some food and head to Jackson's Island. They're not there long before they discover a search party looking for three boys presumed drowned and realize they are the boys in question. They play along with the charade for a while and don't reveal themselves until their «funerals,» marching into the church to the surprise and consternation of their families. Tom continues his flirtation with Becky with limited success over summer vacation. Eventually, overcome with guilt, he testifies at the trial of Muff Potter, exonerating him of Robinson's murder. Potter is released, and Injun Joe escapes through a window in the courtroom. The court case isn't Tom's last encounter with Injun Joe, however. In the final part of the novel, he and Becky (newly reunited) get lost in one of the caves. Here, Tom stumbles across his archenemy. Escaping his clutches and finding his way out, Tom manages to alert the townspeople, who lock up the cave while leaving Injun Joe inside. Our hero ends up happy, however, as he and Huck discover a box of gold (that once belonged to Injun Joe), and the money is invested for them. Tom finds happiness and – much to his distress – Huck finds respectability by being adopted. The Takeaway Although Tom is, in the end, victorious, Twain's plot and characters are so believable and realistic that the reader cannot help but worry for the easy-go-lucky boy (Tom) even though he rarely worries for himself. In Huckleberry Finn, Twain created a wonderful and enduring character, a chipper poor boy who hates nothing more than respectability and being «civilized» and who wants nothing more than to be out on his river. Tom Sawyer is both a wonderful children's book and a book perfect for adults who still are children at heart. Never dull, always funny, and sometimes poignant, it is a classic novel from a truly great writer.»

«Приключения Тома Сойера». Краткое содержание. Том Сойер –

молодой мальчик, живущий со своей тетей Полли на берегу реки Миссисипи. Кажется, больше всего ему нравится попадать в неприятности. Однажды пропустив школу (и подравшись), Том был наказан заданием побелить забор. Однако он превратил наказание в небольшое развлечение и обманом заставил других мальчиков закончить работу за него. Он убедил мальчиков, что эта работа – большая честь, поэтому он получил в качестве оплаты небольшие драгоценные предметы. Примерно в это же время Том влюбился в молодую девушку, Бекки Тэтчер. Он страдал от бурного романа и помолвки с ней, прежде чем она оставила его, узнав о предыдущей помолвке Тома с Эми Лоуренс. Он пытается вернуть Бекки, но все идет не так. Она отказывается от подарка, который он пытается ей сделать. Униженный Том убегает и придумывает план побега. Примерно в это же время Том сталкивается с Гекльберри Финном, который станет главным героем следующего и самого известного романа Твена. Гек и Том договариваются встретиться на кладбище в полночь, чтобы проверить схему лечения бородавок с помощью мертвой кошки. Мальчики встречаются на кладбище, что приводит роман к ключевой сцене, когда они становятся свидетелями убийства. Индеец Джо убивает доктора Робинсона и пытается свалить вину на пьяного Маффа Портера. Индеец Джо не знает, что мальчики видели, что он сделал. Боясь последствий этого знания, он и Гек клянутся молчать. Однако Том впадает в глубокую депрессию, когда Мафф попадает в тюрьму за убийство Робинсона. После очередного отказа Бекки Тэтчер Том и Гек сбегают со своим другом Джо Харпером. Они крадут немного еды и направляются на остров Джексона. Вскоре они обнаруживают поисковую группу, ищущую трех мальчиков, предположительно утонувших, и понимают, что это те самые мальчики. Они играют в эту шараду некоторое время и не раскрывают себя до своих «похорон», маршируя в церковь к удивлению и ужасу своих семей. Том продолжает свой флирт с Бекки с ограниченным успехом во время летних каникул. В конце концов, охваченный чувством вины, он дает показания на суде над Маффом Поттером, оправдывая его в убийстве Робинсона. Поттера отпускают, а индеец Джо сбегает через окно в зале суда. Однако судебное дело не является последней встречей Тома с Индейцем Джо. В заключительной части романа он и Бекки (недавно воссоединившиеся) теряются в одной из пещер. Здесь Том

натыкается на своего заклятого врага. Сбежав из его лап и найдя выход, Том умудряется предупредить горожан, которые запирают пещеру, оставив индейца Джо внутри. Однако наш герой в конечном итоге счастлив, поскольку он и Гек обнаруживают ящик с золотом (который когда-то принадлежал индейцу Джо), и деньги инвестируются для них. Том находит счастье, а Гек – к его большому огорчению – обретает респектабельность, будучи усыновленным. Вывод. Хотя Том в конце концов побеждает, сюжет и персонажи Твена настолько правдоподобны и реалистичны, что читатель не может не беспокоиться за беспечного мальчика (Тома), хотя он редко беспокоится о себе. В «Гекльберри Финне» Твен создал замечательного и стойкого персонажа, бодрого бедного мальчика, который ненавидит ничего так, как респектабельность и «цивилизованность», и который не хочет ничего так, как быть на своей реке. «Том Сойер» – это и замечательная детская книга, и книга, идеально подходящая для взрослых, которые в душе все еще остаются детьми. Никогда не скучный, всегда забавный и иногда трогательный, это классический роман от действительно великого писателя».

И всё же было бы несправедливо уклониться от обращения самого Марка Твена к своим читателям.

Foreword: «Most of the adventures that are told in this book are taken from life: one or two experienced by me myself, the rest by boys who studied with me at school. Huck Finn is based on life, Tom Sawyer is also, but not from the same original - he is a combination of features taken from three boys I knew, and therefore belongs to a mixed architectural order. The wild superstitions described below were common among the children and Negroes of the West in those days, that is, thirty or forty years ago. Although my book is intended mainly for the entertainment of boys and girls, I hope that grown men and women will not disdain it, for it was my plan to remind them what they themselves once were, what they felt, thought, how they talked and in what strange adventures sometimes got involved. Hartford, 1876 Author.» (Thought.co)

Предисловие: «Большинство приключений, о которых рассказывается в этой книге, взяты из жизни: одно или два пережиты мной самим, остальные – мальчиками, которые учились со мной в школе. Гек Финн основан на жизни, Том Сойер тоже, но не с того же оригинала – он представляет собой комбинацию черт, взятых

> у трех мальчиков, которых я знал, и поэтому принадлежит к смешанному архитектурному ордеру. Дикие суеверия, описанные ниже, были распространены среди детей и негров Запада в те дни, то есть тридцать или сорок лет назад. Хотя моя книга предназначена в основном для развлечения мальчиков и девочек, я надеюсь, что взрослые мужчины и женщины не будут ею пренебрегать, ибо моим планом было напомнить им, какими они сами когда-то были, что они чувствовали, думали, как говорили и в какие странные приключения иногда ввязывались. Хартфорд, 1876 Автор.» (Thought.co)

...Приключения Тома Сойера написаны в духе «романов о старине». Спокойная эмоциональная окраска изложения контрастировала с напряженной жизнью 70-х годов, описанной в *«Позолоченном веке»*. *«Поэзией детства»* назвал свой роман Марк Твен. *«Это просто гимн, переложенный прозой для того, чтобы дать ему словесную оболочку»*, – говорил он. Именно так произведение Марка Твена и было воспринято бесчисленными читателями разных национальностей, возрастов и поколений... *«Поистине, из всех книг, которые я читал когда-либо,* – признавался Джон Голсуорси, – *наиболее чистое наслаждение я получил от очаровательного эпоса юности – «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна». Они оживляли мое детство и продолжают доставлять радость во взрослой жизни – по сей день». Марк Твен утверждает, что «Том Сойер» – «...это не детская книга. Она будет читаться только взрослыми, написана только для взрослых»*. Получая очередную премию за написание этого романа, Марк Твен с обидой в голосе произнес, что вынужден напомнить, что эта его книга была написана скорее для взрослых, чем для детей, потому что именно взрослые должны помнить, какими они были в возрасте Тома Сойера и что вытворяли. Это полезно для них, чтобы сохранять справедливость в своих оценках поведения своих собственных детей. *«Я считаю,* – говорил Марк Твен, – *что правильный метод написания произведения для мальчиков – писать так, чтобы было интересно не только для мальчиков, но чрезвычайно интересно для любого, кто был когда-либо мальчиком. Это чрезвычайно расширяет аудиторию»*. Писатель убежден, что ребенок мыслит конкретно, то есть образно. Ему присуще стремление к яркому и необычайному. Завладеть вниманием такого читателя непросто! *«Приключения Тома Сойера»* и другие романы Марка Твена интересны и детям, и взрослым. Он рассказывает о жизни,

приключениях и переживаниях мальчиков, оставаясь правдивым в раскрытии детской психологии. Он создает реалистическую картину той действительности, которая окружает его маленьких героев. *«Том Сойер»* – книга, в которой очень много непосредственных впечатлений детства, реальных фактов собственной биографии автора. Они придают повествованию чарующую прелесть. Все ситуации, приключения в романе имели место в реальной жизни. Марк Твен рисует в романе жизнь провинциального городка Сент-Питерсберга в комических тонах. Малейшее событие повергает весь город в неописуемое волнение. В этой атмосфере живут и действуют герои романа – Том Сойер и его друг Гекльберри Финн. В облике обоих мальчишек – жажда жить интересно, красочно – так, чтобы дух захватывало! Чтобы все знакомые мальчишки изнывали от зависти! Жить так, чтобы *«мертвая рука обыденности»* не сковала леденящим холодом их озорство и не превратила бы их в *«хороших мальчиков»*. Пуританство в семье, школе – это нечто враждебное человеческой природе. Пуританство – враг Тома и Гека. Это изгнание радости из их жизни. Подавление природных желаний. Недаром противовесом этому рисуются картины природы во всей её красе. Самыми поэтическими моментами в книге являются описания раннего утра на острове. Игры детей на отмели. Гроза в лесу. Могучая река с ее бескрайними просторами. Лес с его романтикой «разбойничьей» жизни. Пещера с ее страхами.

Одна из условностей жизни, навязываемая детям и взрослым, – религия. Как по-мальчишески беспощадно с ней разделывается Том Сойер! Его детский ум свободен от трепетного поклонения религиозной обрядности. Церковная служба наводит на него лишь одуряющую скуку. Ребяческая проделка дает Твену возможность показать, что хождение в церковь – лишь дань *«общепринятому»*. *«Все вздохнули с облегчением, когда эта пытка кончилась и пастор сказал «аминь»*. Взгляд Марка Твена на религиозные постулаты и его отношение к фактам реальности, к которым его приучали сызмальства – субъективный. На какое-то краткое мгновение Марк Твен сумел представить «молящихся» без мины ложного благочестия, обязательной, на его взгляд, во время церковной службы. При этом писатель раскрыл многое – нравы, вкусы, отношение к религии и религиозной обрядности со стороны американцев.

Школа для Тома Сойера – «тюрьма и кандалы», а время от воскресенья до воскресенья – «неделя мучений». Школа не калечит его душу

только потому, что мальчик живет другими захватывающими ее интересами. Хотя повествование о школьных невзгодах Тома Сойера идет в тонах мягкого юмора, Марк Твен употребляет выражение «*замученные и задерганные мальчики*», «*отупевшие дети*», потому что практика зубрежки наизусть непонятных вздорных книг не отвечала опыту детства, подавляя ее природу. Сам Марк Твен в детстве учился именно в такой школе в Ганнибале, «*у миссис Хор на Мейн-стрит*». В «Томе Сойере» ученики мстят учителю за побои и истязания, которые они терпят целый учебный год. Том Сойер ненавидит школьные условности. Его всегда заставляют делать то, чего он не хочет, потому что «*так надо*»! Он же – увлекающий и увлекающийся! Он живет страстно и самобытно. Старается избежать любой узды. Недаром на первой странице романа тетя Полли высматривает озорного Тома «*между грядками томатов и высокой сорной травы*». Буйная трава, растущая вопреки садовым условиям, – это символ натуры Тома Сойера, непокорного мальчугана-сорванца. Литературная пародия на авантюрные романы о разбойниках, как и игра в «*пиратов*», бегство на «*необитаемый остров*», ночные клятвы, скрепленные кровавыми подписями, необыкновенно оживляет фабулу романа. Том Сойер – не только «*Черный Мститель испанских морей*», он – американский мальчик, на поведении и психологии которого – хочет он или не хочет – отражаются «*общепринятые*» понятия, «*общепринятый*» уклад жизни. Любимые словечки Тома Сойера: «*долг*», «*закон*». Безапелляционное: «*так надо*» – ирония автора в адрес мира взрослых. В романе Твен – юморист прекрасно использовал способность детского сознания копировать окружающих. История любви Тома и Бекки – опять же лирическая пародия на взаимоотношения двух взрослых. Том старается покорить сердце незнакомки. Том тоскует под ее окном. Служанка выливает на него ушат помоев, а Том «*козыряет*» славой лучшего ученика воскресной школы и... добивается поцелуя и «*обручения*». Он же нечаянно возбуждает ревность Бекки. Влюбленные поссорились. Они «*смертельно*» ненавидят друг друга. Но Том великодушно спасает Бекки от розог. Он получает заслуженную награду от возлюбленной. Наконец, Том – рыцарь, охраняющий Бекки в пещере. Он избавляет ее от возможной мучительной смерти. Это калейдоскоп эволюции реальности «от» и «до», сотканной из опыта жизни взрослых, преломленного сквозь детское, мальчишеское сознание. А вот и отношение мальчиков к вопросам собственности. Они терзаются

угрызениями совести по поводу стянутых окороков (подготовка к бегству на остров) – «*ведь это настоящее воровство*». Но красть клад у индейца Джо, по их мнению, – доблесть! За то, что Том таскал у тетки сахар, его били по рукам, за съеденное в кладовой варенье его ждала кара, но за груду присвоенного им золота его ожидали только... почет и уважение. И самое лучшее – изумление взрослых!

В Томе Сойере Марк Твен создал типичный образ американского подростка. В мальчике имеется все, характерное для его возраста, среды, времени и страны обитания. Много суеверий, поверья! В детском быту они играют гораздо большую роль, чем в мире взрослых, придавая играм таинственно-жуткий оттенок. Но, оказывается, самым увлекательным и заманчивым является преодоление того «страшного», чем полна суеверная фантазия Тома и Гека. Немало отваги нужно, чтобы отправиться ночью на кладбище с дохлой кошкой на веревке (это наверняка выводит бородавки) и знать, что мертвецы слушают разговоры живых. Мастерское построение сцены на кладбище хорошо раскрывает цель писателя: показать, что реальная жизнь бывает порою страшнее любых суеверных выдумок. Мальчишки сопоставляют свой небольшой житейский опыт с «*узаконенными*» поверьями. Бродячая собака выла в полночь около дома Джонни Миллера. Даже козодой сел на перила у крыльца их дома и запел! Но никто в доме Миллеров не умер... Индеец Джо дал следствию ложные показания – мальчики знают, что он – убийца. Но громы небесные не поразили клятвопреступника! Почему? В душах детей рождается желание все понять. Проверить. Осознать. Любознательность сильнее страха. Мальчикам хочется «*хоть одним глазком взглянуть на страшного властелина*» – черта, которому Джо-клятвопреступник «*продал свою душу*». В борьбе с суеверными страхами и реальными житейскими злоключениями формируется решительный характер Тома Сойера. Он встает на защиту невиновного в убийстве Меффа Поттера. Однако сделать это его заставляет не только чувство справедливости, но и... тщеславие. Необузданная фантазия, энергия, жажда приключений толкают его ко всему, что кажется опасным, требует смелости, отваги.

Авантюрность романа, динамическое развитие сюжета, различные театральные эффекты (сцена в суде, сцена с мешками золота) обусловлены характером героя романа. Характер Тома Сойера довольно сложен: в нем сочетаются противоречивые черты – детское себялюбие и порывы великодушия; романтическая мечтательность

и трезвый практицизм; отвага и способность поддаваться непреодолимому страху; высокоразвитое чувство товарищества и яростное детское честолюбие. Во всем и всегда Том Сойер искренен, непосредственен. Это делает его образ удивительно обаятельным. Безудержная фантазия Тома Сойера – это та поэтическая сила, которая сохраняет целостным его собственный душевный мир. Эта сила влечет Гека Финна к Тому Сойеру и делает их закадычными друзьями. Изображая поведение играющих детей, автор стирает грани между воображаемым и реальным. Играющий ребенок в воображаемом мире живет полноценной жизнью. Марк Твен с большим искусством и тонким юмором переводит детей от игры в реальность и обратно. Фантазия о кладе приводит к сокровищу индейца Джо. Жажда необыкновенного приключения – к романтическому и трагическому пребыванию Тома и Бекки в пещере. Игра в разбойники – к реальным бандитам и убийцам. Желание «*умереть на время*» возбуждает радость насмотреться на грусть и слезы близких по поводу «*безвременной кончины*» и присутствовать на собственной заупокойной мессе. Автор так тонко сплетает воедино игру и реальность, что кажется – романтика приключений рождена страстным желанием детей пережить необычайное. Это придает реалистическому стилю повествования комическую окраску, превращая роман в оригинальное произведение.

Несмотря на обаятельность Тома Сойера, героем романа под конец повести становится Гекльберри Финн. Если Том Сойер склонен забывать тяжелые впечатления, инстинктивно отметая от себя все уродливое и грязное, то Гекльберри Финн – натура более глубокая. Он знает, чего хочет, не терпит компромиссов. Упрямо добивается своего: жить вольно. Автор определяет его как отверженного бродяжку. Однако в этой оценке звучит иная смысловая интонация. Те, кто встречает его «*по одежке*», то есть отвергают его, нравственно ниже его достоинства. Гекльберри Финн изображен не только смелым, он очень добр, справедлив. Он спасает вдову Дуглас от злой смерти. Участвует в разоблачении преступления Джо. В приключениях Гекльберри Финна отражаются события, в которых случаются главные сюжетные акты повествования. Гек дружит с негром Джеком *(«...очень хороший негр. И меня любит за то, что я не деру нос перед неграми»).* Носит воду из колодца для «дяди Джека», а тот его кормит потихоньку от хозяев. Но то, что отличает Гека Финна от судьи Тэчера, вдовы Дуглас и других обитателей Сент-Питерсберга, – это презрение к богатству.

Условности жизни «приличного» общества вошли в жизнь Гека Финна вместе с найденным, но ненужным ему золотом. Вольнолюбивый бродяга и не подозревал, сколько горя оно принесет ему!

Том Сойер, нашедший его – довольного и счастливого, в прежних живописных лохмотьях, поселившегося в пустых бочках – поражен услышанным от Гека: «*Нет, Том, не хочу быть богатым, не желаю жить в гнусных и душных домах. Я люблю этот лес, эту реку, эти бочки – от них я никуда не уйду. Ведь черт бы его побрал: как раз теперь, когда у нас есть ружья, и пещера, и все, что надо для того, чтобы разбойничать, нужно же было подвернуться этим дурацким деньгам и все испортить*». Деньги убили радость мальчишки, испортили чудесную игру. Их появление нарушило безоблачную жизнь Гека. «*Видишь ли, Том, быть богатым вовсе не такое веселое дело. Богатство – это тоска и забота, тоска и забота*», – уныло твердит Гек Финн. В этих словах уже не только смутное и инстинктивное, но во многом выстраданное отношение к власти денег. Марк Твен обрисовал полнокровные, завершенные типажи своих героев. В этом отношении роман «*Приключения Тома Сойера*» – шаг вперед по сравнению с предыдущим творчеством Марка Твена.

Однако это не единственное достоинство романа. В нем Марк Твен показал мир американской обыденности. Той «*цивилизации*», которая царила в 70-80-е годы XIX века. Показал, не прибегая к сатирическим обличениям той же реальности, которая окружала его самого. На первый взгляд, многое в изображении этого мира кажется добродушным. Тетя Полли – объект мальчишеского озорства Тома и Гека. Она добра, хотя и недогадлива. Комична. Но очки – «*печные заслонки*» – не случайная комическая деталь, это символ духовной слепоты тети Полли. Конечно, она любит своего племянника Тома Сойера. Но по своему невежеству и ограниченности готова пороть его, чтобы «спасти» душу мальчика. Не понимает, что мальчика гложет внутренняя тревога, истоки которой ей недоступны. Она лишает его всех ребячьих радостей, суть которых ей неведома. Терзает его своими придирками, «*желая добра*», превращает жизнь Тома в ад. Добренькая кузина Мэри обмывает, наряжает Тома. Казалось бы, чего тут плохого? Но она охотно превратила бы его в свое подобие, в мальчика-машину для зубрежки стихов из Священного Писания. Вдова Дуглас тоже хочет «*добра*» Геку, когда «*причесывает его до ужаса*», заставляет «*спать ложиться по звонку и вставать по звонку*». Она продукт той «*цивилизации*»,

которая так ненавистна Геку. Желание Марка Твена критически переоценить существующие ценности – очевидно! Разве золото – источник радости? Разве ханжи из воскресных школ учат детей чему-либо, кроме притворства? Разве школьная зубрежка не калечит молодые умы? Разве религиозная обрядность – не ложь и не фальшь? В поведении мальчиков нет конкретных примеров противостояния, кроме ими самими придуманных актов неповиновения, возникших стихийно, а потому и понятных и сверстникам, и взрослым из другого времени.

Роман Марка Твена «*Приключения Тома Сойера*» – поэзия детства. Детства озорного, веселого, остроумного. Воля его героев рвется на свободу из душной цивилизации, переполненной замшелыми стандартами и ценностями. Том и Гек ищут и находят иные ценности. Они отстаивают права на вольную и независимую жизнь, на увлекательное и интересное для них дело.

Книга Марка Твена учит любви к человеку. К его правам, начиная с детских лет. Любви к природе, источнику радости для человека. Ценителям твеновского юмора навсегда запоминается превосходно написанная, вся сотканная из контрастов сцена мальчишеской драки между Томом Сойером и Альфредом Темплем. Это та высокая степень искусства, о которой Твен позже писал: «*Юмор – великая вещь, спасительная прежде всего. Достаточно мгновенья – и наши заботы исчезают, раздражение и обиды улетучиваются и прекрасное состояние духа снова возвращается к нам*». Сцена эта запечатлевается в сознании не только метким, юмористически точным воспроизведением извечных мальчишеских стычек

(«*Хочешь, поколочу? — Ну-ка, попробуй! Где тебе! — Сказал, поколочу, значит могу. — А вот и не можешь. — Могу. — Не можешь! — Могу. — Не можешь!*»), когда забияки мальчишки покрывают себя «*пыльной славой*», но и выражением ненависти Тома Сойера к «*столичному франту-чужаку*». Протест Тома и Гека против тягот «цивилизации» сказывается на конструкции фраз и отдельных сцен, выписанных автором. «*...Дети втроем отправились в воскресную школу, которую Том ненавидел от всей души, а Сид и Мэри любили*». «*...Душа тети Полли была простая и ясная как день, и поэтому она легко становилась жертвою шарлатанства. Она собирала все шарлатанские журналы и шарлатанские средства и со смертью в руках шествовала на бледном коне, выражаясь образно, а «ад следовал за нею». «...Городские маменьки ненавидели и презирали Гекльберри Финна за то, что*

он был лентяй и озорник и не признавал никаких правил, а также за то, что их дети восхищались Геком и стремились к его обществу, хотя им это строго запрещалось, и жалели о том, что им не хватало смелости быть такими же, как он». А сцен со смыслом было великое множество! Сид разбил сахарницу, – а тетя Полли бьет Тома (ведь он признанный проказник). Бекки «предает» Тома, – а он ее спасает от порки. Судья Тэчер проявляет «предусмотрительность» и забивает выход из пещеры, – а в пещере человек умирает голодной смертью. На драматическом контрасте построена одна из самых впечатляющих сцен романа, когда заблудившиеся в пещере дети, затерянные в темноте, находятся на грани полного отчаяния, и вдруг Том видит человеческую руку, несущую свет, а следовательно, и спасенье. Но в следующее мгновение, удерживая крик радости, мальчик с ужасом видит, что это рука врага – разоблаченного им убийцы. Этот свет означал бы для Тома не жизнь, а смерть!

Повествовательная манера Марка Твена бесконечно изобретательна. В романе много драматизованных эпизодов – комических и трагических, – когда автор прибегает к диалогу; введены рассказы от первого лица, что повышает эмоциональность звучания и придает рассказу индивидуальную окраску; вплетены пародийные дидактические рассуждения, бытовые зарисовки, превосходные описания природы. Твен показывает себя большим мастером комического портрета ханжи и франта, возглавляющего воскресную школу. «*Директор был невзрачный человек лет тридцати пяти, с рыжеватой козлиной бородкой и коротко подстриженными рыжеватыми волосами, в жестком стоячем воротничке, верхний край которого подпирал ему уши, а острые углы выставлялись вперед, доходя до уголков рта. Из-за этого воротника, похожего на забор, он мог глядеть только прямо перед собою и поворачивался всем телом, когда надо было посмотреть вбок; подбородком учитель упирался в галстук, широкий, как банковый билет, с бахромой на концах; носки его ботинок были по моде сильно загнутых кверху, наподобие лыж...*»

Приключения Тома Сойера и Гекельберри Финна – не только поэзия детства, но и энциклопедия художественного запечатления богатства детской натуры, которая, переходя из века в век, учит нас воспитывать подрастающее потомство, оставаться при этом людьми веселыми, остроумными, добрыми и желающими быть таковыми, переступая пороги возраста. Это очень непросто. Это далеко не всем

по силам. Однако соблазн сохранить счастье нашим детям во времена их пребывания в возрасте Тома Сойера и Гекельберри Финна делает чудеса. Именно в этом секрет книги любимого мной американца – Сэмюэла Л. Клеменса... То есть Марка Твена.

VII.

Весной 1878 года Марк Твен решил с семьей поехать в Европу. В апреле он написал матери: «*Почти все время я беспокоен и раздражен. Это все из-за дел, из-за неприятностей, из-за мучительных для меня писем от доброжелательных незнакомцев, на вежливые ответы которым я должен тратить полдня... Дома я не могу писать. От этого страдают мои доходы. Так что я решил забрать своих в какой-нибудь тихий уголок в Европе и там жить, не двигаясь с места, пока не закончу хоть одну из полдюжины начатых и брошенных книжек*».

Супруги решили пожить в Германии. Перед поездкой подучили немецкий язык. 11 апреля отплыли. Семью сопровождали: Клара Сполдинг, дворецкий Гриффин и няня Розина Хэй. Прибыли в Гамбург 25-го, поселились в Гейдельберге, сняли дом. В Германии творчество Марка Твена ценили намного больше, чем на родине. Его юмор был немцам по душе. Переводили его с 1872 года. Издатель Таухниц платил автору гонорар, хотя по закону не был обязан это делать, Твен за это был ему благодарен. Он достаточно хорошо знал немецкий, но в Берлине выступать не стал. Мечтал о тишине.

Летом Марк Твен отправился пешком по швейцарским и французским Альпам. Остальные Клемансы путешествовали тем же маршрутом, но на поезде. Семью Твен очень любил, но никогда не был так счастлив, как на «*холостяцких каникулах*». На одном месте Твену не сиделось, и он решил показать Оливии Европу. 16 сентября поехали в Италию, провели там два месяца. Венеция, Флоренция, Рим, опера, музеи. Из записных книжек: «*Вздыбленные лошади на картинах старых мастеров походят на кенгуру*». «*Марсов зал в Питти, тициановский портрет Неизвестного. Боже, какими дряблыми, пустоголовыми и напыщенными выглядят все мученики, ангелы и святые рядом с этим царственным человеком*». 15 ноября прибыли в Мюнхен, поселились в пансионе, и Марк Твен наконец-то взялся за работу. От книги о путешествии он постоянно отвлекался. Злился, писал

приятелю Хоуэлсу: «*Хорошую юмористику можно написать только в покое, а мне осточертели путешествия, и отели, и опера, и Великие Художники...*» Наконец, построил план книги: рассказчик и его друг начитались путеводителей, наслушались легенд и мечтали обойти Европу пешком. Однако единственное пешее путешествие, которое они совершили, – 47 миль вдоль стен комнаты в поисках... двери. Насобирал анекдотов. Фольклора. Многое потом пришлось выкидывать. Фрагменты были хороши, но совершенно не шли к делу. Нет, не выбросил – пристроил в другие книги. Марку Твену исполнилось 45 лет. В письме к матери от 1 декабря: «*Вчера я прожил полжизни и начал двигаться к старости. Это не произвело на меня никакого впечатления*». *В Мюнхене стало скучно и весну решил провести в Париже, куда с семьей приехали 28 февраля. Погода не понравилось. Во Франции нет зимы, лета и нравственности. В остальном это прекрасная страна*». По странности своей души Марк Твен французов не переносил, сделав исключение только для Жанны д'Арк. Называл их бесчувственными, холодными, лицемерными, жестокими. Он даже написал эссе «*Французы и команчи*». В книгу, над которой работал, не включил. В 1962 году биографы опубликовали текст целиком.

Летал на воздушном шаре, встречался с Таухницем, с президентом Леоном Гамбеттой, в мае трижды виделся с Тургеневым: «*Одна знаменитость, которая интересовала меня более всего, был известный Тургенев, великий как своими свершениями в литературе, так и своим отважным до самопожертвования патриотизмом*». Твен записал, что Иван Сергеевич подарил ему свою книгу, но не уточнил какую и не сказал, понравилась ли она ему. Парижская погода доконала семейство: жена простудилась, у мужа разыгрался ревматизм. 10 июля через Бельгию и Голландию семья Сэма Клеменса отправилась в Лондон. Прибыли 20-го и обнаружили ту же слякоть. Да и англичане, у которых раньше не находилось недостатков, начали раздражать. «*Уже несколько лет в нашей литературе установился обычай хвалить все английское, хвалить от души. Это не находит отклика в Англии и потому прекратится*». Но в Лондоне, в отличие от Парижа, Твена буквально носили на руках – там его признали «*настоящим*» и сравнивали с Диккенсом. В Лондоне появились новые знакомства: встретились с Генри Джеймсом на обеде, остались холодны друг к другу. Зато с Брэмом Стокером, который тогда был секретарем Генри Ирвинга, завязалась дружба. Стокер впоследствии помогал Твену в издательских

делах. 19 августа состоялась встреча с Чарлзом Дарвином в его доме, но ни тот ни другой не оставили подробных воспоминаний об этом факте. В июле у шотландца Макдоналда встречались с Льюисом Кэрроллом. В конце лета решили вернуться в Америку, 23 августа Клемансы отплыли в Нью-Йорк, были дома 3 сентября...

Осень и зиму 1879 года Клемансы провели в Хартфорде. Здесь была жизнь суетная, но благополучная. Дом – полная чаша. Обеды на двести персон. Дочерям пора было ходить в школу, но по настоянию отца решили обучать их дома. В октябре Твен ездил в Эльмиру, произнес речь об Адаме и предложил установить прародителю человечества памятник. В ноябре в Чикаго выступил на банкете в честь Гранта, вернувшегося в Штаты после двухлетнего пребывания за границей. Познакомился с Робертом Ингерсоллом – юристом, общественным деятелем, королем ораторов; его речи Твен называл *«божественной музыкой»*. 7 января 1880 года Твен закончил *«Пешком по Европе»*. Представлю маленький фрагмент, остальное имеет смысл прочитать. Чертовски познавательно...

> «One fine day it occurred to me that the world had not seen a brave man for a long time who would travel on foot across Europe. After thinking carefully, I decided that it was none other than me who was called upon to deliver such an instructive spectacle to humanity. No sooner said than done. This was in March 1878. I began to look for a suitable companion, or rather a paid agent, and decided on Mr. Harris. I also had the intention of becoming familiar with art while wandering around Europe, and Mr. Harris shared this intention. Like me, he idolized art and dreamed of learning to paint on occasion. I was going to improve my German, and so did Mr. Harris. In mid-April we set sail aboard the Golzatsia, sailing under the command of Captain Brandt, and we had not a journey, but pure pleasure. After a short rest in Hamburg, we began to prepare for a long trip to the south; by the way, the weather was spring and warm; but at the last minute our plans changed, and for purely personal reasons we preferred to take the fast train. We stopped briefly in Frankfurt am Main and found a lot of interesting things here. I would willingly bow to the walls that saw the birth of Gutenberg, but even the memory of where they stood is not preserved. But we spent an hour in the mansion where Goethe lived. The house remains in private ownership to this day, and the city tolerates this, instead of acquiring it as property and gaining respect and glory as the owner and custodian

> of such a significant property. Frankfurt is one of sixteen cities that are proud to have had the following incident. Charlemagne, pressing the Saxons (according to his version), or being pressed by the Saxons (according to their version), went out at dawn to the river, which was buried in thick fog. There was an enemy ahead – or behind. One way or another, the king had to cross to the other side before he died. If he had come across a reliable guide at that moment, he would have given him anything, but there was none. And suddenly he saw a doe with her cub heading towards the river. The king did not take his eyes off her, confident that the eye would lead him to the ford, and he turned out to be right. The hind forded the river, and behind her the army. So the Franks managed to win a major victory – or avoid defeat – in memory of which Charlemagne ordered the erection of a city on that site and call it Frankfurt, which means "the ford of the Franks." None of the other cities where this incident was witnessed was so named. From which we can conclude that it happened for the first time in Frankfurt. Frankfurt has the added distinction of being the birthplace of the German alphabet, or at least the German word for alphabet, Buchstaben. It is believed that the first German movable type was carved on beech blocks – Buchstabe – hence the name. In Frankfurt I was given an object lesson in political economy. When leaving, I grabbed a box and a thousand cigars, the cheapest ones. For comparison, I went into a shop on one of the quaint old streets on the outskirts of the city and, taking from the counter four colorfully painted boxes of wax matches and three cigars, I put in a silver coin of forty-eight cents. The shopkeeper gave me forty-three cents in change. The public in Frankfurt is dressed surprisingly cleanly, and the same thing struck me in Hamburg, and in all the roadside villages. Even in the oldest quarters of Frankfurt, the most cramped and poor, people, as a rule, dress neatly and tastefully. You can safely place any little one on your lap. As for the soldiers, their uniforms are perfection in terms of neatness and shine. You will not see a speck of dust or a speck on them. The conductors and coachmen of the horse-drawn carriages are also in immaculate uniforms, and their appearance matches their appearance. In one of the local shops I was lucky enough to come across a book that simply fascinated me. The title page read: «F.I. Kiefer. Rhine tales – from Basel to Rotterdam. Translation by L.U. Harnham, Bachelor of Arts.» There is no tourist who has not at least briefly mentioned the Rhine legends with such an air as if he knows them from the cradle

and as if the reader knows them firsthand, but not a single tourist has yet taken the work to expound at least one of them. So this little book satisfied my long-standing hunger; and I, in turn, intend to please the reader by offering him a snack from the same pantry. I will not spoil the translation by correcting the English style, because the whole charm of it lies in the way Harnham constructs phrases according to the laws of German syntax, and puts punctuation marks in defiance of all laws.» *(Title: "A Tramp Abroad" Written: 1880, Wikepedia)*

«В один прекрасный день мне пришло в голову, что мир давно не видел храбреца, который бы пешком прошел по Европе. После долгих раздумий я решил, что именно мне и суждено доставить человечеству столь поучительное зрелище. Сказано – сделано. Это было в марте 1878 года. Я стал искать себе подходящего спутника, вернее, платного агента, и остановил свой выбор на мистере Харрисе. Я тоже намеревался приобщиться к искусству, странствуя по Европе, и мистер Харрис разделял это намерение. Как и я, он боготворил искусство и мечтал при случае научиться рисовать. Я собирался улучшить свой немецкий, и мистер Харрис тоже. В середине апреля мы отплыли на борту «Гользации», плывущей под командованием капитана Брандта, и это было не путешествие, а чистое удовольствие. После короткого отдыха в Гамбурге мы стали готовиться к длительному путешествию на юг; кстати, погода была весенняя и теплая; Но в последнюю минуту наши планы изменились, и по чисто личным причинам мы предпочли сесть на скорый поезд. Мы ненадолго остановились во Франкфурте-на-Майне и нашли здесь много интересного. Я бы охотно поклонился стенам, которые видели рождение Гутенберга, но даже память о том, где они стояли, не сохранилась. Зато мы провели час в особняке, где жил Гете. Дом по сей день остается в частной собственности, и город терпит это, вместо того чтобы приобрести его в собственность и обрести уважение и славу как владелец и хранитель столь значимого имущества. Франкфурт – один из шестнадцати городов, которые гордятся тем, что имели следующий инцидент. Карл Великий, теснящий саксонцев (по его версии), или теснимый саксонцами (по их версии), вышел на рассвете к реке, которая тонула в густом тумане. Впереди – или сзади – был враг. Так или иначе, королю нужно было переправиться на другой берег, прежде чем он погибнет.

Если бы в тот момент ему попался надежный проводник, он бы дал ему все, что угодно, но его не было. И вдруг он увидел олениху с детенышем, направляющуюся к реке. Король не сводил с нее глаз, уверенный, что взгляд приведет его к броду, и он оказался прав. Лань перешла реку вброд, а за ней и войско. Так франкам удалось одержать крупную победу – или избежать поражения – в память о которой Карл Великий приказал возвести на этом месте город и назвать его Франкфуртом, что означает «брод франков». Ни один из других городов, где был свидетелем этого инцидента, не был так назван. Из чего можно сделать вывод, что это произошло впервые во Франкфурте. Франкфурт имеет дополнительное отличие в том, что является местом рождения немецкого алфавита или, по крайней мере, немецкого слова для алфавита – Buchstaben. Считается, что первый немецкий наборный шрифт был вырезан на буковых дощечках – Buchstabe – отсюда и название. Во Франкфурте мне дали наглядный урок политической экономии. Уходя, я прихватил с собой коробку и тысячу сигар, самых дешевых. Для сравнения я зашел в магазин на одной из старинных улочек на окраине города и, взяв с прилавка четыре красочно расписанных коробки спичек и три сигары, положил туда серебряную монету в сорок восемь центов. Хозяин магазина дал мне сорок три цента сдачи. Публика во Франкфурте одета на удивление чисто, и то же самое поразило меня и в Гамбурге, и во всех придорожных деревнях. Даже в самых старых кварталах Франкфурта, самых тесных и бедных, люди, как правило, одеваются опрятно и со вкусом. Вы можете смело посадить себе на колени любого малыша. Что касается солдат, то их мундиры – это совершенство с точки зрения опрятности и блеска. На них вы не увидите ни пылинки, ни пятнышка. Кондукторы и кучера конных экипажей также носят безукоризненную форму, и их внешний вид соответствует внешнему виду. В одном из местных магазинов мне посчастливилось наткнуться на книгу, которая меня просто заворожила. На титульном листе было написано: «Ф.И. Кифер. Рейнские сказания – от Базеля до Роттердама. Перевод Л.У. Харнхэма, бакалавра искусств. «Нет ни одного туриста, который хотя бы вкратце не упоминал бы о рейнских легендах с таким видом, словно он знает их с пеленок и словно читатель знает их не понаслышке, но ни один турист еще не взялся за труд изложить хотя бы одну из них. Так что эта маленькая книга утолила мой

давний голод; а я, в свою очередь, намерен порадовать читателя, предложив ему закуску из той же кладовой. Я не буду портить перевод исправлением английского стиля, потому что вся его прелесть заключается в том, как Харнхэм строит фразы по законам немецкого синтаксиса, а знаки препинания расставляет вопреки всем законам». *(Название: «Бродяга за границей» написано: 1880, Википедия)*

Половина книги посвящена Германии, половина – остальным странам. Европа описана с точки зрения тех же «*простаков*», которым кажутся забавными дикарские европейские обычаи: немецкие студенческие корпорации, дуэли, опера, угодничество перед титулованными особами. Вышла книга 13 марта. Пресса встретила ее прохладно: «*... Вторичная работа... Да, есть чудесные фрагменты. Однако в целом получилось непонятно что*». Сэм не унывал и не спорил. Он редко вступал в дискуссии о своих работах. Марк Твен уже приступил к «*Принцу и нищему*». Кстати, его дочь Сюзи Клеменс писала в своем дневнике: «*Одна из последних папиных книг – это «Принц и нищий», и конечно же это самая лучшая его книга... Я никогда не видела такого разнообразия чувств, как у папы. Например, «Принц и нищий» полон трогательных мест, но почти всегда в них где-то прячется юмор. Вот в главе про коронацию, когда так волнуешься и маленький король только что получил обратно свою корону, папа вводит разговор про печать и как нищий говорит, что «щелкал ею орехи». Это так смешно и хорошо!*» Твен, почти никогда не упоминавший похвалы в адрес своих книг, на сей раз воспроизвел слова не только дочери, но и соседки – Бичер-Стоу: «*Лучшей книги для детей еще не было*». Полное название романа «*Принц и нищий: история для молодых людей всех возрастов*»; в отличие от «*Тома Сойера*», книга изначально адресовалась детям. В Хартфорде 26 июля родилась Джин Клеменс – третья дочь Сэма. Он был в восторге: «*Это самый толстый и здоровый из наших младенцев*». Еще до рождения ребенка Оливия наняла новую служанку, 24-летнюю ирландку Кэти Лири, которая почти всех Клеменсов переживет и в 1925 году расскажет о них в мемуарах. Ее брали как горничную для Оливии, постепенно она стала незаменимой помощницей для всей семьи – шила, вязала, смотрела за детьми, делала массаж. Относились к ней как к члену семьи. Кэти так описывала жизнь семьи Марка Твена: «*В 10 утра Твен плотно завтракал, работал в студии до 5 часов, пропуская ланч, перед обедом гулял, в 6 обедали, потом он читал вслух домочадцам написанное за день, перед сном играл в шахматы или карты с Теодором Крейном. В Хартфорде гуляли до завтрака, завтракали в 11, и Твен уходил в бильярдную работать, за ланчем сам не ел, но за стол садился и смешил детей, к обеду Оливия выходила в вечернем туалете независимо от того, были ли гости, играл граммофон, зажигали свечи; потом переходили в библиотеку, дети ложились в 9, родители вдвоем пили чай или пунш, в 10 уходили в спальню. По субботам в классной комнате устраивали сцену, мы все помогали. Играли сцены из «Ромео и Джульетты» или пьесы, которые сами писали. Часто ставили «Принца и нищего», для этого оборудовали из гостиной и библиотеки зал на 84 места, приглашали соседей. Дети сходили с ума, а мистер Клеменс был счастливее всех и играл лучше всех. Нам с Джорджем тоже давали роли. Счастливее тех лет у нас не было...*»

Историософские взгляды Твена в период написания «*Принца и нищего*» претерпели значительные изменения. Писатель обращается к прошлому Европы с тем, чтобы понять роль и предназначение цивилизации Нового Света. Это обращение было закономерно, поскольку представление писателя о мессианской роли Америки к концу 1870-х уже стало неотделимо от понимания преемственности между культурами Нового и Старого Света. Таким образом, стремление осмыслить сущность исторических процессов, происходящих в Америки, оборачивается в творчестве Твена интересом к европейскому средневековью, в котором закладывался фундамент всей западной цивилизации. Роман «*Принц и нищий*» подводит итог ранним философским исканиям писателя. Между 1876 и 1883 годами писатель активно изучает книги по истории. Читает Твен и беллетристику, в которой, в той или иной мере, затрагиваются исторические проблемы. В 1871 году писатель прочитал «*Французскую революцию*» Карлейля, которая и пробудила интерес Твена к истории Франции, а затем и Англии. В письме к миссис Фэрбенкс от 1877 года писатель упоминает два тома сочинения Ч.Д. Йонджа о жизни Марии Антуанетты: «*Старый режим*» И. Тэна и «*Взятие Бастилии*» Дюма. Особое возмущение у писателя вызывали нравы королевского двора. Описание придворной жизни Сен-Симоном в своих «*Мемуарах*» впоследствии оказало заметное влияние на описание быта английского двора в «*Принце и нищем*». В скором будущем Твен заинтересуется историей Британии. Впервые он приехал в Англию в 1872 году. В дальнейшем он бывал в Англии

неоднократно, собирая материал для своих книг. Писатель совершает прогулки по Лондону и его окрестностям, изучает старые хроники, современные ему путеводители, наблюдает королевские шествия и быт простых британцев. Начиная с лета 1876 года, Твен, заинтересовавшись культурой английского Возрождения, изучает политическую историю Британии XVI века, обычаи и нравы той эпохи. Уже в записных книжках, относящихся к 1877 году, появляется сюжетный план данного произведения (23 ноября): «*Эдуард VI и нищий мальчик случайно меняются местами накануне кончины Генриха VIII. Принц, в лохмотьях, – бедствует, а нищий, ставший принцем, терпит муки дворцовой жизни вплоть до самого дня коронации в Вестминстерском аббатстве, когда все разъясняется*». В этой сюжетной формуле изначально заложена установка на определенную условность, сказочность будущего повествования и вместе с тем на историческую конкретность разворачивающегося действия в романе. В предисловии Твен подчеркивает сказочную условность своего сочинения. Определяя жанровую специфику «*Принца и нищего*», он пишет: «*Возможно, что это исторический роман, но возможно – предание, легенда. Пожалуй, все это было, а, пожалуй, и не было, но все же могло бы быть. Возможно, что в старое время в эту историю верили мудрецы и ученые, но возможно и то, что только простые неученые люди верили в нее и любили ее*».

Называя эту историю легендой, переходящей из поколения в поколение, Марк Твен стремится придать своему повествованию впечатление достоверности, привнести в повествование вымысел. Сказочная основа романа подчеркивает его общеисторический философский смысл. Образы короля, странствующего неузнанным среди своего народа, и выходца из простонародья, замещающего, по тем или иным причинам, монарха в его отсутствие, широко распространены в мировом фольклоре. Роман «*Принц и нищий*» во многом не похож на другие произведения Марка Твена. Это первый опыт Твена в области исторической прозы. Желая показать, что он не только юморист, что он является серьезным художником, способным творить в любых, в том числе и «высоких» жанрах. Перед нами произведение просветительского толка, утверждающее природное равенство и свободу людей. Твен отходит от своего излюбленного, восходящего к журналистскому опыту писателя, приема – открытого обличения, отдавая предпочтение утверждению положительных идеалов. Из всех

произведений Твена роман «*Принц и нищий*» наиболее близок к традиции «утонченности» или «благопристойности». Книга была посвящена «*...милым и благонравным детям, Сузи и Кларе Клеменс*». Этот роман задумывался Твеном для того, чтобы развлечь и вместе с тем «облагородить» юных читателей. Отсюда – дидактичность книги, ее просветительский пафос, облеченный в форму сказки. Рассчитывая, в основном, на юного читателя, Твен особое внимание уделяет приключенческому началу. Книга полна множеством событий, злодеями всех мастей. Развитие сюжета динамично. Характерные для Твена язвительные насмешки, злая ирония, гротеск уступают в романе место «мягкому» юмору. Сатирические эпизоды уравновешены строками, не лишенными оттенка сентиментальности.

Перед нами две линии повествования, одна из которых описывает приключения Тома Кенти и друга – Эдуарда VI. Сложность заключается в том, что они пересекаются лишь в завязке и финале произведения: книга могла легко распасться на две, не связанные между собой части. Однако писателю удается так сочетать эти две сюжетные линии, что книга выглядит органичной и цельной. Несмотря на то, что их приключения в корне различны. Неудачи одного неизменно заставляют задуматься о том, насколько легко с ними мог бы справиться другой. Подобная взаимосвязь сюжетных линий Тома Кенти и Эдуарда VI обусловлена тем, что каждого из них принимают за другого: принца за нищего, а нищего за принца. Именно такое положение героев и является внутренним двигателем сюжета романа. Марк Твен умело чередует эпизоды, посвященные Тому и Эдуарду VI, завершая рассказ об одном из них в тот момент, когда события приобретают угрожающий характер. Во время написания романа перед Твеном стояла еще одна непростая задача – соединить вымышленный, фольклорный в своей основе, сюжет с событиями реальной истории. Твен блестяще решает ее, даже несмотря на то, что центральная фигура романа – Эдуард VI, монарх, лицо, не обойденное вниманием историков. В романе «*Принц и нищий*», в отличие от «*Янки при дворе короля Артура*», Твен стремится строить повествование так, чтобы не противоречить основным фактам истории. В письме У.Д. Хоуэллсу Твен сообщает о временных рамках будущего произведения: «*Действие начинается 27 января 1547 г. в девять утра, за 17,5 часов до смерти Генриха VIII. Занимает неделю. 3 февраля – день коронации*».

В романе, в первую очередь, исследуются процессы становления

личности героев. Кроме того, смена монархов является событием, всесторонне освещенным в исторических документах, то есть сковывающим авторскую фантазию. Этот последний фактор особенно важен для Твена. История была не столько предметом исследования, сколько объектом повествования. Его интересовало не только то, что было, но и то, что могло быть. Твен не случайно обращается ко времени междувластия. Писатель трактует его как период, в который история, словно бы, останавливается, прекращает свое течение. Только в такие моменты могут происходить чудесные события, подобные тем, что описаны в романе. Иерархическая структура мира на время приходит в беспорядок. В истории воцаряется *случай*. Невозможное становится возможным. События перестают быть предсказуемыми. Такие периоды истории всегда интересовали Твена. В их ряду уместно вспомнить вмешательство сверхъестественных сил в историю в «Янки» или твеновскую Жанну, появление которой на историческом небосклоне сам автор определял как *чудесное*. Твена всегда тяготила кажущаяся предопределенность исторических событий, гнетущая непререкаемость законов, по которым они протекают. Власть истории над индивидом представлялась ему в высшей степени пагубной. Во время пребывания за границей в 1878-79 годах, Твен штудирует труды английских историков, что дало ему неоценимый материал для работы над «*Принцем и нищим*». При написании романа Твен использовал не только исторические труды общего характера, посвященные ключевым событиям Англии, но и работы, исследующие средневековую британскую культуру, юриспруденцию, обычаи простонародья, жизнь мошенников и бродяг. Опирался Марк Твен и на опыт своих предшественников, творивших в историческом жанре: Вальтера Скотта, Фенимора Купера. Твен старательно исследует словарный фонд таких писателей, как Шекспир. Как только писатель находил нужные ему слова, он записывал их в записную книжку. Твен хотел добиться, чтобы речь его героев была похожа на архаическую английскую речь. Изображая жизнь «низов» английского общества, Твен пользовался в качестве источника историческим исследованием Ф. Керкмана и Р. Хеда *«Английский бродяга... Полная история самых выдающихся плутов обоих полов»* (1874). Из этой книги, повествующей о жизни бродяг, мошенников, преступников и цыган XVII века Твен почерпнул информацию об особенностях их речи, быта, внешнего облика. Обращался Твен и к «*Классическому словарю*

простонародного языка» Ф. Гроуза (1785). У Вальтера Скотта писатель позаимствовал некоторые детали костюмов этого периода. Достоверными источниками деталей костюмов разных сословий и описания различных зрелищ того времени оказались для него «*Хроники Англии, Шотландии и Ирландии*» Р. Холиншеда в шести томах (изданные в 1807–1808 годах) и «*Хроника*» Э. Холла (1809). Кроме того, желая с документальной точностью воссоздать нравы и быт минувшей эпохи, Твен, с некоторыми изменениями, вставлял в текст романа отрывки из книг других авторов, *не ссылаясь* на них. Так, описание продвижения процессии к Вестминстерскому аббатству для коронации Тома напоминает описание Р. Холиншеда коронационной процессии Елизаветы. Другую часть изученного им материала Марк Твен включал в текст своего повествования в виде цитат. Марк Твен воссоздает объективную картину жизни средневекового английского общества. Однако писателя не слишком волнует связь описанных им исторических фактов с конкретным периодом истории. Писателя интересует, прежде всего, *нравственная суть* истории. Для него главное – историческое пространство средневековья. События носят «сказочный», условный характер. Придирчивое рассмотрение читателя сможет обнаружить немало исторических неточностей. Их можно увидеть в описании некоторых законов, действие которых испытывает на себе юный Эдуард. Связано это с тем, что для Марка Твена было важно продемонстрировать читателю наиболее *негативные* черты английского законодательства той эпохи. Это делает очевидным достижения *морального прогресса,* который претерпело западное общество со времен средневековья.

Решение использовать образ Эдуарда VI в роли своего «сказочного» принца, пришло к Твену, вероятно, после чтения английского философа и историка Дэвида Юма. Его книги стали одним из основных источников при написании романа. Юм характеризует рано ушедшего монарха как человека мягкосердечного, справедливого, превыше всего ставившего закон. Изучив историю его правления, Марк Твен приходит к выводу, что фигура Эдуарда VI идеально подходит для реализации замысла романа. Период правления Эдуарда VI приходился на промежуток между царствованиями Генриха VIII и Марии Тюдор «Кровавой». Монарх вступил на престол в 1547 году в возрасте десяти лет и умер в 1553 году. Возможно, что писателю были известны легенды, связанные с именем рано умершего Эдуарда VI, возникшие

в народе после его смерти. Эдуард VI умер в возрасте семнадцати лет от неизвестной болезни. Его кончина сохранялась в тайне, так как приближенные к нему вельможи желали воспрепятствовать воцарению его старшей сестры, в будущем королевы Марии Кровавой. Немаловажным было и то, что в трудах историков Эдуард VI представал как просвещенный монарх. Он был сторонником образования. Особое внимание Твен уделил его участию в создании Христовой обители или Школы Синих Камзолов *«для обучения и содержания сирот и детей нуждающихся родителей»*. В своем первом собственно историческом произведении Марк Твен задумал показать период средневековья с совершенно иных позиций, чем это требовала сложившаяся литературная традиция. Каноном исторического романа того времени были, как уже отмечалось, произведения Вальтера Скота. Средние века отражались в мифологических и романтических оттенках. Однако, по мнению Марка Твена, романтическая философия истории, как правило, игнорировала социальную несправедливость, нищету и жестокость, а также различные формы рабства. По словам писателя, Вальтер Скотт своими романами «*...влюбил весь мир в сны и видения, в разрушительные и низкие формы религии, в устарелые и унизительные системы управления, в глупость и пустоту, мнимое величие, мнимую полезность и мнимое рыцарство безмозглого и ничтожного, давно исчезнувшего общества*». Как ни странно, Марк Твен наивно полагал, что именно Вальтер Скотт несет значительную долю ответственности за рабовладельческий уклад жизни американского Юга, свидетелем которого стал Сэм Клеменс, появившись на свет во Флориде, штат Миссури. В романе «*Принц и нищий*» Марк Твен обращается к просветительской, философской концепции истории. Он намеревался разрушить своим романом мифологию о средних веках, как о «золотом» веке культуры. Писатель считал необходимым открыть глаза западного общества на «варварские ценности» средневековья, реабилитированные Вальтером Скоттом и его последователями после эпохи Просвещения. Среди книг о средневековье было немало детских. Исторические произведения Charlotte Yonge «*Маленький герцог*» (1854) или «*Принц и паж*» (1865), которые писатель обнаружил в библиотеке, подсказали Твену первоначальную идею романа «*Принц и нищий*». А.Б. Пейн свидетельствует на страницах биографии Марка Твена, что писатель читал «*Принца и пажа*» своим дочерям в 1877 году. Книга рассказывала историю о юном паже,

пожертвовавшем своей жизнью ради спасения королевского наследника, и послужила отправной точкой для Марка Твена при написании «*Принца и нищего*». Однако роман Марка Твена противостоит «*Принцу и пажу*». Сходство некоторых сцен и сюжетных линий этих двух произведений условно. Марк Твен не просто исследует историческую реальность средневековья. Он стремится изменить представления об этой реальности. Подвергнуть сомнению *ложную* философию истории. Марк Твен смотрит на события средних веков не как *исследователь*, а как *моралист*, противопоставляя романтическому взгляду на историю – просветительский. Человек, его права, свободы, его достоинство – вот те понятия, которыми Марк Твен оценивает историю. Лишь разум движет историю по пути прогресса. Сходные идеи Марк Твен черпал в книгах современных ему авторов. «История европейской морали от Августа до Карла Великого» Уильяма Леки (1869). Концепция истории как поступательного движения по пути все большего совершенствования уровня жизни и нравственности совпадала с представлениями Марка Твена периода написания «*Принца и нищего*» на историю. В таких книгах писатель находил необходимый исторический материал для своих произведений, в частности роман о Жанне Д'Арк. Жизнь средневекового общества выступает в романе как зловещий маскарад. Большинство героев – *люди-маски.* Юные Том и Эдуард в наименьшей степени участвуют в этом фарсе истории. Однако несмотря на то, что оба они дети, и принц, и нищий вынуждены играть определенные *роли*. Данный роман не только исторический. Это и роман о воспитании. На протяжении всей книги Том и Эдуард волею судьбы оказываются обладателями той или иной маски, проходят испытание той или иной ролью с тем, чтобы, в конце концов, осознать свою истинную *сущность*. Открыть в себе *не короля, не нищего,* а просто *человека*. С самого рождения судьба Тома была предопределена. Его отец, Джон Кенти, был вором, а его мать – нищенкой. Логика устройства средневекового общества требовала, чтобы Том стал либо тем, либо другим. Социальная роль определяла сущность человека, предшествовала ей. В соответствии с концепцией Марка Твена, человек в средние века мог быть лишь тем, кем он родился. Личная инициатива, способности, ум не играли никакой роли. Более того, они и не могли проявиться и утвердиться в условиях средневековья. Между тем родители Тома так и не смогли сделать своих детей ворами, а Том оказывается еще и никчемным нищим:

«он просил милостыню не слишком усердно – лишь бы только избавиться от отцовских побоев». Это можно было бы объяснить особенностями его личного характера, например леностью, если бы не одно обстоятельство: он примеряет на себя иную социальную роль – роль принца. Более того, он срастается с нею, чувствует себя в ней уверенно. Причина этой, в принципе, невозможной для средневекового нищего метаморфозы – знание, определенная образованность. Из иного мира, иного класса в среду нищих и воров приходит «добрый старик священник, выброшенный королем на улицу с ничтожной пенсией». Он научил Тома читать и писать. От него Том приобретает и некоторые познания в латинском языке. Именно это, в сущности, случайное, обстоятельство позволяет Тому «перерасти» свою судьбу. Знания возвышают его, и нищий осознает в себе принца. В нем пробуждаются ум и гордость, свойства, не полагающиеся его «сословию», поскольку в средневековом обществе, согласно Марку Твену, гордиться можно лишь тем, что ты выше кого-то. Этот, совершенно новый, тип гордости возникает от осознания своего человеческого, а не сословного достоинства. Общение со священником Эндрю, который рассказывал ему «дивные старинные легенды» о «великолепных королях и принцах», оказывают на Тома огромное влияние. Сам того не замечая, он начинает разыгрывать из себя принца и превращает Двор Отбросов в настоящий королевский двор, со своими телохранителями, камергерами и придворными. *«Его речь и повадки стали церемонны и величественны,* – пишет Марк Твен. *Его влияние во Дворе Отбросов с каждым днем возрастало, и постепенно сверстники привыкли относиться к нему с восторженным почтением, как к высшему существу. Им казалось, что он так много знает, что он способен к таким дивным речам и делам!»* В скором будущем и взрослые обитатели Двора Отбросов стали относится к нему как к чрезвычайно одаренному мальчику и нередко обращались за советом. Титул маленького нищего и его двор воображаем, однако уважение, питаемое к нему мнимыми подданными, настоящее. Том становится принцем Двора Отбросов благодаря своим заслугам. Для Твена этот титул более ценен, чем титул истинного принца, Эдуарда VI, неслучайно именуемого в романе *«владыкой царства Снов и Теней»*. В этом плане символично, что Эдуард VI становится признанным, «коронованным» монархом, лишь пройдя ряд испытаний и внутренне переродившись, «заслужив» свой титул.

Главная идея романа – просветительская мысль *о равенстве всех людей от рождения.* Эта идея находит свое воплощение в ключевом эпизоде романа – в сцене обмена одеждой между принцем и нищим. Юный Эдуард VI, человек от рождения наделенный безграничной властью и богатством, тяготится своим положением. Ему, ребенку, то есть *естественному* человеку, «тесна» та роль, которую он играет. Принц чувствует, что он не принадлежит себе. Послушав рассказы Тома о жизни во Дворе Отбросов, будущий монарх восклицает: *«Если бы я только мог облечься в одежду, которая подобна твоей, походить босиком, всласть поваляться в грязи, хоть один единственный раз, ...я, кажется, с радостью отдал бы корону»*. Недаром юный король, обменявшись одеждой с Томом, восклицает: *«Если бы мы вышли нагишом, никто не мог бы сказать, кто из нас ты, а кто принц Уэльский»*. Оба главных героя родились в один день, у них одинаковая внешность, как у братьев-близнецов. Физическое сходство героев романа раскрывает глубинный смысл общечеловеческого родства, братства, – на фоне социального разрыва между принцем и нищим. Это означает насильственное разрушение природы человека. Дальнейшее развитие сюжета *«Принца и нищего»* ведет к восстановлению этого утраченного природного единства. Образ мудрого и справедливого монарха, Эдуарда VI, возникающий в финале романа, символизирует обретение изначальной гармонии. Переплетение истории и архаики обуславливают сюжетное своеобразие *«Принца и нищего»*. Реальные исторические фигуры, особенности быта средневековья, не теряя своей исторической конкретности, начинают развиваться в соответствии с законами *карнавала*. Марку Твену недаром приходится вводить в повествование элемент сказочной условности. Поэтика романа строится на всевозможных вариантах обыгрывания понятий мнимого и истинного, их постоянный взаимопереход. В то время как мнимому королю воздают почести, истинного коронуют кастрюлей, святой отшельник оказывается «людоедом», а еретички – праведницами. Все люди в романе Твена оказываются не теми, кем кажутся. Все они носят «чужую одежду». Ложь во всевозможных обличиях правит этим миром. Такова, по мысли Твена, неизбежная судьба любого общества, в основе морали которого – не приоритет человеческого достоинства, а приоритет социальной, религиозной или иной принадлежности. Чудесным образом мечты Тома Кенти воплощаются в реальность. Он не только увидел настоящего принца, но и занял

его место. Роль наследника престола оказывается настолько безликой, настолько лишенной человеческой индивидуальности, что даже отец истинного принца, Генрих VIII, не замечает подмены наследника нищим со Двора Отбросов. Он абсолютно уверен, что Том Кенти – его, помутившийся рассудком, сын. Мать Тома, напротив, не признает Эдуарда своим ребенком, зато узнает сына во время его коронации. Придворный мир, в который попадает Том, оказывается миром нелепых, искусственных отношений. Вполне естественные привычки Марка Твена не вписываются в строго регламентированную жизнь двора. Абсурд дворцовой жизни открывается нам во многом благодаря наивному, бесхитростному взгляду героя. Бесконечные тонкости придворного этикета кажутся Тому Кенти ненужными, бессмысленными. Когда все это бесчисленное множество людей, воображающих себя важными государственными деятелями, направляют свою деятельность на то, чтобы помочь Тому надеть чулки, ирония автора достигает своей вершины. Вся стройная система жизни королевского двора рушится, когда у мнимого монарха во время парадного обеда зачесался нос, а наследственного чесальщика носа не оказалось. «*Горе мне, горе! Как еще эти люди не возьмутся дышать за меня!*» – восклицает Том. Ключевым сценой, раскрывающей истинную сущность придворной жизни, и шире – всей сословной системы средневековья, – является описание обеда в королевском дворце. «*...Том готов был уже наброситься на еду, но его задержал милорд граф Беркли, обвязавший его шею салфеткой, –важная обязанность подвязывания салфетки принцам Уэльским была наследственной в семье этого лорда... Был тут и милорд д'Арси, первый камергер... и лорд-дворецкий. ...Церемониалом распоряжались лорд главный лакей и лорд главный повар, которые стояли поблизости*». Торжественный, как литургия, королевский обед, начавшийся с молитвы, оказывается фарсом, маскарадом. Принц Эдуард, оказавшись среди народа, сталкивается с плодами этого невежества – с несправедливостью и жестокостью. Оскорбленный мальчишками из Христовой обители, будущий монарх не горит жаждой мщения и демонстрирует нам образец поистине царственной мудрости, выявив причину озлобленности и глупости его «доброго народа». «*Когда я сделаюсь королем,* – произносит Эдуард свой внутренний монолог, – *они не только получат от меня пищу и кров, но будут учиться по книгам, так как сытый желудок немногого стоит, когда голодают сердце и ум. Эту историю я постараюсь*

хорошенько запомнить, чтобы урок, полученный мною сегодня, не пропал даром, и мой народ не страдал бы от невежества. Знание смягчает сердца, воспитывает милосердие и жалость». Данный отрывок являет собой воплощение просветительских идей Марка Твена, а по сути Сэма Л. Клеменса, о разумно устроенном обществе, и дальнейшее течение романа подчинено этой мысли. Приход к власти Тома – просвещенного «простолюдина», равно как и инициация в народе короля Эдуарда VI, который по рождению должен был пребывать во тьме сословных иллюзий, – результат вторжения в реальность мифа, сказочного начала. Принцип наследуемой власти, основанный на сословной пирамиде, вершина которой – *монарх* – не может гарантировать разумного правления. Однако именно таково было, как полагал писатель, средневековое общество. Иерархичность, лежащая в его основе, и принцип справедливости трудно совместимы. Для Марка Твена, наследника идей Отцов-основателей американской демократии – Вашингтона и Джефферсона, справедливость и равенство были взаимосвязаны. Демократом Клеменсом, ставшим Марком Твеном, ставится под сомнение тезис, согласно которому единовластие может привести к всеобщему благу. Сомнения писателя относительно возможности существования справедливой монархии в наиболее заостренной форме получает свое воплощение в эпизоде, в котором, желая облагодетельствовать мальчика для порки, Том закрепляет его должность за ним и всеми его потомками. «*Отныне твоя должность становится наследственной во веки веков,* – говорит он. – *Отныне и ты, и твои потомки будут великими пажами для порки при всех принцах английской державы. Не терзай себя скорбью*». «*Спасибо, благородный повелитель!* – восклицает в ответ паж. – *Эта царственная щедрость превосходит мои самые смелые мечты*». В этом необычайно комическом диалоге автор демонстрирует читателю, что даже самые благородные побуждения человеческой души королевская власть неизбежно *извращает*. Данный диалог являет нам своеобразную модель многовековых взаимоотношений монарха и его подданных. Это пародия на теорию общественного договора, своего рода басня, смысл которой заключается в том, что «*битый небитого везет*». Всякая монархия, всякие формы угнетения, по мысли Марка Твена, основаны на невежестве народа, который свято верит, что возможность подставлять спину своему хозяину и работать на него есть величайшая милость со стороны последнего.

В письме к Хоуэлсу от 11 марта 1880 года Твен описывает сущность того историко-литературного метода, который он применил при работе над романом «*Принц и нищий*». «*Я стремлюсь,* – пишет Твен, – *передать ощущение крайней суровости тогдашних законов, применив некоторые кары к самому королю, и дав ему случай видеть, как закон карает других, – все это объясняет известную мягкость, отличающую царствование Эдуарда VI от его предшественников и преемников*». В соответствии с авторским замыслом, маленький король испытывает на себе всю тяжесть законов в полной мере. Причем это происходит как в их прямом воздействии, например, когда его арестовывают, так и в опосредованном, когда он оказывается среди жертв закона, бродяг и головорезов, в глухой части графства Кент. Очутившись за воротами дворца, Эдуард сразу же попадает в совершенно незнакомый ему мир, в котором человеческое достоинство и жизнь приносятся в жертву жестоким законам.

Образ народа подается Твеном динамично и неоднозначно. Принц, а затем король оказывается предметом насмешек злой черни, мальчики из Христовой обители травят его псами, а воры, нищие и мошенники издеваются над ним, стремясь превратить монарха в одного из своих собратьев. И лишь затем, пройдя все круги ада народной жизни, он оказывается пригретым в семье доброй фермерши, которая воплощает в себе лучшие черты народного характера. Сбежав от бродяг, монарх забирается на ночлег в хлев, принадлежащий этой женщине, и засыпает рядом с теленком, этим «*простым созданием*», которое не стесняется спать рядом с королем. Данный эпизод знаменует собой внутренний переворот в душе героя: испытания, через которые он прошел, заставляют Эдуарда VI, ранее отделенного королевским титулом от жизни своих подданных, осознать свое единство с миром *обычных людей*. Он уже не требует, чтобы его впустили в дом и положили на лучшую кровать. Король понимает, что его абсолютное право на подобные привилегии *иллюзорно*. Проснувшись и обнаружив свернувшуюся у него на груди крысу, Эдуард обращается к напуганному пробуждением монарха зверьку: «*Я признателен тебе за доброе предзнаменование: когда король опустился так низко, что даже крысы укладываются спать у него на груди, – это верный признак, что скоро судьба его должна измениться, так как ясно, что ниже упасть нельзя*». В этот момент, потеряв свою власть, король понимает, что он, прежде всего, *человек*, ничем, по сути,

не отличающийся от остальных людей. И власть, и титул, казавшиеся ему ранее неотделимыми свойствами его натуры, исчезли вместе с королевской одеждой. Монарх впервые очутился наедине с самим собой, со своим «Я». Символично, что только после этой мировоззренческой метаморфозы, впервые за время скитаний Эдуарда VI, королевское звание его величества было признано без дальнейших споров. «*Если ты и вправду король,* – говорит дочь фермерши, – *я тебе верю*». Эти эпизоды показывают, как исторический роман обретает черты романа *воспитания*. Влияние воспитания на юного короля отнюдь не рассматривается в романе как только отрицательное. Образ справедливого монарха, возникающий в финале романа, обязан своим появлением синтезу королевского воспитания с тем жизненным и *духовным опытом,* который Эдуард VI обретает в результате своих странствий в народе. Обостренное чувство собственного достоинства, свободолюбие, гордость – свойства, развившиеся в нем в результате его воспитания как будущего монарха. Даже попав в руки бродяг и находясь под угрозой жестоких побоев, Эдуард отказывается попрошайничать. При этом все помыслы монарха были направлены к свободе, и он думал только о побеге. «*В первый же день его втолкнули в пустую кухню, – он не только не похитил там ничего, но еще пытался позвать хозяев*». Своим достойным поведением Эдуард сумел добиться уважение даже тех отпетых негодяев, пленником которых он оказался. Испытания, которые он претерпевает в обществе бродяг, помогают ему очиститься от «скверны» прежней власти: он познает истинную сущность своего «Я» в его единстве с внешним, народным миром. В соответствии с мифологической логикой, «низы» общества, бродяги возвышают душу короля. Их роль в воспитании справедливого монарха оказывается ключевой. Неслучайно, совершив преждевременный, с точки зрения процесса своего *нравственного становления*, побег, король попадает в лапы безумного отшельника, возомнившего себя архангелом, и также не случайно он оказывается спасенным от ножа безумца все теми же бродягами. Народ, по мысли Марка Твена, как бы низко он ни пал, все равно остается *единственным живительным началом* в обществе. Эта «ключевая» мысль Твена будет развиваться и обогащаться в других частях исторической трилогии «*Янки из Коннектикута*» и «*Жанне д'Арк*». По мере развертывания сюжета, король, все более знакомясь с ужасными бедствиями своего народа и все более сближаясь с ним,

приходит к новому пониманию власти и правосудия. Средневековый кодекс законов перестает быть для него абстракцией. Эдуард VI осознает, что объектом правосудия является живой человек. Вскоре и его самого, по ложному обвинению в воровстве, английское правосудие собирается отправить на виселицу. Когда короля арестовывают, и он в порыве монаршей гордости намеревается оказать сопротивление и тем самым усугубить свое и без того плачевное положение. Майлс Гендон приводит неопровержимые доводы в пользу отказа от безумной затеи Эдуарда VI. «*Подумай, государь,* – говорит он, – *твоими законами держится вся твоя королевская власть; если тот, от кого исходят законы, не уважает их сам, как же он может требовать, чтобы их уважали другие*». Закон, по мысли демократа Сэмюэла Ленгхорна Клеменса, ставшего писателем Марком Твеном, может быть справедливым и милосердным, только тогда, когда он будет всеобщим, когда никто не будет в положении «над законом». Проанализированные эпизоды подтверждают важнейший тезис просветителей, столь близкий Твену: закон должен быть не только справедливым, но и единым для всех сословий. Не менее значительно и развитие сюжетной линии Тома Кенти. В то время как законный монарх скитается среди народа и терпит всевозможные бедствия, Том Кенти все больше «срастается» с маской короля. Если сначала его здравый смысл восставал против абсурдности жизни при дворе, против царящих там нелепых условностей, то уже через небольшой отрезок времени Том начинает привыкать к своему новому положению. Роскошная жизнь двора, власть, преклонение перед ним знатнейших лордов приходятся ему по вкусу. Писатель развертывает перед нами процесс *негативного воспитания* героя. Твен вновь показывает, как среда отрицательно влияет на человека. Однако трезвый взгляд на мир, свойственный ему, по мысли Твена, как представителю простонародья, и детская непосредственность не так просто сдают свои позиции. Сцена праведного суда, который осуществляет самозваный монарх, показательна. Провозглашенный Томом принцип, согласно которому воля короля должна быть законом милости, а не законом крови, реализуется здесь в полной мере. Когда он видит трех человек, осужденных на смерть, жалость овладевает им. «*Он не подумал о нарушении закона, об ущербах и муках, которые эти преступники причинили своим жертвам, – он не мог думать ни о чем, кроме виселицы и страшной судьбы, ожидающей осужденных на смерть*». Его детский разум

противится самой мысли об убийстве во имя чего бы то ни было. Из этого естественного отвращения к казни у него рождается мысль о возможности судебной ошибки. Незнакомый средневековому правосудию принцип *презумпции невиновности,* к которому приходит Том, является прямым следствием его «*природного*» *гуманизма*. Чудовищное наказание – быть сваренным в кипятке, – на которое обречен мнимый отравитель и которое не вызывает ни у кого из придворных ужаса, заставляет Тома воскликнуть: «*Если даже ты отравил сто человек, ты не будешь предан такой мучительной казни!*». Оправдание на основании слабости улик, которое выносит Том, не встречает у очерствевших придворных сочувствия, но вызывает восхищение его умом и решимостью. Лишь граф Гертфорд, один из немногих знатных, но положительных героев романа, одобряет милосердие Тома Кенти. Жалость, которая охватывает Тома и вытесняет все другие чувства, особенно важна для Твена, поскольку гуманность власти и закона, с одной стороны, свидетельствует *о моральном прогрессе* общества, а с другой – этому прогрессу способствует. Не случайно, эпиграфом к роману писатель взял слова Шекспира из «Венецианского купца»: «*О, в милосердии двойная благодать: Блажен и тот, кто милует, и тот, кого он милует. Всего сильнее Оно в руках у сильных; королям Оно пристало больше, чем корона*». Однако, чем дольше Том пребывает в роли короля, тем больше пропадает в нем детская непосредственность восприятия жизни. Ему начинает нравиться королевская жизнь. Стихийное здравомыслие постепенно покидает Тома. Мальчишка со Двора Отбросов поддается искушениям настоящей королевской жизни, и если раньше ему казались абсурдными размеры дворца и количество прислуги, то теперь он с гордым видом шествует к обеденному столу в сопровождении свиты сановников и телохранителей. Естественность Тома, его простота оказывается не только «мудрой», но и *уязвимой*. Из образа «царского наместника» постепенно «прорастает» образ *узурпатора*. Он не только не может, но уже и не хочет искать законного наследника престола. В результате изменений, происходящих в его душе, Том утрачивает осознание своего «Я», меняет его на мнимый титул «его величества». Мальчишка со Двора Отбросов не выдерживает испытание властью. Вершиной его падения является эпизод, в котором на коронации лжедофина в людской толпе появляется мать Тома, узнающая своего сына. Слова: «*Женщина, я не знаю тебя*» – уже готовы были сорваться с уст Тома

и довершить падение мнимого короля. Однако в соответствии с карнавальной логикой, миг наивысшего падения оказывается и моментом начала возрождения героя: грубость телохранителей, с бранью оттащивших от него мать, «уязвила его в самое сердце» и спасла от чудовищного отречения. Острое чувство стыда, пронзающее его, предопределяет дальнейшее течение сюжета. Именно оно заставляет Тома признать Эдуарда VI, появившегося в самый ответственный момент коронации, истинным монархом. «*Отпустите его и не троньте! Он действительно король!*» – кричит Том Кенти страже, схватившей Эдуарда VI. Он спасает свою душу от нравственной гибели. В финале романа утраченное равновесие мира восстанавливается, но уже на ином, более высоком уровне. Перед читателем возникают образы справедливого монарха, Эдуарда VI, и королевского воспитанника, Тома Кенти, образующие традиционную мифологическую пару. Конфликт между властью и народом решен в соответствии с законами сказки. Торжество законной монархической власти несет здесь не политическое, а нравственное значение. Это, прежде всего, торжество справедливости и разума. Вместе с тем моральное и волевое превосходство короля Эдуарда VI над Томом очевидно. На протяжении действия романа мы наблюдаем духовное превосходство Эдуарда и нравственное падение Тома. Притча о «неудавшемся» царствовании Тома Кенти отражает потаенные мысли писателя о внутренней *неготовности* народа к *самоуправлению*. Идеальным правителем в книге демократа Сэмюэла Л. Клеменса, ставшего писателем Марком Твеном, оказывается король Эдуард, в котором синтезированы лучшие черты королевского воспитания и нравственного опыта, обретенного во время странствий в народе. Вместе с тем образ «народного» короля, возникающий в финале, в известной степени, *утопичен*. «*Принц и нищий*» – первое и, во многом, этапное историческое произведение Марка Твена. Писатель выступает в нем как типичный просветитель, для которого источником всех социальных зол является невежество народа, его необразованность. Автор описывает суровость английских законов XVI века для того, чтобы показать, насколько далеко, по сравнению с тем временем, продвинулось человечество в моральном отношении, благодаря распространению знаний и прогрессу. В 1881 году роман «*Принц и Нищий*» выходит в свет...

VIII.

Оптимизм, остроумие Сэма Клеменса были неподражаемы. С той поры когда он отпустил вожжи своему характеру и год за годом обретал подлинное мастерство в веселых розыгрышах, вести с ним беседу было непросто, потому что мимика его лица ни намеком не выдавала переход от серьезной темы в сторону розыгрыша или остроумного скетча.

***

Твен рассказывал: «После того как я написал «Простаков за границей», мы с моим партнером решили основать газетный синдикат. Нам требовался капитал – три доллара, но откуда их взять? И тут я увидел на улице породистую собаку. Я подобрал ее и продал прохожему за три доллара. А когда появился хозяин собаки, я за те же три доллара сказал ему, у кого она теперь. Затем я разыскал человека, которому продал собаку, вернул ему три доллара и с тех пор всегда жил честно».

***

Провинциальный комик случайно встретил Марка Твена на улице.

— Послушай-ка, Клеменс, — сказал он, — мне нужны полдюжины хороших шуток. Уступи их мне, а я заплачу тебе пять долларов.

— Извини, старина, — ответил Твен, — но, боюсь, ничего не выйдет.

— Почему? – удивился тот.

— Да потому, что я чертовски беден. Если у меня найдут пять долларов, сразу решат, что я их украл. С другой стороны, если у тебя обнаружат полдюжины хороших шуток, все решат, что и ты их украл.

***

Как-то Марк Твен рассказывал: «Два-три года назад, за обедом у Лоуренса Хаттона, Генри Ирвинг спросил меня – не слыхал ли я историю про такого-то. Мне стоило немалого труда ответить «нет». Он принялся рассказывать, потом замолчал и снова спросил: «Слушайте, вы в самом деле не знаете?» Я мужественно подтвердил, что не знаю. Он стал продолжать, потом замолк и спросил, правду ли я говорю. Тогда я сказал, что могу соврать один раз, могу из любезности соврать дважды, но не больше. Да, я слыхал эту историю; больше того, я сам ее выдумал».

***

Однажды в Хартфорде за званым обедом речь зашла о вечной

жизни и о том, кто куда попадет – на небеса или в пекло. Марк Твен не проронил ни слова.

— А вы почему молчите? — обратилась к нему хозяйка. — Мне хотелось бы знать ваше мнение.

Твен ответил со всей серьезностью:

— Мадам, прошу меня извинить. Чувство такта заставляет меня молчать. У меня есть друзья и в той, и в другой местности.

***

В своей биографии Твен писал: «Я был первым человеком, использовавшим печатную машинку в литературе». При этом он пересказывал такую историю. Будучи в Бостоне, писатель обнаружил занятный агрегат в витрине магазина. Когда он вошел внутрь, продавец показал, как работает машинка, и уверил, что она способна печатать 57 слов в минуту. Чтобы доказать это, он позвал девушку, а Марк Твен засек время. Девушка действительно печатала 57 слов за 60 секунд! Они повторяли эксперимент снова и снова, но ей удавалось повторить этот результат. Твен купил пишущую машинку за 125 долларов и в нетерпении устремился в отель. С собой он прихватил страницы, на которых печатала девушка. Когда в номере он развернул их, то понял: девушка всегда набирала одно и то же предложение, чтобы сэкономить время. А так как машинка печатала «вслепую» – литеры ударяли по валику с бумагой снизу – ловкому продавцу удалось облапошить самого Марка Твена. Однако это лишь позабавило писателя. С энтузиазмом он принялся тренироваться на своей первой пишущей машинке.

***

В Лондоне Твен присутствовал на банкете, устроенном университетскими профессорами. Речь зашла о том, кто написал шекспировские пьесы – Шекспир или Фрэнсис Бэкон. Наконец, спросили, что думает об этом Марк Твен.

— Я подожду с ответом, пока не попаду в рай и спрошу там у самого Шекспира, — ответил писатель».

— Не думаю, мистер Клеменс, что вы найдете Шекспира в раю, — заметил один из присутствовавших, убежденный «бэконианец».

— Что ж, тогда его спросите вы? — усмехнулся Марк Твен.

***

Знаменитый американский художник Уистлер пригласил однажды Марка Твена к себе в студию посмотреть только что законченную

картину. Некоторое время писатель молча изучал холст, а потом сказал:

— На вашем месте я бы обошелся без этого облака.

И сделал небрежное движение, словно желая смазать облако. Уистлер воскликнул:

— Господи, сэр, будьте осторожны! Разве вы не видите – краска еще совсем свежая!

— Не волнуйтесь, – сказал Твен, – это не самые лучшие мои перчатки.

***

— Что вы думаете о новом романе миссис Н.? — спросили Твена.

— Однажды закрыв эту книгу, ее уже просто невозможно открыть, — серьезно ответил Марк Твен.

***

Однажды в компании рассказывали морские истории. Попросили рассказать и Марка Твена.

— Правдивую историю?— спросил он.

— Да, разумеется, — ответили ему хором.

— Хорошо. Итак, мы пересекали Атлантический океан на одном из надежнейших пароходов трансатлантических линий. Вдруг однажды утром разыгрался ужасный шторм. Палубу захлестнули волны чудовищной высоты, мачты сломались, а потом отказали рули. Судно стало погружаться в воду, все быстрей и быстрей, и наконец потонуло со всеми пассажирами и командой.

Когда слушатели оправились от изумления, один из них спросил:

— Но вы не рассказали, как вам удалось спастись!

— А я не спасся, — ответил писатель. — Я пошел ко дну вместе со всеми.

***

Некий банкир, у которого один глаз был стеклянный, изготовленный знаменитым парижским мастером, так этим глазом гордился, что предложил Твену пять тысяч долларов, если тот угадает, какой именно глаз у него вставной.

— Безусловно, левый, — ответил Твен не задумываясь. — Только в нем поблескивает что-то человеческое.

***

Однажды Марк Твен произнес спич за званым обедом. Когда он закончил, из-за стола поднялся известный адвокат Уильям Эвартс и,

держа по своему обыкновению руки в карманах, сказал:

— Господа, разве это не удивительно – видеть профессионального юмориста, который говорит по-настоящему остроумно?

Твен подождал, пока смех стихнет, встал из-за стола и сказал, по своему обыкновению растягивая слова:

— Господа, разве это не удивительно — видеть перед собой адвоката, который держит руки в своих карманах?

***

Выслушав проповедь преподобного Доуна, Твен заметил:

— Мне очень понравилась ваша утренняя проповедь. Но у меня есть книга, где можно найти все, что вы сказали, до единого слова.

Епископ возмутился:

— Этого не может быть!

На другой день Твен прислал ему полный словарь английского языка.

***

Говорили, что Твен получает доллар за строчку. Однажды он получил чек на один доллар с припиской: «Пожалуйста, пришлите мне одно слово». Твен ответил: «Спасибо».

***

Твен рассказывал:

— Я проснулся среди ночи. Помаявшись два часа, решил встать. В полной темноте начал искать свою одежду, ступая с легкостью кошки, чтобы не разбудить Ливи. Постепенно нашел все, кроме одного носка. Я опустился на четвереньки и пополз по комнате, осторожно шаря под стульями. Через полчаса носок был найден. Я поднялся на ноги вне себя от счастья и опрокинул умывальный таз и кувшин с водой, стоявший на умывальнике. Ливи вскрикнула, потом спросила:

— Кто там? Что случилось?

Я сказал:

— Ничего не случилось. Я охотился за носком.

Она сказала:

— Ты, наверное, убил его!

***

Однажды Твен гостил у друзей и, как обычно, очень много курил. Хозяева благоговейно собрали весь пепел в баночку и попросили Твена надписать на ней ярлык. Писатель оставил такой автограф: «Удостоверяю, что это мой пепел. С.Л. Клеменс».

***

Путешествуя по Франции, Марк Твен ехал поездом в город Дижон. Поезд был проходящим, и он попросил разбудить его вовремя. При этом писатель сказал проводнику:

— Я очень крепко сплю. Когда вы будете меня будить, может быть, я буду кричать. Так не обращайте на это внимание и обязательно высадите меня в Дижоне.

Когда Марк Твен проснулся, было уже утро и поезд подходил к Парижу. Писатель понял, что проехал Дижон, и очень рассердился. Он побежал к проводнику и стал ему выговаривать:

— Я никогда не был так сердит, как сейчас! — кричал он.

— Вы не так сильно сердитесь, как тот американец, которого я ночью высадил в Дижоне, — удивился проводник.

***

Этот случай произошел в то время, когда Марк Твен был молодым репортером в Виржиния Сити, Невада. Он встретил незнакомца в бильярде, который предложил ему пари. Незнакомец предложил ему игру на половину доллара – и даже сказал, что сам будет играть левой рукой, видя, как Твен разогревается. Твена это задело, и он, как он сам позже писал, «решил преподать незнакомцу урок». Но незнакомец выиграл первый бой, очистил весь стол и забрал деньги Твена, «и все что я мог себе позволить, – сказал Твен, – это небольшую реплику». «Если вы играете так своей левой рукой, я бы хотел увидеть, как вы играете правой». «Я не могу, – сказал незнакомец. – Я левша».

***

Встречаясь с читателями, Марк Твен обычно рассказывал много смешных историй, веселил аудиторию. Однажды он гулял по улице маленького городка, где в этот вечер ему предстояло читать лекцию. Писателя остановил молодой человек и сказал, что у него есть дядя, который никогда не смеется, даже не улыбается. Марк Твен предложил привести дядю на его лекцию, пообещав, что обязательно заставит того рассмеяться. Вечером молодой человек и его дядя сидели в первом ряду. Марк Твен обращался прямо к ним. Он рассказал несколько смешных историй, но старик ни разу даже не улыбнулся. Тогда писатель стал рассказывать самые смешные истории, какие знал, но лицо старика по-прежнему оставалось серьезным. В конце концов совершенно обессиленный Марк Твен покинул сцену. А через некоторое время рассказал своему другу об этом случае. – «О, – сказал друг,

– не волнуйся. Я знаю этого старика. Уже много лет, как он абсолютно глухой».

***

Когда Марк Твен был редактором журнала, много времени у него занимало чтение рукописей. Как-то раз, посмотрев на переполненную мусорную корзину, он вздохнул и сказал:

— Как жалко, что я не был редактором в то время, когда люди писали на каменных плитах. Какую прекрасную виллу я бы мог построить из присланных рукописей!

***

Однажды Марк Твен получил пачку плохих стихов под заголовком «Почему я живой?». Возвращая рукопись неведомому стихотворцу, Марк Твен написал ему: «Потому, что послали стихи по почте, а не пришли в редакцию лично».

***

Рассеянность часто ставила писателя в затруднительное положение. Однажды, когда Марк Твен ехал в поезде, в купе вошел контролер. Марк Твен стал искать билет по карманам, но безуспешно. Наконец контролер, который знал писателя в лицо, сказал:

— Ладно, не беспокойтесь. Предъявите свой билет, когда я буду идти обратно. А если вы его не найдете, тоже не беда. Это мелочь.

— Нет уж, какая там мелочь, — запротестовал Марк Твен. — Я обязательно должен найти этот проклятый билет, иначе как я узнаю, куда я еду?!

***

Приехав в один из лондонских отелей, Марк Твен увидел в книге регистрации гостей такую запись: «Лорд N с камердинером». Знаменитый писатель в этой книге сделал и свою запись: «Марк Твен с чемоданом».

***

Однажды, когда Твен был в Англии, он отправился посмотреть лошадиные бега недалеко от Лондона. Когда он возвращался на станцию, он встретил своего друга. У того не было денег на поезд, и он попросил Марка Твена купить ему железнодорожный билет до Лондона. «Извини, мой друг, – сказал писатель, – у меня недостаточно денег на два билета. Но ничего страшного. Подожди меня здесь. Я собираюсь купить один билет, а ты можешь ехать под моим сиденьем.

Никто не увидит тебя там». Два билета были куплены в кассе, но Марк Твен ничего не сказал об этом своему другу. В поезде они наши пустое купе, и его друг забрался под сиденье. Никто не видел его. Вскоре после этого поезд тронулся и в купе вошел кондуктор. Марк Твен отдал ему билеты. Кондуктор поглядел по сторонам и спросил, кому принадлежал второй билет. «А, это билет моего друга, – ответил писатель, – он едет под моим сиденьем. Видите ли, у него не все в порядке с головой, и он любит путешествовать таким образом».

***

Марк Твен, находясь на светском рауте, беседовал с одной не очень приятной в общении дамой. Решив сделать ей комплимент, он заметил:

— Вы очаровательны!

На что грубиянка ответила:

— Не могу сказать о вас того же самого.

Марк Твен улыбнулся и промолвил:

— А вы сделайте, как я — соврите!

***

Молодая симпатичная дама интересуется у Марка Твена:

— Правда ли, что все люди произошли от обезьян?

— Да!

— Все, все и даже я?» — изумилась дама.

— Да, только вы от очень хорошенькой.

***

Некий банкир спросил однажды М. Твена:

— Чем объяснить, что у вас так много мозгов и так мало денег?!

— Видите ли, — ответил писатель — природа любит равновесие. В среднем у нас с вами поровну.

***

Марк Твен был приглашен на званый прием к какому-то богачу, который решил порадовать приглашенных оперным представлением. Хозяйка дома уделяла писателю внимание, непрерывно болтая. Это мешало ему слушать музыку. Когда же опера закончилась, хозяйка пригласила знаменитого гостя на следующий прием.

— Вы услышите «Тоску», — пообещала она.

— Непременно приду, — ответил писатель. — В этой опере я вас еще не слышал.

***

Марк Твен получил анонимное письмо, в котором было одно слово – «свинья». В газете писатель дал следующее сообщение по этому поводу: «Часто мне посылают письма без подписи, но вот я получил письмо с одной подписью».

***

Марк Твен, будучи редактором газеты, напечатал однажды разгромное обличение некоего N. В нем была фраза: «Господин N не заслуживает даже плевка в лицо». Оный господин подал в суд, который обязал газету опубликовать опровержение, и Марк Твен показал себя «законопослушным» гражданином. В очередном номере его газеты было напечатано: «Господин N заслуживает плевка в лицо».

***

Однажды Твен, как это часто случалось, писал, лежа в постели. Вошла жена и сообщила, что его ожидает приглашенный им репортер.

— Ты не думаешь, что он будет чувствовать себя не совсем удобно, если найдет тебя в постели? — спросила она.

— Если ты так думаешь, Ливи, мы можем постелить ему вторую постель, —подумав, ответил писатель.

***

Однажды Твен зашел в один из крупнейших нью-йоркских книжных магазинов.

— Мне, пожалуйста, последнюю книгу Марка Твена, — обратился он к продавщице.

Продавщица задумалась.

— Марк Твен? Что-то не помню. А в каком театре он играет?

Рассказывая эту историю знакомым, Твен говорил:

— Слава богу, что в Нью-Йорке нашелся хоть один человек, который меня не знает.

***

Однажды Марка Твена попросили выступить на банкете в честь генерала Гранта. К удивлению присутствующих, Марк Твен начал с того, что будущее Соединенных Штатов пока что находится в трех или четырех миллионах детских колыбелей. «В одной из них находится младенец, который в один прекрасный день станет генералом армии. Сейчас, возможно, он предпринимает стратегические усилия, пытаясь запихнуть себе в рот большой палец ноги». В зале все стихло, а смущенные гости не знали, куда деваться и на что смотреть. Марк

Твен тем временем подошел к концу своей речи. «Пятьдесят шесть лет назад генерал Грант пытался предпринять такую же операцию. Ребенок обещал стать личностью, и вряд ли кто из присутствующих усомнится в том, что ему это прекрасно удалось». Бурными аплодисментами публика встретила окончание речи. Когда Твен получил приглашение отобедать с германским императором, его дочь Джин сказала:

— Папа, если так будет продолжаться, тебе не с кем будет знакомиться. Разве только с Богом.

***

В 1904 году Марк Твен с женой Оливией и дочерями Кларой и Джин жили в Италии, на вилле Ди Кватро недалеко от Флоренции. Во время одного из своих визитов во Флоренцию писатель заметил, что многие люди проходили мимо него с дружеским приветствием: «Buon giorno, Borzì!». Марк Твен, не зная, как объяснить свою внезапную популярность, отвечал с той же сердечностью: «Buon giorno, buon giorno!». В конце концов ему удалось добиться объяснений от своего друга Карло Паладини, публициста. Дело было просто в том, что профессор Антонио Борци, директор Ботанического сада в Палермо, выдающийся ученый, хорошо известный во Флоренции, имеет такое поразительное сходство с Марком Твеном, что даже его друзья были обмануты.

***

О Боге Твен отзывался обычно сдержанно.

— Вы же знаете, мы с ним в натянутых отношениях, — говорил он.

***

Третьего апреля 1910 года, в воскресенье, Марк Твен получил телеграмму такого содержания: «Марк Твену, Гамильтон, Бермуды. Клоуны цирка Барнема и Бейли, почитая Вас величайшим в мире смехотворцем, сочтут за честь, если Вы согласитесь быть их гостем в воскресенье, 3 апреля, в два часа дня, на Мэдисон-сквер-гарден. Ждем Вашего ответа, оплата за наш счет. Барнем и Бейли. (Ответ из пятидесяти слов оплачен отправителем)». Писатель ответил: «Весьма сожалею, но вся прошлая неделя у меня занята. Приеду на позапрошлой, если это вас устроит. Марк Твен. (Оплачен ответ из двадцати пяти слов)».

***

Двое нью-йоркских приятелей Твена, Брандер Маттьюз и Франсис Уилсон, решили отправить ему письмо. В то время Твен

путешествовал и не имел постоянного адреса, поэтому на конверте они написали: «МАРКУ ТВЕНУ, БОГ ЗНАЕТ ГДЕ». Три недели спустя пришел ответ: «Да, Он знает».

IX.

В 1884-1885 годах Сэм Л. Клеменс основывает издательский дом Charles Webster & Co, названный в честь племянника его жены, ставшего руководителем предприятия. В этом издательстве он публикует «Мемуары» Улисса С. Гранта в 1885 году. Три года работает над фантастическим, в известной степени историческим романом: «*Янки из Коннектикута при дворе короля Артура*». Его он заканчивает в 1889 году. Сказочный сюжет позволил объединить настоящее и будущее, с помощью художественного вымысла оценить реальный и современный ему мир. Фантастика Марка Твена – способ его реалистической эстетики, способствующей созданию сложного явления – *действительности*. В год написания романа Марк Твен занес в дневник такую мысль для «*Princeton Review*» (апрель 1888 года): «*Если вы попробуете создать целиком вымышленное событие, приключение или ситуацию, вы обязательно собьетесь с пути, – искусственность вещи легко будет обнаружена; но если вы будете основываться на факте вашего собственного опыта, это будет зерном, корнем, и каждое созданное потом украшение, что вырастет из него – все ветви, листва и цветы, – будет казаться реальным, не надуманным. Вы не заблудитесь: вашим компасом будет факт, который будет держать вас на правильном пути*».

Образы «*A Connecticut Yankee in King Arthur's Court*», драматические конфликты, детали – все это взято Марком Твеном из реальной американской жизни. Само появление романа рождено желанием писателя осмыслить судьбы своей родины. В произведении чувствуется глубокая тревога Твена по поводу того, что над его страной нависли черные тучи. Роман создавался непосредственно вслед за памятными всему миру событиями в Чикаго, вслед за прокатившейся по США волной террористических актов и репрессий правительства по отношению к бастовавшим рабочим. Недаром писатель Steadman, прочтя рукопись романа осенью 1889 года, писал Марку Твену, что тот показал «*...все еще существующими*» принципы, которые рождают тиранию. Gowers, глубоко переживший Трагедию на Хеймаркете, тоже

легко перевел «эзоповский язык» Марка Твена на язык современности, когда в рецензии на роман отметил: «*Далекая сказка артуровских дней звучит как печальная повесть нашего времени*». История создания и опубликования этого произведения раскрывает многое в творческой жизни писателя, в его взаимоотношениях с господствовавшей идеологией. «*Янки при дворе короля Артура*» – концентрация того, что писатель долго носил и подавлял в себе, не осмеливался высказать вслух, не желая вступать в открытый конфликт с общественным мнением. Он страдал от осознания того, что не выполняет своего писательского долга. В истории литературы искал аналогий, утешался тем, что понуждал себя к откровенности. «*Байрон презирал человеческий род потому, что он презирал самого себя,* – говорил Твен. – *Я чувствую то же, что и Байрон, и по той же самой причине*».

Роман был издан в 1889 году. Внешне казалось, что за прошедшее пятилетие Марк Твен больше занимался изданием чужих книг в своей издательской компании, чем написанием своих. В действительности он вынашивал книгу, содержание которой тревожило его самого. Сюжет романа был навеян легендами об Артуре, обработанными Thomas Mallory, которые Марк Твен прочитал в 1883 году. Заметки Твена 1883-1884 годов говорят о том, что роман вначале был задуман только как юмористический. Твен обыгрывал ситуацию: человек XIX века попал в условия жизни VI века. Прошло пять-шесть лет, наполненных значительными политическими событиями. В 1888 году Твен принялся за окончательную доработку романа. Фантастический сюжет с острыми и волнующими коллизиями, разнообразие и богатство языка – все это получило новую окраску. Теперь Марк Твен создавал сатирический роман. Причем делал это совершенно сознательно. «*Никакой бог и никакая религия не могут пережить насмешки,* – писал Твен. – *Ни церковь, ни аристократия, ни монархия, ни любой другой обман не могут встретиться лицом к лицу с насмешкой и продолжать после этого свое существование*».

Вокруг книги мгновенно закипела полемика еще до ее выхода в свет. «Yankee...» были еще в гранках, а критики уже набросились на Твена с обвинениями в «*оскорблении общественного вкуса*». Книгу называли «злобным пасквилем», «дурной литературной пародией». Твен был возмущен, хотя знал заранее, что роман будет встречен враждебно. «*Я не писал для тех, кто считает себя критиками, и вообще не позволю, чтобы они своими руками хватали мою книгу.*

Это моя лебединая песня, мой уход из литературы, и я хотел бы пройти на кладбище незапятнанным...»

Кстати, с каждым новым произведением Марк Твен становится все смелее. Желание бросить в лицо противников обвинение делалось сильнее естественных опасений культурной изоляции. Аллегоризм твеновских романов становился лишь небольшим укрытием, из-за которого писатель совершал свои атаки. Истинный друг Твена – демократически настроенный читатель – и враждебные рецензенты одинаково быстро расшифровали фантастические иносказания. Острая злободневность романа обнаруживалась без труда. Его «*Янки при дворе короля Артура*» – страстный публицистический роман, в котором Твен говорит об угнетении человеческой личности, о власти религии, о жесткости законодательства. После выхода романа из печати нападки рецензентов стали ожесточеннее. Ханжи в литературе выражали притворное сожаление о «*прискорбной неудаче*» талантливого писателя. Возмущались «*дерзким святотатством*» и «*нестерпимой грубостью*» Твена. Английские журналы заявили, что «*Янки...*» – «*грубая, вульгарная книга*», она – «*не для культурного читателя*». В ответ на это Твен написал гордое письмо, адресованное Эндрю Лэнгу, британскому профессору, который всегда заявлял о себе как о «*почитателе*» Твена. Но «*почитатель*» не счел нужным на него отвечать. Оскорбился... Еще бы! «*Критика все время считает,* – пишет Твен, – *что если книга не подходит под некий культурный стандарт, то она не имеет ценности*». Далее писатель гневно обрушивается на тех, кто пренебрежительно относится к читательским запросам, кто пишет лишь ради похвал господствующего социального слоя. «*Массы никогда не увидят старых мастеров,* – продолжает Твен, – *это зрелище для немногих, но ремесленник, выделывающий хромолитографии, может поднять их на одну ступеньку вверх в оценке искусства; они не могут иметь оперы, но шарманка с певцами поднимает их немного по направлению к этой далекой высоте; они никогда не прочтут Гомера, но проходящий мимо рифмоплет их времени оставит их выше, чем найдет*». «*Я,* – продолжает он с глубокой иронией, – *никогда не пытался, ни единого раза, помогать цивилизовывать культурные слои общества. Я недостаточно подготовлен к этому и в отношении природных талантов, и по образованию. И я никогда не имел никаких претензий в этом отношении, но всегда искал большего – массы... Моя публика нема, ее голос не раздается в печати, и я поэтому не знаю,*

снискал ли я ее расположение или только осуждение». Такова гневная отповедь высокомерным интеллектуалам. Защита права писателя творить, создавать духовные ценности.

После выхода романа многие английские «*поклонники*» таланта Твена из друзей превратились в недругов. Отзвуки полемики вокруг «*Янки...*» слышались долгие годы. A. Payne, первый биограф Марка Твена, игравший при нем роль секретаря и «друга», писал о романе: «*Янки при дворе короля Артура*» *не только оскорбил английскую нацию, но многое из романа оскорбило лучшие вкусы соотечественников Марка Твена, и со временем это должно было оскорбить даже самого Марка Твена*». Однако этот нелепый «прогноз» не оправдался. Спустя много лет Твен не только не «*оскорблялся*», а откровенно наслаждался, перечитывая свой роман. Незадолго до смерти, в письме к дочери Кларе, 10 марта 1910 года он писал: «*Вчера я прочел «Янки при дворе короля Артура» в первый раз по прошествии тридцати с лишним лет. Я остался необыкновенно доволен этой книгой, доставившей мне удовольствие!*» Выпады A. Payne интересны в том отношении, что они говорят о существовании единой *оппозиции* против романа. Случилось то, чего он опасался, создавая его. И все же, выпустив в свет свое произведение, Марк Твен не дрогнул под градом нападок и выполнил свой писательский долг. Нет, Марк Твен хотел быть «*учителем жизни*», хорошо зная, что, выступая в качестве безобидного юмориста, он мог рассчитывать на одобрение и читателей, и критики. Он предпочитал позицию сатирика. В «*Позолоченном веке*» и в рассказах 70-х годов Марк Твен раскрыл суть государства, построенного на наглом обмане и грабеже. В «*Принце и нищем*» показал страдания и бесправие народа, придавленного жестоким законодательством. В «*Приключениях Гекльберри Финна*» рассказал о рабстве в «американском раю». В «*Письме ангела-хранителя*» и в «*Янки из Коннектикута при дворе короля Артура*» он обрушился на самый оплот американского государства. Он описывал в романе политику феодальной церкви и феодальной монархии. Боролся с современными ему реальными силами, с американскими монополиями и с церковью. К монархии как к феодальной государственной машине Марк Твен относился с отвращением. В записную книжку 1888 года, то есть того времени, когда он работал над «*Янки...*», Твен заносит мысли, имеющие прямое отношение к содержанию романа: «Никогда не было трона, который не представлял бы собою преступления. Не существует такого трона

и теперь. Монархия – это увековеченное пиратство. На ее гербе следовало бы изобразить череп и скрещенные кости». В тех же выражениях Марк Твен изобразит не какую-то далекую, абстрактную феодальную монархию, а собственную страну – Соединенные Штаты в начале XX века, когда США *«запятнают флаг»* (выражение Марка Твена. – О.Ю.) кровавыми агрессиями в колониях – на Кубе, Филиппинах, в Китае. Это неслучайно. Уже в конце 80-х годов в его письмах, дневниках, записях и в художественных произведениях настойчиво звучит один и тот же лейтмотив – отрицание любых видов «монархии». *«Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»* возник в атмосфере противостояния власти монополий. Рабочие и фермеры восставали против тирании железнодорожных, сталелитейных, нефтяных *«королей»*, *«королей, пшеницы»*, *«королей скота»*. Чем острее становился этот протест, тем алчнее проявлялась власть капитала. В *«Записной книжке»* того времени записано: *«Людям кажется, что они граждане республиканской партии и что это есть патриотизм чистейшей воды. Я предпочитаю быть гражданином Соединенных Штатов»*, отделяя себя от интересов партии, следуя интересам государства и своего народа.

Чрезвычайно интересны его «Заметки для «Янки» (1884), в которых он формулирует замысел романа: *«Главное, что я хочу внушить, – это нелояльность. Пусть перестанут употреблять слово лояльность в смысле долга. Независимость и является собственно лояльностью, но она часто предается в жертву признанным идолам и фетишам»*. *А на следующей страница Твен уточняет, что он понимает под «идолами» и «фетишами»*. Он протестует против преданности «королю или партии», когда человек делается «рабом» того или другого. Становится ясным, что в фантазийном произведении выдвигается очевидная реальность современного ему бытия. «Монархия денег» получит у Марка Твена реальную конкретность. *«В течение пятидесяти лет наша страна является конституционной монархией с республиканской партией на троне... Наша монархия более могущественна, более безответственна, более автократична, чем любая монархия Европы»* – напишет он в 1906 году в «Автобиографии».

По фантастическому роману Твена можно составить представление о борьбе в Америке 80-х годов идеологических взглядов общественных слоев. Об уровне технической культуры страны. О науке, печати, спорте, религии, семье. Иначе говоря, об общественно-

политической жизни США, какой она была в реальности. По мысли Твена, *«Янки при дворе короля Артура»* – это социальная утопия, сатира на правящие классы. Герой романа Твена, янки – американец XIX века. Мастер оружейного завода, получив в стычке с рабочими удар по голове и потеряв сознание, перенесся на много веков назад. Он очнулся в VI веке, при дворе короля Артура. Благодаря превосходству своих знаний он делается «хозяином» страны, способствует ее техническому и культурному прогрессу и тем самым вызывает на «страшный бой» феодальное дворянство и духовенство. Первое он физически уничтожает с помощью электричества, но второй его враг оказывается непобедимым. Роман заканчивается тем, что волшебник Мерлин, заколдовав янки, погрузил его в сон, который будет продолжаться тринадцать веков. Героем фантастического романа Марк Твен делает рядового американца. В одном из своих писем Твен называет его «Yankee mechanic». Это соответствует понятию «мастеровой». В романе он назван «foreman» (мастер, старший рабочий). В начале книги янки так представляется читателю: *«Отец мой был кузнец, мой дядя — ветеринар, и сам я в юности был и кузнецом, и ветеринаром. Потом я поступил на оружейный завод и изучил мое теперешнее ремесло; изучил его в совершенстве; научился делать все: ружья, револьверы, пушки, паровые котлы, паровозы, станки. Я умел делать все, что только может понадобиться, любую вещь на свете...»* Янки был списан с тех искусных рабочих, мастерством которых Твен восхищался на заводе Пратта и Уитни в Хартфорде. Хотя янки, по словам Твена в беседе с иллюстратором романа Картером Бирдом, *«не обладает ни утонченностью, ни университетским образованием»*, он всемогущ. В *«Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»* Твен обрисовал все технические изобретения последних столетий: железные дороги, пароходы, телеграф, телефон, электричество и т. д. Янки – обладатель огромной человеческой энергии, такой, перед которой Марк Твен в юности готов был *«пасть ниц и поклоняться»*. С помощью смещения исторической перспективы фигура янки становится необычайной, преувеличенной, фантастической. Янки, с точки зрения человека средних веков, – бог, маг, чародей. Марк Твен снова обращается здесь к самой ранней стадии американского фольклора – к сказаниям о Дэвиде Крокете. Янки-Крокет способен «вызвать» затмение солнца, оживить иссякший источник, говорить с человеком, находящимся на расстоянии сотен километров. Дэвид Крокет старался

перекричать бурю, янки проводит телефон из столицы короля Артура в его провинции. С большим искусством пользуется здесь Твен традиционной фольклорной фантастикой преувеличения человеческих возможностей. Технические достижения XIX века не удивительны для человека этой эпохи, зато они фантастичны и чудесны для людей VI века. Янки бескорыстен по глубочайшей сути своей. Газеты и фабрики, пароходы и телефон, мыло и велосипеды, созданные янки в царстве короля Артура, служат интересам народа. Автор обрисовал в своем герое идеального человека: янки – храбр, отважен, добр, человеколюбив. Герой произведения представлен в виде рыцаря. В этом отношении роман Твена является литературной пародией с глубоким социальным смыслом. Янки (простой человек) противопоставлен титулованному средневековому рыцарству. Твен не дал своему герою имени, оставив за ним только нарицательное: «*янки*». Янки – условная фигура комической литературы 30-х годов XIX века. В газетных шаржах, юмористических рассказах образ янки бытовал в течение нескольких десятилетий. Твен сохраняет внешние черты этого образа: самоуверенные манеры, «простецкий» язык. Это необходимо Твену для того, чтобы подчеркнуть в янки, что он – рядовой американец, один из многих тысяч безвестных людей. Само имя его свидетельствует, что для автора герой – воплощение широко распространенных качеств в среде населения Новой Англии («Янки из Коннектикута»). И вместе с тем в герое романа – черты живого человека. Это не фантастический американский реформатор, попавший в средневековье, не честолюбец, затеявший борьбу за власть, а человек, осужденный на смерть и борющийся за собственную жизнь. Твен мастерски слил воедино индивидуальные мотивы, которыми движим янки, с общечеловеческими. Янки ведет напряженную борьбу, малейшая оплошность с его стороны угрожает его жизни, жизни любимой жены, маленькой дочери, друга Кларенса, пятидесяти двух юношей – его помощников. Власть для янки – вопрос жизни. Именно поэтому он так глубоко сочувствует жертвам церкви и монархии – бесправным, забитым существам. По законам феодального общества, янки такой же раб, как и артуровский крестьянин. При каждой встрече с людьми из народа янки бывает поражен их трагическим положением. Наблюдает ли он подневольную жизнь артуровских крестьян, грязь, грубость, нищету, дает ли обильный званый обед своим друзьям-беднякам, потрясенным великолепием яств, стоимостью в... четыре доллара, заходит ли

в жалкую хижину, все обитатели которой больны оспой, видит ли, как работорговец гонит на продажу толпу замерзающих рабов и сжигает некоторых из них, чтобы сберечь остальной «товар», – янки думает об одном и том же: как уничтожить нищету и бесправие.

На фоне голодных лиц, лохмотьев Марк Твен рисует блеск и пестроту рыцарских одеяний, шелковые знамена, золото украшений. «*Среди грязи, свиней, убогих лачуг и веселых собак эта красивая кавалькада неслась вперед*». Власть рассматривает народ как породу существ, мало чем отличающихся от скота. «Нежная» красавица королева Моргана хладнокровно убивает пажа-ребенка. «Отцы церкви» торгуют людьми. Король Артур – «*благородный рыцарь*» – без всякого разбирательства отправляет на виселицу людей, осмеливающихся восстать против своего господина. «*Посадить в тюрьму этих людей,* – иронически пишет Твен, – *без всякого доказательства их вины и уморить голодом их родителей – это не беда, так как они всего только крестьяне и существуют лишь для удовольствия своего лорда. Но если они разобьют столь неправедно наложенные на них оковы – это дерзость! У деспота, имеющего наследственную власть, особый склад мышления, ничего общего с разумом не имеющий*». Твен комментирует поведение жестокой королевы Морганы: «*Нет, убеждать ее в чем-нибудь разумными доводами было совершенно бесполезно. Взглядов, привитых воспитанием, из человека уж ничем не выбьешь*». Не соблюдая в своем фантастическом романе каких-либо определенных исторических границ, писатель от средних веков легко шагает ко времени французской революции конца XVIII века. Твен вольно обращается с хронологией. Основываясь на фактах, характерных для самых различных эпох, доносит до американского читателя мысль: «*Еще ни один народ не обрел свободы приятными разговорами и моральными доводами*».

В 1873 году в романе «*Позолоченный век*» Твен страстно убеждал своих соотечественников не отдавать принадлежащих им политических прав кучке промышленных воротил, политических спекулянтов и продажных сенаторов. Теперь он снова обращается к проблеме государственной власти. Герои романа – кузнец и мастер оружейного завода – люди, которых писатель наблюдал в 80-е годы, во время многочисленных стачек рабочих и выступлений фермеров. Иначе говоря, содержание романа было подсказано временем. Прямое подтверждение этому есть в письме Марка Твена, написанном в 1887 году.

«Когда я окончил читать «Французскую революцию» Карлейля в 1871 году, я был жирондистом, время от времени я читал снова, читал по-разному – находясь под влиянием и изменяясь шаг за шагом; это делала жизнь и среда (и Тэн и Сен-Симон), и теперь я снова взял книгу и ощутил, что я – санкюлот! – и не какой-либо розовый, бескрасочный санкюлот, а Марат. Карлейль не учит ничему подобному: это изменение во мне, – в моей оценке окружающего... ничего не остается неизменным». Этому учит жизнь. Янки в романе – живой образ американца XIX века. Вставая на защиту прав народа, герой романа Твена поднимает восстание. Такие эпизоды из английской истории, как народные восстания под предводительством Джека Кэда и Уота Тэйлора, говорят об этом. Примечателен разговор янки со своими юными соратниками: «*— Вы — английские мальчики, и вы останетесь английскими мальчиками, не запятнав этого имени. Не мучайте больше себя сомнениями, успокойтесь. Рассудите: вся Англия идет на нас, но кто идет впереди? Кто, по обычным правилам войны, идет в первых рядах? Отвечайте. — Конные отряды закованных в латы рыцарей. — Правильно. Их тридцать тысяч. Они покрывают собой необозримое пространство. Поймите: кроме них, никто не войдет в песчаный пояс. Только с ними мы расправимся. А массы граждан, шествующие в арьергарде, мгновенно отступят, — у каждого из них найдется неотложное дело. Все рыцари – дворяне, и только им придется плясать под нашу музыку. Ручаюсь вам, мы будем сражаться лишь с этими тридцатью тысячами рыцарей».* Янки в романе привлекает в ряды своих приверженцев лучших и смелых людей. С помощью этих юношей проводится телеграф, телефон, прокладываются провода, организуется газета, строятся фабрики. Они способны создать подлинную культуру, отличную от культуры паразитарных слоев общества. «*Лучшие руководящие умы всех стран во все времена и века выходили из народной толщи, из глубин нации – и только из нее, а не из привилегированного сословия*» – утверждает он. Марк Твен борется со «страшной и могущественной» церковью, породившей изуверское сочетание благочестия и жестокости, союз тирании и креста. «Не раз я сам видел, – говорит в романе янки, – как дворянин, застигнув врасплох врага, останавливался помолиться, прежде чем перерезать ему горло». Благочестие скрывает самые низменные инстинкты и самые гнусные пороки. Мерлин мстителен, жесток, коварен, хитер, бесчеловечен, властолюбив, беспощаден. Люди,

доверившиеся ему, – жалкие марионетки в руках этого великого интригана. Их мозг затуманен, лишен ясности, они беспомощны, запуганы – жертвы религиозных предрассудков и слепой доверчивости. Неслучайно Марк Твен заставляет героя своего романа видеть в Мерлине главного противника, хитрость и коварство которого в конце концов оказываются для янки смертельно опасными.

В своей прокламации янки пишет: «*Монархия прекратилась и больше не существует. Следовательно, вся политическая власть возвращается к своему первоисточнику – к народу. Вместе с монархией умерли и все присущие ей учреждения; больше нет ни дворян, ни привилегированных слоев, ни государственной церкви; отныне все люди равны; каждый может свободно избрать себе религию. Провозглашается республика как естественное состояние нации, когда перестали существовать все другие виды власти».* И дальше, в главе «Три года спустя», Твен заявляет: «*Рабство было уничтожено; все люди были равны перед законом...*» Он верит в возможность существования «*демократии вообще*», и эта вера пронизывает весь роман. Но в то же время (и это весьма примечательно!) в абстрактную идею «чистой» демократии Твен привносит весьма характерный конкретный штрих: создателем своей социальной утопии он делает талантливого и умного мастерового. Отдавая рабочему человеку ведущую роль в создании утопического государства, Твен вносит существенную поправку в идею «чистого» народовластия. На каждой странице романа писатель высказывает величайшее презрение «царственным и аристократическим шалопаям» и величайшее уважение гениям-изобретателям, которых он называет «первыми, после бога, творцами этого мира». Янки тоже творит новый мир. Он приобщает народ к коллективному труду, воспитывает в нем чувство собственного достоинства. «*Я беру вас обоих в колонию,* – говорит янки двум рабам, – *вам понравится там; это фабрика, где я превращаю автоматов в людей».* Превращение это происходит иногда со сказочной быстротой, но в строгом соответствии с определенной закономерностью: чем меньше у человека связей со старым миром и чем совершеннее его трудовые навыки, тем более преданным он оказывается по отношению к янки и его делам.

В «*Янки из Коннектикута при дворе короля Артура*» отражены не только споры, но изображены картины общественного переворота и вооруженной борьбы янки. Однако у героя романа оказалась слишком малочисленная армия: невежественная и косная масса не пошла

за ним. «*Моя мечта о республике и останется мечтой*», – говорит он, убедившись в силе духовенства, которое повело за собой народ. Янки и его соратники гибнут, так как не сумев организовать массы в убежденную армию борцов. Концовка романа Марка Твена многозначительна. Обращает на себя внимание поведение масс крестьянства в романе, которое не пошло за чуждым ему янки. Сознательно или интуитивно, но Твен высказал здесь важную мысль: вождь народа должен быть связан с массой. Именно так, как он описывает в своем романе, часто бывало и в истории человечества. Правящая верхушка умело пользовалась оппозиционными настроениями рабов и направляла их ярость в сторону, противоположную их интересам. В романе Марка Твена коварный Мерлин руками народа уничтожил *цивилизацию*, созданную янки. Были разгромлены фабрики, пароходы, линии связи... Янки одинок. Он начинает справедливую, но неравную борьбу, которая обречена на неудачу. Недаром писатель изобразил ее в виде стремительного авантюрного *путча*. В индивидуалистичности поведения героя кроется причина гибели его дела. Он – «янки из Коннектикута» с головы до пят. Роман резко обрывается, как только янки, заколдованный Мерлином, выходит из трагической игры. Оставшийся в живых Кларенс, хоть и владеет техническими секретами янки, без него не в состоянии продолжить начатого дела. К современной Твену действительности концовка романа имела непосредственное отношение. Твен выдвигал животрепещущую тему: вождь и массы. Ей он вскоре посвятит роман о Жанне д'Арк.

Развязка романа – гибель янки и его друзей – свидетельствует о том, что Твен трезво оценивал ситуацию в своей стране. Он выбрал для своего романа такой сюжет, который дал ему возможность говорить языком сатирического иносказания. Это сочетание реалистической манеры со сказочной фантастикой позволяет комично изобразить благочестие, в котором отшельник, двадцать лет отбивающий поклоны, становится двигателем швейной машины. Практичный янки заставляет его сшить восемнадцать тысяч отличных рубах! Сатирические картинки странствующих рыцарей на велосипедах, рекламирующих цилиндры, мыло и подтяжки. Бейсбольная команда, состоявшая из праздных королей, султанов и императоров. Сэр Ланселот – биржевик, играющий на понижение акций железнодорожной компании. Фантастика, представленная в атрибутах реальности, придает идеям романа комическую выразительность. Мерлин в начале

романа попадает в комические положения, будучи одурачен ловким янки. Но в конце романа он представлен автором в ином свете. На многие столетия Мерлин заколдовал творца новой цивилизации – янки: погрузил его в сон, лишив движения, сам навеки окостенев в хохоте. Этот художественный образ символизирует церковь, (врага прогресса, поощрителя *мракобесия*). Марк Твен пользуется любой возможностью связать древность и современную ему Америку. Чуть ли не на каждой странице автор представляет Америку, смешивая ее реальность со средневековыми аналогиями. Например, герой романа, «*дрессируя*» короля, который прогуливается по Англии в одежде крестьянина, советует ему принять позу удрученного несчастиями человека, чтобы не быть узнанным: «*Вообразите себе, что вы опутаны долгами, что вас мучают беспощадные кредиторы; вы –безработный, – ну, скажем, вы кузнец и вас выгнали со службы; ваша жена больна, а дети ваши плачут, потому что им хочется есть...*» И то, что король в романе никак не может себе подобного «представить», потому что он не испытывал подобного, также является поводом для автора заставить своего рассказчика бросить упрек в адрес буржуазной Америки, равнодушной к страданиям своего народа. «*Слова не значат ничего, если вы не выстрадали сами того, что слова эти пытаются выразить. Бывают мудрецы, которые любят с видом знатоков потолковать о «рабочем» и утешают себя тем, что умственный труд куда тяжелее труда физического и по праву оплачивается много лучше. Они так думают потому, что испытали только умственный, а физического не знают*». В сказочную ткань романа вкраплены рассуждения о реальных заработках. Янки дает кузнецам урок политической экономии: «*Дело не в том, сколько вы зарабатываете, а в том, что вы можете купить на эти деньги*», – говорит он и приводит цифровые данные о прожиточном минимуме плотника на севере и на юге Америки. С большим драматическим пафосом, с глубокой взволнованностью рассказывается в романе о повешении молодой матери, которая украла «кусок холста стоимостью в четверть цента», чтобы, продав его, накормить своего голодного ребенка. Публицистичен и злободневен эпизод в романе, где описывается, как янки и переодетого крестьянином короля Артура какой-то милорд продал в рабство, и они не могли доказать, что они свободные люди. Твен пишет: «*Такой же дьявольский закон существовал и у нас на Юге*». Несомненно то, что Твен толкует здесь не только о недавнем прошлом

– Америке периода Гражданской войны, – он говорит о кабале рабов труда Америки более позднего времени. Сатирический рассказ Твена об экзаменах в артуровской военной школе, из которой изгонялись образованные сыновья ткачей и принимались титулованные неучи. С помощью фантастики выражена и одна из самых важных идей романа. В начале янки заявляет, что он все умеет делать. Он в расцвете сил и полон энергии. Твен дает своему герою сказочную возможность развернуть и проявить все свои творческие силы – начиная от создания технических ценностей и кончая изменением государственных основ. На страницах романа янки прожил жизнь, в которой были: труд, борьба, любовь, страдания, горечь поражения, страх смерти и радость победы. Янки не сложил оружия до самого трагического конца. Жизнь, утверждает Твен, это полное применение человеком всех его духовных сил. Когда этого нет, существование человека мертво, как мертва физическая оболочка янки, перенесенная в конце романа в XIX век...

X.

...Компания «Webster & Co» объявляет себя банкротом. По настоянию мистера Роджерса, Сэм Клеменс прекращает финансировать бизнес-проект по строительству наборной машины «James Paige». Примерно в тот же период жизни, решив отдохнуть после публикации романа *«Янки из Коннектикута...»,* Марк Твен почти три года (с 1891 по 1894) живет в Европе. Попеременно во Франции, Швейцарии, Германии, Италии, периодически осуществляя деловые поездки в США. Они были связаны с участием в делах его бизнеса, в связи с результатами его не слишком удачной деловой активности.

Вместе с тем литературным занятиям Марка Твена эти обстоятельства не мешали. Появлялись публикации в журналах. Письма Твена друзьям и деловые встречи. Публикации выдержек из новой книги *«The Tragedy of Pudd'nhead Wilson»* не привлекли внимание, хотя тема публикации обещала внимание передовой части американского читательского общества. В 1894 году книга выходит в свет.

«The Tragedy of Pudd'nhead Wilson» – произведение Марка Твена о Юге и о рабстве, которое оказалось гораздо слабее *«The Adventures of Huckleberry Finn»*. Однако оно было насыщено глубокими наблюдениями, касающимися самого характера притеснения негров. Тот

факт, что Твен обратился к такой теме, создавая художественное произведение в начале 1890 года, много значит. В тот период на книжный рынок Америки хлынул поток антинегритянской литературы. На фоне этой литературной продукции произведение *«The Tragedy of Pudd'nhead Wilson»* Марка Твена, хотя и не лишенное недостатков, представляло собой исключение. В некоторых отношениях оно даже более резко, чем остальные произведения Твена, отражает ненависть автора к рабовладельческой идеологии.

Повесть начинается великолепным сатирическим изображением почетных жителей Dawson's Wharf – городка в штате Миссури, где происходят описываемые события. С первых же страниц мы видим, как рабовладельческая идеология порождает в обществе феодальные традиции. *«Быть джентльменом, джентльменом в полном смысле слова, казалось ему самым главным в жизни, и этому своему кредо он никогда не изменял»,* – говорит Марк Твен по поводу философии *«первого гражданина»* города. Для *«джентльмена»* законы чести стояли на первом месте и *«эти законы требовали от него кое-каких поступков, которые его религия, возможно, и запрещала, – но в таких случаях уступать обязана была религия, ибо законы чести не подлежали смягчению ни ради религии, ни ради чего бы то ни было на свете»*. Не удивительно, что, следуя «аристократическому кодексу», эти люди разбивали семьи невольников, продавая поодиночке отцов, матерей и детей. Когда «джентльмен» Percy Driscoll, уступая мольбам своих рабов, продать их не в район низовья реки, а поближе, был поражен собственным великодушием. *«В тот же вечер он занес весь этот эпизод в свой дневник, дабы сын его, когда вырастет, прочитал эту запись и она вдохновила бы его на великодушные, гуманные поступки»*. Ему и в голову не приходит, иронически заметил Марк Твен, что, сделав людей своими рабами, он вообще лишил себя права претендовать на какую бы то ни было *«человечность»*. Подобно тому, как чернокожий раб Джим стал героем *«The Adventures of Huckleberry Finn»*, так и рабыня Рокси заняла место главной героини в повести «The Tragedy of Pudd'nhead Wilson». Марк Твен рисует эту женщину художественно и даже восхищаясь ею: «Рокси была совершенно светлокожая, рослая, пышнотелая, с величавой осанкой и исполненными благородной, царственной грации движениями. У нее были блестящие карие глаза, здоровый, яркий румянец во всю щеку и копна мягких шелковистых волос каштанового цвета, которые, правда, скрывал сейчас туго

повязанный на голове клетчатый платок. Лицо было выразительно и говорило о решительном характере, черты его были правильны, миловидны и даже красивы. Среди своих соплеменников она держалась свободно и независимо, пожалуй, несколько вызывающе; но при белых вела себя тише воды, ниже травы». Но мягкой и покорной, как узнаем мы дальше, она только казалась. Рокси готова сразиться с системой угнетения, лишь бы спасти своего младенца от рабства. В образе Джима Твен показал героизм и человечность, присущие негру, в образе Рокси – силу воли негритянки. Сюжет повести строится на подмене белого младенца негритенком. Мастерски используя этот сюжет, Твен разоблачает лживый миф о расовом превосходстве белых. У Рокси и у жены ее хозяина родились сыновья в один и тот же день, 1 февраля 1830 года. «*Роксане было двадцать лет. В тот же самый день Роксана была уже на ногах и хлопотала, ухаживая за обоими младенцами*». Так Твен показывает жестокость к рабыне. Она должна трудиться, чтобы белая женщина отдыхала. Но через неделю белая мать белого ребенка умирает, и мальчики остаются на попечении Рокси. Твен высмеивает явную нелепость рабовладельческой доктрины, оправдывающей обращение в рабство любого человека, у которого имеется хоть малейшая примесь негритянской крови. Она была негритянкой только на одну шестнадцатую часть, и обнаружить эту долю не представлялось возможным. «*По существу Рокси ничем не отличалась от белых, но одна шестнадцатая часть, то есть негритянская часть, перетянула остальные пятнадцать шестнадцатых и сделала ее негритянкой. Она была рабыней и в качестве таковой подлежала купле-продаже. Что касалось ее ребенка, то он был белым на тридцать одну тридцать вторых, но именно из-за ничтожной одной тридцать второй части считался, по нелепости закона и местных обычаев, негром и посему – тоже рабом*». Ребенок Рокси и ребенок хозяина были так похожи друг на друга, что их можно было различить только по одежде. Малыш хозяина носил «*платьице из мягкого муслина с кружевными оборками и коралловое ожерелье на шейке*», а сын Рокси – «*только простую рубашонку из сурового домотканного полотна, еле доходившую до колен, и никаких украшений на нем не было*». Неожиданно для себя Рокси начинает осознавать, что когда-нибудь ее ребенка могут продать в район низовья реки. Глядя на спящего белого младенца, Рокси восклицает: «*В чем провинился мой сыночек, что он лишен твоего счастья? Ведь он же никому ничего плохого не сделал!*

К тебе бог милостив, а к нему нет. Почему? Тебя никто не посмеет продать в низовья реки! Ох, ненавижу я твоего папашу, бессердечный он, а пуще всего бессердечный к неграм! Так бы и убила проклятого! А убить-то придется тебя, моего ребеночка! Но тебя, крошку мою, это не спасет! Продадут мою крошку в низовья реки, и дело с концом! Значит, такая уж судьба у твоей бедной мамы – убить тебя ради твоего же спасения! Мама должна убить тебя, да как рука на это подымется? Нет, нет, не плачь, мама не бросит тебя, мама уйдет с тобой вместе, убьет себя тоже. Уйдем отсюда, мой сыночек, утопимся вместе и забудем все земные горести! Там-то уж, верно, никто не продает бедных негров в низовья реки». Наряжая своего младенца, чтобы он произвел хорошее впечатление на ангелов и не показался им оборвышем, Рокси надевает на него платьице хозяйского ребенка, все в оборках и бантиках. Она не может отвести от мальчика глаз, пораженная его красотой, но еще больше – сходством с другим малышом. И вдруг она находит еще один выход из положения. Она надевает рубашонку своего младенца на хозяйского отпрыска и радуется, что ее ребенок спасен: «*Теперь уж ни один человек на свете не сможет продать мое сокровище в низовья реки!*» Глядя на маленького Driscoll, спящего теперь в кроватке ее сына, она взволнованно шепчет: «*Бог свидетель, болит у меня за тебя душа, малыш, но что делать-то, скажи? Твой папаша когда-нибудь все равно продал бы его в низовья реки, а я бы этого не пережила, просто бы не пережила, понимаешь?*»

Продолжая обдумывать положение, Рокси приходит к выводу, что она не совершает греха, ибо главный грех совершили еще раньше белые, обратившие в рабство ее народ. Желая удостовериться, что обнаружить подмену нельзя, Рокси показывает обоих младенцев человеку, который, по ее мнению, проницательнее всех в городе и один способен что-то заподозрить! Это Pudd'nhead Wilson которого все, кроме Рокси, считают глупцом. Опыт Рокси удался. Глупец снял у младенцев отпечатки пальцев – он снимал их у всех в округе, – пометил их по своей обычной манере и, похвалив младенцев, чтобы доставить Рокси удовольствие, продолжал заниматься своими делами. После этого ребенок Рокси уже окончательно становится сыном хозяина, а сын хозяина – рабом. Даже отец не в состоянии узнать своего сына. Твен не жалеет иронии, изображая самоуверенную, ханжескую жестокость хозяина, внушающего рабскую покорность собственному сыну, который, прислуживает сыну рабыни. Правда, по мере развития

сюжета Марк Твен как будто принимает пресловутую теорию *«голоса крови»*, объясняя этим пороки сына Рокси, занявшего место наследника хозяина. Но это не смягчает удара, который писатель нанес оправдывавшим рабство «нравственным конструкциям». В конце книги Pudd'nhead Wilson разгадывает тайну Рокси и рассказывает в суде о подмене младенцев. Но даже это Твен использует, чтобы по-новому заклеймить рабство. Он показывает, как трудно настоящему Driscoll, который вырос рабом, отказаться от прежних привычек и почувствовать себя свободным человеком, хотя он и восстановлен в правах хозяина плантации. Рабовладельцы приучили его считать себя низшим существом, и это преступление они совершили по отношению к великому множеству чернокожих рабов! Верх иронии – последняя страница повести. Сын Рокси признался, что совершил убийство, будучи хозяйским сыном. Его приговаривают к пожизненному заключению. Однако, когда он вновь стал рабом, то есть ценным имуществом, кредиторы, недовольные приговором, подают жалобу. Все белое население города становится на их сторону. *«Все поддержали мысль, что, будь Том белым и свободным, его бесспорно следовало бы наказать, поскольку это не принесло бы никому убытка, но посадить за решетку на всю жизнь раба, представляющего денежную ценность – это уж совсем другое дело! Как только губернатор уразумел суть дела, он сразу же помиловал Тома и кредиторы продали его в низовья реки»*. Этим Твен еще раз подчеркивает, что в основе рабовладельческой морали лежит стремление к наживе. Юридические законы и идеологические теории, придуманные в защиту рабства, – всего лишь средство оправдать накопление богатств за счет неоплаченного труда негритянского народа.

Времена меняются и в Америке. Такова логика жизни государств, людей и самой природы. Но эти перемены не происходят спонтанно. В их основе – логика жизни и нравственная культура, которая вбирает в себя ферменты веры, любви и правды. Перемены к лучшему усваиваются людьми. Их духовным человеколюбием, которое привносит в нашу жизнь радость и счастье. Марк Твен, как истинный гуманист и демократ, не мог молчать, глядя на окружавшую его несправедливость. Он встречал обман и насилие *сарказмом, гневом, обличением.* Для него такое проявление характера было подвигом. Спасибо ему за это! То, что чернокожее население современных Соединенных Штатов пользуется гражданскими правами – безусловно, и его заслуга.

Но сколько страданий пришлось пережить афроамериканцам, скольких героев родила история борьбы негров за свои права – не счесть! Мартин Лютер Кинг поставил точку в этой борьбе, своей жизнью заплатив за избавление своего народа от рабства. Оба, Мартин Лютер Кинг и Марк Твен, были настоящими духовными союзниками!

XI.

В 1895-1896 годах Сэмюэл Клеменс, испытывая денежные затруднения, начинает кругосветный лекционный тур. Он был неподражаемым лектором, умевшим держать в напряжении переполненные людьми залы. Они жадно внимали каждое его слово или стонали в гомерическом хохоте. Сэм понимал, что образовавшие денежные долги – результат его не слишком умелой деятельности в области бизнеса. Итог его неразумной увлеченности множеством идей, воплотить которые в жизнь заставлял его характер и авантюрная натура. Однако его отрезвляла реальность. Оливия заболела. Она была предана семье, но домашние нагрузки, болезни детей, обычные бытовые заботы рано или поздно должны были сказаться на ее здоровье. К тому же неугомонный характер ее мужа, его эмоциональная несдержанность, острое неприятие актов несправедливости, которых было немало вокруг, не могли заставить его спокойно созерцать окружающую жизнь. Его критические статьи в газетах, выступления нередко вызывали острое недовольство, скандальные реакции властей и противников. Одним словом, Оливию надо было срочно вывезти за границу, чтобы дать ей отдохнуть, отвлечься от множества ее обязательств. Да и самому Марку Твену пора было отвлечься от хлопот. На оставшиеся у него деньги, полученные за издание книг, он отправляется, сопровождаемый Оливией и дочерью Кларой Клеменс, читать лекции по всему Тихоокеанскому побережью, затем в Австралию и Новую Зеландию. Успех лекционного турне был *ошеломляющим*, и он едет в Индию, на Цейлон, в Южную Африку.

Неожиданно на Сэмюэла обрушивается несчастье.18 августа 1896 года от менингита умирает в Хартфорде его дочь Сюзи Клеменс. Ей было 24 года. Как и в каждой семье, где растет несколько детей, у родителей неизбежно возникают к некоторым из них особые симпатии. Сюзи была любимицей Сэма, и ее потеря переживалась им особенно остро. Оливия Сьюзен Клеменс (Olivia Susan Clemens) родилась

19 марта 1872 года в Эльмире, штат Нью-Йорк. Выросла в Хартфорде, штат Коннектикут. Ее образование проходило главным образом дома. Сюзи путешествовала с родителями в Англию в 1873 году, затем в 1878-1879 годах. Осенью 1890 года она покинула дом и стала посещать в колледж Брин-Мор, в Пенсильвании, но закончила только один семестр. В июне 1891 года супруги Клеменс закрыли свой хартфордский дом, и семья, включая Сюзи, уехала в Европу, где они пробыли до середины 1895 года. Она была настоящей дочерью писателя – увлекалась литературой, писала свои собственные пьесы, играя в них в детстве и юности. Позже Твен описывал свою любимую дочь как умную, вдумчивую, чувствительную и жизнерадостную и говорил, что считал ее вундеркиндом. Сюзи Клеменс вдохновила отца на создание образа Жанны д'Арк в романе «*Личные воспоминания о Жанне д'Арк*». В тринадцать лет она написала биографию своего отца, которую Твен позже включил в написанные им главы собственной автобиографии. В биографии Сюзи описывала свои впечатления от отца и счастливую семейную жизнь. Марк Твен писал: «*Я и раньше получал комплименты, но ни один из них не тронул меня так, как этот; ни один, кто мог бы приблизиться к нему ради ценности в моих глазах*». Ее биография отца была полностью опубликована в 1988 году под названием «*Papa: An Intimate Biography of Mark Twain*». Осенью 1890 года Сюзен Клеменс поступила в колледж Брин-Мор, где ей дали главную роль Филлис в пьесе «*Иоланта*», и стала называть себя настоящим именем «*Оливия*». Она завязала тесную дружбу с сокурсницей Луизой Браунелл. По мнению некоторых ее биографов, это могло иметь романтические мотивы. Она посещала школы в Женеве, в Берлине, где брала уроки языка и вокала. Была разочарована, когда учитель вокала Матильда Маркези сказала ей, что у нее прекрасный голос – сопрано, но не хватает выносливости для большой оперы. Маркези заметила, что Сюзи Клеменс страдает анемией и бессонницей. Она посоветовала ей сначала поправить здоровье, в то время как Марк Твен полагал, что Сюзи может помочь гипноз. Однако Сюзи так и не удалось приобрести достаточную силу легких, чтобы выступать со сцены. В Европе она тосковала. Скучала по домашним семейным вечерам. Раздражалась частыми вспышками темперамента, который унаследовала от отца. Писала своей подруге Браунелл, что ей трудно найти смысл своего существования. Была разочарована тем, что общество отказывалось видеть в ней кого-либо, кроме дочери Марка Твена. Сюзи

решила не сопровождать семью в Европу во время лекционного турне Твена в 1895-1896 годах, сославшись на морскую болезнь и желание поправить здоровье, чтобы стать оперной певицей. Она жила в Эльмире, в доме своей тети Сьюзен Крейн. Во время посещения своего дома в Хартфорде Сюзи Клеменс заболела лихорадкой, которая переросла в спинальный менингит. Она скончалась в августе 1896 года.

Джин Клеменс, средняя дочь Марка Твена, была добросердечной и особенно любила животных, как и ее мать. В различных местах, где жила, она основывала общества по защите животных или сотрудничала с существовавшими. У Джин была эпилепсия с пятнадцати лет. Отец считал причиной травму головы, которую дочь перенесла в возрасте восьми или девяти лет. Родители пытались бороться с болезнью Джин. Были прописаны успокаивающие средства. В частности, она провела лето 1899 года в Швеции, где могла лечиться у известного врача-остеопата Йонаса Келлгрена. Мать Джин пыталась включить ее в семейную жизнь, но Оливия умерла в 1904 году, и забота о дочери была предоставлена отцу. После смерти матери здоровье Джин ухудшилось, но несмотря на это она пыталась быть полезной отцу. Еще в конце 1899 года она научилась перепечатывать на машинке рукописи Марка Твена. Джин увлекалась верховой ездой. Поддерживала идею защиты прав животных и людей. Надо признать, что жизнь с дочерью, страдавшей эпилепсией, была для Марка Твена делом не из легких. По признанию секретаря Твена (Изабель Лайон), приступы Джин приводили к угрозам жизни родных. Она дважды в 1906 году нападала на горничную семьи Кэти Лири, говоря, что хочет ее убить. В октябре того же года Марк Твен отправил Джин в санаторий для больных эпилепсией в Катонах, штат Нью-Йорк. В 1909 году Твен уволил Лайон и ее нового мужа Ральфа Эшкрофта, заявив, что они оба виновны в растрате денег. Скорее всего, отец тосковал по дочери и позволил Джин вернуться домой. Несколько месяцев она прожила с отцом, при этом она заменила ему секретаря. Джин и ее отец, казалось, хорошо ладили друг с другом. Для нее он купил ферму, недалеко от своего поместья в Реддинге. В декабре 1909 года Джин гостила в доме своего отца Стормфилде и украсила его к предстоящим рождественским праздникам. Утром, 24 декабря, ее нашли мертвой в ванной. Очевидно, у нее случился приступ эпилепсии, и она утонула. Сразу после ее смерти Марк Твен написал трогательные воспоминания о ней, которые назвал «*Заключительными словами автобиографии*».

Джин была похоронена на кладбище Вудлон в Эльмире. Из трех дочерей осталась только Клара Ленгхорн Клеменс (Clara Langhorne Clemens, 1874-1962), семейное прозвище – Бэй. В первом замужестве – Клара Ленгхорн Клеменс Габрилович (Clara Langhorne Clemens Gabrilowitsch), во втором – Клара Ленгхорн Клеменс Самосуд (Clara Langhorne Clemens Samossoud). Она была концертной певицей контральто и управляла поместьем Марка Твена. Хранила его наследие как единственный оставшийся в живых ребенок Сэма Клеменса.

Клара родилась 8 июня 1874 года в Эльмире, штат Нью-Йорк. Получила домашнее образование. Ее старшая сестра Сюзи умерла, когда Кларе было двадцать два года. Ее брат Лэнгдон умер младенцем еще до ее рождения. Ее младшей сестрой была Джин, которая умерла в 1909 году. В детстве Клара попала в серьезную аварию, катаясь на санках. Ее швырнуло на дерево и в результате она получила серьезную травму ноги. Во время пребывания семьи в Европе с 1891 по 1895 год Клара Клеменс пользовалась большей независимостью, чем ее сестры. Осталась в Берлине, изучая музыку. Она – единственная из дочерей Сэма и Оливии Клеменс, кто сопровождал его в кругосветном путешествии. В 1897 году семья поселилась в Вене. Клара мечтала стать пианисткой. Училась у Теодора Лешетицкого, у которого познакомилась с молодым русским пианистом Осипом Габриловичем (1878-1936). К 1898 году Клара почувствовала призвание к пению. В течение нескольких лет училась в Европе и дебютировала во Флоренции. После смерти матери в 1904 году Клара пребывала в тяжелом психическом состоянии и в 1905-1906 годах проходила лечение покоем, находясь вдали от семьи. Время от времени Клара выступала с сольными концертами. В качестве концертной певицы контральто она дебютировала в Америке 22 сентября 1906 года в Норфолке, штат Коннектикут. Ассистировала ей скрипачка Мэри Николс. На вырученные от концерта деньги купила мемориальное место в Норфолкской церкви Преображения Господня для своей матери. С зимы 1906 года до конца 1908 года ее аккомпаниатором стал пианист Чарльз Эдмунд Уорк (1876-1954) из Онтарио. 6 октября 1909 года Клара вышла замуж за Габриловича. 19 августа 1910 года в Стормфилде родился единственный ребенок Клары – Нина Габрилович (1910-1966), она была последним прямым потомком Сэмюэла Клеменса. Между 1904 и 1910 годами Клара в возрасте тридцати пяти лет стала наследницей всего состояния Марка Твена, которое

находилось в ее доверительном управлении. До конца жизни она тщательно следила за тем, как ее отца представляют перед публикой. Габрилович умер в 1936 году, а в 1944 Клара вышла замуж за русского дирижера Якова Самосуда (1894-1966). Она написала и опубликовала биографии своего отца («*Мой отец Марк Твен*» в 1931 году) и своего первого мужа («*Мой муж Габрилович*» в 1938 году). Последние десятилетия своей жизни она провела в Южной Калифорнии. Завещание Кларой в 1962 году личных бумаг Клеменса университету Беркли, штат Калифорния, послужило основой создания «Архива Марка Твена», ныне хранящегося в Библиотеке Банкрофта. Умерла Клара 19 ноября 1962 года в возрасте восьмидесяти восьми лет в Сан-Диего (Калифорния) и похоронена на кладбище Вудлон в Эльмире.

Отдав дань памяти близким Сэмюэла Клеменса, продолжу рассказ о финальных годах творчества Марка Твена. Вернусь в 1896 год, когда был опубликован его роман о Жанне д`Арк. Наименование этого его сочинения было весьма длинным: «*Личные воспоминания о Жанне д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря, в вольном переводе со старофранцузского на современный английский язык Жана Франсуа Альдена с неопубликованной рукописи, хранящейся в Национальном архиве Франции, в художественной обработке Марка Твена*». В опубликованном виде заголовок достаточно лаконичен: «Joan of Ark» с небольшим дополнением: «I like Joan of Arc of all my books and it is the best». И подпись: «Mark Twain».

В одном из своих писем он замечал: «*Из всех моих книг я больше всего люблю «Жанну д'Арк»; это лучшая из них; я это прекрасно знаю. А кроме того, она доставила мне в семь раз больше удовольствия, чем все остальные; двенадцать лет я ее готовил и два года писал. Для других подготовки не требовалось... Может быть, книга не будет продаваться, – но это не важно: ведь я писал ее для души. Марк Твен*»

Этот свой роман Сэмюэл Клеменс посвятил любимой жене. На развороте книги написано: *Жене моей – Оливии Ленгхорн Клеменс – эту книгу в день двадцатипятилетней годовщины нашей свадьбы (1870–1895) в знак благодарного признания ее неутомимой и бессменной службы в качестве литературного советчика и редактора ПОСВЯЩАЮ. Автор.*

Когда я писал свою первую книгу в Америке «Uncle Al's Dreams», рассказывая историю старого лесника из Пенсильвании, его

племянника Тони и лягушек из лесного озерца, я почувствовал нечто подобное, что и Марк Твен – любовь к этой книге, в которой рассказывалось о любви к природе, сочувствию к лягушкам и жизненному оптимизму, яркому и неистребимому, выраженному праздником, сотворенным мальчишкой Тони и его друзьями-лягушками. Как и мой любимый американский писатель Марк Твен, я посвятил эту повесть моей замечательной жене – Зиночке, будучи уверен, что восторгу от рассказанной истории о старике-лесничем и Тони с его лягушками не будет конца! Я написал тогда, как и Сэм Клеменс на развороте книги: «*To Zina – my darling dreamer…*» Она тоже была для меня литературным советчиком и редактором, неутомимо служа все сорок лет нашей с ней жизни. Я размышлял и о том, будет ли книга продаваться? И тоже говорил себе: «*...это неважно, ведь я писал ее для души...*»

«Жизнеописание Жанны д'Арк имеет одну особенность, отличающую ее от всех других биографий: это единственная история человеческой жизни, дошедшая до нас в свидетельских показаниях, данных под присягой. Официальные протоколы Великого Судилища 1431 года и Оправдательного Процесса, состоявшегося четверть века спустя, доныне хранятся в государственных архивах Франции и с необычайной полнотой отражают все события ее жизни. Ни одна человеческая жизнь тех отдаленных времен не известна нам с такой достоверностью и такой полнотой. Сьер Луи де Конт в своих «Личных воспоминаниях» не расходится с ее официальной биографией, и все содержащиеся в ней факты подтверждают правдивость его повествования; что же касается множества сообщаемых им дополнительных подробностей, то здесь мы вынуждены полагаться лишь на его слово.

Переводчик [Марк Твен]

Обратим внимание на одну важную особенность. С тех пор как пишется история, Жанна д'Арк является единственной среди женщин и мужчин, кто когда-либо занимал в семнадцать лет пост главнокомандующего вооруженными силами страны.

Лайош Кошут

Предисловие переводчика.

Чтобы правильно оценить знаменитую личность, надо подходить к ней с меркой не нашей эпохи, а той, когда она жила. Самые благородные личности былых веков в значительной степени блекнут, и ореол их тускнеет, если смотреть на них с точки зрения

иных, позднейших времен. Навряд ли хоть один из людей, кто прославился четыре-пять столетий назад, мог быть понятым, если бы мы стали судить о нем по сегодняшним нашим меркам. Но Жанна д'Арк – личность исключительная. Ее смело можно оценивать любыми мерками любых времен. Согласно любому критерию, она остается *безупречной*. Остается *идеалом* совершенства. Вечно будет стоять на высоте, недосягаемой ни для кого из смертных.

Если вспомнить, что ее век известен как самый грубый, самый жестокий и развращенный со времен варварства, приходится удивляться чуду, вырастившему подобный цветок на такой почве. Она и ее время *противоположны* друг другу. Она была правдива, когда ложь не сходила у людей с языка. Она была честна, когда понятие о честности было утрачено. Она держала свое слово, когда этого не ожидали ни от кого. Она посвятила свой ум великим помыслам и целям. Другие умы растрачивали себя на создание безделиц или на утоление своего честолюбия. Она была скромна, деликатна среди бесстыдства и грубости. Была полна сострадания, когда вокруг царила жестокость. Она дорожила честью, когда честь была забыта повсеместно. Она была непоколебима в своей вере. Люди ни во что не верили и над всем глумились, а кругом царило предательство. Она была мужественна среди ее соотечественников, утративших надежду. Она была чиста душой и телом, когда кругом царил разврат. Эти удивительные для ее времени черты и качества характера сочетались в Жанне д'Арк в эпоху, когда преступление было привычным делом вельмож и государей. Столпы религии ужасали даже ее современников, развращенных неописуемыми мерзостями. Из всех личностей, известных истории, она является единственной, кому было чуждо своекорыстие. Ни в одном ее слове или поступке невозможно было найти следов эгоистических устремлений. Когда она спасла своего короля и возложила на его голову корону, ей были предложены награды и почести. Она все отвергла! Единственное, что она просила для себя, – если будет угодно королю, – это дозволения вернуться в свою деревню и снова пасти овец. Хотела вернуться в объятия матери.

Дела, свершенные Жанной д'Арк, могут быть причислены к подвигам, величайшим в истории человечества. Цезарь завоевал немало земель, но с ним были бесстрашные римские ветераны. Сам он был опытным воином. Наполеон сметал на своем пути лучшие

армии Европы. Он хорошо знал военное дело и руководил не старыми, разбитыми, отчаявшимися солдатами, уцелевшими от нескончаемых поражений. А Жанна д'Арк, по годам – ребенок, невежественная, неграмотная деревенская девушка. Никому не известная. Без всяких связей. Она застала свою великую страну, беспомощно простертую под пятой чужеземцев. Казна государства была пуста. Солдаты разбегались. Умы людей цепенели. Отвага в сердцах угасла за долгие годы чужеземного ига. Король покорился своей участи и готовился бежать за рубеж.

Жанна возложила руки на этот труп нации – и он воскрес! Поднялся! Последовал за ней. Она вела французов от победы к победе. Повернула ход Столетней войны. Нанесла смертельный удар английскому могуществу. Заслужила звание освободительницы Франции, которое принадлежит ей и ныне. И что в итоге? Вместо награды французский король, которого она возвела на трон, безучастно смотрел, как французские клерикалы схватили благородную девушку и сожгли ее живою на костре».

Роман о Жанне д'Арк, начатый в 1892 году во Флоренции, оказался детищем сердца Марка Твена: «*Я писал его любви ради и не намерен был его продавать*». Создавался роман в сложной для писателя обстановке. Кризис 1893 года в США сопровождался биржевой паникой, банкротством банков, разорением фабрик, торговых предприятий. Возникшая в экономике ситуация грозила и благополучию самого Марка Твена. Писатель жил в Нью-Йорке, стараясь отдалить финансовый крах своей издательской фирмы, но... Внешне он вел жизнь вполне преуспевающего человека. Балы, театры, званые обеды. У праздной нью-йоркской публики получил звание «*красавца Нью-Йорка*». Никогда в жизни Твен не произносил так много застольных речей. Блистательный рассказчик, остроумный и язвительный он, как всегда, был неподражаем! Но тревога Твена не исчезала. Надвигалось банкротство. В это время у него появился новый «друг» и советчик – один из директоров «Стандарт-Ойл компани», финансист Роджерс. Я уже писал о нем. Марк Твен, славившийся своей неподкупностью, был осторожен. Но «деловые советы» слушал. В момент всеобщей паники и перспективы разорения подобное «внимание» должно было вызвать у писателя чувство признательности. Твен оказался необычайным банкротом: больной и престарелый, он предпринял

кругосветное лекционное путешествие и, «трясясь вокруг чертовой вселенной» (Африка, Европа, Азия, Австралия) весь 1897 год, заработал такую сумму денег, что расплатился с кредиторами «доллар за доллар»! Твен почти ликовал: банкротство освобождало его от всех опостылевших забот, тревог и огорчений деловой жизни. Он писал в 1894 году: «*Прощайте, надолго прощайте, дела! Я никогда не коснусь вас снова. Я буду жить в литературе, я окунусь в нее, я буду упиваться ею, я буду плавать в чернилах! «Жанна д'Арк»! Но все это преждевременно; якорь еще не брошен*».

Книга создавалась. Писалась легко: «*сама себя писала*», «*история писалась сама, я просто держал перо*». Она захватывала Сэмюэла Клеменса целиком! Читая домашним отрывки, он плакал! Подобно Бальзаку и Диккенсу, Твен относился к своим героям как к живым людям. В письме от 29 августа 1895 года он сообщал: «*В шесть минут восьмого вчера вечером Жанна д'Арк была сожжена на костре*». Роман с очень длинным и необычным названием, выдержанным в манере старинных рукописей, появился отдельным изданием в 1895 году. Марк Твен находился в зените славы. Американская литературная критика склонна была расценивать «*Жанну д'Арк*» как роман, имеющий мировое значение. Однако истинный смысл произведения понят не был.

Марк Твен отвечал на вопрос: что может возвысить человека, поднять его над узостью, ограниченностью и бессмысленностью окружавшей его жизни? Он раскрыл понятие *героического*. Понятие *человеческого* в самом высоком смысле. *Героическое* обрисовано как естественная потребность мыслящего и чувствующего существа. Как итог развития истории. Это хорошо показано в начале романа, когда формируется сознание Жанны-подростка. Глухая пора в истории Франции. Три четверти века страну топчут и опустошают полчища чужеземцев. Три четверти века французская армия терпит бесчисленные поражения. В роман вплетается глубоко волнующая сцена: девочка отдает свой ужин путнику, которого черствый и грубый отец Жанны гонит за порог. Оборванный, голодный странник оказался одним из солдат несчастной армии Франции. Накормленный Жанной, он рассказывает о трагедии военных поражений, заканчивая свою скорбную повесть песнью о непобедимом Роланде. Этот эпизод из IV главы романа поражает точностью художественного запечатления страдания целого

народа, воплощенного в судьбе несчастного солдата. Он носитель героических традиций Франции, а сцена воспринимается как прелюдия будущих побед, которые одержит Жанна с такими соратниками, дух которых не сломлен! В солдате Марк Твен показал приглушенные неудачами, но неиссякаемые родники духовного величия народа. Несломленную жажду победы. Горе, позор, военные неудачи – все это острой болью отдается в сердце юной Жанны. Несчастья родины формируют ее сознание, зовут на подвиг. *«У Жанны д'Арк, – пишет Твен, – любовь к отечеству была не только чувством, но и страстью. Жанна была гением патриотизма»*. Чудесные «*голоса*» Жанны изображены Твеном как думы девушки. *«— Что же они говорят тебе, Жанна? — Разное. Все о Франции»*. К этому психологическому чуду Твен подводит читателя после тщательной подготовки, лишая эту часть биографии героини малейшего налета мистики. «Чудесное» представлено естественным. «Сверхъестественные» знания Жанны также показаны Твеном реалистически – как опыт народа. Центральная часть романа, посвященная военным операциям Жанны, снятию осады с Орлеана, написана в торжественных, патетических тонах. Жанна олицетворяла собой армию, Францию. *«Франция, привыкшая отступать, снова пойдет вперед; Франция, научившаяся пресмыкаться, повернется лицом к врагу и нанесет первый удар»*. Твен славит народ, рвущийся к битвам. Не задерживает внимания на явлениях, которые затормозили бы его поступь к победам. Общий тон романа возвышен. Твен часто прибегает к патетической гиперболе. Но роман богат и другими оттенками. Они юмористичны и полны лиризма. Драматическое, смешное, веселое и грустное поставлены рядом. Иной раз они контрастируют друг с другом. При этом проявляются разные грани жизни. Раскрываются различные стороны характеров. Его Жанна – живой образ. Он заставляет ее до слез хохотать над юмористическим рассказом своего дяди Ласкара о том, как тот верхом на быке ездил на похороны. Она по-детски радуется ленточке, присланной матерью ей в подарок, горько плачет над письмом из дома.

Твен показывает Жанну в бою. В воинской среде. В гуще ликующей толпы. В изнурительном походе. В королевских апартаментах. В общении с придворными лицемерами. В момент беседы с крестьянами. И какой бы эмоциональный подтекст ни имели эти сцены – всюду Жанна пребывает на нравственной высоте. В романе

Жанна – редчайшее явление в придворной среде. В народной среде она – своя. Писатель противопоставляет уверенность Жанны д'Арк в победе трусливой нерешительности короля Карла. Ясный ум девы-полководца противостоит трусости военного совета, любовь к родине – изменнической политике королевского двора.

Твен мысленно плюет на могилу епископа Пьера Кошона, председателя суда над Жанной д'Арк. Вот портрет Кошона: *«Когда я снова взглянул на дородного председателя, пыхтевшего и сопевшего в своем кресле, и увидел, как колышется его толстый живот, и заметил жирные складки его тройного подбородка, его шишковатое и бородавчатое лицо, покрытое багровым пятнистым румянцем, его отвратительный расплюснутый нос, его холодные и злые глаза... – то мое сердце сжалось еще больше»*. Дикий кабан в образе человека! Эта жирная свирепая туша растерзает Жанну д'Арк. Именно таким зверем только и может быть «судья» Жанны. Человеку (а не зверю) не под силу было бы поднять руку на «героическое дитя Франции». О том, что Твен обдуманно создал такой образ, свидетельствует лингвистический каламбур: имя судьи *Cauchon* в устной речи звучит как *cochon* (свинья).

Автор воздвигает вокруг своей героини двойной ряд препятствий: она должна одерживать победы над англичанами, от которых французы терпели поражения больше полувека, и все время сражаться с более коварным – внутренним врагом – с французскими генералами, военным советом, духовенством, с самим трусливым и безвольным королем. Они возводили на пути Жанны стену из обманов, лжи, хитросплетений, нарочитых проволочек, клеветы и прямого предательства. Марк Твен создал образ героини, в которой духовная сила направлена на служение идее освобождения Родины.

Роман Марка Твена не похож ни на одно произведение о Жанне из всех, написанных до и после нее. Такую Жанну мог создать только Марк Твен. В журнале книга была опубликована анонимно, как неизвестная рукопись, переведенная с французского. Выпуская отдельным изданием роман о Жанне Д`Арк в 1896 году, Марк Твен поставил свое имя. Почему? Твен знал, что к нему по-прежнему относятся только как к юмористу. И, стало быть, в любой его книге примутся отыскивать смешные страницы, забавные эпизоды. Однако «Жанну» он считал главным делом своей жизни!

Он хотел, чтобы над страницами романа думали. Плакали, восхищались и сострадали ей.

Я впервые прочитал этот роман в пятнадцать лет. Было непросто! Преодолевая сложности исторического текста, я натыкался на сцены сражений и трепетал от ощущения правды. Потом судебный процесс. Я ничего не понимал! Как же так? Судить девушку, совершившую такие подвиги! Тогда шел 1953 год. Восемь лет, как закончилась Вторая мировая война, бывшая для СССР Великой Отечественной. О Зое Космодемьянской и ее подвиге уже знал весь мир. Я ставил Жанну Д`Арк рядом с ней и горько, по-детски, плакал над судьбами этих родных сестер по совершенному ими подвигу, во имя защиты Родины. Я откладывал книгу о Жанне. Я не мог читать. Я был просто не в силах перелистывать страницы, где описывались сцены духовного истязания Жанны. Полностью перечитал роман Марка Твена спустя десять лет, когда мне исполнилось 25. Тогда я учился в университете. От книги я не мог оторваться ни на минуту. Мне было страшно, и я опять плакал над ее судьбой, искренне сострадая и прячась от чужих глаз...

Вот почему Марк Твен поначалу скрыл свое авторство. Может быть, такими соображениями определялся и выбор формы повествования. Книга была названа *«Личные воспоминания о Жанне д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря»*. Рассказчик принимается за свои мемуары, когда ему пошел девятый десяток. Звезда Жанны, так ярко вспыхнувшая, давно угасла, позади и Столетняя война, и, затеянный сразу после ее окончания, Оправдательный процесс, который восстановил доброе имя Девы. Никого из ее спутников – ни простолюдинов, ни военачальников, ни королей и епископов, так или иначе причастных к судьбе Жанны, – уже нет в живых. Перебирая слабеющей памятью события своей бурной эпохи, сьер де Конт описывает их так, как и должен был их описать человек средневековья, искренне верующий в знамения и откровения, проклятия и адские муки, небесную волю и загробное воздаяние. Но у него пытливый ум и неподкупное сердце. Де Конт чуток ко всяческой несправедливости, неблагодарности, низости, предательству. Размышляя о том, отчего великая жалость и беспримерная любовь к родине, всегда поражавшие его в Жанне, которую сэр Луи знал с самого детства, были вознаграждены клеветой, пытками, костром на руанской площади и бездеятельностью толпы, собравшейся поглазеть, как сожгут еретичку и колдунью, повествователь

с обезоруживающей прямотой подводит читателя к проблемам, решающим для нравственного самоопределения каждого человека.

У настоящей Жанны действительно был секретарь, которого ей назначил дофин, будущий французский король Карл VII. Этого человека звали Жан д'Олон. Он служил Деве верой и правдой: записывал ее приказы – сама она, с пяти лет пасшая овец и прятавшаяся в лесу, когда Домреми разоряли англичане и бургундцы, ни писать, ни читать не выучилась, – а в бою всегда был с ней рядом, чтобы защитить от меча и от пули. Судьба разлучила их под Компьеном, когда предательство сделало Жанну пленницей и мученицей.

Мальчиком Твен однажды подобрал на улице выдранный из какой-то книжки лист, где говорилось о трагедии в Руане. И с той поры его мыслями завладела эпоха Столетней войны – величественная, когда он думал о Жанне, мрачная и жестокая, когда перед ним вставали фигуры людей, предавших ее и незаслуженно осудивших. Он изучил эту эпоху досконально и в своем романе воссоздал ее, обрисовав и подлинных героев того времени. Жанна будет сожжена на костре 30 мая 1431 года, девятнадцати лет от роду.

Можно предположить, что образ Луи де Конта – это alter ego писателя. Трагедия Жанны в сознании Твена была отождествлена с его собственной трагедией, смертью любимой дочери Сюзи. Подтверждение этому мы находим в письмах писателя. *«Какой ужасной трагедией это было...»* – писал Твен другу Хоуэлсу. В образе Орлеанской Девы Твен хотел изобразить человека, который обрел абсолютный, никому и ничему не подвластный моральный авторитет.

Особого внимания в книге заслуживает решение Твеном проблемы веры и религии. Отношение писателя к религии в *«Личных воспоминаниях...»* противоречиво. С одной стороны, Твен – непримиримый противник церкви. С другой – его героиня погружена в мир религиозных представлений. Хотя Твен не раз демонстрировал свое неприятие различного рода *чудес* и *мистики*, он принял положение католических источников: героические подвиги Жанны были *«чудом»*. В основе образа Жанны, созданного Марком Твеном, лежит католическая концепция личности Орлеанской Девы. Голоса даровали ей награду. *«Они обещали привести меня в рай»* – утверждает Жанна на суде в Руане. При этом многих из тех, кто присутствовал в зале, охватывает ужас: *«Уж не собирается ли высокий суд осудить на смерть божью избранницу?»* В Жанне Марка Твена нет

своекорыстия даже в таком вопросе, как Спасение, и она ничего не просит в награду за свои подвиги ни у Бога, ни у короля. Вера Жанны была признаком высшей морали, доверия и к миру, и к Богу. Но, увы, мир и даже *небо* оказываются безнравственны – таков итог философских исканий Марка Твена, определившего главного виновника гибели Девы – церковь. Она предстает в романе как олицетворение ханжества, лицемерия и жестокости. Деятельность Жанны – не только борьба с англичанами, но и поединок Девы с епископом Бовэским, Пьером Кошоном. Для Твена и других биографов XIX столетия фигура Пьера Кошона негативна. Кошон предстает в романе олицетворением абсолютного зла! Твен обвиняет его во всех смертных грехах. Епископ подсылает к Жанне шпиона, чтобы тот выведал у Орлеанской Девы признания, которые можно было бы обратить против нее на процессе. Пытается отравить ее. Назначает писцов, которые извращают ответы Жанны.

Марк Твен выражает безграничное презрение к клерикалам в Пуатье. Он показывает процесс в Пуатье как сумму неслыханных нелепостей и глупости, насаждаемых католической церковью. И все же будем помнить, что Жанна д'Арк появилась на исторической арене в тяжкую для Франции эпоху. Она застает страну в состоянии хаоса, распада государственности. Постоянные набеги англичан, бургундцев, превратили страну в место, где убийство было обычным делом. Карл, каким его изобразил писатель, ничего не предпринимал для спасения королевства. Несмотря на это, Жанна преисполнена к нему почтением. Жанна – крестьянская девушка. Она чтит обычаи. Благодаря своей сопричастностью к средневековому менталитету, достигает во всех своих начинаниях реальных успехов. Ее почтение к королю искреннее, она понимает, что волею небес Карл – единственный человек, который может спасти ее родину и ее народ. В свою очередь, Карл, понимая, что перед ним не простая крестьянка, платит Жанне тем же. Он обнажает голову перед ней. Для Марка Твена многое в Жанне – «чудо», «загадка», но писатель прозорлив в главном. Она – герой, который нужен своему времени. Застав королевство в состоянии полного распада, Жанна д'Арк в кратчайший срок восстановила государственность, одержав решающие победы, которые в конечном итоге помогли Франции избежать гибели.

...Из всех умных людей, стоявших у власти во Франции, только один оценил все значение коронации – это была Жанна д'Арк, неученая

семнадцатилетняя девочка. Она говорила о коронации как о необходимой цели. Откуда она это знала? Она вышла из народа и знала свой народ, который ждал этой акции. Жанна опиралась на авторитет традиций. Марк Твен называл ее «*зеркалом, ясно отражающим народные чаяния*». Между тем, начиная свое исследование жизни Девы, Твен был настроен весьма скептически к пророкам и провидцам. Однако позднее Марк Твен пришел к выводу: не все пророчества, приписываемые Жанне, могут быть истолкованы как суеверия. По мере развития сюжета романа сбываются все предсказания Жанны. Марк Твен обращает внимание на предсказание Жанной точного срока падения английского владычества. Она назвала дату окончания Столетней войны – 1453 год. «*Итак, первого марта 1431, в зале суда, она во всеуслышание сделала это поразительное предсказание, – комментирует Луи де Конт пророчество Девы. Бывает, что предсказания сбываются, но если разобраться в каждом отдельном случае, то обычно можно заподозрить, что предсказание сделано задним числом. Здесь другое дело. Пророчество Жанны было занесено в протоколы суда сразу же, за много лет до его исполнения, вы можете прочесть его там и теперь*». Пророческие способности Жанны были представлены Твеном не выдумкой, а историческим фактом. Трагизм образа Жанны предопределен ее даром ясновидения. Желая исполнить ниспосланную ей свыше миссию, она сознательно идет на смерть. В финале Жанна принимает волю небес, следует велению рока, сохраняя внутреннее достоинство, которое невозможно у нее отнять. Отношение Марка Твена к «голосам» Жанны не лишено мистики. Будучи скорее деистом, чем откровенным атеистом, Твен воспринимает их как реальность. Таким образом, рационализм Твена и укоренившееся неприятие католицизма не помешали ему принять феномен Жанны. Дева следует указаниям «*голосов*», и принадлежат они ее совести. Писатель постоянно подчеркивает, что свои подвиги Жанна свершила именно благодаря *личным качествам*. Он видит в ней гениальную личность. В ряде случаев Твен давал рациональное объяснение некоторым, казалось бы, необъяснимым талантам, способностям, знаниям Жанны: «*Она наметила путь, которым намеревалась ехать к королю, и притом так, словно обладала обширными познаниями в географии... Я был удивлен, но подумал сначала, что ее наставляли Голоса. Однако это оказалось не так. Из ее упоминаний о разных людях, от которых она узнала то или другое, я понял, что она неутомимо расспрашивала*

своих многочисленных посетителей и набралась у них этих ценных сведений». В других случаях, Твен, напротив, отказывается от рационального объяснения ее талантов: «*Бывалые воины французской армии говорили, что ее редкостные военные дарования проявлялись во многом, но более всего – в умении разместить артиллерию и распорядиться ею. Кто же научил пастушку творить такие чудеса? Ведь она не умела даже читать и нигде не могла изучить сложную науку войны... История не знает ни одного полководца, которому, как бы он ни был талантлив, победы достались без предварительного обучения, упорного труда и хотя бы некоторого опыта. Я думаю, что этот дар был у Жанны врожденным...*» Трагический финал жизни Жанны д'Арк представляется писателю-гуманисту чудовищным и ничем не оправданным. Мученичество Девы превращается в символ высшего патриотизма. «*Хрупкая стройная девушка..., с венцом мученицы на челе, с мечом в руке, которым она разрубила узы своей родины, – разве не останется она, именно она, символом патриотизма до скончания времен?*» – вопрошает Твен. Писатель стремится объяснить гибель Жанны д'Арк рациональными причинами. Согласно Твену, она пала жертвой предательства со стороны знати и церкви, «старых» врагов писателя-демократа. Трагедию жизни Жанны д'Арк Твен настойчиво преподносит читателю как конфликт народного сознания и феодально-церковного мира. Не рок, стремится доказать Твен, не Бог привели Жанну на костер, а человеческая алчность, трусость, невежество. Однако, несмотря на стремление писателя представить гибель Жанны не трагической закономерностью истории, а плодом интриг, трусости, человеческой подлости, роман пронизан ощущением неотвратимости рока. В образе Жанны Твен хотел показать человека, способного творить историю, то есть подлинно историческую личность, которая может изменить судьбу целого народа. Марк Твен показал трагический характер Орлеанской девы, создав роман о «Жанне д'Арк» трагическим произведением. В нем представлена абсолютно «невинная» личность, способная творить настоящие чудеса героизма, но в тоже время фатально обреченная на гибель. Если в случае с Эдуардом Тюдором, героем «Принца и нищего», все чудесным образом завершается благополучно, то Жанна оказывается оставленной своими друзьями и сожжена врагами. Никто – ни де Конт, ни создатель романа Марк Твен – не в силах предпринять что-либо для ее спасения. Гибель Жанны – реальность.

Книга Твена занимает достойное место в литературной традиции изображения Орлеанской Девы. Марк Твен рисует Орлеанскую Деву, прежде всего, как художник. Писатель-памфлетист, сатирик, король смеха, обличитель людской глупости, пустословия, со страстной увлеченностью выразил в образе Жанны свой порыв к идеалу, избрав для этого трагический сюжет. Он заставил читателя жадно следить за ходом событий. Испытывать сострадание к героине. Воспринимать с волнением реальность средневековой истории. В книгах, последующих за «Жанной д'Арк», мы уже не найдем подобных героев.

XII.

1897

В Лондоне и Хартфорде выходит книга «Следуя вдоль экватора», путевой очерк, опубликованный Марком Твеном в 1897 году. Напомню, что Марк Твен стал банкротом в 1894 году из-за крупных инвестиций в обанкротившуюся компанию Paige Compositor. Принял единственно правильное решение в этих драматических обстоятельствах – совершить лекционный тур по странам и континентам. В этот весьма трудный для него и семьи период он совершает невозможное. Вместе с тем все случившиеся с ним события в дороге становятся строчками обширного социально-коммерческого и политического очерка, который он издает отдельной книгой в Лондоне и в США. Весь период путешествия живет попеременно то в Англии, то Швейцарии, то в Австралии, то в Австрии. В общем, там, где лекционные залы, переполненные публикой, жаждут услышать его голос.

В декабре этого года умирает его старший брат Орион.

1898

С долгами Сэмюэл Ленгхорн Клеменс полностью расплачивается. Это была трудная и благородная победа характера и таланта лектора. Он постоянно в движении. Живет в Вене и вблизи Кальтенлойтгебена. На отдых времени нет. Марк Твен пишет «Человек, который совратил Гедлиберг» и заканчивает «Что такое человек?». Начал работу над «Таинственным незнакомцем».

1899

Зиму проводит в Вене. В июне живет в Лондоне. С июля по октябрь

живет в Швеции, после чего возвращается в Лондон. В декабре опубликована повесть «Человек, который совратил Гедлиберг». В США начало выходить собрание сочинений Твена (1899-1907).

1900

Осенью Твен возвращается в США после семилетнего отсутствия и поселяется в Нью-Йорке по адресу: Западная Десятая улица, 14, а затем в Ривердейле, в районе Бронкс.

1901

В феврале опубликовал «Человек, сидящий во тьме». В августе написал статью «Соединенные Линчующие Штаты», однако она не была опубликована при его жизни. Это случилось только спустя тринадцать лет после его смерти. В октябре получил почетную степень доктора изящной словесности от Йельского университета. Написал «Грандиозную международную процессию».

1902

В последний раз приезжает в Ганнибал и Сент-Луис. Здоровье Оливии сильно ухудшается. Нанятая в качестве ее секретаря, Изабелл В. Лайон вскоре становится секретарем Клеменса. В июне Твен получил почетную степень доктора прав от Миссурийского университета.

1903

Сэм Клеменс перевозит свою семью на снятую виллу ди Кварто во Флоренции. Издательство «Харпер энд бразерс» приобретает эксклюзивные права на все произведения Марка Твена.

1904

Начинает диктовать секретарю Изабелл Лайон автобиографию. 5 июня Оливия умирает во Флоренции от сердечной недостаточности. Семья возвращается в Соединенные Штаты. Сэмюэл Клеменс снимает дом в Нью-Йорке по адресу: Пятая авеню, 21.

1905

Сэмюэл Клеменс проводит лето в Дублине, штат Нью-Гемпшир. Пишет книгу «Военная молитва».

1906

В январе А. Б. Пейн просит у Твена разрешения писать его биографию и становится его литературным секретарем, начинает «Автобиографические диктовки». Выдержки из них появятся в «Норт американ ревью» в 1906-1907 годах. Сэмюэл Клеменс поручает Джону Миду Хоуэллсу спроектировать дом, который должен быть построен в Реддинге, штат Коннектикут. Анонимно печатает «Что есть человек?» для распространения среди друзей. Встреча с А. М. Горьким, прибывшим в США. Твен и Гоуэлс приезжают к Горькому в отель «Бельклер». 11 апреля, на банкете, устроенном прогрессивными кругами в честь Горького, Твен выступает с приветственным адресом с призывом поддержать русскую революцию 1905 года.

1907

В феврале опубликована книга «Христианская наука». В июне совершает путешествие в Англию, чтобы получить почетную степень доктора изящной словесности Оксфордского университета. Переезжает в дом в Реддинге (штат Коннектикут), которому дает название «Стормфилд». Проводит зимние месяцы на Бермудских островах. Продолжает диктовать «Автобиографию».

1908

После книги «Простаки за границей» Твен написал свое второе крупное произведение – «Закаленные». В европейских изданиях книга называлась «Простаки дома». Написана книга с тех же позиций американского юмора. Марк Твен решил прославить жизнь на американском Западе. Книга посвящена годам пребывания молодого Твена в Неваде и Калифорнии. Содержащиеся в ней зарисовки быта и нравов старателей этого периода американской жизни весьма красноречивы. Безгранично оптимистический тон повествования, социальная и психологическая атмосфера человеческой активности на фоне великолепной природы захватывают, оставляя яркое впечатление. Книга была опубликована в 1911 году уже после смерти автора. В этом году Марк Твен завершает последнюю книгу: «Extract from Captain Strom field's Visit to Heaven». Вот, что пишет об этом сам Марк Твен в предисловии к этой последней своей книге:

«I knew Captain Storm field well. I made three long sea crossings on his ship. He was a hardened, battered sailor, a man without a school education, with a heart of gold, an iron will, extraordinary courage, unshakable convictions and views, and, apparently, boundless self-confidence. Direct, frank, sociable, affectionate, he was honest and simple as a dog. He was a very religious man - by nature and by virtue of his mother's upbringing; and it was a sophisticated and depressing foul language due to his father's upbringing and the requirements of the profession. He was born on his father's ship, he spent his whole life at sea, he knew the shores of all countries, but he did not know a single country further than the coast. When I first met him, he was sixty-five years old, and there were gray threads in his black hair and beard; but the years had not yet left their mark either on his body or on his firm character, and the fire that burned in his eyes was the fire of youth. He was charmingly courteous when he was pleased, otherwise it was not easy to deal with him. He had a rich imagination, and this probably influenced the way he presented the facts; but if so, he himself did not realize it. He believed that every word he said was true. When he told me about his outlandish and terrible adventures on the Devil's Road - a vast area in the South Pacific where the compass needle is not able to do its job, but only turns and turns like crazy - I took pity on him and did not begin to suggest that he dreamed all this, because he understood that he was speaking in earnest; but to myself I thought it was a vision or a dream. In the depths of my soul, I am sure that his journey to the Other World was also a dream, but even here I kept silent so as not to offend him. He was convinced that he had actually made this journey; I listened to him attentively, with his permission I wrote down the events of each day in shorthand, and then put my notes in order. I slightly corrected his grammar and softened here and there too strong expressions; for the rest, I relate his story as I heard from him.

Mark Twain»

Я хорошо знал капитана Стормфилда. Я совершил на его судне три длительных морских перехода. Это был закаленный, видавший виды моряк, человек без школьного образования, с золотым сердцем, железной волей, необыкновенной храбростью, непоколебимыми убеждениями и взглядами и, по-видимому, безграничной самоуверенностью. Прямой, откровенный, общительный, ласковый, он был честен и прост, как собака. Он был очень религиозным человеком — по природе и в силу воспитания матери; а это был утонченный и удручающе сквернословный язык, обусловленный воспитанием отца и требованиями профессии. Он родился на отцовском судне, всю жизнь провел в море, знал берега всех стран, но не знал ни одной страны дальше побережья. Когда я впервые встретил его, ему было шестьдесят пять лет, и в его черных волосах и бороде проглядывали седые нити; но годы еще не оставили своего следа ни на его теле, ни на его твердом характере, и огонь, который горел в его глазах, был огнем молодости. Он был очаровательно любезен, когда был доволен, в противном случае иметь с ним дело было нелегко. У него было богатое воображение, и это, вероятно, влияло на то, как он излагал факты; но если так, то он сам этого не осознавал. Он верил, что каждое сказанное им слово было правдой. Когда он рассказывал мне о своих диковинных и страшных приключениях на Дороге Дьявола — обширной области в южной части Тихого океана, где стрелка компаса не способна делать свою работу, а только крутится и крутится как сумасшедшая, — я пожалел его и не стал предполагать, что ему все это приснилось, потому что он понимал, что говорит всерьез; но про себя я думал, что это видение или сон. В глубине души я уверен, что его путешествие в Иной Мир тоже было сном, но и тут я молчал, чтобы не обидеть его. Он был убежден, что действительно совершил это путешествие; Я внимательно его выслушал, с его разрешения записал события каждого дня стенографией, а затем привел свои заметки в порядок. Я немного поправил его грамматику и смягчил кое-где слишком резкие выражения; в остальном я передаю его историю так, как я ее услышал от него.

Марк Твен

1909

Томас Эдисон – замечательный американский изобретатель, который был хорошо знаком с Марком Твеном, приезжает в Стормфилд, чтобы снять Сэма Клеменса в своем коротком фильме, используя аппарат, изобретенный братьями Люмьер в 1895 году. Он застал Сэма Клеменса с дочерями Джин и Кларой Клеменс за утренним чаепитием. За чайником – Клара, слева сидит Джин. Этот год был для Марка Твена крайне тяжелых потерь. Умер его хороший друг, тот самый

миллионер, спасший Сэма Клеменса от последствий банкротства, затем, под Рождество, утонула, принимая ванну, во время случившегося припадка эпилепсии, его дочь Джин Клеменс.

1910

Находясь на Бермудах, страдает от жестокой ангины, 12 апреля вместе с Пейном уезжает в Нью-Йорк. 21 апреля умирает в Стормфилде от стенокардии. Похоронен в городке Элмайре, штат Нью-Йорк.

XIII.

Я родился на другом конце Земли в 1939 году. Все годы моей жизни я знакомился с произведениями выдающихся художников слова, которые были мне доступны. Английского языка я не знал, но вся западноевропейская литература была мне доступна, благодаря переводчикам. Как и другие талантливые писатели, Марк Твен стремился быть понятым своим читателем, в том числе и мной. Однако далеко не все волновавшие его мысли были мне доступны в возрасте 11, 15, 25, 30, 40, 65 лет. Но все эти годы я возвращался к его книгам, статьям, памфлетам и романам. И вместе с тем именно Марк Твен оказался близким мне человеком, чья судьба, творчество, даже его противоречия оказались созвучны моему характеру Я чувствую его мальчишкой в годы жизни в Ганнибале. Наслаждаюсь его душевными порывами в семнадцать лет, сочувствую его зрелым чувствам в тридцать. У меня с ним много общего и в мои нынешние 84 года, хотя я далек от его темперамента полемиста или сарказма. Но, читая его рассказы, романы, повести в детстве, в отрочестве и сегодня, в глубокой старости, я понимаю, сколь тонка и чувствительна была его душа, сколь широк горизонт его мышления, сколь ярки его эмоции. Мое сходство с Сэмом Клеменсом – в нашем обоюдном неприятии насилия, в готовности путешествовать по миру, в стремлении быть понятыми современниками, в жажде любви и обретении ее в реальной жизни. Наши писательские пристрастия различны, а философские и религиозные увлечения тем более, но мы оба искренни в своих заблуждениях и не стремимся навязывать собственные идеалы. Мы – разные, но во многом сходны, и мои чувства к Сэму Клеменсу иной раз отличны от моих оценок Марка Твена. И это естественно!

Мы были бы с ним хорошими друзьями, и это главный итог знакомства с его литературным наследием, часть которого стала доступной для меня уже здесь, на родине Марка Твена, в США.

2

«…Меня часто спрашивают: «Вы действительно медиум?»
Многие также называют меня экстрасенсом,
хотя я всего лишь пытался быть человеком Господа.»

Эдгар Кейси.

Спящий лекарь и другие...

I.

Феномены прошлого труднодоступны для изучения и понимания. Сито времени не позволяет нынешним современникам беспрепятственно проникнуть в лабиринты ушедших эпох. Впрочем, достаточно и того, что феномены оставили после себя. Нострадамус до сих пор заставляет трепетать умы и чувства своими предсказаниями, достигшими современной цивилизации. Ванга, уйдя в мир иной, оставила пищу для размышлений не только нынешним, но и завтрашним комментаторам ее наследия. Вольф Мессинг и теперь будоражит умы ученых уникальными способностями, которые так и не успели стать предметом прижизненных научных исследований. Колдуны и шаманы, гадалки и хироманты перестали быть феноменами. Их ремесло – явление обыденное. Ученые, объединив их в некое экстравагантное сообщество мастеров спиритизма, спорят

о природе их способностей.

Американский пророк, ясновидящий, экстрасенс по имени Эдгар Кейси (Edgar Cayce) (3.18.1877–1.3.1945) стал примером удивительно рачительного отношения к дару, который сделал его имя широко известным сначала в США, а теперь – уже и во всем мире. Я, например, узнал о существовании «спящего лекаря» из довольно ироничной статьи в журнале «Наука и религия» году, скорее всего, в семидесятом. С возрастом случившееся в прошлом становится гораздо яснее и отчетливей, вплоть до мелочей.

Я учился в Саратовском университете и готовился к экзаменам. Сидел в университетской библиотеке, обложившись книгами. Было утреннее время. Студентов пока было немного, я и парочка за соседним столом. Часа через два или три они ушли, оставив на столе одиноко лежавший журнал. Честно говоря, и я собирался уже уходить, чтобы перекусить в стоявшем неподалеку от библиотеки кафе. Поднялся, прошел шага три и увидел на обложке журнала «Наука и религия», лежавшем на соседнем столике, заголовок: «*Спящий лекарь?*». Это словосочетание меня заинтриговало. Уж слишком необычным оно мне представилось. К тому же вопросительный знак в конце предложения заставил к столу подойти и посмотреть на текст более внимательно. Это был столик, за которым сидела та самая парочка, которая полчаса назад ушла, оставив журнал. Я присел и начал заметку читать. Из публикации меня сразу захватил смысл. Он хоть и был изложен иронично, но суть не пряталась в старании автора скрыть ее за иронией. В тексте шла речь о неведомом мне американце, который обладал уникальной способностью лечить людей. Некоторое время я не мог понять, почему автор считает уникальными эти лекарские способности человека. Чуть позже оказалось, что особенность этого лекаря заключалась в том, что в момент общения с больным он... крепко спал! Нетрудно представить мои чувства, когда я об этом прочитал. Поскольку автор писал, явно иронизируя по поводу того, что «лекарь спал» именно в момент, когда ему больной рассказывал о своих недомоганиях, я никак не мог понять, как это все происходило. А если учесть, что статья была короткой, никаких особых подробностей в ней не было, только указание на то, что герой статьи был глубоко верующим человеком, «*которому Бог помогал*» называть истинную природу заболевания и лекарства, которые следовало применить, излечивая страждущего.

Прочитав заметку, я встал и ушел, будучи слегка ошарашенным, недоумевая. Как это часто бывает, во всяком случае, у меня так случалось, когда что-то оставляло след в моей памяти, то далеко не прячется в лабиринтах мозга, а иногда даже ясно всплывает. В журнале было указано имя лекаря. Его я запомнил – Эдгар Кейси. Но превратности жизни таковы, что точность запомнившегося иностранного имени воспроизвести непросто. Так случилось и в моем случае. С момента, когда я прочитал заметку в журнале «Наука и религия», прошло почти тридцать лет! Сам факт я не забыл, а имя «лекаря», который спал и одновременно как-то лечил пациентов, забыл напрочь!

В 1992 году я с женой и детьми приехал в Америку на постоянное место жительства. Работал в русской газете «Каскад» и, недолго думая, открыл в ней рубрику: «*Удивительное – рядом*». Нетрудно догадаться, что я писал там. Года через два или три, осваивая только что появившийся Интернет, я частенько стал «*перелистывать сайты*», натыкаясь на множество разнообразной информации. Как водится, мне повезло – наткнулся на имя и фамилию: Эдгар Кейси. Оно показалось мне чрезвычайно знакомым, и после нескольких часов мучительных попыток вспомнить, я понял, где и когда «*мы познакомились*». С этой минуты я стал обладателем большинства событий, которые случились с этим американцем. Тем самым «спящим лекарем», о котором я впервые узнал из журнала «Наука и религия». Статья в газете «Каскад» была мной написана, и после этой публикации в моей «иконографии» Эдгар Кейси стал приоритетным человеком. Задумав эту книгу и размышляя о «*волшебстве феноменов*», которыми была насыщена история США, я снова обратился к жизни Эдгара Кейси, чтобы рассказать своим читателям уже все подробности жизни и деятельности «спящего лекаря».

...Специально организованная стенографическая служба фиксировала все его высказывания, сделанные по разным поводам и в разные минуты гипнотических трансов. К моменту кончины Кейси его архив располагал колоссальным количеством страниц текстов. По одним свидетельствам, их около 13 000 единиц, по другим – гораздо больше. Причем 7 000 еще нуждаются в расшифровке и уточнении. Большинство пророчеств сбылось, а многие тысячи людей, *излеченные* Эдгаром Кейси, десятилетиями наслаждались жизнью, спасенной им от тяжких недугов. Тексты, ждущие расшифровки, наверняка подарят человечеству новые откровения. Стало быть, у этого

американца право называться *феноменом* вполне заслужено!

Сегодня об Эдгаре Кейси написаны сотни книг. Они изданы миллионными тиражами. Можно уверенно сказать, что эта личность продолжает оставаться явлением, волнующим умы и чувства современников, живущих в разных концах Земли. До нынешних дней литература о Кейси полна интригующих подробностей, непонятных и загадочных.

Я решил ограничить круг своего интереса к феномену Эдгара Кейси той повседневностью и опытом бытия, который совпадал у этого человека с жизненными проблемами и нуждами его современников. Не думаю, что они отличались от желаний и потребностей нынешних людей, но для меня важно было понять, как этот феномен осмысливался им самим и свидетелями его жизни.

Прежде чем осмысливать ранний период жизни Эдгара Кейси, включая младенчество, хочу обратиться к его собственной оценке тех возможностей, которые были им использованы в жизни. То есть как он сам осмысливал то, что позволяло ему реально помогать людям, обращавшимся к нему. Прежде чем это стало повседневностью его жизни, Эдгар Кейси пытался самостоятельно разобраться с теми инструментами, которые позволяли ему восстанавливать здоровье окружавших его людей. Впрочем, откроем его книгу: «*Моя жизнь провидца. Потерянные мемуары*».

> ...People often ask me: «Are you really a medium[1]?». Many also call me a psychic, although I was just trying to be a man of the Lord. Then they ask the question: how did I become interested in spiritual phenomena, because such activities have been banned for so long that when we just talk about it, people immediately start thinking about ghosts, supernatural happenings, and the like . I have repeatedly met people who have researched extrasensory perception and written volumes about it, but only a few are willing to admit that events in their own lives were associated with similar facts. The dictionary says that a psychic is a person who deals with spiritual, mental phenomena, with the souls of people. There are those who have studied psychic cases based on their manifestations... Having been studying them for more than 30 years, and studying this issue first-hand, from books, lectures or similar sources, I have met many people who have spoken out regarding

1. A medium is a sensitive individual who, according to followers of spiritualism, serves as a more gifted link between two worlds: the material and the spiritual.

> various aspects of this phenomenon. As I have repeatedly stated, I do not know how it works, I only know that for many years I myself have been engaged in... receiving spiritual information. During the first few years of my life, I could not understand how things happened that were sometimes done by me or through me, how this became possible in a certain mental state. After years of thinking about it, I still don't understand it and don't know how it works. How could I, not being a doctor, having never studied physiology, hygiene or any other subject of medical science necessary for the elimination of human diseases, say what helped this or that person? I didn't know it then, and I don't know it now. However, can anyone tell me how a phonograph needle extracts music from a record or how a radio «takes» messages out of thin air? Nevertheless, this happens, albeit under certain conditions. Change these conditions and you will only get scratches on the record. Nothing definite, nothing precise. The same thing happens with psychic power. If it is properly configured, you can get some benefit from it. If it is not tuned and if the human consciousness uses it for self-destruction, "then this is the path that seems right to a person, but at the end of it is death." However, how can we then distinguish what is true from what is false? There are many things in life, even the texts of the Holy Scriptures, if interpreted incorrectly, can lead to death. My observations suggest that the difference lies in the intention of those seeking information. Those who are looking for material benefits and sensations get them – but everything ends in tears for them. This affected me even worse. The very desire to make money or achieve success led to failure. When such attempts were made, my health failed me, I had to pay for it with pangs of conscience, and I could no longer even try to work. However, when I was asked to help people solve their real problems, I could not refuse. When my wife asked me to evaluate how sick she was, I tried to do it in an altered internal state because I needed to know whether I was on God's side or not. The results exceeded all expectations - the wife made a complete recovery. From that day on, I began to have a completely different attitude towards all psychic phenomena. People can talk about it very negatively and unkindly, but if it gives confidence to people dear to us and helps them, then it becomes important and meaningful to us, no matter what anyone says. The testimonies of those who have benefited from the readings may sound like patient misadventures with a happy ending, but is there not deep and sincere feeling in what they

say? Is there not evidence in their words that a person has received great benefits from contact with a Higher Power, more than just healing of the body? Let's figure it out. Healing cannot occur if there is no desire to help, if the Higher Source of one's own consciousness is not involved. Only then, knowing about the existence of the Supreme Spirit, can one gain access to all the benefits that we call God. My mother and father told me about God, I read about him in the Bible even before I knew about my abilities. When I was young, people told me that I was different from other people, but I didn't understand what they were talking about. However, as the years passed, I developed, and many different events happened in my life that showed me the way and led me to what I am doing now. A lot of people have said that what I do has helped them and they want to give back. However, as my mother used to say: «May God praise you.» This is the story of my life about how my unusual abilities were used in it...

...Меня часто спрашивают: «Вы действительно медиум[1]?» Многие также называют меня экстрасенсом, хотя я просто старался быть человеком Господа. Затем они задают вопрос: как я заинтересовался духовными явлениями, потому что подобные занятия были под запретом в течение столь долгого времени, что, когда мы просто говорим об этом, люди сразу же начинают думать о призраках, сверхъестественных происшествиях, спиритических сеансах и тому подобных делах. Я не раз встречал людей, которые занимались исследованиями экстрасенсорики и написали об этом тома, но лишь немногие готовы признаться, что события из их собственной жизни были связаны с подобными фактами. В словаре сказано, что экстрасенс – это человек, имеющий дело с духовными, ментальными явлениями, с душами людей. Есть такие, кто изучали экстрасенсорные случаи по их проявлениям... Занимаясь ими 30 с лишним лет, причем изучая этот вопрос не понаслышке, по книгам, лекциям или тому подобным источникам, я встречал многих людей, которые высказывались относительно самых разных сторон этого феномена. Как я уже неоднократно заявлял, я не знаю, как это работает, знаю лишь, что уже много лет я сам занимаюсь...

1. Медиум – это чувствительная личность, которая, по мнению последователей спиритуализма, служит одаренным связующим звеном между двумя мирами: материальным и духовным.

получением духовной информации. В течение первых нескольких лет моей жизни я не мог понять, как происходит то, что порой делается мной или посредством меня, как это становилось возможным в определенном психическом состоянии. После многих лет размышлений об этом я все еще не понимаю этого и не знаю, как это получается. Как мог я, не будучи доктором, никогда не изучая физиологию, гигиену или любой другой предмет медицинской науки, необходимой для устранения человеческих заболеваний, сказать то, что помогало тому или другому человеку? Я не знал этого тогда, не знаю и теперь. Однако каждый ли может сказать мне, как игла фонографа извлекает музыку из пластинки или как радио «берет» сообщения из воздуха? Тем не менее это происходит, правда, при определенных условиях. Измените эти условия, и вы получите только царапины на пластинке. Ничего определенного, ничего точного. То же происходит и с экстрасенсорной силой. Если она должным образом настроена, вы можете извлечь из нее определенную пользу. Если же она не настроена и если человеческое сознание использует ее для саморазрушения, «...тогда это путь, который кажется человеку правильным, но в конце его находится смерть.» Однако как нам тогда отличить то, что истинно, от того, что ложно? Многое существует в жизни, даже тексты Священного Писания, будучи истолкованными неправильно, способны привести к гибели. Мои наблюдения показывают, что различие заключается в намерении тех, кто ищет информацию. Те, кто ищет материальные блага, сенсации, получают их – но все заканчивается для них плачевно. На мне это отражалось еще хуже. К неудаче приводило само желание сделать на этом деньги или добиться успеха. Когда предпринимались подобные попытки, меня подводило здоровье, мне приходилось платить за это муками совести, и я больше не мог даже пытаться работать. Однако, когда меня просили помочь людям разрешить их реальные проблемы, я не мог отказать. Когда моя жена попросила меня оценить, насколько сильно она больна, я постарался сделать это в измененном внутреннем состоянии, поскольку мне было необходимо знать, нахожусь ли я на стороне Бога или нет. Результаты превзошли все ожидания – жена полностью выздоровела. С того дня я начал совершенно иначе относиться ко всем экстрасенсорным явлениям. Люди могут говорить об этом очень негативно и недоброжелательно, но если это дает

> уверенность дорогим нам людям и помогает им, то это становится для нас важным и значимым, что бы кто ни говорил. Свидетельства тех, кому помогли чтения, могут быть похожи на рассказ о злоключениях пациентов со счастливым концом, но разве в том, что они говорят, нет глубокого и искреннего чувства? Разве нет в их словах доказательства того, что человек получил огромную пользу от соприкосновения с Высшей Силой, большую, чем просто исцеление тела? Давайте разберемся. Исцеление не сможет произойти, если не будет желания помочь, не будет задействован Высший Источник собственного сознания. Только тогда, зная о существовании Высшего Духа, можно получить доступ ко всем благам, которые мы называем Богом. О Боге мне рассказали мать и отец, о нем я прочитал в Библии еще до того, как узнал о своих способностях. Когда я был молод, мне говорили, что я отличаюсь от других людей, но я не понимал, о чем они говорят. Тем не менее годы шли, я развивался, и в моей жизни произошло много различных событий, которые показали мне путь и привели меня к тому, чем я сейчас занимаюсь. Многие люди сказали, что им помогло то, что я делаю, и они хотят отблагодарить меня. Однако, как говаривала моя мать: «Пусть тебя хвалит Бог». Это история моей жизни о том, какое применение в ней нашли мои необычные способности...»

Все, что делал Кейси в течение своей жизни, вылилось не только в явления его бытия, но и в конкретные *акты* реального возвращения здоровья тем, кто обращался к нему за помощью. Он практиковал так называемые «*чтения*». Они воплощались в тексты. Со временем записывались. Цель была – сберечь их от забвения. Значительность «чтений» для страждущих его помощи была очевидна. К тому же осуществлялись эти «*чтения*» в состоянии дремоты автора. Случалось главное – люди, которые обращались к Эдгару за помощью, слушая «*спящего лекаря*», возвращали свое здоровье. Позднее вернуться к сути произносимых «*спящим лекарем*» слов, предложений, целых текстовых фрагментов становилось актуальным не только для тех, кто был объектом его оздоровляющего воздействия. В них содержались мысли, идеи, касающиеся глобальных явлений и судеб будущего. В них «*спящий лекарь*» становился *провидцем*. Однако сам Эдгар Кейси мог судить о реальности, которую создавал собственным «*дремотным сознанием*», только по рассказам свидетелей. Поначалу это была его мать, близкие родственники или отец. Затем – люди,

получившие образование или имеющие природный дар *медиумов*. Состояние души «*спящего лекаря*» постепенно заставляло людей проникаться к нему все большим уважением, поражаясь масштабом всего того, что он делал, даже не подозревая об этом...

...Эдгар Кейси родился в семье фермера 18 марта 1877 года неподалеку от крохотного городка Хопкинсвилл, что в штате Кентукки (Hopkinsville, State of Kentucky). История сохранила факты неких способностей его матери и деда по отцовской линии «*слышать голоса*», которые подсказывали, как следует поступать в той или иной напряженной ситуации, возникавшей в жизни семьи или родни. Случалось, *голоса* предостерегали от подступавших неприятностей, неочевидных в реальности, но со временем случавшихся.

В своей книге «*Моя жизнь провидца. Потерянные мемуары*» Эдгар Кейси приводит подробные описания себя ребенком, которые были оставлены отцом:

> He looked unusually pleasant, with big brown eyes and plump rosy cheeks. From early childhood, his face expressed joy, fun and happiness. He was very healthy, strong and active, and his happy and cheerful appearance was so endearing that even in childhood it was not so much necessary to tinker with him and take care of him, but it was simply interesting to be around. He was never whiny was a moderately calm child.
>
> Он выглядел необыкновенно приятно, с большими карими глазами, пухлыми розовыми щечками. С самого раннего детства его лицо выражало радость, веселье и счастье. Он был очень здоровым, сильным и активным, и его счастливый и веселый вид настолько располагал к себе, что еще в детстве надо было не столько возиться с ним и ухаживать за ним, а просто было интересно находиться рядом. Он никогда не был плаксивым, это был в меру спокойный ребенок.

Из записей раннего детства Эдгара невольно проступают первые признаки интеллекта. Во всяком случае, некие призрачные инструменты мышления, обнаруживающиеся у годовалых детей, за которыми наблюдают их родители. Подробности, записанные отцом Эдгара, весьма любопытны, хотя их сущность, строго говоря, еще очень относительна.

When he began his «research,» he usually sought satisfactory answers to his questions and only then stopped his research. It was not worth trying to deceive or even jokingly alienate him by giving him a vague answer to a question he asked, because such answers never satisfied him, especially if the question concerned something that Edgar did not understand. Usually the most correct answer was to give a simple and truthful answer. If you evaded explanations, then your son began to explore the issue deeper. One day his aunt came into the room where he was and brought a jug of cream. He asked her what it was. She looked at him slyly and said: «This is a tool for catching bores, you shouldn't touch it.» Edgar looked at her curiously, but said nothing. Twenty-five or thirty minutes later she returned to the room and saw that Edgar had begun his investigation. He turned the jug of cream over, spilling it on the floor to see what was there. He then took a broom and smeared the cream on the carpet, trying to sweep it away. Aunt realized that she had made a mistake. She did not scold him for this, but laughingly told his mother everything, explaining to her how it all happened. She realized that the child was not to blame, and simply told him that his aunt was joking with him, and he had wasted a jug of cream, which at that time meant little to him. Despite his inquisitive mind and spirit, he was not intrusive. Usually, when someone put something in front of Edgar and asked him not to touch it, without saying another word, he would not touch the item, whatever it was. But it would be wrong to try to tempt him by pretending that you put something curious or incomprehensible in the room, because he would start looking for it and would definitely find it or try to find out why he couldn't do it.

Когда он начинал свое «исследование», он обычно добивался удовлетворяющих его ответов на свои вопросы и лишь затем прекращал свои изыскания. Не стоило пытаться обмануть или даже в шутку оттолкнуть его, дав ему неопределенный ответ на вопрос, который он задавал, потому что такие ответы никогда не удовлетворяли его, особенно если вопрос касался того, чего Эдгар не понимал. Обычно самым правильным было дать простой и правдивый ответ. Если вы уклонялись от объяснений, то сын начинал исследовать вопрос глубже. Однажды его тетя вошла в комнату, где он находился, и принесла кувшин со сливками. Он спросил ее, что это такое. Она хитро взглянула на него и сказала: «Это средство для ловли зануд, тебе не стоит это трогать». Эдгар с любопытством посмотрел на нее, но ничего не сказал. Двадцать пять или тридцать минут спустя она возвратилась в комнату и увидела, что Эдгар начал свое исследование. Он перевернул кувшин со сливками, пролив их на пол, чтобы посмотреть, что там такое. Затем он взял веник и размазал сливки по ковру, пытаясь смести их. Тетя поняла, что совершила ошибку. Она не стала его ругать за это, но со смехом все рассказала его матери, объясняя ей, как все это случилось. Та поняла, что ребенок не виноват, и просто сказала ему, что тетя пошутила с ним, а он впустую разлил кувшин сливок, которые в то время мало что для него значили. Несмотря на его любознательные сознание и дух, он не был назойлив. Обычно, когда кто-то ставил что-то перед Эдгаром и просил его не трогать это, не говоря больше ни слова, он не касался этого предмета, что бы это ни было. Но было бы неправильно пытаться искушать его, притворяясь, что вы положили в комнате нечто любопытное или непонятное, потому что он принялся бы это искать и обязательно нашел или постарался бы узнать, почему он не может это сделать.

Если говорить о влиянии близких родственников на Эдгара-малыша, уместно заметить особую притягательность для мальчика деда со стороны отца – Томаса Джефферсона Кейси (Thomas Jefferson Casey). При очевидной естественности таких родственных связей, заметно было и то, что дед для Эдгара-ребенка был наделен неким волшебным даром. Любопытна запись, сделанная Эдгаром, когда он писал свою книгу *«Моя жизнь провидца. Потерянные мемуары»:*

I remember going horseback riding with my grandfather several times. I sat in front – because I was too small then. Sometimes I saw him do some rather strange things, but later I learned that many people attribute this to the influence of disembodied spirits. I heard some people talking to him, how they asked him to attend some meeting from time to time. I didn't know the purpose of these meetings. Several times I saw him move a table and other objects without touching them. In such cases, he said: «I don't know what these forces are, but don't joke with them».

Помню, как я несколько раз ездил верхом с дедушкой. Я сидел впереди – ведь я был тогда слишком маленьким. Иногда я видел, как он делает довольно странные действия, но впоследствии

> узнал, что многие люди приписывают это воздействию бесплотных духов. Я слышал, как какие-то люди разговаривают с ним, как они время от времени просят, чтобы он присутствовал на какой-то встрече. Я не знал цели этих встреч. Несколько раз я видел, как он перемещал стол и другие предметы, не прикасаясь к ним. В таких случаях он говорил: «Я не знаю, что это за силы, но не шути с ними».

Гибель дедушки на глазах четырехлетнего Эдгара была событием, оставившим в его памяти и чувствах заметный след. Можно по-разному относиться к фрагменту из его мемуаров, рассказывающем об этом инциденте, но странность случившегося не оставляет сомнений. Неудивительно, что, будучи уже зрелым человеком, Эдгар, пожалуй, впервые самостоятельно намечает связь между этим фактом и явлениями, которые продолжали оставаться загадочными в его собственном жизненном опыте, оформившемся в явление, ставшее глобальным *феноменом* под именем «Эдгар Кейси». Вот как он описывает этот случай:

> The most serious incident involving my grandfather ended with his death on June 8, 1881. He drowned in the pond near the old house, and I may have been the only one who saw it happen. I was riding with him on a horse, when the horse took a step into the pond. Then grandfather turned to the shore, unseated me and again directed the horse into the pond. I saw how the horse threw him off, how the girth burst and how he disappeared under the water. I was only four years old when my grandfather drowned, and I often asked myself afterwards, what is the connection between this event and what I devoted my life to?
>
> Самый серьезный инцидент, связанный с моим дедом, закончился его смертью 8 июня 1881 года. Он утонул в пруду возле старого дома, и, возможно, я был единственным, кто видел, как это произошло. Я ехал с ним на лошади, позади него, когда лошадь сделала шаг в водоем. Затем дедушка повернул на берег, ссадил меня и снова направил лошадь в водоем. Я видел, как лошадь сбросила его, как лопнула подпруга и как он скрылся под водой. Мне было всего четыре года, когда утонул дедушка, и я часто спрашивал себя потом, какова связь между этим событием и тем, чему я посвятил свою жизнь?

Развитие психики Эдгара мало чем отличалось от детей его возраста. Тем не менее, описывая разные эпизоды своего детства, он замечал явления, которые ему, уже будучи взрослым, казались недостаточно характерными. В своей биографии Эдгар описывает эпизод, произошедший в девятилетнем возрасте.

> We walked through a lot where there was a barn, where a lot of unusual things happened to me, or I thought they did, and I started telling my aunt about it.
>
> Мы шли через участок, на котором стоял сарай, где со мной происходило много необычного, – или я думал, что это происходило, – я начал рассказывать об этом своей тете.

Детские фантазии – явление заразительное в возрасте пяти-семи лет. Однако ближе к девяти-десяти годам обретаемая рациональность мышления начинает преодолевать границы фантазий. Тем не менее девятилетний мальчик нес в себе драматическую реальность гибели деда. Он не мог разделить случившийся акт ни с кем из своих родственников. Даже сверстников. С трагедией Эдгар был один на один. Вспомним, ему тогда исполнилось только четыре года! Однако его память хранила эпизоды общения с дедом, которые углубились в недра развивающейся психики подростка, став не пассивным грузом, а почвой, на которой начали произрастать яркие букеты впечатлений. Отказаться от их ароматов было невозможно! Назидательность взрослой тети, бывшей с ним в тот момент, вовсе не притормаживала акт переживаний Эдгара. Наоборот, ее скепсис порождал готовность ребенка защищать свои переживания, придавая им признаки случившихся событий. Вернемся к этой истории.

> «Auntie, I love playing in this barn, I feel very good and happy here!» «Funny? – asked the aunt. – Why are you having fun? You're still too young to understand what fun is, right? What's so funny about this old barn? «Well,» I said, «this is where grandfather used to keep tobacco, for which he was paid so well. Here's an old beam he used for leverage to pack tobacco. It's so much fun to go there and watch the lever rod go up and down, and someone shouts: «Up! Down! Up! Down! Up! Down!' And there's a nest there where a blue jay lives, and I saw him building that nest this morning. There is already one motley egg in the nest. And I also saw a wren, he was looking at the horn with which grandfather used to call the guys from the field.» «But,» answered the aunt, «they haven't

packed tobacco there for a long time, and in any case, I'm sure you've never seen them pack tobacco.» «But I saw it! – I resisted. - Every day when I go there to play, I see my grandfather there, and besides, many little boys and girls come there to play with me, they can climb anywhere in this barn and tell me about everything that happens in every corner of it. !» «Eddie, you shouldn't let your imagination play tricks on you like that! You just made it all up! Don't you know that making up different stories is immoral and sinful?» «What is 'immoral and sinful', auntie? I play with kids I know; I see my grandfather, and he talks to me – the same way he talks to the workers who press tobacco. What's wrong with that? I see this and I really like it! Why is this sinful? Is it immoral and sinful that I see them and say that I see them?»

«Тетя, я люблю играть в этом сарае, мне здесь очень хорошо и весело!» «Смешно? – спросила тетка. – Почему ты веселишься? Ты ведь еще слишком мал, чтобы понять, что такое веселье, да? Что такого смешного в этом старом сарае?» «Ну, – говорю, – вот где дедушка хранит табак, за который ему так хорошо платили. Вот старая балка, которую он использовал в качестве рычага для упаковки табака. Так весело идти туда и смотреть, как тяга рычага поднимается и опускается, и кто-то кричит: «Вверх! Вниз! Вверх! Вниз! Вверх! Вниз!» А там гнездо, где живет голубая сойка, и я видел, как она сегодня утром это гнездо строила. В гнезде уже есть одно пестрое яйцо. А еще я видел крапивника, он смотрел на рожок, которым дедушка вызывал ребят с поля». «Но, – ответила тетушка, – табак там давно не упаковывают, и, во всяком случае, я уверена, ты никогда не видел, чтобы они упаковывали табак». «Но я это видел! – сопротивлялся я. – Каждый день, когда я прихожу туда играть, я вижу там своего дедушку, и к тому же туда приходит много маленьких мальчиков и девочек, чтобы поиграть со мной, они могут залезть куда угодно в этот сарай и рассказать обо всем, что происходит в каждом его уголке!» «Эдди, ты не должен позволять своему воображению так шутить с тобой! Ты просто все это выдумал! Разве ты не знаешь, что придумывать разные истории безнравственно и греховно?» «Что такое «безнравственно и грешно», тетенька? Я играю со знакомыми ребятами, вижу дедушку, а он со мной разговаривает – так же, как он разговаривает с рабочими, давящими табак. Что в этом плохого? Я вижу это и мне это очень

нравится! Почему это греховно? Разве это безнравственно и греховно, что я вижу их и говорю, что вижу их?»

Если внимательно присмотреться к каждому описываемому Эдгаром эпизоду его жизни, можно заметить, что их смысл несет в себе признаки некой двойственности, которую он пытается осознать. Вот и этот эпизод Эдгар не хочет относить к разряду детских шалостей и произвольных фантазий ребенка, проявления которых замещает трагическую потерю дедушки, оставившего в судьбе внука глубокий след.

Именно в этом эпизоде своей биографии Эдгар впервые столкнулся с конфликтом между рациональным сознанием практичной тети Лу и фантазией матери, которая с готовностью защищала своего ребенка. Да, склонного к таким же фантазиям. Мать и сама была не прочь воспроизводить фантазии. Окружавшая ее реальность этому не мешала. Тетушка Лу, слушая ее, в рассуждения не вдавалась. Она только пожимала плечами.

В своей книге Эдгар признается, что годы учебы ничем примечательным ему не запомнились. Ни в раннем детстве, ни в школьном возрасте Кейси не обнаружил никаких особых способностей. Он ничем не удивлял ни родителей, ни сверстников: застенчивый, замкнутый, болезненный мальчик. Учился Эдгар плохо. Интереса к школьным предметам не проявлял. Все свободное время посвящал лишь чтению Библии.

I received all my school knowledge in a small red schoolhouse in the southern Christian County and in two classes at Beverly Academy. Teachers there often changed – some came, others left. Some of them I remember with great pleasure, others are associated only with the fear that I felt when I had to come to their classes. Until I learned to read, I was considered quite stupid. I was not as bright a student as many of my classmates. It was not a matter of negligence or inattention on the part of my parents, but of my inability to remember much of what we were taught at school.

Все свои школьные знания я получил в небольшом красном школьном доме в южном христианском графстве и в двух классах Академии Беверли. Там часто менялись учителя – одни приезжали, другие уезжали. Некоторых из них я вспоминаю с большим удовольствием, другие ассоциируются лишь со страхом,

который я ощущал, когда мне нужно было приходить к ним на занятия. Пока я не научился читать, меня считали довольно глупым. Я не был столь же способным учеником, как многие из моих одноклассников. Дело было не в небрежности и невнимании со стороны моих родителей, а в моей неспособности запомнить многое из того, чему нас учили в школе.

II.

В 1890 году в жизни подростка Эдгара случилось событие, по сути неординарное. Он впервые переживает явление *ангела*. Он спал в своей постели, и в облике ангела с неотчетливыми чертами лица ему привиделась его мать. Услышав голос ангела, который произносил отчетливо его будущее предназначение целителя, Эдгар в полудремотном состоянии вскакивает с постели и направляется в комнату, где находилась его мать. Она, будучи сонной, отослала его обратно в постель, не слушая, что он ей говорил. Эдгар чувствовал сильное волнение, был не в силах успокоиться. Придя в школу, учителя слушал невнимательно, ничего не записывал, был рассеян. Наконец, был наказан – его оставили после уроков, чтобы повторить неусвоенные им темы. Придя домой и пребывая в таком же, почти сомнамбулическом, состоянии, Эдгар, вконец обессилев, положил голову на учебник и заснул. Он сидел над ним несколько часов, не в силах сосредоточиться и понять, что он должен делать. Проснувшись, он с удивлением почувствовал, что помнит каждое слово, написанное в учебнике. Именно после этого мгновения Эдгар, не обладавший репутацией хорошего и старательного ученика, стал учиться гораздо лучше! Заметили это и его учителя. Удивлялись переменам в поведении Эдгара на уроках его школьные товарищи. Вот как вспоминает сам Эдгар Кейси случившееся с ним в своей биографической книге «*Моя жизнь провидца. Потерянные мемуары*»:

I was still awake when the vision first started, but I felt as if I was rising up. It seemed to me that the whole room was filled with a bright light, similar to the rays of the morning sun, and I saw a figure standing at the feet of the bed. I was sure it was my mother, and I turned to her, but she did not answer. This frightened me greatly, I rolled out of bed and rushed to my mother's room. No, she didn't call me. Almost immediately after I returned to my bed, the figure reappeared by the bed. She seemed beautiful, amazingly bright - an angel or someone I knew nothing about. She patiently and gently said, «Your prayers have been answered. Your wish will come true. Stay committed. Be true to yourself. Help the sick and brokenhearted.»

Я еще не спал, когда впервые началось видение, но я ощутил, как будто поднимаюсь вверх. Мне казалось, что всю комнату залил яркий свет, похожий на лучи утреннего солнца, и я увидел фигуру, стоявшую в ногах на кровати. Я был уверен, что это моя мама, и я обратился к ней, но она не ответила. Это сильно испугало меня, я скатился с кровати и бросился в комнату матери. Нет, она не звала меня. Почти сразу же, после того как я вернулся в свою постель, эта фигура снова появилась у кровати. Она казалась прекрасной, удивительно яркой – ангел или кто-то, о ком я ничего не знал. Она терпеливо и нежно произнесла: «Твои молитвы услышаны. Твое желание исполнится. Оставайся преданным. Будь верен самому себе. Помогай больным и сокрушенным».

Весь период жизни Эдгара до этого случая был наполнен неослабевающим интересом мальчика к Библии. Ее чтению он отдавал все свое свободное время. Его отец, который преподавал в школе «Слово Божие», писал:

Edgar became a member of the Christian Church (Followers of Christ) in 1889, when he was 12 years old. He continued to be a devoted member, always mindful of his capabilities and his responsibilities. Many times he was called upon by senior church members and priests to perform various duties. Most of all, the priests loved him and talked with him with pleasure. They often allowed him to take part in church services. Especially during a series of meetings that sometimes lasted several hours. They admired his willingness to participate in work, never refusing to do any task, without looking for concessions for himself...

Эдгар стал членом христианской церкви («Последователи Христа») в 1889 году, когда ему исполнилось 12 лет. Он продолжал оставаться преданным ее членом, всегда помнящим о своих

возможностях и своих обязанностях. Много раз старшие члены церкви и священники призывали его выполнять различные обязанности. Больше всего его любили священники и с удовольствием разговаривали с ним. Они часто позволяли ему принимать участие в церковной службе. Особенно во время ряда встреч, продолжавшихся порой по нескольку часов. Они восхищались его готовностью участвовать в работе, никогда не отказываясь от выполнения любого дела, не выискивая для себя поблажек...

В двенадцать, тринадцать лет Эдгару было непросто понять произошедшее с ним. Он замечал, как изменилось отношение к нему одноклассников и даже некоторых учителей. Нетрудно представить его чувства, когда случившееся с ним во сне *видение* невольно перемежалось со множеством описанных в Библии событий, понять которые для его подросткового ума было тогда непросто. Тем не менее он постоянно перечитывал Священное Писание, все глубже проникая в смысл описываемых событий.

From that day on, I had virtually no trouble at school, because I would read my lesson, then fall asleep for a few seconds, after which I was able to repeat every word. Of course, the next day my teachers and classmates were very curious about how I would answer, because I didn't know anything in the previous lesson. Now I knew all the lessons, but I had to lose control of myself, even in school, to remember everything I read in the book. I often felt that perhaps no one realized that Miss Cox, my teacher, understood what was happening to me. From that moment until graduation, I began to excel in my studies very quickly. They said that I memorized all the lessons assigned to me, but I simply fell asleep on them, and then they appeared before my eyes. I didn't know what it was. Parents, classmates and teachers were surprised by this, but I did not try to understand why this was happening, and to this day I cannot explain it or name the reasons. And my current occupation is a combination of many events that apparently had a significant influence on the development of my consciousness.

С этого дня у меня практически не было неприятностей в школе, поскольку я читал свой урок, затем засыпал на несколько секунд, после чего был в состоянии повторить каждое слово. Безусловно, на следующий день моим преподавателям и одноклассникам было

очень любопытно, как я буду отвечать, потому что на предыдущем уроке я ничего не знал. Теперь я знал все уроки, но мне приходилось терять контроль над собой, даже в школе, чтобы запомнить все, что я читал в книге. Я часто чувствовал, что, возможно, никто не догадывается о том, что мисс Кокс, моя учительница, понимает, что происходит со мной. С того момента и до самого окончания учебы я начал очень быстро преуспевать в учебе. Говорили, что я зазубриваю все заданные мне уроки, но я просто засыпал на них, и затем они появлялись перед глазами. Я не знал, что это такое. Родители, одноклассники и учителя удивлялись этому, но я не пытался понять, почему это происходит, до сих пор я не могу объяснить это и назвать причины. И мое нынешнее занятие – это сочетание многих событий, оказавших, по-видимому, значительное влияние на развитие моего сознания».

Сомнамбулическое состояние и пугало, и удивляло Эдгара. Тем не менее именно это состояние, ставшее в будущем обыденностью в его целебной и провидческой практике, поражало воображение свидетелей, невольно убеждавшихся в эффективности влияния Эдгара Кейси на недуги людей, обращавшихся к нему за помощью. Но до такой реальности было еще далеко...

После окончания школы родители Эдгара обосновались в Хопкинсвилле (Hopkinsville). Мальчику предстоял выбор будущей профессии. При весьма скромном образовании, которое он имел, его возможности были невелики: уроки Библии (он знал превосходно!) в воскресной христианской школе он сам мог преподавать; работа в галантерейном складе или в книжном магазине. Изучив фотодело, Эдгар рассчитывал открыть свою студию. Мог подрабатывать в страховой компании своего отца. Трудностей было немало. Подступающая самостоятельная жизнь не предвещала добрых перемен. При весьма ограниченных познаниях в окружавшей его жизни множился лишь опыт скромного выживания. Однако росли тревоги за будущее. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Играя в бейсбол, Эдгар получил легкую травму позвоночника. Удар то ли мячом, то ли битой пришелся на изгиб шеи у основания головы. В юношеские годы мало кто обращает внимание на травмы, которые невольно получаешь в коллективной игре. Однако, судя по источникам, рассказывающим о жизни Эдгара, в возрасте шестнадцати-семнадцати лет отмечалось некоторое недомогание.

Головные боли, которые донимали юношу. Биографы по-разному оценивают этот случай. Одни связывали момент первого акта *«дремотных чтений»* с недомоганием, которое стало первым сигналом его готовности видеть себя со стороны. Другие видели его гипнотическое воздействие на себя без последующего осознания факта такого влияния после пробуждения от транса. Во всяком случае, его отец признается, что, переживая полученное недомогание от травмы, Эдгар потерял сознание, лежа в кровати. Затем, неожиданно открыв глаза, внятным голосом произнес конкретную рекомендацию, *приложить теплый компресс к месту ушиба,* предупредив, что, если это не будет сделано немедленно, он может окончательно потерять сознание и даже умереть. Испуганные родители мгновенно последовали совету своего сына, с ужасом поглядывая в его открытые, но невидящие глаза. Приложив компресс, они заметили, что глаза уже закрыты, а Эдгар, ровно дыша, молча спит глубоким сном. Пробудившись, сын был крайне удивлен услышанным от родителей. Они, пораженные недавними впечатлениями, стали рассказывать ему о том, что произошло некоторое время назад на их глазах. Сам Эдгар был не менее потрясен, не в силах вспомнить, что же с ним случилось? Однако мальчик чувствовал себя превосходно!

Эдгар Кейси связывал полученную им травму с целым рядом событий, которые возникали в кругу его сверстников. Общение с ними не оставляло в его душе удовлетворения. Увлечение девушкой по имени Бесс (Bess) вызывало признаки подростковой страсти. Она была заметна и для соперников подростка, вызывая насмешки. Переживания сына стали предметом сильной озабоченности его отца. Он старался сына предостеречь. Думая о будущем, и сам Эдгар понимал преждевременность своих увлечений. Но противоречия уже приближавшегося юношеского периода обострялись.

Знакомство со сверстником Томом привело к новым приключениям, закончившимся инцидентом и даже ранением, полученным

в стычке с сельскими парнями. Случайная пуля попала ему в ключицу. Все закончилось благополучно. Доктор вытащил пулю. Рана зажила, но поиск жизненного самоопределения продолжался, правда, уже на новом месте, в связи с переездом семейства.

В своей биографии «*Моя жизнь провидца. Потерянные мемуары*» Эдгар Кейси пишет:

> I went to work on my uncle's farm, so I stayed in a familiar environment, next to my grandmother. There, having completed the work assigned to me, I could often go to the barn and again plunge into conversations with my grandfather. It was a real pleasure, but I never spoke about such things to anyone again. In the evenings I read everything I could get my hands on. I could earn money and talk a lot with my grandmother. In the spring she became completely ill, and her mother came to the farm to look after her. On the anniversary of my grandfather's death, my grandmother said that she would like to talk to him. She said, «Eddie, could you go outside and see if there's a peach on the last tree grandpa planted, I'd really like to eat another peach from that tree. See if there is a peach there, and if there is, bring it here to me.» After I did this, she told me, «You're a good boy, Eddie. You look like your grandfather and I know you loved him very much. I heard you tell your mother a few years ago that you saw him and talked to him in the barn. Have you seen him after that, now that you live here?» «Yes,» I answered, «but I was afraid to tell anyone about it, because so many people consider it outright stupidity.» «No, it's not stupid. Your grandfather could do a lot of the most incredible things. He could move tables and chairs, he heard knocks and noises, he even made brooms dance without touching them. He never made a show of it, but he always believed that there was nothing wrong with it. Don't be afraid of it Eddie, just don't abuse it. I don't think your grandmother will ever get well again and I want to tell you: be kind to your mother, she is the best woman I have ever known in my life. She is kind and faithful, a good mother and wife, she is the best friend a man can have. Be patient with your father. He is weak, soft-hearted, and you can get more out of him than anyone else because he idolizes you. When I die, you'll have some money left over, Eddie. They will help you take care of your mother, and at least you can educate your sisters. Do this for me, Eddie, because you understood grandpa, and I will look after you and know how you are doing. Keep reading the Bible and Jesus will tell you what to do and how to do it. You can trust Him,

Eddie, and don't let different voices and other people's speeches confuse you, although some come back from the dead and tell you something contrary to what Jesus told us, you shouldn't fall for their tricks. I'm sure Grandpa thought so too, that those who speak to you come from Jesus, but some voices may try to fool you. I'm sure he knew that, Eddie. You were with your grandfather when he drowned, right, Eddie? I am sure that I will soon leave you and go to him. Stay with me until the end, Eddie, okay? The others will understand us, I'm sure.»

Я пошел работать на ферму дяди, так что оставался в знакомой среде, рядом с бабушкой. Там, выполнив порученную мне работу, я мог часто уходить в сарай и снова окунаться в беседы с дедушкой. Это было настоящим удовольствием, но я больше никогда никому не говорил о подобных вещах. Вечерами я читал все, что попадалось под руку. Я мог и зарабатывать, и много разговаривать с бабушкой. Весной она совсем стала плоха, и мама приехала на ферму, чтобы ухаживать за ней. На годовщину смерти дедушки бабушка сказала, что она хотела бы с ним поговорить. Она сказала: «Эдди, не мог бы ты выйти на улицу и посмотреть – нет ли там персика на последнем дереве, которое посадил дедушка, – я так хотела бы съесть еще один персик с того дерева. Посмотри, нет ли там персика, и, если есть, принеси его мне сюда». После того как я сделал это, она сказала мне: «Ты хороший мальчик, Эдди. Ты похож на своего дедушку, и я знаю, что ты очень любил его. Я слышала, что ты говорил матери несколько лет назад о том, что ты видел его и говорил с ним в сарае. Видел ли ты его и после этого, сейчас, когда ты живешь здесь?» «Да, – ответил я, – но я боялся говорить об этом кому-нибудь, ведь очень многие люди считают это откровенной глупостью». «Нет, это не глупо. Твой дедушка умел делать очень много самых невероятных вещей. Он мог двигать столы и стулья, он слышал стуки и шумы, он даже заставлял метлы плясать, не касаясь их. Он никогда не делал из этого шоу напоказ, но всегда считал, что в этом нет ничего плохого. Не бойся этого, Эдди, просто не злоупотребляй этим. Я не думаю, что твоя бабушка снова когда-либо выздоровеет, и я хочу сказать тебе: будь добр к своей матери, она – лучшая женщина из всех, кого я когда-либо знала в жизни. Она добрая и верная, хорошая мать и жена, она лучший друг, который только может быть у мужчины. Будь терпелив

со своим отцом. Он слаб, мягкосердечен, и ты можешь добиться от него больше, чем кто-либо другой, потому что он боготворит тебя. Когда я умру, тебе останется немного денег, Эдди. Они помогут тебе заботиться о матери, и, по крайней мере, ты сможешь дать образование сестрам. Сделай это для меня, Эдди, ведь ты понимал дедушку, а я буду присматривать за вами и знать, как у вас идут дела. Продолжай читать Библию, и Иисус подскажет тебе, что и как делать. Ты можешь доверять Ему, Эдди, и не позволяй различным голосам и чьим-либо речам смущать тебя, хотя некоторые возвращаются из мертвых и говорят тебе нечто противоположное тому, что говорил нам Иисус, ты не должен поддаваться на их уловки. Я уверена, и дедушка так тоже считал, что те, кто говорит с тобой, приходят от Иисуса, но некоторые голоса могут попытаться дурачить тебя. Я уверена, что он знал это, Эдди. Ведь ты же был рядом с дедушкой, когда он утонул, верно, Эдди? Я уверена, что скоро покину вас и уйду к нему. Останься со мной до конца, Эдди, ладно? Остальные поймут нас, я уверена».

Духовное наставничество стариков разных народов во многом сходно по своей сути. Умирая, старики и старухи наставляют своих внуков, опираясь не только на собственную мудрость, накопленную в течение длинной жизни, но и на религиозные чувства, переплавленные с годами в мистические истины, которые нередко воспринимаются с уважением и даже безоговорочно. Бабушка Эдгара, приближаясь к переходу в вечность, говорила ему о том, что Эдгар воспринимал с большим душевным трепетом. Искренность слов этой мудрой женщины открывала ему сущность и смысл его жизни, полной неведомых ему, до поры до времени, откровений. Позднее они сформируют его взгляды, способные удивлять его современников, вызывая и восхищение и ... страх. Время духовного наставничества стариков его рода придавало юному Эдгару импульс новых ощущений, которые едва ли не назавтра приходили к нему, часто оставаясь неведомыми его разуму, тем не менее влияя на его уникальную судьбу.

Переезд в Хопкинсвилл, провинциальный городок, тем не менее обладавший учебными заведениями, куда могли поступить сестры Эдгара, дал ему возможность исполнить просьбу бабушки.

«I myself,» writes Edgar in his biography, «returned to the village to work for Uncle K.Kh. Casey, doing what was familiar and familiar to me on the old Anderson farm. Every Saturday evening I came to visit my

mother, father and sisters, and on Sunday mornings I went to Sunday school, where I taught the "Word of God».

«Сам же я, – пишет Эдгар в своей биографии, – вернулся в деревню, чтобы работать у дяди К.Х. Кейси, занимаясь тем, что мне было привычно и знакомо на старой ферме Андерсона. Каждую субботу вечером я приезжал проведать мать, отца и сестер, а по воскресеньям с утра я ходил в воскресную школу, где преподавал «Слово Божие».

Казалось бы, размеренная жизнь молодого человека, привыкшего к обязанностям, которые никогда не вызывали у него усталости или раздражения, не обещала никаких перемен. Но ушедшие в вечность бабушка и дедушка, его духовные наставники, решительно не желали переходить границы его воображения, хотя он исправно приходил в свой любимый сарай, бывший местом общения с дедом. Или на могильный холмик бабушки, обещавшей следить за воплощением своих наставлений. Они оставались для ее внука обязательствами, исполнение которых он считал для себя необходимым.

Но однажды случилось... событие. Вот как пишет об этом сам Эдгар Кейси в своей биографии.

Suddenly I heard a voice behind me. Thinking it was someone from the farm, I answered before I even looked back. However, at that moment I felt a surprisingly pleasant feeling of unearthly lightness, and when I looked back, I saw what seemed to me to be the same vision that I had once seen at the edge of the forest. This time I was told: «Leave your plow, go to your mother, she needs you to be nearby. It is very important. Go now.»

Вдруг я услышал голос за спиной. Подумав, что это кто-то с фермы, я ответил на оклик еще до того, как оглянулся. Однако в этот момент я ощутил удивительно приятное чувство неземной легкости, и когда я посмотрел назад, то увидел то, что, как мне показалось, было тем же видением, которое я некогда наблюдал на лесной опушке. На сей раз мне было сказано: «Оставь свой плуг, пойди к матери, ей нужно, чтобы ты оказался рядом. Это очень важно. Иди сейчас же».

Случившееся далеко не всегда обладает ясной определенностью мотивов, которые вызревают в сознании в момент ощущения необъяснимых феноменов. Подобное случилось и с Эдгаром. Он испытал властную силу прямого воздействия на собственную волю. Немедля приступил к реализации слышимого и чувствуемого им наставления – идти к матери. Она находилась в Хопкинсвилле, в двадцати двух километрах от фермы, где Эдгар работал у дяди. Он был уже взрослым юношей. Научен рациональными «откликами» своих родственников, скептически реагировавших на непонятные им явления подросшего племянника. Их реакция была полна осуждения или насмешек. Однако, никак не откликаясь на предостережения дяди оставлять работу в разгар сельской страды, Эдгар, не говоря ни слова о случившемся, немедленно отправился в путь.

I came home late in the evening; my parents and sisters were already at home. When I entered, my uncle was sitting at the table having dinner with them. He drove along the road, while I took a shortcut and walked through the fields. He had already calmed down and came to find out what happened to me and why I decided to leave. My mother and I talked about what happened in the field most of the night...

Домой я пришел поздно вечером, родители и сестры уже были дома. Когда я вошел, дядя сидел за столом и ужинал с ними. Он ехал по дороге, в то время как я срезал путь и шел полями. Он уже успокоился и приехал, чтобы выяснить, что со мной случилось, почему я решил уйти. С матерью мы проговорили о том, что произошло в поле, большую часть ночи...

Значение этого события станет ясным для Эдгара только через некоторое время. Главное случилось! Эдгар исполнил волю того образа, который предстал перед его воображением. Он не имел очертаний, но указания слышались отчетливо. Ослушаться прозвучавшего наставления Эдгар не мог! Разговор с матерью заставил его признать, что она – союзник его духовного состояния. Оно наполнялось тайными истинами. Да, пока отчетливо не ощущаемыми, но оставляющими следы в его чувствах.

Назавтра Эдгар попытался найти работу в Хопкинсвилле и после нескольких часов поисков выбор пал на книжный магазин.

After considering all my options, I came to the conclusion that the only

bookstore in town would be the best job of all. Something drew me to this place, so I returned to the owner of this store, Mr. Hopper. This time I met Mr. Harry Hopper, the elder of the two brothers who owned the store. He told me that the Bible my father brought me was purchased from their store. He was a man five feet ten inches (178 cm) tall, with blond hair and a blond mustache that extended to the sides, but not too large. Mr. Will Hopper informed him that I would like the job. They both told me that they didn't really need anyone, but I insisted that this is where I wanted to work. Finally they said I could go to work the following Monday morning, which I did.

Обдумав все варианты, я пришел к выводу, что единственный книжный магазин в городе будет лучшей работой из всех. Что-то притягивало меня к этому месту, поэтому я вернулся к хозяину этого магазина мистеру Хопперу. На сей раз я познакомился с мистером Гарри Хоппером, старшим из двух братьев, владельцев магазина. Он сказал мне, что Библия, которую отец принес мне, была куплена в их магазине. Это был человек ростом пять футов десять дюймов (178 см), со светлыми волосами и белокурыми вытянутыми в стороны, но не слишком большими усами. Мистер Уилл Хоппер сообщил ему, что я хотел бы получить работу. Они оба сказали мне, что им никто, собственно, не нужен, но я настаивал, что хочу работать именно здесь. Наконец они сказали, что я могу выйти на работу в следующий понедельник утром, что я и сделал.

Возвращение в Хопкинсвилл, в дом, где жила мать Эдгара, внесло в его жизнь в первые же дни работы в книжном магазине Гарри Хоппера заботы, отличные от времени его пребывания на ферме у дяди. Работа на земле, возня с цыплятами, лошадьми сильно отличалась от пребывания в большом доме, частью которого был книжный магазин. Следовало понять, что находилось вокруг, какие предметы выставлялись на показ покупателям – гражданам и их детям, жившим по соседству.

В первые дни проживания и работы в Хопкинсвилле в жизни Эдгара произошла встреча с мистером Муди (Moody). Он подробно описывает в своей биографии этот эпизод. Мистер Муди приехал в Хопкинсвилл проповедовать *«Божье Слово»*. Проповедник собирал многотысячные толпы, производя на юного Эдгара сильное впечатление. Общение с этим человеком, безусловно, обогатило душевный

мир Кейси. Он, мечтая о профессии священнослужителя, мог получить ответы на те вопросы, которые вызывали в его окружении недоумение или насмешки. Случившиеся в его судьбе акты появления бестелесных существ, оставались без глубокого осознания. Их «*указания*» Эдгар воспринимал с громадным волнением. Следовал им беспрекословно. Но понимания не было. Впервые Эдгар Кейси услышал от мистера Муди толкование понятия *«общение с Богом»* как естественное проявление присутствия Господа в своей жизни. Тогда же, в разговоре с мистером Муди, Эдгар рассказал о явлении Ангела, поделился с ним значительными переменами в своей жизни, учебе в школе, случившимися после услышанных от Ангела наставлений. Явления, врезавшиеся в память юноши, заставили его подробно описать случившееся. Еще и еще раз он убеждался в том, что все произошедшее – реальность. Однако отказ окружавших его людей воспринимать эти акты как реальность подавлял его волю. Те перемены, которые случились с ним в реальности, заставляли его в разговоре с мистером Муди возвращаться к пережитым подробностям. Они случились в недавнем прошлом, и теперь Эдгар рассказывал обо всем, не скрывая своего восторга:

A beautiful angel appeared to me - or someone who looked, in my opinion, like a real angel. He spoke exactly the same as those who appeared to Cornelius or Manoach. He told me that I would have everything I dreamed of.» «What did you ask for, Eddie? Were you afraid?» «No, sir, because it was God who spoke to me. I remember that place in the Bible where it said, «If you call upon me, I will hear,» and I believed it, and I still believe it. After the angel appeared to me, I had difficulties at school. However, when they spoke within me with «still small voices» and told me to sleep so that they could help me, I no longer had problems with my studies. To learn my lessons, all I had to do was fall asleep for a few minutes. Since I had become fairly well versed in the facts of the Bible, or at least some of them, the priest asked me if I would like to make a list of questions about the Bible and write them down on paper. After a while I did just that.» «And what questions did you write down, Eddie?» «As far as I remember, something like: Who was arrogant and cocky? What was the name of Moses' mother? What was Joseph's name before Moses called him Joseph? And the like.» «Very good,» said Mr. Moody. – I would say that these are normal questions from a person who wants to gain knowledge from reading. And what do those people

say who think your question about whether God has ever spoken to them is stupid? «You see, Mr. Moody, I, like many other boys, was in love with a girl. When she made fun of me for telling her what I told you now, I went to her father – he is a doctor. He thought it was all nonsense. I tried to justify myself with what I learned from the Scriptures, because I felt that something similar was happening to me that happened to the ancient people. Then he went into the church and asked the elders. They told me that I shouldn't talk about something like that, but some people referred me to the priests. However, many people told me that I was not myself, and it is very difficult to live next to people who do not believe you. That's why I have to keep quiet about these things, and it worries me from time to time. However, I don't think so, Mr. Moody. This is not at all what I need. True, I saw my deceased grandfather and spoke with him, but I did not ask God for this, and did not think that this would happen. At the same time, I was expecting the vision that happened then in the forest.» «Why did you expect something like this to happen, Eddie?» / «As far as I remember, something like: Who was arrogant and cocky? What was the name of Moses' mother? What was Joseph's name before Moses called him Joseph? And the like.» «Very good,» said Mr. Moody. – I would say that these are normal questions from a person who wants to gain knowledge from reading. And what do those people say who think your question about whether God has ever spoken to them is stupid? «You see, Mr. Moody, I, like many other boys, was in love with a girl. When she made fun of me for telling her what I told you now, I went to her father – he is a doctor. He thought it was all nonsense. I tried to justify myself with what I learned from the Scriptures, because I felt that something similar was happening to me that happened to the ancient people. Then he went into the church and asked the elders. They told me that I shouldn't talk about something like that, but some people referred me to the priests. However, many people told me that I was not myself, and it is very difficult to live next to people who do not believe you. That's why I have to keep quiet about these things, and it worries me from time to time. However, I don't think so, Mr. Moody. This is not at all what I need. True, I saw my deceased grandfather and spoke with him, but I did not ask God for this, and did not think that this would happen. At the same time, I was expecting the vision that happened then in the forest.» «Why did you expect something like this to happen, Eddie?» As a result, I began to turn to one thing or another. I met with them, and I asked

each priest the same question. All of them, except you, told me that I was stupid and very inclined to spiritualism or the like, just like Saul, who went to the Witch of Endor. "I believe the Bible, and it says that He will answer if we call on Him. I mean we will hear Him.» «Well, Eddie, I've had people tell me in my life that something similar happened to them. Some people report that they receive various messages in one way or another. Many, I am sure, are very sincere in this belief. However, the Bible tells us: «There is a way that seems right to a man, but it leads to death.» It also says that if a blind man leads a blind man, they will both fall into a pit. However, I want to answer the question you asked me yesterday. I'm sure you'll want to hear the whole story. You know, Eddie, there are commandments given by God to Moses regarding those who are familiar with spirits and who are magicians. Look at Leviticus 20:27, it says: «If a man or a woman calls forth the dead or practices magic, they shall be put to death; they shall be stoned; their blood shall be on them.» Of course, I do not hold this opinion, but we can assume that some people who are able to communicate with the dead or call upon the forces of darkness, regardless of how they acquired this ability, may not please God.» As far as I remember, something like: Who was arrogant and cocky? What was the name of Moses' mother? What was Joseph's name before Moses called him Joseph? And the like.» «Very good,» said Mr. Moody. – I would say that these are normal questions from a person who wants to gain knowledge from reading. And what do those people say who think your question about whether God has ever spoken to them is stupid? «You see, Mr. Moody, I, like many other boys, was in love with a girl. When she made fun of me for telling her what I told you now, I went to her father – he is a doctor. He thought it was all nonsense. I tried to justify myself with what I learned from the Scriptures, because I felt that something similar was happening to me that happened to the ancient people. Then he went into the church and asked the elders. They told me that I shouldn't talk about something like that, but some people referred me to the priests. However, many people told me that I was not myself, and it is very difficult to live next to people who do not believe you. That's why I have to keep quiet about these things, and it worries me from time to time. However, I don't think so, Mr. Moody. This is not at all what I need. True, I saw my deceased grandfather and spoke with him, but I did not ask God for this, and did not think that this would happen. At the same time, I was expecting the vision that happened then in the

forest.» «Why did you expect something like this to happen, Eddie?»

As a result, I began to turn to one thing or another. I met with them, and I asked each priest the same question. All of them, except you, told me that I was stupid and very inclined to spiritualism or the like, just like Saul, who went to the Witch of Endor. «I believe the Bible, and it says that He will answer if we call on Him. I mean we will hear Him.» «Well, Eddie, I've had people tell me in my life that something similar happened to them. Some people report that they receive various messages in one way or another. Many, I am sure, are very sincere in this belief. However, the Bible tells us: «There is a way that seems right to a man, but it leads to death.» It also says that if a blind man leads a blind man, they will both fall into a pit. However, I want to answer the question you asked me yesterday. I'm sure you'll want to hear the whole story. You know, Eddie, there are commandments given by God to Moses regarding those who are familiar with spirits and who are magicians. Look at Leviticus 20:27, it says: «If a man or a woman calls forth the dead or practices magic, they shall be put to death; they shall be stoned; their blood shall be on them.» Of course, I do not hold this opinion, but we can assume that some people who are able to communicate with the dead or call upon the forces of darkness, regardless of how they acquired this ability, may not please God. However, 12:6 tells us that God speaks to Aaron and Miriam through the mouth of Moses: «And He said, «Hear My words: If there be a prophet of the Lord among you, I will reveal myself to him in a vision, I will speak to him in a dream.» These words, in my opinion, are very different and come from a completely different source, and they can be accepted. The question is: Is the life of a person who claims to be able to have such visions controlled by God?

Then Mr. Moody told me about what was happening in his life. «Several years ago, I came to Cleveland for a meeting that was supposed to last several weeks. We came very excited, gave a great performance and received an enthusiastic response from the audience, but one night, just a few days after the meeting began, I was told in a dream: «Quit your performances immediately and go to London, England.» I had never been there, and moreover, I had never seen anyone there show interest in my work. This dream was very unusual, but I believed in my vision, because I believed that this was God's desire for my work. The next evening I announced that the meetings were over. Many of my partners considered me a very stupid person, since at that time I was very young

and had not yet achieved much popularity. I I couldn't explain to any of them why I decided to stop performing, and many of them told me: «You're crazy! You just began to «plow your field» here and suddenly decided to go to God knows where, where no one had heard anything about you! «Nevertheless, I went to London, firmly convinced of the truth of the vision. In London I was a stranger. I wandered around streets where people kept asking me: «Are you sure you know what you came here for? Are you sure that no one is fooling you, that this is a true vision, a genuine instruction from God?» So you see, Eddie, what you have to fight with while you're still young. But hold fast, my boy, to your faith in God to guide you, and not to voices or any messages that do not correspond to His written Word as revealed to us by Jesus Christ».

Мне явился прекрасный ангел – или кто-то, кто выглядел, по моему мнению, как настоящий ангел. Он говорил точно так же, как те, кто явился Корнилию или Маноаху. Он сказал мне, что у меня будет все, о чем я мечтаю. «О чем ты просил, Эдди? Ты боялся?» «Нет, сэр, потому что это Бог говорил со мной. Я помню то место в Библии, где сказано: «Если ты призовешь меня, я услышу», и я поверил этому, и я до сих пор верю этому. После мне явился ангел, у меня были трудности в школе. Однако, когда они заговорили внутри меня «тихими голосами» и велели мне спать, чтобы они могли мне помочь, у меня больше не было проблем с учебой. Чтобы выучить уроки, все, что мне нужно было сделать, это заснуть на несколько минут. Поскольку я довольно хорошо разбирался в библейских фактах или, по крайней мере, в некоторых из них, священник спросил меня, хочу ли я составить список вопросов о Библии и записал их на бумаге. Через некоторое время я так и сделал». «А какие вопросы ты записал, Эдди?» «Насколько я помню, что-то вроде: Кто был высокомерным и дерзким? Как звали мать Моисея? Как звали Иосифа до того, как Моисей назвал его Иосифом? И тому подобное». «Очень хорошо, – сказал г-н Муди. – Я бы сказал, что это нормальные вопросы от человека, который хочет получить знания от чтения. А что говорят те люди, которые считают глупым ваш вопрос о том, говорил ли с ними когда-либо Бог?» «Видите ли, мистер Муди, я, как и многие другие мальчики, был влюблен в девушку. Когда она посмеялась надо мной за то, что я рассказал ей то, что я сейчас сказал тебе, я пошел к ее отцу –

он врач. Он думал, что это все ерунда. Я пытался оправдать себя тем, что узнал из Священного Писания, потому что чувствовал, что со мной происходит нечто подобное тому, что происходило с древними людьми. Потом он вошел в церковь и спросил старейшин. Мне сказали, что мне не следует говорить о таких вещах, но некоторые люди направили меня к священникам. Однако многие мне говорили, что я не свой, и очень трудно жить рядом с людьми, которые тебе не верят. Вот почему мне приходится молчать об этих вещах, и это меня время от времени беспокоит. Однако я так не думаю, мистер Муди. Это совсем не то, что мне нужно. Я, правда, видел своего умершего дедушку и разговаривал с ним, но я не просил об этом Бога и не думал, что такое произойдет. В то же время я ожидал видения, которое произошло тогда в лесу». «Почему ты ожидал, что произойдет что-то подобное, Эдди?» «В результате я стал обращаться то к одному, то к другому. Я встретился с ними и задал каждому священнику один и тот же вопрос. Все они, кроме тебя, говорили мне, что я глуп и очень склонен к спиритизму или тому подобному, как и Саул, который ходил к Аэндорской Ведьме. Я верю Библии, и там сказано, что Он ответит, если мы призовем Его. Я имею в виду, что мы услышим Его». «Ну, Эдди, в моей жизни были люди, которые рассказывали мне, что с ними происходило что-то подобное. Некоторые люди сообщают, что они так или иначе получают различные сообщения. Многие, я уверен, очень искренни в этой вере, однако Библия говорит нам: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но ведут к смерти». Там также сказано, что, если слепой поведет слепого, они оба упадут в яму. Однако я хочу ответить на вопрос, который вы задали мне вчера. Я уверен, что вы захотите услышать всю историю. Знаешь, Эдди, есть заповеди, данные Богом Моисею относительно тех, кто знаком с духами и является магами. Посмотрите Левит 20:27, там говорится: «Если мужчина или женщина вызовет мертвых или будет заниматься магией, они должны быть преданы смерти; их будут побивать камнями; кровь их будет на них». Я, конечно, не придерживаюсь такого мнения, но можно предположить, что некоторые люди, способные общаться с умершими или призывать силы тьмы, независимо от того, каким образом они приобрели эту способность, могут не угодить Богу. Однако в 12:6 говорится, что Бог говорит с Аароном и Мирьям устами Моисея:

«И сказал Он: «Слушайте слова Мои: если будет среди вас пророк Господень, Я откроюсь ему в видении, я поговорю с ним во сне». Эти слова, на мой взгляд, очень разные и происходят из совершенно другого источника, и их можно принять. Вопрос в следующем: контролируется ли Богом жизнь человека, утверждающего, что он может иметь подобные видения?» Затем мистер Муди рассказал мне о том, что происходило в его жизни. «Несколько лет назад я приехал в Кливленд на встречу, которая должна была продлиться несколько недель. Мы пришли очень взволнованные, дали великолепное выступление и получили восторженный отклик публики, но однажды ночью, всего через несколько дней после начала встречи, мне сказали во сне: «Немедленно оставь свои выступления и отправляйся в Лондон, Англия». Я там никогда не был и, более того, никогда не видел, чтобы кто-нибудь там проявлял интерес к моей работе. Этот сон был очень необычным, но я верил в свое видение, потому что верил, что это было желание Бога для моей работы. На следующий вечер я объявил, что встречи окончены. Многие мои партнеры считали меня очень глупым человеком, так как на тот момент я был очень молод и еще не добился большой популярности. Я никому из них не мог объяснить, почему решил прекратить выступления, и многие из них говорили мне: «Ты сошел с ума! Вы только начали здесь «пахать поле» и вдруг решили отправиться черт знает куда, где о вас никто ничего не слышал!» Тем не менее, я поехал в Лондон, твердо убежденный в истинности видения. В Лондоне я был чужаком. Я бродил по улицам, где люди все время спрашивали меня: «Ты уверен, что знаешь, зачем пришел сюда? Ты уверен, что никто вас не обманывает, что это истинное видение, подлинное наставление Божие?» Итак, ты видишь, Эдди, с чем тебе приходится бороться, пока ты еще молод. Но держись, мой мальчик, своей веры в Бога, который будет вести тебя, а не голосов или каких-либо сообщений, которые не соответствуют Его написанному Слову, как открыл нам Иисус Христос».

В этом диалоге отчетливо выражены те ощущения, которые переживали оба человека – девятнадцатилетний Эдгар и уже умудренный опытом мистер Муди, чья вера в Бога и знание Библии лишь подтверждали его жизненные позиции, в которых верность религиозным истинам сливалась воедино с жизненными ценностями. Впервые в жизни Эдгара Кейси его знание Библии и пока еще относительная

религиозная культура слились в духовном союзе, обогащая его жизненные впечатления актами религиозного сознания. В том же разговоре с мистером Муди «*сон», «сновидения*» приобретают для Эдгара ключевые функции. Восприятие всего происходившего в его жизни после многочисленных диалогов с мистером Муди приобрело гораздо более осознанный характер, хотя, как покажет время, эффективность его влияния на тех, кому он помогал, пребывая во сне, сильно разнилась с ощущениями самого Кейси. Другими словами, в годы зрелости, накопив мощный инструментарий *целительства и пророчества,* Эдгар так и остался в неведении относительно того, как это происходит и как конкретно ему удается то, что недоступно остальным смертным. Эдгар вспоминает о самом главном недоумении, которое исчезло, когда его старший собеседник рассказал ему историю, случившуюся с ним в Лондоне. Суть рассказа привела Эдгара к убеждению, что обращение к нему *«посланников Господа»* не следует воспринимать слишком утилитарно! Воспринимая каждый ощущаемый им акт бытия, в котором присутствие невидимых посланников – реальность, ему следует присматриваться прежде всего к окружающей жизни. В ней таится ответ на вопрос: *«Почему и зачем все случившееся с тобой произошло? Где и когда случится предначертанное в послании действо?»*

Между тем мистер Муди продолжил свой рассказ:

> One day, having already arrived in London, having been in the city for a considerable time, without knowing what I should do here, having submitted to the will of the Lord. I entered a more modest area of \this large city. Directly in front of me was a window, on the windowsill of which a wonderful flower bloomed magnificently. beautiful geranium. I was attracted by its unusual color. As I came closer, I heard a beautiful voice singing «Sweet Hour of Prayer.» I stopped to listen, and then felt a strong desire to climb the stairs and find the one who was singing. At the top was the door was open, from which a wonderful song flowed. I looked inside, asking if I might be allowed to join in the singing. And I saw a little lame girl there, who said: «Oh, Mr. Moody, it's you! I knew that God would answer my prayer and send you here. I read about you in one of our newspapers and prayed that you would come to London in a few weeks.» My story of faith in London began right there, in that little girl's room. I knew that God was speaking to me. I I don't know what channel He used, but I heard a message from Him, His voice, telling me to go to this child who was praying to Him for the Light and to meet me. So, Eddie, you can be sure that I don't count you stupid.»
>
> Однажды, уже прибыв в Лондон, находясь в городе уже значительное время, вне ведении, что я здесь должен делать, подчинившись воле Господа. Я зашел в более скромный район этого большого города. Прямо передо мной находилось окно, на подоконнике которого пышно цвела удивительно красивая герань. Я был привлечен ее необычным цветом. Когда я подошел поближе, то услышал прекрасный голос, который пел «Сладкий час молитвы». Я остановился послушать, а затем, ощутил сильное желание подняться по лестнице и найти того, кто пел. Наверху была открыта дверь, откуда лилась дивная песня. Я заглянул внутрь, спрашивая, не позволено ли мне присоединиться к поющему. И я увидел там маленькую хромую девочку, которая сказала: «О, мистер Муди, это вы! Я знала, что Бог ответит на мою молитву и пошлет вас сюда. Я читала о вас в одной из наших газет и молилась о том, чтобы вы через несколько недель приехали в Лондон». Мой рассказ об акте веры в Лондоне воплотился тут же, в комнате той маленькой девочки. Я знал, что со мной говорил Бог. Я не знаю, какой канал Он использовал, но я слышал сообщение от Него, Его голос, приказавший мне пойти к этому ребенку, молившемуся ему о Свете и о встрече со мной. Так что, Эдди, ты можешь быть уверен, что я не считаю тебя глупым».

Диалоги с мистером Муди фактически закрепили в душе Эдгара Кейси духовные смыслы тех событий, которые уже были им пережиты, и тех, которые ему еще предстояло пережить в будущем.

Шли годы, и Эдгар Кейси, как и всякий молодой человек, будучи юным, не чурался дружеского общения со своими сверстниками, продолжая работать в том же книжном магазине мистера Гарри Хоппера (Harry Hopper). Тогда же он знакомится с девушкой по имени Гертруда (Gertrude), которая, как ему показалось, могла бы составить его семейное счастье. В традициях тех лет и мест, Эдгар собирается сделать ей предложение, но тут возникли неожиданные трудности. Хозяин книжного магазина уезжает из города, и бизнес терпит изменения. Эдгару предстоит найти другую работу, что оказалось делом непростым. В ожидании перемен в своей жизни Эдгар энергично

продолжает поиски. Он думает уже не только о работе в своем городе Хопкинсвилл, но и за его пределами. Когда тебе девятнадцать лет, тебя мало что останавливает. Но Гертруда...

После помолвки, предложение о которой девушка встретила благосклонно, в ее семье возникли горькие события – сначала умер дедушка, а затем бабушка Гертруды. О свадьбе в ближайшее время думать не приходилось. Вместе с тем неожиданные проблемы в жизни Эдгара заставили его действовать энергично, хотя пока и безрезультатно. Расширив диапазон своих поисков, Эдгар останавливается на городе Луисвилле в штате Кентукки (Louisville, Kentucky) и отправляет туда письмо с готовностью занять место оптового торговца книгами и писчей бумагой. Эдгар получает ответ, в котором сообщается, что в настоящее время вакансий нет, но его заявку «*положили в запас*» на тот случай, если нужда торговой компании в новых кадрах станет реальной. И все же ему повезло! Вскоре он получает приглашение приехать и приступить к работе.

> ...I asked them to send me the catalog... and I got acquainted with it using the same method that I once used at school, after meeting the Angel – I read a little and fell asleep on it. When I woke up, I already knew its contents completely. I still remember quite a large fragment of this catalog from 1898...
>
> ...Я их попросил прислать каталог... и ознакомился с ним тем же самым методом, который когда-то использовал в школе, после встречи с Ангелом – немного прочитал и заснул на нем. Проснувшись, я уже полностью знал его содержание. Я до сих пор помню довольно большой фрагмент этого каталога 1898 года...

Встреча с Ангелом сначала радикально повлияла на его положение с учебой, а позднее и на его деловую практику, когда сон становится *ключевым фактором* в его деятельности. Не понимая сути возникавших и в самом деле радикальных перемен в жизни, Кейси прибегает к этому «*методу*», оказавшемуся эффективным в такой же мере, каким он был непонятным для него и для окружающих его людей...

Однако предстояла встреча с Гертрудой и рассказ ей о будущей поездке в Луисвилл за две тысячи километров от Хопкинсвилля, столь для него близкого и дорогого душе городка, где происходили значительные события в его жизни. Тогда Эдгар понимал, что причины печали Гертруды и ее сдержанности заслуживали только уважения. К тому же Эдгар отлично знал, что неопределенность с его заработками в Луисвилле, где предстояло найти квартиру, обустроить быт, показать свои деловые навыки хозяевам компании, пригласившим его в этот далекий город, нельзя было обрушивать на хрупкие плечи любимой девушки.

> When I came to the company on Monday, the head of the company sent for me. I will never forget our first conversation with the manager, Mr. Griswold. He asked: «Why did you come here? Are you having any trouble at home?» I told him sincerely that my goal was to see the world, meet many of my fellow men, and, if possible, get a better job. I did not ask him what compensation I could expect for my work at this company. «No one has ever come here to hire with a reference like yours,» Mr. Griswold said. But you will have to prove that we were not mistaken, and we can only pay you five dollars a week.» «But I have to pay the exact same amount for room and board!» – I told him. «Then what will I have left to pay for travel or laundry?» «Move to a cheaper place,» Mr. Griswold replied. «I can't do that,» I told him. «Even with people who know my family, it's hard enough to live with. I'm sure a cheaper place

won't be good.» a haven for me.» «Okay, we'll see what we can do for you, but five dollars is all we can offer you to get started.»

Когда я пришел на фирму в понедельник, глава компании послал за мной. Я никогда не забуду нашу первую беседу с управляющим, мистером Грисуолдом. Он спросил: «Почему вы приехали сюда? У вас дома возникли какие-то неприятности?» Я искренне ответил ему, что моей целью было увидеть мир, познакомиться с многими из моих собратьев и, если получится, получить более хорошую работу. Я не спросил его, какое вознаграждение я мог бы ожидать за свою работу на этой фирме. «Никто никогда не приезжал сюда наниматься на работу с такими рекомендациями, как у вас, – сказал мистер Грисуолд. – Но вам придется доказать, что мы не ошиблись, и мы сможем платить вам только пять долларов в неделю». «Но я должен заплатить точно такую же сумму за комнату и питание! – сказал я ему. – Что же тогда мне останется платить за проезд или прачечную?» «Переезжайте в более дешевое место», – ответил мне мистер Грисуолд. «Я не могу сделать этого, – сказал я ему. – Даже с теми, кто знает мою семью, жить достаточно трудно. Я уверен, что более дешевое место не будет хорошим пристанищем для меня». «Хорошо, мы посмотрим, что можно для вас сделать, но пять долларов – это все, что мы можем предложить вам для начала».

Надо признать, что, прибыв в Луисвилл в субботу, когда бессмысленно было искать место новой работы, а необходимо было подумать о бытовом устройстве, Эдгар быстро нашел пансион в частном здании, обратившись к газетным объявлениям. Хозяйка встретила его приветливо, сообщив, что пять долларов в месяц – это цена, которую она просит за отдельную комнату в своем пансионе. Положение ожидалось крайне трудное, если учесть, что позднее Эдгару было сообщено хозяином компании, что пять долларов ежемесячно ему предстояло получать за его услуги оптового продавца писчей бумаги. Тем не менее, обустроившись в пансионате, Эдгар сразу же отправился в воскресную школу. Познакомился с тамошним священником, с радостью узнав, что много лет назад тот трудился в Хопкинсвилле и неплохо знал тамошних жителей, с которыми и сам Эдгар был знаком. Позднее мы узнаем из его биографии, что, посещая воскресную школу, Эдгар быстро завоевал авторитет и любовь своих новых

сограждан. Тем не менее сложности его трудового самоопределения были реальностью, и, как выбираться из этих сложных обстоятельств, предстояло решать только ему самому. Однако...

The next Sunday, when I received five dollars of my first paycheck and brought it to pay the landlady, she said: «Now only three fifty. The store where you work will pay the rest.»

В следующее воскресенье, когда я получил пять долларов своей первой зарплаты и принес ее, чтобы заплатить домовладелице, она сказала: «Теперь только три пятьдесят. Магазин, где вы работаете, оплатит остальное.»

Несомненно, это было удачей! Оставшиеся полтора доллара можно было заплатить хозяйке за питание, которое она гарантировала своим квартирантам. Теперь можно было подумать о любимой Гертруде, оставшейся в Хопкинсвилле.

Каждую неделю Эдгар отправлял туда письма, рассказывая невесте о своей жизни, но более всего о своей любви к ней. Разумеется, он не писал ей о том, как выходил из сложных тисков нищеты. Тем не менее ему удалось довольно быстро найти магазин, где продавались рамы для картин и показать свои навыки, которые он обрел, трудясь у мистера Гарри Хоппера в книжном магазине. Удивить своими навыками общения с покупателями Эдгар сумел, и его взяли с большим удовольствием на вечернее время, что сильно помогло ему «свести концы с концами». Он иной раз зарабатывал здесь гораздо больше, чем на своей работе оптового торговца в компании мистера Грисуолда. А тут еще подвернулся продавец билетов в привокзальной кассе, который предложил Эдгару помогать ему в субботние дни, когда возникали большие очереди на местные поезда, и он согласился. Ну кто откажется от гарантированных трех долларов каждую субботу, когда было время?

Между тем жизнь в Луисвилле была полна самых неожиданных явлений для Эдгара, который считал себя «неотесанным деревенским парнем». Однако он уже обладал привычками предупредительного, аккуратного, вежливого и умеющего внимательно слушать человека. Нередко возникали обстоятельства, в которых именно эти качества, выработанные еще в практике работы в книжном магазине в Хопкинсвилле, привели к неожиданным для него открытиям. Эдгар

в вадцать лет не был неловким увальнем. Он быстро и точно двигался. Умело задавал уточняющие вопросы покупателям. Превосходно ориентировался в каталогах компании. Знал точное расположение товаров на территории хранилища. Все это ему пригодилось, когда однажды в магазин мистера Грисуолда пришла... Впрочем, пусть об этом расскажет сам Эдгар Кейси:

> One day a lady came into the store, and I was sent to the room where the samples were displayed to serve her. She was a very nice woman, and she ordered what I think, apart from the price, were the best goods the company had – urns and the best toiletries. The order amounted to several hundred dollars. She said, «Send them over and put them on my account. She handed me her card – her name was Margaret – and she asked me what my name was...»

> Однажды в магазин пришла дама, и меня послали в зал, где были выставлены образцы, чтобы обслужить ее. Это была очень приятная женщина, и она заказала, как мне кажется, если не смотреть на цену, лучшие товары, какие только были в компании, – урны и самые лучшие туалетные принадлежности. Заказ составил несколько сотен долларов. Она сказала: «Отправьте их и запишите на мой счет». Она вручила мне свою карточку – ее звали Маргарет – и она спросила, как меня зовут...»

Этот эпизод из биографии был для Эдгара большой неожиданностью. Более того, дальнейшее развитие событий заставили его искренне удивиться превратностям жизни, в которой он в то время своей молодости изо всех сил старался заработать каждый доллар. Эдгар жаждал приблизить тот счастливый час, когда его любимая Гертруда смогла бы приехать к нему в Луисвилл и они наконец-то соединились бы в счастливом браке. Еженедельные письма, которые Эдгар писал к ней, продолжали рассказывать о его любви, но денег это не прибавляло. Он напряженно работал и вот...

> When I handed the order to the employee from the credit department, he said: «You made a good impression on the richest girl in this city. Something will happen, boy!» The next day, Mr. Griswold called me into his office. «Eddie,» he said, «you are very different from the other employees. You have managed to interest a person in our products whom we have been trying to attract for several years. A young lady you have clearly succeeded in attracting.» to make a good impression, wants to meet you, so you and I are invited to dinner at her father's house tonight. We will be taken in her carriage. They'll pick me up first, and I'll pick you up. What's your address?» «929 Encore,» I said. «Very good, but I don't have anything to wear to visit a house like hers.» How could a man, I thought, with a salary of seven dollars, fifty cents a week, a farm boy, have clothes suitable for such a place? I have the only boots I'm wearing and my going-out suit, which is not much different from the one I wear every day. I was confused.

> Когда я передал заказ служащему из кредитного отдела, он сказал: «Ты произвел хорошее впечатление на самую богатую девушку в этом городе. Что-то будет, парень!» На следующий день мистер Грисуолд вызвал меня в свой кабинет. «Эдди, – сказал он, – ты очень отличаешься от других сотрудников. Тебе удалось заинтересовать нашими товарами человека, которого мы пытались привлечь в течение нескольких лет. Молодая особа, на которую вы явно сумели произвести хорошее впечатление, хочет встретиться с вами, так что мы с вами сегодня вечером приглашены на ужин в дом ее отца. Нас доставят в ее экипаже. Сначала они заедут за мной, а я уже заберу вас. Какой у вас адрес?» «929 Бис, – сказал я. – Очень хорошо, но у меня нет ничего из одежды, чтобы пойти в гости в такой дом, как у нее». «Как мог человек, – подумал я, – с зарплатой семь долларов, пятьдесят центов в неделю, парень с фермы, иметь одежду, подходящую для такого места?» У меня единственные ботинки, которые на мне, и мой выходной костюм, который мало чем отличается от того, который я ношу каждый день. Я был растерян.

Хозяин компании, где работал Эдгар, не желал терять шанса, которым его наградил этот «*деревенский парень*», неведомо как обративший на себя внимание самой богатой покупательницы. Эдгару был куплен новый костюм, тут же повышена зарплата до уровня десяти долларов. Они оба отправились в богатый дом, чтобы закрепить любознательность покупательницы, внимание которой к персоналу магазина оказалось таким эффективным.

Разговоры в богатом доме со множеством слуг вызвали у Эдгара немало трудностей. Ему пришлось внимательно приглядываться к тем, кто сидел с ним за обеденным столом, чтобы не оконфузиться, но Маргарет оказалась очень доброжелательной и осторожно

подсказывала ему в моменты возникавшего конфуза. Ее родители поинтересовались, откуда Эдгар приехал, и, узнав, что он из Хопкинсвилля, заметили, что в тех местах выращивается табак, что немного подстегнуло Эдгара, отлично знакомого с растением, которое выращивал его дед. Некоторое время Эдгар общался с Маргарет, и она заинтересовалась его рассказом о воскресной школе Луисвилля, которую он исправно посещал каждую неделю. Позднее она стала часто приходить на воскресные службы, и Эдгар с Маргарет подружились.

Круг общения Эдгара расширился. В пансионе жили студенты, художница, молодой врач и тот самый парень из привокзальной кассы, который предложил Эдгару неожиданный заработок. Неплохо шла работа Эдгара в компании мистера Грисуолда. Росла и его зарплата. Казалось бы, постепенно приближалась его мечта о женитьбе. Однако требовательность Эдгара к себе, перед этим важным актом его жизни, была очень высокой. Ему было еще не под силу оплачивать отдельный дом, в который он мог бы привести свою молодую жену. Требовалось время, терпение и старание, итогом которых мог стать материальный достаток. Но до него было еще так далеко, несмотря на перемены в жизни Эдгара Кейси.

Знакомство с Маргарет и с ее семьей стало сильно утруждать жизнь Эдгара. У окружавших его сверстников появились подозрения, что в этой связи возникли некие перспективы брака. Это обстоятельство сильно встревожило Эдгара. А тут еще и отец решил привлечь сына к страховому бизнесу, которым занимался сам. Он предложил Эдгару оставить работу у мистера Грисуолда и начать совместно с ним разъезжать по местным городкам. Кризис в отношениях с Маргарет оказался уместным для смены занятий и места проживания, тем более что отец все-таки настоял на их совместном сотрудничестве, Эдгар снова вернулся к оптовой торговле и весьма успешно занимался делами, пока не почувствовал *недомогание*. Его стали преследовать стойкие головные боли. Состояние не поддавалось никакому объяснению, а обращение к врачам не приводило к улучшению здоровья. В конечном итоге он оказался с теми же симптомами дома в Хопкинсвилле. Вот что он пишет в своей биографии:

> At home, I finally managed to fall asleep naturally. When I woke up the next day, I could only speak in a whisper. But it wasn't a cold. The doctor called it «aphonia.» Nothing helped me. I consulted many doctors in my city and in other places - all in vain. Margaret even called a specialist from abroad to examine me, but nothing helped me. I started losing weight. I had no voice and for 12 months or more I could hardly speak, I had to almost whisper. We tried everything, but for a whole year my health continued to deteriorate, so that in the end I could not say anything even in a whisper.

> Дома мне наконец удалось заснуть естественным образом. Когда на следующий день я проснулся, то мог говорить только шепотом. Но это не была простуда. Доктор назвал это «афонией». Мне ничего не помогало. Я консультировался со многими врачами в моем городе и в других местах – все было напрасно. Маргарет даже вызвала специалиста из-за границы, чтобы тот осмотрел меня, но мне ничего не помогало. Я начал худеть. У меня не было голоса, и в течение 12 месяцев или даже дольше я практически не мог говорить, мне приходилось почти шептать. Мы перепробовали все, но в течение целого года состояние моего здоровья продолжало ухудшаться, так что в конце концов я не мог ничего произнести даже шепотом.

Работать и общаться с людьми Эдгар не мог, ограничив себя четырьмя стенами дома. Родители и близкие сочувствовали ему, готовясь к нелегкой судьбе юноши. Случилось это в 1901 году. Нетрудно представить состояние 23-летнего молодого человека, потерявшего голос, вынужденного месяцами проводить время в одиночестве...

III.

В Хопкинсвилл приехал некий гастролер-гипнотизер. Он приглашал в зал местной оперы жителей городка на свои представления. В то время гипноз был явлением магическим, цирковым, еще не обнаружившим в полной мере свои лечебные свойства. Наверное, гипнотизер был человеком честолюбивым и наслаждался своею властью над людьми, которых он взмахом рук и пристальным взглядом погружал в публичный сон. Вряд ли он претендовал на лавры медика-психиатра. Скорее всего, ему было достаточно слыть искусным медиумом, развлекая зрителей. Однако о недуге Эдгара Кейси он узнал. Пригласив его на сцену, гипнотизер попытался вернуть голос. На что рассчитывал Эдгар – сказать трудно. Скорее всего, он согласился

на публичный эксперимент от отчаяния. Юноша был введен гипнотизером в транс, и зрители вскоре услышали его голос, избавленный от недуга. Однако с пробуждением, после сеанса гипноза, голос не вернулся. Подавленный и огорченный, Эдгар ушел домой, а гипнотизер уехал из города, не оставив ему никаких надежд на выздоровление. Этот эпизод в биографии Эдгара Кейси приближает нас к пониманию феномена, названного им самим словом «чтение». Все, происходившее с ним в возрасте 23 лет, следует отнести к событиям, суть которых так и не была отчетливо выяснена исследователями. Психология, впрочем, как и психиатрия, в начале XX века, как отрасль медицины во многом были развиты недостаточно, хотя искусство погружения в гипнотический сон и все манипуляции, связанные с погружением в искусственный сон человека, уже широко применялись заезжими медиумами. Гипноз, будучи инструментом не столько практикующих врачей, сколько разъезжающих гастролеров-циркачей, не мог в полной мере отражать научные взгляды специалистов, обращавшихся к нему как к научному методу. Тем не менее живший тогда в Хопкинсвилле Алберт Лэйн (Albert Lane), местный врач-психотерапевт, владевший навыками гипноза, оказался свидетелем публичного эксперимента заезжего медиума. Он предложил Эдгару лечиться тем же способом. Врач полагал, что был шанс вернуть Эдгару голос. Ведь, введенный на сцене в гипнотический сон, Кейси заговорил приятным баритоном, и сотни зрителей слышали его голос, уже не сдерживаемый долгим недугом. Вот как описывает сам Эдгар Кейси все эти драматические обстоятельства своей биографии.

> I tried to take it as calmly as possible, because I felt that something was wrong in my spiritual life. It gave me an opportunity to review in my mind all the events of my childhood and youth. A few days before this incident, I had turned 23. Many people were praying for me. It was real torture to hear people pitying me while walking down the street. I felt quite normal, so I knew that I had to find a job. I tried to become a door-to-door salesman, but it was too difficult. Finally, I began working in a photo studio where I was learning photography. At that time, a hypnotist gave me a guarantee that he would cure me if I allowed him to hypnotize me. He hypnotized me in the presence of several local residents, including a professor of psychology at one of the colleges. Under hypnosis, I was able to speak, but when I was brought out of this

> state, my voice was gone again. The constant attempts to hypnotize me seemed to agitate my nervous system. I could not sleep, so these sessions had to be stopped. However, since this experience was witnessed by many people, I was written about in the local newspaper. I was visited by a famous doctor from New York, Dr. Quackenbash. He was an advocate of hypnosis and tried this method on me, but without result. Then he wrote down many events of my childhood and was especially interested in how I studied my lessons by falling asleep on my textbooks. Returning to New York, he wrote to a local professor of psychology and his partner that, in his opinion, I was capable of autohypnosis. He suggested that if I put myself into a sleep state, as I had done with my lessons, and someone said to me, «Examine yourself and tell us what is the cause of this illness and how it can be cured.» Several months of illness had brought me to the point where I could not even whisper, and many believed that I had rapid consumption. I begged my mother and father to allow the man who had hypnotized me to try the experiment suggested by Dr. Quackenbash. Finally, I convinced my parents of the necessity of the experiment. On the Sunday afternoon when the séance took place, there was no one in the house except my mother, father, the hypnotist Al Lane, and myself. I told Mr. Lane about my childhood experiences, how as a child I used to fall asleep on my school books, and how I was sure that I could enter an unconscious trance, since I already felt inside myself a state similar to the state of hypnosis. It arose before I went into sleep. He suggested that if I could put myself into a trance, and someone nearby would talk to me, ask me questions about the disease, I could tell what the problem was and how to cure the disease. Can you imagine what that meant to me? I lay down on the couch and did what later became known as «reading» for the first time."

Я старался принять случившееся как можно спокойнее, поскольку чувствовал, что в моей духовной жизни что-то неправильно. Это дало мне возможность мысленно пересмотреть все события детства и юности. За несколько дней до этого происшествия мне исполнилось 23 года. Много людей молилось за меня. Это была настоящая пытка – слышать, идя по улице, как люди жалеют меня. Я чувствовал себя вполне нормально, поэтому понимал, что мне необходимо найти работу. Я пробовал заняться коммивояжерством, но это было слишком трудно. Наконец я начал

работать в фотостудии, где учился фотографировать. В то время один гипнотизер дал гарантию, что вылечит меня, если я позволю ему загипнотизировать меня. Он гипнотизировал меня в присутствии нескольких местных жителей, включая преподавателя психологии одного из колледжей. Находясь под гипнозом, я был в состоянии говорить, но, когда меня вывели из этого состояния, голос снова пропал. Постоянные попытки загипнотизировать меня, казалось, взбудораживали мою нервную систему. Я не мог спать, поэтому эти сеансы пришлось прекратить. Тем не менее, поскольку этот опыт был засвидетельствован многими людьми, обо мне написали в местной газете. Меня посетил известный врач из Нью-Йорка, доктор Квакенбаш. Он был сторонником гипноза и опробовал на мне этот метод, но безрезультатно. Затем он записал многие события моего детства и особенно заинтересовался тем, как я учил уроки, засыпая на учебниках. Вернувшись в Нью-Йорк, он написал местному профессору психологии и своему партнеру о том, что, по его мнению, я способен на аутогипноз. Он предположил, что, если я введу себя в состояние сна, как это произошло в том случае с уроками, и кто-нибудь скажет мне: «Осмотри себя и скажи нам, в чем причина болезни и чем ее можно вылечить». Несколько месяцев болезни привели к тому, что я не мог даже шептать, и ногие считали, что у меня скоротечная чахотка. Я умолял мать и отца позволить тому человеку, который загипнотизировал меня, провести предложенный доктором Квакенбашем эксперимент. Наконец я убедил моих родителей в необходимости этого опыта. В тот воскресный день, когда происходил сеанс, в доме никого не было кроме матери, отца, гипнотизера Аль Лэйна и меня. Я рассказал мистеру Лэйну о том, что происходило со мной в детстве, как я, будучи ребенком, засыпал на школьных учебниках, и о том, что я уверен, что смогу войти в бессознательный транс, поскольку уже ощущал внутри состояние, похожее на состояние под гипнозом. Оно возникало перед тем, как я погружался в сон. Он предположил, что, если я сам смогу ввести себя в состояние транса, а кто-нибудь, находящийся в этот момент рядом, заговорит со мной, задаст вопросы о болезни, я мог бы сказать, в чем проблема и как вылечить болезнь. Можете представить, что это означало для меня? Я лег на кушетку и впервые выполнил то, что впоследствии стало называться «чтением».

Итак, гипотеза врача практически подтвердилась. Эдгар лег на кушетку и через очень короткое время заснул. Мистер Лэйн начал говорить с ним о его горле, задавая вопросы, связанные с его недугом. Эдгар отвечал ему звучным голосом. Описал состояние своего горла, назвал причину заболевания и средство, которым можно его вылечить. Из слов Эдгара следовало, что главной проблемой в функции горла и голосовых связок была крайне затруднительная проходимость воздуха в гортани. Если убрать возникшие там скопления и не допускать этой непроходимости, можно избавиться от потери голоса. В результате состояние горла нормализуется и голосовые связки заработают правильно. Доктор Лэйн спросил его, можно ли это сделать и как, на что Эдгар ответил утвердительно, изложив свои рекомендации. Он добавил, что следует ждать улучшения состояния и постепенного выздоровления. После короткого сеанса мистер Лэйн сказал ему, что пора проснуться, и Эдгар это сделал. Пробудившись от самогипноза, он заговорил достаточно звучным голосом. Это вызвало в нем прилив оптимизма, потому что после пробуждения его голос не пропал. Эдгар был счастлив и горд собой, однако все случившееся с ним было совершенно ему непонятно! Размышляя над этим фактом, Эдгар задавался вопросом, как он, человек, не знающий анатомии горла, функций голосовых связок, так уверенно излагал те события, которые происходили в его голосовом аппарате? Это было невероятно! Тем не менее...

When I woke up, when Mr. Lane asked if I could see myself in a moment of trance, I said: «Yes, I can see my throat. In normal physical condition, this is unable to speak due to partial paralysis of the lower muscles of the vocal cords caused by nervous strain. The physical illness was a consequence of the psychological condition. This disease can be cured by increasing blood circulation to the affected area during a state of unconscious trance. After five or ten minutes, I said,» Everything is all right.» Then he ordered me to wake up at the time he had clearly indicated. I woke up almost effortlessly and could speak clearly and loudly.

Когда я пробудился, на вопрос мистера Лэйна, вижу ли я себя в момент транса, я сказал: “Да, я вижу свое горло. В нормальном физическом состоянии оно неспособно говорить из-за частичного паралича нижних мышц голосовых связок, вызванного нервным

перенапряжением. Телесное заболевание стало последствием психологического состояния. Это заболевание может быть излечено посредством увеличения кровообращения в пораженной области во время состояния бессознательного транса. Как мне сказали, через пять или десять минут я произнес: «Все в порядке». Тогда он приказал мне пробудиться в четко обозначенное им время. Я проснулся практически без усилий и мог говорить ясно и громко.

Этот сеанс проходил в присутствии матери Эдгара. Возбужденный успехом этого необычного эксперимента, Кейси, оставшись с матерью один на один в комнате, сказал, что обязан доктору Лэйну счастливым исходом своего недомоган

After a moment of silence, the mother said with conviction: «Dr. Lane has nothing to do with it! You should thank God!»

Помолчав, мать убежденно произнесла: «Доктор Лэйн тут ни причем! Ты должен благодарить Бога!»

Судя по всему, все случившееся тогда и в самом деле не поддавалось никакому рациональному объяснению. Масса всех прочих болезней, с которыми вольно или невольно сталкивался Эдгар Кейси, в период своих «*чтений*», избавляя сотни заболевших от страданий, были ему подвластны. Однако, пробуждаясь, он не мог как-либо прокомментировать их суть и причины. Он не был в состоянии вспомнить тех, кто обращался к нему за помощью. Вместе с тем опыт его пророческих высказываний в состоянии гипнотического сна *возрастал*. Погружаясь в сон по собственному желанию ради того, чтобы проникнуть в недра телесных недугов своих пациентов, он был готов проникнуть за пределы своего времени и обыденного пространства. Чтобы погрузиться в прошлое и будущее глобального бытия ему требовалось несколько минут. Реальность его *духовного организма* становилась универсальным инструментом проникновения в бескрайние просторы знаний, отражая или конкретные проблемы конкретного пациента, помогая его спасти, или глобальные явления, которые он прослеживал, в бескрайних просторах времени. Этот фантастический опыт казался невероятным для смертных. Таковым он казался и для него самого, когда Эдгар Кейси пробуждался и слышал пересказ свидетелей его «чтений». Вступив на тропу своей всемирной славы «спящего пророка и целителя», он оставался в неведении тех истоков, к которым

его духовная сущность подключалась. Из бездонных кладезей знаний Эдгаром Кейси извлекались те, сумма которых давала шанс *спасти пациента*. Или те знания, которые рассказывали о прошлом и будущем глобальных систем, построенных умом и волей миллионов людей Земли...

Однако все начиналось обыденно. Доктор Лэйн предложил Кейси провести несколько сеансов самогипноза. В первом же из них обнаружилась странная особенность в поведении Эдгара. Загипнотизированный он стал отчетливо излагать причины возникновения у него столь тяжелого, затяжного *ларингита* и методику его лечения. По просьбе Лэйна, не успевшего записать все подробности, Кейси снова повторил изложение процедуры лечения своего недуга. Врач-отоларинголог, лечивший Кейси от афонии многие месяцы, ознакомился с диагнозом, записанным со слов Эдгара, пребывающего в гипнозе. Он был поражен медицинской точностью изложения причин и характера его недуга! Предложенные *спящим лекарем* методы лечения самого себя крайне удивили врача. Первоначальные варианты самогипноза Эдгара дали результат *сразу* после его пробуждения, потому что доктор избавил Эдгара Кейси от долгой болезни, использовав услышанные от него рекомендации. Не переставая изумляться случившемуся выздоровлению, врач терялся в догадках. Вместе с тем, в продолжении всей этой ситуации, сам Эдгар Кейси так и оставался вне ведения всего происходившего с ним. Он не знал, что, по сути, сам себя избавил от затяжной болезни, лишившей основного инструмента общения – дара речи. Загадок в его феномене было больше, чем ответов на вопрос: как происходит излечение?

Следующим пациентом Эдгара Кейси оказался сам мистер Лэйн. Эдгар очень удивился, когда врач-психотерапевт попросил поставить ему диагноз. Он страдал желудочным недомоганием и надеялся, что Эдгар предложит ему какие-то способы лечения. Эдгару очень не хотелось этого делать. Он понимал, что не располагает реальными знаниями для такого ответственного акта. Боялся последствий. Однако именно доктору Лэйну пришла в голову мысль предложить Эдгару использовать самогипноз для попытки избавить себя от недуга. Удачу своего излечения он считал заслугой врача, а все разговоры о его собственном соучастии в лечении всерьез не воспринимал. Недоуменно пожав плечами, Эдгар согласился и улегся на диван. Через несколько минут Эдгар вошел в транс, и теперь уже психотерапевт мистер Лэйн

пришел в полное изумление. Эдгар Кейси точно диагностировал его болезнь. Врач-психотерапевт, конечно же, знал об этом все подробности. Между тем Кейси назвал орган, пораженный недугом. Затем назвал причины болезни. Наконец, он предложил курс лечения...

Итак, доктор Алберт Лэйн считается *первооткрывателем* врачебных талантов Эдгара Кейси. Он настаивал на врачебной практике Кейси, используя инструмент самогипноза и «*чтений*». Однако сам Эдгар никак не хотел соглашаться с ним. Природная скромность, совестливость и крайняя ответственность Эдгара, по сути еще очень молодого человека, заставляли его отказываться от предложений доктора Лэйна.

...Лечение доктора Лэйна методами и препаратами, предложенными Эдгаром, пребывавшем в трансе, сам он, конечно же, не считал своей заслугой. Во-первых, после пробуждения он ничего не помнил. Во-вторых, убежденный в своем полном невежестве в медицине и воспитанный на библейских моральных ценностях, христианин Эдгар Кэйси был полон страха за здоровье людей, обращавшихся к нему, ничего не знающему о медицине, за помощью в исцелении. О всех переживаниях, пребывая на пороге своей фантастической биографии, «*спящий лекарь*», которому тогда было не более двадцати трех лет, вспоминает:

> Over the next year, every few days, Mr. Lane asked me to do a 'reading' – tell someone what was going on or what to do in a particular case of illness. I didn't tell anyone about this, because I didn't really believe in all these "readings"; they seemed to me like something fantastic, an absurd invention. But was it really so? These thoughts constantly bothered me. However, Mr. Lane opened an office above his wife's store and began treating people. Often, he would ask me to do a «reading» for someone. I felt that I could not refuse him, because in order to once again regain my voice, which periodically disappeared, I would have to go to Mr. Lane again...
>
> This went on for six months or even more. Mr. Lane organized many «readings» for a variety of people, unknown to me. Sometimes I was asked to come to his office five or six times a week, and each time it meant falling asleep there and talking about someone I knew little or nothing at all. No transcripts have survived from those «readings» for the first few years. I was told that these sessions brought tangible benefits to many. I could not believe this because I had never seen how, through the actions of a hypnotist, it was possible not only to get people to do something that everyone else laughed at, but also to do something else useful. I felt like this was making me a laughing stock. However, after a while, people began to tell me that I had helped them a lot with my "readings", and that they had derived some benefit from them...

> В течение следующего года с промежутком в несколько дней мистер Лэйн просил меня проделать «чтение» – сказать кому-то, что происходит или что делать в том или ином случае заболевания. Я никому не говорил об этом, поскольку не слишком верил во все эти «чтения», мне они казались чем-то фантастическим, нелепой выдумкой. Но так ли это было на самом деле? Эти мысли постоянно беспокоили меня. Однако мистер Лэйн открыл кабинет над магазином своей жены и начал лечить людей. Часто он просил, чтобы я выполнил для кого-то «чтение». Я чувствовал, что не могу отказать ему, потому что, для того чтобы в очередной раз вернуть голос, который периодически пропадал, мне придется снова идти к мистеру Лэйну... Так продолжалось полгода или даже больше. Мистер Лэйн организовал множество «чтений» для самых разных, незнакомых мне людей. Иногда меня просили приехать в его кабинет по пять-шесть раз в неделю, и каждый раз это означало, что я должен засыпать там и говорить о ком-то, кого я почти не знал или не знал вовсе. От тех «чтений» за первые несколько лет не сохранилось никаких стенографических записей. Мне говорили, что эти сеансы многим принесли ощутимую пользу. Я не мог поверить этому, поскольку никогда не видел, как благодаря действиям гипнотизера можно было не просто заставить людей сделать что-то, над чем смеялись все остальные, но и что-то еще полезное. Я чувствовал, что из-за этого я становлюсь посмешищем. Однако через некоторое время люди начали говорить мне, что я очень помог им своими «чтениями», и о том, что они извлекли из них определенную для себя пользу...

Муки совести, как ни странно, привели к тому, что Эдгар решил прекратить эти странные эксперименты и приобрести профессию фотографа. Он собирался открыть фотостудию в городке Пембрук (Pembroke), заняться нормальным бизнесом и не испытывать муки сомнений и чувство вины перед людьми. Он так и сделал. Работа

фотографа была востребована, и он чувствовал себя гораздо спокойнее. Позднее Эдгар переехал в Лафайетт (Lafayette), и дела в фотостудии шли прекрасно! Вскоре его позвал в свой книжный магазин мистер Поттер (Potter) из местечка Боулинг-Грин, штат Кентукки (Bowling Green, Kentucky), и предложил работу. Эдгар с радостью согласился и переехал в этот небольшой городок, где предполагал обосноваться надолго. Ему было двадцать пять лет.

Однако способности Эдгара Кейси не остались без внимания в обществе. А тут неожиданно в городе появился доктор Алберт Лэйн. Эдгар побаивался его влияния на себя, хотя и не забыл о всех тех событиях, связанных с «чтением», и той реальной помощью, которую он, по настоянию доктора Лэйна, оказывал людям, обращавшимся к нему. В городке Боулинг-Грин Эдгар познакомился с Джоном Блэкберном (John Blackburn), молодым доктором, который занимался врачебной практикой. Чуть позднее он познакомился с его братом, дантистом Джо Дартером (Joe Darter) и с доктором Хью Бизли (Hugh Beasley) – отоларингологом.

Общаясь друг с другом, молодые люди невольно могли затронуть успешный опыт целительства Эдгара, и уклониться от этой темы было просто невозможно. Еще при жизни Эдгара в Хопкинсвилле он познакомился с мистером Дитрихом, который был главой средней школы, и его женой. Обоих он уважал, и, когда доктор Лэйн попросил помочь их заболевшей маленькой дочери, отказаться было просто невозможно! Приехав в дом Дитриха и его супруги, Эдгар был смущен крайне интеллигентными манерами хозяев. Он представлялся им как

многоопытный врач, который осмотрит дочь и подскажет, что делать с ее недомоганием. Сам же Эдгар был в полном неведении, как он проведет эту процедуру. Положение и в самом деле было не из легких. Профессор Дитрих не знал всех подробностей в *«методике целительства»* Эдгара, хотя, как и многие, слышал о нем. Тогда его спас доктор Лэйн. Он попросил всех выйти из комнаты девочки, и все случилось...

...Эдгар Кейси и Гертруда поженились и жили в Боулинг-Грин (Bowling Green) в местном пансионате. Они часто общались с горожанами и постепенно молва о способностях к целительству проникла и сюда, немало смущая Эдгара. Дело в том, что Гертруда не знала всех подробностей. Эдгар не рассказывал, а те, кто хоть что-то знали об этом опыте, умалчивали, будучи не очень осведомленными. Только приезд в город доктора Алберта Лэйна внес некоторые перемены в жизнь Кейси. Встречались они нечасто. Сам Эдгар старался не попадаться на глаза мистеру Лэйну, но, как говорится, тайное стало явным. Во всяком случае для его жены Гертруды. Вот что вспоминает об этом сам Эдгар:

> As a result, I had problems with my young wife because when I returned to our room, I found her in tears. And who would blame her – she had to spend the very first Sunday in a completely foreign city alone. And then – conversations, conversations – everyone tried to ask her questions, and she and I acted as if we were ashamed of something.

> В результате у меня возникли проблемы с молодой женой, потому что, когда я вернулся в нашу комнату, я застал ее в слезах. И кто бы стал обвинять ее – первое же воскресенье в совершенно чужом городе ей пришлось проводить в одиночестве. А затем – разговоры, разговоры – все пытались задавать ей вопросы, а мы с ней вели себя так, как будто стыдились чего-то.

Внутренняя душевная хрупкость, напряженность окружающей атмосферы в общении с согражданами маленького городка сделали свое дело. Эдгар... снова потерял голос. Для него это было ударом, а Гертруду сильно озадачило. В их общении до свадьбы были значительные периоды расставания. Для Гертруды проходили месяцы траура по потере родни, а для Эдгара это было время поиска устойчивой работы и материального достатка. Девушка не знала всех подробностей его жизни. Рассказывать он не хотел. Смущался. Окружающие оценивали Эдгара чуть ли не уважаемым целителем, но эта неожиданная слава была для него тяжким бременем. А тут еще появилась статья в местной газете с рассказом о его недавнем опыте *целителя*...

Мистер Лэйн из города уехал, потому что местная Ассоциация врачей, выслушав его объяснения относительно Эдгара и его опыта целительства в трансе, посчитала именно доктора Лейна виновным в распространении ложных сведений, смущающих людей, и заставила его пройти профессиональную переподготовку. Но что делать Эдгару? Голос пропал! Вспомнив доктора Блэкберна, он пришел к нему на прием и, говоря шепотом, попросил помощи. Однако пришлось рассказать об опыте с мистером Лэйном! Иного способа, кроме как подсказанного им, у Эдгара не было. Возвращение голоса было возможно, только обратившись к тому, что в свое время Эдгар проделал над собой в присутствии мистера Лэйна. После долгих размышлений доктор Блэкберн согласился. Для Эдгара это был запоминающийся день. Вот как он его вспоминает:

> I walked into his office, lay down on the couch and passed out. When I came to my senses again, I realized that I was fine and could talk, but Dr. Blackburn was terribly embarrassed. He stood near the slightly open door and seemed very upset. He kept asking me if I was okay and said he did the same things he thought Mr. Lane had done earlier.

> Я вошел в его кабинет, лег на кушетку и отключился. Когда я снова пришел в себя, то понял, что я в порядке и могу говорить, но доктор Блэкберн был ужасно смущен. Он стоял возле приоткрытой двери и казался очень расстроенным. Он все время спрашивал меня, все ли со мной в порядке, и сказал, что выполнил те же действия, которые, по его мнению, делал ранее мистер Лэйн.

Представление о том, что доктор Лэйн обладал неким могуществом, которое выводит Эдгара из состояния недуга, неожиданно исчезло, потому что в этот раз рядом с Эдгаром был другой доктор. То, что он признался, что делал то же самое, что и доктор Лэйн в аналогичной ситуации, Эдгар не заметил. Главное, что его тогда интересовало – может ли он помогать людям самостоятельно? Во всяком случае, именно эта мысль тогда сильно его занимала. Собравшись с силами, Эдгар предложил доктору Блэкберну поэкспериментировать. Тот согласился. Он назвал Эдгару пациентов, состояние которых вызывало у него затруднение, а способы лечения их недугов было неясными. Пригласив в свою клинику сограждан, доктор продемонстрировал и им то, что делал Эдгар. Это была сенсация!

Однако случившееся сильно усложнило жизнь Эдгара. Его отстранили от преподавания «Слова Божьего» в воскресной школе, церковные иерархи обвинили его в *ереси*. Примерно в то же время из Нью-Йорка к Эдгару обратился некий мистер Эндрюс (Mr. Andrews) с просьбой провести «*чтение*» для него, и этот случай был первым в опыте Эдгара с клиентом, находящимся на большом расстоянии от места его пребывания. Доктор Алберт Лэйн без внимания не оставил Эдгара. Собрав команду врачей, он пригласил его приехать в Хопкинсвилл и осуществить там «*чтение*» для мистера Эндрюса. Тогда же Эдгар Кейси назвал препарат, способный помочь пациенту. Но возник конфуз! Этот препарат не был известен врачам. Неизвестно, было и то, запатентован ли он как лечебное средство. Однако именно это название было записано стенографисткой в момент «*чтения*» Эдгара. Мистер Эндрюс, получив информацию о «*чтении*» с наименованием препарата, спустя время попросил сообщить (если это возможно!) химическую формулу препарата. Эдгар, вспоминая этот случай, писал:

> This *reading* took place in the presence of Dr. Blackburn in the town of Bowling Green. There were also many prominent businessmen, professors and doctors there. The formula was written down and sent. A month later I received a message from Mr. Andrews that he had received a letter from a certain person in Paris (France), who wrote to him that his father had made and began to sell a drug called «Clearwater», the formula of which was identical to that which was indicated in reading. Mr. Andrews also reported that this drug helped him a lot.
>
> Это *чтение* проходило в присутствии доктора Блэкберна в местечке Боулинг-Грин. Там же было множество видных бизнесменов, профессоров и докторов. Формула была записана и отослана. Месяц спустя мне пришло сообщение от мистера Эндрюса о том, что он получил письмо от некоего человека из Парижа (Франция), который написал ему, что его отец сделал и начал продавать препарат под названием «Clearwater», формула которого идентична той, которая была указана в чтении. Мистер Эндрюс так же сообщил, что ему очень помог этот препарат

Успех этого «*чтения*» Эдгара Кейси был очевиден! Однако этот успех его успокоить не мог. Он продолжал оставаться в полном неведении об истоках своих «*чтений*», считая все произошедшее «*спиритизмом*». Размышляя о своем положении, он вспомнил слова из «Левита»: «*Мужчина или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них*». Растерянность и тревога – не лучшие советчики в такой ситуации. Между тем опыт исцеления страждущих, как бы ни казался он странным или непонятным самому Эдгару, притягивал его своим оптимистическим итогом. Получив помощь, люди благодарили его. Выступать против такого результата было непросто! К тому же и окружавшие Эдгара врачи, психологи, люди знающие, интеллигентные были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы разгадать его *феномен*, и предлагали провести все новые и новые эксперименты. Если лечебный эффект «*чтений*» Эдгара был очевиден, то будет ли так же очевиден и другой, более трудный? Что если представить этому молодому человеку закрытую книгу, письмо, запечатанное в конверте и попросить его сказать, о чем там написано? Войдя в транс, Эдгар Кейси блестяще с этими заданиями справился! Его самого

эти результаты привели в шок. Снова возникли мысли о спиритизме и всех прочих, увы, не богоугодных явлениях, повторять которые Эдгар избегал и боялся. Его душа, пропитанная религиозными истинами, протестовала. Идти против нравственных религиозных установок Эдгар не хотел.

Как это часто случается, появление *феномена* в обыденной и даже вполне профессиональной и образованной среде приводит к смешению сугубо научной любознательности с корыстью, связанной с алчностью. Соблазн приобретал или вполне учтивые, или откровенно грабительские формы. Разобраться в этом было далеко не просто. Отец Эдгара оказался в трудном материальном положении. Обратившись к сыну с просьбой о помощи, он предложил ему поучаствовать в определении, разумеется, через «*чтение*», эволюции биржевых котировок на зерновой бирже. Отец надеялся на точность предсказаний сына, на которые, как он полагал, тот был способен. Группа его помощников, да и он сам, с помощью точных предсказаний быстро покрыли все свои долги. Как это часто бывает, они «увлеклись». Вскоре Эдгар почувствовал явное недомогание. Начались затяжные головные боли. Боль прошла, как только Эдгар отказался от оказания этих услуг. Однако предложения продолжали поступать. Один из его старых знакомых обратился с невинной просьбой, помочь ему проверить, где были закопаны драгоценности его семьи. Он был ужасно расстроен. Рассказывал о драгоценностях, которые его то ли дед, то ли дядя в прошлом веке зарыл под фундаментом дома, который недавно сгорел. Так это или не так, проситель не знал. Следовало строить новый дом, но делать это было рискованно. А вдруг именно эта информация верна! Раскапывать и ворошить весь фундамент, в поисках клада, не хотелось. Но вдруг под ним и в самом деле зарыто богатство? Выслушав своего собеседника, Эдгар согласился ему помочь. После сеанса «*чтений*» он точно определил место закопанных драгоценностей, что подтвердили проведенные раскопки. Этот акт обошелся для Эдгара без последствий, но спустя время его приятель в шутливом разговоре предложил ему спрогнозировать, разумеется, через «*чтение*» итоги скачек. В те времена, угаданные итоги приносили крупные премиальные тем, кто занимался букмекерством или играл в тотализаторе. Речь шла о больших деньгах. При всей религиозности Эдгара трудно было относить его к фанатикам веры. В его религиозности были разные периоды. Да и отношение церкви к его

феномену было неоднозначным. Только со временем ему вернули право преподавать «Слово Божие» в воскресной школе, а суд над спиритизмом оставил в его душе болезненные шрамы. К тому же вопрос, что же за странные возможности таились в его душе, позволявшие ему столь точно предсказывать и успешно помогать заболевшим людям, оставался без ответа. Избавляя их от тяжких недугов, пребывая в трансе, Эдгар как бы проверял себя и свой *феномен* в разных режимах бытия. Однако он столкнулся с непреодолимыми препятствиями, которые приводили его организм к перенапряжению. Это произошло, когда, поддавшись на уговоры своего приятеля, Эдгар, впадая в транс, начал, в режиме «*чтения*», добывать информацию по итогам скачек на ипподроме.

Дело в том, что букмекеры на скачках нередко осуществляли подмены итогов, вступая в сговор с жокеями. Те, в ожидании доли личного вознаграждения, намеренно придерживали призовых скакунов. Ради «*запланированного*» букмекерами итога, жокеи завершали финал скачек так, как сговаривались крупные игроки. Этот сговор Эдгар предвидел, но скачки строились на откровенной *алчности* букмекеров, и у Кейси начались серьезные проблемы со здоровьем. Он понял это не сразу. Его жизнь далеко не всегда предоставляла ему *подсказку* о недопустимости корысти, алчности в его обыденности. Да и друзья, увы, вовсе не считались с его *нравственным* кодексом. Своей алчностью, которую они прятали под учтивыми просьбами или невинными надеждами обманом заработать доллар-другой, они разрушали его душевный покой. Догадаться сразу же о причинах возникавшего недомогания ему было трудно, однако болезнь Эдгара ставила все на свои места.

Он снова обратился к молитвам, стараясь загладить свою вину перед Господом. Пытаясь вернуть свою благонравность, он горячо обещал справиться со своим грехом. И это ему стало удаваться. Вот как Эдгар пишет в своей биографии об этом:

> I closed my business in Bowling Green and returned to my old home where I rested for several months. I began to study the Holy Scriptures again and prayed very sincerely, because I realized that an attempt to use the information I received for selfish, speculative purposes was the reason for the sudden change in my life and health.

> Я закрыл бизнес в Боулинг-Грин и возвратился в свой старый дом, где отдыхал в течение нескольких месяцев. Я снова начал изучать Священное Писание и очень искренне молился, поскольку понял, что попытка использовать получаемую информацию в корыстных, спекулятивных целях и явилась причиной внезапного изменения моей жизни и состояния здоровья.

Чтобы окончательно избавиться от соблазна, который лишил его покоя и здоровья, Эдгар уехал из Боулинг-Грина и переехал в Гадсден, штат Алабама. Вместе с одним из своих надежных партнеров он продолжил свой фотобизнес.

Все в жизни Эдгара начало складываться вполне благополучно, но его известность уже стала вольно или невольно провоцировать его на контакты с врачами. Они, будучи хорошим профессионалами, тем не менее, помимо неоправданных амбиций, страдали реальными заболеваниями, с которым не могли успешно справиться несмотря на свой профессионализм и квалификацию. Таким оказался один из докторов, который, познакомившись с Эдгаром Кейси, высказал ему свое откровенное недоверие. Назвав его «*телепатом*», он в весьма дерзкой форме обвинил Кейси во лжи и манипуляциях, сославшись на итоги «*чтения*» Эдгара на тему своего собственного здоровья. Нетрудно представить разнообразие реакций современников Эдгара Кейси на его *феномен*. Особенно после осознания абсолютно невероятного факта полного отсутствия у него познаний даже в элементарных основах медицины, гигиены и физиологии. Тот доктор, о котором я веду речь, получив от Эдгара информацию о своем здоровье, был крайне недоволен. Врач готовился к хирургической операции по удалению аппендикса. Он считал себя глубоким профессионалом. Знал из разных источников, что Эдгар абсолютно лишен каких-либо знаний в области медицины. Был убежден, что произнесенные и записанные стенографисткой «*чтения*» есть не что-нибудь, а обыкновенная и очень хитро представленная Эдгаром... *ложь*!

Пройдя уже множество сходных оценок своего *феномена*, от крайнего восторга до низменных обвинений в *фальсификациях*, Эдгар был готов ко всему. Не удивило его и оскорбительное суждение врача. Огорчало лишь то, что, отказавшись от реального шарлатанства с букмекерством на ипподроме и согласившись на «*чтение*» только по настоятельной просьбе своего отца, который хорошо знал доктора, Эдгар готов был согласиться с убийственными оценками того в свой адрес. Его полное неведение о том, как его «*чтения*» приносят людям пользу, пребывание в трансе, мешавшее ему быть свидетелем его влияния на неведомых пациентов, придавало уверенности в необходимости прекратить этот опыт, столь же опасный для его репутации, сколь и активно возбуждающий неослабевающий интерес к нему. Однако в случае с амбициозным доктором все неожиданно разрешилось.

Получив стенограмму «*чтения*» Эдгара, врач поехал к своему приятелю, известному *остеопату* и попросил его тщательно осмотреть свой позвоночник. Тот нашел в нем место *застарелой травмы*. Выправив позвонок, который вызывал мышечную реакцию в правой нижней части живота, остеопат заключил, что теперь обманчивые ощущения боли, сходные с приступами аппендицита, прекратятся. После прочтения стенограммы «чтения» Эдгара оба доктора были потрясены подробностями записи. «*Спящий лекарь*» излагал драматические события давнишней автомобильной аварии, в которую попал доктор, получив травму позвоночника. Эмоции обоих врачей, извинение одного и восторг другого, были лучшей наградой Эдгару Кейси, хотя он так и остался в неведении, как у него это получилось.

Вместе с тем в жизни Кейси начались перемены. Профессия фотографа приносила ему стабильный доход. Победы на выставках заявляли о его реальных художественных талантах. Однако «*чтения*» Кейси привели к такой известности, которая уже не могла конкурировать с его достижениями в фотографии. Весьма противоречивый путь «*спящего лекаря*» и тот ажиотаж, который сопутствовал ему в процессе формирования и его опыта *провидца*, продолжали сдерживать эксперименты в этой области. Однако так называемые «*чтения*» оставались предметом внимания все большего количества людей разных профессий, рангов и научного авторитета. С одной стороны, Эдгару не хотелось избегать общения с ними. Его природная любознательность, а главное – жажда понять, как у него, человека с очень

скромными познаниями и по сути еще очень молодого, получается то, что недоступно большинству людей из его окружения, даже тем, кто закончил медицинские учебные заведения, наделен реальными талантами, позволившими им успешно практиковать в современных клиниках. Профессора, члены клинических обществ и ассоциаций обращались к Эдгару... за помощью. Они делали это, попадая в сложные обстоятельства, связанные с их личным здоровьем. Нередко, пребывая в обстоятельствах, когда они пытались лечить, опираясь на свой большой опыт, несомненные знания и высокую квалификацию, но терпели неудачу! Только вмешательство Кейси помогало им понять свою ошибку в диагностировании или в методике лечения «трудных» пациентов. Впрочем, и самим «светилам» медицины было непросто признать неведомое им преимущество этого парня, который, впадая в транс, начинает вслух осмысливать процессы, протекающие в организме, пациентов. Следовало только застенографировать эти «*странные чтения*», внимательно прочитать стенограмму, преодолевая факт безграмотности в медицине человека по имени Эдгар Кейси, прожившего всю свою жизнь в сельской местности или в крохотных городках, и с удивлением убедиться в точности его диагноза и методов лечения болезни. Именно так определял автор статьи в газете Нью-Йорк Таймс, вынеся в заголовок слова: «*Неграмотный человек под гипнозом становится доктором...*» *(«An illiterate person becomes a doctor under hypnosis...»)* Однако и следующие слова заголовка являются правдой: «*...Странная сила, продемонстрированная Эдгаром Кейси, озадачивает врачей*» *(«The strange power demonstrated by Edgar Cayce puzzles doctors»)*. И в этом сочетании слов («*неграмотный*» и «*странная сила*») нет никакого противоречия ни для истинных интеллектуалов, ни для самого Кейси. Озадаченными остаются и они, и сам Эдгар, который, пробудившись ото сна, не имел ни малейшего представления о том «*волшебстве*», которое продемонстрировал час назад, лежа на «демонстрационном столе» или просто на кушетке. Единственным документом, в котором была отображена сущность «*чтений*», была стенограмма, подробно излагавшая все детали произнесенного «спящим лекарем» диагноза и точно фиксирующая лечебные рекомендации.

То, что такая двойственность порождала множество слухов, подвергая репутацию Эдгара неслыханному напряжению, было понятно не только ему, но и образованным современникам. Время его

ошибочных увлечений и случайного согласия на корыстные «*пророчества*», вырванные у него непорядочными приятелями, жаждавшими быстрого обогащения, прошло. Наступило время серьезного анализа *феномена*, в основу которого закладывалась *не алчность*, а уважительное отношение к истинным страданиям людей, которые мог реально предотвратить Эдгар Кейси. Вот что по этому поводу пишет он сам:

> Dr. Kechum, Mr. Noah and I entered into a contract specifying what they should do, what I should do, and any profits made would be divided equally between us. In other words, they had to set up an office, supply the necessary materials for the work, collect a certain fee for the work, etc. Before signing the contract, I asked several attorneys and doctors, whom I considered noble, reliable and decent businessmen, to listen to one of the «readings», think it over and give me advice on whether I should sign such an agreement or not. They approved it. The contract was concluded. The judges told me that it is quite legal in all its parts. Offices were opened in Hopkinsville. Stenographers were hired, and every coin that was received went into a common pot with the indication that the people who asked for a «reading» were better off after receiving the information for which they had paid their money. I asked prominent people from political circles – city judges, the state administration – to attend one of the readings and give their honest opinion as representatives of the law as to whether I should be considered a charlatan and a deceiver or whether there was enough real information in my readings that could represent interest and helping people. They expressed their opinion in writing...

> Доктор Кечум, мистер Ной и я заключили контракт, определивший, что должны делать они, что должен делать я, и любая полученная прибыль должна быть поделена между нами поровну. Другими словами, они должны были организовать офис, доставить необходимые материалы для работы, взыскать определенную плату за работу и т. д. Прежде чем подписать контракт, я спросил нескольких поверенных и врачей, которых считал благородными, надежными и порядочными бизнесменами, прослушать одно из «чтений», обдумать его и дать мне совет, следует ли мне подписывать такой договор или нет. Они его одобрили. Контракт был

> заключен. Судьи сказали мне, что он вполне законен во всех своих частях. В Хопкинсвилле были открыты офисы. Были наняты стенографистки, и каждая монета, которая была получена, шла в общий котел с указанием, что людям, попросившим о «чтении», стало лучше после получения информации, за которую они заплатили свои деньги. Я попросил видных людей из политических кругов – судей города, администрацию штата – присутствовать при одном из чтений и составить свое честное мнение как представителей закона относительно того, следует ли считать меня шарлатаном и обманщиком или в моих чтениях есть достаточно реальной информации, которая могла бы представлять интерес и помогать людям. Они выразили свое мнение письменно...

IV.

Офис был открыт в Хопкинсвилле, где Эдгар проживал большую часть своей жизни и где пребывала основная часть его родственников. Мне кажется, уместно было бы привести тексты некоторых «чтений», застенографированных профессионалами-стенографистами, к тому же опубликованных в газетах. Вот один из этих образцов стенограммы «чтения», осуществленного Эдгаром Кейси по поводу состояния здоровья человека, страдавшего признаками заболевания, приводящего в состояние крайнего истощения, с которым безуспешно пытались бороться дипломированные врачи.

> ...This is a «reading» performed by Edgar Cayce in Hopkinsville, Kentucky, on the first day of December 1910. Present: Edgar Cayce, L.B. Cayce is moderator, L.P. Poole is a stenographer.
>
> E.K (Edgar Cayce): He's here. Almost completely exhausted. Let's start with the head. Very weak capillary blood circulation throughout the body, especially in the head, facial muscles, brain, and head in general. You know, capillary blood circulation is very weak, since the entire circulatory system is quite weak, this is reflected in the head. Let's move on to the spine: it is inflexible in the dorsal, lumbar, and cervical regions; changes are visible at the level of the eighth dorsal vertebra, the second lumbar and the entire cervical spine. The stomach is all twisted, the liver is enlarged, there is a lot of unclean blood. Blood circulation in the spinal column and limbs is weakened. The nervous system is very good, you

know, it can ensure normal blood circulation. Pretty good nerves, pretty strong will. Poor body condition in general is caused by exhaustion of the whole body, which is apparently a consequence of insufficient nutrition, poor supply of nutrients to the whole body from the stomach. The stomach cannot cope with the supply of nutrients necessary for the body, building material for the formation of bones, muscles, nerves, blood, brain, for every element of the body. What is removed during the digestion process remains in the stomach itself. Here we see that the nutrients received are not enough to maintain the entire body normal. More calcium and iron are needed. The weakening of the body that we observe is a consequence of this condition of the stomach. The stomach is destroyed, and the body gradually declines. Thus we find that the whole system of the body depended on what went into the stomach. If you don't put enough into the stomach to sustain life, the body loses strength. Although he was able to take these necessary elements. His problems are not in the head, but in the stomach, the stomach is worn out, it is this organ that needs to be renewed, because you cannot put a new one in it. To restore it, you must first undergo cleaning with water. Wash the stomach clean, fill the body with water, clean water, and you should stick to light food (no meat, bread, grains and vegetables) until the body is completely cleansed and receives enough iron and calcium. You will see the reaction of the whole body, from the blood to the lungs, capillary blood circulation will also improve. Digitalis and strychnine will be needed. The stomach is very worn out, and these drugs should be taken in large enough doses so that it is completely cleansed...

...Это «чтение», выполненное Эдгаром Кейси в Хопкинсвилле, штат Кентукки, в первый день декабря 1910 года. Присутствовали: Эдгар Кейси, Л. Б. Кейси – модератор, Л.П. Пул – стенографистка.

Э.К (Эдгар Кейси): Он здесь. Почти совсем истощен. Начнем с головы. Очень слабое капиллярное кровообращение по всему телу, особенно в области головы, лицевых мускулов, мозга, головы в целом. Знаете, капиллярное кровообращение очень слабое, поскольку вся система кровообращения довольно слабая, это отражается на голове. Переходим к позвоночнику: неподатливый в дорсальном, поясничном, шейном отделах, видны изменения на уровне восьмого спинного позвонка, второго поясничного и всего шейного отдела позвоночника. Желудок весь перекручен, печень

увеличена, много нечистой крови. Кровообращение в позвоночном столбе и в конечностях ослаблено. Нервная система очень хорошая, знаете, она может обеспечить нормальное кровообращение. Довольно хорошие нервы, довольно сильная воля. Плохое состояние тела в целом вызвано истощением всего организма, что является, по-видимому, следствием недостаточного питания, плохими поставками питательных веществ для всего организма из желудка. Желудок не справляется с поставками необходимых организму питательных веществ, строительного материала для формирования костей, мускулов, нервов, крови, мозга, для каждого элемента организма. То, что извлекается в процессе пищеварения, остается в самом желудке. Здесь мы видим, что получаемых питательных веществ недостаточно, чтобы поддерживать весь организм в норме. Необходимо больше кальция, железа. Ослабление организма, которое мы наблюдаем, является следствием такого состояния желудка. Желудок разрушается, и постепенно организм приходит в упадок. Таким образом, мы находим, что вся система организма зависела от того, что поступает в желудок. Если вы не кладете в желудок достаточно для того, чтобы поддерживать жизнь, то организм теряет силы. Хотя он был в состоянии взять эти необходимые элементы. Его проблемы не в голове, а в желудке, желудок изношен, именно этот орган следует обновить, ведь вы не можете вложить в него новый. Чтобы восстановить его, сначала следует пройти очистку водой. Вымойте желудок начисто, заполните организм водой, чистой водой, – и следует придерживаться легкой пищи (отказ от мяса, хлеб, злаки и овощи), пока организм не будет полностью очищен и не получит достаточного количества железа и кальция. Вы увидите реакцию всего организма, от крови до легких, капиллярное кровообращение также улучшится. Будут необходимы дигиталис и стрихнин. Желудок сильно изношен, и следует принимать эти препараты в достаточно больших дозах, чтобы он полностью очистился...

Через некоторое время «*чтение*» относительно здоровья именно этого пациента было повторено, после ряда лечебных мероприятий, предложенных Эдгаром Кейси. Так получилось, что и в этот раз на «*чтении*» присутствовал журналист, который своими глазами видел все происходившее. Этот факт был описан им в газете «Чикаго Экзаминер» 18 февраля 1911 года:

This is Mr. August Boehm of 632 Overton Street, Newport, Kentucky. «Examine him carefully, thoroughly, completely, and tell us everything about his present condition.» So spoke the «модератор» – the father of Edgar Cayce, an auto hypnotist or psychic diagnostician, to the person lying in front of him in a trance. The sleeping man, Edgar Cayce, answered very slowly: «Mr. August Boehm of 632 Overton Street, Newport, Kentucky. Yes, he is here. He's been here before. His circulation and digestion have improved significantly...»

...Хопкинсвилл, штат Кентукки, 18 февраля. «Перед вами мистер Август Бем с 632 Овертон стрит, Ньюпорт, штат Кентукки. Внимательно исследуйте его, тщательно, полностью и расскажите нам все о его нынешнем состоянии» Так говорил «модератор» – отец Эдгара Кейси, аутогипнотизера или диагноста-экстрасенса, человеку, лежащему перед ним в трансе. Спящий человек, Эдгар Кейси, очень медленно произнес ответ: «Мистер Август Бем с 632 Овертон стрит, Ньюпорт, штат Кентукки. Да, он находится здесь. Он уже бывал здесь. Состояние его кровообращения и пищеварение значительно улучшились... и т. д»

Тогда же журналист взял у Эдгара Кейси интервью, которое было опубликовано в газете «*Чикаго Экзаминер*» 20 февраля 1911 года. Я привожу некоторые фрагменты из этого интервью:

EDGAR CASEY CAN'T EXPLAIN HIS MIRACULOUS PHYSICAL STRENGTH, HE TELLS HIS FRIENDS, BUT HE DOESN'T LIKE PUBLICITY. «Edgar Cayce is a psychic miracle,» says an interview with the Birmingham News, published in the Thursday News, which is of interest...

From the Interview it follows:. «Spiritualism? No. I believe in spirituality.»

Edgar Cayce, tall, broad-shouldered (a photographer whose work has attracted the attention of psychic researchers around the world over the past few months and who is now awaiting a visit from Sir Arthur Conan Doyle).

Mr Casey spent Wednesday evening in Birmingham at the Tutwiler Hotel and went to his home in Sakhna on Thursday. Mr. Casey is unimpressive as a psychic. His voice had a Southern twang, Alabama colloquialisms mixed with quotes from Munsterberg Lombroso, Edison, Tesla and Rupert Hughes.

«This Casey you're looking at is nothing.» He is just an instrument,» said this humble man from Selma... «It is what is done through me as an instrument that matters. I don't count, and what you think about what was achieved through me doesn't count.» And he snapped his fingers.

«I don't know what I'm doing or how it's done. Perhaps Tesla knows (Nikola Tesla (July 10, 1856 – January 7, 1943) was an American engineer and electronics physicist, inventor in the field of electrical and radio engineering.

Made a significant contribution to the development of electrical engineering. He is best known for developing the modern alternating current electrical system...), when he said that it was like a switch that brings man into contact with the wireless communications of the Universe, or as Edison said (American inventor and entrepreneur who received 1093 patents in the United States and about 3 thousand – in other countries of the world; creator of the phonograph; improved the telegraph, telephone, film equipment), there is a record of the Universe, and there were needles that corresponded to this record.» «I don't know anything about it,» said Mr. Casey: «As far as I know, Hocus-pocus.» And again he snapped his fingers. This is his habit. Mr. Casey does not seek publicity or benefit from his power, whatever it may be. «I'm not trying to get any publicity,» he continued, «If I wanted publicity, I could take you outside and lift myself 40 feet in the air.» «Do you believe you could do it?» – they asked the psychic.

«Believe me, I don't believe anything. I know I can do this. I'm not trying to get rich from this power of mine. I recently turned down a theater contract. It's not because I'm rich. I'm poor, I have bills in the bank in Selma now.

«But I use my power to help those I can. So far I have helped about 1400 people in my life and...! I intend to continue to do everything in my power to make the world a little brighter for everyone who is serious about it. ...Now I will not give any testimony that will in any way bring trouble or misfortune to anyone. I want to help».

...There are currently three letters addressed to Sir Arthur Conan Doyle from Edgar Cayce, waiting in the office of a small camera shop in Selma. An English writer travels to Selma to investigate this strange power of Edgar Cayce, a photographer from Alabama...»

ЭДГАР КЕЙСИ НЕ МОЖЕТ ОБЪЯСНИТЬ СВОЮ ЧУДЕСНУЮ ФИЗИЧЕСКУЮ СИЛУ, ОН РАССКАЗЫВАЕТ, ДРУЗЬЯМ, но ему НЕ НРАВИТСЯ ПУБЛИЧНОСТЬ. «Эдгар Кейси – экстрасенсорное чудо», – говорится в интервью «Бирмингемских новостей», напечатанном в «Новостях четверга», которое представляет интерес...

Из Интервью следует: «Спиритизм? Нет. Я верю в духовность».

Эдгар Кейси, высокий, широкоплечий (фотограф, чьи работы привлекли внимание исследователей экстрасенсов всего мира в течение последних нескольких месяцев и который сейчас ожидает визита сэра Артура Конан Дойла).

Мистер Кейси провел вечер среды в Бирмингеме, в отеле Tutwiler, а в четверг уехал к себе домой в Сахну. Мистер Кейси как экстрасенс не производит впечатления. В его голосе были нотки южного тона, алабамские разговорные выражения смешивались с цитатами из Мюнстерберга Ломброзо, Эдисона, Тесла и Руперт Хьюза.

«Этот Кейси, на которого вы смотрите, – ничто». Он всего лишь инструмент», – сказал этот скромный мужчина из Сельмы... «Именно то, что делается через меня как инструмент, имеет значение. Я не в счет, и то, что вы думаете о том, что было достигнуто через меня, не в счет». И он щелкнул пальцами.

«Я не знаю, что я делаю и как это делается. Возможно, знает Тесла (Никола Тесла (10 июля 1856 – 7 января 1943) – американский инженер и физик-электроник, изобретатель в области электротехники и радиотехники. Внес существенный вклад в развитие электроинженерии. Наиболее известен разработкой современной системы электроснабжения переменного тока...), когда сказал, что это похоже на переключатель, который приводит человека в контакт с беспроводной связью Вселенной, или, как сказал Эдисон (американский изобретатель и предприниматель, получивший в США 1093 патента и около 3 тысяч – в других странах мира; создатель фонографа; усовершенствовал телеграф, телефон, киноаппаратуру), существует запись Вселенной, и были иглы, которые соответствовали этой записи». «Я ничего об этом не знаю, – сказал г-н Кейси, – насколько я знаю, Hocus-pocus». И снова он щелкнул пальцами. Это его привычка. Г-н Кейси не ищет публичности и не извлекает выгоду из своей власти, какой бы она ни была. «Я не пытаюсь добиться какой-либо огласки, – продолжил он. – Если бы я хотел огласки, я мог бы вывести вас на улицу и поднять себя на 40 футов в воздух». «Вы верите, что могли бы это сделать?» – спросили экстрасенса. «Поверьте, я ничему не верю. Я знаю, что могу это сделать. Я не пытаюсь разбогатеть на этой своей силе. Я недавно отказался от театрального контракта. Это не потому, что я богат. Я беден, у меня сейчас есть банкноты в банке в Сельме. Но я использую свою силу, чтобы помочь тем, кому могу. На данный момент я помог примерно 1400 людям в своей жизни и ...! Я намерен продолжать делать все, что в моих силах, чтобы сделать мир немного ярче для всех, кто серьезно к этому относится. ...Теперь я не буду давать никаких показаний, которые хоть сколько-нибудь принесут кому-либо неприятности или несчастья. Я хочу помочь».

...В настоящее время есть три письма, адресованные сэру Артуру Конан Дойлу от Эдгара Кейси, ожидающего в офисе небольшого фотомагазина в Сельме. Английский писатель отправляется в Сельму, чтобы расследовать эту странную силу Эдгара Кейси, фотографа из Алабамы...

Для меня главным в жизни Эдгара этого периода стало то, что он, наконец-то обрел авторитет человека, *феномен* которого перестал быть чем-то странным или нелепым. Он начал восприниматься реальным *действом*, пусть еще так и не понятым, но оказывающим помощь сотням страдальцев, защищая их от губительного недуга, справиться с которым не удавалось даже маститым медикам.

Судьбе было угодно, чтобы Эдгар использовал свои способности для спасения жены. Гертруда страдала от туберкулеза легких, и врачи сильно тревожились. Развитие болезни стало приобретать агрессивные формы, и консилиум врачей обратился к Эдгару с просьбой осуществить «*чтения*». Страх за судьбу Гертруды был у Кейси слишком велик. Обратиться к своим способностям, которые оценивались столь неоднозначно в общественном мнении, было, как ему казалось, слишком рискованным делом. Однако врачи настаивали. Они признались в своей беспомощности, и для Эдгара это стало решающим фактором. «*Чтения*» прошли успешно. Стенографистки записали текст процедуры «*спящего лекаря*», и доктора получили дозу критических оценок своего безуспешного опыта в лечении жены Кейси. Не буду вдаваться в подробности, но исправить их ошибки удалось, и жена Кейси быстро пошла на поправку. К тому же было предложено новое лекарство, которое было приготовлено по рецепту Эдгара и активно

притормозило развитие болезни у Гертруды. Со временем она родила ему сына Хью Линна, но и эта радость, спустя несколько лет обратилась в трагическую нелепость, приведшую к угрозе потери зрения у малыша...

По своей основной профессии Кейси оставался фотографом, весьма успешно практикующим. Бизнес развивался и нередко ему приходилось фотографировать у себя дома. Однажды Эдгар, по собственному недосмотру, оставил на полу коробку с магнием, применявшимся им для подсветки при фотографировании портретов. Пяти-шестилетний Хью, видевший, как отец использовал этот порошок, решил попугать свою няню и приложил зажженную спичку к коробке с порошком магния. Вспыхнувший огонь сжег верхнюю часть лица малыша. Врачи констатировали, что спасти зрение будет невозможно! Нетрудно представить состояние Кейси, когда он услышал предложение доктора провести «*чтение*» для Хью. Получив в процессе «*чтения*» подробную рецептуру примочек на обожженную часть лица, а также для лечебных компрессов для век и глаз, удалось спасти зрение сына. Спустя четыре года все следы ожога бесследно исчезли, а зрение осталось фактически полностью без изменений.

Приближался 1917 год. Жизнь Эдгара постепенно стала наполняться новыми реальностями, основанными на том же *феномене*, опираясь на который, он успешно избавлял людей от различных недугов. Первая мировая война уже полыхала на фронтах Европейского театра военных действий. Среди многих государственных чиновников

США были и такие, кто полагался на талант Кейси как *провидца*. Соблазн предвидеть, как будет развиваться судьба некоторых из этих людей, отъезжавших в Европу по служебным обязательствам, был слишком велик. Проведя «*чтение*», Эдгар изложил весьма позитивные перспективы для одного из чиновников. Некоторое время спустя с аналогичной просьбой обратился к нему консул США в Италии. Впрочем, пусть об этом расскажет сам Эдгар:

> The letter from our consul in Italy was especially intriguing. A «reading» was made for him and his wife, asking whether the consul would return to this post in Italy. A request was sent through him to conduct a «reading» for one of the family members of the Italian government. The letter was written in Italian, and, of course, I could not read it, since I did not know any other language other than English. I managed to get a fruit seller in Selma to translate a letter for me. He seemed very excited to learn that a man of such high position in his own country had written to a little man, a photographer, living in Alabama, to obtain information about the state of his wife's health. He was present at the «reading» when this information was received. To the surprise of everyone present, what was said turned out to be incomprehensible to no one except this fruit seller, who announced that I spoke Italian.

> Особенно интригующим оказалось письмо от нашего консула в Италии. Для него и его жены было выполнено «чтение». Они спрашивали, вернется ли консул на этот пост в Италии. Через него был послан запрос о проведении «чтения» для одного из членов семьи правительства Италии. Письмо было написано на итальянском языке, и, конечно, я не мог прочитать его, поскольку не знал ни одного другого языка кроме английского. Мне удалось заставить продавца фруктов в Селме перевести мне письмо. Он казался очень взволнованным, узнав, что человек, занимающий столь высокое положение в его собственной стране, написал маленькому человечку – фотографу, проживающему в штате Алабама, чтобы получить информацию о состоянии здоровья его жены. Он присутствовал на «чтении», когда была получена эта информация. К удивлению всех присутствующих, сказанное оказалось непонятным ни для кого кроме этого продавца фруктов, который объявил, что я говорил на итальянском языке.

Это была сенсация! Разумеется, для Эдгара Кейси прежде всего. Круг пациентов расширялся, обретая планетарные масштабы: будучи в *трансе*, Эдгар не знал... языкового барьера! Пациент из Германии получил ответ и рекомендации лечения на *немецком* языке. Пациент из Франции – на *французском*. Лингвисты-добровольцы трудились у его кушетки, записывая лечебные рекомендации на *оригинальных* языках, звучавших с уст Эдгара с соблюдением *фонетических, грамматических и лексических, стилистических* норм, присущих этим языкам.

Застенчивость Кейси, его скромность и даже робость постоянно «вмешивались» в лечебную практику. Пребывая вне *транса*, просматривая журнал записи пациентов, он тревожился за последствия своего целительского опыта в гипнозе. Надо отдать должное его семье, в частности жене Гертруде, друзьям, которые обеспечили необычный лечебный процесс всем необходимым, чтобы точно фиксировать каждое слово, звучавшее в момент пребывания Эдгара в *трансе*. Уговорив его сделать эти лечебные сеансы регулярными, они записывали *монологи*, пригласив стенографистку. В истории целительства Эдгар Кэйси – пожалуй, единственный, кто располагал обширной, тщательно законспектированной рукописной библиотекой врачебных приемов, созданных им в гипнозе. Вот почему можно с уверенностью утверждать, что самые невероятные факты из его опыта возвращения здоровья пациентам имели место в действительности. Они в точности были записаны стенографисткой. В этих протоколах – медицински грамотно изложенные диагнозы. Подробности симптоматики болезней. Методы лечения, предложенные Кейси. Наименования лекарств, их дозировка, иногда и способы их приготовления.

...Однажды Эдгару Кейси сообщили о жалобах на недуг, поступившие от неведомого ему больного. Через несколько минут он назвал лекарство и место, где его можно было приобрести. Врачи были шокированы! В известном им перечне самых современных лекарственных препаратов ничего подобного не было! Более того, обратившись по адресу в крупнейшую Чикагскую фармакологическую лабораторию, названную Кейси, они ввергли тамошних специалистов в полное недоумение. «*Как вам удалось узнать наименование лекарства? Лишь пару дней назад завершились многолетние эксперименты и проверки его лечебных свойств. Даже официальное наименование препарата было утверждено советом директоров фармакологического центра*

лишь несколько часов тому назад?» Между тем именно это лекарство спасло пациента Кейси от неминуемой гибели.

Загадочность точного понимания истоков болезни и адекватность ее медицинского анализа, осуществляемого Эдгаром Кейси в гипнотическом *трансе*, до сих пор поражает воображение современников, как и удивительная эффективность предложенных им мер лечения. Целитель, пребывающий в *трансе*, представлялся специалистам-врачам, философам, психологам, пытавшимся осознать его *феномен*, неким планетарным генератором, локатором с бескрайней «тарелкой», чутко улавливающим малейшие вибрации «*космического разума*», который охотно предоставлял Эдгару необходимую информацию для лечения человека, страдающего недугом. Пребывая в трансе, Кейси будто бы охватывал невидимым взором любую точку Земли, где мог находиться неведомый ему пациент, обратившийся за помощью. Названные им необходимые для лечения лекарства могли оказаться в Испании или Франции, на Тибете или где-нибудь еще. Пациентам и врачам оставалось лишь добыть их по представленным Кейси адресам и в точности исполнить лечебные рекомендации целителя, ставшего уже легендарным.

В ментальности американцев практицизм, выгода, целесообразность – это своеобразный «гумус», плодоносный слой жизненной практики. Те из них, кто оказывался обделенным подобными качествами, страдали от сделанных ошибок, и, если в зрелом возрасте их настигала нужда, они покорно записывали себя в «лузеры» (неудачники). Человек с более чем скромными потребностями, никогда, впрочем, не комплексовавший от своей бедности, Эдгар Кейси, не будь он тем, кем оказался, благодаря так и не разгаданному *феномену*, наверняка бы умер в безвестности в своем последнем пристанище – в городке Селм, в штате Алабама (in the town of Selm, Alabama). Вряд ли нынешние комментаторы четырнадцати тысяч записанных стенографисткой Глэдис Дэвис (Gladys Davis) лечебных откровений целителя и множества его пророчеств осознают, что его характер был пропитан нравственно-религиозными представлениями, христианскими истинами и евангельскими идеями. В своем поведении он следовал предписаниям Библии, а все его потребности не выходили за рамки желаний, характерных для провинциального протестанта.

В своей биографии Эдгар Кейси излагает свой жизненный путь, в котором значительное место занимает его борьба с *недугами*

страждущих. Причем его пациенты пребывают в любой точке Земли, во всяком случае, когда известность Эдгара Кейси стала уже очевидной, а союз с людьми, искренне заинтересованными в изучении его неординарного опыта, был безграничным. Широкий круг знакомств в среде государственных чиновников, опыт реальных предсказаний конкретных судеб конкретных людей, благодарных за искренность прогнозов, могли вскружить ему голову. Но этого не происходило. Во всяком случае, с приближением возрастной зрелости. С глубоким осознанием религиозных нравственных установок к нему приходила убежденность в его ответственности перед самим собой и людьми.

С приходом... *афонии* у Эдгара Кейси возникал страх, напоминавший панику. Ему казалось, что им была допущена какая-то ошибка. Что он в чем-то допустил просчет! Этот недуг проявлялся как инструмент, срабатывающий в периоды самых острых противоречий в его биографии. В тех обстоятельствах в его опыте «*спящего пророка*» наступал особый режим, который приводил его к подсознательному ощущению ошибочности действий или состоянию, резко сужающему ресурсы его организма. Мне кажется, что была еще одна причина, которая так и не была осознана им в полной мере, хотя и стала предметом его пристального внимания на пике его возрастной зрелости.

Примерно в возрасте тридцати двух лет Эдгар Кейси, в момент *афонии*, открывает в себе, единственный раз в свой жизни, способность, погрузившись в *транс*, прочно запомнить все те явления, которые он отчетливо видел и сумел детально осознать после *транса*. Вот как Эдгар описывает этот опыт в своей биографии.

> For about 10 days, (having lost my voice), I was only able to speak in a whisper. I felt that if I could go into a trance, I might be able to get help again. It was Sunday. The wife sent her eldest son out for a walk, instructing him to look after his younger brother, who was still very young at the time. We retired to the bedroom, where I lay down and fell into a state of trance. The session supposedly lasted about 30 minutes, and this is the only time I was able to remember anything that was said. For the most part, I slept and dreamed in this state. But were these really dreams?
>
> В течение приблизительно 10 дней, потеряв голос, я был способен говорить только шепотом. Я чувствовал, что если бы смог войти в транс, то, возможно, снова получу помощь. Это было воскресенье. Жена отправила старшего сына погулять, поручив ему присмотреть за младшим братом, который тогда был еще очень мал. Мы удалились в спальню, где я лег и погрузился в состояние транса. Предположительно сеанс длился около 30 минут, и это единственный случай, когда я был в состоянии вспомнить что-либо из сказанного. По большей части я в этом состоянии спал и видел сны. Но были ли это действительно сны?

Религиозно-нравственная культура Кейси сопровождает все реальные проявления его *феномена*. Она заставляет Эдгара придирчиво относиться к итогам деятельности его разума. Тем не менее вопросы, которые он задает сам себе, в моменты обнаружения необычных явлений или как минимум непонятных ему, становятся тормозом на пути неосмотрительного объявления новых сенсаций. Да, он регистрирует появление факта, пребывая в *трансе*. Он пользуется лексикой, отражая краски видимых им событий. Она из той же эпохи, в которой он живет. Осознавая видимые им в *трансе* явления, Кейси отдает себе отчет в том, что они *невероятны*! Однако не верить самому себе Эдгар не может. Выйдя из *транса*, он сохраняет увиденное в памяти. Явления, увиденные Кейси в *трансе*, обозначаются в религиозной культуре как «*тот свет*» или «*загробный мир*». Пробудившись ото сна, он видит связь между *реальностью* своего бытия и героями *загробного мира*. Вернемся к тексту его биографии.

> It seems like all the cemeteries in the world opened before me. I saw the whereabouts of those whom we call the dead in various parts of the earth, then the picture before my eyes shifted. The graves seemed to be concentrated around India, and a voice from above said to me: «Here you will learn the religion of a certain man through the way he disposes of his body.» Then my gaze moved back to France and I saw the graves of soldiers. Among them were the graves of three boys who were in my Sunday school class. Then I saw them, not dead, but alive. Each of them told me how he met his death here – one under machine-gun fire, another from a shell explosion, the third during artillery shelling. Two instructed me to tell their loved ones about it. They appeared in almost the same way as they did on the day when they came to say goodbye to me, leaving for the army to the front of the First World War. When the scene changed again, I began to reason: «It seems that this is what they call spiritualism. Could this be true? Do all of them, those whom we

call dead, still live on some other plane of existence? Can I see my own son?» And then it was as if a curtain had been lifted - long rows of babies appeared before my eyes. In the third or fourth row from the top, to the side, I recognized my son – Milton Porter – who died in infancy. He saw me just when I recognized him. He smiled when he recognized me, but not a single word was spoken between us. The scene changed again, and my friend appeared in front of me, who was buried in the local cemetery at about the same time. This was a man whom I knew very well. I purchased many flowers from her that were distributed to the students in my Sunday school classes. She talked to me about the changes that we used to call death, saying that in fact it was more like birth. In particular, she mentioned how important it is to give people flowers and that it should be done more often, and not just during funerals. She said that flowers can give a lot to disabled people and bedridden patients, while they mean little to those who have already moved from the material plane of existence to the spiritual. Then she said: «But let's talk about material things now. A few months ago someone left you two and a half dollars for me. You don't know it, but it happened, and you will find in your desk drawer a check dated the eighth of August, and there are two paper dollars and a 50-cent coin. Please make sure that my daughter receives this money as she needs it...»

Похоже, передо мной раскрылись все кладбища мира. Я видел местопребывание тех, кого мы называем мертвыми, в самых разных уголках земли, затем картина перед моими глазами переместилась. Казалось, что могилы сосредоточились вокруг Индии, и некий голос свыше сказал мне: "Здесь ты познаешь религию некоего человека посредством способа, которым он распоряжается своим телом". Затем мой взгляд снова переместился во Францию, и я увидел могилы солдат. Среди них были могилы трех парней, которые учились в моем классе воскресной школы. Затем я увидел их, но не мертвыми, а живыми. Каждый из них рассказал мне, как он встретил здесь свою смерть, — один под пулеметным огнем, другой — от разрыва снаряда, третий — во время артобстрела. Двое поручили мне рассказать об этом их любимым. Они появились практически так же, как они сделали это в тот день, когда приезжали попрощаться со мной, уезжая в армию на фронт Первой мировой войны. Когда сцена снова изменилась, я пустился в рассуждения:

«Похоже, именно это и называют спиритизмом. Может ли это оказаться правдой? Все они, те, кого мы называем мертвыми, все же живут в некоторой другой плоскости бытия? А могу ли я увидеть моего собственного сына?» И тут как будто подняли занавес — пред моими глазами появились длинные ряды младенцев. В третьем или четвертом ряду сверху, сбоку, я узнал своего сына – Милтона Портера, – который умер в младенчестве. Он увидел меня как раз тогда, когда я узнал его. Он улыбнулся, узнав меня, но между нами не было произнесено ни одного слова. Сцена снова изменилась, и передо мной появилась моя подруга, которая приблизительно в то же время была похоронена на местном кладбище. Это был человек, которого я очень хорошо знал. Я купил у нее множество цветов, которые были розданы ученикам моих классов воскресной школы. Она говорила со мной об изменениях, которые мы привыкли называть смертью, сказав, что на самом деле это, скорее, рождение. В особенности она упоминала о том, как важно дарить людям цветы и что нужно делать это чаще, а не только во время похорон. Она сказала, что цветы многое могут дать инвалидам, лежачим больным, тогда как они мало что значат для тех, кто уже перешел с материальной плоскости бытия на духовную. Затем она сказала: «Но давай все же поговорим сейчас о материальном. Несколько месяцев назад кто-то оставил вам для меня два с половиной доллара. Вы этого не знаете, но это произошло, и вы найдете в ящике вашего письменного стола чек, датированный восьмым августа, и там же лежат два бумажных доллара и монета в 50 центов. Проследите, пожалуйста, за тем, чтобы моя дочь получила эти деньги, поскольку она в них нуждается...»

На первый взгляд, может показаться, что описываемые явления лишь относительно связаны с реальностью бытия Эдгара. Все мы видим сны. И в наших снах появляются умершие персонажи. С ними нас связывали узы дружбы. Совместная учеба. Случалось, они тоже гибли на фронтах войны. Имели любимых девушек, получивших похоронки на них. Сюжеты сходны с теми, свидетелями которых мы становимся и сегодня в наши дни XXI века. Однако обратимся к тексту биографии Эдгара.

The picture before my eyes changed again, and before me appeared a man who for many years had been a priest in the church of which I was

a parishioner. He told me about his son, Malcolm, who is hesitant but still considering returning to his old job at the bank. However, he noted that Malcolm would rather accept the offer made to him by the owner of the mobile cinema. Then he began to talk about the affairs of the church, and I again felt that I was physically fully conscious.

Снова изменилась представшая перед глазами картина, и передо мной явился человек, который в течение многих лет был священником в церкви, прихожанином которой я был. Он рассказал мне о своем сыне, Малколме, который колеблется, но все же подумывает о возвращении на свое прежнее место в банке. Однако он заметил, что Малколм скорее примет предложение, сделанное ему владельцем передвижного кинотеатра. Затем он заговорил о делах церкви, и я снова ощутил, что физически нахожусь в полном сознании.

Этот *феномен* так называемого осознанного сна (Lucid Dreaming), ставшего известным к середине XX века. Человек пребывает в дремоте, но вместе с тем осознает, что он находится в полном сознании и воспринимает сновидения как конкретную реальность. В осознанном сне вы осознаете, что спите... поэтому вы можете превратить свои сны в невероятные приключения. От полета до путешествия во времени и посещения близких в форме духа – эта книга поможет вам испытать все, что вы пожелаете. Я сейчас хочу привести цитату из книги Mark McElroy «Lucid Dreaming for Beginners (Simple Techniques for Creating Interactive Dreams) Published by Llewellyn»:

No matter how good and confident we feel in real life, when we fall asleep, we become hostage to our dreams. When our physical bodies are shackled in sleep, we move into another alternative reality. The rules of real life imply gravity, linearity and logic, whether we notice them or not, but here, beyond reality, we can use them or reject them. Here the personality is like a liquid that takes the shape of the vessel in which it finds itself. In this transcendental reality, our friends sometimes twinkle like stars in the dark sky, and then suddenly turn into strangers. Publications, Woodbury Publications, Woodbury, MN 55125 USA.

Как бы хорошо и уверенно мы ни чувствовали себя в реальной жизни, засыпая, мы становимся заложниками наших сновидений. Когда наши физические тела скованы сном, мы перемещаемся в иную альтернативную реальность. Правила реальной жизни подразумевают гравитацию, линейность и логику, независимо от того, замечаем мы их или нет, но здесь, за пределами реальности, мы можем пользоваться ими или отвергать их. Здесь личность подобна жидкости, принимающей форму сосуда, в котором она оказалась. В этой запредельной реальности наши друзья порой мерцают, как звезды в темноте неба, а потом вдруг превращаются в незнакомцев.

То, что происходит в сегодняшней нашей реальности, вчера не было понятным явлением. Эдгар Кейси впервые описал осознанные сновидения. Пробудившись, он сохранил свои сновидения в памяти. Более того, осуществил все те акты, привидевшиеся в процессе осознанного сновидения, исполнив в точности возникшие коллизии и просьбы персон, которые привиделись ему. Они были людьми, хорошо известными Эдгару, хотя в реальности уже давно почившими. В том, что так произошло, убеждает его собственное описание, с которым мы знакомимся по его биографии.

When I woke up, my voice was completely fine, I could speak as usual, although my wife told me that for 30 minutes I had not uttered a single word. After I told her my dream, we looked in the drawer and, naturally, found a check and money, just as my late friend had described. They were received in August by one of the young employees who subsequently left my photography studio (in December). The next day I needed to go to the bank, and it turned out that my account was handled by a young man named Malcolm. When I asked him when he returned, he replied that he arrived last night. I asked him if he was going to stay at the bank and he said he was thinking about it. Then I told him that I had information for him, but he could do as he saw fit. An hour later he came to the studio and I told him about my trance and meeting his late father. Malcolm told me that on his way home from Washington he stopped in Atlanta where he was approached by a friend who asked him to take over the management of a movie theater, but he mailed a letter this morning declining the offer. However, after listening to what his father had to say, he said that he would immediately telegraph that he accepted the offer of this job. Whatever this all means, I don't know if I interpreted the information correctly. The only thing I know for sure is that I have been to many parts of the country, north, south, east and west. There are few, if any, cemeteries in the world that seem unfamiliar to me, so when I see

even the edge of one, concentrating for just a few minutes, I can tell a lot about it and those who are buried there. What is this? I don't know.

Когда я пробудился, мой голос был в полном порядке, я мог говорить, как обычно, хотя жена сказала мне, что за 30 минут я не произнес ни единого слова. После того как я рассказал ей свой сон, мы заглянули в ящик стола и, естественно, нашли чек и деньги, как описала моя покойная подруга. Они были получены в августе одной из молодых служащих, которая впоследствии покинула мою фотостудию (в декабре). На следующий день мне было необходимо сходить в банк, и оказалось, что моим счетом занимался молодой человек по имени Малколм. Когда я спросил его, когда он вернулся, он ответил, что приехал вчера вечером. Я спросил его, собирается ли он оставаться в банке, и он ответил, что как раз раздумывает над этим. Тогда я сказал ему, что у меня есть для него информация, но он может поступать так, как считает нужным. Через час он пришел в студию, и я рассказал ему о своем трансе и встрече с его покойным отцом. Малколм ответил мне, что на пути домой из Вашингтона он остановился в Атланте, где к нему обратился один его друг, который попросил его взять на себя управление кинотеатром, но сегодня утром он отправил письмо по почте, отклонив это предложение. Однако выслушав то, что сказал его отец, он заявил, что немедленно телеграфирует о том, что принимает предложение этой работы. Что бы все это ни значило, я не знаю, правильно ли я интерпретировал полученную информацию. Единственное, что я точно знаю, – то, что я побывал во многих частях страны, на севере, юге, востоке и западе. Мало есть на свете кладбищ, которые кажутся мне незнакомыми, если вообще такие есть, поэтому, когда я вижу даже край одного из них, сосредоточившись всего на несколько минут, могу рассказать очень многое о нем и о тех, кто там похоронен. Что это? Я не знаю.

Честная оценка события, напомню, связана с потерей голоса, вернуть который Эдгар вознамерился, попросив свою жену Гертруду быть стенографисткой на его «*чтении*», адресованном самому себе. Он надеялся, что, прочитав стенограмму, поймет причины вдруг возникшей *афонии*. Однако, по свидетельству супруги, Эдгар промолчал 30 минут. Не произнеся ни слова в этом трансе, Кейси получил шанс

войти в «*загробный мир*», встретиться там с умершим во младенчестве сыном, а также с подругой и священником, и повлиять на судьбы их детей в реальности.

Мне остается только обратиться к иной эпохе, чтобы убедиться в поразительной прозорливости Эдгара Кейси, рассказавшего о связи «*мира мертвых*» с нашим миром, являющимся для нас временным обиталищем, которое мы покидаем, отправляясь в бесконечное путешествие «*на тот свет*».

Существует множество книг о призраках. Интерес к ним не ослабевает. Однако наука неумолима – доказательств объективного существования призраков *не существует*. Так по крайней мере считает всезнающая «Википедия» и не менее осведомленный «Гугл». Эми Бруни – одна из самых известных исследователей паранормальных явлений, с 2016 года автор американского телешоу «*Родственные души*» и, она же, с 2004 года, ведущая телепрограммы «*По следам признаков*», утверждает: «*Вы даже не догадываетесь, что сейчас* (после многолетних исследовательских экспедиций по стране, в поисках призраков. – О. Ю.) *я знаю намного меньше о потустороннем мире, чем когда только начинала исследовать и изучать необъяснимые явления*». Как мне кажется, реальный опыт контактов Эдгара Кейси с *«Загробным миром»,* о котором он писал в своих мемуарах, пока еще не оценен, хотя прошло много лет. Вместе с тем практика изучения «загробного мира» среди американских психологов к началу XXI века стала более целенаправленной, и работы выдающегося американского психотерапевта Майкла Ньютона привели эту проблему к строгому научному осознанию с помощью все того же гипноза, к которому Эдгар Кейси обращался в своем опыте перехода из *«мира живых»* в «*мир мертвых*». Однако не буду отвлекаться. Следуя по тропам биографии, Кейси, продолжу оценивать те следы, которые он оставил потомкам...

Особое место в деятельности Эдгара Кейси начинает занимать нефтяной бизнес. «Спящий лекарь» при своих противоречивых позициях, связанных с отказом от финансирования собственного *феномена*, нередко приходил к финансовому дефициту. Вокруг него было множество деловых людей, которых его способности предвидения выручали, помогая выходить из серьезных затруднений. Нечасто, но это случалось. Возникли и предложения попытаться войти в *транс*, чтобы проверить его возможности в определении залежей воды и нефти в местах, где геологи предвидели их вероятность.

Но одно дело – пробные разработки, с целью проверки залежей нефти, другое – получить от Эдгара «подсказку», гарантирующую реальность ее наличия в недрах. Снова начались парадоксы его *феномена*. Он точно определял залежи нефти и воды. Особенно воды. Все его чтения, касающиеся поиска нефти, были примером его готовности найти источник «*подземного жидкого золота*», но невозможность добычи, правильно найденного источника быстро оказывалась очевидной! Многие коллеги Эдгара, вовлеченные его способностями найти нефть, не раз убеждались в точности его прогнозов, но стоило только приступить к разработке, как нефть или оказывалась в минимальных объемах, нецелесообразных для промышленной эксплуатации, или ее появление в указанных Кейси местах оказывалось в слишком глубоких залеганиях, требующих больших финансовых вложений. Кейси долго не мог понять причин этого странного явления. Одновременно с «нефтяным бизнесом» Эдгар напряженно занимался лечебными «*чтениями*», но и здесь далеко не все складывалось благополучно. Тревоги заставили Кейси пересмотреть деловые пристрастия. Вот что он пишет в своей биографии, оценивая итоги своего желания развивать перспективы своей компании «Кейси Петролеум». Итоги своих бесполезных усилий он описывает, как бы оценивая их со стороны:

> When the oil business ended, it became clear that readings were not to be used in this way. This was a very harsh lesson for Edgar, because the information turned out to be correct, but the results were completely unsatisfactory, things were not going at all the way he would have liked. Perhaps Edgar prayed for more than one material accomplishment, so great was his desire to have a hospital for those who needed it.

> Когда пришел конец нефтяному бизнесу, стало ясно, что «чтения» не должны были использоваться таким образом. Это было очень суровым уроком для Эдгара, потому что информация оказалась правильной, а результаты — совершенно неудовлетворительными, дела шли совершенно не так, как ему бы хотелось. Возможно, Эдгар молился больше чем об одном материальном свершении, столь велико было его стремление иметь больницу для тех, кто в нем нуждался.

В тот период он искал средства для открытия клиники, где хотел заниматься целительством, привлекая свой «*феномен*». Эдгар

оценивал свои неудачи в нефтяном бизнесе с позиций человека, который честно признавал *несопоставимость* бескорыстной деятельности на благо страдающего человека с работой, связанной с *деньгами, выгодой, расчетом.* В обоих случаях его *феномен* приносил результат, но *противоречивость* мотивов приводила его к тяжким нравственным страданиям. Облегчение он находил в многочасовых покаянных молитвах Господу, буквально изматывающих его организм. Связь Эдгара с Господом и религией оставалась несокрушимой, хотя временами искушение его настигало, угрожая физическому состоянию организма, приводя к утрате душевной гармонии...

Интерес современников к феномену Кейси не угасал. Настал момент, когда он согласился открыть исследовательский Институт Кейси. Один из его соратников, Артур Ламмерс (Arthur Lammers) предложил открыть его в Дейтоне, штат Вирджиния (Dayton, Virginia) и делать главной задачей фиксацию текстов, которые возникали во время «*чтения*» Эдгара Кейси.

Кстати, слово «чтение» предложили его союзники, слыша в период транса целителя, произносившего «*тексты*» размеренно, не затрачивая эмоций на изложение диагнозов и лечебных мер. Его дыхание было ровным, а предложения звучали отчетливо, с равными интервалами, имитируя чтение текстов очень хорошо знакомых ему. Стенографисты записывали тексты «*чтения*» без особых проблем, однако, необходима была хорошая квалификация. Остановиться и переспросить было невозможно. Именно с этой проблемой в 1923 году сталкивались все сторонники Эдгара. Случалось так, что стенографистка, а это в основном были молодые женщины, фиксировала текст неточно. При расшифровке возникали проблемы правильной передачи смыслов излагаемых Эдгаром медицинских терминов. Говоря о диагнозе пациента, он произносил конкретный термин, который был для уха стенографистки чужеродным. Как его записать, она не знала, отображала этот термин так, как слышала, и нередко приспосабливала его звучание с латинского, который Эдгар в *трансе* произносил вполне отчетливо, а стенографистка не знала, как это слово следует записать на английском языке. Возникала путаница. В изложении диагнозов именно смыслы несли в себе точность тех рекомендаций, которые адресовались лечащим врачам. Если они присутствовали во время «*чтений*», им удавалось быстро понять, какой смысл вкладывает «*спящий лекарь*» при изложении сути болезни своего пациента.

Нетрудно представить состояние врача, который отсутствовал при изложении диагноза Эдгаром Кейси, который записывался стенографисткой. Не говоря уже о том, что нередко доктор сталкивался с тем, что «*спящий лекарь*» произносил совершенно иной диагноз, чем поставил сам доктор. Пробуждение Эдгара не давало никаких шансов врачу оспорить или уточнить услышанный «*текст*», пусть даже безукоризненно записанный стенографистками. Убеждаясь, что вышедший из *транса* человек, еще минуту назад произносивший ровным, уверенным тоном глубокого профессионала «*текст*», пробудившись, оказывался в медицине абсолютным профаном! Однако здоровье и жизнь пациента являлись решающими в поисках истины, и дело иногда заходило о повторных «*чтениях*» одного и того же пациента. Все ради того, чтобы уточнить спорную часть записанного со слов Кейси диагноза.

Уже тогда его жена Гертруда заметила, сколько сил уходит у Эдгара на эти «*чтения*». Их повторение для ликвидации ошибок стенографистки, оказывалось для Эдгара трудом изнурительным, изматывающим организм.

V.

После раздумий и тренировок со множеством кандидатов, была создана команда сотрудников, которая успешно работала с Кейси долгие годы, исцеляя недуги обратившихся за помощью пациентов. Следующая проблема, которую его образованные коллеги хотели как можно тщательнее изучить, оказалась интересной и для самого Эдгара. Вопрос: откуда «*спящий пророк*» получает информацию во время «*чтений*»? На тот период времени была известна теория эволюции, построенная английским ученым Чарльзом Дарвином. Его главный концепт: «*Человек произошел от обезьяны*». Когда начались «*чтения Кейси*», проводимые Мистером Ламмерсом (Mr. Lammers), оказалось, что все полученные от Кейси тексты содержали только библейские истины:

> *Question.* What is the soul of the body? Question. What is the soul of the body?
>
> *Answer*. This is what the Creator initially gave to every living creature and every person, what is looking for its home or place near the Creator.

> *Question*. Where does the soul come from and how does it enter the physical body? Answer. She's already there. «And He breathed into him the breath of life, and He became a living soul.» After all, breath, this ether of vital forces that enters the human body at birth, when he inhales the breath of life, becomes a living soul if it reaches that development when the soul can enter and find its place. All souls were created originally, and they find their way back to where they came from. These are the ideas of Holy Scripture. There are no connections with the concepts of anthropogenesis in the «reading» of Edgar Cayce... Answer. This is what the Creator initially gave to every living creature and every person, what is looking for its home or place near the Creator. Question. Where does the soul come from and how does it enter the physical body?
>
> *Answer*. She's already there. «And He breathed into him the breath of life, and He became a living soul.» After all, breath, this ether of vital forces that enters the human body at birth, when he inhales the breath of life, becomes a living soul if it reaches that development when the soul can enter and find its place. All souls were created originally, and they find their way back to where they came from. These are the ideas of Holy Scripture. There are no connections with the concepts of anthropogenesis in the «reading» of Edgar Cayce. Typical religious worldview
>
> *Вопрос*: Что такое душа тела?
>
> *Ответ*: Это то, что Создатель изначально дал каждому живому существу и каждому человеку, то, что ищет свой дом или место подле Создателя.
>
> *Вопрос*: Откуда приходит душа и как она входит в физическое тело?
>
> *Ответ*: Она уже там. «И Он вдохнул в него дыхание жизни, и Он стал душой живой». Ведь дыхание, этот эфир жизненных сил, попадающих в тело человека при рождении, когда Он вдыхает дыхание жизни, становится живой душой, если достигает того развития, когда душа может войти и найти свое место. Все души были созданы изначально, и они находят свой путь назад, туда, откуда они прибыли.
>
> Это идеи Священного Писания. Никаких связей с концепциями антропогенеза в «чтении» Эдгара Кейси нет. Типичное религиозное мировоззрение.

...В окружении Эдгара появлялись разные люди, проповедовавшие идеи, связанные с его *феноменом*. В основном, это были квалифицированные врачи, которые осмысливали истоки *феномена* Эдгара Кейси, ограничивались сугубо медицинскими сущностями, не обращаясь к философским корням явления, происходящего перед их глазами.

Вместе с тем примерно в этот же период в Европе совместно сотрудничали три выдающихся философа, деятельность которых протекала во Франции. Анри Бергсон (Henri Bergson) (1859–1941) – французский мыслитель, лауреат Нобелевской премии, представитель философии жизни, эволюционизма и интуитивизма; французский философ, представитель католического модернизма Эдуард Ле Руа (Edouard Le Roy) (1870–1954); французский палеонтолог, философ, теолог и священник-иезуит Пьер Тейяр де Шарден (Pierre Teilhard de Chardin) (1881–1955). Позднее к ним присоединился русский ученый В. И. Вернадский, чьи лекции в Сорбонне слушал Пьер Тейяр де Шарден, обнаружив в русском ученом своего духовного соратника. Идеи Бергсона, которые Пьер Тейяр де Шарден излагал в своих лекциях, которые позднее были опубликованы в его программной книге *«Творческая эволюция»* (L'Evolution creatrice, 1907), увлекли и Эдуарда Ле Руа, когда тот пребывал на кафедре философии в Коллеж де Франс, возглавляемой А. Бергсоном. Кстати, в 1921 году Э. Ле Руа сменил его на посту руководителя кафедры, на которой проработал до 1941 года. Он был другом и единомышленником П. Тейяра де Шардена, который тоже был последователем А. Бергсона, разделявшим его *эволюционные* идеи. Эти же идеи развивал и Э. Ле Руа, который пытался согласовать с ними католические догматы с фактами, накопленными антропологией, и новейшими открытиями в биологии. Исходя из бергсоновской идеи *«жизненного порыва»*, он рассматривал *эволюцию*, в истоках которой лежит *духовная сила, действующая мысль.* С появлением человека эволюция природы и жизни приобретала качественно новый аспект, поскольку именно человек, наделенный сознанием и разумом, становился *условием и орудием* поступательного развития всей природы, совершая переход от *биосферы* к *ноосфере*, иначе говоря – сфере разума. *Ноосферу* Ле Руа охарактеризовал как единство *«природы» и «культуры»*. Термин «*ноосфера*» так же широко использовал в своих работах его друг и соратник – Тейяр де Шарден. С 1908 по 1912 год он совершенствовался в богословии в иезуитском центре в Гастингсе, где синтезировал свои научные, философские и богословские знания

в свете *эволюции*. В 1911 году П. Тейяр де Шарден был рукоположен в сан священника, посвятив свою жизнь научной работе. Так возник союз двух ученых, адептов христианства, исповедовавших идеи *ноосферы*, убежденных в синтезе *божественного духа с интеллектом человека в природной эволюции.*

В 1924-1925 годах Э. Ле Руа и П. Тейяр де Шарден познакомились с лекциями по геохимии русского ученого В. И. Вернадского, которые он читал в Сорбонне. В этих лекциях Вернадский впервые обосновал идею о том, что *человечество* стало *самостоятельной* геологической силой, влияние которой на перемещение элементов в геологических оболочках Земли *огромно*. Именно эта идея окончательно подвела П. Тейяра де Шардена и Э. Ле Руа к новой концепции. А с 1925 года *ноосферная концепция* стала результатом творческого содружества этих трех выдающихся ученых. И хотя в последующем их религиозные представления о сущности *ноосферы* Вернадский не разделял, он тем не менее принял факт привнесения Эдуардом Ле Руа в философию понятия «*ноосфера*». «*В 1922-1923 годах на лекциях в Сорбонне в Париже я принял как основу биосферы биогеохимические явления. Часть этих лекций была напечатана в моей книге «Очерки геохимии». Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ, бергсонианец Э. Ле Руа в своих лекциях в Коллеж де Франц в Париже ввел в 1927 году понятие ноосферы...как современной стадии геологически переживаемой биосферой*» (http://studfile.net...page:12).

Представления П. Тейяра и Э. Ле Руа о переходе биосферы в новое состояние – *ноосферу* можно выразить примерно так: с появлением *человека* эволюция получает новые, не свойственные *«животной биосфере»* или находящиеся еще в зародыше, психические средства. Развитие ноосферы происходит только с помощью *духовных* средств, посредством *интеллекта, языка,* через *промышленность и общество. «Таким образом,* – пишет Э. Ле Руа – *биосфера переходит в ноосферу».*

На мой взгляд, чтобы приблизиться к пониманию феномена Эдгара Кейси имеет смысл обратиться к словам обоих французских исследователей. Они писали о переходе биосферы в *ноосферу*, оценка которой отражала их понимание сути этого глобального явления. Оно хоть как-то подсказывает *механизмы* тех проявлений *феномена* Эдгара Кейси, о котором невозможно писать языком сухого протокольного изложения. «*Если мы хотим...вписать человека во всеобщую*

историю жизни...то необходимо поискать его выше низшей природы, в ситуации, где он господствует над ней, но тем не менее не отрывается от ее почвы, а это равносильно тому, чтобы представить себе над существовавшей ранее животной биосферой и как ее продолжение некую человеческую сферу, сферу рефлексий свободного и сознательного изобретения, сферу мысли как таковой, короче говоря, сферу духа или ноосферу. А затем у истока этого великого нового единства... следует поставить феномен жизненной трансформации, воздействующей на всю биосферу в совокупности: гоминизацию. (гоминизация: процесс очеловечения обезьяны, начало которому положило формирование первых специфических человеческих особенностей, а завершением было появление человека современного типа). *Итак, человечество принадлежит как бы к новому порядку реальности, поддерживающему с низшим миром отношения, эквивалентные тем, которые на более низком уровне можно распознать между жизнью и материей».*

В феномене Эдгара Кейси я вижу погружение в *ноосферу*, отражающую «*сферу рефлексии*», «*сферу мысли*», «*сферу духа*» и накапливающую беспрерывно *феномен жизненной трансформации*, которая, приведя к появлению человека, стала *наполнять ноосферу* бесконечной и непрерывно растущей в объемах и качестве информацией. Подключение «спящего лекаря» к ноосфере и было тем феноменом, который поражал воображение соратников Эдгара Кейси своими неограниченными возможностями в исцелении недугов пациентов, страждущих возвращения им жизненной энергии. Примем это, как вресию...

Постоянная борьба за выживание сильно изнуряла Кейси, мешая сосредоточиться на лечебной практике. Наконец, 6 мая 1927 года в штате Вирджиния было провозглашено создание *Ассоциации национальных исследователей.* Она была создана в большей степени на основе экстрасенсорной работы мистера Эдгара Кейси. Казалось бы, главной ее целью было «*способствование дальнейшему получению физической, ментальной и духовной пользы для тысяч людей, от его работы в области экстрасенсорики*». Огромный опыт, накопленный в практике «*чтений*» Кейси, убедительно свидетельствовал о возможностях оказания реальной помощи страдающим от недугов пациентам. Однако проект *Ассоциации* затрагивал интересы множества «*спутников*» Эдгара – врачей, которые желали присоединиться к его славе лекаря и ставили вопрос о строительстве большой клиники, опираясь на финансовую помощь *Ассоциации*. Начал разрабатываться

проект клиники. В целях ее создания провозглашалось стремление участвовать в исследовании психических феноменов, а также поиск практического применения любого знания, доступ к которому осуществляется с помощью Эдгара Кейси. Что касается конкретной деятельности, *Ассоциация национальных исследователей* намерена оказывать экстрасенсорную помощь в этой больнице. Распространять и использовать на благо человечества те знания, которые были получены в ходе исследовательской работы сотрудников клиник. Больница Ассоциации намерена обеспечить тех, кто получает «*чтения*» относительно состояния здоровья и желает пройти терапию в точном соответствии с предписаниями, данными в «*чтении*», под наблюдением компетентных и доброжелательных врачей. Это учреждение должно работать в строгом соответствии с правилами современной науки и в рамках этических норм. Все палаты должны быть оборудованы таким образом, чтобы в них было комфортно и удобно. Обслуживание и лечение будут полностью соответствовать нормативам для учреждений подобного типа. Все вырученные средства станут направляться, помимо зарплаты врачей, на нужды больницы.

Размах деятельности и *Ассоциации*, и воздвигаемой больницы постепенно приобретал отчетливые формы. Насколько в этом проекте была очевидна роль Эдгара, пока оставалось неясным. То, что он обладал *феноменом*, на который делалась ставка в лечебном процессе, было очевидно, но клиника – это сообщество медиков, на плечах которых лежала главная функция восстановления здоровья пациентов. Феномен Кейси *включался* в особых случаях, когда требовалась диагностика, разработка процесса лечения, определение медикаментозного обеспечения больного человека. Вольно или невольно в отношения между врачами клиники и самим Эдгаром Кейси закладывались неизбежные противоречия. Их разрешение основывалось на диалоге, предполагавшем творческую дискуссию, что невозможно было в принципе. Материалы «*чтений*» предоставлялись стенографистами, которые фиксировали «*мнение*» Эдгара Кейси, пребывавшего в трансе. Пробудившись от транса, он исключался из лечебного процесса, поскольку превращался в полного невежду в области медицины. Лечебный процесс в условиях клинической больницы – явление непрерывное. Доктора, осуществляющие контроль за эффективностью лечебного процесса, проходили обучение медицине своего времени, усваивая профессиональные навыки, лекарственные препараты

и медицинский опыт, а также оборудование. В диагностике Эдгара Кейси нередко обнаруживались незнакомые врачам детали. Предлагаемые им препараты и вовсе часто им были незнакомы. Стало быть, в лечении пациентов возникали противоречия между профессиональными ресурсами докторов и той информацией, которую черпал Эдгар Кейси! Возникала необходимость повторных «*чтений*» Кейси для уточнения деталей лечения или самого диагноза. Так в клиническую практику Эдгара Кейси вмешивалась реальность, которая истощала его физически, мешая сохранять душевное равновесие. Особое положение Эдгара заставляло докторов беспрекословно уважать каждое слово в стенографии «*текстов*», что тоже было непросто, учитывая профессиональное честолюбие, квалификацию и вечного спутника самоуважения специалиста – сомнение. Впереди Эдгара ждали разочарования...

Больница открылась для пациентов в феврале 1929 года. Все, кто стоял у основ ее возведения, лечебной практики и воплощения всех целей, опирались на главный постулат: служение Господу, обращению к религиозным истокам, поскольку все духовные союзники Эдгара Кейси были избраны космическими силами, Богом Всемогущим, и несут ответственность перед Ним и человечеством за то, чтобы правильно использовать полученные знания и материальные средства.

Деятельность больницы после открытия развивалась весьма успешно. В биографических записках Эдгара описываются успешные факты лечения пациентов, и, казалось бы, мечта великого прорицателя и лекаря воплотилась на практике. Вот что он пишет:

> In the first year, three thousand visitors visited the hospital. Even more people turned to us for advice and information about the possibility of membership in the association. During the summer months, visitors included Chester A. Robinson and Boston School of Accounting and Finance professor Bentley. Mr. Robinson became very interested in our work and, before returning to Boston and resuming work, asked for a life reading to be performed for him. Rev. Robert B.H. Bell, a writer and lecturer from Denver, Colorado, visited the hospital and gave me an autographed copy of his latest book, «The Challenge», an interpretation of the Word of the Lord and a translation of the Sermon on the Mount from the original Greek text.

> За первый год в больнице побывали три тысячи посетителей. Еще большее количество обратилось к нам за консультацией и информацией о возможности членства в ассоциации. В течение летних месяцев среди посетителей был Честер А. Робинсон и профессор Бостонской школы бухгалтерского учета и финансов Бентли. Мистер Робинсон очень заинтересовался нашей работой и, прежде чем вернуться в Бостон и возобновить работу, попросил выполнить для него чтение жизни. Преподобный Роберт Б. Х. Белл, писатель и лектор из Денвера, штат Колорадо, посетил больницу и подарил мне экземпляр своей последней книги «The Challendge», являющейся интерпретацией Слова Господа и переводом Нагорной Проповеди с оригинального греческого текста, с автографом.

Финансовые проблемы тем не менее оставались главными в деятельности такой крупной хозяйственной структуры, какой была эта больница Ассоциации исследователей. Должность «секретаря-казначея» оставалась за Эдгаром Кейси, заставляя его заботиться о финансовом благополучии больницы и Ассоциации. Его религиозная совесть оставалась неприкосновенной в оценке финансового состояния и больницы, и Ассоциации. Ему не в чем было себя упрекнуть перед лицом возникавших финансовых проблем. Его нравственные переживания отражали реальность, проходящую через его религиозные убеждения. Вот что он пишет в своей биографии:

> I am sure that a simple truth has been revealed to me: we cannot do more than what we can do, but we can do much more if we understand that it is not our power, but His, coming through us, taking possession of our being. This is how it was and how it will always be. Our task is simply to cement this fact in the minds and hearts of people, to let them know that we are helping them to establish their own relationship with the energy that created all things, with God, and that through Him we can do whatever we want if we hold on to this desires within His will. During the readings it was repeatedly said: «Seek God first, and when you find it, everything will be given to you.» And no matter whether it is the desire of a doctor to work in our institution, or the need for strength to give the information necessary for an individual search for truth, or whether it will be money to pay for what is necessary for further work – all this is in His will.

> Я уверен, что мне открылась простая истина: мы не можем сделать больше того, что нам по силам, но мы можем сделать намного больше, если поймем, что это сила не наша, а Его, идущая через нас, овладевающая нашим существом. Так было и так будет всегда. Наша задача — просто закрепить этот факт в умах и сердцах людей, дать им понять, что мы помогаем им установить их собственные отношения с энергией, сотворившей все сущее, с Богом, и что через Него мы можем сделать все, что пожелаем, если удержим эти желания в рамках Его воли. Во время чтений неоднократно говорилось: «Сначала ищите Бога, а когда обретете, все будет вам дадено». И неважно, будет ли это желание врача работать в нашем учреждении или потребность в силе, чтобы дать информацию, необходимую для индивидуального поиска истины, или это будут деньги, чтобы оплатить то, что необходимо для дальнейшей работы, — все это в Его воле.

Все, казалось бы, складывалось в деятельности Ассоциации и больницы благополучно. Прошел год. Некоторые сложности с финансированием были преодолены, и Кейси благосклонно принял предложение своих соратников создать так называемый Атлантический университет, призванный готовить кадры, необходимые для клинической больницы. В некоторых «чтениях» Эдгара, которые он проводил по просьбе своего коллеги по Ассоциации, доктора Мортона, возникли тревожные тексты, понять которые Эдгару было непросто. В одном из «чтений» появилась смерть в облике конкретного лица, с которым Кейси установил диалог, текст которого его сильно озадачил. Размышляя о случившемся, он пишет в своей биографии.

> I tried to delve deeply into the circumstances that arise in the lives of people who are looking for information through such sources, and all the time I tried to understand the essence of my phenomenon, is this not a thread of life that permeates everything that the Lord himself spoke about: «The one who receives life, must give himself in order to have abundant life. Anyone who exalts himself will be humiliated, but he who does not think of himself separately from the Heavenly Father can turn to me by name, and he will not be forgotten. Seek and you will find, knock and it will be opened to you. After all, in Me you find the protection of the Heavenly Father, and the Father, who invisibly listens to your innermost thoughts, will reward you openly».

> Я старался глубоко вникнуть в обстоятельства, возникающие в жизни людей, которые ищут информацию посредством подобных источников, и все время пытался понять суть своего феномена, разве не есть это нить жизни, пронизывающая все то, о чем говорил сам Господь: «Тот, кто получит жизнь, должен отдать себя, чтобы иметь жизнь обильную. Всякий возвышающий сам себя – унижен будет, но тот, кто не мыслит себя отдельно от Отца Небесного, может обратиться ко мне по имени, и он не будет забыт. Ищите и обрящете, стучите – и отворят вам. Ведь во Мне вы обретаете защиту Отца Небесного, и Отец, незримо внимающий вашим самым сокровенным помыслам, вознаградит вас открыто».

Как ни парадоксально, но речь шла об истине относительно деятельности Ассоциации и больницы. Спустя некоторое время Эдгар Кейси вынужден был констатировать возникновение реальных обстоятельств, которые никак нельзя было назвать оптимистическими. Это привело к жестокому разочарованию. В тексте его «чтения» на эту тему говорится о его состоянии в третьем лице:

> Things went very well at the hospital for a while, but eventually misunderstandings and problems arose. It seemed to Edgar that rather selfish demands were made towards him, which he considered completely unfair in those circumstances. As a result, he refused to obey them, which only escalated the situation. This continued until all agreements were terminated, and Edgar left with nothing, honestly leaving everything he had. He said, «If that's your policy and that's what you want, then you can take everything because I don't want to be with you and act like that».

> Некоторое время дела в больнице шли очень хорошо, но в конце концов возникли недопонимания и проблемы. Эдгару показалось, что по отношению к нему выдвигались довольно эгоистические требования, которые он считал совершенно несправедливыми в тех обстоятельствах. В результате он отказался подчиняться им, что только обострило ситуацию. Это продолжалось до тех пор, пока все договоренности не были расторгнуты, и Эдгар ушел ни с чем, честно оставив все, что у него было. Он заявил: «Если такова ваша политика и именно этого вы хотите, то можете забрать все, потому что я не хочу быть с вами и действовать подобным образом».

Он не претендовал ни на что, ни на какую часть предприятия, поскольку не хотел участвовать в том, что могло оставить неприятное ощущение или плохие воспоминания. Эдгар хотел вести дела иначе, и он не чувствовал бы себя достойно, если бы остался в компании или принял чью-то сторону, так как это могло привести к вражде между старыми друзьями или к возникновению ненужных разногласий между дружелюбно настроенными членами *Ассоциации*. Было совершенно ясно, что окончательной целью членов *Ассоциации* был личный интерес, деньги и то, что на них можно купить. Все это в корне отличалось от целей и желаний Эдгара. С самого раннего детства он хотел просто помогать ближним, причем никогда не стремился к тому, чтобы делать это теми способами, которые обычно люди считают «великими», он не хотел заниматься глобальными делами. Эдгар хотел совершать небольшие незаметные дела в рамках повседневной жизни, решать мелкие проблемы, которые попадались ему на глаза и были в пределах его возможностей. Он стремился нести *мир, радость, гармонию, удовлетворение и счастье* людям. Естественно, когда возникали разногласия, споры и неприязнь, он понимал, что это не то, к чему он всю жизнь стремился, за что он боролся, и если он не мог изменить подобную ситуацию, то был готов уйти прочь от всего этого. Когда возникли проблемы, он продолжал помогать людям, насколько мог сделать это самостоятельно, выполняя «*чтения*» и давая информацию всегда, когда это требовалось, и в любом месте. Так ему удалось помочь сотням людей.

Наивность и прекраснодушие Эдгара, готовность беззаветно верить своим соратникам, обыденный эгоизм тех, кто с легкостью повторял за Эдгаром строки Священного Писания и постулаты религиозных текстов, не задумываясь об искренней вере – в конечном счете все это привело к неразрешимым противоречиям между его идеалами и теми реалиями, которые главенствовали в окружающей его жизни.

Однако религиозная убежденность Эдгара в правоте Господа, одарившего его феноменом, осталась непоколебимой. Оценивая действия своих союзников, Эдгар был полон духовного оптимизма. Называл ошибки коллег заблуждением, которому они случайно поддались, помня, как он сам, поддавался соблазнам из-за недостаточного понимания сути Священного Писания. Оценивая свои будущие действия на пути служения Господу и людям, страждущим его помощи, Эдгар Кейси оставался полон веры в себя и оптимизма.

Его волю питают религиозные идеалы, которые он черпает из Библии.

> I hope that I will be able to think and act correctly, to do as my Lord and Master directs me, because those who tirelessly make one attempt after another can come to know Him better, and I want to act in the same spirit. Since I understand that the life and enlightenment of my loved ones have been achieved through these channels, no matter what conditions I find myself in, when I am asked to help, I feel that I should not refuse. If this phenomenon manifested through me has some value for other people, and I am sure that this is so based on my own experience, the experience of my relatives and loved ones, it would be right to at least try to help them. Circumstances change our capabilities. Maybe we are on the verge of sin. Can we all dedicate ourselves, our lives, our efforts to His Good Cause, His Purpose, His Way, whatever they may be? If we are unable to use the information we receive to make life more worthy, at least for those who have health problems, then this means that we have abandoned our true goal. Since the hospital was intended to help people in trouble, we feel, even though our capabilities are limited, that it is necessary to continue our activities, make efforts and go in the chosen direction directly and confidently.

Надеюсь, что мне удастся мыслить и поступать правильно, делать так, как указывает мне мой Господь и Учитель, ведь те, кто неустанно предпринимают одну попытку за другой, могут лучше узнать Его, и я хочу действовать в том же духе. Поскольку я понимаю, что жизнь и просветление моих любимых были обретены через эти каналы, то в каких бы условиях я ни оказался, когда меня просят помочь, я чувствую, что не должен отказывать. Если этот феномен, проявленный через меня, имеет некую ценность для других людей, а я уверен, что это так на основании моего собственного опыта, опыта моих близких и любимых людей, будет правильным хотя бы попытаться им помочь. Обстоятельства меняют наши возможности. Может быть, мы у порога греха. Можем ли все мы посвятить себя, наши жизни, наши усилия Его Благому Делу, Его Цели, Его Пути, какими бы они ни были? Если же мы оказались неспособны с помощью полученной информации сделать жизнь более достойной, хотя бы у тех, у кого возникли проблемы со здоровьем, то это значит, что мы отказались от своей истинной цели. Поскольку больница была предназначена для помощи людям,

> попавшим в беду, мы чувствуем, пусть даже наши возможности ограничены, что необходимо продолжать нашу деятельность, прилагать усилия и идти в избранном направлении прямо и уверенно.

Снова и снова *идея служения* страждущим остается главной, заставляя Эдгара Кейси забыть о тяжких разочарованиях, к которым привели его соратники на пути к реализации его стремления помочь страдающим пациентам, используя дар Божий. Никакие разочарования и груз ошибок не могли удержать Эдгара Кейси от вовлечения новых соратников для служения людям. Он снова обращается к ним, предлагая создать *Ассоциацию исследования и просвещения*.

Эдгар снова полон энтузиазма. Он верит в новых соратников. Полон надежд на успех своего предприятия. Его окружает множество людей, равно как и сам Кейси, уверенных в успехе его свершений. Разумеется, «*чтения*» продолжаются, и число страдальцев, готовых обратиться к нему за помощью, не уменьшается. На дворе 1931 год, его жена Гертруда всегда рядом, дети взрослеют и готовы поддержать отца в деле служения людям. Наставление из Священного Писания – «*Если двое или трое собираются вместе во имя Мое, я буду среди них*» – питает надеждами его чувства. Несмотря на пережитые потери, крах больницы и *Ассоциации исследователей*, Эдгар молит Бога простить его и продолжает опираться на Священное Писание. Он не сомневается, что Господь слышит его и однажды он получает послание, сильно его вдохновившее:

> Be steadfast in the faith; if you feel mercy – be merciful, if you feel peace – bring it into the world, if you have patience, show it towards other people, only in the bright manifestations of the life-giving Forces of the Lord can you find God, and not in material goods that become earthly reward!
>
> Будь стоек в вере; если чувствуешь милосердие – будь милосерден, если ощущаешь покой – неси его в мир, если есть в тебе терпение, выкажи его по отношению к другим людям, только в ярких проявлениях живительных Сил Господа вы можете найти Бога, а не в материальных благах, которые становятся земным вознаграждением!

Проходят годы, деятельность новой *Ассоциации* ведется без срывов и проблем. Настал момент, когда Эдгар пишет в своем дневнике (18 марта 1938 года):

> ...Wife Gertrude Casey conducts readings. Hugh Lynn Casey, eldest son, manager of the Association for Research and Enlightenment, turned 31 the day before yesterday, currently in New York, staying with the Zentgrafs. Mr. 3. is one of the leaders of the board of trustees and organizers of the association. Edgar Evans Cayce is a student at Duke University and turned 20 on February 9th. He is studying to become an engineer, he has one more year left to study. Miss Gladys Davis has been a stenographer since September 1923...
>
> ...Жена Гертруда Кейси проводит чтения. Хью Линн Кейси, старший сын, управляющий «Ассоциации исследования и просвещения», позавчера ему исполнился 31 год, в настоящее время находится в Нью-Йорке, остановился у Зентграфов. Мистер 3. – один из руководителей совета попечителей и организаторов ассоциации. Эдгар Эванс Кейси учится в школе при Университете Дьюка, 9 февраля ему исполнилось 20 лет. Он учится на инженера, ему осталось учиться еще год. Мисс Глэдис Дэвис работает стенографисткой с сентября 1923 года...

Эти строчки – свидетельство покоя, житейской мудрости, глубокой душевной удовлетворенности человека, который достиг высот своего знания жизни. Удовлетворен преданностью близких по духу людей. Благодарен Господу за его снисходительность к тем просчетам и ошибкам, которые судьба преподнесла в его житейских стараниях найти спасение от греховности и соблазнов. Жизнь продолжается, и Эдгар Кейси снова полон оптимизма и самых смелых надежд...

...Третья часть биографии Эдгара Кейси, названная им «*Моя философия*», посвящена его размышлениям, которые являются религиозными и по сути, и по содержанию. Он достиг жизненной мудрости, переступив порог зрелости и пережив множество потерь, обрел представления, которые питались опытом, усвоенным за годы жизни. Эдгару необходимо было это новое погружение в глубины религиозных идей, чтобы осмыслить ту реальность, с которой он прошел почти сорок лет. Раздел «*Моя философия*» несет в себе религиозные истины, опираясь на которые он снова и снова воссоздает в своем

сознании весь противоречивый опыт бытия. Главная аксиома его рассуждений – *главенство Бога*, нетленная мудрость *Священного Писания,* освоить которую он стремился всю свою жизнь. К ней Эдгар возвращается, уже пройдя путь «*спящего лекаря*» и пророка. Он ощущает ответственность прожитых дней, в которых его мировоззрение обретает прочный фундамент религиозных истин. Они уже являются ему как его личное убеждение. Именно этим можно объяснить толкование Эдгаром видений из его «чтений» и обыденных сновидений. Все происходящее в его жизни он уже не может истолковывать иначе как результат переосмысливания религиозных истин. Вот почему его мысли в главе «*Холистическое целительство*» приобретают столь убедительное звучание, когда он говорит о роли Бога в жизни каждого человека.

> Several years ago, a plant was discovered in our gardens, the juice of which helped with low blood pressure, poor circulation or slow pulse. You may be wondering: what does this have to do with consciousness and healing? All forces are part of one, unified force. Is this plant a manifestation of God's love for people or not? This is not just a beautiful flower known as foxglove, but also something that contains a substance that can awaken the life-giving forces of consciousness in the human body, a substance that can help with many painful conditions.
>
> Несколько лет назад в наших садах было обнаружено растение, сок которого помогал при пониженном давлении, нарушении кровообращения или замедленном пульсе. Вы можете задаться вопросом: какое это имеет отношение к сознанию и целительству? Все силы –это часть одной, единой силы. Является ли это растение проявлением любви Бога к людям или нет? Это ведь не просто красивый цветок, известный как наперстянка или дигиталис, но и нечто, содержащее вещество, способное пробудить живительные силы сознания в человеческом теле, вещество, которое может помочь при многих болезненных состояниях.

Переходя к следующей главе, «*Истина*», Эдгар Кейси попадает в противоречивые лабиринты рассуждений об *истине* как о проявлении усилий Господа. Его жажда увидеть в *истине* очевидность наталкивается на сложный процесс ее проявления в разных формах.

> ...When we have a certain idea or experience a certain event, we gradually build up the feeling that we know the whole truth. But do Mohammed's followers know the whole truth? Or did the followers of Moses, who brought the Commandments, know the whole truth? Perhaps the truth was the spiritual growth of each of us, and what is true for one person probably will not seem true to another?
>
> ...Когда у нас возникает некая идея или мы переживаем определенное событие, мы постепенно выстраиваем ощущение, что знаем истину целиком. Но знают ли последователи Мохаммеда всю правду? Или знали всю правду последователи Моисея, принесшего Заповеди? Может, правдой был духовный рост каждого из нас, и то, что является истиной для одного человека, вероятно, не покажется истиной другому?

Наконец, он приходит к убеждению, которое кажется ему наиболее цельным и непротиворечивым утверждением:

> Truth is not a thing, not an object, so we cannot feel it through our body, our eyes, our hands. This is the essence from which a person builds faith, hope and trust. This is the Truth! The essence that we can hold before our mind's eye is the Truth."
>
> Истина – это не вещь, не предмет, поэтому мы не можем ощутить ее посредством своего тела, своих глаз, своих рук. Это суть, из которой человек строит веру, надежду и доверие. Вот это Истина! Та суть, которую мы можем держать перед мысленным взором, вот Истина.

Смысловая прелесть высказывания Эдгара Кейси очевидна, особенно на фоне суждения об истине Википедии:

Truth or verity is the property of being in accord with fact or reality. In everyday language, truth is typically ascribed to things that aim to represent reality or otherwise correspond to it, such as beliefs, propositions, and declarative sentences. Truth is usually held to be the opposite of false statement. Wikipedia

Истина или истинность – это свойство быть в соответствии с фактом или реальностью. В повседневном языке истина обычно приписывается вещам, которые призваны представлять реальность или иным образом соответствовать ей, например, убеждениям,

суждениям и повествовательным предложениям. Истина обычно считается противоположностью ложного утверждения. Википедия.

Сущностная связь рассуждений Эдгара Кейси со Священным Писанием и его религиозностью придает особый аромат его высказываниям, от которых не требуется согласования с «протокольной» точностью научной формулировки.

Переход к следующей главе фундаментальных рассуждений Эдгара о своей философии заставляет признать диапазон его мышления безграничным. Глава называется «*Новое тысячелетие*». В ней он излагает пророчества, касающиеся вероятных перемен в структуре Земли. Не касаясь того, откуда Эдгар Кейси черпает эти глобальные перемены, согласимся с теми представлениями, которые он излагает.

> It doesn't matter how these warnings come to us. The main thing is that they surround us. Various changes are taking place, new land areas will appear within a few years, I am quite sure of that. Several «readings» predicted changes in the appearance of the Earth, which would begin in the last years of the second millennium. And I had a dream in which I was born again in the year 2158 in Nebraska. It seemed that the sea covered the entire western part of the country, since the city where I lived was on the coast. I had a strange last name. As a young child, I told everyone that my name was Edgar Cayce, who lived 200 years before. They called scientists – men with long beards, almost bald and wearing glasses – to examine me. They decided to visit the places where, according to me, I was born, lived and worked – the states of Kentucky, Alabama, Ohio and Virginia. A group of scientists went there, taking me with them. We were traveling in a long, cigar-shaped metal flying craft that was moving at great speed. Water covered part of Alabama. Norfolk, Virginia, became a huge seaport. New York was destroyed either by war or by earthquake, but at that moment it was already being restored. Industrial enterprises were scattered throughout the countryside. Most of the buildings were made of glass. They found many records of my work from the period when I was Edgar Cayce and took them with them. The group returned to Nebraska, taking the reports with them to study them. Such experiences in dreams, as we were told, arise in me at those moments when I need help and strength, during periods when fears and doubts might arise. Yes, I have been influenced when I have concerns, fears and doubts about the sources that are the driving force during such periods.

> Не имеет значения, как приходят к нам эти предупреждения. Главное, что они окружают нас. Происходят различные изменения, в течение нескольких лет появятся новые участки суши, я в этом совершенно уверен. Несколько «чтений» предсказали изменения облика Земли, которые начнутся уже в последние годы второго тысячелетия. И у меня был сон, в котором я родился снова в 2158 году в штате Небраска. Похоже, что море покрывало всю западную часть страны, поскольку город, где я жил, находился на побережье. У меня была странная фамилия. В раннем детстве я говорил всем, что меня зовут Эдгар Кейси, который жил за 200 лет до этого. Позвали ученых – мужчин с длинными бородами, почти лысых и в очках, чтобы они обследовали меня. Те решили посетить места, где, по моим словам, я родился, жил и работал, – штаты Кентукки, Алабама, Огайо и Вирджиния. Группа ученых отправилась туда, взяв меня с собой. Мы перемещались в длинном, сигарообразном металлическом летающем судне, которое двигалось с огромной скоростью. Вода покрывала часть штата Алабама. Норфолк, в штате Вирджиния, стал огромным морским портом. Нью-Йорк был разрушен или войной, или землетрясением, но в тот момент он уже восстанавливался. Промышленные предприятия были рассеяны по сельской местности. Большинство зданий были сделано из стекла. Нашли много записей моей работы того периода, когда я был Эдгаром Кейси, и забрали их с собой. Группа возвратилась в штат Небраска, взяв с собой отчеты, чтобы изучить их. Подобные переживания во сне, как нам говорили, возникают у меня в те моменты, когда я нуждаюсь в помощи и силе, в периоды, когда могли возникать страхи и сомнения. Да, на меня оказывалось влияние, когда у меня появлялись беспокойства, страхи и сомнения относительно источников, которые являются движущей силой во время подобных периодов.

Философское заключение третьей части биографии Эдгара Кейси символично. Название главы, «*Наша миссия*», утверждает принцип ответственности и *личности*, и *индивида* в движении жизни от цели, проектируемой к ее достижению. Разбираясь с понятием *сущности* личности и *смысла* индивидуальности, Эдгар обращается к понятию *движения*, имея в виду цели, достигнуть которые стремится человек. Он обращается к тем *образам*, которые приходят к нему во сне. Образ

машины, в которой он едет, не держась за руль, он комментирует как движение, показывающее, что

> ...there is a growing need in me for information that needs to be sent so that the data is sufficiently accurate and exactly what was needed... / ...во мне зреет потребность в информации, которую необходимо направлять, чтобы данные были достаточно точными и именно такими, которые были нужны...

в достижении цели. Прагматизм целеполагания, казалось бы, очевиден. Но вместе с тем Эдгар спустя несколько строк сурово себя обрывает, утверждая, что

> ...Those who seek only earthly goods have a predisposition to search for materialistic information, and this leads to the awakening of destructive, destructive forces, but nevertheless, these benefits can greatly help a person who finds himself in harsh life circumstances. / ...Предрасположенность к поиску материалистической информации есть у тех, кто ищет только земных благ, и это ведет к пробуждению деструктивных, разрушительных сил, но тем не менее эти блага могут очень помочь человеку, попавшему в суровые жизненные обстоятельства.

Так противоречие *смыслов* личности и индивидуальности становится очевидным. *Личность* отражает божественные начала в человеке, суть которого дана Господом с рождения, развитие личности прослеживается в течение всей жизни, а *индивидуальность* – следствие движения человека по жизненным противоречиям, проходя через которые, цели достигаются или остаются недостижимыми, оставляя шрамы в душе. В конечном счете, утверждает Эдгар, если

> ...to act in this way and in the same spirit, then, as shown in the dream, it will be like driving without holding the steering wheel. / ...действовать подобным образом и в том же духе, то, как было показано во сне, это будет похоже на езду, не держась за руль.

Очевидно, что при таких обстоятельствах движения к целям, ради воплощения главных задач *миссии личности*, достичь их будет проблематично! Избегнуть противоречий в движении к целям, содержащим миссию человека, возможно только в том случае, когда

> ...each of us is capable of coming into alignment with the One Divine Source, which contains all the information about everything, but each of us will have to pay our own price for this. / ...каждый из нас способен войти в соответствие с Единым Божественным Источником, где содержится вся информация обо всем, но любому из нас придется заплатить за это свою цену.

Главной идеей собственного целеполагания личности Эдгар видит служение Господу. В этой его духовной преданности религиозным идеалам состоит сущность философии Кейси, в которой заключен весь смысл его жизненной миссии. Как он утверждал:

> If we carry out our mission to the best of our ability, to the best of our ability, then other seekers will also find hope. Life belongs to us in all its fullness, if only we can establish ourselves in it. / Если мы будем, выполнять нашу миссию как можно лучше, на пределе наших сил, то другие ищущие также обретут надежду. Нам принадлежит жизнь во всей ее полноте, если мы только сможем утвердиться в ней.

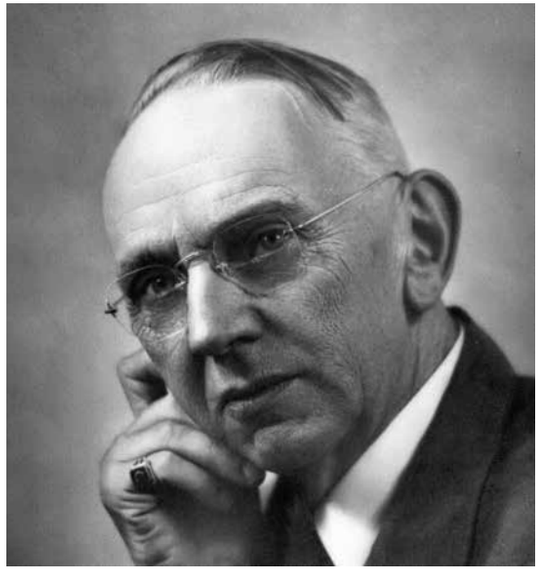
При всей метафизике его философских рассуждений, религиозный идеал, воплотить который он стремился в своей судьбе, становился его жизнеутверждающей силой, а Священное Писание, обретая реальную духовную мощь, растворяется на всем пространстве его жизненного бытия.

В начале сороковых годов XX века в мире происходили события, во многом определившие развитие современной цивилизации. Эдгар Кейси жил размеренной жизнью, не слишком перенапрягаясь «*чтениями*». Ассоциация продолжала осуществлять свою деятельность, а ее руководитель, старший сын Эдгара, успешно воплощал текущие задачи этой организации, избегая роковых ошибок и просчетов.

С началом Второй мировой войны произошли перемены и в обыденной жизни семьи Эдгара Кейси. Его сыновья были призваны на военную службу, разумеется, вызвав тревоги в семье. В тот же период была завершена биография Эдгара Кейси, появились статьи в газетах в связи с его шестидесятипятилетием. Эти два явления вызвали неожиданный взрыв внимания к личности «*спящего лекаря*». Резко возросло количество писем с просьбами о «*чтении*». Нужда в нем как в пророке так же значительно возросла в связи с тем, что военные действия в Европе были насыщены множеством тревожных подробностей. У дома Эдгара вырос палаточный городок, в котором поселились страждущие. Страдали все! Одни – от реальных недугов, от которых их не могли избавить реальные врачи. Другие – от незнания судеб близких, ушедших на фронт кровавой войны.

Эдгар себя не щадил. В свои шестьдесят шесть лет он реагировал

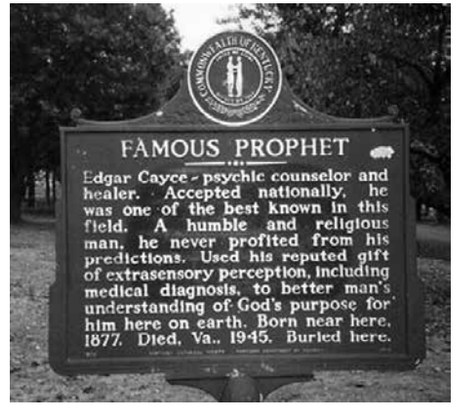
на происходящее вокруг него единственным способом – стал выполнять по двенадцать «*чтений*» в день, шесть дней в неделю. Это было его естественным стремлением помочь как можно большему числу людей, насколько это было в его силах. Нетрудно представить, во что это вылилось.



Наступившее переутомление привело к роковому финалу.

> ...His sister Annie Casey brought him some oyster stew for dinner; he knew that she had prepared them especially for him. He swallowed two or three pieces. This was his last supper. At night he quietly stopped breathing and died. A memorial service for Mr. Casey was held at his home in Virginia Beach. There were many people in the rooms - all those who loved him. The service was conducted by a former minister of the Presbyterian Church. The funeral cortege went from Virginia Beach to Norfolk, and from there by train to Hopkinsville, Kentucky, to bury Casey there.
>
> ...Его сестра Энни Кейси принесла ему немного тушеных устриц на ужин; он знал, что она приготовила их специально для него. Он проглотил две или три штуки. Это был его последний ужин. Ночью он тихо перестал дышать и умер. Панихида по мистеру Кейси проходила в его доме в Вирджинии Бич. В комнатах было множество людей – все те, кто любил его. Службу проводил бывший священник пресвитерианской церкви. Похоронный кортеж отправился из Вирджинии Бич в Норфолк, а оттуда – поездом в Хопкинсвилл, штат Кентукки, чтобы там похоронить Кейси».

На могильном камне было написано: «*Edgar Cayce – psychic counselor and healer. Accepted nationally, he was one of the best known in this field. A humble and religious man, he never profited from his predictions. Used his reputed gift of extrasensory perception, including medical diagnosis, to better man's understanding of God's purpose for him here on earth. Born near here, 1877, Died Va., 1945. Burled here.*» «*Эдгар Кейси – экстрасенс и целитель. Признанный на национальном уровне, он был одним из самых известных в этой области. Скромный и религиозный человек, он никогда не извлекал выгоду из своих предсказаний. Использовал свой известный дар экстрасенсорного восприятия, включая медицинскую диагностику, чтобы лучше понять человеком предназначение Бога для него здесь, на земле. Родился неподалеку, в 1877 году, умер в Вирджинии, в 1945 году. Похоронен здесь.*»



...Отвечая на записку самоучки-философа о тайнах египетских пирамид, Кейси, пребывая в трансе, сообщил ему ошеломляющую новость! В глубоком гроте, вход в который был якобы под лапой каменного Сфинкса, находятся никому не ведомые тайны древней цивилизации, существовавшей еще до правления египетских фараонов. Только сейчас, *в наше время*, получены подтверждения этого пророчества Кейси. В тот же период жизни в Алабаме, отвечая на вопросы ученых, конгрессменов, известных политиков и журналистов, приезжавших к нему, Кейси излагает свои пророчества относительно глобального потепления, процесса смены полюсов Земли, природных катаклизмов, которые произойдут в XXI веке и приведут к климатическим катастрофам.

Некоторые предсказания Кейси, которые вызывали недоверие его современников-скептиков, нынче уже сбылись. В начале Второй мировой войны трудно было поверить, что Красная Армия наголову разгромит Вермахт, а через пятьдесят лет СССР исчезнет с политической карты мира.

Впрочем, эти откровения Кейси очень долго хранились в тайне. Нетрудно догадаться почему. Пророчества Кейси, которые следует отнести к разряду вероятных внешнеполитических или глобальных

сценариев, стали возможны только потому, что среди его многочисленных клиентов-собеседников появились крупные американские политики, магнаты, знаменитые актеры, писатели и публицисты. Многие из них были озабочены мировыми процессами, влияющими на судьбы США. «Подбрасывая» Кейси, пребывавшему в гипнотическом трансе, свои «проблемные вопросы», они получали откровения провидца, уходя от него потрясенными, даже раздавленными масштабами предсказанных перемен в мире, веря или не веря в них.

И все же главным делом жизни Кейси были его «*целительные чтения*». На 1943 год приходится пик его врачевания. Он впадает в «лечебный транс», чувствуя, как уходят силы. Его просьбы ограничить до двух раз в день прием больных, чтобы успеть восстановить силы, остаются без внимания. 3 января 1945 года он скончался от инсульта, и был тихо похоронен в своем родном Хопкинсвилле, в штате Кентукки.

Посмертная слава Эдгара Кейси гораздо качественней прижизненной. Пребывая в ореоле таинственности и загадочности, возвращая людям здоровье, «*спящий целитель*» оставался для современников сфинксом, подобным тому, египетскому, под лапой которого он в трансе узрел неведомый подземный ход в сокрытые культурные слои неведомой цивилизации. Оставив после смерти многочисленные архивные материалы, многие миллионы слов, записанных стенографисткой, Эдгар Кейси лишь в нынешней современности предстал во всем объеме своего феномена. В сотнях книг, авторы которых комментируют его наследие, в фактах излечения тяжких недугов, в пророчествах и размышлениях (ответах на вопросы любознательных клиентов), предстает загадочный и до сих пор неведомый источник его глобального интеллекта, вмещавшегося в более чем скромную оболочку его личности.

Главным в его жизни оставалось одно: страдающие от недугов люди, получившие шанс вступить с ним в контакт, чтобы обрести возможность дожить до срока, определенного для них Ее Величеством Судьбой. Повсеместно отмечалось современниками Эдгара Кейси его трепетное отношение к Богу, преданность священным ценностям Библии, неукоснительное следование христианским заветам. Эти же свидетельства убеждают, что дар целителя и провидца смог воплотиться в жизни Эдгара Кейси только в такой форме, которая обнаружилась, потому что гипнотический транс избавлял его бодрствующий разум от мучительных сомнений и от изнурительного страха

навредить больному. Совесть была священным, недремлющим стражем разума, обретавшего только в гипнотическом трансе безграничные возможности. Сам Кейси никогда не был свидетелем продуцирования собственного потенциала. Он вынужден был верить тому, что рассказывали свидетели сеансов его интеллектуального могущества. Всю жизнь сомневался в реальности происходившего с ним, входил в гипнотический транс по необходимости, подчиняясь мольбам больных, просьбам близких, желаниям жаждущих услышать его пророчества, современникам, убежденным, что лишь он, Кейси, знает ответы на самые трудные вопросы бытия. Сам же Эдгар никогда не сомневался в том, что вовсе не заслуживает такого поклонения, которое видел при жизни.

Масштаб его возможностей, раскрывавшихся только в гипнотическом трансе и по мере появления рядом людей, которые шли к нему за спасением от болезней или с искренней жаждой заглянуть с его помощью в тайны бытия и грядущего, стал понятен только теперь, когда уже прочитаны тысячи текстов его откровений. Как бы там ни было, но скромный, малообразованный, набожный американец из крохотного городка в штате Кентукки был в своем временном земном бытии отражателем могучего и безграничного Вселенского Разума. Для человечества, заболевшего нынче страхами возможного конца света, опасных глобальных катаклизмов, Эдгар Кейси снова стал объектом пристального внимания, тем более что его наследие еще не изучено и не опубликовано в полном объеме. Разумеется, скептики не скрывают сомнений. Правда, это дается им с трудом, потому что многое из сказанного Кейси уже сбылось…

VI.

Теперь хочу привести строчки Вильяма Шекспира из его трагедии Гамлет, чтобы войти в мои рассуждения о другом удивительном американце, с которым сугубо виртуально свела моя судьба. Еще задолго до эмиграции, в середине семидесятых, я прочитал в советском журнале «Наука и жизнь» статью о докторе Раймонде Муди (Raymond Moody) и тех паранормальных явлениях, которые он изучал. Его книг на тот момент в СССР не знали. Статья в журнале была написана в духе скептического недоумения, понятного и мне, человеку, воспитанному в духе царившей там идеологии. Но я уже знал о фактах

утраты жизни от тяжких травм, отключавших сознание человека на 10-15, даже 20 минут, и его возвращения к жизни после усилий реаниматоров. Рассказы тех, что пережил эти состояния вызывали полнейшее недоумение, а наука в СССР была не в силах объяснить произошедшее.

Raymond Moody

Приехав в США, я получил возможность ознакомиться с его биографией. Раймонд Муди родился 30 июня 1944 года в Портердейле, штат Джорджия (Porterdale, Georgia), в семье хирурга-агностика. Он получил степень бакалавра (1966), магистра (1967) и доктора философии (1969) в Университете Вирджинии (Virginia). Позднее он получил докторскую степень по психологии в Университете Западной Джорджии (West Georgia), где стал профессором. В 1976 году он получил степень доктора медицины в Медицинском колледже Джорджии. Американский философ, психиатр, врач и писатель, наиболее широко известен своими книгами о загробной жизни и околосмертных переживаниях (ОПС) – термине, который он ввел в 1975 году в своей книге-бестселлере «*Жизнь после жизни*».

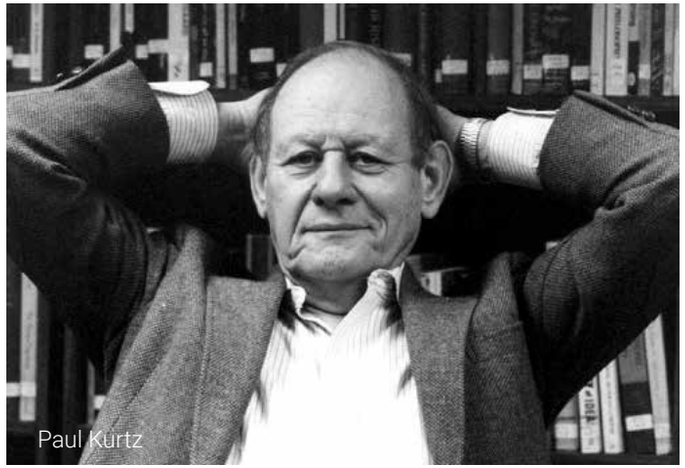
Будучи студентом Университета Вирджинии в 1965 году, Муди встретил психиатра, доктора Джорджа Ричи (George Ritchie), который рассказал ему об инциденте, в котором, по его мнению, он отправился в загробную жизнь, будучи мертвым почти на девять минут в возрасте двадцати лет (об этом Ричи позже расскажет в своей книге «*Возвращение из завтрашнего дня*», опубликованной в 1978 году). Муди начал документировать аналогичные рассказы других людей,

переживших клиническую смерть, и обнаружил, что многие из этих переживаний имеют общие черты, такие как *ощущение выхода из тела, ощущение путешествия по туннелю, встречи с мертвыми родственниками и яркий свет*.

В одном из многих интервью Раймонд Муди поделился личными выводами о своих исследованиях *околосмертных переживаний,* сказав:

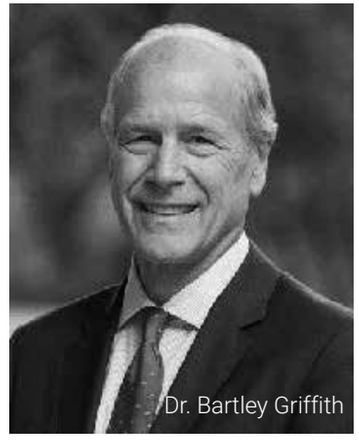
> I don't mind saying that after talking to over a thousand people who have had this experience, and having experienced some of the truly baffling and unusual features of this experience many times, it has given me great confidence that life after death exists. In fact, I must confess to you in all honesty that based on what my patients have told me, I have absolutely no doubt that they truly received a glimpse of the otherworldly...
>
> Я не против сказать, что после разговора с более чем тысячей людей, переживших этот опыт и много раз испытавших на себе некоторые из действительно сбивающих с толку и необычных особенностей этого опыта, это вселило в меня большую уверенность в том, что жизнь после смерти существует. На самом деле, я должен признаться вам со всей честностью, что на основании того, что рассказали мне мои пациенты, я абсолютно не сомневаюсь, что они действительно получили проблеск потустороннего...»

Не могу не заметить, что профессор Муди живет и работает под усиленной критикой своих коллег, глубоко осмысливающих его научные исследования, опубликованные в его книгах. Так Гарри Бернштейн (Harry Bernstein) – профессор психологии – утверждает, что предполагаемые *доказательства* Муди о *загробной* жизни ошибочны как *логически*, так и *эмпирически*. Психолог Джеймс Алкок (James Alcock) уверен, что профессор Муди «*...похоже, игнорирует большую часть научной литературы, посвященной галлюцинаторным переживаниям в целом, точно так же, как он быстро замалчивает вполне реальные ограничения своего метода исследования*». Муди оценивают как «твердо верующего» в паранормальные явления. Его методы вызвали критику со стороны научного сообщества, поскольку многие собранные им личные отчеты об околосмертных переживаниях были предоставлены самими пациентами спустя месяцы и даже годы после события, случившегося в их жизни. Теренс Хайнс (Terence Hines) прокомментировал, что «*...таких сообщений вряд ли достаточно, чтобы доказать реальность загробной*


Paul Kurtz

жизни». А это говорит весьма авторитетный в Америке специалист: Теренс Майкл Хайнс (Terence Michael Hines – was born March 22, 1951) – американский академик и исследователь. Он профессор психологии в Университете Пейс в Нью-Йорке и адъюнкт-профессор неврологии в Нью-Йоркском медицинском колледже (Pace University in New York and Associate Professor of Neurology at New York Medical College). Доктор Хайнс получил степень бакалавра в Университете Дьюка, а также степень магистра и доктора философии в Университете Орегона (Terence Michael Hines – born 22 March 1951) is an American academic and researcher. He is a professor of psychology at Pace University, New York, and adjunct professor of neurology at the New York Medical College; he is also a writer. Hines has a BA from Duke University, and an MA and PhD from the University of Oregon. Wikipedia). Философ Пол Курц (Paul Kurtz) полон скепсиса по причине того, что свидетельства Муди об околосмертных переживаниях (A near-death experience is a profound personal experience associated with death or impending death, which researchers describe as having similar characteristics. Wikipedia) основаны на личных *интервью и отдельных рассказах* и статистический анализ его данных не проводился. Существует также вопрос интерпретации данных, которые были опубликованы...

Работая над этой книгой, я ознакомился со всеми публикациями профессора Муди, даже стал готовился к поездке в Алабаму, чтобы посетить его «Театр разума» и поговорить с профессором. Сбыться этому событию, увы, не пришлось. У меня возникла острая сердечная


Dr. Bartley Griffith

недостаточность, которая привела к хирургической операции на распахнутой грудной клетке. Мое сердце хирург остановил, доверил кровоснабжение для поддержания жизни в моем теле специальному аппарату и начал «капитальный ремонт» моего временно неподвижного «мотора». Позднее хирург, доктор Бартлей Гриффит Dr. Bartley Griffith, рассказал мне, что до моей гибели оставалось не более недели. Моя аорта была на грани разрыва, и именно ее хирург взялся заменить. Погруженный в глубокий наркоз, я, не обретая предсмертный опыт, проспал почти шесть часов на хирургическом столе, за это время мистер Гриффит выполнил свою работу. Смерть «дежурила» у моей постели еще почти семь послеоперационных часов. Причину обильного кровотечения медики долго не могли понять и остановить. Дважды делали переливание донорской крови. Наконец, один из ассистентов «*сообразил*», что кроверазжижающий препарат, который он исправно вливал в получаемую мной кровь донора, и есть роковая ошибка (!). Это перестали, (наконец-то!) делать, и вскоре настал миг, когда я открыл глаза. Выслушав рассказ жены о случившемся *конфузе* медиков, мы оба посетовали на превратность моей судьбы, и жизнь моя продолжилась уже без особых приключений.

Теперь я приведу давно обещанные строчки из Шекспира: «*Кто бы согласился, Кряхтя, под ношей жизненной плестись, Когда бы неизвестность после смерти...*» На английском это звучало бы примерно так: « *...Who would agree, groaning, to trudge along under the burden of life, If the unknown after death...*» На первый взгляд, смысл этих строк великого британского поэта и драматурга настраивает на пессимистическое настроение. Между тем я веду речь о людях, вклад которых в жизнь и оптимизм, порождаемый ею, неоценим. Речь идет о многовековых проблемах, которые человечеству пока не удается решить, но манит загадочность, вовлекая в оборот бытия все новые и новые клубки информации, добывая которую люди невольно становятся *феноменами*. Об Эдгаре Кейси я уже рассказал. Теперь вернусь к Раймонду Муди...

...Смысл *кратковременной* жизни и *неотвратимость* смерти каждого из нас – предмет таких же трудных раздумий сегодня, как и тысячи лет назад. С ранних эпох развития цивилизаций человечество искало способы спастись от фатальности смерти. Множество возникших и исчезнувших культур, следы которых дошли до наших дней, отразили жажду *бессмертия*. Могущественная природа в языческих культах признавалась как естественная союзница жизни, в то время как олицетворением смерти были не менее могущественные злые духи, властную стихию которых надо было «*умасливать*» жертвоприношениями. Возникший на заре развития человечества *опыт* диалога с душами умерших родовых авторитетов сложился не только на фоне обостренного воображения, возбужденного страхом смерти, но и обусловлен реальными *феноменами* посмертного бытия, о которых современные ученые уже знают, но об их истоках только догадываются. Великие религии, став духовным покровом жизни человечества, увидели в небесном своде, в бескрайнем космосе, смыслы временного бытия людей на Земле, а также место послесмертного пребывания душ умерших людей.

Разум человечества породил философию, искусство, науку, запечатлев в истории цивилизаций галерею выдающихся персон, которые посвятили усилия своего духа глубокому осмысливанию проблем жизни, смерти и бессмертия, представив свой личный опыт веры и познания, которые долгие столетия не противостояли друг другу. Однако пути их все-таки разошлись, и современная наука эти проблемы *осмысливает*, полагаясь не на многовековой авторитет религии, а на рациональные формы познания. С уважением оценив опыт древних цивилизаций, критически осмыслив каноны всех великих религий, наука сегодня уже располагает множеством фактов, свидетельствующих о связи жизни и смерти, о феноменах бессмертия, корни которого простираются из бренного человеческого тела в бескрайний космос. Я обращаюсь к опыту жизни американцев, которые попытались найти *свои* ответы на *вопросы*, которые звучали на заре цивилизаций. Звучали тогда примерно так же, как и сегодня – *интригующе и увлекательно*: есть ли «*тот свет*?».

Для начала я попытаюсь вообразить, что судьба все-таки предоставила мне возможность *встретиться* с Роландом Муди. А потом с профессором Кюбли-Росс...

Почему бы и нет? Их книги я читал и знаю, как они смогли бы

ответить на мои вопросы. Или тот же Роберт Монро, чей трехтомник стоит у меня на книжной полке и хранит *достигнутые* им *переживания*, которыми он поделился с читателями. Все они приблизились к научному осмыслению реальных *феноменов*, которые свидетельствуют о жизни после смерти. Сделали это настолько дерзко, что заколебались даже закоренелые скептики. Великий американский мистик, о котором я рассказывал выше, Эдгар Кейси, как мне кажется, может претендовать на роль *первооткрывателя «того света»*. Еще при жизни он отправлялся в бескрайний космос неведомого, желая встретиться «*там*» с выдающимися и уже *покойными* землянами, оставившими заметный след в истории цивилизации.

Да, Эдгар Кейси получил в дар немыслимые возможности, которые позволили ему успешно применять в обыденной жизни знания, спасшие людей от тяжких недугов. Но уникальные возможности *мистиков* сохранились в памяти их современников и спасенных ими пациентов, тем не менее остались непонятными науке. Она и сегодня продолжает констатировать факт: *жизнь – смерть* будоражат разум коренными смыслами. *Жизнь* – кратковременна, *смерть* – неизбежна.

Разгадав таинство зарождения жизни, познав закономерности умирания и самой смерти человека, ученые лишь приблизились к загадочным актам: кратковременность посмертного бытия личности на «*том свете*» и путешествия души в глубины Космоса в момент, когда живое теплое тело человека дожидается в постели ее возвращения. Для оптимизма причин мало. Надо искать рациональные доказательства причин *обнаруженных* явлений. В такой ситуации ученые вынуждены быть крайне *осторожными* в своих выводах, тем более что их собратья-коллеги остаются в плену *сомнений*, разрешать которые, увы, необходимо...

Итак, Раймонд Муди (Raymond Moody) – медик, психиатр, философ, писатель. По иронии судьбы, он оказался однофамильцем того самого пастора, который входил в круг общения раннего Кейси, который, в известной мере, повлиял на Эдгара в годы его непроходящего *удивления* теми способностями, которыми он обладал, *не понимая* природы этого явления. Среди множества своих коллег Раймонд Муди оказался перед трудным соблазном – объявить о реальности «*того света*», из которого вернулись пациенты, пережившие клиническую смерть. Его книга «*Жизнь после жизни*» стала мировым бестселлером и принесла ему глобальную известность. Вместе с тем

с момента выхода книги прошло почти полвека, и вовсе не случайно сегодня я цитирую слова ученого, которые свидетельствуют о необходимости быть *аккуратными* в поисках истины.

«*For a rational study of the question of the existence of life after death, a comprehensive analysis is necessary; one cannot limit oneself to data from just one source...*» / «*Для рационального исследования вопроса о существовании жизни после смерти необходим комплексный анализ, нельзя ограничиваться лишь данными из одного источника...*» Иначе говоря, ученый после триумфальной известности, изучения феномена, который он обозначил как «*Предсмертный опыт*» (ПСО), бескомпромиссно заявляет, что пациенты, приобретшие этот опыт, остаются всего лишь *субъектами* этого феномена. В настоящее время профессор Муди живет в Алабаме, и ниже следует мое виртуальное «*интервью*» с ним...

— Dr. Moody, when did you become interested in such an intriguing topic of life after death?

— Strictly speaking, the combination of words – «life after death» is incorrect. Why? I'll explain a little later. I started out by discovering an incredible curiosity from early childhood. I was interested in everything that my maturing mind touched. At first I became interested in astronomy. I even planned to become an astronomer in order to use a telescope to explore the night sky and space...

— To at least accidentally see the image of God there?

«It's unlikely that such thoughts could have crossed my mind.» My family was not very religious. We went to the Presbyterian Church only sporadically. By the age of twelve, when my father had entered the so-called crisis age - mid-life, for some reason he began to take me with him to church services. But neither the church nor religion impressed me.

— And by your youth, did your innate curiosity take shape into some stable interests?

— Perhaps... I began to study philosophy at the University of Virginia. By the way, it was there, in 1962, that I first encountered a near-death experience that occurred in a person who had been in a state of clinical death. It was the first year of my study of philosophy, when I read Plato's Republic and his other books, in which he briefly described the phenomena of short-term death and resurrection. A little later I was introduced to a professor of psychiatry, Dr. Ritchie, who, as I was told,

experienced clinical death. Unfortunately, I was not able to find out the details of his incredible story at that time. I studied consciousness and thinking, assumed that in conditions of short-term cardiac arrest, some functional disturbances in the functioning of consciousness arise and I wanted to meet with Dr. Ritchie. After his recovery, listening to the professor's lectures, I became convinced that after clinical death there were no problems with his consciousness or thinking. A few years later, I began teaching philosophy at the University of Virginia and, inspired by my favorite Greek classic, Plato, and the near-death experience of Professor Ritchie, with whom I became friends, I gradually began to accumulate facts about the near-death experiences of people who had been near death.

— Many years have passed since then and I would like to know what position you hold today regarding life after death? By the way, you promised to explain why you consider this particular combination: «life after death» to be erroneous?

— When you attach the concept «death» to the scientific concept «life»by placing «after» between them, a logical contradiction arises, and in fact it is absurd! A journalist may not notice this contradiction, but a scientist is obliged to respect terms, logic, and the «relationships» between them in texts. Life after death is impossible! What science knows about both human life and death testifies to this. In answer to your question, I admit that I am still skeptical about the possibility of scientific proof of postmortem existence, which is thoughtlessly called the term «life». For now, science has to be content with the testimony of those who have experienced near-death experiences (NDEs). However, based on this evidence, objective and scientifically impeccable conclusions about the existence of the «other world» cannot be drawn.

— But thousands of PSO facts clearly indicate specific facts of activity of the deceased himself at the moment of his appearance in the «other world», as well as those with whom he had to meet and come into contact «there», not to mention the fact that the «deceased» accessible and really alive: he sees them, hears them. He understands the conversations of those who are next to his lifeless body...

— I'm listening to you and thinking how right David Hume was, the Scottish philosopher of the 18th century, who was perhaps the first to say that it is impossible to prove with the help of logic the reality of life in its scientific sense, as being and activity after death, presented by scientists

as «non-existence». «Using logic alone,» he wrote, «it is difficult to prove the immortality of the soul. To do this, it is necessary to develop new types of logic, new abilities of the mind that will allow us to comprehend this new logic.» The statement: «life after death» is contradictory in nature, and logic denies what contradicts itself.

— In your opinion, science has reached a dead end in the face of the phenomena that you described in your famous bestseller, «Life after Life»?

— Yes, some of my colleagues perceive D. Hume's words as a dead end and even suggest stopping PSO research. But one can evaluate the reasoning of the remarkable Scottish philosopher as a challenge or as an incentive to reconsider the usual logic of scientific research, which has served us well for almost 2 thousand years since the time of Aristotle.

— Reconsider? How?

— Our scientific horizons need to be expanded. Do not get hung up on the methodological approaches that exist today, for which both logic and familiar techniques, methods of scientific knowledge of strange, incomprehensible phenomena, actually lead the process of cognition to a dead end. In other words, both logic and scientific methods of cognition of «being» must somehow qualitatively transform after the physical death of a person, which we are still talking about as phenomena unfamiliar to science.

— That is, the tools of cognition must correspond to a phenomenon that is not yet understood by science, right? – Of course! In the history of science, this has almost always been the case! Only the perseverance of scientists and the union of all branches of knowledge lead to success. – That is, if I understand you correctly, science has not yet been able to prove the immortality of the soul, or answer the question of whether there is a «next world»...

«But scientists will work on rational principles for the study of immortality, mobilizing the capabilities of the mind to search for clues to the PSO, whose participants claim to have visited the «other world.»

— That is, having picked up D. Hume's thought: «...by changing traditional logic...» and yours: «...by broadening one's horizons,» science will finally be able to prove the reality of the «other world»? – If, or rather, when, new rational methods for studying the numerous facts and phenomena already available today, in particular, people's near-death experience (NDE), will be created.

— Mr. Moody, 37 years have passed since the publication of your sensational book «Life After Life» in 1975. You have written 11 more books on this topic. If you say that you are skeptical about the possibility of scientific proof of the «other world» and the life of an individual after the death of a person, then how should you feel about your continuous reflections on more and more new facts of people's near-death experiences and your creation of the «Theater of the Mind» called John Dee, who, by the way, popularized in 16th-century England the holding of sessions for summoning the spirits of the dead. A book has recently been published based on regression hypnosis sessions conducted with you by psychiatrist Paul Perry. To engage in phenomena that you are skeptical about, spiritualism and turn to the controversial hypnotic method... Are you risking your reputation as a serious scientist?

— I want to clarify... I have never been skeptical about the very phenomenon of people's near-death experiences. But, as a scientist, I do not have the right to recklessly believe what thousands of patients who have experienced clinical death say and only on this basis to assert certain scientific truths. It is enough that I accept the stories of these people as facts, and not as a figment of fantasy. I will systematize everything I heard. I comprehend... That is, I analyze, compare, critically evaluate, clarify... In other words, I carry out the primary scientific processing of the experience of people who have experienced clinical death. By the way, something similar happened to me myself! However, it only follows from this that I also multiplied the series «illustrators» of the PSO phenomenon. I did not become a scientist who successfully proved the reality of the events that occurred at the time of my personal PSO. I just became one of the illustrators of this phenomenon. Now, when, based on scientific research methods, it is possible to prove everything that is described in my first book in 1975, plus what happened to me, only then will the veil of mystery be pulled off the phenomenon! Let us recall the situation in which hundreds of scientists, including current ones, found themselves faced with the question: who was the first to discover America? The opinion that its discoverer was not Columbus, but the Vikings or those who landed on the American continent before them, remains a hypothesis for now. But the fact of the discovery of America today and, by the way, quite rightly, is associated with the name only of Christopher Columbus! It doesn't matter that the discovery happened by accident! It seems that Mark Twain said that hardly all discovered

patterns are due to chance. So while the phenomenon of PSO, which gives indirect grounds to talk about «that world» in which existence after death is reality, remains in the rank of intellectual

ly hypothesis. Yes, it is indirectly confirmed by tens of thousands of stories from those who have been «there». But all this needs irrefutable evidence through scientific research.

— Then, how should we understand your passion for communicating with the spirits of the dead in your «Theater of the Mind»? What does this passion of yours have to do with scientific research into the PSO phenomenon?

— Science is not at all alien to the interest in «exotic» forms of interaction with the unknown reality, evidence of which we draw either from the PSO phenomena, or from ancient manuscripts, or from the experience of mystics. The so-called «spirits», «ghosts» are a reality that my psychiatrist colleagues often and too bluntly attribute only to hallucinations. I will say later that this is not always justified, but now I will try to explain the origins of my «Theater of the Mind.» In 1962, I taught classical art and philosophy of ancient Greece at the University of Virginia. At my seminar, we spent a whole year reading texts from ancient Greek classics. At the same time, while analyzing the writings of Herodotus, I came across his indication of the place where the Greeks, his contemporaries, went to visit and communicate with their deceased relatives. Herodotus describes in some detail the place of pilgrimage, which he called Epirus, and tells how the Greeks communicated with the souls of the dead.

While reading Homer, I noticed the description of the place where Odysseus went to communicate with his deceased relatives. It turned out to be in northwestern Greece. The Oracle of the Dead was supposedly located there or nearby. This is the mountainous area of Thesprotia, with many faults and deep caves. By the way, Herodotus also points to this area, only he clarifies that the pilgrims were heading to the village of Epirus, which has survived to this day. I wondered: why did the Greeks go there? Maybe they really wanted to talk to the dead about their problems? And I doubted it because for two thousand years scientists have been saying that all these are hoaxes, legends! This couldn't happen! Well, really, how could the ancient Greeks come into contact with the dead? And in 1958, the Greek archaeologist Sotiris Dakaris found the place that Homer describes, telling about Odysseus's visit to the world of the dead. There it

was about a place near the city of «... Chimerian people, wrapped in fog and clouds...». It turned out that when reading Homer, confusion arose a long time ago and took hold. He wrote about the mountainous area in which the village of Epirus was located, which Herodotus in his time called the location of the Oracle of the Dead, where pilgrims flocked. However, Homer artistically and poetically described this place without giving the name of the village, and readers assumed that this was his poetic fantasy and nothing more! A modern Greek archaeologist, having carefully read Homer's description of nature, the mountainous area where Odysseus found himself in search of the Oracle of the Dead, was able to find similarities between the place described by Homer and the mountainous landscape in the Greek province of Thesprotia, in which the village of Epirus was located. There he discovered a huge cave with many corridors, rooms, and bedrooms, where people were staying in anticipation of meeting with the oracle, who brought pilgrims to meet their deceased relatives. At the end of the far corridor of the cave, in pitch darkness, a labyrinth opened up. It's fifty feet long. One had to go through this labyrinth in order to find oneself in a spacious area where, apparently, what I call a «ghost experience» took place...

— Contemplation of the dead?

— Yes... At the end of the labyrinth, on the site, archaeologist Dakaris found the remains of a huge bronze cauldron and handrails around it. It can be assumed that people stood at the walls of the boiler, holding the railings, peering into its polished internal and external surfaces. According to the ancient Greek documents I studied, looking into polished surfaces, and later into mirrors, was a way of contemplating the souls of the deceased. This was described in the oldest Egyptian manuscripts, and later, apparently, came to Greece. The Acheron River flows through the mountain settlement of Epirus. The name translates as «river of sorrow» and it flows between steep cliffs. Its streams are sometimes lost in the dark abysses of the deep Lake Acherusian, from which unpleasant fumes emanate. Most likely, this gave rise to the fantasies of the ancients, but, as it turned out, the reality turned out to be quite obvious, because the archaeologist found a cave, which the ancient Greeks could imagine as the underworld, where the Oracle of the Dead was located, calling for the souls of deceased relatives to meet with them, oh what both Herodotus and Homer wrote, what scientists and researchers of the past and even the present did not believe in for

almost two thousand years.

— And you decided to build something similar to this underworld in Alabama...

— Why not? I built a room about the same size as this cave found by the Greek archaeologist. I did not place the polished cauldron there; I limited myself to a mirror draped with a black velvet curtain. I suggested that in Epirus the ancient Greeks polished both the outside and the inside of the cauldron by filling it with water, the surface of which was illuminated by torches. It was on this surface, as in a mirror, that images of the visions of the deceased appeared. I was afraid that I would not soon be able to gain my own experience of communicating with the souls of the dead in my «Theater of Thinking.» I thought I would have to spend a lot of time until I could more or less accurately model what happened in ancient Greek reality two thousand years ago and entered the mythological memory of the people. Unexpectedly, everything happened at once! That is, all the signs of the real existence of the dead were revealed, although how this happens from the point of view of a rational view of the phenomenon is still unclear.

— Do you want to say that you saw the souls of the departed? – Yes! I talked to my grandfather. He first appeared in the mirror, then came out straight to me... Let me tell you, it was all very unusual and impressionable! The fact was witnessed by my colleagues – professors, graduate students, my students. That is, the appearance of the deceased first appears in the mirror, then he moves away from the mirror surface and appears in front of the observer in three-dimensional space. Of course, not everyone is ready for such communication. In addition, according to my observations, at least 30 percent of participants in contemplation also hear the voice of a deceased person, entering into mutual communication with him...

— Amazing!

— I have a different opinion. I have only technically reproduced what was available in ancient times, and perhaps in later historical eras in the development of human culture. One can find much similar evidence in the records of the Society for Psychical Research a hundred years ago from people who reported seeing the face of a deceased relative or loved one on the surface of a mirror, and then him, standing forward, right before his eyes. In Alabama, my colleagues and I repeated the same conditions that in ancient Greece were decisive for contact with the dead.

I want to say right away: everything that has become available to me and my colleagues in the «Theater of Thinking" cannot objectively testify to the life of an individual after the death of a person. This needs to be proven. But, apparently, we still reached some kind of line, after crossing which we managed to gain new experience, the roots of which turned out to be in an unknown reality. I repeat: unknown to modern science. Although this experience for ancient culture, apparently, was by no means as mysterious as it is for us. We cannot yet explain it scientifically, although we reproduce it quite reliably in the «Theater of Thinking.»

— Is this «Theater of Thought" like a research center?

— It doesn't matter what you call it, where I am now developing my ideas. However, I am sure that in five to ten years the significance of my experience for science, in the study of PSO phenomena, will become completely obvious. All the details of my experiments in the «Theater of Thinking" can be found in my book «Reunions» («Reunion» – O.Yu.)

— At the Theater of the Mind you have an assistant, Denny Brinkley. Miracles are told about him! He predicts, so accurately that it even causes fear to those who communicate with him... – Mr. Brinkley is indeed a unique person and his phenomenon is a consequence of his near-death experience. In 1975, while he was talking on the phone, lightning struck the communication line and sent a shock through Denny's body. He was thrown off the floor and his heart instantly stopped. Of course he died! Oddly enough, he survived and regained consciousness 20 minutes later. He writes in detail about his PSO in the book «Saved by the Light» (Saved by the Light – O.Yu.) I admit frankly, everything that I heard from Denny, I initially perceived as the delirium of a man whose brain had suffered an absolutely incredible blow from the electrical elements . It never occurred to me then that such a near-death experience that he experienced could lead to incredible qualitative transformations of his consciousness. Judge for yourself. We met in 1976, and then he argued that the Soviet Union would collapse. He named the exact time of the beginning of the developing collapse of the state – 1989. He indicated that the decisive factor would be the shortage of food in the country. He told me about the upcoming war in the Persian Gulf, which was later called by politicians: «The Gulf War.» Without much difficulty, Denny can read the thoughts of those with whom he communicates. He often did this to me, looking into my eyes. And when he did this, being in the company of people who were complete strangers to him,

it made an amazing impression. Having recovered from his shock, Mr. Brinkley began to work. Suddenly, abilities were discovered in him that he himself had no idea about. While selling electronic devices to one of the companies, he participated in negotiations with Norwegian buyers, who involuntarily, at a business meeting with employees of an American company, switched from English to Norwegian. Mr. Brinkley instantly understood their speech and told them about it, much to the surprise of both guests and colleagues, who knew, like Denny himself, that he did not speak Norwegian! By touching the hand of any person, Mr. Brinkley can tell what the person is concerned with at that moment. Or he can describe a lot of events that happened in the fate of a stranger, almost from birth. Of his 117 prophecies, 95 have already become reality, including the disaster at the nuclear reactor in Chernobyl. The current economic crisis in the United States was predicted by Denny long before these troubles occurred in the American economy.

«I read your words about Mr. Brinkley, who himself was so burdened with the stunning accuracy of his predictions, phenomenal abilities in reading minds, recognizing events in the lives of people he did not know, that even before meeting you he considered himself crazy. I want to quote you. «...You're not crazy. You experienced something that made you unique. It's like you've discovered a new country with different people and are trying to convince others of the existence of this place.»

— The most incredible facts of PSO can shake the imagination of an ordinary person, especially those who, having experienced this experience, unexpectedly discover in themselves certain talents and abilities. However, they remain only the subject of scientific research by thousands of scientists using methods that at first glance may seem strange or simply incomprehensible even to their colleagues. For example, the so-called «regressive hypnosis», the technique of which was developed by Michael Newton. To put it briefly and simply, with its help you can thoroughly delve into the labyrinths of the brain. To get to the very beginnings of its structures, which were formed almost at the moments when the embryo «received a new life program»...

— Are you talking about reincarnation?

— Yes, yes... There is no longer any reason to be skeptical about information about this, although much else in this hypnosis requires caution and objective analysis. But the very method by which they travel to the «other world» amazes the imagination of the living. This does not

happen as a result of dramatic PSO, but in the process of hypnosis. It seems like a miracle, but as a scientist, I believe in the effectiveness of regressive hypnosis, have tested it on myself and even wrote a «report» on my nine lives, extracted from the depths of my consciousness by Paul Perry, a psychiatrist-hypnologist, close friend, co-author of some of my books.

— From your books and the story about Danny Brinkley, I learn that people who have had a near-death experience usually show positive changes in the quality of their consciousness. It turns out that PSO helps them gain this new quality, despite the accompanying experiences and resuscitators and doctors who are fighting for the life of the patient and his close relatives.

— Although this is true, God forbid we survive this experience!

— After these words of yours, I still dare to ask about your PSO that you had. Did he have any positive influence on you?

— I don't think so... I can't boast of what Danny Brinkley found in my PSO. It is enough for me that I saw my grandmother, who died several years before my PSO. I saw it clearly. How are you now? I heard her voice. Everything we experienced was truly an amazing experience! But I repeat again: this fact did not give me any reason to believe in some kind of afterlife. I was, of course, impressed by everything I saw, but rather still puzzled! I was among those hundreds of thousands of storytellers who told about their PSO. Even with three doctoral degrees: a doctor, a psychiatrist and a philosopher. This, of course, is very dramatic, but the current state of science does not yet make it possible to explain to humanity what «that other world» is, where it is and what is happening there. Science is not ready to explain the phenomenon of near-death experiences (NDEs), although facts about them are multiplying from year to year. But, as they say, everything has its time...»

— Доктор Муди, когда вы заинтересовались такой интригующей воображение людей темой жизни после смерти?

— Строго говоря, сочетание слов – «жизнь после смерти» неверно. Почему? Я объясню чуть позже. А начинал я, обнаружив с раннего детства невероятное любопытство. Я интересовался всем, к чему прикасался мой зреющий разум. Сначала я увлекся астрономией. Даже планировал стать астрономом, чтобы с помощью телескопа исследовать ночное небо, космос…

— Чтобы хотя бы случайно разглядеть там образ Бога?

— Вряд ли меня могли посетить такие мысли. Моя семья была не очень религиозной. Мы ходили в Пресвитерианскую церковь и то нерегулярно. К двенадцати годам, когда мой отец к тому времени вступил в так называемый кризисный возраст – середину жизни, он почему-то начал брать меня с собой на церковные службы. Но ни церковь, ни религия меня не впечатлили.

— А к молодости ваше прирожденное любопытство оформилось в какие-то устойчивые интересы?

— Пожалуй... Я стал изучать философию в Университете в Вирджинии. Кстати, именно там, в 1962 году, я впервые столкнулся с предсмертным опытом, возникшим у человека, побывавшего в состоянии клинической смерти. Это был первый год моего изучения философии, когда я читал «Республику» Платона, другие его книги, в которых он кратко описывал феномены кратковременной смерти и воскрешения. Чуть позже меня познакомили с профессором психиатрии доктором Ричи, который, как мне сказали, пережил клиническую смерть. К сожалению, подробности его невероятной по тому времени истории мне узнать не удалось. Я изучал сознание и мышление, предполагал, что в условиях кратковременной остановки сердца, возникают какие-то функциональные нарушения в работе сознания, и хотелось с доктором Ричи встретиться. После его выздоровления, слушая лекции профессора, я убедился, что после клинической смерти не возникли проблемы ни с его сознанием, ни с мышлением. Спустя несколько лет я стал преподавать в Вирджинском Университете философию и, вдохновленный моим любимым греческим классиком – Платоном и предсмертным опытом профессора Ричи, с которым я подружился, постепенно стал накапливать факты о предсмертном опыте людей, побывавших в клинической смерти.

— С той поры прошло немало лет, и хотелось бы узнать какой позиции вы придерживаетесь сегодня относительно жизни после смерти? Кстати, вы обещали разъяснить, почему именно такое сочетание – «жизнь после смерти», вы считаете ошибочным?

— Когда к научному понятию «жизнь» вы пристраиваете понятие «смерть», разместив между ними «после», возникает логическое противоречие, а по сути абсурд! Журналист это противоречие может и не заметить, но ученый обязан уважать и термины, и логику, и «взаимоотношения» между ними в текстах. Жизнь после смерти невозможна! То, что известно науке и о жизни, и о смерти человека свидетельствует об этом. Отвечая на ваш вопрос, признаюсь, что я пока скептически отношусь к возможности научного доказательства послесмертного бытия, которое необдуманно названо термином «жизнь». Науке пока приходится довольствоваться свидетельствами тех, кто пережил предсмертный опыт (ПСО). Однако на этих свидетельствах объективные и научно безупречные выводы о существовании «того света», не сделаешь.

— Но тысячи фактов ПСО явно свидетельствуют о конкретных фактах активности и самого умершего в момент появления на «том свете», а также тех, с кем приходится «там» встречаться, вступать в контакт, не говоря уже о том, что «умершему» доступны и реально живые: он их видит, слышит. Он понимает разговоры тех, кто находится рядом с его бездыханным телом…

— Я слушаю вас и думаю, как прав был Давид Юм — шотландский философ XVIII века, который, пожалуй, первым заявил, что невозможно с помощью логики доказывать реальность жизни в ее научном смысле, как бытия и деятельности после смерти, представляемой учеными как «небытие». «При помощи только одной логики, – писал он, – сложно доказать бессмертие души. Для этого необходимо вывести новые виды логики, новые способности разума, которые позволят нам эту новую логику уразуметь». Утверждение: «жизнь после смерти» – противоречиво по своей природе, а логика отрицает то, что само себе противоречит.

— На ваш взгляд, наука оказалась в тупике перед феноменами, о которых вы рассказали в своем знаменитом бестселлере – «Жизнь после жизни»?

— Да, некоторые мои коллеги слова Д. Юма воспринимают как тупик и даже предлагают прекратить исследования ПСО. Но можно оценить рассуждения замечательного шотландского философа как вызов или как стимул пересмотреть привычную логику научного исследования, которая исправно нам служила почти 2 тысячи лет еще со времен Аристотеля.

— Пересмотреть? Как?

— Наш научный кругозор надо расширить. Не зацикливаться на существующих сегодня методологических подходах, для которых и логика, и привычные приемы, способы научного познания

странных, непонятных феноменов и в самом деле заводят процесс познания в тупик. Иначе говоря, должны как-то качественно трансформироваться и логика, и научные методы познания «бытия» после физической смерти человека, о которых мы пока говорим как о незнакомых науке феноменах.

— То есть инструменты познания должны соответствовать еще не понятному науке феномену, так?

— Разумеется! В истории науки, так было почти всегда! Лишь упорство ученых и союз всех отраслей знания приводят к успеху.

— То есть, если я вас правильно понял, доказать бессмертие души, ответить на вопрос, есть ли «тот свет», науке пока не удалось…

— Но ученые будут работать над рациональными принципами изучения бессмертия, мобилизуя возможности разума на поиски разгадок ПСО, участники которого утверждают, что побывали на «том свете».

— То есть, подхватив мысль Д. Юма: «...изменив традиционную логику...» и вашу: «...расширив кругозор», наука наконец-то сможет доказать реальность «того света»?

— Если, а точнее – когда, будут созданы новые рациональные методы исследования уже имеющихся сегодня многочисленных фактов и феноменов, в частности предсмертного опыта людей (ПСО).

— Мистер Муди, с момента публикации вашей сенсационной книги «Жизнь после жизни», с 1975 года, прошло 37 лет. Вами написаны на эту тему еще 11 книг. Если вы говорите о том, что вы скептически относитесь к возможности научного доказательства «того света» и жизни личности после кончины человека, то как относиться к вашим непрерывным размышлениям обо все новых и новых фактах предсмертного опыта людей и к созданию вами «Театра Разума» имени Джона Ди, который, кстати, популяризировал в Англии XVI века проведение сеансов вызова духов умерших. Недавно издана книга, написанная на основе сеансов регрессивного гипноза, проведенного с вами психиатром Полом Перри. Заниматься феноменами, к которым вы скептически относитесь, спиритизмом и обращаться к спорному гипнотическому методу... Не рискуете ли вы репутацией серьезного ученого?

— Я хочу уточнить… К самому феномену предсмертного опыта людей я никогда не относился скептически. Но как ученый

я не имею права безоглядно верить тому, что рассказывают тысячи пациентов, переживших клиническую смерть, и лишь на этом основании утверждать некие научные истины. Достаточно того, что рассказы этих людей я принимаю как факты, а не как плод фантазии. Я систематизирую все услышанное. Осмысливаю...То есть я анализирую, сравниваю, критически оцениваю, уточняю... Иначе говоря, осуществляю первичную научную обработку опыта людей, переживших клиническую смерть. Кстати, нечто подобное произошло и у меня самого! Однако из этого только следует, что и я умножил ряды «иллюстраторов» феномена ПСО. Я не стал ученым, успешно доказавшим реальность событий, происходивших и в момент моего личного ПСО. Я всего лишь стал одним из иллюстраторов этого феномена. Вот когда, опираясь на научные методы исследований, удастся доказать все, что описано в моей первой книге 1975 года, плюс то, что случилось со мной, только тогда с феномена будет сдернута завеса таинственности! Вспомним ситуацию, в которой оказались сотни ученых, в том числе и нынешние, перед вопросом: кто первым открыл Америку? Мнение о том, что ее первооткрывателем оказался не Колумб, а викинги или те, кто раньше них высадился на американском континенте, пока осталось гипотезой. Но факт открытия Америки сегодня, и, кстати, вполне обоснованно, связан с именем только Христофора Колумба! Неважно, что открытие произошло случайно! Кажется, Марк Твен говорил, что случайностям обязаны едва ли не все открытые закономерности. Так что пока феномен ПСО, дающий косвенные основания говорить о «том свете», в котором бытие после смерти – реальность, остается в ранге интеллектуальной гипотезы. Да, косвенно она подтверждается десятками тысяч рассказов тех, кто «там» побывал. Но все это нуждается в неопровержимых доказательствах с помощью научных исследований.

— Тогда как понимать ваше увлечение общением с духами умерших в вашем «Театре разума»? Какое отношение имеет это ваше увлечение к научным исследованиям феномена ПСО?

— Науке вовсе не чужд интерес и к «экзотическим» формам взаимодействия с непознанной реальностью, свидетельства о которой мы черпаем или в феноменах ПСО, или в древних манускриптах, или в опыте мистиков. Так называемые «духи», «привидения» – реальность, которую часто и слишком уж прямолинейно

мои коллеги-психиатры относят только к галлюцинациям. То, что это не всегда оправдано, скажу позже, а сейчас попытаюсь объяснить истоки моего «Театра разума». В 1962 году я преподавал в Вирджинском Университете классическое искусство и философию древней Греции. На моем семинаре в течение целого года мы читали тексты древнегреческих классиков. Тогда же, разбирая сочинения Геродота, я наткнулся на указание им места, куда греки, его современники, ходили, чтобы посетить и пообщаться со своими умершими родственниками. Геродот довольно подробно описывает место паломничества, названное им Эпир, и рассказывает, как происходило общение греков с душами мертвых. Читая Гомера, я обратил внимание, на описание места, куда ходил пообщаться с умершей родней Одиссей. Оказалось, оно на северо-западе Греции. Там или рядом якобы находился и Оракул Мертвых. Это гористая местность Теспротия, со множеством разломов и глубоких пещер. Кстати, Геродот тоже указывает на эту местность, только уточняет, что паломники направлялись в поселок Эпир, который сохранился до наших дней. Я задался вопросом: чего ради греки туда ходили? Может, и в самом деле, хотели побеседовать с умершими о своих проблемах? А сомневался я потому, что две тысячи лет ученые твердили, что все это – мистификации, легенды! Такого не могло быть! Ну в самом деле, как древние греки могли вступать в контакт с умершими? А в 1958 году греческий археолог Сотирис Дакарис нашел место, которое описывает Гомер, повествуя о посещении Одиссеем мира мертвых. Там речь шла о месте около города «...кимерийских людей, обернутых в туман и в облака...». Оказалось, что при прочтении Гомера давным-давно возникла и закрепилась путаница. Он писал о гористой местности, в которой располагался поселок Эпир, который и Геродот в свое время называл местом пребывания Оракула Мертвых, куда устремлялись паломники. Однако Гомер это место художественно и поэтически описывал, не приводя названия поселка, а читатели предположили, что это его поэтическая фантазия и только! Современный греческий археолог, внимательно вчитавшись в описание Гомером природы, гористой местности, где оказался Одиссей в поисках Оракула Мертвых, сумел найти черты сходства описанного Гомером места с горным ландшафтом в греческой провинции Теспротии, в которой и находился поселок Эпир. Там он и обнаружил огромную

пещеру со множеством коридоров, комнат, спален, где люди размещались в ожидании встречи с оракулом, который приводил паломников на встречу с умершими родственниками. В конце дальнего коридора пещеры, в кромешной тьме, открывался лабиринт. Он длиной в пятьдесят футов. Надо было пройти сквозь этот лабиринт, чтобы оказаться на просторной площадке, где, судя по всему, происходило то, что я называю «призрачным опытом»...

— Созерцанием усопших?

— Да... В конце лабиринта, на площадке, археолог Дакарис нашел остатки огромного бронзового котла и поручни вокруг него. Можно предположить, что люди стояли у стен котла, держались за поручни, вглядываясь в его отполированную внутреннюю и внешнюю поверхности. По древнегреческим документам, которые я изучал, вглядывание в отполированные поверхности, а позднее в зеркала, было способом созерцания душ покойных. Это описывалось в древнейших египетских манускриптах, а позднее, по-видимому, пришло в Грецию. В горном поселении Эпир протекает река Ахерон. Название переводится как «река скорби» и протекает она между отвесными скалами. Ее потоки иногда теряются в темных безднах глубокого Ахерузийского озера, от которого идут неприятные испарения. Скорее всего, это и порождало фантазии древних, но, как оказалось, реальность оказалась вполне очевидной, потому что археологом была найдена пещера, которую древние греки могли представить как преисподнюю, где находился Оракул Мертвых, призывающий к встрече с ними душ умерших родственников, о чем писали и Геродот, и Гомер, во что не верили почти две тысячи лет ученые и исследователи прошлого и даже нынешнего времени.

— И вы решили построить в Алабаме нечто подобное, похожее на эту преисподнюю…

— А почему нет? Я построил помещение примерно такого же размера, как и эта пещера, найденная греческим археологом. Полированный котел я не стал туда ставить, ограничился зеркалом, задрапированным черным бархатным занавесом. Я предположил, что в Эпире древние греки полировали и внешнюю, и внутреннюю часть котла, заполняя его водой, поверхность которой освещалась факелами. Вот на этой поверхности, как в зеркале, и появлялись изображения видений усопших. Я боялся, что собственный

опыт общения с душами умерших в моем «Театре мышления» мне не скоро удастся обрести. Думал, придется потратить много времени, пока более или менее точно я смоделирую то, что происходило в древнегреческой реальности две тысячи лет назад и вошло в мифологическую память народа. Неожиданно все получилось сразу! То есть обнаружились все признаки реального бытия умерших, хотя, как это происходит с точки зрения рационального взгляда на феномен, пока непонятно.

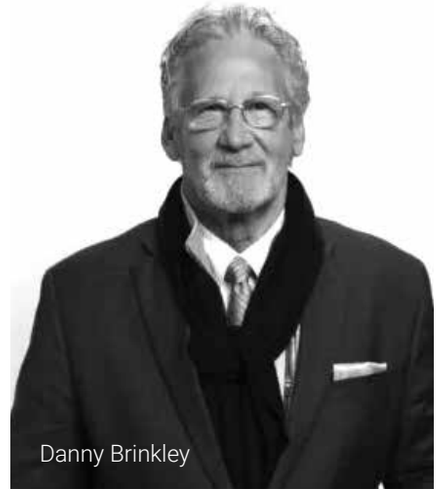
— Вы хотите сказать, что вы увидели души усопших?

— Да! Я разговаривал с моим дедушкой. Он появился сначала в зеркале, потом вышел прямо ко мне… Скажу вам, было все очень необычно и впечатлительно! Факт засвидетельствовали мои коллеги – профессора, аспиранты, мои студенты. То есть облик усопшего появляется сначала в зеркале, затем он отходит от зеркальной поверхности и появляется перед наблюдателем в трехмерном пространстве. Конечно, далеко не все готовы к такой коммуникации. К тому же, по моим наблюдениям, не менее 30 процентов участников созерцания слышат еще и голос умершего человека, вступая с ним во взаимное общение…

— Поразительно!

— Я придерживаюсь иного мнения. Я лишь технически воспроизвел то, что было доступно в древности, а может быть, и в более поздние исторические эпохи развития человеческой культуры. Можно найти множество подобных свидетельств в записях Общества Психических Исследований сто лет назад от людей, которые сообщали, что видели на поверхности зеркала лик усопшего родственника или близкого человека, а затем уже его, выступающего вперед, прямо перед глазами. В Алабаме я с коллегами повторил те же условия, которые в древней Греции были решающими для контакта с усопшими. Сразу же хочу сказать: все, что стало доступно и мне, и моим коллегам в «Театре мышления», не может объективно свидетельствовать о жизни личности после смерти человека. Это надо доказывать. Но, по-видимому, мы все же достигли какой-то грани, перейдя которую, нам удалось обрести новый опыт, корни которого оказались в неизвестной реальности. Повторю: неизвестной для современной науки. Хотя этот опыт для древней культуры, по-видимому, был отнюдь не таким таинственным, как для нас. Мы пока не можем научно его объяснить, хотя и достаточно надежно

его воспроизводим в «Театре мышления».


Danny Brinkley

— Этот ваш «Театр Мышления» похож на исследовательский центр?

— Неважно, как называть то, где я сейчас развиваю свои идеи. Однако я уверен, что лет через пять-десять значительность моего опыта для науки, в изучении феноменов ПСО, станет совершенно очевидной. Все подробности моих экспериментов в «Театре мышления» можно найти в моей книге «Reunions» («Воссоединение». – О. Ю.).

— В «Театре Мышления» у вас есть ассистент Денни Бринкли. О нем рассказывают чудеса! Он предсказывает, да так точно, что это даже вызывает опасение тех, кто общается с ним...

— Мистер Бринкли, и в самом деле, – личность уникальная, и его феномен – следствие его предсмертного опыта. В 1975 году, когда он разговаривал по телефону, в линию связи ударила молния, и разряд прошел через тело Денни. Его подбросило от пола, и сердце мгновенно остановилось. Разумеется, он умер! Как это ни странно, он выжил и пришел в сознание через 20 минут. О своем ПСО он подробно пишет в книге «Saved by the Light» («Спасенный Светом». – О. Ю.). Признаюсь откровенно, все, что я услышал от Денни, я поначалу воспринял как бред человека, мозг которого претерпел абсолютно невероятный удар электрической стихии. Мне и в голову не приходило тогда, что такой предсмертный опыт, который он пережил, мог привести к невероятным качественным трансформациям его сознания. Судите сами. Наше знакомство состоялось в 1976 году, и тогда он утверждал, что Советский Союз развалится. Назвал точное время начала развивающегося краха государства – 1989 год. Указал, что решающим фактором станет дефицит в стране продуктов питания. Он сказал мне о предстоящей войне в зоне Персидского залива, которая позже была названа политиками: «Война в Заливе». Без особых затруднений

Денни может читать мысли тех, с кем общается. Он часто проделывал это со мной, глядя в глаза. А когда он делал это, находясь в обществе людей, совершенно ему незнакомых, это производит потрясающее впечатление. Оправившись от полученных потрясений, мистер Бринкли начал работать. Неожиданно в нем обнаружились способности, о которых он и сам не догадывался. Продавая электронные приборы одной из компаний, он участвовал в переговорах с покупателями-норвежцами, которые непроизвольно, на деловом совещании с сотрудниками американской компании перешли с английского на норвежский. Мистер Бринкли мгновенно понял их речь и сказал им об этом, немало удивив и гостей, и коллег, знавших, как и сам Денни, что норвежским языком он не владеет! Коснувшись руки любого человека, мистер Бринкли может рассказать, чем личность в этот момент озабочена. Или может описать массу событий, случившихся в судьбе незнакомца, чуть ли не с рождения. Из 117 его пророчеств 95 уже стали действительностью, в том числе и катастрофа на атомном реакторе в Чернобыле. Нынешний экономический кризис в США был предсказан Денни задолго до этих случившихся неприятностей в американской экономике.

— Я читал ваши слова о мистере Бринкли, который и сам был настолько обременен потрясающей точностью своих предсказаний, феноменальными способностями в чтении мыслей, распознавании событий в жизни незнакомых ему людей, что еще до встречи с вами посчитал себя сумасшедшим. Я хочу вас процитировать. «...Ты не сумасшедший. Ты пережил нечто, что сделало тебя уникальным. Ты словно бы открыл новую страну с иными людьми и пытаешься убедить других в существовании этого места».

— Самые невероятные факты ПСО могут потрясти воображение обычного человека, тем более того, кто, сам пережив этот опыт, неожиданно обнаруживает в себе некие таланты и способности. Тем не менее они остаются лишь предметом научных изысканий тысяч ученых с применением методик, которые на первый взгляд могут показаться странными или просто непонятными даже их коллегам. Например, так называемый «регрессивный гипноз», методика которого была разработана Майклом Ньютоном. Говоря кратко и упрощенно, с его помощью можно основательно углубиться в лабиринты мозга. Добраться до самых начал его структур,

формировавшихся чуть ли не в моменты, когда эмбрион «получал новую жизненную программу»...

— Вы говорите о реинкарнации?

— Да, да… Уже нет оснований скептически относиться к информации об этом, хотя многое еще в этом гипнозе требует осторожности и объективного анализа. Но поражает воображение живых сам метод, с помощью которого они путешествуют на «тот свет». Происходит это не в результате драматического ПСО, а в процессе гипноза. Это кажется чудом, но как ученый, я верю в эффективность регрессивного гипноза, испытал его на себе и даже написал «отчет» о моих девяти жизнях, извлеченных из глубин моего сознания Полом Перри – психиатром-гипнологом, близким другом, соавтором некоторых моих книг.

— Из ваших книг и рассказе о Денни Бринкли я узнаю, что люди, пережившие предсмертный опыт, как правило, обнаруживают положительные изменения в качестве своего сознания. Получается так, что ПСО помогает им обрести это новое качество, несмотря на сопутствующие переживания и реаниматоров, докторов, которые борются за жизнь пациента и его близких родственников.

— Хоть это и так, но не дай Бог пережить этот опыт!

— После этих ваших слов я все же рискну спросить о вашем ПСО, который вы имели. Он как-то позитивно на вас повлиял?

— Не думаю... Я не могу похвастать тем же, что обрел в своем ПСО Денни Бринкли. Мне достаточно и того, что я увидел мою бабушку, которая умерла за несколько лет до моего ПСО. Видел отчетливо. Как вас сейчас. Слышал ее голос. Все пережитое было и в самом деле удивительным опытом! Но снова повторю: и этот факт не дал мне оснований верить в некую послесмертную жизнь. Всем увиденным я, конечно же, был впечатлен, но, скорее, все же озадачен! Среди тех сотен тысяч рассказчиков, поведавших о своем ПСО, оказался и я. Пусть даже с тремя докторскими дипломами: медика, психиатра и философа. Это, конечно, весьма драматично, но нынешнее состояние науки, пока не дает возможность объяснить человечеству, что такое «тот свет», где он находится и что там происходит. Не готова наука объяснить и феномен предсмертного опыта (ПСО), хотя факты о них множатся из года в год. Но, как говорится, всему свое время...

VII.

Elisabeth Kübler-Ross

...Имя этой американки – Елизавета Кюблер-Росс (Elisabeth Kübler-Ross) – я впервые случайно обнаружил уже в США, примерно в начале 1994 года, когда работал в газете, издававшейся в штате Мэриленд, в городе Балтимор. Я готовил серию статей о работе хосписов, в которых находились наши русскоязычные эмигранты. Волею судеб и в этот раз мне не удалось завершить свою работу, но я узнал, что в основе этих гуманных медицинских учреждений стояла женщина, краткую биографию которой я тогда уже знал.

Elisabeth Kübler-Ross, M.D. (July 8, 1926 – August 24, 2004) was a Swiss-born psychiatrist, a pioneer in near-death research, and the author of the groundbreaking book On Death and Dying (1969), where she first discussed the, what is now known as the Kübler-Ross model. In this work, she proposed the now famous «Five Stages of Grief» as a model for adaptation. The five stages of grief are: denial, anger, bargaining, depression and acceptance. Since then, these five stages have been incorporated into the Kübler-Ross Change Curve by many corporations to train employees in the processes of change and loss. In 1970, she gave the Ingersoll Lectures on Human Immortality at Harvard University on the topic «On Death and Dying.» In the 1970s and 1980s, she helped open more than 50 hospices around the world. In 1985, she founded the world's first prison hospice in Vacaville, California. In 2007, she was inducted into the National Women's Hall of Fame. She was awarded twenty honorary degrees and by July 1982, she estimated she had taught 125,000 students in courses on death and dying in colleges, seminaries, medical schools, hospitals, and social work institutions. Elizabeth retired in 1994 after an arsonist burned down her home. She tried to open an AIDS hospice for abandoned babies. She spent the last nine years of her life in Arizona near her son Kenneth Ross. In recent years, she has written four more books, including «On Grief and Sorrow.» She died in August 2004 at an assisted living center in Scottsdale, Arizona. She is the author of 24 books in 44 languages. In 2005, her son Ken Ross founded the Elisabeth Kübler-Ross Foundation, which continues her legacy in more than a dozen countries. (Text taken from the Elisabeth Kübler-Ross Internet Foundation).

Элизабет Кюблер-Росс, доктор медицинских наук (8 июля 1926 года – 24 августа 2004 года), была психиатром швейцарского происхождения, пионером в исследованиях клинической смерти и автором новаторской книги «О смерти и умирании» (1969), где она впервые обсудила то, что сейчас известно как модель Кюблер-Росс. В этой работе она предложила ныне знаменитые «Пять стадий горя» как образец приспособления. Эти пять стадий горя таковы: отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие. С тех пор эти пять стадий были включены в «Кривую перемен Кюблера-Росс» многими корпорациями для обучения сотрудников процессам перемен и потерь. В 1970 году она прочитала Ингерсолловские лекции о человеческом бессмертии в Гарвардском университете на тему «О смерти и умирании». В 1970-х и 1980-х годах она помогла открыть более 50 хосписов по всему миру. В 1985 году она основала первый в мире тюремный хоспис в Вакавилле, Калифорния. В 2007 году она была включена в Национальный зал женской славы. Она была удостоена двадцати почетных степеней и к июлю 1982 года, по ее оценкам, преподавала 125 000 студентам на курсах по вопросам смерти и умирания в колледжах, семинариях, медицинских школах, больницах и учреждениях социальной работы. Элизабет вышла на пенсию в 1994 году после того, как поджигатель сжег ее дом. Она пыталась открыть хоспис для больных СПИДом, для брошенных младенцев. Последние девять лет своей жизни она провела в Аризоне рядом со своим сыном Кеннетом Россом. За последние годы она написала еще четыре книги, в том числе «О горе и скорби». Она умерла в августе 2004 года в центре престарелых в Скоттсдейле, штат Аризона. Она автор 24 книг на 44 языках. В 2005 году ее сын Кен Росс основал Фонд Элизабет Кюблер-Росс,

> который продолжает ее наследие более чем в десятке стран (Текст взят из Фонда Элизабет Кюблер-Росс. Интернет).

До моего переезда в США я никогда не слышал о докторе Кюблер-Росс. Хосписов в СССР не существовало, а проблемы работы с умирающими серьезно не рассматривались ни медиками, ни учеными в высших учебных заведениях страны. До знакомства с книгами Элизабет Кюблер-Росс я интересовался психологией околосмертного опыта Раймонда Муди, а практика работы доктора Кюблер-Росс с пациентами мне казалась областью сложных моральных переживаний, насыщенных драматическими проблемами умирающего человека. В поисках подробностей деятельности доктора Кюблер-Росс я наткнулся на уникальный, на мой взгляд, случай, который поразил меня своей абсолютной необычностью. Тот факт, что публикация этого случая вызвала волну возмущения даже среди последователей и коллег Кюблер-Росс, меня не удивил. Наша цивилизация, даже пропитанная самыми фантастическими достижениями в области науки и техники, остается во времени, в котором людям пока недоступны тайны посмертного бытия, которое Раймонд Муди и Элизабет Кюблер-Росс называют «жизнью после жизни».

Итак, фрау Шварц... Она была коллегой доктора Элизабет Кюблер-Росс. Принимала участие в семинарах о смерти и смертельно больных и даже сделала детальный отчет о внетелесном опыте, который однажды пережила. Элизабет Кюблер-Росс, как и многие другие танатологи (танатология от древнегреческого: θάνατος – смерть и λόγος – учение – раздел теоретической и практической медицины, изучающий состояние умирающего организма. Википедия), придерживалась мнения о том, что смерть означает переход на более высокий уровень сознания, где личность переживает новые события и осознает, что может развиваться дальше. На этом уровне человек не нуждается в физическом теле. Фрау Шварц умерла через две недели после смерти своего сына, о чем Кюблер-Росс и рассказывает в одной из своих публикаций. Ее смерть случилась как факт непереносимого горя женщины-матери, потерявшей любимое существо. Произошло это событие спустя десять месяцев. Жизнь шла своим чередом, и, естественно, этот факт стал постепенно забываться, вытесняясь множеством забот и явлений в насыщенной жизни доктора Кюблер-Росс. Она так и пишет: «*I probably forgot her, like one of my many patients...*» / «*Я наверняка забыла ее, как одну из моих многочисленных пациенток...*». Но случилось невероятное! И произошло это событие именно в жизни доктора Кюблер-Росс. Профессор, как обычно, руководила семинаром об умирании, в процессе которого возникла конфликтная ситуация. Ничего удивительного в этом не было. Мнения участников семинара разделились. То ли возникла непримиримость амбиций, то ли представления о проблемах смерти оказались слишком чувствительны для пастора, участвовавшего в дискуссии. Однако доктор Кюблер-Росс пришла к выводу о необходимости отказаться от совместной работы с ним. Увы, пастор был слишком озабочен своей популярностью и каждую неделю говорил с участниками семинара об одних и тех же вещах. Его позиция становилась слишком навязчивой.

> ...It seemed to me like we were trying to prolong a life that no longer had meaning. I stopped being myself. The only way out I saw was to leave the University completely. After completing the seminar on dying and death, I decided to achieve my voluntary departure..
>
> ...Мне это казалось похожим на то, как если бы мы пытались продлевать жизнь, уже не имеющую смысла. Я перестала быть самой собой. Единственный выход я видела в том, чтобы совсем покинуть Университет. Решила после завершения семинара об умирании и смерти добиться своего добровольного ухода.

У Кюблер-Росс, поскольку она, несмотря ни на что, с уважением относилась к возрасту пастора, была традиция. После семинара она всегда сопровождала его до лифта. Они некоторое время общались, пока не приходил лифт. Вежливость требовала и теперь не отступать от традиций. Элизабет последовала за пастором к лифту. Ожидая его, она, продолжая переживать эмоции, возникшие на почве недавнего конфликта с ним, что-то ему говорила. Пастор, не удостаивая взглядом свою спутницу, молча ждал лифт, холодно пропуская мимо ушей все, что излагала взволнованная мисс Кюблер-Росс. Она ему говорила, много раз повторяя, что собирается уволиться. Пастор молчал. На мгновение нервы женщины сдали, и она схватила его за грудки, возмущенно воскликнув: «*Я приняла очень важное решение и хочу, чтобы вы меня услышали*». В это мгновение перед лифтом появилась женщина. Умолкнув, Кюблер-Росс заметила, как двери лифта распахнулись и туда все так же молча ступил пастор, нажал на кнопку,

прежде чем дверцы лифта захлопнулись. Доктор Кюблер-Росс, едва справляясь с чувствами, глянула на женщину, стоявшую рядом, и ей показалось, что она ее знает. Однако сразу припомнить, кто это, не смогла. Пробормотав про себя: «*Боже, кто это?*», она направилась в свой кабинет и прошептала: «*Я знаю эту женщину! Она смотрит на меня, идет вслед и ждет, чтобы обратиться ко мне*».

Описывая факт появления незнакомки на площадке перед лифтом, Кюблер-Росс отмечает:

> Her appearance was transparent, but not transparent enough to be seen through. As soon as the pastor entered the elevator, and I moved towards my office, trying to cope with my anxiety from the failed conversation with him, the woman quickly caught up with me and said: «Dr. Ross, I should have come back.» May I accompany you to your office? I'll take up your time for a little while.» Without feeling bewildered – how did she know my name and why was she aware of where my office was - I almost instantly began to realize who she was – this woman? However, I have to admit that this walk to my office was the longest in my entire life! I'm a psychiatrist. I have been working with schizophrenic patients for a long time, and I love them. When they tell me about their visual hallucinations, I tell them: «Okay, I know you see Madonna on the wall. But I don't see her.» Now I had to say to myself: «Elizabeth, you think you see this woman now. But this cannot be! You're starting to have visions." I had to touch this woman to make sure that she existed. We were almost approaching my office, I carefully touched her hand. I wanted to check: is it warm or cold? Expecting that, suddenly, her hand would melt from my touch... I was simultaneously an observing doctor and a patient, almost losing my mind from bewilderment. I couldn't remember who she was? I suppressed even the thought that this the vision may in fact be Frau Schwartz, who has already died several months ago. When we finally reached my office, she politely opened the door for me and said, "Dr. Ross, I had to come back for two reasons. The first reason: I want to express my gratitude to you and Priest G. for everything you have done for me! He was a wonderful pastor with whom I always had an ideal rapport. Hesitantly, the woman continued. «But the main reason I came back: to warn you, you should not finish this work on dying and death.» It's possible that this really is Frau Schwartz, I thought. But she's been in the grave for ten months now! Besides, I didn't believe in ghosts. I went

> to my desk and touched all the objects to make sure they really existed. I stroked the tabletop and felt the chair. I hoped that these objects would disappear and I would... wake up. However, everything remained in its place. I hoped that this woman would finally disappear. But she didn't disappear. She remained in the same place and persistently repeated, albeit in a kind voice: «Doctor Ross, can you hear me?» Your work is not finished yet. We will help you. You will know when you can stop your work. But please don't stop it now. Do you promise me? Your real work has just begun!

Ее облик был прозрачен, однако недостаточно прозрачен, чтобы через нее можно было смотреть. Как только пастор вошел в лифт, а я двинулась к своему кабинету, пытаясь справиться со своим волнением от неудавшегося разговора с ним, женщина, быстрыми шагами догнала меня и сказала: «Доктор Росс, я должна была вернуться. Разрешите мне сопроводить вас до вашего кабинета? Я ненадолго займу ваше время». Не чувствуя недоумения – откуда она знает мое имя и почему она была осведомлена, где находится мой кабинет – я почти мгновенно стала осознавать, кто она – эта женщина. Тем не менее я вынуждена признаться, что этот путь до моего кабинета был самым длинным во всей моей жизни! Я психиатр. Я долгое время работаю с пациентами-шизофрениками, и я люблю их. Когда они мне рассказывают о своих визуальных галлюцинациях, я говорю им: «Хорошо, я знаю, вы видите Мадонну на стене. Но я ее не вижу». Теперь я должна была сказать самой себе: «Элизабет, ты думаешь, что видишь сейчас эту женщину. Но этого не может быть! У тебя начинаются видения». Я должна была непременно потрогать эту женщину, чтобы удостовериться в том, что она существует. Мы уже почти подошли к моему кабинету, я осторожно коснулась ее руки. Мне захотелось проверить: теплая она или холодная? Ожидая, что вдруг ее рука растает от моего прикосновения... Я была одновременно наблюдающим врачом и пациентом, почти теряющим рассудок от недоумения. Я никак не могла вспомнить, кто она? Я подавляла даже саму мысль о том, что это видение в действительности может быть фрау Шварц, которая уже несколько месяцев как умерла. Когда мы дошли, наконец, до моего кабинета, она вежливо открыла передо мной дверь и сказала: «Доктор Росс, я должна была вернуться по двум причинам. Первая

причина: я хочу выразить свою благодарность вам и священнику Г. за все, что вы для меня сделали! Это был замечательный пастор, с которым у меня всегда было идеальные взаимопонимание.» Чуть запнувшись, женщина продолжила. «...Но главная причина, по которой я вернулась: чтобы предупредить вас, вы не должны заканчивать эту работу об умирании и смерти». «Возможно, что это действительно фрау Шварц,» – подумала я. Но она уже десять месяцев как лежит в могиле! Кроме того, я не верила в явления призраков. Я подошла к своему письменному столу, потрогала все предметы, чтобы убедиться в их существовании в действительности. Я погладила столешницу, пощупала стул. Я надеялась, что эти предметы исчезнут, и я... проснусь. Однако все оставалось на своих местах. Я надеялась на то, что эта женщина, наконец, исчезнет. Но она не исчезла. Она оставалась на прежнем месте и настойчиво повторяла, правда, любезным голосом: «Доктор Росс, вы меня слышите? Ваша работа еще не окончена. Мы будем вам помогать. Вы узнаете, когда сможете прекратить свою работу. Но, пожалуйста, не прекращайте ее сейчас. Вы обещаете мне? Ваша настоящая работа только началась!»

Нетрудно представить себе состояние доктора Кюблер-Росс в это мгновение. Наделенная множеством научных званий и безусловными талантами исследователя, привыкшего опираться на рациональные выводы, мастер объективного анализа, она была близка к панике:

«Oh my God! Nobody will believe me! Even my closest friends won't believe me...» Finally, the scientist won over me. I decided to cheat: I told her that Pastor G. now lives in Urbana (this was true, since he received a church parish there), and said: «He will be glad to receive a few lines from you.» With these words, I handed the woman a pencil and a piece of paper».

«Боже! Мне никто не поверит! Даже мои самые близкие друзья не поверят мне...» Наконец, ученый победил во мне. Я решила схитрить: сообщила ей, что пастор Г. сейчас живет в Урбане (это было правдой, так как он получил там церковный приход), и сказала: «Он будет рад получить от вас пару строк». С этими словами я протянула женщине карандаш и лист бумаги».

То, что перед ней была фрау Шварц, которая умерла десять месяцев назад, доктор Кюблер-Росс уже не сомневалась. Она попыталась спасти свою репутацию ученого неким абсолютно бесспорным аргументом, который готова была представить своим коллегам.

Of course, I had no intention of sending this letter to my friend, I needed scientific physical evidence. What I mean by this is that no one who has been dead for a long time can write kind letters. And this woman, with her inhuman, but at the same time full of love, smile, with which she seemed to read all my thoughts, took the paper, sat down on a chair and wrote a few lines, put the pencil on the table and said almost silently: «Are you satisfied now?» I I looked at her and thought: «I won't be able to share this experience with anyone, but I will keep the note.» She stood up to leave and repeated: «Dr. Ross, you promised me, didn't you?» And I replied: «Yes, I promise you to continue the work.» The very moment I said, «I promise you,» the woman disappeared."

Разумеется, у меня не было никакого намерения отправлять это письмо моему другу, я нуждалась в научном вещественном доказательстве. Я хочу этим сказать, что никто, кто давно умер, не может писать любезные письма. И эта женщина с ее нечеловеческой, но при этом преисполненной любви улыбкой, с которой она словно читала все мои мысли, взяла бумагу, села на стул и написав несколько строк, положила карандаш на стол и почти беззвучно произнесла: «Теперь вы удовлетворены?» Я смотрела на нее и думала: «Ни с кем я не смогу поделиться этим переживанием, но я сохраню записку». Она встала, чтобы уйти и повторила: «Доктор Росс, вы обещали мне, не так ли?» И я ответила: «Да, я обещаю вам продолжить работу». В то же самое мгновение, как я сказала «обещаю вам», женщина исчезла.

В своей книге «Колесо жизни» («The Wheel of Life») Кюблер-Росс отмечает, что в итоге передала записку пастору Гайнесу. Такова история фрау Шварц, а достоверность рассказанного доктором Кюблер-Росс может подтвердить записка фрау Шварц.

Этот случай ставит перед нами множество вопросов. Получается, что фрау Шварц, будучи давно мертвой, знала, что происходит на семинарах, и в нужный момент вмешалась для того, чтобы эти занятия продолжались. В какое состояние она перешла, когда умерла? Имеют

ли души умерших при случае возможность наблюдать земную действительность, читать мысли интересующих их людей?

Глава «Смерти нет» в книге Кюблер-Росс далась мне сложнее всего. Название «Жизнь после смерти» никому не мешает, так как это высказывание, безразлично, верят в него или нет, является привычным. Ведь оно относится к вероучениям, религии, и на протяжении тысячелетий нам пытаются передать знание о жизни после смерти. Люди уже не реагируют на это выражение. Но если кто-то говорит: «смерти нет», на это реагируют совершенно определенно: прислушиваются и размышляют над этим. Р. Муди, который в 1975 году издал свою книгу «Жизнь после жизни» с предисловием Э. Кюблер-Росс, развивает представления о жизни после смерти. Кюблер-Росс пошла еще дальше. Однако воззрения Рональда Муди не вызвали такого резонанса, хотя он говорит в своей книге те же самые вещи, что и доктор Росс, только иными словами. Иначе говоря, он гораздо осторожнее своей коллеги. Может быть, его выводам мешает авторитетная критика?

Сразу после публикации книга Кюблер-Росс «О смерти и умирании» («On Death and Dying») была распродана в количестве 47 500 экземпляров. И это было лишь следствием оценок, передаваемых из уст в уста. Нетрудно представить, как выросли продажи, когда постаралась реклама. По этой причине нью-йоркская газета Times опубликовала в воскресном выпуске от 22 января 1995 года статью под броским заголовком: «Переписанный конец». «*Элизабет Кюблер-Росс и ее книга рушат основы и подводят Америку к тому, чтобы честно взглянуть в лицо смерти. Автор утверждает, что смерти не существует*». Журналист Джонатан Розен пишет, что книга «О смерти и умирании» расшатала фундамент американского общества. Он упоминает случай с фрау Шварц и признается, что его сильно удивила эта глава. «*Кюблер-Росс описывает, как ее посетила умершая больная в коридоре Чикагского университета*», – сообщает Розен. После обзора работы Э. Кюблер-Росс Розен ссылается на разных специалистов, которые размышляют о ее представлениях. Среди них нет ни одного известного танатолога, ни Р. Моуди, ни М. Морса, никого из тех, с кем мы уже успели познакомиться. И все же внимательно рассмотрим эти аргументы.

Конечно, доктор Росс исходит из того, что органическая смерть подразумевает смерть физиологическую. За фразой «*Смерти нет*» стоит

невозможность духовной смерти. Как мы убедились, Кюблер-Росс верит в то, что люди после смерти продолжают жить на другом уровне бытия, принимают участие в событиях и развиваются личностно в нематериальной форме. С этой точки зрения смерти нет. Есть только переход из одной формы бытия в другой. Кюблер-Росс сама подчеркнула это в интервью с Д. Розеном: «*Нельзя долгое время работать с умирающими и не верить в духовную жизнь. Тогда начинаешь ощущать себя сдутым воздушным шариком*». Кто пытается проникнуть в тайну смерти, кто серьезно связан с проблемой органической, физиологической смерти, тот обязательно задает себе вопрос: что происходит в потустороннем мире? Иначе говоря, что случается с человеком после смерти? В своей органической форме проблема смерти ограничивается терзающей болью, которую ощущает индивидуум. Если бы боль отсутствовала, и мы внезапно, не заметив того, умирали, тогда, возможно, вопросы о потустороннем мире не были бы так актуальны. Или вовсе не стояли бы. Но я придерживаюсь мнения о том, что человека всегда будет занимать проблема потустороннего, жизни после смерти, даже если будет достигнута возможность безболезненной смерти.

Кюблер-Росс показала Розену фотографию одной умершей больной, очень красивой женщины. «*В ином мире она танцует и поет,* – заметила Кюблер-Росс. – *Она страдала поперечным миелитом*». «*Не находите ли вы ужасным, что все эти люди умирают?*» – спросил репортер. «*Почему ужасным? Смерть – это не конец. Мы просто перейдем в иное измерение*». Розен выразил свое восхищение ее книгой: «*Можно представить притягательность ее влияния на людей. Книга дает ответ на вопрос о великой тайне человеческого существования*». Тогда же он спросил Кюблер-Росс, боится ли она собственной смерти. И она ответила ему с улыбкой и даже задорно: «*Я не боюсь!*». И добавила, улыбаясь: «*Я жду команды сверху*».

В 1999 году, подводя итоги уходящего столетия, журнал Time назвал имя доктора Кюблер-Росс среди ста выдающихся мыслителей XX века. Начав работать в больнице в середине 50-х годов, Элизабет была потрясена отношением к безнадежным больным со стороны медицинского персонала, стремящегося уделять внимание лишь тем, кого еще можно было спасти. Кюблер-Росс в своих докладах и статьях неоднократно заявляла: *смерть – такой же важный этап жизни, как и рождение.* Процесс умирания заслуживает специального изучения.

Именно с ее выступлений началось движение за создание хосписов – учреждений для оказания медицинской и психологической помощи неизлечимо больным. Кюблер-Росс стала первым профессиональным врачом, начавшим изучать околосмертные переживания и собирать рассказы людей, переживших клиническую смерть. Ее огромный опыт общения с умирающими позволил сделать вывод: смерть – это не конец, и мы даже можем реконструировать те ощущения и события, которые ждут нас после нее.

Элизабет Кюблер-Росс, родившаяся в Швейцарии, долгие годы проработала во многих больницах и университетах США, достигла большой известности в области исследования смерти. Написанные доктором Кюблер-Росс книги стали учебниками для врачей и медицинских сестер на ее новой родине. Ею восхищались и ее почитали. Нельзя было найти в мире ни одного такого второго ученого, который получил бы столько почетных докторских мантий в награду за свои достижения. Много сотен часов она провела около постелей смертельно больных. Описала их поведение, создав теорию о пяти стадиях умирания. Пока она лишь фиксировала и публиковала все, что ее пациенты переживали до того момента, когда констатировалась смерть, Элизабет получала одобрение коллег. Но, когда доктор Кюблер-Росс стала читать доклады и давать интервью, описывая внетелесные переживания, известные ей по рассказам умирающих и которые она сама могла подтвердить, благодаря собственному опыту, когда она отказалась рассматривать происходящее только как *галлюцинации*, многие коллеги отвернулись от нее и даже объявили ученого «сумасшедшей». Истории науки известны такие факты, и можно привести такие примеры. Мало кто мог поверить, что доктор Росс посвятила себя такой «*несерьезной*» исследовательской области, как вопросу *жизни* после *смерти*. Материалистическое мышление и связанное с ним понимание тела как суммы атомов отрицает подобное явление. Со смертью тела *душа* человека и его «*Я*» должны считаться *исчезнувшими*. Доктор Элизабет Кюблер-Росс не прекратила свою работу, а несмотря на все враждебное к себе отношение продолжала рассказывать о своих наблюдениях, делала следующие из них выводы, которые многим казались опасными для безупречной репутации ученого.

Доктор Росс однажды высказала в интервью следующую мысль:

> In my opinion, he is scientifically honest who writes down what he has discovered and imagines what conclusion can be drawn from it. It was necessary to show complete distrust of me and accuse me of downright profanation of science when I published only what was approved by general opinion. I did not try to convince people or completely convert them to my faith. I see my task mainly as passing on the information obtained as a result of research. Those who are ready for this will trust me. And those who are not ready will, boasting of knowing everything, look for objections.

> По моему мнению, тот по-научному честен, кто записывает то, что обнаружил, и представляет, какой вывод из этого можно будет сделать. Нужно было проявлять полное недоверие ко мне и обвинять меня прямо-таки в профанации науки тогда, когда я публиковала лишь то, что одобряется общим мнением. Я не стремилась переубедить людей или полностью обратить их в свою веру. Мою задачу я вижу главным образом в том, чтобы передавать дальше полученную в результате исследований информацию. Те, кто к этому готовы, будут доверять мне. А те, кто не готовы, будут, кичась всезнайством, искать возражения.

В то время как эта исследовательница уже более десятилетия была знаменитостью в Америке, большой интерес вызвали ее публикации, появившиеся в немецко-говорящем пространстве – в Штутгарте. Но только две выпущенные Гюнтером Роллингом (Gunther Rolling) телевизионные передачи осмелились представить самого автора, ознакомить с ее деятельностью и мышлением широкую публику. Лишь швейцарским телезрителям посчастливилось увидеть интервью доктора Росс с католическим теологом Хансом Кюнгом. В обеих передачах она высказала свои убеждения, сложившиеся в результате ее собственных научных исследований. «*Смерть – это лишь переход в другую форму жизни, на иную частоту*». Это звучало чрезвычайно дерзко! А мысль о том, что «*момент смерти – это совершенно неповторимое, прекрасное, освобождающее переживание, через которое проходят без страха и трудностей*», казалась и вовсе антинаучной, отвергающей весь опыт переживания людьми приближение собственной кончины. Таких позитивных высказываний о смерти телезрители никогда еще не слышали ни от одного медика. И когда доктора Росс спросили,

боится ли смерти она сама, не задумываясь, она решительно ответила: «*Нет, совсем нет, я встречу ее с радостью*». Для нее исследование вопросов, связанных со смертью, означало не бегство от жизни, а обратное. Включение смерти в круг своих размышлений позволяет человеку жить более осознанно и более сконцентрировано и предостерегает от того, «*чтобы слишком много времени тратить на то, что не является важным*».

Смерть нашими современниками представляется ужасным призраком, о котором лучше ничего не знать. Ее стремятся вытеснить из сознания как врага жизни. Однако она вызвала исследовательский интерес у энергичного и жизнерадостного врача, обнаружившего в процессе своих исследований, что мы вовсе не должны бояться смерти, потому что смерть – это не конец, а скорее всего, это «прекрасное начало». В том интервью, которое транслировало швейцарское телевидение, профессор Ханс Кюнг (Hans Küng) подчеркнул значение деятельности доктора Росс, когда говорил о том, что не только теологи, но и «*бесчисленное количество людей*» ей «*бесконечно благодарны*». Она первой начала обсуждать вопросы смерти и тем самым «*нарушила табуированность*» этой темы. Вследствие чего медицина стала «*опять открыта для этого вопроса*». Наша жизнь в земном теле, как признала Элизабет Кюблер-Росс в той же самой передаче, – это лишь «*совсем-совсем маленькая часть нашего существования*».

Материалистически направленная наука заблуждается, ограничиваясь понятием *единственности жизни.* В большей степени эта жизнь – лишь крохотная часть нашего общего индивидуального существования, которое после окончания идет дальше в заранее определенном порядке. Разве не утешительно знать, что с нашей земной смертью не просто «*все закончится*», а нам еще предстоит пройти множество пока неведомых актов?

После разработки Майклом Ньютоном (Michael Newton) так называемого *ретроградного гипноза* его коллега Рональд Муди (Ronald Moody) с его помощью, будучи подвергнутым ретроградному гипнозу, пережил осмысление своих девяти прошедших жизней. Это явление кажется невообразимым, но тем не менее сегодня это стало реальностью. Кстати, каждая из этих девяти жизней Рональда Муди завершалась смертью, но вслед за ней наступала... новая жизнь. И так происходило *девять* раз! И уж совершенно неожиданный аргумент в пользу доктора Элизабет Кюбер-Росс я нашел в книге

Наталья Бехтерева

Натальи Петровны Бехтеревой, русского нейрофизиолога, академика Российской академии наук, кстати, члена Американской академии медицины и психиатрии. По числу почетных званий и научных наград доктор Росс мало чем уступает своей Российской коллеге. Нечто подобное тому, что случилось с доктором Росс, произошло и с Натальей Петровной Бехтеревой. В 2007 году в издательстве «Акт-Сова», в Москве, вышла книга ее мемуаров «*Магия мозга и лабиринты жизни*».

В жизни Натальи Петровны произошло два драматических события – смерть сына ее мужа от первого брака – Алика, затем, спустя время, смерть ее мужа, которого в своих мемуарах она называла инициалами «И. И.». В главе на странице 207, которую она назвала «*Зазеркалье*», подробно описываются эпизоды самоубийства Алика, страдавшего от наркомании, затем и мужа Н.П. Бехтеревой – И. И. Эти две смерти были по времени разделены двумя сутками, до краев наполненными множеством невероятных ощущений, пережитых Натальей Петровной, кстати, в присутствии ее секретаря, которую вполне можно назвать свидетелем тех переживаний, которые сама автор аккуратно обозначала: «*измененным состоянием своего сознания*». Со всеми подробностями можно ознакомиться в ее книге, но я хочу рассказать о фактах, имеющих прямое отношение к случившемуся с ее коллегой – доктором Элизабет Кюблер-Росс. Обобщив случившиеся с ней за прошедшие двое суток события, Н.П. Бехтерева подводит читателя к двум главным явлениям, невероятность которых была очевидна.

> В спальне висел большой и хорошо выполненный портрет моего мужа. После его смерти я ставила перед ним цветы и подолгу говорила ему что-то, нередко не отдавая себе отчета в том, что именно. Р. В. (*так Наталья Петровна называет в мемуарах своего секретаря. – О. Ю.*) часто ночевала у меня, и однажды, когда мы припоздонились в гостях, войдя в спальню я увидела, что И. И. на портрете

плачет. Из правого глаза (портрет в три четверти) медленно стекала крупная слеза. Я попросила Р. В. посмотреть на портрет. «Да, он плачет!» – вскричала она. Продолжалось это несколько минут. Я зажигала свет – слеза медленно опускалась к промежутку между кончиком носа и ноздрей. И, не докатившись до конца носа, внезапно исчезла.

Явление для профессора Бехтеревой оказалось абсолютно невероятным и необъяснимым. Она пыталась дать более или менее «объективный» комментарий случившемуся, но, во всяком случае, меня, он не убедил.

В мемуарах автор довольно скромно признается в своей религиозности, ограничиваясь общением с настоятелем Софийского собора в городе Пушкине – отцом Геннадием. Но сам случившийся с ней факт, судя по мемуарам, ему не рассказала. Наверняка отец Геннадий поведал бы ей о факте мироточения икон. Портрет мужа, судя по всему, исполнял роль иконы в воображении Натальи Петровны Бехтеревой, а сама она, жена И. И., в момент разговора с его изображением, вольно или невольно, исполняла роль, скажу так: *«кающейся Магдалины»*, если представить этот миг, изображенной Тицианом Вечеллио женщины, страдающей от утраты. Мотивы сострадания звучат в словах Натальи Петровны в момент общения с портретом любимого умершего мужа. Чуть позднее переживающая грусть жена описала в своих мемуарах некие неприятные для И. И. обстоятельства совместного проживания, случавшиеся в их жизни, о которых она вспоминала с горькой печалью.

Однако вернусь к главному явлению, случившемуся с Натальей Петровной Бехтеревой, которое связывает ее как ученого с явлением, описанным доктором Элизабет Кюблер-Росс. *«За занавеской на окне, выходившем во двор-сад, стоит банка с водой. Я протягиваю за ней руку, слегка отодвигая занавеску и рассеяно гляжу вниз с моего третьего этажа на двор-сад нашего дома. Сойдя с поребрика* (каменный выступ между тротуаром и садовой дорожкой. – О. Ю.), *прямо на тающем снегу стоит странно одетый человек и – глаза в глаза – смотрит на меня. Я знаю его даже слишком хорошо, но этого просто не может быть. Никогда»*. Прерву на мгновение академика Бехтереву и приведу слова доктора Росс в аналогичной ситуации: *«Теперь я должна была сказать самой себе: «Элизабет, ты думаешь, что видишь сейчас эту женщину. Но этого не может быть! У тебя начинаются видения»*. В общем, с обеими происходило нечто, напоминающее изумление перед реально возникшим видением, которое их суперпрофессиональный ум, буквально пропитанный множеством знаний объективных истин, никак не мог допустить в качестве, опять же, объективной реальности. Однако продолжу читать мемуары Н.П. Бехтеревой. *«Я иду на кухню, где сию минуту должна быть Р. В.* (напомню, – секретарь Бехтеревой. – О. Ю.), *и, встретив ее на полпути, прошу посмотреть в окно спальни. Я впервые в жизни увидела лицо живого человека действительно белое, как полотно. Это было лицо бежавшей ко мне Р. В. «Наталья Петровна! Да это Иван Ильич там стоит* (то есть И. И., так называла в мемуарах своего мужа Бехтерева. – О. Ю.) *Он пошел в сторону гаража – знаете, этой своей характерной походкой... Неужели вы его не узнали?!» В том то и дело, что узнала, но в полном смысле слова не поверила своим глазам»*. И снова в женщине пробуждается академик: *«Если бы все это происходило со мной одной, как например, очень яркий («вещий») сон, совсем не похожий на обычный, все это при всей необычности (я в жизни видела четыре таких сна) можно было бы трактовать как галлюцинации на фоне моего измененного состояния сознания (было из-за чего!)»*. О свидетеле этого же явления мужа И. И. в саду своего дома профессор Бехтерева не забыла. *«А Р. В.? Состояние ее сознания так же могло быть несколько изменено, а отсюда и видение событий, происходящих в «другом измерении». Статистическому анализу все это не поддается, но уверенность в реальности происходящего у меня полная»*. Так два мировых авторитета в области психиатрии, психологии и т.п. и т.д. оказались свидетелями двух одинаковых явлений, не поверить в которые было так же невозможно, как и объявить их... *галлюцинациями*...

...Живя в СССР, я ничего не слышал о Роберте Монро, лишь однажды на научной конференции в Белорусской академии наук, посвященной психологическим проблемам социальных отношений, в 1980 году. Я присутствовал как преподаватель Института иностранных языков, в котором впервые была апробирована практика преподавания курса: *«Стандарты оптимального поведения в системе отношений «Учащийся (студент) и учитель (педагог) в процессе усвоения знаний в школах и вузах»*. Поскольку я разрабатывал этот спецкурс, мне был предоставлен вуз (Минский Институт иностранных языков) для отработки всех аспектов этого курса для студентов,

которым предстояло, преподавая иностранные языки в школе, воплощать полученные знания курса. Мой курс был тогда уникален, и я, разрабатывая его, опирался на психологию, этику, социологию, социальную психологию. Будучи приглашенным на конференцию, я в кулуарах разговорился с американским гостем, Майклом, фамилию которого, к сожалению, не запомнил. Он был преподавателем колледжа в Алабаме и рассказал мне о практиках Роберта Монро. Честно говоря, тогда я очень скептически отнесся к его рассказам, тем более что мой спецкурс был весьма далек от тех подробностей, о которых мне поведал заокеанский гость. Так случилось, что я спустя почти десять лет оказался в США, но о Монро так ничего и не слышал в девяностые, осваиваясь в Америке.

Однажды, во сне, я впервые почувствовал непередаваемо легкое состояние отделения от тела и свободного полета в пространстве ночного неба. Оглядывая, простиравшееся вокруг меня ночное пространство, я увидел снизу яркий остров, утопающий в бесконечном зареве света. Через мгновение я услышал музыку и увидел толпы людей. Проносясь над всем этим чудесным видением, я спокойно опустился чуть ниже и увидел сотни, даже тысячи лиц в нарядных и экзотических одеждах. Мне показалось, что по лицам это были мексиканцы. Народ был весел, пел, танцевал, веселился. Однако со временем я стал с беспокойством соображать, как я вернусь к себе, в свою кровать, в свой Балтимор, где я жил, и как найду свой дом? Мотаясь так по ночному яркому пространству, я, наконец-то, вернулся домой и благополучно проснулся в своей постели. Могу признаться – с чувством полного недоумения и даже страха, как это меня «*угораздило*» отделиться от своего тела и совершить такое путешествие? Рано утром, завтракая с сыном Борисом в своей квартире, я решил рассказать ему о случившемся со мной чуде. Он внимательно меня выслушал и сказал, что кое-что мне расскажет, когда вернется из школы. Он уже заканчивал одиннадцатый класс, придя домой, присел ко мне и сказал:

— Ты что-нибудь, когда-нибудь слышал о Роберте Монро?

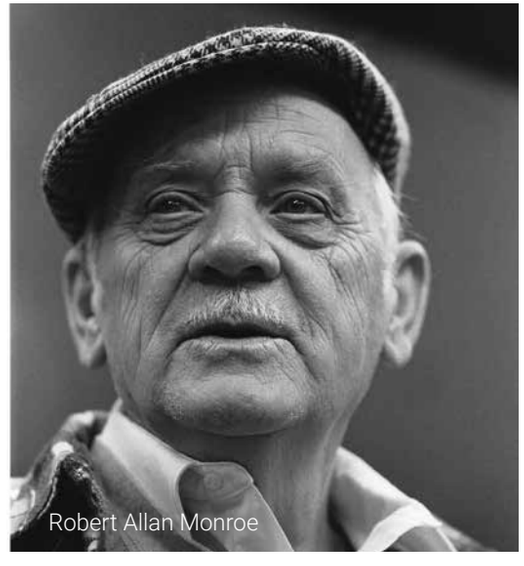
— Нет... — ответил я. — Лишь однажды, на конференции в Минске, мне рассказывал о его исследованиях и опыте выхода из тела, кто-то из моих коллег по Академии наук, где я тогда работал. Но это мне не показалось чем-то интересным. Скорее, невероятным, фантастическим...

Вытащив из школьной сумки книгу, Борис дал ее мне. На обложке

было написано по диагонали зеленым шрифтом на черном фоне: «*Путешествие вне тела*», а чуть ниже крупно: «*Роберт Монро*». Книгу он взял у своего школьного товарища, говорящего по-русски, и протянул ее мне.

— Мне дали ее на пару дней. Почитай... — сказал мне сын.

Так я познакомился с сочинениями Монро. Личность, биография и жизненные достижения Роберта Монро произвели на меня сильное впечатление. Читая его книги, а их оказалось целых три тома, я верил и ... не верил в описанное им. Но сначала представлю его биографию.


Robert Allan Monroe

Роберт Алан Монро (Robert Allan Monroe) родился в Лексингтоне, штат Кентукки (Lexington, Kentucky), в 1915 году. Сын профессора колледжа и врача, получил ученую степень в Государственном университете штата Огайо (Ohio State), где изучал инженерное дело и журналистику. Затем начал работать в сфере радиовещания, где прославился как сценарист и режиссер радиопрограмм.

Два года спустя он отправился в Нью-Йорк и расширил свою радиовещательную карьеру, выпуская еженедельные радиопрограммы, и, в конечном счете, он сформировал свою собственную радиокомпанию.

В 1950 году его компания производила 28 радиопостановок в месяц. Он также стал вице-президентом и членом правления директоров Радиовещательной сети, о нем часто писали в прессе. Основываясь на этом успехе, компания производства Монро приобретала несколько радиостанций в Северной Каролине (North Carolina) и Вирджинии (Virginia) и начала продвигаться в развивающиеся тогда системы кабельного телевидения. В 1956 году фирма открывает научно-исследовательское подразделение, чтобы изучить эффекты воздействия

различных звуков на человеческое сознание, включая опыты во время сна. Монро использует себя самого как испытателя в этом исследовании. В 1958 году появился существенный результат – Монро начал испытывать состояние сознания, отделенное от физического тела. Он назвал это состояние «*внетелесным опытом*», и с тех пор это определение закрепилось как основной термин в литературе данного направления. Это событие изменило курс жизни Монро и направления его профессиональных усилий.

В продолжение радиовещательной карьеры, Монро начал экспериментировать и исследовать свои «*внетелесные опыты*». Он вел хронику этих исследований с объективностью репортера и в итоге написал инновационную книгу «*Путешествия вне тела*», которая была издана в 1971 году. Этот «*отчет о внетелесном опыте*» вне места, времени и смерти успокоил бесчисленное количество людей, которые столкнулись с явлениями, не поддающимися объяснению. Это также привлекло внимание академических исследователей, врачей, инженеров и других экспертов.

Монро и группа исследователей начали изучать эту и другие формы расширенного сознания уже в лабораторных условиях. Эти исследования вели к развитию технологии применения звуковых сигналов, известной как *Hami-synchronization a term used in the study of neurons that describes the energy balance and synchronization behaviors that occur when two neurons are coupled, а по сути, это метод синхронизации работы мозговых получшарий,разработанный Робертом Монро.*

В 1974 году первоначальная группа исследователей была расширена, чтобы стать Институтом Монро. Организация проводила семинары по управлению и исследованию человеческого сознания. В течение следующих двадцати лет Монро продолжал исследовать расширенные состояния сознания и разрабатывать практические методы по увеличению человеческого потенциала.

Он провел целый ряд собраний, которые позволили участникам лично испытать «*внетелесный опыт*», построил университетский городок для обучения и исследования, создал серию звуковых упражнений для сосредоточения внимания, уменьшения напряжения, улучшения мышления, увеличения сна и даже управления болью.

В 1985 году он написал вторую книгу – «*Далекие путешествия*», где подробно описывается совместная работа Монро с другими людьми, путешествующими в пространстве и времени. Во второй книге

рассказывается также об удивительных результатах, которых можно достичь с помощью процесса под названием *Hemi- синхронизация.* Эта книга стала введением в новые представления о действительности, проникновением в иное мировоззрение. Она повествует о безграничных потенциальных возможностях человеческого разума. В 1994 году он выпустил свою третью книгу, «*Окончательное путешествие*», которая раскрывает основные истины и смысл жизни за пределами физического мира. Роберт Алан Монро умер в 1995 году, в возрасте 80 лет.

Первое, что меня интересовало в опытах Монро, как к этому относилась современная наука. В книге «*Далекие путешествия*» в разделе «*Приложения*» я наткнулся на главу: «*Психофизиология внетелесных переживаний Роберта Монро*». Его автор – Стюарт В. Твемлоу (Stuart W. Twemlow), доктор медицинских наук, профессор психиатрии и поведенческих наук на кафедре психиатрии Меннингера, Медицинский колледж Бэйлора, Хьюстон, Техас (Menninger, Baylor College of Medicine, Houston, Texas). Доктор Твемлоу имеет большой опыт работы в психиатрии, эксперт социальных систем. Он опубликовал множество научных статей, книг и глав книг, в том числе по социальным и психологическим аспектам. Является главным редактором Международного журнала прикладных психоаналитических исследований. *Stuart W. Twemlow, MD is Professor of Psychiatry and Behavioral Sciences Menninger Department of Psychiatry Baylor College of Medicine Houston, Texas. Dr. Twemlow has wide experience in psychiatry, and social systems interventions. He has published numerous scientific articles, books, and book chapters, including many on social and psychological aspects. He is the Editor-In Chief of The International Journal of Applied Psychoanalytic Studies.*

Второй соавтор – Глен Габбард (Glen Gabbard). Глен Оуэнс Габбард – американский психиатр, известный как автор профессиональных учебных пособий в этой области. Он является клиническим профессором психиатрии в Медицинском колледже Бэйлора в Хьюстоне, штат Техас, а также обучает и руководит аналитиками в Центре психоаналитических исследований в Хьюстоне. *Glen Owens Gabbard is an American psychiatrist known for authoring professional teaching texts for the field. He is Clinical Professor of Psychiatry at Baylor College of Medicine in Houston, Texas, and is also training and supervising analyst at the Center for Psychoanalytic Studies in Houston.*

Знающие люди! Иначе не скажешь. В итоге своих наблюдений

за деятельностью Роберта Монро они пришли к заключению, что внетелесные путешествия – явление, достаточно распространенное. Приведя статистические данные, которые они собрали, проведя прикладные социологические исследования, оба доктора медицины пришли к выводу, что как минимум один раз явление отделения от тела и свободное парение в пространстве той субстанции, которую принято называть «душой», оставившей свое *живое тело* на месте погружения в дремотное состояние, в принципе доступны едва ли не каждому человеку. Возможность свободно покидать свое тело присуща далеко не каждому, стало быть, вероятность погружаться в расслабленное дремотное состояние и отделяться от своего тела, чтобы парить в пространстве, доступна незначительному меньшинству. Никаких патологических последствий для организма экспериментов с достижением возможности отделяться от тела и летать в пространстве не возникает, о чем свидетельствуют сотни участников аналогичных экспериментов Института Роберта Монро, существующего до сих пор. Авторы научного анализа «*феномена Монро*» (я бы его так назвал), отмечают, что Роберт мечтал о полетах с детского возраста. Глория Толпин (Gloria Tolpin) – лицензированный консультант по психическому здоровью, получившая степень бакалавра психологии в Вашингтонском университете (University of Washington) и магистра экзистенциально-феноменологической терапевтической психологии в Университете Сиэтла (Seattle). Имеет опыт работы в общественных психиатрических учреждениях и частной практике более десяти лет. Она утверждает, что подобные интенсивно развивающиеся увлечения связаны с грандиозной фантазией, которую она назвала «*страстью Дедала*», который был одержим желанием взлететь над морем и изготовил из воска крылья. Она замечает, что сходные фантазии возникали у Черчилля: в восемнадцатилетнем возрасте он спрыгнул с моста, но застрял в кронах деревьев, что спасло его от тяжких травм.

Можно приводить множество примеров из проведенного исследования уважаемых профессоров, но главный вывод заключается в том, что Роберт Монро оказался личностью, чьи ранние увлечения воплотились в целеустремленные исследовательские мероприятия, которые, в свою очередь, сформировались во множество разработанных им методик достижения уникальных результатов в его свободном парении в неограниченном пространстве...

Меня заинтересовал один из многочисленных эпизодов, описанных Монро, в котором идет рассказ о его встрече с душой умершей женщины.

> *Page 140. Book «The Ultimate Journey» Robert Monroe publishing house Sofia. 2010*
>
> ...I slid right through the wall of the facade and immediately, in the foyer, came across a short and fragile woman with gray hair. She was about fifty. She wandered around the house, moving from one room to another. When I extended my hand, trying to attract her attention, she was clearly surprised by my appearance and the fact that I had noticed her.
>
> — Have you come to hang pictures? — she asked. I answered in the negative and said that I had come to see her.
>
> «They took all the paintings... took them away from my house.» This is my home! But they don't even want to talk to me. I asked her what she was doing here, why she didn't leave.
>
> — After all, this is my home. I live here. And I will live, even if no one pays attention to me. I asked if she felt that a lot had changed.
>
> — Only that no one listens to me anymore. They pass by as if I'm not here. I asked if she remembered that she died.
>
> — Dead? What do you! Yes, I was sick, but now I'm better. I was in the hospital, and the next thing I remember: I got up and was walking! I noted that no one sees her and she is probably very lonely. The woman shook her head.
>
> «Yes, they didn't pay much attention to me anyway, even when William was alive.» Now he is gone, and they have stopped noticing me altogether.
>
> «I bet you won't be able to move that chair,» I insisted. The hand will pass through it. Try it!
>
> «What nonsense,» she exclaimed. — Well, of course, I can move it. Let's go to the dining room. She made several attempts, but her palm simply went through the back of the chair. The woman looked at me in confusion.
>
> — I do not understand what it means. I think this is one of those hallucinations that happen in old age. However, you saw this too, right? I showed her that my hand also passed through the back of the chair without any obstruction.

«Oh, is it the same with you?» the woman was amazed. I explained that this happens to every person when he is deprived of his material body.

— But... but I'm alive! I said that only the body dies. The body, not us. The woman was silent for a long time, but did not seem particularly shocked. After thinking, she raised her eyes with alarm.

«I was hoping that William would come for me, but he still hasn't." And I loved my home so much. He built it just for me. I don't want to leave here. I suggested that she look for William.

— Oh no, that's impossible! He died five years ago. I said again that we can look for him - at least just try. She looked at me intently.

— So I really died? I nodded.

—Are you an angel? No, not at all similar. You seem quite ordinary. I assured her that I was, in fact, not an angel, just a friend, but the woman backed away.

— We've never met before! You are not my friend! Must be one of Satan's minions! I decided not to try to convince her, apologized for disturbing her and turned around to leave.

— Wait! Please wait! I turned around and stood back. The woman looked at me thoughtfully.

«I think if you were a minion of the devil, I wouldn't be able to get rid of you so easily, right?» I admitted that I didn't know anything about it, since I had never met the devil.

— It's so lonely here... Do you really have a chance of finding William? I said that trying is not torture, extended my hand to her and began to rise to the ceiling.

— What are you doing? I can't! I can't! You have the most ordinary palm, I can feel it — why did you rise into the air so easily? I gently pulled her hand, and she, too, easily lifted herself off the floor. Delight showed on her face.

— Wow, how great! So this is what it means to be dead! God, God! Let's go look for William - I can imagine how surprised he will be! We slowly made a phase transition, moving further and further away from the environs of the physical world.

I remembered how I met this woman, a long time ago, many years ago. At the time, our family was temporarily renting this house in Westchester County, New York, and this woman, the deceased owner of the house, had been haunting it for several months as a ghost. At that

time I was very wary and quickly interrupted our acquaintance, but now I understood much more. I continued to move forward in the hope that William would sense us and take his wife with him. However, the woman still held my hand tightly and even made admiring remarks as she examined the inner rings of the territory of belief systems – and I felt a certain respect for this William, who had climbed much further than I expected. The impression received from the woman about his radiation helped to understand this. He had to be here somewhere, but we examined everything and all that remained was to move on to the outer rings. Undoubtedly, the guy cleverly hid his level of development from his wife...

I was about to ask the woman in more detail about William, but suddenly I realized that I no longer felt her palm in mine. I quickly turned around, but the woman was not there, she simply disappeared. There was no trace of its radiation left around. The only explanation I could find was that William is indeed very advanced if he went so far along the rings. I shifted phase and returned to the material body to think about what happened."

Стр. 140. Книга «Окончательное путешествие», Роберт Монро, издательство София, 2010 год.

...Я скользнул прямо через стену фасада и тут же, в фойе, наткнулся на невысокую и хрупкую женщину с седыми волосами. Ей было около пятидесяти. Она бродила по дому, переходя из одной комнаты в другую. Когда я вытянул руку, пытаясь привлечь ее внимание, она явно удивилась моему появлению и тому, что я ее заметил.

— Вы пришли, чтобы развесить картины? — спросила она.

Я ответил отрицательно и сказал, что пришел к ней.

— Они забрали все картины... увезли из моего дома. Это мой дом! Но они не хотят даже разговаривать со мной.

Я спросил ее, что она здесь делает, почему не уходит.

— Ведь это мой дом. Я здесь живу. И буду жить, пусть даже никто не обращает на меня внимания.

Я спросил, не чувствует ли она, что многое изменилось.

— Только то, что никто уже меня не слушает. Проходят мимо, будто меня здесь нет.

Я спросил, помнит ли она, что умерла.

— Умерла? Что вы! Да, я болела, но теперь поправилась. Я лежала в больнице, а следующее, что помню: поднялась и хожу!

Я отметил, что ее никто не видит и ей, наверное, очень одиноко. Женщина встряхнула головой.

— Да на меня и так не обращали особого внимания, даже когда Уильям был жив. Теперь его нет, и они вообще перестали меня замечать.

— Готов спорить, что вам не удастся передвинуть этот стул, — настаивал я. — Рука пройдет сквозь него. Попробуйте!

— Что за глупости, — воскликнула она. — Ну, разумеется, я смогу его сдвинуть. Пойдемте в столовую.

Она предприняла несколько попыток, но ее ладонь просто проходила сквозь спинку стула. Женщина растерянно посмотрела на меня.

— Я ...не понимаю, что это значит. Думаю, это одна из тех галлюцинаций, какие случаются в старости. Впрочем, вы ведь тоже это видели?

Я показал ей, что моя рука тоже беспрепятственно проходит сквозь спинку стула.

— Ой, и у вас то же самое? — изумилась женщина.

Я пояснил, что такое случается с каждым человеком, когда он лишается своего материального тела.

— Но...но ведь я жива!

Я сказал, что умирает только тело. Тело, а не мы. Женщина надолго умолкла, но не казалась особенно потрясенной. Подумав, она с тревогой подняла глаза.

— Я надеялось, что Уильям придет за мной, но его до сих пор нет. И я так любила свой дом. Он построил его только для меня. Мне не хочется отсюда уходить.

Я предложил ей поискать Уильяма.

— О, нет, это невозможно! Он умер пять лет назад.

Я еще раз сказал, что мы можем его поискать – хотя бы просто попробовать. Она пристально посмотрела на меня.

— Так что я действительно умерла?

Я кивнул.

— А вы ангел? Нет ничуть не похожи. Вы кажетесь вполне обычным.

Я заверил ее, что я, в самом деле, не ангел, просто друг, но

женщина вдруг попятилась.

— Мы никогда раньше не встречались! Вы мне не друг! Должно быть, один из приспешников Сатаны!

Я решил не пытаться ее переубедить, попросил прощения за беспокойство и развернулся, чтобы уйти.

— Постойте! Пожалуйста, подождите!

Я обернулся и остановился. Женщина задумчиво рассматривала меня.

— Думаю, если бы вы были прислужником дьявола, я не смогла бы так легко от вас отделаться, верно?

Я признался, что ничего об этом не знаю, так как никогда не встречал дьявола.

— Здесь так одиноко... У вас действительно есть шанс найти Уильяма?

Я сказал, что попытка не пытка, протянул ей руку и начал подниматься к потолку.

— Что вы делаете? Я не смогу! Я не умею! У вас самая обычная ладонь, я ведь чувствую — почему же вы так просто поднялись в воздух?

Я мягко потянул ее за руку, и она, тоже без труда оторвалась от пола. На ее лице отразился восторг.

— Ух , как здорово! Так вот что значить быть мертвым! Боже, боже! Пойдемте искать Уильяма – представляю, как он удивится!

Мы медленно совершили фазовый переход, все больше удаляясь от окрестностей физического мира.

Я вспомнил, как встретился с этой женщиной, когда-то давно, много лет назад. Тогда наша семья временно снимала этот дом в округе Вестчестер штата Нью-Йорк, а эта женщина, покойная хозяйка дома, уже несколько месяцев бродила по нему призраком. В тот раз я держался очень настороженно и быстро прервал наше знакомство, но теперь понимал намного больше. Я продолжал продвигаться вперед в надежде, что Уильям почувствует нас и заберет жену с собой. Однако женщина по-прежнему крепко держала меня за руку и даже отпускала восхищенные замечания, осматривая внутренние кольца территории систем представлений – а я почувствовал определенное уважение к этому Уильяму, который забрался намного дальше, чем я предполагал. Понять это помогло полученное от женщины впечатление о его излучении. Он должен был

быть где-то здесь, но мы осмотрели все и оставалось только переходить дальше, к внешним кольцам. Несомненно, парень ловко скрывал свой уровень развития от жены...

Я уже собирался подробнее расспросить женщину об Уильяме, но вдруг понял, что уже не чувствую ее ладони в своей. Я быстро обернулся, но женщины не было, она просто исчезла. Вокруг не осталось и следа ее излучения. Я смог найти единственное объяснение: Уильям, действительно, очень развит, если ушел по кольцам так далеко. Я сместился по фазе и вернулся в материальное тело, чтобы обдумать случившееся».

Я привел этот отрывок из книги Роберта Монро специально, чтобы опереться на документальный факт наличия сложного по конструкции «того света», куда проникнул этот отважный человек, находясь в прижизненном состоянии. Специфические термины, которые он использовал, разъясняются в его книге, но именно они – свидетельство его индивидуального опыта проникновения в неведомое нам при жизни пространство, куда, скорее всего, все мы попадаем после естественной смерти нашего тела. Роберт Монро попадал туда, благодаря своим уникальным способностям. Они позволяли ему беспрепятственно выскальзывать при жизни из своего тела, временно оставляя его, будучи в бестелесной субстанции, которую люди привычно называют «душой», совершая «далекие путешествия» и возвращаясь в свое тело. Там, в безграничном пространстве он встречался с теми, кто, скончавшись навсегда, оставил наш материальный мир. Роберт, временно оставив свою телесную оболочку, отправившись в увлекательные путешествия на небеса, возвращался в свое тело, чтобы записать и тщательно проанализировать свои впечатления. Так и складывались его отчеты о неведомом, запечатленные в его феноменальных книгах, откуда я привел только один фрагмент, потрясший меня своей поразительной реальностью. Это и была встреча живого Роберта Монро, точнее его бестелесной сущности, которую он сумел оставить в спящем теле, с подобной сущностью женщины, которую он знал при жизни и которая скончалась несколько месяцев назад. Можно сказать, что нечто подобное произошло с Элизабет Кюблер-Росс и академиком Бехтеревой, эти случаи были описаны мною выше...

VIII.

...О *Джин Диксон* я впервые услышал в 1963 году. Убийство президента Кеннеди стало событием мирового масштаба, и все связанные с этим человеком события заставляли содрогнуться. Конечно, каждый момент этих событий, отраженный в средствах массовой информации СССР, не мог оставаться незамеченным. Вместе с тем я был тогда молодым человеком, учился в Саратовском университете, и надолго это имя не могло задержаться в моей памяти. Однако по прошествии лет я снова и снова возвращался к личности Джин Диксон, не переставая удивляться числу людей, которые прислушивались к ее словам. Случайно наткнувшись на статью о Джин Диксон, которая высказывалась об успехах СССР в освоении космического пространства, а затем о случившейся трагедии на космическом корабле «Аполлон», я начал накапливать информацию о ней, но в СССР делать это было очень сложно. Наверняка это было связано с царившей в стране идеологией, негативно воспринимавшей *феномены*, особенно возникавшие в США и не поддающиеся ни простому, ни научному истолкованию. Оценка типа «*кибернетика – продажная девка империализма*» была привычней. Феномен Джин Диксон не заслуживал внимания советских людей. Тем более что тогда была у «*советских –собственная гордость, на буржуев смотрим свысока!*»

Когда приблизилось время либерализации, я занимался социологией, сильно увлекся психологией, и феномены типа Джин Диксон уже не могли меня отвлечь от моих главных научно-практических интересов. В 1992 году вместе с семьей я приехал в США на постоянное место жительства и однажды в газете «*Новое русское слово*» обнаружил коротенькую статеечку о смерти Джин Диксон, которая скончалась 25 января 1997 года. Я долго хранил этот номер газеты и в годовщину ее смерти написал большую статью в другой русскоязычной газете, «Каскад», которая издавалась в Балтиморе, где я работал литературным сотрудником.

Казалось бы, ни жизненные проблемы, которые мне пришлось преодолевать в США, ни все прочие, сходные с ними, не возвращали меня к феномену Джин Диксон, однако это оказалось не так. Работая над этой книгой, я снова вспомнил о Джин, тем более что теперь исчезли все препятствия в усвоении ее наследия, которые стояли

Jean Dixon

передо мой в СССР, где я впервые и случайно услышал это имя.

Джин Диксон родилась 5 января 1904 года. За время ее долгой (93 года) жизни эта женщина стала одним из самых известных американских пророков и предсказателей XX века. Ее услугами пользовались президенты: Франклин Делано Рузвельт, Ричард Никсон и Рональд Рейган (Franklin Delano Roosevelt, Richard Nixon and Ronald Reagan). Предсказание Джин Диксон убийства президента Джона Фицджеральда Кеннеди (John Fitzgerald Kennedy) сделало ее имя знаменитым на весь мир. Прочитав ее книги и все доступные сведения о ней, я пришел к убеждению, что Джин Диксон ничуть не менее авторитетна, чем Эдгар Кейси. Рассказ о ней, это история восхождения личности, феноменальные предсказания которой не могут не вызывать изумления. Надо признать, что Джин далеко не всегда была точна в своих предсказаниях. Она допускала просчеты. Это заставляло скептиков сомневаться в природных способностях, которые она демонстрировала. Ее пророчества не всегда были стабильным и безукоризненным провидением. События или явления, которые она предсказывала, проявлялись в ее знаменитом стеклянном шаре. Там она обнаруживала какие-то фрагменты: лица, фигуры, обрывки событий. Следовало сложить пазл ожидаемых или предполагаемых явлений, что было непросто по первому мгновению, а представить отчетливую картину прогнозируемого события – тем более. Оно прояснялось в ее сознании лишь со временем. В ее дневнике, который она вела незадолго до смерти, было записано: «*Две башни-близнецы, 2011 год, сентябрь*». Лишь современники этого события знают, что случилось в сентябре 2011 года. Джин умерла в 1997 году, зимой. Должно было пройти время, чтобы страшное событие, фрагменты которого привиделись ей в хрустальном шаре, случилось в реальности...

Нередко от самой Джин зависело – сформировалось ли в этих отрывочных видениях *явление*, о котором она сообщала. Этим неизбежным «*рабочим моментом*», в котором содержались *проецируемые* ее сознанием детали, и пользовались ее недоброжелатели, критиковавшие Джин Диксон за ошибки. Они, скорее всего, спекулировали на отдельных неточностях ее пророчеств, забывая, что масштаб и смыслы *сбывшихся* предсказаний нередко были откровенно ошеломляющими!

После точного предсказания убийства президента Джона Фицджеральда Кеннеди к ней стали присматриваться известные общественные деятели и политики США. А многие недоброжелатели стали гораздо осторожнее относиться к ее способностям. Точность предсказаний Джин оказывалась вовсе не *манипуляцией* с логикой. Не *математическими* вычислениями. В процессе прогнозирования событий стала допускаться и некая связь Джин... с «Высшими Силами», с которыми она, как полагали многие ее современники, контактировала. В противном случае масштаб и диапазон предвидения казался просто невероятным! Китай, СССР, Индия... Куда только не простирался ее *прозорливый* взгляд. Некоторые предсказания, касающиеся этих регионов, были сделаны при ее жизни. Некоторые были расшифрованы гораздо позже, после ее кончины.

Оценивая логику ее пророчеств, мне пришлось признать, что Джин делала прогнозы, *проявления* которых было отнюдь не *прямолинейным*, типа: *как сказала, так и случилось*. Если в ее пророчестве и была некоторая поспешность, то это было следствием характера. В сущности ее натуры часто проявлялась экспрессия, эмоциональная возбудимость, энергичность мысли. Она по своей природе была артистичной и даже мечтала стать актрисой. Очевидны были в ней и крайняя чувствительность, и природная прозорливость. Нетрудно представить ее в миг, когда, обнаружив в хрустальном шаре, подаренном цыганкой, некую серию фигур, знаков и черт бытия, она, мгновенно складывая «пазл» некоего явления, испытывала энергичный эмоциональный всплеск. При этом речевой сегмент ее мозга активно возбуждался, *уклоняясь* от контроля сознания. Кстати, экстрасенсорная чувствительность слепой Ванги – болгарской провидицы – в моменты изложения своих пророчеств, проговаривала «в*нутренний текст*» в таком же эмоционально-речевом аккомпанементе! Она останавливалась и задумывалась. Затем повторяла, что-то уточняя,

ничего категорически не утверждая, снова и снова что-то повторяя с разными оттенками гримас на своем лице...

У каждого экстрасенса складывалась своя этика раздумий в момент пророчеств. Эдгар Кейси, осуществляя свои пророчества в полудремотном забытьи, излагал свой проект спокойным, уверенным голосом. Излагая суть явления, которое могло случиться и озвучивая его суть или детали, Эдгар полагался на скрытый от созерцателя смысл. Что он видел Бог весть! Но не верить ему в момент изложения или впоследствии, по прошествии времени, было просто невозможно! И в этом была логика его феномена пророчества. Все очевидные критерии и признаки, которыми экстрасенс обладал, отсутствовали. Оставался единственный объективный факт – явление, наблюдаемое со временем *современниками*, спустя некий период жизненного *срока*, нередко отдаленного от времени пребывания в живых самого пророка. Но это нормально! Распад СССР был предсказан Эдгаром Кейси задолго до самого трагического акта, когда сам он уже был в могиле несколько лет.

По-видимому, этику работы Джин Диксон тоже следует особо осмысливать, чтобы понять логику появления неточностей ее итогов, а не опираться на спекуляции ее критиков. Тогда, возможно, придется признать и смыслы ее ошибочных суждений с определенными оговорками.

Характерный пример ее работы с американской актрисой Кэрол Ломбарди (Carol Lombardi). Джин осторожно пыталась отговорить ее от полета в Индианаполис с агитационной поездкой, которую та запланировала. Это событие случилось в 1942 году. Актриса с характером личности, знающей себе цену. Женщина с яркой внешностью. Человек категорических и однозначных суждений. От предостережений Джины Диксон она *отказалась*. Обе женщины были почти ровесниками. К тому же Кэрол от природы не обладала мнительностью. Эта черта характера, часто спасавшая субъектов с обостренным ощущением опасности, ей присуща не была. Скорее, наоборот. Мисс Ломбарди была с большими амбициями и весьма капризной звездой экрана. Что делать Джин Диксон? Умолять Кэрол? Падать на колени? Кричать?

Благополучно добравшись до Индианаполиса, Кэрол провела там рекламные встречи с тысячами зрителей, весьма успешно исполнив все артистические и пропагандистские мероприятия по подписке

на армейский заем. Разумеется, если и были в ее душе следы предостережения Джин Диксон, наверняка, готовясь к пути домой, она обо всем забыла! Отправляясь с Индианаполиса, Кэрол Ломбарди села в самолет, который сделал промежуточную посадку в Лас-Вегасе (Las Vegas). И опять ничего страшного не произошло. Администрация аэропорта обратилась к актрисе с просьбой уступить место в самолете офицеру, отставшему от своей воинской части. Шла война, она могла бы уступить... Однако Кэрол заупрямилась. Женщине хотелось побыстрее оказаться дома. Капризная кинозвезда, мисс Ломбарди, отказалась оказать услугу офицеру. Сев в свой самолет, она через двадцать три минуты погибла: в густом тумане, в горах Невады (Nevada) самолет... разбился...

Однажды утром, в ноябре 1944 года, в доме Джин раздался звонок телефона. Ей звонили из Белого дома и сообщили, что с ней хочет встретиться президент Франклин Делано Рузвельт. Он принял ее в овальном кабинете – выехал на своей коляске из-за письменного стола и пожал руку. Президент был приветлив. Он только что избрался на четвертый срок. Этот неконституционный акт был допущен в виде исключения волей народа Соединенных Штатов Америки. Однако стало подводить здоровье. Официальная версия гласила, что у Рузвельта – паралич ног. Причина – полиомиелит. Сегодняшние врачи думают иначе. У Франклина Рузвельта прогрессировал синдром Гийена-Барре (Guillain-Barré syndrome). Это заболевание лечится, и со временем возможны даже занятия спортом. При жизни Рузвельт был уверен, что его болезнь неизлечима. По советам врачей, он занимался гидротерапией. В Джорджии (Georgia), в городке Ворм Спрингс (Warm Springs), находился курорт, где сейчас – медицинский центр имени Рузвельта. При жизни он часто его посещал, спасаясь от полиомиелита. За год или полтора до встречи с Джин Диксон здоровье президента ухудшилось. Его посещали мрачные мысли. Однако дел было множество! В это время США вели войны на Тихом океане. Пора было подумать о разгромленной Европе, о восстановлении там послевоенного порядка...

После обмена любезностями, президент напрямую спросил прорицательницу о времени, которым он располагает для завершения его неотложных государственных дел. Джин мягко попросила разрешения положить свою руку на ладонь Франклина Рузвельта. По-видимому, она хотела ощутить в ладони «*вибрации*». Она делала это всегда

со всеми клиентами. Мало кто из них задумывался о причинах этих обычных «манипуляций» прорицательницы. Как только ладонь Рузвельта коснулась поверхности руки Джин, она смутилась. Вопрос президента прозвучал вновь. Овладев собой, прорицательница едва слышно, ответила: «*Думаю, что не более шести месяцев...*» Президент напрягся. Несколько минут он молча собирался с мыслями. Убрав свою руку, он начал разговор с России. Диксон отвечала, что Россия после завершения войны с Германией не будет для Америки дружественной страной. Правда, в будущем эти две страны найдут общий язык в политических делах. Даже возникнет относительное спокойствие и сотрудничество.

Зимой 1945 года Джин Диксон посетила Белый дом вторично. Взглянув в лицо президента, она убедилась, что смерть приблизилась к нему почти вплотную. Франклин Рузвельт заговорил первым: «*Прошу вас скажите откровенно – сколько мне осталось?*» Диксон была неумолима. Подняв руку, она молча показала короткий отрезок времени между большим и указательным пальцем. Рузвельт, вздохнув, кивнул. Сила характера не изменила ему. Помолчав, сказал: «*Да... Меньше, чем я думал*».

Разговор опять коснулся России. Джин Диксон промолвила: «*Сталину не стоит уступать*». Президент, помолчав, кивнул. В феврале состоялась знаменитая Ялтинская конференция, а 12 апреля 1945 года Рузвельт скончался. Со времени их первой встречи прошло *шесть* месяцев.

Что касается президентских избирательных кампаний, Джин Диксон безошибочно предсказала победу Гарри Трумена (Harry Truman) на выборах 1948 года, после завершения его первого срока после смерти Франклина Рузвельта, будучи его вице-президентом. Завершив первый президентский срок, Трумен заявил о своей готовности еще раз вступить в борьбу за кресло в Белом доме. В то время фаворитом избирательной кампании был губернатор Нью-Йорка Томас Дьюи (Thomas Dewey). Он пользовался уважением среди избирателей, уставших от преступной мафии, за свою борьбу с организованной преступностью. Даже Демократическая партия, в которой состоял Трумен, сомневалась в его победе на выборах. Забавно, но газетчики настолько поверили в победу Дьюи, что напечатали его портреты в завтрашних газетах, накануне объявления итогов выборов. Увы, Джин Диксон, прогнозировавшая победу Трумена, оказалась права!

Большинство голосов получил он.

В избирательно кампании 1952 года провидица заявила, что Дьюи вновь проиграет, а место главы государства достанется Дуайту Эйзенхауэру (Dwight Eisenhower). На общество США этот прогноз провидицы произвел очень сильное впечатление! В следующей избирательной кампании произошло и вовсе невероятное. Джин опубликовала свой прогноз задолго до перевыборов и буквально ошеломила общественное мнение. Она утверждала, что Дуайт Эйзенхауэр вторично завоюет Белый дом. Сам президент был в нерешительности – участвовать в избирательной кампании или нет. У него были серьезные проблемы со здоровьем. Он не был уверен – справиться ли с болезнью, которую, кстати сказать, предсказала та же Джин Диксон. Тем не менее предвыборная кампания 1957-1961 годов прошла успешно, и президентом снова стал генерал Эйзенхауэр...

...Теперь самое время прервать блестящий путь пророчеств Джин Диксон, чтобы попытаться разглядеть ее жизненные корни. Ее девичье имя – Джин Лидия Пинкерт (Jean Lydia Pinkert), и родилась она 5 января 1904 года в городке Медфорд, что в штате Висконсин. Надо признать, что с годом ее рождения почему-то возникла путаница. Одни биографы считают годом ее рождения 1918 год. Я придерживаюсь того же мнения, что и сама Джин: год ее появления на свет верный – 1904. Она была дочерью богатого предпринимателя и воспитывалась в католических традициях. С раннего детства Джин удивляла окружающих своими способностями предугадывать события. Она точно называла дату свадьбы незнакомой пары. Предсказывала неприятные события, которые случались с ее родственниками, предостерегая их от оплошности. Провидческие способности дочери настораживали её родителей. Однажды мать Джин, Лидия Пинкерт (Lydia Pinkert), привела восьмилетнюю дочь к цыганке, и та предсказала девочке будущее великой *прорицательницы*. Подарив Джин хрустальный шар, цыганка сказала, что с его помощью она сможет «*заглядывать в будущее*». С подарком цыганки Джин Диксон никогда не расставалась, и, глядя в хрустальный шар, она видела... «*всякие интересные картинки*».

Однажды Джин попросила у матери «*письмо с черными краями*». Мать не поняла: «*О каком письме ты спрашиваешь, Джин? Я ничего подобного не получала...*» Однако спустя неделю Лидия Пинкерт получила письмо в траурной рамке. Это было извещение о смерти ее отца.

Пророчества девочки неожиданно помогли и ее брату Эрни (Ernie). Мальчик очень любил играть в футбол. Нередко его спортивное увлечение мешало ему успешно учиться. Родители заволновались и потребовали от сына прекратить *«гонять мяч...»* и заняться уроками. Плохие отметки стали слишком частым явлением. Джин заступилась за брата: *«Эрни скоро станет великим футболистом, и вы будете им гордиться!»* Такое заявление дочери родителей убедило. Они уже не раз были свидетелями ее верных пророчеств. К словам дочери они не раз прислушивались и никогда об этом не жалели. И теперь они смягчились по отношению к сыну и не стали запрещать ему заниматься любимым спортом. Через 10 лет пророчество дочери сбылось! Имя Ernie Pinkert было занесено в *«Книгу славы американского футбола»*.

Девочка с десяти лет начала заниматься частной практикой! Она принимала клиентов в родительском доме. Все, кто хотел узнать подробности своей жизни или насколько рискованными будут принимаемые ими решения, советовались с Джин Диксон. Шли годы, ее пророчества становились все отчетливей, а предсказанные события становились судьбоносными в жизни конкретных людей.

Первой серьезной победой можно считать точный прогноз, сделанный ею кандидату в президенты – Герберту Кларку Гуверу (Herbert Clark Hoover). Однако, как считали многие свидетели этого предсказания, тринадцатилетняя Диксон строила свое предсказание на слишком очевидной для многих основе. Дело в том, что мистер Гувер от природы был очень харизматичным мужчиной и крайне популярен в общении. Предсказать его избрание президентом было нетрудно. Однако со временем предсказания Джин Диксон становились все более масштабными и поражали воображение ее современников. Она становилась и желанной, и очень уважаемой в среде политиков, крупных бизнесменов, миллиардеров, без колебаний готовых следовать ее наставлениям.

Джин Диксон в детстве мечтала стать актрисой. Позднее – монахиней. Вместо этого она стала величайшей пророчицей Америки. Для одних Джин Диксон – *«феноменальная вашингтонская провидица»*, звезда телевидения, ведущая медийных колонок во многих газетах мира. Для других – она дама, ежедневно просматривающая лавины писем, знаменитость с крашеными волосами, кричащими драгоценностями и дорогими туалетами. Для третьих – женщина, крайне щепетильная в вопросе своего возраста, на который нет ответа даже

в справочнике *«Кто есть кто»*. Между тем есть и другая Джин Диксон: противница никотина и алкоголя. Она оставалась частным лицом. Уважала трудящихся. Невзирая на перегруженный график, заботилась о благе нуждающихся детей и стариков. Ратовала за проявление христианского милосердия в каждой семье и каждом доме Америки. Каждое утро, после прочтения наизусть двадцать третьего псалма, она несла свои глубоко прочувствованные убеждения к мессе...

Родившись в висконсинской деревне, в семье немецких иммигрантов, где, кроме нее, было еще шесть детей, Джин выросла в Калифорнии (California) в Санта-Розе (Santa Rosa), куда ее, прилично заработавший на торговле лесом, отец, отправился на покой. Откровения, нисходящие на Джин Диксон в тиши медитаций, часто мелькают в вихре рекламы и информации, обрушивающейся на массы через прессу и телевидение. Несколько ее прогнозов, заблаговременно объявленные либо заинтересованным лицам, либо, подтвердившись, прокатываясь по западному миру, вызывали волны недоверия или откровенного восхищения и восторга. Так складывалась жизнь и шлейф противоречий у этой прославленной женщины...

...Перед Второй мировой войной Джин Диксон вышла замуж. Ее избранником был преуспевающий бизнесмен Джеймс Диксон (James Dixon), в супружеский дом которого в Вашингтоне она переехала. Муж относился к природному дару молодой жены... скептически. Прагматик по натуре, он считал пророчества жены нелепой *«метафизикой»*, а ее прогнозы – женской *«блажью»*. Бизнес протекал без особых проблем, супруги в целом жили дружно.

Однажды в их жизни случился драматический случай. Джеймс собрался по делам бизнеса в Чикаго. Купил билеты на самолет, собрал необходимые вещи, документы. Препятствием к уходу в аэропорт стала... его жена. Горько рыдая, она уговаривала мужа перенести вылет на другой день. Упрямцем Джеймс не был. Да и слезы жены, которую он любил, ее непрерывные уговоры сменить дату полета произвели на Джеймса сильное впечатление. Он согласился. На следующее утро стало известно, что самолет, на котором должен был лететь Джеймс Диксон в Чикаго, разбился! С той поры Джеймс никогда не подвергал сомнению предсказания жены. К сожалению, этого не сделал Патрик Паркер, боевой офицер армии США, которого прогнозы Джин не смутили. Проигнорировав ее предсказания, он погиб в разбившемся самолете...

В ноябре 1944 года Джин Диксон встретилась с президентом США Рузвельтом. Об этом вы уже знаете. Правда, есть некоторые детали этого разговора, о которых я не упомянул. *«В более отдаленном будущем две великие нации объединятся против коммунистического Китая»* – сказала Джин. Не переспрашивая и ничего не уточняя, президент быстро переспросил:

— Красного Китая?

Улыбнувшись Джин ответила:

— Нет, Китай вовсе не красный! У нас нет никаких проблем с ним. А вот с Россией нам обязательно нужны хорошие отношения, чтобы сохранить наше положение в мире.

Джин пришла к Рузвельту, держа в руках подаренный ей в детстве хрустальный шар. Заглянув в него, она тихо произнесла: *«Да, Китай станет коммунистическим»*. Насколько серьезно отнесся Рузвельт к этим пророчествам Диксон – неизвестно. Все, что она предсказывала ему, сбылось. 12 апреля 1945 года Рузвельт умер от инсульта.

В 1948 году Джин Диксон предсказала вице-президенту Гарри Трумэну, что именно он будет следующим президентом США. Напомню, в тот момент, что у электората наибольшей популярностью пользовался губернатор Нью-Йорка Томас Дьюи. Он завоевал симпатии избирателей своей борьбой с преступностью. Однако, как и предсказывала Джин Диксон, Трумен победил. Чем руководствовалась в своих прогнозах Диксон, так и осталось загадкой, но провидица даже не сомневалась в своих прогнозах, чем еще раз заставила пристально вглядываться в ее чудотворную работу.

В 1952 году Дьюи снова вступил в борьбу за президентский пост в этот раз против Эйзенхауэра, Джин Диксон заявила, что победа будет за славным генералом – героем Второй мировой войны. Так и произошло. Прогнозы Диксон ошарашивали своей парадоксальностью. Давая интервью журналу «Парад» (Parade) в конце пятидесятых, она заявила, что в 1960 году президентские выборы выиграет *«...голубоглазый демократ, который либо погибнет, либо умрет не своей смертью до истечения срока президентских полномочий.»* На этих выборах, как известно, победил Джон Кеннеди. С ним все складывалось благополучно, но дотошные критики упрямо твердили ее слова о безвременной кончине триумфально победившего Кеннеди. Его реформы успешно проводились, и это вызывало среди массы критиков Диксон зловредные комментарии. В ответ она в самом

начале 1963 года заявила в своем интервью, что видит в хрустальном шаре гроб в Белом доме. По словам Джин, следовало, что трагедия случится на юге США и избежать ее нет никакой возможности. Недоброжелатели Джин торжествовали! Начавшаяся избирательная кампания развивалась по обычному сценарию. Не возникали никакие проблемы. Кеннеди успешно лидировал, обходя конкурентов. Народ жадно вглядывался в экраны телевизоров, наблюдая за публичными выступлениями своего фаворита. Настал день 22 ноября. Джин обедала с друзьями в Вашингтоне, а в Далласе (Dallas) произошло покушение на президента Джона Кеннеди. Услышав новость, Джин твердо сказала: *«Президент убит!»*. Почти в то же время она предсказала и убийство брата Джона Кеннеди – Роберта. Эти эпохальные события окончательно подтвердили ее репутацию крупнейшего пророка в истории США, предвидевшего глобальные события XX и XXI веков.

Между тем предсказания Диксон продолжались, поражая воображение современников масштабом трагических событий, состоявшихся в различных концах планеты, и теми последствиями, которые оставили свой след в современной цивилизации. Убийство Мартина Лютера Кинга (Martin Luther King) наверняка можно было предотвратить, если бы прогноз его гибели, сделанный Джин Диксон, был бы актом уважения власти США к личности человека, всю свою жизнь посвятившего борьбе за гражданские права афроамериканцев. Раздел Индии... Безусловно, это драматическая страница в истории страны. Крупная мусульманская община давно претендовала на собственную автономию. Многие предрекали тяжкое развитие противоречий между индуизмом и мусульманством. В разговоре с чиновником МИДа Индии, пожилым дипломатом, о вероятности отделения мусульман и создание ими автономии собеседник Джин со смехом заявил: *«Скорее я съем дохлую ворону, чем это произойдет...»* Увы, прогноз Джин Диксон оказался точным! На следующее утро предсказанной даты создания автономии Пакистан все газеты сообщили о случившемся факте. В 1947 году она предсказала убийство Махатмы Ганди. Для Индии это событие стало самой трагической датой, потому что Ганди пользовался в Индии безграничной любовью. В пророчество Джин невозможно было поверить! Подавляющему большинству сограждан личность Ганди казалась бессмертной! Тем не менее трагедия произошла. В результате заговора индуистских экстремистов 30 января 1948 года великий сын индийского народа, боровшийся

за освобождение своей страны от оков колониализма, был убит. Натурам Годсе подошел к Ганди и трижды выстрелил в упор. Махатма Ганди скончался на месте. Позже убийца объяснил свой поступок недовольством тем, что политик слишком активно защищал права мусульман в Индии. Его приговорили к смертной казни через повешение.

В телепередаче 14 мая 1953 года, в прямом эфире, Джин Диксон заявила, что в СССР вскоре появится новый правитель. Она имела в виду Никиту Хрущева. Далее она сказала таинственную фразу, которую мало кто мог понять: «*В космос поднимется серебристый шарик, который облетит вокруг Земли и, подобно голубю, сядет на голову русскому лидеру*». Это сообщение Джин Диксон поражало воображение своей таинственностью и странностью изложения. Мало кто мог понять ее слова о «*серебристом шарике*», тем более слова: «*сядет на голову русскому лидеру*». После этого эфира провидицу пригласил к себе советский посол в Канаде Георгий Зарубин и поинтересовался, откуда у нее сверхсекретные сведения? В ответ Джин улыбнулась и ответила: «*От Бога*».

Когда 4 октября 1957 года первый советский космический аппарат запустили на околоземную орбиту – это стало международной сенсацией! Что касается того, что он «*...подобно голубю, сядет на голову русскому лидеру*», то это не более чем риторика провидицы. Но то, что провидица предсказала это событие за *четыре* года до случившегося начала космической эпохи, было непостижимым для ее сограждан и фактически обессмертило ее имя!

Сегодня на дворе апрель 2024 года. Джин Диксон умерла в 1997 году, и ее нет с нами уже 27 лет! Между тем события, происходящие сейчас в США, были предсказаны провидицей едва ли тридцать с лишним лет назад. То, что сейчас происходит в штате Техас, связано с огромной неконтролируемой иммиграцией, резко обострившей внутриполитическую ситуацию в штате, да и в стране в целом, не может не тревожить граждан США. Правительство штата отдало приказ перекрыть границу с Мексикой и остановить проникновение нелегальных иммигрантов на свою территорию. Возникла угроза неповиновения властей штата Администрации Белого Дома, который потребовал снять колючую проволоку с границы и не препятствовать всем желающим проникнуть в США. Этот конфликт был предсказан Джин Диксон, и похоже, что пророчество провидицы стало сбываться. Поживем – увидим.

Еще со времен Рузвельта Россия для США была самым главным противником. Диксон говорила, что русский народ ментально очень сильно отличается от американцев, поэтому никогда эти два народа не смогут найти общий язык. О дружбе и партнерстве между двумя странами можно даже не мечтать. Но возможен дипломатический мир на взаимовыгодных условиях. Впрочем, о нем нужно думать заранее, тогда положение самой Америки будет не таким печальным. Джин Диксон видела, что Советский Союз распадется, но она говорила, что из осколков разграбленной страны образуется мощное государство, и к середине XXI века оно будет лидирующим на Земле. Россия вместе с Индией образуют мощный альянс, равного которому еще не было. К тому времени США и Европа погрязнут в глубоком экономическом кризисе. Джин предупредила, что Россия сможет объединить все славянские земли, и в этом будет ее сила. Многие страны выразят желание присоединиться к России, и к концу XXI века Славянская Империя станет самой огромной, процветающей и богатейшей территорией в мире.

Разумеется, не все прогнозируемые и предвидимые Джин Диксон глобальные события оказывались абсолютно верными. Что-то произошло в точности, как предсказывалось, что-то лишь частично, а что-то и вовсе не состоялось. Однако масштаб прогнозируемых событий, его планетарный размах поражает воображение и свидетельствует о безграничных возможностях наблюдения этой феноменальной женщины за судьбами разных стран планеты.

Источники предсказаний Диксон можно приблизительно разделить на две группы: откровения, являющиеся, по словам Джин, воплощениями неизбежных событий, формирующих судьбы мира; ощущения, служащие предзнаменованиями событий, которые не должны произойти. Откровения случаются гораздо реже, однако их значимость и масштабы гораздо существеннее. «*Все мои откровения касаются международных ситуаций,* – говорит Джин, – *и никогда не вращаются вокруг отдельного человека*». Ее предсказание относительно смерти Джона Кеннеди, несомненно, являлось *откровением*. За одиннадцать лет до трагедии Джин Диксон не покидало *навязчивое* ощущение тревожного ожидания. Одно из тех, которые всегда предшествовали ее самым драматическим *откровениям*.

Сумрачным дождливым утром Джин Диксон отправилась в вашингтонский собор Святого Матфея. Она встала перед статуей Девы

Марии. Внезапно перед ней возник мерцающий образ Белого дома. Над крышей здания начали проступать цифры: 1-1—9-9—6-6—0. Вскоре на купол опустилось затемнение. Будто черная туча легла. Перед главным входом стоял молодой Джон Кеннеди. Джин наблюдала за ним неотрывно. Внутренний голос сказал ей, что в 1960 году этот молодой человек станет президентом Соединенных Штатов. Однако он будет убит еще до истечения срока пребывания у власти.

С тех пор это видение оставалось с Джин. Итоги выборов 1960 года лишь укрепили ее уверенность в возникшей тревоге. Приближался роковой день. Джин Диксон настойчиво пыталась предупредить президента об угрожающей ему опасности, но безрезультатно. Счет пошел на часы. Джин с ужасом осознавала неизбежность смертельного исхода развития событий. Она потеряла аппетит. Ходила взад-вперед по кабинету. Бросала отрывочные реплики присутствующим, советовавшим ей не думать об этом либо безучастно разделявшим ее беспомощность. И вот настало 12-30 пополудни, 22 ноября 1963 года. Прозвучали фатальные выстрелы и случилось то, что Джин Диксон в глубине души считала неизбежным. Впоследствии она сказала, что ответственность за произошедшее лежит далеко не на одном человеке и в конце концов случившееся и его причина станет достоянием гласности. Тем не менее признанный виновным в убийстве президента Ли Харви Освальд (Lee Harvey Oswald) будет осужден и казнен, но так и осталось пока неведомым, он ли в самом деле убил Джона Кеннеди? А вот убийства Роберта Кеннеди (Robert Kennedy), брата президента Джона Кеннеди, как утверждала сама Джин, можно было бы избежать. Почувствовав нависшую над сенатором угрозу, она сказала ему об этом, но на ход событий это не повлияло. 28 мая 1968 года во время выступления перед собравшимися в великолепном актовом зале отеля «Амбассадор» (Ambassador) в Лос-Анджелесе Джин Диксон поняла, что коридоры здания полны роковых знамений. Она покидала зал, предчувствуя убийство, и позднее сказала друзьям, что ступала по месту, где погибнет Роберт Кеннеди. Тут же она позвонила Роуз Кеннеди (Rose Kennedy) – матери сенатора. Ответа на ее звонок Джин не получила. Через неделю Роберт Кеннеди был убит иммигрантом из Иордании Сирханом Бишарой Сирханом (Sirhan Bishara Sirhan) в отеле «Амбассадор».

...Джин Диксон часто слышала вопросы о том, как ей удается осуществлять свои предвидения. Сам по себе подобный вопрос крайне

неадекватен. Процесс предвидения – скрытый метафизический акт, состоящий из множества мельчайших состояний, далеко не всегда отчетливо осознаваемый самим провидцем. Вот как отвечает на него сама Джин Диксон: «*Когда меня просят объяснить мой дар предвидения будущего, я отвечаю, что не могу сделать это, как не могу определить, что такое «любовь» или «электричество». Когда меня просят объяснить, почему мои пророчества связаны исключительно со смертью, я отвечаю, что это не так! Многие мои предсказания полны счастливых событий для людей – они просто не попадают в газетные заголовки*».

Ее пророчества не имели четкой календарной «привязки» к месту события. Она называла имя человека, затем произносила возможное событие, которое произойдет с ним. Или чувствовала некие тревоги, связанные с пребыванием в конкретном здании, где событие может случиться. Затем имя жертвы. Нарастание тревоги сигнализировало приближение события, и в воображении просачивалось лицо или иные символы. Мозг прорицательницы работает вовсе не с четкостью компьютера. Сознание Джин Диксон фиксирует признаки приближавшихся событий и конкретных жертв глобальных преступлений круглые сутки, но останавливать на них внимание ей приходится в моменты, когда признак становится или навязчивым, или символическим: «туча», «звук», «туманное образование» и прочее. При этом женщина живет обычной жизнью. Будучи человеком очень набожным, она пытается соблюдать некий религиозный режим бытия, сохраняя привычный ритм жизни верующего человека. Но Джин не была лишена и обыкновенных житейских слабостей и страстей. Это прежде всего касалось ее готовности работать, помогая своему мужу в бизнесе. Разумеется, работоспособность далеко не всегда была свободна от приходящих в ее сознание признаков тревоги по поводу процессов, которые протекали в пространстве глобального бытия, которые до поры были ей неведомы, но затем активно впитывались ее сознанием, вмешивая в них ее дар провидения. Так было с процессом подготовки убийства Ганди, событий по разделению Индии и Пакистана.

Точных исследовательских мероприятий над личностью Джин Диксон с целью объективно разобраться с ее феноменом никто никогда не проводил. Впрочем, как и с феноменом Эдгара Кейси. Тем не менее ее провидческие способности выходили за рамки понимания

реального, резко расширяя возможности ее сознания, природный дар которого приобретал глобальный масштаб.

В 1949 году Джин Диксон, в обыденном светском разговоре, сообщила Айви Бекеру Присту (Ivy Becker Priest), бывшему казначею США, что Ричард Никсон (Richard Nixon) однажды станет Президентом США. Должно было пройти почти тринадцать лет (!), чтобы она повторила в 1953 году *это же предсказание.* Какой, пусть даже самый серьезный политик будет держать в своей памяти акт произнесенного пророчества, сделанный столь давно, да к тому же в условиях «светского» разговора? Тем не менее пророчество осуществилось, причем с точностью до деталей. Как это могло произойти? Какими возможностями обладала эта феноменальная женщина, которая определила за столь длительный период политическое действо, состоявшее из множества актов, связанных тесными узами с такими признаками, устойчивость которых отличалась разнообразными переменными. Возраст, состояние здоровья, личные привычки Ричарда Никсона, поведение его конкурентов, множество происходивших событий в коридорах власти, происходившие тайные сговоры оппонентов претендента на Белый дом; экономическая конъюнктура, как известно, «дама с капризными манерами», остро влияющая на вся и все! Да мало ли? Принцип «*Политика – это искусство возможного*» никто не отменял. К тому же *провидение* в судьбе человека, занимающегося практической политикой – реальность абсолютно непредсказуемая. Колебания возможностей в политике – величина, не поддающаяся точным расчетам. Как во всей этой массе переменных величин сделать точный расчет и верно предсказать итог избирательной кампании – уму непостижимо! Тем не менее Джин Диксон сделала это с абсолютным успехом.

В середине сентября 1961 года Джин Диксон предостерегла друзей от полета на одном самолете с Генеральным секретарем ООН Дагом Хаммаршельдом. Они *прислушались* к словам Диксон и сохранили свои жизни. А Даг Хаммаршельд погиб 18 сентября. Его самолет разбился в Замбии. Сидя под сушилкой в одном из косметических салонов Голливуда, Джин уговаривала расположившуюся в соседнем кресле красивую светловолосую актрису не лететь запланированным континентальным рейсом, это была Кэрол Ломбарди. Ее судьба уже нам известна.

Примеров сбывшихся прогнозов Джин Диксон относительно

ее друзей и знакомых – бесчисленное множество! Браки, болезни, смерти, переломы в карьере, несчастные случаи, выигрыши на скачках, самоубийства, пожары… Джин успешно предвосхищала все это, не считая множество прочих. В 1975 году она почувствовала нависшую над ее мужем угрозу. Она просила его не выходить на улицу. Мистер Диксон в знак любви к своей жене каждый вечер клал на ее постель алую розу! В этот день, закрутившись по делам бизнеса, он забыл купить цветок и решил на миг выскочить в соседнюю с домом цветочный магазин, который работал круглосуточно. Увидев тревожное лицо жены, он на миг остановился, но, сказав: «Я мигом!», вышел из дома. Джин ждала, его едва справляясь с тревожным волнением. Вскоре Джеймс Диксон ввалился в дверь с ссадинами на лице, бережно прижимая к груди красную розу.... Оказывается, он подвергся нападению уличных хулиганов.

Джин Диксон пользовалась славой больше тридцати пяти лет. Ее совета искали как богатые, так и бедные. Приезжие дипломаты почитали своей обязанностью посетить не только Белый дом, но и феноменальную пророчицу Америки. К 1948 году письма и телефонные звонки стали поступать к Джин в столь невообразимых количествах, что ее супруг, Джеймс Диксон (напомню, что он был владельцем компании по торговле недвижимостью) решил предложить жене работу в своем офисе. Понимая, что она и впредь не сможет отказывать людям в их просьбах, тем не менее надеялся, что должность, которая потребует от нее определенной сосредоточенности, отгородит жену от толпы нуждавшейся в ее услугах. Увы, поток почты, приходящей со всего света, не ослабевал. Кстати, она не прерывается до сих пор! Адрес прост: *«Джин Диксон, США»*. Вспомним, что Джин Диксон умерла в 1997 году...

Последние годы жизни, невзирая на занятость, связанную с обработкой почты и телефонных звонков, подготовкой еженедельной колонки для прессы, теле- и радиоинтервью, писательскими проектами, выступлениями и различными благотворительными акциями, Джин заведовала финансовым отделом в компании мужа. Природа одарила ее не только *провидческими*, но и *деловыми* способностями. Черпая силы из неведомого никому и бездонного кладезя, она ежедневно работала по двенадцать часов! Трудиться она любила. Сетовала, что Бог не даровал ей двадцатичасовой рабочий день. «*Совершенно не понимаю, где она берет столько энергии,* – признавалась ее секретарша

Линда Роберте. – *Она просто выматывает меня!»*

Джин умерла в возрасте 93 лет от сердечного приступа. Все ее имущество отошло основному клиенту ясновидящей, Лео Бернштейну, который создал в честь нее музей. После его смерти музея Джин Диксон больше нет, он был закрыт, а здание продано. Все имущество Джин Диксон продали на аукционе. Возможно, хрустальный шар, позволявший провидице заглядывать в будущее, оказался в одной из частных коллекций. Джин оставила после себя семь книг. В их числе – мемуары для желающих узнать побольше о феномене Джин Диксон. Книга была написана при содействии журналиста Рене Нурбергена (Rene Noorbergen), автора двух книг об экстрасенсах США – Елен Уайт (Ellen G. White) и Давиде Бабаре (David Babar) – и множества спорных книг о времени доисторических эпох. Так или иначе, но книга: «MY LIFE AND PROPHECIES: Her own story as told to Rene Noorbergen» издана WILLIAM MORROW AND COMPANY, INC., New York in 1969. Автор откровенно признается в сложности предстоявшей работы по трем причинам. Первая была представлена в короткой авторской ремарке самой Джин Диксон.

A WORD OF GRATITUDE
My sincere appreciation to my good and valued friends,
William H. Graham, Adele Fletcher,
Judie Noorbergen, and Gertrude Parker.
СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ
Моя искренняя признательность моим хорошим
и ценным друзьям,
Уильям Х. Грэм, Адель Флетчер, Джуди Нурберген
и Гертруда Паркер.

Доверие Джин Диксон названным лицам, которых она знала многие годы и которым доверяла, как самой себе, обязывало Рене Нурбергена к высшей степени журналисткой ответственности, на основе которой излагается с безукоризненной точностью и уважением все то, что рассказывала ему лично Джин Диксон, какие бы ответные реакции на изложение этого жизнеописания великой прорицательницы, обладавшей индивидуальной идеологией, пропитанной религиозными ценностями с католическими оттенками, не возникали в душе самого журналиста. И третье – в тексте «Пролога», написанного Рене Нурбергеном (Rene Noorberger) к книге о жизни и пророчествах Джин Диксон, общий смысл и основные ее мотивы излагаются

с опорой на оценки прорицательницы крайне популярной не только в США, но и во всем мире. Размещенные в астрологической колонке прогнозы, которые так или иначе затрагивали знаменитостей и политиков, принесли ей грандиозный успех.

Вместе с тем, несмотря на то что предсказательница пользовалась большим доверием среди звезд, далеко не все пророчества Джин Диксон сбылись. Это звучит как упрек или склонность к преувеличению возможности провидца. В памяти поколений остались выдающиеся прорицатели. Были они в далеком прошлом и в недавнем времени. Есть и сегодня те, кто осуществляет таинства предсказания явлений будущего – далекого и не очень. По-видимому, это некий дар, который достается далеко не каждому, кто появляется на Земле. Он может быть разным по масштабу и точности предвидения. Однако феномен Джин Диксон – явление заметное. Как бы мы ни оценивали ее способности, они существовали и оказывали влияние на жизнь ее современников. И этот факт не остался без внимания Истории, а стало быть, живет в памяти ее современников.

Что касается ошибок или несбывшихся предсказаний... Они – результат усилий не самой Джин. Она, разглядев проект предстоящего *события*, не проникла в его *лабораторию*, где складываются *усилия* миллионов людей, деятельность которых не подчиняется приказам с Верху. Эти *усилия* складываются из *страстей, интересов, амбиций, желаний, капризов, надежд, ожиданий, мечтаний, снов и реальности,* сумма которых приводит к созданию неких теорий, которые не воплощаются в жизнь вместе со зреющим *событием*, а порой и вовсе не доходят до роковой черты в людской практике, воплощающей *акт зла,* которое было *предсказано*, хотя и не реализовано в *действие*. Зло, подвергаясь изменчивой природе человеческого духа, с его способностью менять вектор своего развития, не является невинным. Его акты предсказывать точно невозможно ни с помощью логики, ни с помощью математики. В деструктивные события вовлекаются иные силы. Божий дар единиц или интуиция миллионов. Среди них и рождаются *феномены*...

Ошибки, сделанные *пророками*, так же естественны, как в деятельности человека любой профессии, пола и возраста. Факторы, способствующие этим ошибкам, разнообразны. Тщательное их изучение в мышлении и поведении уникальной личности – нормальное желание современников защититься от зла.

Причиной появления нового термина – *эффект Джин Диксон* – стал акт со стороны математика с мировым именем Джона Аллена Полуза (Allen Poluz). Он обратил внимание на то, что предсказателю, несколько пророчеств которого *сбылись, верят,* несмотря на количество *несбывшихся* версий. Это вывод ученого применим к большинству пророков. К Эдгару Кейси, например. Далеко не все его прогнозы сбылись. На мой взгляд, вывод Аллена Полуза вполне объективен и вовсе не снижает уникальности Эдгара Кейси и Джин Диксон. Люди *будут* просить пророка высказать свое суждение о событии, важность которого *неоспорима* прежде всего для самого *просящего*. Ошибка пророка возможна по причинам, о которых я высказался выше, и *просящий* может не получить точного ответа. Тем не менее *он или она* будут питать *надежды*, которые оправдывают ожидания, которые ложатся на плечи пророка. Все остальное *неведомо*. Понимая ответственность, которая лежит теперь уже на его плечах, Рене Нурберген пишет в своем «*Прологе*» к книге «*Джин Диксон: Моя жизнь и пророчества*» *(Jean Dixon: My Life and Prophecies),* что ее предсказания послужили источником информации для *заранее предупрежденных* политиков, *сбили с толку* скептиков, но также *свели с ума* людей. Однако для нее это... канал:

> Each of us has a talent that acts as a root cause of communication between the Higher Intelligence and others, she says. I believe that the same spirit that worked through the biblical prophets Isaiah and John the Baptist is working in some of us. It is a reactivation of the same habit that inspired my revelations.
>
> У каждого из нас есть талант, который действует как первопричина связи между Высшим Разумом и другими, – пишет она. – Я верю, что тот же дух, который действовал через библейских пророков Исайю и Иоанна Крестителя, действует и на некоторых из нас. Это реактивация той же самой привычки, которая вдохновила меня на мои откровения.

Правда или вымысел? Многие никогда не смогут составить о ней мнение, если не столкнутся с необходимостью исследовать предсказания в тишине своих кабинетов, пишет журналист, подчеркивая тот факт, что некоторые из них начинают разрываться.

> In her early forties, she is a successful real estate broker and has no reason to want to seek public attention, as her life has been quite full since her prophetic gift became available. Ambassadors, statesmen, presidents, businessmen of all kinds seek her advice, and many foreign dignitaries prefer a meeting with Jean Dixon to a private reception at the White House. Her reputation has extended far beyond our shores.
>
> В свои сорок с небольшим, она является успешным брокером по недвижимости, и у нее нет причин хотеть искать внимания общественности, поскольку ее жизнь достаточно насыщена с тех пор, как ее пророческий дар стал доступным. Послы, государственные деятели, президенты, все бизнесмены обращаются к ней за советом, и многие иностранные высокопоставленные лица предпочитают встречу с Джин Диксон вместо частного приема в Белом доме. Ее репутация вышла далеко за пределы наших берегов.

При этом, подчеркивает Рене Нурберген, на протяжении всего времени Дин Диксон оставалась скромной, отклоняя множество предложений о рекламных выступлениях в крупных телевизионных сетях. Возвращая все адресованные ей письма, в которых искатели удачи спрашивают совета исключительно по денежным причинам. За нее поручаются друзья. Даже враги готовы хвалить ее за искренность.

> «For me as a journalist,» emphasizes the author of «Prologue,» «history is only history until the facts become so realistic that they can stand for themselves. At that point, reality takes over and history becomes a 'case history.» This is the case with the «Jean Dixon story».
>
> «Для меня, как для журналиста, – подчеркивает автор «Пролога», – история – это только история до тех пор, пока факты не станут настолько реалистичными, что смогут стоять сами за себя. В этот момент реальность берет верх и история становится «историей болезни». Так обстоит дело с «историей Джин Диксон».

На вопросы – «что» и «кто» такая Джин Диксон – ответить непросто. Одно можно сказать наверняка: она не претендует на роль феномена. Пророки были с начала времен. Библейские пророки, такие как Исаия, Даниил, Иоанн Креститель, Иезекииль, все имели послание для своего и нашего времени. Современные экстрасенсы заняли

свое место в истории и, похоже, заполнили вакуум, созданный незащищенностью и растущей неуверенностью человека. Джин Диксон чувствует, что ее место здесь, в XX веке, и ее послания алресованы человечеству XX века.

Многие эксперты ручаются за ее экстрасенсорные способности. Один из выдающихся в мире исследователей экстрасенсорики, доктор Ф. Эгис Ризенман (F. Egis Rizenman) протестировал тысячи людей до и после того, как он заинтересовался Джин Диксон в 1959 году, и пришел к выводу, что все являются экстрасенсами, даже не осознавая этого. Он убежден, что психическое чутье было гораздо более развито в первобытные времена, когда человеку приходилось бороться за свое выживание. «*Если бы человек не умел чувствовать опасность за каждым углом,* – подчеркивал профессор, – *он бы никогда не смог выжить в джунглях*». Это согласуется с тем, что говорит другой профессор, Альфред М. Винкель (Alfred M. Winkel), в своей книге «*Потоп*»: «*Когда грех пришел в мир, человеческий разум пострадал, как и остальные его способности*». Обращение к столь авторитетным профессорам только укрепляет уверенность читателей в реальной прозорливости Джин Диксон. Однако и это еще не все. Доктор Ф. Эгис Ризенман говорит, что у большинства людей способность экстрасенсорного восприятия составляет от 3 до 7 процентов. «*Но только три процента из них,* – говорит он, – *действительно экстрасенсы*». Что касается остальных 97 процентов, как он утверждает, случаи связаны с *подсознательной оценкой* той или иной эмоции. Семьдесят процентов этой группы он считает *мошенничеством* или *обманом*. Однако экстрасенсорные способности Джин Диксон вполне реальны и оценены профессором Ризенманом на уровне от 90 до 97 процентов! Большинство ответственных ученых-исследователей считают, что психические явления передаются от человека к человеку или от высших существ к человеку на частоте, настолько далекой от известного спектра, что ее невозможно обнаружить, Клив Бакстер (Cleve Baxter, head of the Baxter Research Foundation in New York) обнаружил то, что похоже на настоящий сигнал! Он обнаружил метод связи, который, кажется, объединяет все творения. Он называет обнаруженные им сигналы «*...первым установленным свидетельством первичной коммуникации...*». Используя растение, подключенное к чувствительным элементам полиграфа, широко известного как «*детектор лжи*», он почувствовал и записал форму *реальной связи* между *растительной* и *животной* жизнью на первичном уровне. Открытие Бакстера указывает на то, что первичное восприятие простирается на уровень одной клетки. В интервью с ним по поводу этого открытия Бакстер предположил, что это лишь первый шаг к окончательному пониманию творения.

> I can't tell you what this signal is that we've detected," Backster admitted to us. "But I know what it is not. I am not within the range of the various known frequencies, such as AM, FM, or any other form of signal that we can screen by ordinary means. We have tried to block the death signal using Faraday shields and even lead containers, but the signals keep coming. I am certain that both Jean Dixon and I have tapped into a frequency used by the Universal Mind, though for different reasons. I have no doubt that this means of communication has always existed. We have blocked our extrasensory perception with our prejudices. We tell ourselves, science, and our environment that extra senses are nonsense, but put a person under hypnosis and give him a post-hypnotic suggestion to ignore his prejudices and be open to extrasensory communication, and I am sure he will receive more than he ever thought possible.

> Я не могу сказать вам, что это за сигнал, который мы обнаружили, – сказал Клив Бакстер. – Но я знаю, чем это не является. Я не нахожусь в пределах различных известных частот, таких как AM, FM или какой-либо другой формы сигнала, который мы можем экранировать обычными средствами. Мы пытались блокировать сигнал смерти, используя экран Фарадея и даже свинцовые контейнеры, но сигналы продолжают поступать. Я уверен, что и Джин Диксон, и я подключились к частоте, используемой Вселенским Разумом, хотя и по разным причинам. Я не сомневаюсь, что это средство связи существовало всегда. Мы заблокировали свое экстрасенсорное восприятие своими предрассудками. Мы говорим себе, науке и нашему окружению, что дополнительные чувства – это ерунда, но поместите человека под гипноз и дайте ему постгипнотическое внушение игнорировать свои предрассудки и быть открытым для экстрасенсорного общения, и я уверен, что он получит больше, чем он когда-либо считал возможным.

К моменту разговора Рене Нурбергена с Кливом Бакстером все происходившее с Эдгаром Кейси было у них на слуху. Неудивительно,

что происходящее со «спящим лекарем» было известно и ему, с той лишь разницей, что объяснение этого феномена еще находилось в стадии гипотез. Сам Бакстер, опираясь на свое открытие, не обращался к термину: «*Вселенский Разум*». Он предоставлял самой Джин Диксон право именно так обозначать источник ее дара провидения. «*Ум Джин Диксон открыт,* – утверждал Бакстер, – *кажется, у нее есть полный доступ к способности, которая когда-то использовалась довольно широко, но практически отошла на второй план из-за неиспользования*».

Журналист Рене Нурберген, взявший на себя ответственность представить миллионам читателей дар великой пророчицы Америки, искренне уважая ее религиозные чувства отмечает тот факт, что Джин Диксон, хотя и искренне поддерживает научную основу своего дара, тем не менее считает, что именно Божий дух, пробуждающийся через нее, ответственен за ее видения и пророчества. Она глубоко религиозна, ее вера в Бога непоколебима. В моменты разочарования именно библейская основа ее «дара пророчества» заставляет ее двигаться вперед так, как «*этого хочет Бог*» – утверждает в «*Прологе*» к книге «*Джин Диксон: Моя жизнь и пророчества*» журналист Рене Нурберген.

Как бы то ни было, точность Джин Диксон не имеет себе равных. Осенью 1944 года Джин Диксон предсказала, что «*Китай станет коммунистическим и станет нашей величайшей бедой. Африка станет следующим самым большим беспокойством на международной арене*». Об этом она рассказала президенту Рузвельту во время частной встречи на Уайт-Ройз (White Rose). В то время Рузвельт с ее мнением не согласился. Тот факт, что почти сразу начались политические проблемы, доказал ее правоту. Начало предсказания произошло в 1945 году, когда Джин Диксон случайно встретилась с высокопоставленным чиновником индийского дипломатического представительства в Вашингтоне. В разговоре, который произошел между ними, прорицательница, как бы между прочим, сказала, что в результате внутренних противоречий Индия потеряет свою значительную часть, населенную в основном мусульманским населением. У собеседника это заявление дамы, сидящей напротив него, вызвало недоумение. «Но это невозможно, – вскричал он, – моя страна никогда не будет разделена!» Спустя два года, 2 июля 1947 года, заголовки мировых газет сообщили о сенсации! Произошло разделение этой

бывшей части Британской империи. Пакистан решительно затребовал автономии. Случилось так, как предсказала Джин Диксон ровно два года назад. Сенсации в истории Индии, предсказанные великой американской прорицательницей, на этом не закончились.

Летом 1947 года, в разговоре с мужем и близкой подругой, Джин на мгновение задумалась и внезапно произнесла странную фразу: «*Махатма Ганди будет убит?*» То ли это было недоумение, то ли вопрос в пространство, будто бы перед ее глазами возникло трагическое видение... Тогда случившееся с Джин быстро рассеялось, но шесть месяцев спустя индуистский фанатик это убийство осуществил.

Сам журналист Рене Нурберген вспоминает, как нелепо прозвучало пророчество Джин о самоубийстве блестящей кинодивы Мерилин Монро. Это было немыслимо! Не поддавалось логике жизни. Блеску кинокарьеры блестящей артистки. И тем не менее объявленное пророчество Джин случилось в конце 1961 года.

> Then – writes René, – and when, in mid-September of that same year, I mourned the death of my friend, Bill Ronallo, the private bodyguard of the UN Secretary General Dag Hammarskjöld. This happened because I did not know about Jean's prediction a few months earlier, when she warned Ronallo's friend Eleanor Bumgardner: "Whatever you do this summer, do not fly on the same plane with Dag Hammarskjöld in mid-September, because that plane will crash and he will die.
>
> Тогда же, – пишет Рене, – и когда, в середине сентября того же года, я оплакивал смерть своего друга, Билла Роналло (Bill Ronallo), частного телохранителя генерального секретаря ООН Дага Хаммаршелда (Dag Hammarskjöld). Это произошло потому, что я не знал о предсказании Джин за несколько месяцев до этого, когда она предупредила подругу Роналло – Элеонору Бумгарднер (Eleanor Bumgardner, сказав ей: «Что бы вы ни делали этим летом, не летайте в одном самолете с Дагом Хаммаршельдом в середине сентября, потому что этот самолет разобьется, и он погибнет.

В то время как международные предсказания Джин Диксон попали в заголовки газет по всему миру, ее общенациональные предсказания получили не меньше огласки прямо здесь, в Соединенных Штатах. Но об этом я уже писал...

3

Дейл Карнеги и практика «человеческих отношений...»

I.

...Примерно в 1976 году или позже имя американского эксперта в области человеческих отношений Дейла Карнеги мелькнуло в СССР, в журнальной статье, посвященной проблемам социального планирования. Тогда мне было тридцать четыре года. В статье были указаны годы его жизни: 1888–1955. Я сидел в просторном читальном зале научной библиотеки Академии наук Беларуси. В академическом Институте философии и права я работал научным сотрудником и просматривал поступавшую новую периодику: журналы, рефераты, научные сборники, издаваемые под эгидой Академии наук СССР. Другими словами, я работал социологом, разрабатывая методологию социального планирования. Реферат, который привлек мое внимание, был посвящен социальным проблемам индустриальной отрасли экономики. В реферате речь шла о *«человеческих*

отношениях» в рамках деловых и производственных контактов, развитие и совершенствование которых, как говорится в статье, должно стать «*...предметом внимания психологов и социологов*». Вот цитата тогда неизвестного мне американца Дейла Карнеги из его книги «*Как перестать беспокоиться и начать жить*». Я несколько раз перечитал приведенные ниже строки и по привычке записал их в свой блокнот: «*Одним из самых ужасающих замечаний о нашем образе жизни является то, что почти половина коек в наших больницах занята больными, страдающими нервными и психическими расстройствами. Пациенты подавлены непосильным бременем накопленного вчера и ужасающего завтра*». Впервые читаю не пропагандистскую статью об «*их проблемах*» и нашем «*благополучии*». Автор статьи привел это высказывание Карнеги как свидетельство реальности умственного перенапряжения в социальном климате производства, требующего внимания специалистов по управлению и организации труда. Далее в реферате писалось о планировании социального развития трудового коллектива, при котором систематическая недооценка нервного и умственного перенапряжения людей приводит к резкому снижению их жизненных ресурсов. Была рассмотрена актуальность разработки оптимальных режимов труда и отдыха в течение рабочего дня на производстве. Говорилось о создании комфортных зон отдыха на заводах. О необходимости открытия помещений для психологической разгрузки и т. д. Все это необходимо было учитывать в процессе разработки планов социального развития трудовых коллективов промышленных предприятий СССР.

Я разрабатывал методологию социального планирования. В то время эта проблема находилась под пристальным вниманием властей. Экономическое планирование оставалось ведущим приоритетом в течение многих лет, но с начала шестидесятых годов социальные проблемы экономической деятельности в стране постепенно стали выдвигаться властями на первый план. Постепенно привычное словосочетание «*экономическое планирование*» начало уступать место «*социальному планированию*». Новые смыслы этого словосочетания поначалу были не очень понятны тем, кто работал с индустриальными или с сельскохозяйственными понятиями в экономике. Но с приходом в советскую жизненную практику социологии (как отрасли обществознания) стали возникать и новые словосочетания: «социально-экономические проблемы», «*социальные конфликты*

в процессе труда», «*социальная психология*», «*социальный климат на промышленном предприятии*» и т. п. Тогда же возникло и социальное планирование. Чуть раньше на промышленных предприятиях стали появляться отделы НОТ. Расшифровка этой аббревиатуры была амбициозной: «*Научная организация труда*». Именно под эту «*крышу*» посадили «*социальное планирование*». Напомню, что одним из известнейших авторов научной организации труда в СССР еще до Второй мировой войны был Алексей Капитонович Гастев. В отличие от американца Фредерика Тейлора, сосредоточившегося на совершенствовании технологии производства, А. К. Гастев акцентировал особое внимание *на человеческом факторе*, что он открыто и озвучивал в своей книге: «*Как надо работать*». В первую очередь он делал акцент на культуре труда для большинства работников индустрии. Казалось бы, появление в стране Советов своего интеллектуального лидера в области «*человеческих отношений в труде*» могло бы сильно продвинуть идеи, которые в самом начале XX века стал развивать и американец Дейл Карнеги. Но, увы! Если Гастев считал, что главную роль в работе предприятия играет человек, его интересы, индивидуальность, желание продвигаться по службе, личная эффективность на рабочем месте, развитие личных качеств, необходимых в труде, и прочее, все это в тридцатые, сороковые годы, вплоть до шестидесятых особого внимания индустриальных властей не привлекало. Однако жизнь заставила, и появление в шестидесятых годах НОТ в стране стало уже знаком времени. Послевоенное восстановление в СССР завершалось. Страна потеряла 27 миллионов людей в борьбе с фашизмом. Человеческий ресурс, вовлеченный в процесс труда, нуждался в очень бережном использовании.

Заниматься НОТ и социальными проблемами труда поручили... *социологам*. Однако в шестидесятых годах толком никто не знал, где готовить кадры, поэтому стали заниматься этой проблемой те, кто имел гуманитарное образование. Социологами, которые приходили на работу в заводские отделы НОТ, называли дипломированных педагогов, отставных военных, несостоявшихся режиссеров-организаторов, администраторов и прочих «гуманитариев», оставшихся не у дел.

Между тем правящая КПСС серьезно озаботилась решением социальных проблем жизни. Необходимо было активно строить жилье, снабжать население продуктами питания, детскими садами, хорошей

одеждой, повышать заработную плату и т. д. Были разработаны экономические планы, приняты партийно-хозяйственные решения, которые охватывали широкий горизонт социальных задач советского общества. Жизнь начала меняться к лучшему. К этому времени, получив образование в Саратовском государственном университете, я начал карьеру... комсомольского чиновника.

Я работал на крупнейшем в Европе заводе искусственного и синтетического волокна, потом меня пригласили на работу в обком ВЛКСМ, и, завершив через шесть лет карьеру молодежного политического функционера, я задумался, а где мне работать дальше?

Я почти идеально подходил на роль социолога. Шесть лет политической карьеры. Высшее гуманитарное образование. Желание работать с людьми было подтверждено практическим опытом. Знания социологии? Можно было добыть их самостоятельными усилиями в библиотеках! Есть главное – университетское образование. К этому добавятся знания философии, психологии и социологии, которые надо было «добрать» самостоятельно.

Я провел месяц в библиотеке. Прочитал научную литературу, кое-как выстроил научные рекомендации и сел за разработку планов реализации своего проекта профессионального самообразования, которое постепенно перешло в стадию самоопределения, в котором НОТ – научная организация труда – стала определяющей. Я знал, что должность инспектор НОТ существовала, стало быть, есть чем заниматься. Для начала я написал Записку в саратовский обком КПСС. Там, где я жил, это был центр главной власти региона. Я знал: они были озабочены решением социальных проблем в труде. В городе Саратове было два научно-исследовательских института. Сорок предприятий. Половина из них – из оборонного сектора. Проблем очень много, не только чисто промышленных, но и социальных. Низкая производительность труда. Текучесть кадров. Огромные очереди в детские учреждения. Примитивная организация труда. Низкая производственная дисциплина и т. д.

В журнале «*Вопросы философии*» я прочитал статью «*Личность и общество*», которая дала толчок моим социологическим размышлениям. В своей Записке я предложил партийным работникам Индустриального отдела областного комитета КПСС отправить меня на военный завод, чтобы я мог провести там ряд социологических и психологических исследований с целью повышения производительности

труда в коллективе. Завод производил взрыватели для бомб, мин, артиллерийских снарядов и торпед. Я знал завод по работе в областном комитете комсомола города Саратова, знал, что производство топчется, не в силах изменить проблемы производительности труда. Это был период окончания Вьетнамской войны, которую поддерживали СССР и Китай. Саратовский завод был единственным в СССР заводом по производству взрывателей для бомб. На плечи трудового коллектива легла непростая задача – снабдить своей продукцией военные предприятия страны, на которых изготавливались бомбы, снаряды, торпеды и прочее. Властям мои предложения понравились, и они предоставили мне карт-бланш. *Как ни странно, через год мне удалось почти вдвое повысить производительность труда на заводе, исключительно за счет повышения психологического комфорта на рабочих местах отдела технического контроля.*

Из Саратова я уехал в Минск – столицу Беларуси. Работая там на часовом заводе, я проводил исследования текучести кадров в сборочном цехе. Пытался понять, почему текучесть кадров такая высокая и по каким причинам она возникает особенно остро в сборочных цехах. За год там сменилось почти 75% работников. 1969-70 гг. были временем, когда необходимость *психологии* на рабочем месте стала очевидной. Занявшись эстетикой оформления сборочного цеха, отработав стандарты коммуникаций в общении бригадиров, начальников цехов и установив музыкальные паузы и технические перерывы, я сократил текучесть в сборочном цехе на 25%.

Перед уходом в Академию наук я работал на Минском производственном объединении по производству вычислительных машин. Это было крупнейшее предприятие, выпускавшее большие вычислительные машины для нужд индустрии СССР. Там я проводил социологические исследования, разрабатывал планы социального развития трудового коллектива, затем, как психолог, – графики труда и отдыха для всех цехов предприятия, открыв серию «*Комнат психологической разгрузки*». В университете я изучал курс психологии факультативно, потому что моя главная профессия, по которой я получал диплом,

была «филолог». Да, курс был ограниченным. Он не включал изучение индустриальной психологии, гештальтпсихологии, бихевиоризма и все, широко известные в мире, курсы, которые были изгнаны из советских академических программ, как «буржуазные» и «антинаучные». Однако мне повезло, в СССР была переведена и издана в 1969 году на русском языке книга Шибутани *«Социальная психология»*. Друзья привезли мне из Москвы толстый том сборника *«Индустриальная психология»*, изданный в 1966 году крайне ограниченным тиражом. Книга была составлена как хрестоматия, по нескольким книгам американских психологов. Она мне очень помогла при работе на заводе взрывателей...

В это же время организационное оформление академических структур, занимающихся социологическими исследованиями в СССР, развивались медленно и трудно. В российской поисковой системе «Яндекс» я нашел такую информацию: «На основании письма Академии наук СССР от 26 октября 1967 года, подписанного президентом АН СССР М.В. Келдышем, 22 мая 1968 года было принято совершенно секретное Постановление Политбюро ЦК КПСС *«Об организации Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР»*, подписанное Л.И. Брежневым. В декабре 1968 года Секретариатом ЦК КПСС были утверждены *«Основные направления работы Института конкретных социальных исследований АН СССР»*. Институт был основан в 1968 году путем преобразования *отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР в Институт конкретных социальных исследований АН СССР*. Институт являлся ведущим социологическим учреждением страны».

Насколько это было непросто, свидетельствует профессор Н. И. Лапин, который работал в этих академических структурах. *«В 1966 году профессор Осипов предложил мне перейти к нему в сектор новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР... Мы сумели за год-полтора превратить сектор в Отдел конкретных социологических исследований... Как только мы выделились, то совершенно четко и практически встала задача трансформировать Отдел в самостоятельный Институт. Хотелось назвать его «Институтом социологии», но это было абсолютно невозможно. И в ЦК КПСС, и в Отделении философии и права АН СССР категорически были против»* ...

Только восемь лет спустя, в 1974 году, в СССР в рамках Академии

наук стал издаваться журнал *«Социологические исследования»*. В начале семидесятых годов в Новосибирском отделении Академии наук СССР начал выходить журнал «ЭКО». В нем публиковались не только сугубо экономические материалы, но и множество статей, интересовавших производственников, работавших в отделах научной организации труда (НОТ).

Надо признать, что материалы журнала сильно развивали мою *обществоведческую* ориентацию в приложении к индустриальным проблемам. Конечно, основной ракурс публикаций делался на теоретические и прикладные проблемы экономики СССР. Однако границы журнала были очень *гибкими* и позволяли редакторам публиковать материалы, лежащие на грани психологии, социологии, этики, философии в контексте экономических проблем. Именно по этой причине там в 1978 году появились самые первые публикации переводов книг Дейла Карнеги. Мне оставалось только догадываться, чем объяснить упорную секретность со стороны ЦК КПСС в развитии социологической науки в ее управленческой и организационной интерпретации.

Некоторую ясность неожиданно внесла авторская позиция Стива Шелохонова, работавшего в системе IMDb в Интернете, предназначенной для рекламы и пропаганды кинопроизводства и шоу-бизнеса. В этой системе трудятся множество авторов, которые пишут биографии *звезд* разного калибра, работающих в прошлом и настоящем во всех отраслях искусства и шоу-бизнеса.

Стив Шелохонов, автор краткой биографии Дейла Карнеги, был единственным, кто опубликовал в этих материалах информацию о связи книг и идей Дейла Карнеги с интересами руководства СССР. Кто такой Стив Шелохонов? Это сын известного ленинградского художника Петра Шелохонова, человека с непростой судьбой. Он перенес много лишений и страданий от партийной власти СССР. В послевоенные годы его безосновательно обвиняли во многих тяжких преступлениях. Потом его оправдали и отпустили из мест заключения. Однако через некоторое время черная метка снова коснулась его судьбы. Тем не менее он стал известным киноактером и был похоронен в Петербурге. Его сын, Стив Шелохонов, пронес в своей душе горький след судьбы отца и стал диссидентом, уехавшим в США. В своей онлайн-биографии Дейла Карнеги он написал: *«Более 50 миллионов экземпляров книг Дейла Карнеги было продано по всему миру и переведено примерно на 40 языков. В конце 1950-х годов советский*

лидер Никита Хрущев посетил Америку с ведущими советскими экспертами, чтобы изучить и внедрить наиболее эффективные американские методы управления в советском правительстве. Книги Карнеги затем были переведены на русский язык для исключительного пользования привилегированного руководства Коммунистической партии СССР и КГБ. Книги Карнеги были запрещены для широкой российской публики до тех пор, пока Михаил Горбачев не начал «перестроечные реформы».

Пытаясь чуть шире открыть двери страны, глава КПСС Никита Хрущев посетил в 1959 году США во главе партийно-правительственной делегации. Четыре года назад умер Дейл Карнеги, автор знаменитых бестселлеров, продолжавших покорять мир своим необыкновенным содержанием. Ажиотаж в США вокруг его идей продолжался. Институтом Карнеги управляла его жена Дороти Прайс-Карнеги, а позже их дочь стала председателем Carnegie & Associates. Его идеи захватили все слои населения, заразив их простотой и эффективностью идей «самопомощи», на которые опирался этот творец жизненных успехов. Сотни тренинговых групп во всех концах Америки готовили новых бизнесменов, и в годы, когда Н. Хрущев посетил эту страну. Наверняка встал вопрос об издании книг Дейла Карнеги в СССР, но...

Деловые и партийные чиновники, приезжая домой в СССР из командировок в США, рассказывали о «*феномене Карнеги*». Наверняка их рассказы дошли в то время до лидера КПСС – первого лица государства. Скорее всего, он и ознакомился тогда с идеями «*саморазвития*» личности и «*человеческих отношений*». Наверняка они вызывали удивление в правящей верхушке СССР. Стереотипы партийной пропаганды о «*безжалостной конкуренции*», «*зверином оскале капитализма*», «*жажде наживы*» и все прочие клише сильно расходились со смыслами книг «*Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*», «*Как перестать волноваться и начать жить*». Однако перепечатка в СССР этих книг массовым тиражом была невозможна! Она сильно бы подорвала пропагандистские клише коммунистической идеологии. Однако странная близость моделей коммунистических идеалов взаимоотношений людей, рассыпанных по страницам книг Дейла Карнеги, была очевидна! Мириться с этим «*конструкторам нового общества*» было невозможно! В СССР, в глубокой тайне, в те годы начала работать комиссия ЦК КПСС по разработке

«*Программы строительства коммунизма*». В рамках этой программы царили идеи «человеческих отношений», смысл которых был крайне привлекателен в *моделируемом обществе* всеобщего изобилия, подлинной демократии, тотального трудолюбия и гуманизма, которое *предстояло* в СССР *построить* в недалеком будущем. Но для Дейла Карнеги эти задачи были *предметом его образовательной программы для тысяч бизнесменов Америки!* Этот человек ставил их перед собой, обучая менеджеров и глав компаний, бизнесменов гармонии *человеческих* отношений в индустриальной и управленческой реальности США. Происходило это уже десятки лет в сети тренинговых групп Дейла Карнеги, в которых учились искусству бизнеса сотни тысяч людей, работавших в индустрии страны. Как этот факт может сочетаться с ленинским заветом: «*Учиться коммунизму*», когда в США похожим навыком в индустрии овладевали сотни тысяч людей, и происходило это в обществе, которое исповедовало капитализм? Эта система была антиподом социализма. Денно и нощно пропаганда КПСС трубила о «*жестокой морали*», «*безграничной жажде наживы*», «*дегуманизации*» капитализма. Как примирить то, о чем писал и чему учил Дейл Карнеги, с партийными декларациями типа: «*...Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат; Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; Непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству...*» Идеи книг Дейла Карнеги, проповедовавшие «*индустриальный гуманизм*», «*человеческие отношения*», «*культуру труда*», «*позитивное мышление в решении проблем управления*», ставших многолетней реальностью практик Института Карнеги и множества его тренинговых курсов, не противоречили *декларациям* КПСС по строительству коммунизма. Как такое может быть? По-видимому, этот *парадокс* заставил партийных деятелей задуматься...

К тому же буквально через два-три года после визита Хрущева в США началось обострение в отношениях между руководством

СССР и правительством США, которое закончилось Карибским кризисом... В итоге, едва книги Дейла Карнеги были переведены на русский язык и прочитаны руководящими чиновниками КПСС, КГБ и прочими высшими инстанциями, на их массовое издание был наложен... *запрет*. И все же их изучение пошло на пользу многим неординарно мыслящим партийным, индустриальным и управленческим лидерам в СССР.

Наступили семидесятые... Преодолевая догматы придуманного курса «*Научного коммунизма*», пришедшего в высшие учебные заведения страны, узкие рамки так называемого «*исторического материализма*», в научной практике обществознания появилась изгнанная большевиками в 1918 году, вместе с «философским пароходом», *социология*. В академических институтах, созданных при Академии наук СССР и союзных республик, стали создаваться сначала сектора социологии труда, социологии семьи, затем отделы социологических исследований. В наступающих семидесятых годах XX века в СССР возникли условия, когда эти крохотные научные структуры при институтах философии разрослись до размеров академических институтов социологии, обретая полноценные научно-исследовательские масштабы, готовя академические кадры, достойные уважения. Вместе с тем возрождение подлинного *обществознания* в стране продолжалось в ореоле таинственности.

Появление первой книги по этикету в 1975 году вызвало ажиотаж. Ее моментально раскупили, и она превратилась в *инструктаж* едва ли не для всех граждан СССР в контексте «*Как себя вести*» в различных ситуациях. Тогда я уже третий год работал в Институте философии и права Белорусской академии наук научным сотрудником. В нем год назад был создан сектор социального планирования. Меня пригласили туда на работу из Минского часового завода, где в отделе НОТ (научной организации труда) я работал уже четыре года. Я занимался социальными проблемами труда, проводил социологические исследования текучки кадров, изучал психологические проблемы труда и отдыха, разрабатывал планы социального развития коллектива на каждый текущий год.

В Белоруссии тогда главной фигурой партийной власти был П. М. Машеров. Человек либеральных взглядов, доброжелательный и образованный. В журнале «ЭКО», который я упоминал выше, стало появляться понятие: «*человеческие отношения*». Читая отрывки

П. М. Машеров.

из книг Дейла Карнеги, которые этот журнал начал публиковать, я понял, в каком контексте этот термин интерпретировался. В журнале «ЭКО» он представлялся гораздо шире, охватывая не только сугубо психологические признаки: «*личность*», «*характер*», «*интересы*», «*тревоги*», «*эмоции*» и прочее, но и социальные, этические факторы труда, влияющие *на настроения людей, их самочувствие, энтузиазм, трудоспособность* и прочее. Там же шла речь о разработке планов социального развития, в которых все эти социально-психологические факторы создания *позитивного климата в процессе труда* были бы гарантированы усилиями администрации в деле развития гуманных трудовых отношений. В разработанных мной планах социального развития предусматривалось проведение «*курса обучения гуманному режиму человеческих отношений в трудовом коллективе*». Речь шла о сборочном цехе часового завода. 98% работников цеха – девушки-сборщицы, в среднем от 19 до 27 лет. Предстояло перекрасить стены цеха в цвета, активирующие зрительные функции, поставить аквариумы с рыбками, установить проигрыватели для демонстрации специально подобранных музыкальных заставок, вызывающих позитивные эмоции у работающих девушек (сборщиц часовых механизмов), разработать форменные халаты нежно-бирюзового цвета и множество иных новшеств, включая курсы работы с персоналом бригадиров, с целью научить их правилам трудового этикета при общении с работниками, а самих работников обучить нормам гуманного общения друг с другом. У меня уже был подобный опыт на оборонных предприятиях, и теперь я предлагал сделать что-то подобное здесь, на часовом заводе. Однако было непросто! Когда я стал читать отрывки книг Дейла Карнеги в журнале «ЭКО», прилив моего энтузиазма подавлял негативные реакции администрации завода. Не помогало и обращение к авторитету журнала «ЭКО», и к автору мировых бестселлеров Дейлу Карнеги. Его партийные функционеры завода называли не иначе, как «*агент капитализма*», позиции которого пропагандирует журнал «ЭКО». Я понимал, что предстояли нешуточные расходы средств на все

предлагаемые преобразования, которые предстояло включить в план социального развития. Их предстояло огласить и утвердить на заседании объединенного совещания партийного комитета, профсоюза и администрации завода. План утвердили, но заставили выбросить «*излишества*». Ими оказались инструменты «гуманизации труда», которые я предлагал для создания *«позитивного климата человеческих отношений в трудовом коллективе»*. Отдавая себе отчет в степени риска, я написал письмо в адрес Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. Машерова. Он дал команду (как же иначе в обществе *«застрявшей автократии»)*, и меня пригласили в Академию наук поработать в Институте философии и права в секторе социального планирования. В письме я написал, сославшись на журнал «ЭКО», на публикацию там книги Дейла Карнеги *«Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей»*. Не скрою, неожиданная смена моего статуса с заводского социолога на академического сотрудника крайне меня удивила. Однако план социального развития уже через год стал рассматриваться как важнейший документ промышленных предприятий. Принимался он при коллективном согласии. В нем охватывались сугубо социальные проблемы труда, отдыха, исполнение норм прогрессивных условий труда, создание позитивного климата в коллективе и гуманных *человеческих отношений*. И все же реальных перемен ни в производстве, ни в психологическом климате трудового коллектива промышленных предприятий и фабрик или в среде сотрудников крупных учреждений не происходило. Не хватало специалистов, методическая база была примитивна – социальные науки пока отставали. Не приходило и понимание важности гуманизации труда и *человеческих отношений* на производстве.

Между тем каждый пример – иллюстрация поведения конкретного человека – в книгах Дейла Карнеги рассматривался автором как *единство* профессиональных, деловых, личных качеств, которыми обладал человек. Его готовность к исполнению профессиональных обязанностей осмысливалась им сквозь призму суммы качеств личности, которые *следовало в себе развивать*, прежде чем появляться в конкретной профессиональной или должностной роли. Далеко не всегда эти качества у людей обнаруживались. Следовало исполнять специально разработанные упражнения, системы тестов, чтобы эти свойства в себе развить. Превращать их в комплекс качеств личности, используя которые человек мог добиться успеха при взаимодействии

со своими коллегами и подчиняющимися ему сотрудниками.

Читая опубликованные в журнале «ЭКО» отрывки из книг Карнеги, я представлял смысл понятия *«человеческие отношения»* не как формальный акт, исполняемый в рамках профессиональных, социальных, этических задач, возложенных на плечи «членов общества», а как позитивные *взаимоотношения человека с человеком*. Они должны быть *созидательными* по сути и эмоционально *уравновешенными* по форме в любом коммуникативном контексте. Именно так я и понимал концепцию Дейла Карнеги.

Мы жили в стране с *авторитарной* моделью управления. Смягчившись в той или иной степени, она осталась прежней, демонстрируя жесткие версии *человеческих отношений* в трудовом процессе, которые оправдывались необходимостью сохранять высокую дисциплину труда. В рамках повседневного или формального общения между людьми выявлялся хронический дисбаланс *силы и слабости*. В деловых отношениях, особенно среди партийных чиновников, сохранялись стереотипы авторитарного стиля управления. *«Свобода личности»* трактовалась однозначно – как «*распущенность*». Необходимо было найти новые инструменты *управления и организации* вместо жесткой категоричности и откровенного *авторитаризма*, прикрываемых важностью *порядка*. Идеология КПСС была направлена на полное следование партийно-политическим *догмам*. Пропаганда догматических формул о «*беззаветном служении коммунистическим идеалам*» игнорировалась миллионами граждан огромной страны, потому что нормы реального гуманизма в *человеческих отношениях* не вписывались в стандарты обыденной жизни и делового общения. Они игнорировались наукой и практикой. Режим социального общения делал *отношения* между людьми однообразными. Лишал мир человеческих чувств и нравственных переживаний красок доброты, разнообразия и гармонии. Страна была наглухо закрыта. Народ, разгромивший гитлеровскую армию 25 лет назад, задыхался в тисках авторитаризма, навязанного жестко централизованной партийной властью...

В 1978 году на одном из семинаров по практике социологических исследований в нашем Академическом институте философии и права я сидел рядом с коллегой, который, не слушая докладчика, читал тонкую брошюру, которую он положил себе на колени. Отложив свои записи в сторону, я посмотрел туда, где лежала книга, и сумел прочитать

короткий абзац. Мы сидели рядом, и он прошептал мне: «*Молодец этот Карнеги. Эти мысли должны быть написаны на стенах, а мне приходится читать в такой неудобной позе...* – выпрямляясь, сказал он, собираясь уйти: *Это американский психолог или учитель...*» Об этом я уже знал, прочитав несколько раз отрывки из журнала «ЭКО». Коллега закрыл брошюру, положил ее на стол, за которым мы с ним сидели, и подвинул ее ко мне. «*Могу дать на день. Ты вернешь завтра. Я забыл, что у меня сейчас важная встреча. Я пойду*». Он вышел из зала. Я прочитал заголовок в его брошюре: «Как перестать беспокоиться и начать жить». Недавно прочитал отрывок из его книги в журнале «ЭКО». Напрягшись, вспомнил: «*Как завоевывать друзей и влиять на людей*». Отрывок из журнальной публикации был небольшим, и его продолжение ожидалось в последующих номерах. Я тогда писал свою книгу: «*Смотрись, как в зеркало, в другого человека*», посвященную проблемам служебного общения в контексте авторитаризма власти, включая производственный сегмент деловых отношений. Весь материал книги я извлек из своего опыта работы на оборонных предприятиях и на Минском часовом заводе.

Фрагменты своей книги я представлял на лекциях в вечернем колледже. Аудитория была из числа управленческого персонала многих предприятий города Минска. Курс назывался: «*Психология служебного общения*». Все лекции основывались на конкретных примерах, раскрывающих те или иные проблемы в служебных отношениях. Моя аудитория, а людей было полсотни, слушала меня с неослабевающим интересом. Сдвиги в культуре делового общения постепенно, в семидесятых годах XX века, в СССР происходили. Желание избавиться от «*самодержавного стиля*», в мирный послевоенный период развития страны, было очевидным. Увы, наука все еще запаздывала вмешиваться в проблему, а внедрение в практику гуманных моделей *человеческих отношений* шло медленно. В итоге, коммуникативные проблемы в памяти и чувствах людей накапливались. Они отравляли человеческие эмоции, тормозили развитие позитивного мышления, проникая в ткань повседневной жизни людей. Разрушительная практика авторитарного стиля управления становилась все более актуальной, и о ней начали задумываться власти, в том числе и в Беларуси.

Читая брошюру Дейла Карнеги «*Как перестать беспокоиться и начать жить*», которую я получил от коллеги, я постигал простейшие правила и положения, предложенные автором. Тревога, возникающая

из-за действий людей, с которыми у меня были деловые отношения, возрастала от настроений, возникающих вследствие низкой культуры персонала, утраты психологического баланса в деловом контакте. Я работал над своей первой книгой «*Смотрись, как в зеркало, в другого человека*», переживая реальность практики коммуникаций, которые непременно оставляли в моей душе тяжкий след. Книга, которую, как и Дейл Карнеги в тридцатые годы XX века, я писал в семидесятые годы того же века, когда жил и работал в СССР. Она была посвящена борьбе с грубостью и жесткостью в деловых отношениях. Призывала деловых людей учиться гуманным методам заботы о людях, избегать категорической критики при оценке работы коллег. Какую бы сторону делового общения я не затрагивал, в контексте формального общения я непременно сталкивался с реальностью, провоцирующей риск разрушения *человеческих отношений*. В инструментариях делового общения преобладали *наглость, грубость, жесткость оценок, хамство*. Крайне редко проявлялось желание *помочь*, готовность терпеливо *выслушать*, желание что-то *объяснить, осторожно* высказать свое суждение, избегнуть *обидных* оценок. Эти инструменты регулирования *человеческих отношений* игнорировались и не доводились до совершенства в практике. Почему? На ум приходит простой вывод: тот, кто имеет ранг руководителя в ситуации, требующей терпеливого выслушивания подчиненного ему коллеги, просто *не может* этого делать! В результате у коллеги теряется позитивный настрой. Возникает разочарование и даже обида. Чаще всего начальник не умеет внимательно слушать. Не обучен искусству позитивной критики. Не контролирует собственное настроение и «*выливает*» свои эмоции на коллегу, часто «*обжигая*» его. Не готов беречь психику своих подчиненных в процессе работы и делового общения. Почему так происходит? Этому нигде не учат!

Когда я прочитал Дейла Карнеги: «*Как перестать беспокоиться и начать жить*», обыденность его рекомендаций привела меня в полное недоумение! Что такое «*беспокойство*»? Можно ли жить, ни о чем *не беспокоясь*? О своей работе, о своей судьбе, о своих близких. И, вообще, можно ли перестать испытывать *тревогу* во время работы? Мое сознание было *дезориентировано*! Мне казалось, что тревога – это внутренний *стимул* для безошибочной работы. Это самоконтроль. Как без него добиться успеха? Без присмотра «*беспокойства*» человек, как я считал, совершает фатальные ошибки при исполнении

своих обязанностей. Они могут стоить производству огромных потерь. И даже привести к человеческим жертвам! Да, я так думал! Недаром в лексиконе чрезвычайных ситуаций, возникавших в индустриальной практике, термин «*человеческий фактор*» назывался с акцентом *осуждения*, с признаком *разочарования* от какой-то недоработки, печатью *разгильдяйства* или *готовностью* привлечения к дисциплинарной ответственности! Крайне редко этот термин предполагал наличие *усталости*, простительных *ошибок*, нарушения *расчетов*, сделанных *руководителями* работ. Осознавая мысли Дейла Карнеги, я начал понимать, что «*тревога*», «*беспокойство*» и «*стресс*» – это повсеместная *реальность*, которая... *опасна* для людей, исполняющих *свою* работу. Чаще всего мы неправильно оцениваем последствия *тревоги*. Мы не знаем, как выстроить защитные механизмы нашей психики в борьбе с *разрушительными* последствиями *тревог*.

Чернобыльская авария на атомной электростанции стала характерным примером неправильного толкования *стрессов, тревог и беспокойства* в практике управления людьми, что стоило государству и обществу колоссальных людских и материальных потерь. Ошибки, возникшие в практике управления сложнейшими процессами на атомной станции, во многом оказались производными именно того «человеческого фактора», о котором я писал выше. Нам пришлось учиться жить без тревог и беспокойства, сигналы о которых подает наше тело, наша нервная система и психика. Преодолевая эти сигналы, подчиняясь каким-то амбициям, политическим мотивам или откровенному начальственному давлению, мы рискуем совершить непоправимые ошибки, как это случилось в Чернобыле.

В СССР «*тревога*» в семидесятых годах XX века не била все рекорды общественного внимания. Да и сам я, скорее всего, ушел от истинного смысла этого понятия в своих комментариях. Но меня насторожила случайно найденная статья Ганса Селье о стрессе. Мне показалось, что это, скорее всего, психиатрический термин. В общем, я сам еще не имел тогда объективных представлений о стрессе, смысл которых содержал сигнал о накапливающейся опасности разрушения социальной психики. Если я и говорил обо всех этих неурядицах *в человеческих отношениях,* то как о проявлении низкой культуры поведения. Конечно, она недопустима, потому что в контексте делового общения опасна для здоровья. Однако я так не думал. Да, понятия «*грубость*», «*жесткость*», «*категоричность*», входя в практику

управления, принимались за норму в стране с автократическим стилем управления. В СССР с этим явлением приходилось мириться. Хотя с позиций этики они признавались порочными, но, увы, мы их терпели. Дейл Карнеги писал об этом почти с 1912 года, говоря о пагубном влиянии тревог и стрессов на мир человеческих отношений и в 1930 году. Учил бороться с тревогами в деловых отношениях вплоть до своей смерти в 1955 году. Я только начинал узнавать об этом, читая его книги. В 1975-1977 годах начал упоминать об этом в своих лекциях, с избытком хлебнув хамство и грубость, жесткость и наглость «начальства» в своей жизненной практике.

Место *тревог и беспокойства* я начал осознавать, читая книгу Дейла Карнеги уже здесь в США, когда читал ее в оригинале. И хотя перевод, сделанный в 1989 году издательством «Прогресс», был достаточно полным, мое понимание «тревоги» оставалось ограниченным. Мы жили во времена сложных социальных и политических преобразований, начатых М. Горбачевым. Уже спустя два года начались жестокие противоречия, дорого стоившие нашему государству. Авторитарное государство рухнуло, а обществу пришлось приложить огромные усилия, чтобы выйти из тяжкого кризиса власти в поисках оптимального режима выстраивания *человеческих отношений.* В моем сознании понятие «тревога» претерпевало радикальные изменения. От толкования: *мелкие и простительные неприятности, которые можно потерпеть, к явлениям, разрушающим социальную психику человека, которые могут стоить ему жизни,* я пришел спустя годы. Хочу привести отрывок из книги Дейла Карнеги: «*How to Stop Worrying and Start Living*», изданной в Нью-Йорке в издательстве Pocket Books в 2004 году. Стр. 12.

> Here is a dramatic story that I'll probably remember as long as I live. It was told to me by Robert Moore, of 14 Highland Avenue, Maplewood, New Jersey. «I learned the biggest lesson of my life in March, 1945,» he said, «I learned it under 276 feet of water off the coast of Indo-China. I was one of eighty-eight men aboard the submarine Baya S.S. 318. We had discovered by radar that a small Japanese convoy was coming our way. As daybreak approached, we submerged to attack. I saw through the periscope a Jap destroyer escort, a tanker, and a minelayer. We fired three torpedoes at the destroyer escort, but missed. Something went haywire in the mechanics of each torpedo. The destroyer, not knowing

that she had been attacked, continued on. We were getting ready to attack the last ship, the minelayer, when suddenly she turned and came directly at us. (A Jap plane had spotted us under sixty feet of water and had radioed our position to the Jap minelayer.) We went down to 150 feet, to avoid detection, and rigged for a depth charge. We put extra bolts on the hatches; and, in order to make our sub absolutely silent, we turned off the fans, the cooling system, and all electrical gear. «Three minutes later, all hell broke loose. Six depth charges exploded all around us and pushed us down to the ocean floor -a depth of 276 feet. We were terrified. To be attacked in less than a thousand feet of water is dangerous-less than five hundred feet is almost always fatal. And we were being attacked in a trifle more than half of five hundred feet of water -just about knee-deep, as far as safety was concerned. For fifteen hours, that Jap minelayer kept dropping depth charges. If a depth charge explodes within seventeen feet of a sub, the concussion will blow a hole in it. Scores of these depth charges exploded within fifty feet of us. We were ordered 'to secure'- to lie quietly in our bunks and remain calm. I was so terrified I could hardly breathe. «This is death,» I kept saying to myself over and over. «This is death!... This is death!» With the fans and cooling system turned off, the air inside the sub was over a hundred degrees; but I was so chilled with fear that I put on a sweater and a fur lined jacket; and still I trembled with cold. My teeth chattered. I broke out in a cold, clammy sweat. The attack continued for fifteen hours. Then ceased suddenly. Apparently the Jap minelayer had exhausted its supply of depth charges, and steamed away. Those fifteen hours of attack seemed like fifteen million years. All my life passed before me in review. I remembered all the bad things I had done, all the little absurd things I had worried about. I had been a bank clerk before I joined the Navy. I had worried about the long hours, the poor pay, the poor prospects of advancement. I had worried because I couldn't own my own home, couldn't buy a new car, couldn't buy my wife nice clothes. How I had hated my old boss, who was always nagging and scolding! I remembered how I would come home at night sore and grouchy and quarrel with my wife over trifles. I had worried about a scar on my forehead-a nasty cut from an auto accident. «How big all these worries seemed years ago! But how absurd they seemed when depth charges were threatening to blow me to kingdom come. I promised myself then and there that if I ever saw the sun and the stars again, I would never, never worry again. Never! Never!!!»

Вот драматическая история, которую я, наверное, буду помнить всю жизнь. Мне об этом рассказал Роберт Мур, живущий по адресу: Хайленд-авеню, 14, Мэйплвуд, Нью-Джерси. «Я усвоил самый большой урок в своей жизни в марте 1945 года, – сказал он, – я усвоил его под 276 футов воды у берегов Индокитая. Я был одним из восьмидесяти восьми человек на борту корабля – подводной лодки Baya S.S. 318. С помощью радара мы обнаружили небольшой японский конвой, который приближался к нам. С приближением рассвета мы подготовились к атаке. Я видел сквозь перископ японский эскорт, танкера и минного заградителя. Мы выпустили три торпеды по эсминцу, но промахнулись. Что-то пошло наперекосяк в механике каждой торпеды. Эсминец, не зная, что на него напали, продолжил путь. Мы готовились атаковать последний корабль, минный заградитель, как вдруг он развернулся и пошел прямо на нас. (Японский самолет заметил нас на глубине шестидесяти футов и передал по рации нашу позицию японскому минному заградителю). Мы спустились на 150 футов, чтобы избежать нападения. Ставим дополнительные болты на люки. И чтобы сделать нашу лодку абсолютно бесшумной, мы отключили вентиляторы, систему охлаждения и все электрооборудование. Через три минуты начался настоящий ад. Вокруг нас взорвалось шесть глубинных бомб и толкнули нас ко дну океана – глубину 276 футов. Мы были в ужасе. Нападение на глубине менее тысячи футов опасно – менее пятисот футов почти всегда приводит к летальному исходу. А нас атаковали чуть больше, чем в половине пятисот футов воды. Японский минный заградитель продолжал сбрасывать глубинные бомбы. Если глубинная бомба взорвется в пределах семнадцати футов от подводной лодки, сотрясение мозга гарантировано. Десятки этих глубинных бомб взорвались в пятидесяти футах от нас. Нам приказали «обеспечить безопасность» – спокойно лежать на наших койках и сохранять спокойствие. Я был так напуган, что мог едва дышать. «Это смерть, – повторял я себе снова и снова. – Это смерть! Это смерть!» Я так похолодел от страха, что надел свитер и меховую куртку. И все же я дрожал от холода. Мои зубы стучали. Проступал липкий пот. Атака продолжалась пятнадцать часов. Потом внезапно прекратилась. Судя по всему, японский минный заградитель исчерпал запас глубинных бомб и пошел прочь. Эти пятнадцать часов атаки показались мне пятнадцатью миллионами

лет. Вся моя жизнь прошла передо мной. Я вспомнил все плохие поступки, которые я совершил, все маленькие абсурдные вещи, о которых я беспокоился. До того, как служить во флоте, я работал банковским клерком. Я беспокоился о плохой зарплате, плохих перспективах продвижения по службе. Я волновался, потому что я не мог иметь собственный дом, не мог купить новую машину, не мог купить жене красивую одежду. Как я ненавидел своего старого начальника, который вечно придирался и ругался! Я вспомнил, как я приходил домой по вечерам больной и ворчливый и ссорился с женой по пустякам. Я беспокоился о шраме на лбу – ужасном порезе, итоге автокатастрофы. Какими большими казались все эти заботы много лет назад! Но какими абсурдными они казались, когда глубина погружения грозила взорвать нас. Я пообещал себе тогда, что, если я когда-нибудь снова увижу солнце и звезды, я никогда, никогда больше не буду беспокоиться. Никогда! Никогда!!!»

По мнению Дейла Карнеги, каждая причина для тревог имеет конкретные, а нередко и объективные основы. Описанный им случай приведен ради сравнения военного переживания с обыденными, которые рассказчик, погрузившись в жуткую тревогу, до краев пропитанную близкой вероятностью гибели, оценивает совсем иначе. *Неудачи в карьере, низкая оплата труда, невозможность купить себе машину,* а жене – *новое платье* абсолютно несопоставимы с пережитыми ужасами войны.

Морской офицер, поделившийся с Дейлом Карнеги своими «военными» эмоциями, стыдился своих переживаний молодости, столкнувшись с *тревогами* выживания в обыденной атмосфере преодоления проблем начального этапа карьеры, живя и работая в мирное время, до краев переполненное неразрешимыми проблемами...

Психологический инструментарий мотивов тревог и переживаний в обоих обстоятельствах сходен: эмоциональное перенапряжение. Взрыв эмоций приближался к накалу страстей в зависимости от индивидуальных свойств личности. Финал был возможен, даже летальный, в обстоятельствах реальной угрозы гибели на войне и в случае длительной и безуспешной борьбы с нищетой. Но книга о том, как перестать тревожиться и начать жить, была пронизана *оптимизмом*! Честно говоря, я не мог поверить в те рецепты, которые излагал Дейл Карнеги. Во всяком случае его позиции представлялись мне чем-то

из области мифологии. Но я не мог не признать их *позитивный* смысл и готов был опереться на них, размышляя о приложении к тем реалиям, с которыми сам сталкивался в своей практической жизни.

Ситуация получения хлеба по карточкам в послевоенный период была мне понятна. Кругом царила разруха. Но спустя двадцать лет, в середине шестидесятых, возникший продовольственный кризис понятен уже не был! Мне было двадцать четыре года, я работал и не мог осознать природу явления, когда страна, обладавшая громадным количеством пахотных земель, *десятилетиями* не могла справиться с дефицитом продовольствия. Это была так называемая *долгосрочная* тревога, угрожавшая ежедневно и нарушавшая стабильность нормального питания. Это время повлияло на мое мировоззрение, провоцируя утрату уважения к власти. Способствовало отчуждению к пропагандируемым политическим идеалам. Переживая эту тревогу, я подсознательно накапливал негативные эмоции, которые могли привести меня к публичным формам их выражения, толкая на конфликт с властями. Я осознавал объективность подобных мотивов, как и последствия их стихийного проявления, как это случилось в Новочеркасске в 1962 году. Однако, переживая тревогу, я *молчал*, как и тысячи моих сограждан.

Именно этот вариант тревоги по сравнению с тревогой, описанной Дейлом Карнеги в его бестселлере «*Как перестать тревожиться и начать жить*», воспринимался мной как явление, не поддающееся *урегулированию* и поиску позитивных *реконструкций* жизни личности. Однако в рецептуре Дейла Карнеги были объективные достоинства. В условиях моего времени их применение было скорее *декларативным*, чем *позитивным*. На своих курсах «*Диалог*» я применял эту рецептуру как версию, а не как универсальное средство борьбы с тревогами. Вместе с тем даже поиск рационального зерна в этой книге Карнеги повлиял на мое умонастроение в последующие годы. Книга заставила меня, как говорится, «*иметь ввиду*» тревогу как реальный фактор, разрушительно влияющий на личность в случае утраты самоконтроля. В восьмидесятых годах, когда настало время Чернобыля, на наших занятиях в «*Диалоге*» мы тщательно анализировали все доступные нам сведения о природе этой катастрофы. В итоге, мы постепенно приходили к выводу, что одной из причин случившегося был акт *профессиональной демобилизации* со стороны квалифицированной группы специалистов, ответственных за осуществление

объективно рискованных акций. Это происходило под влиянием *накапливающейся* тревоги, *не осознаваемой* сотрудниками станции, но чреватой опасными для их жизни *последствиями*. Эти последствия также полностью не осознавались и в конечном итоге оказались *необратимыми*...

Завершая цикл лекций по психологии делового общения, я услышал *запрос* от аудитории, где проходили мои лекции. От редакторов издательств, корректоров, администраторов кинотеатров, работников аптек, персонала медицинских учреждений, директоров продуктовых магазинов. Они просили меня издать мои лекции отдельной книгой. Мотив был один – информация, услышанная ими от меня, должна быть доступна всем! Так я написал свою первую книгу: «*Смотрись, как в зеркало, в другого человека (Записки психолога о профессиональном общении)*». В процессе работы над этой книгой моим духовным наставником стал Дейл Карнеги, хотя время его широкого признания в СССР тогда еще не наступило.

Начало кампании по запуску массовых мероприятий по повышению деловой культуры в Беларуси, где я тогда жил, пришлось на конец семидесятых годов. Телевидение объявило открытый конкурс на создание программы, посвященной вопросам культурного поведения и развитию правил и норм «*советского этикета*». К тому времени мне наскучило работать в Академии наук, и я решил рискнуть. Это было непростое решение. Моя жена не работала. Она родила третьего ребенка, училась в аспирантуре БГУ, а я зарабатывал на жизнь. Зарплата в Академии наук была невысокой, и, если бы я выиграл конкурс, я мог бы получать гораздо большую зарплату. Переговоры с Комитетом по телевидению и радиовещанию дали мне шанс на это надеяться.

Тема конкурса была понятна немногим. Что такое «*Культура поведения*», и особенно «*Советский этикет*», в контексте телевещания, было неясно. Поскольку я уже работал над проблемами «*человеческих отношений*», мои идеи оказались наиболее близкими критериям телевидения. Кроме того, я полгода вел на республиканском радио свою программу, которая называлась «*Безвыходных ситуаций не бывает*». Я говорил с подростками и молодыми людьми о поведении, как зеркале личности, в котором отражается ее внутренний мир. Рассказывал, как формируется психика человека и проблемы, с которыми он сталкивается. Как преодолеть трудности *самоопределения*, избегая крайностей и ошибок.

Примерно в этот же период в 1976 году был создан Институт социологии АН СССР, которым стал руководить профессор Т. Рябушкин. Он был специалистом в области демографии и социальной статистики. Дали о себе знать последствия Второй мировой войны, в которой СССР потерял около 27 миллионов своих граждан, и актуальными стали демографические проблемы. Исследования профессора Рябушкина касались семейных проблем, а также проблем суицида среди молодежи. Мне стали известны статистические результаты одного из его исследований, где среди всех остальных республик СССР Беларусь оказалась одним из самых неблагополучных государств с высоким уровнем самоубийств среди молодежи...

Когда моя модель конкурсного телесценария оказалась победителем, меня пригласили в ЦК Компартии Беларуси в Отдел пропаганды и агитации. Меня принял партийный чиновник, радушно пригласил сесть и поздравил с успешным завершением конкурса. Мы говорили недолго. Чиновник открывает ящик стола, достает брошюру и протягивает ее мне. Я уже видел эту брошюру у своего коллеги в Академии наук (когда я там работал), который дал мне почитать ее на день.

— Олег Борисович, — сказал чиновник, — вы, наверное, не знаете о... — он посмотрел на обложку, — об этом американском профессоре Дейле Карнеги?

— Нет, – на всякий случай соврал я, — я не слышал, — вспомнив о журнале «ЭКО», где публиковались отрывки из его книг, я тут же добавил, – может быть, это тот самый профессор, отрывки из книги которого публиковал журнал «ЭКО»?

— Да, да! — чиновник радостно согласился и вручил мне брошюру. — Прочтите, очень рекомендую. Полезная информация.

Я поблагодарил его, взял брошюру и услышал от собеседника то, чего никак не ожидал.

— Как вы относитесь к преподаванию курса по поведенческой культуре под названием «*Человеческие отношения*» в Институте иностранных языков?

Я был настолько удивлен, что не знал, что ему сказать в ответ. Тем временем он продолжил.

— Вы опубликовали книгу, — он порылся на поверхности стола и заметил мою книгу: «*Смотрись, как в зеркало, в другого человека*», — недавно купил вашу вторую книгу, которую вы написали с Николаем Поляковым. Она у меня дома... Очень интересно, как вы там комментируете производственные ситуации. Очень информативно...

Я подумал о предложении, которое только что услышал от чиновника, и решил не отказываться, и расстались мы, настроенные очень дружелюбно. Я тогда ничего не знал обо всей «предыстории», связанной с Н. Хрущевым, его визитом в США, всей последующей связи этих событий с формированием темы *«культуры человеческих отношений»* и связью ее с проблемами *«строительства коммунизма»* и смыслом книг американца Дейла Карнеги.

Через месяц после победы в конкурсе я уже готовился к первой телепередаче, которая по моему предложению называлась «*Акценты*». Мне казалось, что в программе, посвященной культуре поведения личности, бессмысленно только критическое осмысление негативных фактов поведения. Они были хорошо известны. Теперь предстояло разобраться с историческими, психологическими, этическими, социальными и даже религиозными корнями поведения, связанными с конкретными действиями людей в обществе. Потребуется связать эти факты с уровнем жизни, здоровья, интересами человека, его жизнедеятельностью, работоспособностью и духовным развитием

личности. Все эти грани поведения человека придется затрагивать, размышляя о процессе воспитания, форм поведения, подчиняющегося требованиям культуры, в которой человек вырос, сформировалась его личность.

Взрослея, человек нередко испытывает влияние многих факторов, которые форсируют акценты его поведения в обществе. Именно в них обнаруживаются приоритеты, которые порой уродуют культуру, провоцируют отказ от поступков, в которых очевидна связь личности с духовными стандартами своего народа. Эти акценты я и предлагал рассмотреть в первую очередь. Телевизионное начальство со мной не спорило. Я понимал, что будет нелегко, потому что акценты, которые я имел в виду, были разнообразными и далеко не всегда осмысливались в контексте поведения и связывались с нормами культуры общества или той среды, где человек вырос.

В те годы автократические мотивы поведения, говоря иначе – грубость, жесткость, категоричность в повседневности были отражением царившего в стране правящего стиля управления. Он, безусловно, влиял на людей, охватывая все стороны их жизни: социально-политическую, производственную, обыденную реальность советского общества. Режим категоричности, прямолинейности, догматичности отражался внутри вертикали власти, распространяясь и по горизонтали повседневности, охватывая практику миллионов граждан СССР. У власти не было *оппозиции*, а потому и не было нужды в *компромиссах*. Формула: «Партия сказала – надо! Комсомол ответил – есть!», «Сказано – делай!» или: «Команды не обсуждаются!». Социальная однородность структуры общества не требовала *«моральной прокладки»* в процессе общения. Оно предельно упрощалось, не затрагивая обязательных социальных групп пожилых людей, интеллигенции, среди которых редко можно было услышать формулы: *«Пожалуйста, скажите!»*, или *«Извините за беспокойство!»*, или *«Позвольте мне, пожалуйста»*. Все это ушло в прошлое и было подавлено автократической стилистикой контактов, в которой царили поведенческие стандарты огрубевших человеческих отношений. В мужских прическах царило такое же однообразие. По умолчанию, бороды и усы вызывали неприязнь и насмешки. Среди женщин в повседневной жизни преобладали скучные прически и крайне скромный, даже аскетичный макияж. Маникюр повсеместно считался излишеством. Мне уже был 31 год, и у меня отросла бородка и усы. Мне это показалось

очень привлекательным аксессуаром моей внешности. Однако мне приходилось ловить на себе недоуменные взгляды прохожих. Когда дело дошло до «*дресс-кода*» в телестудии – предполагалось, что вести телепрограмму буду я – возник вопрос: «брить или не брить растительность на моем лице?» Мне не хотелось сбривать бороду и расставаться с усами. Я отказался «*редактировать*», подгоняя свою внешность под скучные стандарты. Теленачальников мой отказ сбрить бороду поставил в тупик. Программа считалась авторской, и убирать меня с экрана было рискованно! Председатель комитета по телевидению и радиовещанию, человек пожилой и пугливый, отправился в республиканский ЦК Компартии Белоруссии. Отказ «автора» сбрить бороду стал предметом разговора с высшим партийным начальством республики! Я узнал об этом много позже, но, слава Богу, от «*цензуры моей внешности*» власти отказались. Впервые я появился на телевидении, что называется, во всей красе! Это произошло в октябре 1975 года.

В это же время, как я уже писал, меня пригласили на республиканское радио вести программу «*Нет безвыходных ситуаций*». Я подозревал, что власть была обеспокоена ростом самоубийств в среде молодежи. Социологических исследований не проводилось. Не было ни навыков, ни опыта оценки массовых социальных явлений, затрагивавших молодежные слои населения. Объединенные в пионерские, комсомольские организации молодые люди оставались наедине с самими собой перед лицом конкретных проблем, которые им не удавалось грамотно осмысливать, предвидеть, преодолевать. Они носили в основном сугубо возрастной характер, отражали субъективные представления, во многом были надуманными, но тем не менее влияли на хрупкий душевный склад молодых людей. Запрет церкви и веры, отсутствие психологического обслуживания на этапах

формирования характера личности, приводили к ощущению безвыходности противоречий юного возраста. Одним они казались ловушками, другим – капканом, избавиться от которых было невозможно. Я собрал группу ребят в возрасте от 16 до 20 лет, и почти четыре года мы вели радиодискуссии на тему поиска выхода из множества «*безвыходных ситуаций*», подсказывая миллионам радиослушателей оптимальный выход из этих «ловушек».

Одновременно с «*Акцентами*» и радиопрограммой я начал читать свой спецкурс «*Культура человеческих отношений*» в колледже иностранных языков. Работы было много! Колледж имел приставку «*педагогический*», поэтому в комментариях цензоров, массово посещавших мои лекции и практические занятия, преобладали педагогические «*акценты*». Поскольку я закончил университет, проблем не было. В Минске работала Высшая партийная школа, которая готовила кадры для политической работы в системе районных, городских комитетов КПСС в республике. Руководство партшколы пригласило меня и туда. Пришлось «*акценты поведения*» преподавать и здесь. Наконец, пришел черед и колледжа народного хозяйства, где я преподавал «*Культуру делового общения*». Мне пришлось полагаться на те советские стандарты, которые царили в СССР, или, опираясь на идеи Дейла Карнеги, которые я черпал из скудных источников – тех брошюр, которые были мне доступны, из публикаций журнала «ЭКО» или из академических библиографических выпусков. На дворе были 1979-1985 годы...

Мы жили в иной системе ценностей по сравнению с теми, о которых писал Дейл Карнеги. Наши «*тревоги*» имели иной ракурс. Это было время беспокойства за выполнение производственного плана, реализацию задач досрочного выполнения производственных заданий, со всеми вытекающими последствиями: получение премий, переходящих знамен и вымпелов победителей, беспокойство за победу в социалистическом соревновании с такими же коллегами, как и мы. Тревоги за выполнение объемов работ за тех, кто «*отправился на уборку урожая*» в колхоз из заводских цехов сроком на месяц-другой. Или на рубку молодых веток кустарников для закладки силоса крупному рогатому скоту. Да, у нас были иные тревоги. Мы не боялись потерять работу из-за закрытия завода. Кризис биржи нам не грозил, потому что их просто не было! Да, мы тревожились за здоровье своих детей, близких нам людей, отсутствия в магазинах

товаров, которые почему-то *превращались в дефицит* слишком часто. Но к этим причинам тревог мы быстро привыкали, потому что они длились годами и к такому режиму нашей жизни люди приспосабливались без особых переживаний.

Философия Дейла Карнеги об отношении к дню *вчерашнему, сегодняшнему и завтрашнему* нам была непонятна. Старую русскую поговорку: «Утро вечера мудренее» мы повторяли в основном нашим детям, когда они пересиживали за телевизором. Сами взрослые, случалось, с днем вчерашним нередко расставались с трудом, потому что назавтра возникали проблемы, решить которые было сложнее, чем вчера. Жить сегодняшним днем призывали вовсе не мудрецы, а люди, лишенные надежд на успех или удачу в дне завтрашнем. У нас был явный перекос по отношению к завтрашнему дню, потому что о «*светлом будущем*» власть твердила десятилетиями. Когда КПСС объявила, что «*Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме*», наше «*завтра*» стало уже почти конкретным. Те, кто знал свой возраст, рассчитывали некое число лет «*проживания*» и «*доживания*». Однако сделать сказку былью не удавалось. Невозможно было представить в завтрашнем дне круг наших повседневных, то есть сегодняшних проблем, дефицитов и нужд, удовлетворить которые не удавалось десятилетиями! В светлое будущее мы верили и не верили. В зависимости от возраста, занимаемой должности и даже пола. Молодые женщины, родив ребенка, шептали, глядя на него: «*Ну ты доживешь до коммунизма, мой мальчик (или моя девочка)*». Старики, глядя на внуков, с разными оттенками чувств приговаривали: «*Я-то не доживу, а вот тебе удастся...*» Директор завода об этом не думал, было не до того. Ученый говорил с трибуны о «*светлом завтрашнем дне*», хотя привычка к объективной оценке реальности брала свое. Оценивая итоги сегодняшнего дня, он (она) ждали итогов своих исследований в конкретном результате, а не в декларациях ЦК КПСС. Реальность *сегодняшняя* разрушала надежды *завтрашнего* дня. Почему? Потому что в жизни, в главном, мало что менялось. Уход дня *вчерашнего* в вечность, впечатлений не оставлял. Неизменность протекавшей перед нами реальности была очевидной. У каждого из нас суть сегодняшнего, происходящее *завтра* и ожидаемое *на третий день* – не менялись. Вот почему понять логику Дейла Карнеги, разлитую по его книге «*Как перестать беспокоиться и начать жить*», мне было непросто. Отрывки из книг Дейла Карнеги,

публиковавшиеся в журнале «ЭКО» в конце семидесятых и в начале восьмидесятых, обладали странной *суггестией*. Они не забывались, хотя критиков идей Карнеги было достаточно и в СССР...

...Когда я получил доступ к республиканскому телевидению, требовалось к каждой программе готовить что-то необычное. Я решил организовать сеть школ «Диалог», в которые принимал всех желающих молодых людей в возрасте от 20 до 30 лет, готовых обучаться навыкам «*эффективных человеческих отношений*». После телевизионных программ, радиопередач, лекций во множестве институтов привлечь к моим курсам молодых людей труда не составляло. К тому же местные власти стали предоставлять мне вполне достойные помещения для проведения занятий. Профсоюзные клубы, домовые комитеты не требовали никакой оплаты. В каждой школе возникали инициативные группы, которые готовили помещения к проведению занятий, в надежде, что я открою именно в них свою группу «*Диалог*». Занятия проводились каждый день недели. Программы предусматривали множество тем: «*Формирование внешнего облика*»; «*Знакомство*»; «*Умение себя представлять*»; «*Поведение за столом*»; «*Навыки поддержания разговора в стихии обыденных встреч незнакомых людей*»; «*Культура речи в дружеском общении*»; «*Умелый комплимент в деловой атмосфере*»; «*Поведение в ситуации сильного душевного расстройства*»; «*Написание дружелюбного письма в адрес родственника*»; «*Изложение критического мнения*» и т. п. Я стал привлекать к урокам в группах «*Диалог*» специалистов из так называемой «*Сферы обслуживания*». Приходили парикмахеры, маникюристы, работники ресторанов: повара, специалисты по винам, прохладительным напиткам, закускам и т. п. Часть занятий в группах «*Диалог*» транслировалась в моих телепрограммах «*Акценты*». Оказалось, что целый сегмент так называемой «*обыденной, повседневной культуры*», изгнанный большевиками в годы революционных преобразований, надолго выпал из практики «*советских людей*». Рабочий класс, крестьянство и социалистическая интеллигенция «*культурой поведения*» озабочены не были. Пришло время, и власти громогласно провозгласили народу, что «*нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!*» Разумеется, лидеры правящей партии не представляли *коммунизм* без *многообразия культуры человеческих отношений*. Тогда-то «Этикет», забытый на семьдесят лет строителями нового общества, начал возвращаться в *практику* культуры коммуникаций. Как ни странно, но именно

Дейл Карнеги «*дал толчок*» в СССР этому явлению. Во всяком случае там, где я обнаружил его идеи, живя в Белоруссии...

...Итак, лед тронулся! Раз в месяц выходила моя телепрограмма «*Акценты*». Раз в неделю я беседовал с подростками в радиостудии на программе: «*Нет безвыходных ситуаций*». Каждый день я приходил в колледж иностранных языков читать лекции и проводить семинары и практические занятия по курсу «*Культура поведения педагога*», а в колледже народного хозяйства – курс «*Культура деловых отношений*». Аналогичный курс читался мной и в Минской высшей партийной школе. В 1985-1990 годах курсы «*Диалог*» работали повсеместно, где молодежь обретала навыки культуры социального поведения и основы публичных выступлений. Я черпал идеи из книг Дейла Карнеги, уже появившиеся в свободной продаже: «*Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично*». Через эти школы у меня прошли почти пятьсот человек, а сотни тысяч смотрели и слушали мои теле- и радиопрограммы. Нагрузки на меня оказались просто чудовищными! Того размаха, которого сумел добиться Дейл Карнеги, о котором я мог судить, когда приехал в Америку и стал читать о его жизни книги, мне добиться не удалось. К тому же здоровье в 1992 году было окончательно подорвано, и я уехал в США...

II.

Почти два года – с 1990 по сентябрь 1992 (время моего отъезда в США) – было посвящено непрерывному чтению книг Дейла Карнеги и завершению моей собственной, в частности «*Красота общения*». Я чувствовал необходимость глубоко понять личность Дейла Карнеги, его судьбу, истоки его творчества. Необходимо было понять скрытый смысл его идей, эмоций, а главное – тайны его удивительного *влияния* на людей. Судя по содержанию его книг, когда они стали доступны в СССР в конце восьмидесятых, мне показалось, что его идеи были очень эффективными для выживания среднего класса капиталистического общества. Особенно в периоды возникавших там экономических кризисов. Тому, что методы самопомощи, на которые Дейл Карнеги делал ставку, помогали людям выходить из множества сложных ситуаций, возражать было бессмысленно. Да, проблемы, решение которых требуют психологической подготовки, серьезной интеллектуальной работы над собой, были очевидны! Пришлось поверить, что в США, в начале прошлого века, сложился именно такой режим жизни. Узнав, что первая книга Дейла Карнеги по самоконтролю и влиянию на людей в процессе публичных выступлений появилась в 1912 году, я шестьдесят пять лет спустя, открыв свою первую студию «*Диалог*», столкнулся с теми же проблемами, которые описаны в книгах Дейла Карнеги. Люди не могли связать два-три слова. Мыслить логически. Они скорее кричали в дискуссиях, чем раскрывали суть своих идей. Они переходили грани допустимого в поведении, забывая об уважении к собеседнику. Смысл слов путался. Публичное выступление для советского человека конца XX века было таким же проблематичным и болезненным явлением, как и для американца периода начала того же века. Разница в общественно-политических системах США и СССР не имела значения. Школа ораторского искусства как в США при Карнеги, так и в СССР в начале семидесятых в продолжении восьмидесятых, вплоть до девяностых требовала достижения быстрого и эффективного *публичного* мышления.

Прикладная психология занимала особое место в палитре методов, разработанных Дейлом Карнеги и используемых в процессе преподавания на курсах ораторского искусства. Он также обращался к опыту прошлых цивилизаций. Я же такой широкий спектр методов обучения

не охватывал. Мои курсы в группах «*Диалог*» ограничивались узким кругом задач: научить думать *в присутствии большого количества людей; слышать аргументы в дискуссии; точно знать и использовать значения слов; строить точные речевые формулы; уметь находить противоречия в тезисах, изложенных собеседником; научиться сохранять самообладание при изложении аргументов; освоить мимику и интонацию; выстроить безупречный стандарт внешнего облика участника диалога.* То есть я был вынужден обратиться к школьной программе Дейла Карнеги, о которой частично узнал из предисловий к его книгам, написанных советскими учеными, представившими его книги советским читателям. Разумеется, я не знал подробностей детства Карнеги, его отрочества, деталей полученного им образования.

В группах «*Диалог*» мне удалось проделать предварительную работу, подготовив своих учеников к следующему процессу, уже подробно описанному Дейлом Карнеги в его книге: *«Как развить уверенность в себе и оказывать влияние на людей, выступая публично»*. Однако я должен был знать жизнь этого человека! Но под рукой у меня не было никаких источников! Эти трудные годы прошли, и в сентябре 1992 года я, переехав в США, начал изучение жизненного пути и творческого опыта Дейла Карнеги...

...Дейл Брекенридж Карнеги (Dale Breckenridge Carnegie) родился 24 ноября 1888 года в Мэривилле (Maryville), штат Миссури (Missouri), США (USA). Его отец, Джон Уильям Карнаджи (John William Carnagee), (1852–1941), был фермером. Позже Дейл немного изменит написание своего второго имени и станет Carnegie. Его мать, Аманда Элизабет (Amanda Elizabeth), урожденная Харбисон (Harbison), (1858–1939), преподавала в школе и помогала мужу на ферме и по домашнему хозяйству. У четы Карнаджи родился первый ребенок – Гомер Клифтон Карнаджи (Homer Clifton Carnagee) – 5 ноября 1885 года в Оррсбурге (Orrsburg), штат Миссури (Missouri). Денег в семье не хватало, и младшему Дейлу приходилось носить одежду старшего брата. Дети вставали в 5 утра, доили коров и только потом уходили в школу. Дела на ферме шли не очень хорошо. После сильных дождей посевы тонули в воде. Поголовье свиней было уничтожено инфекцией. Мальчик помнит эпизод, когда ему достались... галоши. Ему тогда было четырнадцать лет. Он был счастлив, потому что в непогоду его ноги были сухими. Второе событие было не менее значительным, когда отец, на день его рождения, подарил сыну десять центов.

Для ребенка это было настоящим сокровищем! Дейл вырос в Бедисоне (Bedison), штат Миссури, к юго-востоку от Мэривилля (Maryville), где посещал сельскую школу Роуз-Хилл (Rose Hill) и Хармони (Harmony). Со временем его семья переехала на ферму в Уорренсбурге (Warrensburg), штат Миссури. Случилось это в 1904 году, когда ему исполнилось 16 лет. Свои школьные годы Дейл Карнаджи вспоминал с грустью. Сторонился одноклассников, стыдясь своей бедности. Возникавшие комплексы затрудняли общение со сверстниками, вызывая стеснительность и даже робость. К тому же у мальчика просто не было времени на обыденное общение. Особенно вне школы. Он трудился наравне со взрослыми, не располагая временем даже на школьные уроки.

В старших классах он неожиданно заинтересовался уроками *красноречия*. Честно говоря, Дейл приходил на занятия, чтобы избавиться от гнетущего его одиночества. Именно на этих классных ассамблеях выяснилось, насколько выразительна его речь. Это природное дарование оказалось неожиданным и для самого Дейла, хотя именно эта его способность вызвала у сверстников зависть и привлекала к нему внимание одноклассников. Тем не менее Дейл, завершая школу, о продолжении образования и думать не мог. Семье нужны были его руки, а заботы на ферме отнимали много сил и времени. И тем не менее он любил выступать перед школьной публикой и даже часто присоединялся к школьной команде, участвовавшей в соревновательных дебатах, занимая призовые места. Это не осталось без внимания

семьи, хотя и не сокращало время его забот на домашней ферме. Хлеб свой насущный «юный оратор» зарабатывал все так же трудно и старательно, как и все домочадцы. В восемнадцать лет, в 1906 году, Дейл закончил среднюю школу. Несмотря на бедственное положение семьи, родители решили, что сыновья должны получить достойное образование. Разумеется, с учетом тех возможностей, которые тогда существовали. Дейл стал студентом педагогического колледжа. Обучение в нем было бесплатным. Параллельно с учебой Дейл продолжал развивать свои ораторские способности. Глядя в зал, где сидели его слушатели, видя их реакцию на свою речь, Дейл замечал *магию* звучащего слова, своего голоса и своего облика. Эти чувства вызывали в нем нечто похожее на удовольствие от хорошо сделанного дела. Не будучи уверенным, в какой мере его дарование может пригодиться в будущем, Дейл постепенно осознавал, что в его природном даровании есть не просто красноречие, но и способность влиять на людей, вызывая в них эмоции и переживания своим выступлением. Тогда же мелькнула мысль, что в его душевном складе есть еще и нечто артистическое. Пытаясь проверить это, он, выступая перед аудиторией, рассказывал что-то смешное или впечатлительное, вызывая у слушателей соответствующие эмоции. Постепенно у него возникали мысли об артистической карьере...

Во время учебы в колледже Дейл все свободные от занятий минуты посвящал чтению, поглощая множество книг самого различного содержания. Его увлекала история, дела давно минувших веков и цивилизаций. Но особенно стали привлекать биографии знаменитостей. По-видимому, неравномерность ритма жизни, учебы, увлечений стали приводить его к нервным срывам, мешавшим интеллектуальной сосредоточенности в процессе учебы. Трудный экзамен по латинскому языку Дейл провалил. С колледжем ему пришлось расстаться.

Началась самостоятельная жизнь. Однако Дейл не унывал. Он решил открыть курсы для фермеров, разумеется, платные, хотя эта идея не очень его удовлетворяла. К нему приходили местные фермеры, но копеечные гонорары и не слишком старательные слушатели удовлетворить его амбиций не могли. Занятия вскоре наскучили. Начинающий педагог стал осознавать, что хочет достичь в жизни гораздо больших вершин, а не трудиться деревенским учителем.

Дейл находит себе новую работу – торговый агент компании по продаже мясной продукции Armour & Company. Размышляя

о предстоявшей работе, Дейл понимал, что торговый агент может быть эффективен и принести результат только в случае, если он *убедителен*, способен *внушить* потребителю *свои оценки продукции*. Дейл говорить *ярко* умел. Был способен *внушить* людям свою правоту. Мог убеждать. Стало быть, имеет смысл взяться за дело! К тому же, начав работать коммивояжером, он изучал *реакцию клиентов*. Случалось, менял свою позицию, умело разыгрывая факт своего *недомыслия*. Благодарил клиента за умелую *подсказку*, обнаруживая искусство *компромисса* в публичном диалоге.

Должен признаться, что эти *возможности* Дейла Карнеги, в момент построения принципов исполнения им работы в компании, в которой он начал трудиться, скорее всего, были итогом его *личных* обыденных размышлений. У него были краткие инструкции работодателя, и, получив работу, с перечнем обязанностей, он окунулся в *стихию* их исполнения. Критерии успеха были просты: следовало продать побольше и принести выгоду своей компании! Практика коммивояжера стала подсказывать, *что* он должен делать, чтобы этого достичь. Вполне возможно, что более старшие его коллеги уже могли поделиться своим опытом. Но в это трудно поверить, потому что в их ряды влился молодой, энергичный человек, жаждавший, как и они, заработать деньги. Делиться с ним своим опытом? Зачем? Выращивать себе конкурента? Неразумно... Таковыми было реальные обстоятельства, с которыми он столкнулся.

Со временем Дейл научился самостоятельно делать выводы, связанные с оценкой продаваемой им продукции. Они укладывались в короткие и, как ему казалось, убедительные рекомендации клиентам, адресуя их внимание к продукции, которую он им предлагал. Эти рекомендации, как ему казалось, имело смысл использовать, потому что они были, с его точки зрения, объективно полезны! В них сочетались представления изготовителя и постепенно накапливающийся опыт экспертного изучения продукта самого Карнеги. Прошло время, и настал момент, когда Дейл решил перечень этих советов и рекомендаций опубликовать. Его мотив был понятен: эти рекомендации – продукт усилий его ума. Результат его собственного опыта. Почему он должен относиться к нему с недоверием?

В процессе его работы в Armour & Company ему исполнилось 22 года. «*Дейл Карнаджи отправился в свой решительный поиск по продаже продукции Armor & Company в рамках великой революции*

продаж в начале 1900-х годов. Он обнаружил, что жизнь в дороге полна испытаний. Работая на своей территории в Южной Дакоте (South Dakota), он быстро обнаружил, что погода на севере Великих равнин может помешать и утомить даже самого выносливого коммивояжера». Пишет Stiven Watts, автор биографической книги о жизни Дейла Карнеги: «*Self-help messiah, Dale Carnegie and success in modern America*»[1]. Но Карнаджи (я буду так употреблять его имя, пока не придет время его замечательного «трюка» и он станет «Карнеги») полон решимости преодолеть все препятствия, встречавшиеся на его пути профессионального коммивояжера. Не теряя самообладания на своем пути и в мороз, и в жару, он пишет своей матери письма, в которых выражается его истинное отношение к произошедшим событиям и обстоятельствам, с которыми он сталкивался на своем пути. «*Я так хотел добиться успеха, что долгие часы работы, неудобные кровати и пропуски еды ничего для меня не значили,* – писал он. – *Я не возражал... Это было бесконечно легче, чем изнурительная работа по стрижке сорняков и кустарников на ферме*». Лишь изредка он поддавался эмоциям одиночества, как это произошло в июле 1910 года: «*Пока я сижу здесь в ожидании поезда, я пишу о том, что, как я, наконец, понял, лучшим другом, который у меня когда-либо был или будет, – моя мать*».

В течение нескольких недель после начала работы в Armour & Company Карнаджи установил связи с торговцами, применил свою трудовую этику и обзавелся друзьями. Опыт и навыки росли, питая его уверенность в себе. Его карьера *продавца* начала процветать. Письма домой были наполнены не только описаниями тяжелой работы и ощущением усталости, но уже были полны гордых отчетов об успехах в продажах. Летом 1909 года он писал матери: «*В прошлом месяце я был шестым из 112 маршрутных продавцов чистого сала*». В начале февраля 1910 года он сообщил, что занял десятое место среди продавцов по объему и прибыли, а через несколько недель после этого занял уже третье место. К лету 1910 года он сообщил своей семье: «*На этой неделе мне очень повезло с продажей товаров, и я верю, что рекорды дадут мне первое место*».

Самое время ощущать сверхценность своего «Я». Осознавать свою

1. Steven Watts «Self-Help Messian. Dale Carnegie and Success in modern America.» OTHER PRESS, New York 2013, p.p. 71.

значительность. На фоне деятельности по зарабатыванию денег возникал прилив энтузиазма. Хотя отчасти успех Дейла Карнаджи можно было объяснить упорным трудом и хорошим продуктом, который он успешно продавал. Однако результат его труда был итогом придирчивого применения складывающихся личных навыков Карнаджи, а главное – *изучения методов торгового дела.* Встречаясь с владельцами магазинов, он осознавал необходимость установления *личных отношений*, а затем их поддержания, чтобы успешно продавать товары.

Успех коммивояжера гарантировал его *приятный характер и легкость контактов при встречах и общении с людьми. Использование веселых историй или анекдотов для привлечения внимания, переключение его к своему продукту.* Благодаря своему опыту публичных выступлений и природному энтузиазму Карнаджи становился искусным коммивояжером. Он чувствовал, что искусство продаж заключается в *удовлетворении человеческих желаний.* Кстати, эту тему многие психологи начали исследовать в начале 1900-х годов. Как заметил один наблюдатель годы спустя, книга Карнаджи «*Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*» была «*...основана на уроках, которые автор усвоил, работая продавцом в компании Armour*». Улыбаться, интересоваться другими людьми, избегать споров, запоминать имена людей, побуждать других говорить о себе, быть хорошим слушателем, использовать поощрение и похвалу, помогать другому человеку чувствовать себя важным. Все эти акценты осмысливались Дейлом в его коммивояжерской практике, складывавшейся в движении по пыльным дорогам, в шумных универсальных магазинах Южной Дакоты начала 1900-х годов.

Успех Карнаджи как продавца принес ему чувство финансовой безопасности, и на этом фоне стали складываться изысканные вкусы. Менялось отношение к собственному облику. Складывались личные интересы. Дейлу предстояло многое исправить из того, к чему его приучила суровая и аскетическая реальность отрочества. Его юность стала иной. Он начал хорошо зарабатывать, замечая, что оставался в неведении относительно опыта обладания личными финансами. Они хоть и медленно, но уже *начинали* накапливаться. Разумеется, после обязательных платежей, о которых Дейл никогда не забывал.

Вот что об этом периоде пишет Steven Watts в своей книге «*Self-Help Messiah – Dale Carnegie and success in modern America*»:

> By early 1910, he was sending his parents checks for $370 to pay for their farm and reminding them of another $200 that he asked them to deposit into his Citizens Bank account. Even more tellingly, he asked his father to «sign a promissory note for that $570 with a promise to pay it on demand without interest, and also a promissory note promising to pay that $420 upon the settlement of the inheritance or something like that.» He explained his rationale: «There is no harm in running a business on business-like principles. I have understood this since I started working in a wholesale store.» Here is a new Dale Carnagey, a man of the world, business savvy and sophisticated in appearance, confidently throwing off the old family albatross of poverty.[1]
>
> «К началу 1910 года он посылал своим родителям чеки на 370 долларов для оплаты фермы и напоминал им еще о 200 долларах, которые он просил положить на его счет в Citizens Bank. Еще более показательно то, что он попросил отца «подписать вексель на эти 570 долларов с обещанием уплатить их по требованию без процентов, а также вексель с обещанием выплатить эти 420 долларов при выплате наследства или что-то в этом роде». Он объяснил свое обоснование: «Нет никакого вреда в ведении бизнеса на принципах, подобных деловым. Я это понял с тех пор, как начал работать в оптовом магазине». Вот новый Дейл Карнаджи, светский человек, подкованный в бизнесе и с утонченной внешностью, уверенно сбрасывающий с себя старый семейный образ бедности.

Тем не менее к поздней осени 1910 года его начало охватывать странное беспокойство. Казалось бы, все складывалось в мясном бизнесе замечательно! Найдена хорошая работа. Заработки растут. Но Дейла полностью удовлетворить складывающийся успех почему-то не мог. Это был момент, когда в его молодой душе начинали созревать пока не очень отчетливые признаки новизны, требующей выхода. Да, он накопил достаточно денег. Озабоченность прошедших усилий в создании некоего финансового равновесия стала исчезать. На этом фоне его первое увлечение, *красноречие*, подавить которое было невозможно, пробудилось вновь. Публичные выступления... На это надо было решиться! А это было непросто...

1. Steven Watts «Self-Help Messian. Dale Carnegie and Success in modern America.» OTHER PRESS, New York 2013, p.p. 72.

Наконец, он оставил свою должность, даже желание издать книгу полезных советов, используемых в коммивояжерской практике, и уехал в Бостон. Там он посетил одну из школ *интерпретации поэтических текстов*. Причем так, чтобы, как он писал: «*Я мог бы отправиться в путешествие по Чатокуа и зарабатывать на жизнь интерпретацией стихов и рассказов, которые написал сам*». По-видимому, *творческие начала* в его душе никуда не исчезли. Они ждали своего времени, и, когда однажды Дейл посетил школу, в которой учился, встретившись с учителями, услышав их оценки своего поэтического творчества времен раннего отрочества, был крайне *возбужден* их похвалой. Это осталось в памяти, как и те впечатления, которые сам Дейл, примерно в тот же период, оставил в памяти сверстников своим успешным участием в классных дискуссиях на уроках красноречия.

Возраст честолюбивых планов, амбициозных проектов, бесстрашных рисков возник именно тогда, когда первые успехи в мясном бизнесе, первые накопленные деньги «*развязывали руки*» одаренной личности. Дейл, переживший тяжкие уроки бедности в детстве, застенчивость на пороге отрочества, неуверенность романтических порывов ранней юности, жаждал яркого самоутверждения. Теперь в реализации его желания ничто не вызывало опасений.

В такие минуты жизни каждая встреча или неожиданное знакомство, короткий разговор обещают молодому человеку впечатления, остающиеся надолго, но главное – они вольно или невольно вливают в душу уверенность и готовность к смелым порывам, рискам, не знающим сомнений.

Именно в период созревания пока не очень отчетливых решений, на одобрение которых Дейл Карнаджи не мог рассчитывать ни от коллег, ни от своих родителей, у него произошла случайная встреча. Путешествуя из Бланта в Пьер (Blunt to Pierre) в вагоне грузового поезда, он обнаружил, что сидит рядом с преподобным Расселом – лектором из Епископальной церкви, который ехал, чтобы провести презентацию своих проповедей. Во время дорожного разговора Карнаджи поделился своим планом через несколько недель отправиться в Бостон (Boston), чтобы поступить в школу *поэтического самовыражения*. После долгого разговора под стук колес поезда Рассел предложил Дейлу другой план действий. По словам Карнаджи, пожилой мужчина утверждал: «*Я получил бы гораздо лучшее образование, если бы*

поступил в Американскую академию театральных искусств в Нью-Йорке, самую известную драматическую школу в Соединенных Штатах. Он сказал, что я получу там все, что смогу получить в Бостоне, плюс подготовку к сцене. Я решил поехать в Нью-Йорк». Это было почти мгновенным решением, которое, по словам Карнаджи, *«изменило ход моей жизни».* Так он писал своей матери. Позднее ему пришлось непросто при встрече с родителями. Ни мать, ни отец его действий не одобряли. Более того! Они были ошеломлены, когда сын сообщил о своих планах. Аманда Харбисон (мать Дейла) была шокирована тем, что сын не только отказался от прибыльной должности, приносящей ему устойчивый доход, но и вошел в морально сомнительную сферу актерского искусства, которую его мать считала *«грешной карьерой».* Дейл, как мог, увертывался от материнской критики своих необдуманных, как она была убеждена, действий. Он писал ей: *«Ненавижу идти в профессию против твоей воли, но, выбирая жену или профессию, лучше поступать так, чтобы доставлять удовольствие себе. Итак, я собираюсь поступить в Американскую академию драматических искусств».* Его мать, наконец, смирилась с решением сына, помолившись Богу, чтобы... *«была Его воля, а не ее».*

III.

После ухода с должности продавца в Armor & Company в ноябре 1910 года Карнаджи вернулся домой, чтобы провести рождественские каникулы со своими родителями. В первую неделю января Дейл сел в поезд до Нью-Йорка и отправился в путь. Он очень любил свою мать, но был в себе уверен, а свое решение считал верным. Настроение, омраченное сценами прощания с родителями, с трудом принявшими его решение, было соответствующим. *«Мама поцеловала меня на прощание со слезами, катящимися по ее щекам,* – рассказывал он. *– Она рыдала и рыдала: «О, Дейл, возможно, я никогда тебя больше не увижу».* Но Дейл был сдержан и серьезен. Он скопил значительную сумму денег – достаточную, чтобы оплатить обучение в Американской академии драматических искусств – и еще достаточно, чтобы прожить недорого в течение года. То, что его ждет блестящее будущее, он не сомневался!

Карнаджи прибыл на Пенсильванский вокзал в Нью-Йорке (Penn Station in New York) около полуночи 10 января 1911 года. Приехав

на поезде посреди ночи, одетый в дешевый, мятый, грязный костюм и шляпу-дерби, он нес два дешевых чемодана, наполненных его пожитками, и *«...был удивлен, когда носильщик захотел нести мои сумки...».* Выход со станции на ярко освещенные улицы ошеломил его. *«Я никогда раньше не видел города, который мог бы сравниться с Нью-Йорком. Меня поразили спешащие люди и шум на Пенсильванском вокзале,* – написал он. *– В ту ночь я гулял по вокзалу и улицам, совершенно обезумевший от огней, звуков и людей. Я был типичным деревенским жителем, восхищенным видами Манхэттена».*

Итак, Дейл Карнаджи отказался от мира продаж ради мира театра. Но когда Карнеги появился в густонаселенном мегаполисе Нью-Йорке (New York) в 1911 году, это было только начало долгого и извилистого пути. Принятие решения, касающегося собственной судьбы, для молодого человека – сложный и психологически крайне напряженный акт. Он во многом возникает спонтанно, как часто это бывает у молодых. Решение Дейла, в начале двадцатого века, во многом было по сути сходно с таким актом, характерным для его сверстников в другом конце мира и в другое время – за тридцать лет до исхода XX века. Но *«человеческие отношения»* в обеих временных точках событий оказывались проблематичными с той лишь разницей, что акт Дейла Карнаджи в 1911 году приблизил его к созданию модели *«человеческих отношений»*, развитие которых окончательно закрепили в США его бестселлеры. Они растворились в учебных программах, освоение которых тысячами его учеников дали Америке приток в деловую практику тысяч новаторски мыслящих *бизнесменов*, а индустрии – *менеджеров*, чья деятельность воплощала в жизнь его уникальные идеи...

...В семидесятые годы XX века, работая с группами *«Диалога»*, я отлично понимал необходимость реформ в области социальных и психологических проблем труда. Пытался найти и применить в своих тренинговых курсах методы, позволяющие избегнуть болезненных явлений для участников деловых отношений. Обыденные контакты я пока не мог рассматривать в режиме учебного курса. Их разнообразие охватывало *этнические, возрастные, культурологические* признаки, учитывать которые было крайне затруднительно. Структура *делового контакта* предъявлялась как стандартная модель, в целом хорошо известная моим ученикам. Мы вырабатывали деловую модель контакта в процессе труда, с соблюдением участниками *легитимной*

лексики и стилистики, интонационной культуры, сбалансированной позы говорящего, имеющего статус выше слушающего, контакта, с демонстративным уважением сторон.

Эпизод из жизни Дейла Карнаджи в Нью-Йорке невольно напомнил мне ситуации, возникавшие на курсах в «*Диалогах*». Для меня проблемой было то обстоятельство, что в состав слушателей я принимал юношей и девушек без предварительно отбора. Во-первых, курсы были бесплатными. Во-вторых, я не ставил никаких *особых* целей, приглашая к себе в «*Диалог*» желающих овладеть искусством общения: научиться излагать свои мысли, уметь защищать свои аргументы в обыденном разговоре, сообщать суть своих позиций, в которых излагались исповедуемые ими ценности. В-третьих, я хотел научить искать и получать работу, которая им нравилась. В-четвертых, научиться критиковать тезисы, конкретные проекты или результаты деятельности своих коллег в ситуации конструктивной дискуссии. Больших задач я для своих учеников не ставил. Все зависело от образования моих слушателей или их реального статуса: школьники-старшеклассники, студенты или молодые специалисты. Но для всех общим местом была необходимость *обосновать* свои реальные *идеи и действия,* которые они хотели осуществить, двигаясь к конкретным целям, которые они учились формулировать на занятиях. Каждый из учащихся был обязан оценивать *себя* и свои *возможности*. Научиться делать это с максимальным количеством имеющихся у них *позитивных* признаков. Уметь выявлять их в себе. Оперировать ими. Именно эта тема занятий оказывалась самой трудной. Социальная система, в которой мы все сосуществовали, а именно *социализм*, и та жизненная практика, которая складывалась у всех нас, была умело замаскирована властями и проповедуемой ими идеологией. Жизнь каждого развивалась, основываясь на личных качествах, которые часто не осознавались, а со временем проявлялись, нередко уже в уродливой форме. Природное *лидерство* нередко переплавлялось в *хамство*. *Застенчивость – в замкнутость. Критические оценки – в недоверие или хроническую осторожность*. Яркий *артистизм* личности – в болезненную *истерию. Разумный эгоизм – в равнодушие.*

Цели, которые каждый из моих учеников ставил перед собой, нуждались в адекватном инструментарии, опиравшемся на основы: *этики, психологии, соматики, стандарты коммуникативной культуры* и прочее. Приходилось признавать, что уровень семейного воспитания

был невысок, и усвоение культурных стандартов гражданского общения приходилось признавать низким. Мощным стимулом для человека в усвоении норм общения как обыденного, так и делового оказывалось *позитивное изменение качества жизни.* Однако оно менялось *крайне медленно*. Жизнь трудящегося человека менялась с крайне узким набором позитивных признаков, свидетельствующих о реальных успехах, которые можно было бы достигнуть: *новая квартира, дом, машина, качество еды, качество одежды* и прочее. Стандарты жизни оставались *инертными и однообразными.* Перемены в качестве жизни достигались через *очередь* или так называемый «*спецраспределитель*». Это сильно притормаживало *мотивацию* конструктивных действий людей. Единственной доминантой удовлетворения потребностей оставалось зарабатывание денег, но при наличии разнообразных и нередко весьма острых *дефицитов* в системе *распределения* развивалось *торможение* на пути к повышению *качества* жизни. Так было все шестидесятые годы. Продолжалось вплоть до появления начальной стадии расслоения в советском обществе. Я имею в виду начало брежневской эпохи – конец *семидесятых*, начало *восьмидесятых*. В итоге, мне пришлось ограничить свои усилия и учить своих учеников в системе *«Диалог»: устойчивости в собственной самооценке; эмоциональному самовоспитанию; сбалансированной амбициозности; речевой гибкости; энергичной доброжелательности; элементарной стилистической культуре при составлении деловых и неформальных текстов; мгновенного включения в любой диалоговый контакт; усвоению культурных стандартов внешнего облика; готовности коллегиального сотрудничества*. Весь набор названных навыков гарантировал для личности режим н*аибольшего благоприятствования* со стороны окружающих, независимо от их статуса, а главное – обеспечивал благоприятное решение любых текущих задач, стоящих перед личностью. От стратегических задач личности я отказался. Общество, в котором мы жили, не располагало достойным перечнем целей, достигнув которые личность могла осязаемо ощутить радикальные перемены в качестве своей жизни. Я перешел к усвоению *навыков* достойно разрешать с*итуативное разнообразие* жизненных обстоятельств, в которых оказывалась личность, предвидеть которые, как правило, *было* сложно. Однако принять в них участие было крайне необходимо. Например: *контакт* с вышестоящим субъектом, работающим в... *«режиме хама». Сохранение человеческого достоинства*

как главного условия делового, обыденного и даже агрессивного контакта. *Регулирование режима собственного терпения* при изложении позиций личности, вступившей в контакт с... *вышестоящим хамом.* Стилистика речевого контакта, *исключающая оскорбительную лексику в адрес хама.* Физиология режима саморегуляции *при накале эмоционального контакта с хамом.* Не буду вдаваться в подробности методик, но именно ими я привлекал внимание в своих группах «*Диалог*», приглашая молодых людей. Книга, написанная мной по мотивам этих методик, так и не была принята к публикации. По-видимому, издатели боялись пойти на это из страха дискредитации *«героических будней социализма»*.

Читая книгу воспитанников курсов Дейла Карнеги, Джайлез Кемпа и Эдварда Клафлина, «*...Человек, который влиял на миллионы*» (Giles Kemp and Edward Claflin «*Dale Carnegie – The man who influenced millions»),* я обнаружил, что нечто подобное было и в их учебной практике на курсах.

> When a student stands up in Dale Carnegie class today to talk about his life, the class always applauds the person. Telling his own story, a person automatically and unconditionally gets approval. It takes a certain amount of self-confidence to tell this story. But the result – the applause at the end of this short speech – is an increase in self-esteem. What Carnegie observed in his students was exactly what he saw happening to himself. As you enter the cycle of success, you will continue to expect more from yourself. You'll want to build on every success. That being said, you may find that your self-esteem sometimes needs a boost. But you can achieve this yourself by setting a set of specific goals that you will achieve either in the context of a group or class, or on your own. Anyone who has watched Dale Carnegie in class begins to notice an interesting statistical phenomenon. Out of a class of thirty-five or forty students, within fourteen weeks, eight or nine will report a promotion, a new job, or starting their own business. Of course, the sample obtained from Dale Carnegie's courses is not truly representative of the population as a whole. Most course participants want to get ahead, achieve success or change their lives in some way.[1]

1. Giles Kemp and Edward Claflin «Dale Carnegie. The Man Who Influenced Millions» St. Martin's Press, New-York, 1950 p.p.33-34

> Когда сегодня на занятии курса Дейла Карнеги студент встает, чтобы рассказать что-нибудь о своей жизни, класс всегда приветствует этого человека аплодисментами. *(Кстати, у меня было точно так же! На уроках по выработке эмоциональной самодисциплины, в учебном диалоге личности с хамом удачные реплики, стабильная мимика, сдержанные жестикуляции, оптимальная стилистика, приветствовались бурными аплодисментами).* Рассказывая свою собственную историю, человек автоматически и безоговорочно получает одобрение. Чтобы рассказать эту историю, нужна определенная уверенность в себе. Но результатом – аплодисментов в конце этой короткой речи – является повышение самооценки. То, что Карнеги наблюдал у своих студентов, было именно тем, что он имел, видел происходящее с самим собой. Когда вы войдете в цикл успеха, вы продолжите ожидать от себя большего. Вам захочется развивать каждый успех. При этом вы можете обнаружить, что ваша самооценка иногда нуждается в повышении. Но вы можете добиться этого сами, поставив перед собой ряд определенных целей, которых вы достигнете либо в контексте группы или класса, либо самостоятельно. Любой, кто наблюдал за занятиями Дейла Карнеги, начинает замечать интересный статистический феномен. Из класса, состоящего из тридцати пяти или сорока студентов, в течение четырнадцати недель восемь или девять сообщат о повышении по службе, новой работе или открытии собственного бизнеса. Конечно, выборка, полученная на курсах Дейла Карнеги, на самом деле не является репрезентативной для населения в целом. Большинство участников курса хотят продвинуться вперед, добиться успеха или каким-то образом изменить свою жизнь. Вероятно, именно поэтому они в первую очередь присоединяются к курсу.

Тогда, в 1972 году, у меня складывался мой, собственный опыт. Я знал, что есть такой американец, Дейл Карнеги, и читал скупые фрагменты из его книг по публикациям в журнале «ЭКО», издававшемся в Новосибирске. Когда же я приехал в США и узнал все подробности его школы, я был поражен сходством в выработке содержания тех разрабатываемых методов и усилий, которые мы оба, в разной мере успешности, прилагали к созданию новых стандартов *«человеческих отношений»* в тех социальных системах, в которых мы жили.

Читая книгу Джайлеза Кемпа и Эдварда Клафлина «Человек, который влиял на миллионы», посвященную жизнеописанию Дейла Карнеги, невольно убеждаешься в связи сложности его жизненного пути с теми последующими открытиями, которые Дейл делал на своем жизненном пути. «*При поддержке матери Дейл выступил с рядом речей в воскресной школе. «Каким бы бедным я ни был,* – вспоминал он – *я обнаружил, что могу, по крайней мере, встать и говорить с немного большей энергией и энтузиазмом, чем средний оратор*». Думаю, что в этих словах – как минимум проявление уверенности в себе и чувство собственного достоинства. Да, надо отдать должное и его матери, Аманде Карнаджи, чья религиозность и следование традициям веры своего времени вызывали у сына глубокое уважение. Духовное влияние матери на Дейла было очевидным: и в детские годы, и на подросте, и в годы юношеского самоопределения. И вместе с тем внутреннее осознание своего природного артистизма заставляет Дейла Карнаджи проявить силу характера и не идти вслед за мнением матери, призывающей сына отказаться от сделанного им выбора, противного ее религиозным чувствам. Миг выбора наступил, и он решает избрать Американскую академию драматического искусства в Нью-Йорке в качестве следующего своего судьбоносного акта. Как оказалось, именно этот выбор стал своеобразным двигателем на пути Дейла к главным целям его жизни. Надо признать, что выбор актерского искусства интуитивно привлекал Дейла Карнаджи в процессе разработки практик «*человеческих отношений*». Кстати, как и меня, когда я готовился открыть в Минске сеть школ «*Диалог*». Я приходил на репетиции в Русский драмтеатр в Минске и смотрел, как работает с артистами тот или иной режиссер. Затем, приходя на спектакли, я видел воплощение идей этого режиссера в сценической роли конкретных артистов, репетиции с которыми мне довелось посещать. Моя дипломная работа, когда я заканчивал Саратовский университет, также была построена на театральной практике. Я писал свою выпускную работу, при завершении высшего образования, опираясь на связь *психологии, социологии и актерского мастерства*. Не вдаваясь в подробности сути моей работы, хочу сказать, что, изучая литературный язык, стилистику и все прочие функции языка, я пытался понять, как звучание языка, его смыслы, фонетическая культура и прочее влияли на формирование *образа*, который был создан драматургом, а воплощался на театральной сцене режиссером и артистом. Идеи драмы, воспринимаемые зрителем через слух и зрение, а иногда и просто при прослушивании радиоспектакля, оформляются в его эмоциях в целостную картину. В ней отражаются убеждения, затрагивающие вкусы, побуждения зрителей или слушателей. Если они живут происходящими на сцене действиями актеров, реагируют на их реплики, сценические акты, то многое зависит от того, насколько талантливо артистам удается донести слова, мысли, жесты, действия до зрителя.

Я приглашал на занятия в «*Диалоге*» артистов. Они разыгрывали сцены перед моими учениками. Сюжеты я брал из готовых спектаклей или писал короткие сценки сам, в учебных целях. Например, сюжет разговора двух актеров, один из которых играл роль просителя в кабинете у прокурора, а второй – самого прокурора. В зависимости от целей сцены, роль прокурора была с признаками откровенного *хама* или *жулика*, намекавшего на желательную *взятку*, для разрешения *криминальной* или *административной* проблемы. Мои ученики «вживую» видели инструментарий, используемый в той или иной разыгрываемой ситуации. Я комментировал возможные *психологические* или *этические* последствия, возникавшие в показанных артистами сцене. Показывал я и позитивную *модель* поведения должностного лица, которую можно было бы назвать «*идеальной*». Я приглашал учеников в кинотеатр, и мы смотрели фильм, в котором показывались изложенные советским кинематографом *позитивные* сцены из *деловой практики.* Я анализировал внешний облик киногероя, его *интонации, жесты, лексику, стилистику* его языка. Так я пытался выработать в сознании своих учеников версии «*человеческих отношений*» в условиях делового общения, практикуемого в условиях социалистических общественных отношений, которые им следовало усвоить и применять в своей деловой или обыденной практике.

Однако я отвлекся. Читаю книгу Джайлеза Кемпа и Эдварда Клафлина (Jiles Kemp and Edward Claflin) с их оценками образования, полученного Дейлом Карнеги в Академии драматического искусства.

> He certainly received an excellent education in the fundamentals of acting during the six intensive months the students spent at the school. Classes in reading, movement, fencing and interpretation alternated with training in pantomime, voice production, articulation, theater history and the practice of acting in comedy, «dramatic» theater and on the modern stage...

> Он, безусловно, получил прекрасное образование по основам актерского мастерства за шесть интенсивных месяцев, которые студенты провели в школе. Занятия по чтению, движению, фехтованию и интерпретации чередовались с обучением пантомиме, постановке голоса, артикуляции, истории театра и практикой актерского мастерства в комедии, «драматическом» театре и на современной сцене...[1]

На изучение драматического искусства уходит немало времени. По окончании Академии Карнеги прошел прослушивание на роль в одной из четырех гастрольных трупп «Полли из цирка» Молли Мэйо (Molly Mayo). К его изумлению, прослушивание завершилось словами, которые больше всего хочет услышать каждый молодой целеустремленный актер: «Молодой человек, вы получили роль!» Взволнованный неожиданной новостью, Карнаджи оплатил счет в своем пансионе и отправился в путешествие на сорок две с половиной недели... Он был лишь одним из более чем двадцати семи человек, завершивших обучение.

Итак, Дейл принимает участие в шоу гастролирующей труппы. Увы, шоу провалилось. Он оказался без работы. Однако время обучения в Академии драматического искусства дало свои результаты. Если учесть, что в природном артистизме Дейла Карнаджи открылся творческий взгляд на жизнь, проявился неповторимый стиль мышления, возник оригинальный подход к осмыслению реальных жизненных проблем. Все эти свойства проявятся в его обыденной практике и последующем творчестве. Нестандартное мышление, нахождение неожиданных решений сложных проблем, быстрая адаптация к новым ситуациям, привлечение внимания, благодаря его оригинальности, становятся все более очевидными. Дейл Карнаджи, будучи человеком искусства, был очень эмоционален. Это позволило ему понять и выразить свои переживания. При этом ему вовсе не обязательно было быть профессиональным художником или музыкантом. Его артистические качества выражались в его общении, делая его взаимодействие с людьми энергичным и впечатляющим, а его решения проблем – неожиданными и творческими. Более того, артистизм сделал Дейла Карнеги изобретательным, что стало важной составляющей

1. Giles Kemp and Edward Claflin «Dale Carnegie. The Man Who Influenced Millions» St. Martin's Press, New-York, 1950 p.p.47

его жизни, в которой он стремился выделиться, добиться эффектных результатов и привнести оригинальность. Интуитивно Дейл Карнаджи чувствовал этот свой духовный ресурс и, потерпев неудачу в театральной постановке, ничуть не пожалел, что потратил почти целый год на освоение техники и практики воплощения своего природного таланта в сценической практике. Размышляя о первых двух десятилетиях жизни Дейла Карнаджи, я понимаю противоречивость этого времени, в котором первая половина была связана с сокрушительной зависимостью от бедности. Но вторая была началом расцвета его природных дарований: артистизма и красноречия. Воображение и творчество не были подавлены тяжестью бедности, хотя самовыражение его было чрезвычайно затруднено из-за ограниченности жизненных ресурсов. Артистизм дал ему необычный взгляд на мир. Готовность мыслить творчески подтолкнула его к экспериментам. Кроме того, очевидная способность красноречиво выражать свои мысли, наряду с артистизмом, приводила к нестандартным решениям в области своего жизненного самоопределения. Работая агентом в Armor & Company, он начал развивать психологический инструмент артистизма: эмпатию, усваивая способность понимания чужого (другого) переживания и адекватного отклика на него. Если учесть, что в содержании этого переживания различают когнитивную составляющую, то смысл процесса содержит понимание другой личности, соучастие в ее переживаниях. Если учесть, что сам термин «empathy» был введен сравнительно недавно, профессором Э. Титченером (E. Titchener) в 1909 году в качестве англоязычного эквивалента с немецкого «Einfühlung» (вчувствование), его смысл начал усваиваться Дейлом Карнаджи в практике обучения в Академии...

Потратив время на поиски театральной перспективы в Нью-Йорке, он обратился к недавнему своему опыту коммивояжера в Armor & Company. Как пишет Steven Watts в своей книге «Self-help messiah Dale Carnegie and Success in Modern America»:

> Carnagey spent a couple of weeks in New York, half-heartedly perusing trade papers and visiting producers' offices in search of... acting work. But he had already come to a conclusion about his future: «The theater seemed too uncertain to me, and I left.»[1]

1. Steven Watts «Dale Carnegie and success in Modern America» Other press, New York 1952 p.p.81

> Карнаджи провел пару недель в Нью-Йорке, без особого энтузиазма просматривая отраслевые газеты и посещая приемные продюсеров в поисках... актерской работы. Но он уже пришел к выводу о своем будущем: «Театр показался мне слишком неопределенным, и я ушел».

Итак, после непродолжительных поисков и размышлений Карнаджи вернулся в мир продаж. Работа в недавнем прошлом в Armor & Company, причем достаточно успешная, подстегивала его амбиции. Взрывной экономический рост в США привел к быстрому расширению потребительского рынка. К тому же рост иммиграции из Южной и Восточной Европы привел к резкому росту населения. Но, пожалуй, самым поразительным событием стал *бензиновый транспорт*. Генри Форд представил недорогую серийную модель в 1908 году, как доступный автомобиль для граждан со скромными экономическими возможностями, и в течение следующего десятилетия она обогнала всех конкурентов. Это было заметно, и Дейл Карнаджи понял, что в этой отрасли экономики он может найти свою нишу занятости. За несколько лет он принял участие в трех проектах, связанных с продажей автомобилей. После возвращения в Нью-Йорк из неудавшегося для его театральной карьеры турне *Polly of the Circus*, он, в мае 1912 года, встретившись с знакомым, услышал от него соблазнительное предложение заняться бизнесом. Он обеспечивал капитал, а Карнаджи выполнял всю работу по продажам и рекламе. Дейлу показалось, что навыки его прошлой работы в мясной отрасли могут ему пригодиться здесь. Приятель, его звали Пармали (Parmali), приобрел несколько легковых и грузовых автомобилей. Ему показалось, что от их перепродажи можно получить хорошие деньги. Карнаджи согласился. Приятели обзавелись небольшим кабинетом с письменным столом. Свою компанию приятели назвали «*Мериден Мотор Компани*» («Meriden Motor Company»). Карнаджи был доволен началом своей работы. Судя по его отзывам, перспективы были неплохие, однако продажа автомобилей оказалась делом непростым. «*В продаже грузовиков нет ничего плохого, особенно если вы хотите заработать деньги*». Привычных стараний и терпения оказалось недостаточно. К тому же сосредоточенности на продажах автомобилей сильно мешали его... личные интересы. К ним не относилась продажа сложных технических изделий типа автомобиля. При подготовке

к новому бизнесу его юношеское прекраснодушие и оптимизм сильно мешали. Безусловно, Дейл хотел зарабатывать деньги, но еще больше он «*...хотел читать лекции и писать книги*». Эта мысль позднее переплавилась в формулу более привлекательную для его души. «*Меня не столько интересовало зарабатывание денег,* – писал он, – *сколько создание интересной и значимой жизни для себя*».

Как и в любом бизнесе, неудачи усугубили процесс продаж, сказываясь на заработках. Как и следовало ожидать, Карнаджи покинул партнерство *Meriden company.* Однако он не унывал. Полный надежд, писал домой оптимистические письма. Некоторое время спустя *продажи* резко упали и Карнаджи *уволили*. Не теряя времени и оптимизма, он через две недели нашел такую же должность в Packard Motor Company. Правда, договориться было непросто по заработной плате. Менеджер предложил 1500 долларов в год, но Карнаджи попросил сумму больше. Хотя Дейл и пытался найти свое место в автомобильной индустрии, гораздо большее удовлетворение он находил в общественной суете. Стивен Уоттс (Steven Watts) пишет, как, проходя курс «*Изучение жизни*» в Американской академии драматических искусств, он «...несколько раз совершил поездку по Ист-Сайду Манхэттена с дамами. Его переписка раскрыла множество женских связей, прошлых и настоящих. В письме группе молодых людей в баптистской церкви в Пьере (Pierre) он написал о своей бывшей возлюбленной: «*Я люблю Эффи так же искренне, как люблю кого-либо… Я никогда не смогу любить никого больше, чем я любил ее*». То есть молодость Дейла брала свое! Несмотря на относительность успехов в делах и постоянных раздумьях о заработках, Дейл оставался верен своему характеру. Он любил жизнь! Однако она далеко не всегда преподносила ему приятные сюрпризы. К 1913 году реальность Карнаджи принесла в равной степени разочарование в карьере и отчаяние нуждой в средствах существования. Чтобы сэкономить деньги, он переехал в крошечную комнату в грязном, кишащем тараканами многоквартирном доме на Западной Пятьдесят шестой улице. Большое количество галстуков, оставшихся от его предыдущего проекта продаж, висело на крючках в кладовке, и, когда он каждое утро выбирал один из них, собираясь на работу, десятки тараканов разбегались во всех направлениях. Когда его средства истощились, он питался в дешевых и грязных ресторанах, размышлял о повседневной работе, которую презирал, и почти каждый вечер тащился домой с сильной головной

болью, страдая от напряжения.

Как и многие его сверстники, попавшие в аналогичную ситуацию, Дейл Карнаджи впал в депрессию. По его словам, она «*...подпитывалась разочарованием, беспокойством, горечью и бунтом. Я бунтовал, потому что мечты, которые я лелеял еще в студенческие годы, превратились в кошмары. Была ли это жизнь? Было ли это жизненно важным приключением, в которое мне пришлось попасть?*» Проблемы Карнаджи достигли апогея, когда его усилия в Packard потерпели крах. «*Это экономическая революция для человека – выбросить своих лошадей и вложить в них эти дорогие вещи*», – заметил он. Молодой человек оказался неспособен выполнить эту работу, и, когда продажи упали, он впал в отчаяние. «*Что мне было делать? Где мое будущее?*» – сокрушался он. При переживаемых душевных расстройствах, связанных с нелюбимой работой, Карнаджи в глубинах сознания отдавал себе отчет, что иначе и быть не могло. Он обладал иным интеллектом и свойствами характера, пытаясь изо всех сил *приспособить свою художественную натуру* к противоречивым реальностям промышленного подъема в США. В октябре 1913 он утверждал, не противореча истине, что его сердце лежит в другом месте, написав: «*Если бы я стал миллионером в сфере продаж, я бы никогда не был счастлив...*» Устав от попыток продавать товары, которые ему не нравились, он хотел продолжить жизнь, состоящую из письма, чтения лекций и книг, о которых мечтал в колледже. Не в его правилах было поддаваться депрессии, и уже в начале 1913 года Карнаджи убедил Управление образования Нью-Йорка оплатить ему несколько вечерних лекций. Затем он выступил с двумя докладами на тему «*Кончина ковбоя и его страны*» по десять долларов за выступление. Одно из выступлений посетил помощник суперинтенданта и был *впечатлен*. Попросил молодого оратора связаться с ним через некоторое время, чтобы обсудить несколько докладов на тему «*Американские красноречивые люди*». Воодушевленный вниманием, Карнаджи разослал листовки различным организациям с рекламой выступлений и драматических чтений, которые он был готов провести. Его постоянным клиентом стала организация Royal Arcanum. Он говорил с ними на тему «*Развитие искусства самовыражения*» и был настолько хорошо принят, что позже вернулся, чтобы выступить с докладом на тему «*Патрик Генри – оратор*». Местное отделение масонов пригласило его прочитать на одном из банкетов длинную поэму Генри Уодсворта Лонгфелло

(Henry Wadsworth Longfellow) «*Король Сицилии – Роберт*» («King of Sicily – Robert»). Дейл написал в своем дневнике: «*Я сделал это и думаю, что прочитал очень хорошо. Мне устроили очень роскошный ужин, и за чтение заплатили 5 долларов*». Потом Нью-Йоркская телефонная компания пригласила его прочитать лекцию по истории ораторского искусства. Эти небольшие успехи помогли справиться с депрессией и даже вдохновили его.

Стремясь зарабатывать, Карнаджи обратился в несколько университетов Нью-Йорка. Он подал заявку как в Колумбийский университет, так и в Нью-Йоркский университет, чтобы преподавать курсы повышения квалификации для взрослых в вечернее время. Начинающий педагог верил в свои возможности и составил конспекты курсов по продажам и рекламе *(конечно, с некоторой иронией в свете своих недавних неудач)* и представил их руководству. Но, как он сухо заметил гораздо позже: «*Эти университеты решили, что смогут как-то справиться без моей помощи*». Это был неприятный факт, но Карнаджи не из тех, кто легко сдается. Он решает попытать счастья в качестве студента, надеясь «*снова погрузиться в атмосферу колледжа*». Он связался с Педагогической школой штата Миссури и получил заверения, что после завершения необходимой курсовой работы в Нью-Йорке, учреждение Уорренсбурга (Warrensburg) предоставит ему обычную степень колледжа вместо меньшего – *Regent's Certificates,* которое он получил в 1908 году. Наконец, Дейл Карнаджи поступает в Колумбийский университет на курсы *английской композиции (написание рассказов и драматической композиции.)* Не желая терять время, он одновременно поступает в Нью-Йоркский университет на вечерние курсы *по написанию статей в журналы.* Карнаджи прощупывал возможность стать писателем, предполагая стать драматическим критиком в одной из нью-йоркских газет. Однако мечта разбилась, когда он связался с редакторами Dramatic Mirror и Dramatic News. «*Вскоре я узнал, что нужно прославиться в какой-нибудь загородной газете или нужно иметь большую популярность, если какой-нибудь драматический критик умер, чтобы получить свое место*», – с сожалением писал Дейл приятелю, сообщив ему мнение одного редактора, который заявил с язвительной иронией: «*У тебя столько же шансов, как у снежного кома в аду*» («You have as much chance as a snowball in hell»).

Его молодость была полна планов, которые легко возникали и так же быстро проваливались. Вместе с тем эти обстоятельства с небольшими

перерывами на депрессивные приступы менялись на новые. И вот, он уже рассказывает, за ужином, своему другу детства, Гомеру Крою, писателю и журналисту в Нью-Йорке, что пытается «*...написать что-нибудь для журналов*». Таким образом, драматический переезд Карнаджи в Нью-Йорк из сельской местности Среднего Запада, казалось, не увенчался успехом, но его амбициозность не истощалась. Жизнь впроголодь, на скромные стипендии, получаемые от случайных публичных выступлений, продолжалась. В разгар этой ситуации он написал разоблачающее письмо своему брату Клифтону (Clifton), который переживал собственный карьерный кризис, переходя с одной работы на другую: то спекулянтом землей, то учеником юриста, то барабанщиком в джаз-группе: «*Ты никогда в жизни не заработаешь больше, чем зарабатываешь сейчас, пока не займешься чем-то одним еще немного,* – писал младший брат старшему. – *Поначалу все эти вещи выглядят достаточно радужно, как и тот золотой рудник, но вы видите, как большинство из этих вещей обернулось… Теперь я решительно ставлю перед вами этот вопрос, потому что пришло время вам стать мужчиной и перестать мечтать о таких диких снах*». В сложных жизненных обстоятельствах, возникающих по разным причинам, молодой человек, казалось бы, демонстрирующий весьма медленное движение к успеху, в глубинах сознания хранит некие декларации, высказывание которых, казалось бы, неуместно. Однако их смысл по-настоящему глубок. В их сути есть рациональное зерно. Их отбрасывать бессмысленно, потому что в них есть объективная суть. Он их высказывает, готовый не просто изложить, а в конце концов и воплотить в собственной жизни. Пусть не сейчас, не сию минуту, но тем не менее! И это воплощение называется *временем решимости* добиться успеха. «*Я ищу чего-то большого, а в таком городе много великих вещей,* – заявляет он в одном из разговоров с приятелем. Это настойчивое стремление найти «*что-то большое*», а также амбиции и энтузиазм, которые питали его, поддержали его и стали источником личной силы на всю жизнь. Фактический план действий Дейла Карнаджи будет построен именно из этих привлекательных для его души частей: *преподавания, продаж, чтения лекций и писательского творчества.* Эти сегменты деятельности, привлекательные для Карнаджи, отражали его творческий ресурс. Разумеется, в зависимости от возникавших в американском обществе обстоятельств. Их суть связана одновременно с экономикой страны,

социальными противоречиями в государстве, наконец, с возрастом самого Дейла Карнаджи. Каждый год его жизни наполнялся опытом духовного и физического выживания, приближая его к достижению главных итогов его бытия, которые станут *апофеозом* его жизни.

IV.

Курс Дейла Карнаджи «*Эффективная речь и человеческие отношения*» стал первым импульсом в зреющих раздумьях об идеях и смыслах, которые он выращивал в своем сознании на фоне настигавших его неудач. Он воображал себе некую «*лабораторию человеческих отношений для взрослых*», где он мог бы проверить результаты тех представлений, которые периодически появлялись в его сознании и просачивались в отдельных эпизодах его публичной деятельности, которая все никак не выстраивалась в устойчивые конструкции. Первоначальная идея состояла в том, чтобы помочь людям *ясно выражать свои мысли.* Затем *развивать самообладание при выступлении перед аудиторией*. Потом возникла мысль о важности выработки *упражнений*, помогающих людям *ладить* с другими и влиять на них! Для этого требовались навыки выстраивания именно таких человеческих отношений.

В моей жизненной практике, в конце семидесятых и начале восьмидесятых, происходило нечто подобное. Именно гармоничные, я называл бы их «*эластичными*», *человеческие отношения* были острым дефицитом в тех условиях моей работы на производстве, где я начинал вести свои наблюдения. Пытаясь опереться на смыслы психологии личности и содержательную сущность *этики* к практике *делового общения,* я замечал острую нужду именно в «*пластичных*» взаимосвязях людей друг с другом. Командный стиль руководителей разных уровней, преобладавший в СССР в конце пятидесятых, начале шестидесятых годов, навязывал «*низам*» свой стиль обыденного общения. Он уродовал *человеческие отношения,* навязывая им *суровость и подозрительность, категоричность, и нетерпимость*. Чем ниже опыт коммуникаций опускался по «*этажам*» служебной лестницы, тем *грубее и жестче* выглядели контактные конструкции коммуникации людей. Экспериментировать, что-то меняя в деталях делового общения в рабочем организме цеха, отдела, завода, как мне казалось, было бессмысленно. Коммуникативный режим организации

производственного процесса и повседневные модели административно-управленческой практики за многие годы опыта социалистических общественных отношений так и не приобрели востребываемую практикой *гибкость*.

Создав группы «*Диалог*» и пригласив к себе молодых людей, которые желали научиться «*эластичным*» методам общения, я получил возможность искать инструменты оптимальных контактов, которые постепенно можно было бы приспособить для всех уровней *человеческих отношений*. Разумеется, я ничего не знал о тех же проблемах, которые стояли перед Дейлом Карнаджи в 1913 году в Нью-Йорке, когда он думал об этом же, пытаясь сформулировать аналогичные конструкции *«человеческих отношений»*. Индустрия Америки в начале двадцатого века переживала, по-видимому, некий качественный сдвиг, делая «человеческие отношения» актуальными настолько, что потребность в них стала «просачиваться» в сознание интеллектуалов типа Дейла Карнаджи. Он писал тогда: *«Я сам много лет искал практическое, работающее руководство по человеческим отношениям. Поскольку такой книги не существовало, я попытался написать ее для использования на своих курсах»*. То же самое я мог написать в 1977 году, видя, как мгновенно раскупается моя книга, только что появившаяся в книжных магазинах: *«Смотрись, как в зеркало, в другого человека»*. Мои ученики в студиях *«Диалог»* читали: *«Влияние и взаимовлияние на службе – путь к вражде или дружбе»*, открыв заголовок к главе «*Феномен Степана или кое-что о системе Станиславского*». Одновременно с этим счастливым мгновением связи моей работы с «*Диалогом*» я ничего не знал о «*зреющем заговоре*» в прокуратуре республики Беларусь в том же году. Серьезно решался вопрос о «*снятии с продажи*» книги, которая «*оскорбляет советских госслужащих, обвиняя их в психологической неграмотности*», «*авторитарных замашках*» и всех прочих «*грехах власти*», о которых пишет «этот Олег Юрганов» в своей книге. Я же призывал для начала следовать стандартам общения, которые укладывались в «неписанные правила», коим сотни лет: «*Пришел в храм – сними шапку*», «*Не садись за стол в пальто*», «*Вошел в деловое помещение – поздоровайся приветливо и желательно улыбнись*», «*Избегай бранных слов*» и так далее. Читаю книгу Steven Watts «Self-Help messiah Dale Carnegie and Success in Modern America», и эти строчки вполне могли быть адресованы мне тоже: «*Как писатель, он* (Карнеги. – О. Ю.) *много работал, чтобы передать полезные идеи в живом стиле, избегая недостатка, свойственного тысячам книг, публикуемых каждый год: «Большинство из них были смертельно скучными». Он старался ясно объяснить и красочно описать проверенные принципы, которые, казалось, «работали как по волшебству»*. Серьезным испытанием для книг Дейла Карнаджи стала практичность. «*Если к тому времени, как вы закончите читать первые три главы этой книги, если вы не будете немного лучше подготовлены к тому, чтобы справляться с жизненными ситуациями, то я буду считать эту книгу полным провалом*», – заявлял Дейл Карнеги, ссылаясь на слова Герберта Спенсера: «*Великая цель образования – это не знание, а действие*». С той лишь разницей, что речь шла о книге Дейла Карнеги: «*Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*». О моей книге «*Смотрись, как в зеркало, в другого человека*» высказался читатель из далекой Алма-Аты: «*Я увидел вашу книгу и простоял у полки, где ее нашел, два часа пока не перевернул последнюю страницу. Теперь мне стало понятно, почему у меня возникают постоянные проблемы с подчиненными. Теперь я знаю, что делать. Надо учиться человеческим отношениям...*»

Идя вслед за биографией Дейла Карнаджи, я узнал, что сначала... он устроился на неполный рабочий день инструктором на курсы обучения взрослых, и вскоре эта должность превратилась в нечто гораздо большее. Некоторое время спустя он начал писать для журналов, пытаясь привлечь широкую аудиторию, что привело к публикации его первой книги. В обеих областях он начал развивать несколько проблемных тем – личностное развитие, укрепление доверия, позитивное мышление, человеческие отношения – которые вскоре приняли более солидную форму. Они значительно приблизили молодого человека к его будущей роли современного проводника жителей Америки к успеху.

Спустя почти пятьдесят лет в другом конце мира я начал писать книгу «*Прикладная этика или инструменты делового общения*». Мне казалось, что «*Диалог*», обслуживавшие разновозрастные группы участников, давали мне шанс быть понятым многими: от школьников до взрослых. Даже в условиях 1979 года, когда я, казалось бы, получал «зеленую улицу» в пропаганде «*хороших манер*» со стороны властей, я мог бы рассчитывать на издательскую благосклонность. Однако представление первых вариантов рукописи не дали ожидаемого успеха. Не знаю по каким причинам, но мои планы

представить модели конструкций делового общения, которые я предлагал, не вызвали у издателей интереса. *Меня склоняли к тому, что «сценарии» деловых совещаний, служебных диалогов, модели общения руководителя с подчиненными не нужны. Версии критических оценок, с сохранением уважения к достоинству человека, в условиях делового совещания – глупость. Коллективные обсуждения проблемных ситуаций в условиях разрешения острых проблем производства – театральщина. Извинения руководителя в адрес подчиненного, в ситуациях допущенного ими «срыва» в деловом контакте и т. п. слишком утилитарны.* Как я не убеждал, что для начальников разного калибра именно такие *модели* дадут шанс заранее *готовиться* к аналогичным обстоятельствам делового общения и бережно относиться к своим подчиненным. Мне пришлось пойти на хитрость. Я предложил адресовать книгу... школьникам. Неожиданно с этой идеей издатели согласились. Из пухлой рукописи об инструментах делового общения была сделана брошюрка в 46 страниц. Я назвал ее «*Красота общения*». На дворе стоял уже 1982 год. Все главные детали конструкции общения как основного инструмента «*человеческих отношений*» были описаны, едва вместившись в объем обещанных мне издательством 44 книжных страниц, размером 6,1х7,2 инча. Не буду вдаваться в подробности, но в эту книгу я конспективно вложил главные признаки *культуры общения,* усвоив которые юный читатель вполне может использовать этот инструмент коммуникации, не разрушая и не уродуя его достаточно хрупкую модель. Пришлось ограничить число примеров, достойных подражания, так и наоборот – уродующих общение. Пришлось пристраиваться к возрасту от 15 до 20 лет – времени, в котором наиболее часто подвергаются болезненным искажениям контакты между сверстниками.

Однако мысль о проблемах общения взрослых меня не оставляла. В одном из разговоров на эту тему с моими друзьями я услышал предложение моего коллеги, который довольно долго работал фрезеровщиком на достаточно крупном минском заводе, изготавливающем детали к сельскохозяйственной технике. Факты своей рабочей биографии он запечатлел в дневнике, охватывающем период в 10 лет. Эти годы и были началом семидесятых. В конце этого десятилетия он пришел ко мне в «*Диалог*», чтобы немного «*подправить*» язык и манеру поведения, приспособив их к тем коммуникативным требованиям, которые обслуживали его новые «референтные группы», в которых ему приходилось общаться. Воспользовавшись его предложением, я получил дневник и назавтра предложил стать соавтором моей новой книги «*Автопортрет без ретуши*». В книге публиковался этот дневник рабочего, в котором описываются весьма красочно и подробно все детали практики общения в заводских цехах. Было там и немало подробностей «трудовых будней», о которых в тамошней периодической печати и даже в художественной литературе предпочитали умалчивать. Издатель «со скрипом» согласился выпустить книгу в свет, но и здесь ограничил «страничный фонд». Шел восьмидесятый год. Цензура существовала, всевозможные границы издательской практики – тоже. Пришлось с этим считаться. Я как психолог взял на себя обязанность прокомментировать все описанные рабочим ситуации и события, происходившие на заводе, с момента трудоустройства автора дневника, обладавшего профессией фрезеровщика. Книга «*Автопортрет без ретуши: психолог комментирует дневник рабочего*» была довольно поучительна по содержанию. Откровенные признания рабочего Богдановича о том психологическом климате, который его окружал, о нравах, сложившихся на советском промышленном предприятии семидесятых годов и моральных барьерах, которые был вынужден преодолевать рядовой рабочий человек в условиях круговой поруки.

С первой главы книги описывается, казалось бы, обыкновенная сцена трудоустройства. Автор дневника рассказывает, как он переступил порог Механического завода, чтобы найти там работу фрезеровщика. На прежнем месте у него возникли трения с начальником цеха, и он решил сменить место работы. Подробности он не описывает, но случившееся оставляет в его душе горький след. Обычная ситуация. Приходит в отдел кадров. Встречает его начальник этого

отдела, и с порога начинаются переговоры, которые и по форме, и по смыслу сложно назвать *деловыми*, с очевидными стандартами коммуникации двух людей, у каждого из которых определенная задача и цель. Начальник отдела кадров принимает на работу. Автор дневника – человек, который работу хочет получить. Тем более что в руках у него газета с объявлением о потребности во фрезеровщиках на этом Механическом заводе. Практически сразу же, с первых минут контакта двух незнакомых друг с другом людей, начинает выстраиваться странная схема взаимоотношений, итог которой трудно предсказать. Смысл непонятен, а психологический настрой режима общения выстаивается откровенно враждебный. Преодолев первый этап общения в отделе кадров, автор дневника – рабочий – получил право войти в цех, где ему предстоит работать. При этом он испытывает ничуть не меньшие *сложности*, чем на первом этапе трудоустройства, в процессе разговора с чиновником отдела кадров. Контакты с рабочими складываются по принципу: *«кто во что горазд»*. Цеховые рабочие, по мере своих психологических привычек и характеров, реагируют на появление новичка. Обычный, стандартный набор контактов в такие минуты начинает или начальник цеха, или, в крайнем случае, мастер. Рабочему, вновь прибывшему в цех, необходима ясность: что у него за станок, где инструменты, почему нет всего набора из обязательного перечня инструментов и где его добыть. Мастер цеха обязан показать новому рабочему рабочее место. Выдать рабочие чертежи. Выслушивает его сообщение о квалификации или смотрит рабочую сноровку. То, что происходит в цехе, никак не похоже на реализацию *стандартов деловых процедур*. Я много раз бывал свидетелем аналогичных *сценариев*. Могу сказать, что описанные автором дневника сцены, случившийся с ним – о*бычная реальность заводских будней* в зависимости от каждого конкретного предприятия. Но эта реальность зависит и от характера мастера или начальника цеха. Однако не буду утомлять читателя подробностями. Главное, что мне пришлось сделать, читая дневник рабочего – констатировать факты отсутствия *легитимных стандартов* деловых *взаимоотношений* на уровне производственного коллектива, но преобладание *обыденных* коммуникативных инструментов, вписавшихся в практику производственных *межличностных отношений,* по сути далеких от стандартов производственной культуры и этической безукоризненности...

Три книги, которые я написал, отражали практику *«человеческих отношений»* в управленческом, индустриально-деловом и административном контексте. Всматриваясь в корни практики делового общения почти тридцать лет, вплоть до отъезда в США, я сталкивался с банальной *обыденностью*, переносимой гражданами СССР из личного бытия каждого в стихию каждодневной производственно-административной и деловой реальности. Лингвистический пласт личности, его культурологический слой, этнические акценты, специфические признаки индивидуальности, психосоматические особенности и т. п. прочно впечатывались в типаж персоны, обслуживая профессиональный, социальный, нравственный контекст бытия человека. Поскольку проблемы коммуникативной культуры так и не обнаруживались в повестке дня социалистического общества, опыт *«человеческих отношений»* в контексте административно-управленческой практики так и не сложился. Уместен вопрос: куда смотрела наука? Общение – важнейший социальный фактор развития цивилизации. Была ли к нему равнодушна советская гуманитарная наука?

В 1974 году вышла книга доктора филологических и доктора психологии А. А. Леонтьева. Называлась она: *«Психология общения»*. Издали ее в Тартуском Университете тиражом 750 экземпляров... Это был тот редкий случай, когда *«двойной доктор наук»* написал серьезную книгу, глубоко проанализировав методологические проблемы общения как социопсихологического феномена, обратив внимание на *личность* – динамическую социальную систему взаимодействий – которая *проявляется* и *осуществляется* во всем многообразии ее с*вязей, отношений, противоречий, активности и взаимовлияний*. При этом, будучи специалистом в области языка как инструмента взаимодействия и взаимовлияния, автор подробно остановился на его использовании в практике *общения*. Получилась крепкая, серьезная работа, но использовать ее в *общении*, тем, кто нуждался в усвоении инструментария социальной коммуникации, было... невозможно! При чтении этой монографии уровень знаний теории резко повышался, что уже хорошо, но на привычную практику обыденного уровня *общения* индивида эта информация не влияла! Не было «*школы*». Иначе говоря, методологии усвоения коммуникативной культуры. В том же 1974 году в стране резко ослабла идеологическая отчетливость опыта будущих социальных, а по сути *жизненных* перспектив среди тех, кому

исполнилось 22-28, 30, 35 лет. Эти люди вступали в жизнь абсолютно не готовыми к объективной оценке перспектив той реальности, которая их окружала; то есть социально-политическая система медленно и неумолимо двигалась в... тупик. В этих условиях режим бытия, когда *защита, отстаивание, утверждение, аргументация, оправдание, доказательство правоты своих идей, своей власти в управляющих слоях социума, легитимность тех обязанностей, без исполнения которых невозможна стабильность, развитие гражданского будущего каждой личности и всего громадного государства – не складывались*. Социальная динамика на всех уровнях трансформировалась в откровенную фикцию. Момент *общения* становился мгновением беспомощности тех, кто не овладевал «*феноменологией реальности*». Иначе говоря, личность, стоя перед выбором карьеры, интересов в жизни, аргументируя защиту жизненных ценностей, была бессильна осуществлять активный процесс социального конструирования по предложенным властью идеологическим стандартам. Эта беспомощность категории граждан, пребывающих в социально динамическом возрасте, чрезвычайно опасна неизбежной *инертностью*, которая обнаруживается именно в социальном феномене *общения*, инструменты которого и, разумеется, психология которого ему непонятны, неизвестны и, увы, недоступны.

1976 год. В Москве издана книга Б. Ф. Ломова «*Общение и социальная регуляция поведения индивида (Психологические проблемы социальной регуляции поведения)*». Общение рассматривалось Ломовым как общественно-историческая категория, раскрывающая социальную природу человеческого бытия. Являясь существенной стороной *реальной жизнедеятельности* субъекта, *общение* выступает в роли важнейшей детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития. В ходе *общения* люди обмениваются представлениями, действиями, состояниями. В актах *общения* осуществляется как бы *презентация* внутреннего мира *субъекта другим,* и вместе с тем самый этот *акт* предполагает наличие у *обоих* конкретного внутреннего мира. В *общении* происходит также взаимная презентация субъектами результатов психического отражения. Общение выступает в роли основания психических явлений, определяя развитие психических процессов, формирование личности, овладение индивидом *общественно-историческим опытом.* Подчеркивая неразрывную связь общения и деятельности, Б. Ф. Ломов возражал против

их *отождествления*, полагая, что они представляют собой равнозначные категории, отражающие *разные* стороны социального бытия человека. Категория общения раскрывает такую сторону человеческого бытия, как отношение «субъект – субъекты». Общение – акт отношения с другим человеком, с другими людьми. Согласно Ломову, процесс общения имеет собственные функции, структуру и динамику. Выделяются 3 класса функций общения в жизни личности: информационно-коммуникативная (передача-прием информации), регуляционно-коммуникативная (регуляция поведения в широком смысле, которую люди осуществляют по отношению друг к другу), аффективно-коммуникативная (влияние эмоциональной сферы человека на другого). Функции общения можно рассматривать и в другом плане, выделяя, например, такие, как организация совместной деятельности, познание людьми друг друга, формирование и развитие межличностных отношений. Казалось бы, в этой теоретической платформе социальной регуляции поведения есть все признаки инструментального управления поведением в процессе общения. Садись и пиши свою книгу «*Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*» или выстраивай курс коммуникативного поведения для работников управления всех уровней. Ответы на вопросы: как готовить коммуникативно оснащенные индустриально-административные кадры; как избегнутьнеизбежно развивающееся отчуждение активных слоев населения к бесперспективным идеологическим установкам власти; как массово усваивать знания и практику культуры общения; как избежать постепенного и неумолимого *отрицания* в среде активных граждан страны, не подкреплённых практикой ценностей, пропагандируемых правящей партией – есть! Это как минимум! Коммуникативная культура, судя по опыту Дейла Карнеги, оказалась важнейшей частью теории и практики психологии, социологии, этики, а также реальной политики, которая опирается на опыт эффективного управления крупными социальными системами, в том числе и государством в целом. Недооценка, говоря проще, наплевательское отношение власти к этому важнейшему инструменту управления привело к постепенному разрушению государства. К этому я еще вернусь позже...

...В Минске, в 1975 году, когда в свет вышла моя книга по психологии делового общения, раздался звонок из прокуратуры Белоруссии. Абонент представился Генеральным прокурором республики. Ува-

жаемый абонент сообщил мне о своем недовольстве моим вольным обращением с оценкой в моей книге «*Смотрись, как в зеркало, в другого человека*» личности, пребывавшей (в моем описании) в статусе *прокурора городской прокуратуры*. Довольно агрессивно просил после переиздания *(...если вы, конечно, собираетесь это делать...)* убрать эти фрагменты, компрометирующие честь советского работника правоохранительных органов. «Иначе...» Что будет «*иначе*», он выговаривать не стал, но мне и так было ясно... Теперь я могу Дейлу Карнеги только позавидовать. Через 23 года после выхода в свет моей книги СССР прекратил свое существование. История сама сделала свой выбор модели «*человеческих отношений*» в рамках *правоохранительной практики* Советского Союза, в которой деловая *коммуникативная культура* откровенно игнорировалась. Властные структуры управления следили, чтобы в публикациях не просачивались критические оценки недопустимых *отношений*, травмирующих психику тех, кто ожидает абсолютного *уважения* к своему человеческому достоинству и чести...

Конечно, Дейл Карнеги не сомневался, что идеи, которые он утверждал, будут полезны людям. Он готов был поделиться ими немедленно, не боясь критической оценки! Шаг за шагом, опираясь на свои природные дарования – *живость* характера, *артистичность*, присущее ему *красноречие*, он эти свойства своей личности суммировал, формируя *общительность и доброжелательность*, утверждая волшебство феномена истинного *гуманиста*...

Времена меняются, и в США начал ощущаться экономический кризис. Люди теряли работу. Предприятия закрывались. Однако умение Дейла находить ответы на трудные жизненные проблемы воплощалось и в практику меняющейся реальности! Не утрачивалось главное: *оптимизм и уверенность* в той среде, которая была наиболее чувствительной к кризисным явлениям. Именно в этот сложный период был написан его первый бестселлер: «*Публичные выступления и влияние на мужчин в бизнесе*». В этой книге была потребность. Она обращалась к практике бизнесменов, готовящих себя к продуктивной деятельности, а стало быть, и к *общению с себе подобными*, демонстрации себя, своих возможностей, которые олицетворялись в их *деле*. Суть написанного в этой книге была проверена в реальности, и это привлекало к ней внимание. В семидесятых и я готов был написать такую же книгу, но бизнес в СССР был *запрещен*,

а индустриальная и административная *реальность* десятилетиями была равнодушна к *этическим стандартам управления*. В США книга Дейла Карнеги постоянно *переиздавалась*. Происходило это с 1913 по 1932 годы с постоянными дополнениями и исправлениями. Теперь его лекционная *практика* становилась источником вводимых в эту книгу *стандартов, методов,* внедрявшихся в практику производства и управления...

...В 1914 году он зарабатывал 500 долларов в неделю. На тот момент эта сумма была эквивалентна стоимости новой модели автомобиля Ford. Затем началась Первая мировая война. Дейл служил в армии США, проводя время в Кэмп-Аптоне (Camp-Upton). Однако лекционная деятельность Дейла, тогда еще Карнаджи, нисколько не угасала. И в эти сложные годы его надежды на завтрашний день оставались позитивными, хотя понятия: *«вчера», «сегодня», «завтра»* уже приобретали специфические акценты. День *завтрашний* обещал *ожидания*, вчерашний – немного *раздражал*, порождая стремление забыть о сделанных ошибках, а день *сегодняшний* – очень *интересовал* идеями, которые он *предлагал*. Такая градация времени ощущалась сугубо подсознательно, накапливая следы жизненного опыта. Обо всем этом Дейл Карнеги позднее напишет в своей книге: «*Как перестать волноваться и начать жить*». Она отразила приближавшийся экономический кризис в США. Придет время, когда приобретение навыков *активного выживания* становилось объектом внимания тех, кто, достигнув так называемого *среднего возраста,* продолжал помнить не столько об успехах в своей жизни, сколько о тех *неприятностях*, которых им не удалось избежать. И этот парень по имени Дейл, теперь уже не Карнаджи, а Карнеги (крошечная хитрость с перестановкой во втором имени гласных, сблизила его с легендой американской металлургии Andrew Carnegie, знаменитым филантропом, дав мощный импульс собственной самооценке). Практика Дейла Карнеги в системе преподавания в YMCA удивительно напоминала мне мою работу в сети групп «*Диалог*». Не зная ничего о том, что делал Дейл Карнеги, я сталкивался с теми же проблемами «*говорения*» человека в ситуации публичной *деятельной активности,* которые я пытался решать практически такими же методами, какие, как я узнал только приехав в США, Карнеги применял в середине века двадцатого. Читаю отрывок из книги Steven Watts «Self-helps Messiah – Dale Carnegie and Success in Modern America».

So, on an impulsively, fueled by some desperation, he stopped lecturing and asked the student to stand up and give a short impromptu speech. When the confused student asked what he should talk about, Carnage advised him to talk about himself, his past, his life. After the student had done this for a few minutes, the teacher went around the room and asked each student to do the same. To his surprise, they spoke quite well and felt more comfortable as the exercise progressed. «Without realizing what I was doing,» Carnaghi wrote, «I stumbled upon the best method for conquering fear.» Student participation–getting them to talk about themselves or about things that concern them–was constantly at the forefront of his teaching method. Subsequent experiences in the classroom led to other principles of pedagogy. Carnagey had the idea of asking students to talk about something that made them angry, a technique that soon created a scene in which «the YMCA boys jumped to their feet one by one and unleashed their pent-up resentment in a rising roar of eloquence» Another time, he deftly brought in a retired naval officer who had been droning and fumbling in previous classes, forcing another student, a to give a speech criticizing the American government. He did it with pleasure. The angry serviceman jumped to his feet and patriotically defended his country, speaking «with more fire, more emotion and more sincerity than most professional speakers use.» He wasn't good – he was great!» Another classroom incident in which a student convinced his classmates that scattering fireplace ashes on the lawn would produce «bluegrass» (they believed this fantastic claim unanimously because «he was so confident and enthusiastic tell about it»). All these episodes pushed Carnage to move forward. «Emotions» and «enthusiasm» as the key to successful public speaking.Thrown into this cauldron of experience, the astute Carnage quickly began to assemble a new template for teaching his course. He came to the conclusion that the fear of being alone in front of others and speaking was the biggest problem his students faced, so he began requiring every student to speak briefly in every class to overcome this fear.[1]

Импульсивно, подпитываемый некоторым отчаянием, он прекратил читать лекции и попросил студента встать и произнести

1. Steven Watts «Self-help Messiah – Dale Carnegie and success in Modern America» Other press, New York 2013 p.p.109

короткую импровизированную речь. Когда растерянный ученик спросил, о чем ему следует говорить, Карнаджи посоветовал ему рассказать о себе, своем прошлом, своей жизни. После того как ученик делал это в течение нескольких минут, преподаватель обошел комнату и попросил каждого из учеников сделать то же самое. К его удивлению, они говорили достаточно хорошо и чувствовали себя более комфортно по мере выполнения упражнения. «Не осознавая, что я делаю, – писал Дейл, – я наткнулся на лучший метод победы над страхом». Участие студентов – возможность заставить их говорить о себе или о вещах, которые их волнуют, – постоянно выдвигалось на передний план его метода преподавания. Последующий опыт в классе привел к появлению других принципов педагогики. У Карнаджи возникла идея попросить учеников рассказать о чем-то, что их разозлило, и эта техника вскоре создала сцену, в которой «мальчики YMCA вскакивали на ноги один за другим и высвобождали свое скрытое негодование в нарастающем реве красноречия, которое вскоре заставили их перекричать друг друга». В другой раз он ловко привлек отставного военно-морского офицера, который бубнил и подбирал слова на предыдущих занятиях, заставив другого студента, «радикала из Гринвич-Виллидж», выступить с речью, критикующей американское правительство. Он сделал это с удовольствием. Разгневанный военнослужащий вскочил на ноги и патриотически защитил свою страну, говоря «с большим огнем, большим волнением и большей искренностью, чем используют большинство профессиональных ораторов». Он не был хорош – он был великолепен!» Другой случай в классе, когда ученик убедил своих одноклассников, что разбрасывание пепла камина на лужайке приведет к образованию «мятлика» (они поверили этому фантастическому утверждению единогласно, потому что «он был в этом уверен и с таким энтузиазмом»), убедил преподавателя в огромном воздействии, которое возникало из «искренней веры» говорящего. Все эти эпизоды подтолкнули Карнаджи к продолжению. «Эмоции» и «энтузиазм» стали ключом к успешному публичному выступлению. Брошенный в этот котел опыта, проницательный Карнаджи быстро начал собирать новый шаблон для преподавания своего курса. Он пришел к выводу, что страх остаться в одиночестве перед другими и начать говорить был самой большой проблемой, с которой сталкивались его ученики,

поэтому он начал требовать от каждого студента кратко говорить на каждом занятии, чтобы преодолеть этот страх.

Нечто подобное случилось у меня на курсах «*Диалога*». Я давно заметил, что мои студенты боятся трех актов на уроке культуры публичной речи: *встать*, с улыбкой *оглянуть* класс и *начать* говорить. Растерянность от желания высказаться я быстро снимал, предложив рассказать какое-нибудь событие, случившееся *в семье, на улице* или *в аудитории*. Однако сам момент изложения вызывал почти паралич. После долгих поисков мне удалось убедить студента рассказывать о себе, своих проблемах и что-то стало получаться. Когда же я разрешил привносить в рассказ фантастические детали и откровенную *выдумку*, стало гораздо проще. Возникали веселые сцены, и наступала настоящая *разрядка*. Чуть позже, добившись раскованности в этих ситуациях, я стал создавать «*контрольные группы*» из самих студентов и просил их подвергать строгому анализу текст выступления. Для этого на магнитофон записывался выступающий, и группа тщательно анализировала запись. Затем группа выдвигала «*редактора*», и он оглашал окончательную «*рецензию*». Текст печатался на пишущей машинке секретарем и вручался адресату с датой и подписью «*рецензента*». Такую процедуру проходили все мои ученики. Спустя год мы устраивали конференцию, где читались рецензии, фиксировались наиболее стойкие ошибки, и таким образом ученики, выходя за пределы своего класса, отлично знали свои проблемы. Наиболее удачные выступления награждались «*приятными мелочами*». Дарили цветок, конфету, игрушку и прочее. От страха *публичности* избавились в с е мои ученики. Выпускной вечер завершался пакетом *тем*, и каждый из моих учеников принимал участие в празднике, который я назвал: «*Стихия речи*». Мои ученики знали: *что и как надо говорить*. Сложившаяся свобода устного изложения моих студентов делала чудеса! На дворе был 1983 год. Шла «перестройка» Горбачева. На курсах по выработке навыков публичных выступлений собрались мои ученики, которые уже сделали первые «*глотки свободы*», начиная говорить достаточно расковано. Кое-какие проблемы оставались непреодоленными. Речь еще была полна шлаков, тормозящих мысль и путающихся смыслов. Получив от меня задание *объективно* оценить ту реальность, которую они хорошо знали, студенты начали говорить о случаях *коррупции* в тех видах этого порока,

свидетелем которых они становились у себя на работе, в каких-то конторах или местах общего пользования. Я просил высказываться конкретно, с фактами на руках, не называя имен, но обозначая конкретный административный ранг чиновника, против действий которого они выступают. Зал был забит. На занятии, которое я условно называл «*свободный микрофон*», приходили не только мои ученики, но и все желающие. Особая интрига заключалась в том, что мне, наконец-то, дали помещение в так называемом «*Доме политического просвещения*» городского комитета коммунистической партии. Это была просторная комната, в которой могли разместиться до 50 человек. Выступает молодой человек, лет двадцати пяти. Он представился и сказал, что пришел учиться в «Диалог», чтобы избавиться от косноязычия. Начал говорить медленно и спокойно. Мои ученики слушали его внимательно, фиксируя в своих тетрадях те речевые ошибки или замечания, о которых им предстояло сказать этому выступающему и присутствующим в зале посетителям после окончания выступления. Тема выступления касалась коррупции в учреждении прокуратуры. Выступавший сообщил, что сам работал там, пока его не уволили, якобы за нарушение трудовой дисциплины. Мы не реагировали на это сообщение, потому что в наши правила не входило вникать в излагаемые подробности, а только в суть и форму самого процесса речевого изложения. С каждой минутой его речи молодой человек, преодолевая реальные речевые трудности, рассказывал нам, как чиновник городской прокуратуры брал взятки из рук граждан, приходивших к нему с жалобами на правонарушения администраторов, работавших в городских учреждениях. Было видно, что в его словах уже слышались упреки в адрес конкретного человека, гневное отношение к которому было очевидно. Накал нарастал. Его тон голоса приобретал уже угрожающие оттенки, а в выборе слов уже появились границы недозволенного. Я молчал. Мои ученики стали постепенно возбуждаться. Было видно, что *говорящему* аудитория откровенно сочувствует. В представленных примерах появились знакомые большинству детали, с которыми мои ученики сталкивались и сами в аналогичных обстоятельствах. То есть опыт каждого сидевшего в зале подсказывал им, что рассказ *правдив* и переживания молодого человека – *не выдумка,* а горькая *реальность*. Из моих часов раздался звонок, сигнализировавший об окончании времени выступления. Молодой человек сел на место, провожаемый *бурными аплодисментами*.

Казалось бы, прозвучала учебная речь. Теперь ее предстояло обсудить. Назвать главные достоинства и главные ошибки выступления. Однако неожиданно для меня услышанный рассказ вылился в *бурное обсуждение*. Среди моих учеников были люди, исповедующие консервативные идеи, были радикалы, были, так сказать, *умеренные*. Эти оттенки еще не имели отчетливых очертаний. Я ориентировался в их высказываниях, опираясь скорее на эмоции, чем на смысл услышанных реплик. Но этого было достаточно, чтобы конкретно судить, кто и какие *оттенки* демонстрирует. Наконец, мы приступили к обсуждению и закончили урок вполне миролюбиво. На следующий день меня пригласил к себе в кабинет директор *Дома политического просвещения*. Он был мрачен и прямо высказал мне свое недовольство услышанным уроком. Так я случайно узнал, что меня *прослушивают*. На фоне горбачевской «либерализации» существовала *«бессмертная цензура»,* преодолеть которую было невозможно. Однако разбуженные соблазны в «*Диалоге*» брали свое и уже через месяц, после беседы с представителем КГБ, мне очень вежливо предложили *«сменить помещение»...*

V.

Об увлечении Дейла Карнеги журналистикой я ничего не знал в те редкие минуты, когда мне приходилось хоть что-то прочитывать о нем в советских журналах. Он представлялся как автор трех книг, как уже сложившаяся личность, и все мои импровизации на курсах «*Диалог*», все мои книги, в которых я показывал проблемы *«человеческих отношений»* и размышлял о способах их совершенствования в практике делового общения в условиях СССР, были только моими усилиями. То, что они иногда совпадали с некоторыми идеями Дейла Карнеги, было, скорее всего, случайностью. Однако, знакомясь с опытом его публицистических работ, я думаю, что они были продолжением того главного курса его личности, который воплотился позднее в его трех главных книгах. Его лекционная практика, преподавательская работа в системе YMCA, увлечение театром, прекрасно обслуживали его творческую практику в образовательной системе, которой он пользовался. Однако достоинства его личности осуществлялись и в его интеллектуальной деятельности, выделяя его творческую индивидуальность. Я осуществлял свою собственную программу

по строительству *«человеческих отношений»* в советской *административно-управленческой и индустриальной практике*. Могу сказать определенно, что моя журналистская практика, пусть в более скромных масштабах, чем у Дейла Карнеги, развивалась в периодической печати Белоруссии. В 1972 году была опубликована моя большая статья в журнале «Молодость», издававшемся в Минске. Статья называлась *«Психология устраивается на работу»*. Статья большая, с моей фотографией. В ней рассказывалось о назревшей потребности перемен в административно-хозяйственной управленческой практике, с учетом знаний психологии. Речь в статье шла о малом и среднем управленческом звене, а также о таких индустриальных монстрах, как Автомобильный и Тракторный заводы, располагавшиеся в Минске (столице Белоруссии). Статья вызвала множество откликов. Было ясно, что в начале семидесятых годов тема привлечения таких научных дисциплин, как *психология*, которую постепенно стали называть «*индустриальной*», и *социология*, которую пока в заводской практике не очень признавали, стали «*стучатся*» в двери промышленных предприятий СССР. Я жил в Белоруссии, сравнительно небольшой республике, где власть была в руках партийного босса Петра Машерова. Он был человеком думающим, сравнительно молодым, понимающим, что идеи, которые я озвучивал, давно уже назрели. Окно возможностей, по крайней мере предо мной, постепенно стало распахиваться. Тогда же появление (чуть позже) в периодике отрывков книг Дейла Карнеги было очень кстати.

Когда я работал на Минском производственном объединении вычислительной техники (МПОВТ), я написал статью в молодежную газету «*Знамя юности*» о планировании социального развития на нашем объединении. Я работал там начальником социологической лаборатории. Со мной сотрудничали коллеги, уже получившие гуманитарное образование: *«психолог», «педагог, преподаватель этики»*. *Социология* как специальность еще не была зарегистрирована в реестре профессий Министерства высшего и среднего образования СССР. Однако курсы подготовки работников сферы *научной организации труда* уже предполагали наличие *социальных исследований* при разработке *планов социального развития трудовых коллективов*. В статье я рассказывал о нашей работе, в том числе и о плане социального развития. Тогда же я впервые рассказал о Дейле Карнеги, в связи с его книгой, отрывки которой уже публиковались

в новосибирском журнале «ЭКО». Я вел речь о книге «*Как перестать волноваться и начать жить*». То было время Л. Брежнева, и постепенная либерализация делала работников сферы печати гораздо смелее, чем в прошлые годы. И все же редактор газеты, просматривая мою статью, осторожно сказал: «*А к чему этот американец здесь?*» Я ответил, что есть публикация в журнале «ЭКО» плюс безусловная объективность идей «этого американца» относительно проблем *стресса* в индустрии и в административно-управленческой практике... Все сомнения были сняты, когда я дал почитать мою статью секретарю Центрального комитета комсомола республики, с которым был хорошо знаком. Он одобрил и общий смысл статьи, и привлечение мной «*американца*». Статья была опубликована без купюр...

Честно говоря, моя журналистская практика не охватывала «широкие горизонты». Восемь лет я проработал в Академии наук Белоруссии. Почти десять – на белорусском телевидении. Писал статьи в газетах и журналах. Делал это в условиях, когда мои публицистические темы затрагивали очень чувствительные идеологические проблемы: «*человеческих отношений*», «*административной культуры*», «*новых стандартов управления*», «*социального климата в трудовых коллективах*», «*коммуникативный практикум*» и т. п. Откровенно говоря, делать это было непросто! Вместе с тем все мои усилия в процессе работы в сети социально-психологического и культурного просвещения «*Диалог*» значительно облегчались. Не опубликованные, но возбуждавшие меня *идеи* я воплощал в практике работы с моими многочисленными учениками. Выпуски журнала «ЭКО», где публиковались фрагменты книг Дейла Карнеги, были моим подспорьем в этой работе. Те же начальники цехов, аптекари, бригадиры строительных объектов, мастера учились у меня культуре личных взаимоотношений, практике публичных выступлений, началам управления в восьмидесятые годы двадцатого века. Как и руководители, бизнесмены разного калибра делали это в США у Дейла Карнеги в его образовательной системе YMCA в первые десятилетия того же века. Начав свои курсы YMCA в 1912 году и опубликовав статьи в журналах в следующем году, он стремился объединить свою страсть к писательству с интересом к обучению публичной речи новаторскими способами. Результатом стала его первая книга. «*В 1915 году Карнаджи в соавторстве с Джозефом Бергом Эзенвейном, популярным писателем-практиком, написал книгу под названием «Искусство публичных выступлений». Она была нацелена на широкую аудиторию читателей, жаждущих самосовершенствования, как и его курсы YMCA, и журнальные статьи. Эта книга, изданная Школой домашнего заочного обучения в Спрингфилде, штат Массачусетс, была разработана с учетом программы обучения взрослых и охватила многие развивающиеся представления, тогда еще Дейла Карнаджи, о путях к успеху в современной Америке*»[1].

Вынужден еще раз повторить, что целиком книги Карнеги появились в моей личной библиотеке только в 1989 году, когда в СССР, в издательстве «Прогресс» были опубликованы полностью две его книги: «*Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично*» и «*Как перестать беспокоиться и начать жить*». Уже истекало первое десятилетие работы моих групп «Диалога», и многие из моих учеников уже самостоятельно работали на предприятиях Минска и СССР. Количество переизданий этой книги в США – свидетельство постоянной переработки самим Дейлом Карнеги с дополнениями текста методическими приемами, которые использовались им в процессе преподавания курса публичных выступлений в образовательной системе YMCA. Уже когда я был в США, меня поразило число ссылок автора на американских психологов, которые им привлекались при изложении своих идей...

...Итак, в 1918 году Дейлу Карнеги исполнилось тридцать лет, и творческим продуктом его ума и чувств была публикация в 1926 году сборника сочинений «*Публичные выступления: практический курс для деловых людей*» («*Public Speaking: A Practical Course for Business People*»). Позднее, в 1932 году, он назвал ее иначе: «*Публичные выступления и влияние на мужчин в бизнесе*» («*Public speaking and influencing men in business*»). Не думаю, что перемена в заголовке книги была случайностью. Бизнес – привилегия мужчин. Она отражается в их гендерной привычке к активности. В книге обнаруживаются особенности мужской психологии. Они оценивались Дейлом Карнеги как врожденные достоинства, позитивно влияющие на бизнес. Уже в тридцать – тридцать пять лет Дейл Карнеги становится основоположником обыденной, социальной, деловой *модели поведения* мужчин и женщин, в которых основным фактором является

1. Steven Watts «Self-help Messiah -Dale Carnegie and Success in Modern America», New York, Other press, 2013, p.p.161.

психофизиологическая, этическая и ситуативная целесообразность, *избегающая агрессивность*, которая часто оправдывалась необходимостью жесткого контроля за дисциплиной и порядком на производстве. Его идея постоянной *приветливости* человека, пребывающего в режиме управления людьми, начинает привлекать внимание его учеников своей оригинальностью. Мысль о готовности с улыбкой встречать любой контакт между людьми вызывает разную реакцию: от несогласия к готовности следовать его рекомендациям. Предложение Дейла раздвинуть губы в улыбке при случайной встрече в толпе с глазами незнакомого человека оказалось *неожиданным*. У одних оно вызывала *восторг*, у других – *негодование*, у третьих – *недоумение*. В тридцатых годах тяжкого кризиса в США его идеи стали предметом неистовой полемики. «*Консервативные реалисты*», уповая на лицемерие подобных эмоциональных сигналов, *негодовали*. Они ссылались на тотальную неискренность, тиражируемую этими призывами Дейла Карнеги. Тем не менее «*позитивные рефлексы*» прижились! С момента, когда участники 450.000 тренингов Дейла Карнеги разнесли как минимум по всем Соединенным Штатам Америки его идеи, практика *бесконфликтной коммуникации,* включая «*рефлексы доброжелательности*», заложенные в рекомендации: «*раздвиньте губы в улыбке – это ничего не стоит*», стали визитной карточкой американской обыденной и деловой доброжелательности. «*Я просил тысячи бизнесменов улыбаться кому-нибудь каждый час в течение недели, а затем приходить на занятия и рассказывать о результатах*», – говорил Дейл Карнеги. Его биограф Steven Watts писал:

> He proudly recounted a stockbroker's comment: 'I have found that smiles bring me dollars, many dollars, every day.' He presented a long list of businessmen who had attested to the effectiveness of his principles, including the famous (Henry Ford, Walter Chrysler, Charles Schwab, Andrew Carnegie, John D. Rockefeller, J. P. Morgan, Harvey Firestone) and the most celebrated (George Eastman, president of the Eastman Kodak Company; Cyrus H. C. Curtis, publisher of The Saturday Evening Post and Ladies' Home Magazine; Samuel Vauquelin, president of the Baldwin Locomotive Works).[1]

1. Steven Watts «Self-help Messiah -Dale Carnegie and Success in Modern America», New York, Other press, 2013, p.p.167.

> Он с гордостью изложил комментарий биржевого маклера: «Я обнаружил, что улыбки приносят мне доллары, много долларов каждый день». Он представил длинный список бизнесменов, подтвердивших эффективность его принципов, включая знаменитых (Генри Форд, Уолтер Крайслер, Чарльз Шваб, Эндрю Карнеги, Джон Д. Рокфеллер, Дж. П. Морган, Харви Файерстоун) и самых знаменитых (Джордж Истман), президент компании Eastman Kodak; Сайрус Х.К. Кертис, издатель The Saturday Evening Post и Ladies' Home. Журнал; Сэмюэль Воклен, президент Baldwin Locomotive Work.

Почти сто лет спустя, в 2010 году, я появился в Нью-Йорке по поводу издания моей книги в издательстве Liberty Publishing House. Прогуливаясь по Таймс-Сквер, я стал свидетелем двух «*актов*». Первый – проезд большой группы мужчин разного возраста, восседавших, абсолютно голыми, на велосипедах. Не знаю, чем они руководствовались и какой «*идеологии*» придерживались, но демонстрация ими своих обнаженных тел не вызывала особого интереса прохожих. Второй

акт относился к поведению толпы на тротуарах. Стоя на пороге издательства, с экземпляром моей книги, я удивленно смотрел на проезжавших мимо обнаженных велосипедистов. Скорее всего, на моем лице была блуждающая улыбка, как отражение моего внутреннего состояния. Мимо меня двигалась разношерстная толпа ньюйоркцев. Вдруг я стал замечать, что некоторые из них, непроизвольно оглядывая меня, улыбались, явно «*касаясь*» меня своими взглядами. Хотя я «пропускал» мимо себя прохожих, не вдаваясь в «*подробности*» мелькавших встречных улыбок, но *не замечать* этого было уже *невозможно*. Меня сфотографировал сын, подъехавший на автомобиле к издательству, на пороге которого я стоял. Тогда я был в недоумении, сейчас, я думаю, что наследниками идей Дейла Карнеги» были не те, кто восседал на велосипедах в чем мать родила, а те, кто шли по тротуарам Нью-Йорка, награждая меня улыбками, непроизвольно раздвинув губы, коснувшись взглядом моего лица.

...Осторожно коснусь периода жизни Дейла Карнаджи середины и конца двадцатых годов XX века, посвященного времени его творческого подъема. Он провел это время вместе с напарником Лоуэллом Томасом (Lowell Thomas), профессором Принстонского университета и заядлым путешественником, разъезжая по странам Европы, пережившей кровавые итоги Первой Мировой Войны. В течение последующих четырех десятилетий они поддерживали тесные отношения: Карнаджи регулярно посещал ферму Томаса в северной части штата Нью-Йорк (New York State), а Томас писал блестящие предисловия к нескольким книгам Карнаджи. Свой бестселлер «*Как перестать беспокоиться и начать жить*» Дейл посвятил «*...человеку, которому не нужно ее читать, – Лоуэллу Томасу*», а Томас написал на подарочном экземпляре своего «*Празднования жизни*»: «*Дейлу, №1 в мире*». Как пишет в своей книге Steven Watts:

> In the spring of 1921, Carnagey's venture with Thomas came to a close. It might have seemed obvious that the young teacher would return to New York City and resume his lucrative teaching endeavors with the YMCA. But an unexpected development muddied the waters and made his future direction unclear. Dale Carnagey had fallen in love.
>
> Весной 1921 года предприятие Карнаджи с Томасом подошло к концу. Казалось очевидным, что молодой учитель вернется в Нью-Йорк и возобновит свою прибыльную преподавательскую деятельность в YMCA. Но неожиданное развитие событий изменило ситуацию и сделало его будущее направление неясным. Дейл Карнаджи влюбился.

Любовное увлечение Дейла Карнеги никак не было связано с моими профессиональными интересами восьмидесятых годов конца XX века в СССР, и я мог бы оставить эту тему, не затрагивая все особенности ее развития в жизни этого человека. Между тем характер Дейла удивительным образом отражал его жизненные приключения, в которых его артистическая натура проявлялась во всей полноте. Пройдя все испытания, выпавшие на годы подступающей зрелости, преодолев годы неудач и сохранив в неприкосновенности все нюансы развития своей личности, Дейл, на границе нового десятилетия жизни в США, с головой окунается в творческий союз с не менее увлекающимся человеком, каким оказался Томас Лоуэлл. Их творческий альянс привел Карнаджи к обнаружению в его личности новых граней артистизма, долго скрываемой жажды творческих поисков и главное – жажды открытий для себя новых «*стран и континентов*». Его душе требовалась встреча именно с таким человеком, как Томас Лоуэлл, чтобы пробудить в характере Дейла Карнеги все те переживания души, которые случились в годы, растянувшиеся с 1915 по 1924.

Я не перестаю удивляться всем тем событиям, которые случились с ним в это время, и у меня язык не поворачивается упрекнуть его за все те увлечения, которые пронеслись в его жизни за эти годы. Трудно сказать, были ли все эти события случайностью в его жизни или итогом его артистических и творческих усилий, которым он по своей природе, никогда не был чужд. Так или иначе, но именно в этот период с тридцати до тридцати четырех лет его личность пережила множество творческих подъемов и спадов. Во всяком случае, именно переживание его творческого подъема стало временем встречи с женщиной, брак с которой стал реальностью его жизни. Хотя супружество с Лолитой Бокэр (Lolita Beaucaire), родившейся 20 октября 1886 года в Германии, в семье, имевшей французские корни, можно было бы отнести к разряду неудачных. Этот брак стал возможен вследствие времени расцвета творческого потенциала личности Дейла Карнеги. Как справедливо заметил его биограф Steven Watts, на фермерского мальчика из Миссури личность Лолиты Бокэр оказала *сильное влияние*.

Привлекательная молодая женщина с темными глазами, коротко подстриженными темными волосами и модно одетая, она была свободна от викторианских условностей. Демонстрировала европейскую утонченность стиля в поведения. Быстро привлекла внимание молодого тридцатидвухлетнего Карнаджи и очаровала его. В его характере уже сложилась сумма тех ценностей, которые возникли на основе его жизненного опыта как преподавателя, оратора, бизнес-менеджера одного из популярных развлекательных проектов того времени, который он осуществлял при содружестве с Томасом Лоуэллом. Они приехали в США после почти двухлетних гастролей по Европе, и местом знакомства Лолиты и Дейла стал Балтимор, где в 1992 году XX века обосновался и я. Должно быть, он показался ей *«...интересной, многообещающей и потенциально прибыльной добычей...»* Их брак в 1921 году положил начало периоду свободной жизни в Европе, куда Томас Лоуэлл и Дейл Карнеги, теперь уже и с Лолитой Бокэр, его супругой, возвратились на гастроли. В этот раз они длились четыре года. В условиях экономического хаоса после Первой мировой войны Европа дала американцам среду обитания за доллары, курс которых многократно превосходил платежную стоимость европейской валюты. Она была крайне ослаблена разорительной войной и экономикой, лежавшей в руинах. Супруги Карнаджи в полной мере воспользовались своим положением иностранцев. Карнаджи оплачивал счета за их странствующее существование. Учитывая слабость европейских валют и силу американского доллара, он без особого риска осуществлял платежи на удовлетворение потребностей своей семьи. *«...По сравнению с Америкой еда смехотворно дешева...»*, – сообщил он о стоимости питания и проживания в странах Европы. Кстати, он получал 3000 долларов в год в виде гонораров за свои учебники по развитию красноречия. Помимо этого, он зарабатывал средства периодическим чтением лекций. В Париже, например, в ноябре 1924 года он выступил с докладом о публичных выступлениях в Американской библиотеке перед аудиторией, состоящей из *«...банкиров, экспортеров, студентов, дипломатов, а также американских и французских бизнесменов...»*. Реакция была настолько положительной, что Карнаджи провел следующие семнадцать недель, предлагая свой курс публичных выступлений в том же месте. Он также представил еще один вариант курса, *«...при содействии Американской торговой палаты...»*, как признается Дейл Карнаджи, в одном из своих писем из Европы, которые приводит его

биограф Стивен Уоттс (Steven Watts. DC, Public Speaking: The Standard Cours Book III 136 and Book IV, 18-19). При относительно умелом выходе Дейла Карнаджи из финансовых трудностей, с привлечением знаний и навыков, оказавшихся очень кстати и в Европе, проблемы в его супружеском союзе с Лолитой постепенно нарастали. Становилось все более очевидным, что Дейл и Лолита плохо подходят друг для друга. Восторженный молодой человек, родившийся в сельской местности Среднего Запада, с его религиозным прошлым, самоуничижительным юмором и серьезными манерами, стоял намного дальше от мирской французско-немецкой «*графини*» с ее манерами и требовательными стандартами поведения, которые она старательно начала прививать своему супругу. Он возмущался этими попытками жены. Однажды к ним в дом пришла семейная пара. Мужчины уселись за карточный столик. Возникла неудачная коллизия с картами. Бывает... Дейл раздосадовано воскликнул: «Ах ты, сукин сын!» Услышав это, его жена едва не потеряла сознание. И все же брак Карнаджи на последнем этапе их совместной жизни представляет собой лишь часть истории его пребывания в Европе в первой половине двадцатых годов...

Стремление оставить след в мире искусства у Карнаджи не ослабевало. Кстати, его работа над книгой о жизни Авраама Линкольна (Abraham Lincoln) привела к неожиданному вниманию к жене американского президента Mary Todd Lincoln, чье экстравагантное поведение сильно напоминало увлечения его жены Лолиты. И все же жизнь в Европе протекала в окружении красот и культурного богатства Старого Света. Размышляя о времени пребывания Дейла Карнаджи там, нетрудно понять, что мир художественной литературы с европейскими корнями не мог оставить равнодушным такую артистическую натуру, как он. Жизнь Дейла, приближающаяся к сорока годам, была переполнена абстрактными образами. Я не сомневаюсь, что его Лолита, во всяком случае в начале их совместного проживания, надолго оставалась некой художественной абстракцией, пока поведенческая реальность этой женщины не привела к отчетливому проявлению ее характера. Однако жена стала мешать артистической натуре Дейла погружаться *в творческие переживания*. Окунувшись в мир искусства, Карнаджи уже не мог реагировать на *эксцентричные* поступки жены. Реальность, которая оборачивалась для него непривлекательными сторонами, отвлекала его от мысли о *предназначении его души* оставить о себе память в художественном творчестве.

After graduating from college, the young Missourian resident was occasionally interested in creativity. He received an acting education, wrote several articles for magazines, and even taught a course in fiction writing at the Brooklyn Institute of Arts and Sciences, where he persuaded several well-known New York writers to speak. Now, after his experience with the Lowell Thomas project and his sudden marriage to Lolita Bocher, the spark of creative effort flared up again and burst into flame. As Carnagey later wrote: «When I was over thirty, I decided to devote my life to writing novels. I was going to be another Frank Norris, or Jack London, or Thomas Hardy[1].

После окончания колледжа молодой житель штата Миссури периодически увлекался творчеством. Он получил актерское образование, написал несколько статей для журналов и даже провел курс по написанию художественной литературы в Бруклинском институте искусств и наук, где убедил выступить нескольких известных писателей Нью-Йорка. Теперь, после его опыта работы с проектом Лоуэлла Томаса и внезапного брака с Лолитой Бокэр, искра творческих усилий вспыхнула вновь и вспыхнула пламенем. Как позже писал Карнаджи: «Когда мне было за тридцать, я решил посвятить свою жизнь написанию романов. Я собирался стать вторым Фрэнком Норрисом, или Джеком Лондоном, или Томасом Харди.

Ресурсы характера с талантами лицедея после окончания Академии драматического искусства оформились в артистическое мастерство. Они воплощались в проекте шоу, осуществляемом в Европе совместно с Томасом Лоуэллом. Писательские увлечения тоже были проявлением безудержности его артистичной природы. Истинные причины жажды писательского творчества им, скорее всего, не осознавались. Похоже, что страсть Дейла Карнаджи была спровоцирована разочарованием и накопившимися противоречиями в браке с Лолитой. К тому же, литературное творчество требовало глубокой сосредоточенности, а его артистическая натура не была к этому приспособлена. Возможно, были и другие причины. Однако их сумма, так или иначе, влияла на писательское ремесло, вызывая все более

1. Steven Watts «Self-help Messiah -Dale Carnegie and Success in Modern America», New York, Other press, 2013, p.p.191.

откровенные негативные оценки у его интеллектуального окружения. Планы Карнаджи стать писателем были сорваны неумолимым фактом: *его талант не соответствовал его амбициям.* Литературный агент Карнаджи прямо сказал ему, что у него нет таланта к написанию художественной литературы и что его роман «бесполезен». Многочисленные доказательства подтвердили этот вывод. *«Во всем, что у меня было написано – неестественные диалоги, надуманный сюжет и полеты крайне сентиментального языка...»* Почти во всех отношениях роман был явно дилетантским. Критика агента ошеломила Карнаджи. По его словам, когда он услышал отзыв о своем романе, *«...у меня чуть не остановилось сердце. Я не был бы более ошеломлен, если бы он ударил меня дубинкой по голове. Я обомлел...»*

Так или иначе, но Дейл Карнаджи смирился с тем, для чего он лучше всего подходил: преподавание, написание статей, публичные выступления. Потратив время впустую на писательское ремесло, убедившись в отсутствии перспектив в этих усилиях, в начале тридцатых годов, вернулся в США из Европы, обратившись к привычному для себя делу. Быстро обретя признаки былой увлеченности, Дейл Карнаджи несколько лет разрабатывал *модели успеха* в бизнесе американцев. Его достижения в этом деле оказались гораздо плодотворнее, чем пустые мечты о славе романиста...

VI.

...В начале 1982 года в СССР снова начались перебои с продуктовым снабжением в Минске. В моем положении главы семьи эта ситуация была заметна в меньшей степени. Я неплохо зарабатывал, снял один фильм для программы «Истины», которая выходила раз в месяц, но для моей жены, эта ситуация становилась с каждым днем все заметнее. Честно говоря, я надеялся, что возникшие затруднения с продуктами в конце шестидесятых – начале семидесятых годов больше не повторятся, но я сильно ошибался. Принятие на мартовском Пленуме ЦК КПСС так называемой «*Продовольственной программы*» граждан СССР не сильно успокоило. Обещанные статистические выкладки результатов исполнения этой программы через десять лет мало что изменили. Правда, к тому времени существование самого СССР уже стало драмой времени, а уж о продуктовом благополучии и говорить не приходилось.

Однако меня сейчас занимает момент сходства или различия в поведении Дейла Карнеги и, разумеется, меня, Олега Юрганова, в аналогичной ситуации тяжкого кризиса. Карнеги – в период кризиса 1933 года, я – в период моей жизни в столице Белоруссии (Минске) в 1977 и затем в 1982-85 годах, вплоть до 1992 года. Жизненные обстоятельства мои и Дейла Карнеги в тридцатых годах того же века были относительно сходны.

Могу сказать определенно, что деятельность Дейла, при всей реальной сложности его жизни продолжала оставаться достаточно продуктивной. Многие обстоятельства, возникавшие в ситуации кризиса в США, разумеется, сильно мешали его деятельности, однако он продолжал преподавать в системе просвещения YMCA, затем искать свое место в *беллетристике*, создавая книгу о Президенте Аврааме Линкольне, искать эффективные методы в системе преподавания и т. п. Да, ему трудно было сводить концы с концами. У него возникали трения с женой, развестись с которой он уже думал все более настойчиво. Вместе с тем он пытался найти возможность для освоения периодической печати, что-то туда предлагал и т. п.

Что происходило со мной в сходных ситуациях? В семидесятых годах я работал весьма эффективно сначала в Академии наук Белоруссии, затем ушел на телевидение и радио, поскольку в начальственно-политической системе Белоруссии проснулся интерес к освоению *культуры поведения*. Тогда я трудился очень энергично и даже успел за восемь лет тяжкой борьбы за выживание написать две книги и стал преподавать сразу в трех учебных заведениях, представляя там теорию и практику *культуры поведения* личности. За обе книги мне хорошо заплатили, и я не слишком обращал внимание на проблемы обеспечения продуктами, которыми занималась моя жена. Меня окружали друзья, мы были сравнительно молодыми, и сложности политического кризиса конца семидесятых годов сглаживались смягчением стиля управления страной со стороны Генсека КПСС Леонида Брежнева. Но вот наступили восьмидесятые, и кризис стал гораздо заметнее, хотя моя деятельность принимала все более активные формы. Я начал новую программу на телевидении, писал статьи, издал книгу «*Красота общения*», продолжал преподавать в институтах. Но я не мог сравниться с творческой эффективностью Дейла Карнеги, в сходный по сложности период его жизни в процессе развивающегося кризиса в США 1933 года. Как теперь можно судить, прочитав

книгу его биографа Стивена Уоттса «*Мессия самопомощи. Дейл Карнеги и успех в современной Америке*» *(Steven Watts «Self-Help Messian. Dale Carnegie and Success in Modern America»),* по возрасту мы были с ним почти ровесниками. Я, получив в конце восьмидесятых относительную свободу маневра, имел прекрасные связи в Минске и был готов к новым разработкам в области экономики и управления. Отказ от идеологического догматизма уже уходящей из жизни КПСС был очевиден. Однако я уже почувствовал *интеллектуальное истощение*. Вместе с тем я был вынужден откликнуться на призыв пришедшей в конце восьмидесятых, начале девяностых новой власти в республику. Она была далека от идеологических стандартов былой советской системы и включилась в разработку демократических методов, к которым стала испытывать вкус. Я снова стал востребован!

Для прихода во власть, особенно в среднем звене руководства, требовалась новая избирательная методика. У меня «под рукой» были мои ученики из «*Диалога*», которые были готовы помогать мне использовать их собственный ресурс. Они были хорошо обучены, владели словом, прекрасно ориентировались в социальном пространстве. Ничего не боялись, потому что в республике власть от КПСС перешла к гражданским формированиям без насилия. Я получил возможность активно вмешаться в строительство новой избирательной системы. Она практически отличалась от предшествующей. Догматика, которая царила почти семьдесят лет на территории СССР, неожиданно исчезла. В этих условиях мои идеи получили развитие.

Однако те люди, которые уже пришли во власть после разрушения СССР, попытались закрепиться в структурах городской власти. Многие из них располагали опытом функционирования в рамках старой партийно-советской номенклатуры. Уже в новой избирательной практике они стали, по мере сил, мне... мешать.

Конкурентность кандидатов новой власти внешне была очевидна. При предварительном отборе кандидатов на пост мэра города Минска – главы городской администрации – победили двое. Это был бывший мэр города, который месяц назад был партийным функционером от КПСС, а теперь баллотировался как независимый кандидат, и врач – кандидат от вновь созданной «*Народной партии*». Я мгновенно оказался в «финансовых клещах». «*Народная партия*» была структурой, только что созданной. Денег у нее не было. Мои услуги она оплачивать не могла. Тот самый бывший глава города средства имел. Он назвал свою партию «*Независимой*», и его денежные средства пребывали в Республиканском Банке, который мгновенно открылся после упразднения Белорусской Компартии, денежные средства которой перетекли туда. Реформы банковских капиталов пока не было, и все финансовые средства сосредотачивались, разумеется, временно, в Республиканском Банке. Власть меня попросила потерпеть, а это означало, что помогать и бывшему мэру, и его сопернику мне пришлось *одновременно*.

Специалистов в области избирательных технологий в наступившем новейшем времени не было. С моим опытом и знаниями никто не мог конкурировать. Так я стал своеобразным «*манипулятором*» в сложившейся ситуации. В целом, получался «*технологический альянс*», которым пользовались оба кандидата одновременно. Поскольку никаких юридических ограничений в системе избирательной технологии не было, наблюдать за двумя соперниками не было особой необходимости. Бывший глава города поначалу не знал, как ему добиться перелома в защите интересов граждан Минска. Его оппонент был превосходным врачом, любимцем всего города и за себя не беспокоился. Выступал на собраниях избирателей, рассказывал о своих планах улучшения городского здравоохранения. Его соперник ничего подобного не делал, а всего лишь печатал статьи в газетах, в которых напоминал о практике своего времени командования городом при коммунистах. Тогда, и в самом деле, ему удалось немало сделать в работе городского транспорта, для чистоты улиц, в сфере

строительства жилья, ремонта школ и всех прочих благ городской жизни. Каждый из моих *подопечных* демонстрировал свои *достоинства*. Я не давал себе права оценивать возможности и реальную пользу кандидатов, которым помогал быть избранным в условиях использования новых избирательных технологий, в которых уже не было идеологических спекуляций.

Для начала я решил провести городской телефонный опрос. В Минске телефонизация населения была развита примерно на 45%. Создав группу исполнителей моей затеи из числа моих учеников из «*Диалога*», я разработал анкету и приступил к опросу. Задача была проста. Надо было проверить, в какой мере были известны – бывший мэр города и кандидат в мэры (доктор), которым предстояло пройти через избирательное сито. Оказалось, что бывший мэр был известен 75% горожан-избирателей. Правда, его кандидатуру на момент опроса одобряло примерно 32% избирательного списка. Врача знали 60%, но хотели видеть его во главе города примерно 44% избирательного списка. Я попытался сохранить в тайне итоги телефонного опроса. Однако сделать это не удалось. Бывший мэр не хотел ссориться со мной. Я был ему нужен, и он решил тоже действовать в некоторых случаях самостоятельно. Это лишний раз убеждало, что за время власти коммунистов политическая культура складывалась на основе той автократической системы власти, которая царила в стране. Кандидаты на избираемые должности подбирались верхушкой власти. Главными критериями выбора кандидатов были такие признаки, как *покладистость, образованность,* национальная «*чистоплотность*» в региональном масштабе, *партийный стаж*, моральная «*устойчивость*», готовность к *компромиссам*, особенно если речь шла о должностях в советские органы (председатель сельсовета, председатель райисполкома, председатель горисполкома и т. п.). Все эти должности занимали специально подобранные люди, которые обслуживали интересы вышестоящего партийного руководства...

Честно говоря, я давно увлекался поиском такой демократической избирательной системы, в которой преобладали бы не идеологические критерии, а нормы *гражданской ответственности* и *социальной культуры.* Все мои разработки были неприемлемы для существовавшей избирательной системы, царившей при главенстве политического монстра типа КПБ – *Коммунистической партии Белоруссии.* Однако я интересовался историческими корнями избирательного

процесса эпохи Древней Греции, Римской Империи, методов, существовавших в США, Германии, Франции. Получив в руки, так сказать, «*карт-бланш*», я стал просматривать свои архивы. Времени было в обрез. Мне пришлось включаться в неожиданно *свободную* практику почти мгновенно. Такое случается едва ли не раз в жизни. Мне ничего не оставалось, как заняться подготовкой выборов мэра города Минска с использованием тех знаний, которые были у меня под рукой. Именно этим объясняются мои реальные ошибки или поспешные выводы, на которые я опирался, осуществляя свои обязанности *консультанта*.

К тому времени, напомню еще раз, в моем распоряжении были мои ученики из системы «*Диалог*». Они, по мере сил, работали, и, когда я попросил их принять участие в телефонных опросах или в избирательной кампании, большинство моментально откликнулись на мой призыв, и я подключил их к своей работе. Разумеется, я обратился к бывшему мэру города с вопросом о финансировании консультативных услуг моей компании «КРОСС». Название компании расшифровывалось как «*Консультации, Разработки, Справочный Сервис*». Компания была создана почти сразу после принятия правительственного постановления о создании в Минске свободной экономической зоны, в рамках которой были созданы частные бизнес-структуры, которые предлагали услуги в соответствии с теми возможностями, которыми располагали. Часть услуг под наименованием «Консультации», «Разработки» и «Справочный Сервис», касавшиеся избирательной кампании, предлагался моей компанией, с которой был заключен договор. Под эти услуги следовало открыть финансирование тех, кто обращался в «КРОСС» за помощью. Мэр перевел деньги на счет моей компании, и *финансовые клещи* ослабли. Однако кандидат, соперничавший с бывшим мэром Минска, денежными средствами не располагал. Мне пришлось выслушать его застенчивые объяснения на этот счет. Доктор, которого выдвинула так называемая «*Народная партия*», созданная едва ли не в недельный срок перед выборами, на основании правительственного постановления «О приостановке партийно-политической деятельности в Белоруссии КПБ (Коммунистической партии Белоруссии)». Руководству «*Народной партии*» было передано здание бывшего райкома партии, а председателем партии стал местный писатель, который ссорился в прошлом с властями республики за свои книги, в которых он излагал диссидентские идеи.

У этой «партии» денег пока не было. Как скоро она ими обзаведется, никто не знал, и мне пришлось согласиться консультировать доктора бесплатно. Главным было то, что он обещал мне исполнять все мои рекомендации.

Я хоть и вышел из состава коммунистической партии, но то, что мэр был коммунистом с сорокалетним стажем, а теперь стал кандидатом «Независимой» партии, которая получила здание Городского комитета компартии Белоруссии и средства в Республиканском Банке, уже знал. Как будут складываться отношения к обоим со стороны *избирателей*, можно было только догадываться! При отсутствии разработок в области массовых политических мероприятий властям приходилось идти на любые ухищрения со стороны кандидатов от различных партий. Они были готовы предъявлять свои *программы*, утверждать их на коллегиальных дискуссиях или на собраниях своих избирателей. Я решил осуществить представительство двух разных кандидатов на собраниях избирателей. Как это делать, я представлял себе вполне определенно, и приступил к подготовке.

Разговор с бывшим мэром дал мне представление о возможностях его избирательной кампании. Передо мной был крепкий хозяйственник. Он не сомневался, что его избрание будет гарантированно интересами избирателей. Он был уверен, что они нуждались в реализации ряда строительных проектов города, которые будут завершены спустя три-четыре года после его избрания, в чем он, как я полагал, не сомневался. То, что он будет избран, бывший мэр был уверен, потому что знал, что сделает центр города гораздо комфортнее, о чем говорил в своих интервью на радио, телевидении и в газетах. Транспортные развязки станут эффективнее, а происходившие в республике радикальные политические перемены не считал для себя катастрофой.

Слушая его, я и сам убеждался, что *стабильность* привычных хозяйственных связей, ожидаемых намерений организационных структур миллионного города оставались вполне *устойчивыми*. Прежние управленческие формы работали в привычном темпе, и все городское хозяйство, в целом, оставалось работоспособным. Предстояло, на дискуссионной площадке, представить программы обоих кандидатов, над которыми они работали. Идеология каждого кандидата становилась сугубо социально целесообразной. Время пустых политических деклараций типа: «*Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме*» – ушло.

Сравнивая время и идеи, которые связывали меня и Дейла Карнеги с его кризисным периодом 1933 года, я не могу сказать, что наши с ним интеллектуальные усилия выглядели в *сходном* ракурсе. То есть он не участвовал в избирательной кампании, не разрабатывал избирательные документы, не сталкивался с проблемами, которые встречали *меня* на каждом шагу. Дейл не был свидетелем *бархатного* переворота в государственных структурах. Его не вовлекали бывшие партийные *элиты* республики в новые властные отношения. Однако наверняка и Карнеги испытывал реальные затруднения в сложный исторический отрезок времени тридцатых годов XX века, который застал его врасплох. От него потребовались *дополнительные* усилия, чтобы справиться с новыми задачами, которые ему пришлось решать. Смысл и противоречия его времени был иной, чем у меня. Тем не менее проблемы, которые Дейл решал в тот период, наверняка по сложности были такими же, как у меня.

Пока я готовил тексты выступлений моих подопечных, мне показалось необходимым *смоделировать* для бывшего мэра *дискомфортные* условия взаимоотношений с избирателями, собирающимися на встречу со своим кандидатом. Для этого следовало с ним поговорить с *фактами* на руках. С этой целью я поручил моим ученикам из группы «*Диалог*» провести анализ финансовых документов мэрии за прошлый хозяйственный год. В группу входили специалисты разных отраслей знаний, прошедшие у меня курс обучения. На это им понадобилось три дня. Завершив ревизию, они представили мне заключительную записку, из которой следовало, что работу бывшего мэра идеальной никак не назовешь. Доказательств того, что у него были какие-то ошибки или не совсем адекватные хозяйственные решения, в рамках его должностных обязанностей, было немало. После долгих двух часов разговора на тему: «*Оцени сам свою работу за год*», бывший мэр понял, что ошибок было предостаточно, чтобы его... дискредитировать. С проблемами, которые появлялись вследствие ошибочных решений мэра, сталкивались не только его подчиненные чиновники, но прежде всего люди (избиратели), которые ждали его решений, а получали новые житейские проблемы. Размышляя над его документами, мы с моими учениками из учебных групп «*Диалог*» сформулировали целый ряд *реальных* просчетов бывшего мэра. Не буду вдаваться в подробности, но нам пришлось весьма критически оценить итоги его городской хозяйственной деятельности.

Именно они и готовы были стать предметом критики со стороны его избирателей, потому что проблемы, возникшие в итоге его деятельности, стали *реальностью* в жизни города. Теперь только голоса избирателей будут решать его судьбу в избирательной кампании. К тому же бывший мэр охотно согласился, что в новых условиях избирательной кампании свобода высказывания в адрес кандидата на пост главы города становится решающим *актом*. Право избирателя *оценивать* кандидата на основании *объективной оценки* его работы становится ключевым. Анализ документов об итогах работы мэрии под его руководством и мнение жителей города, столкнувшихся с реальными проблемами, решение которых было проигнорировано, окажутся решающими в оценке его политических перспектив. С этим бывший мэр спорить не стал. Спросил, что я ему предлагаю в этой новой для него ситуации. Я предложил форму «*делового штурма*» в присутствии чиновников мэрии. Разъяснив, что это такое, я сказал, что его помощники являются вольными или невольными соучастниками всех тех итоговых решений, которые были воплощены в конкретные хозяйственные проекты прошлого года. Будучи мэром, он нередко прибегал к давлению, иначе говоря, *авторитарному* методу принятия сложных хозяйственных решений. В итоге, он выигрывал время, но *проблемы* возникали позднее. О них мало кто вспоминал, но реально сталкивались только горожане (избиратели). Но что они могли сделать? Теперь ситуация иная. У людей появилось право выбора. Кандидат в мэры не спорил. Он понимал, что это бессмысленно. Я стал готовить с моими учениками «*деловой штурм*»...

Деловые игры Дейл Карнеги не проводил. Строго говоря, этот метод был мне знаком понаслышке еще в 80-е годы! Читая советские журналы, я случайно натыкался на словосочетание «*Деловая игра*», без толкового разъяснения сути этого метода. Открыв Большую советскую энциклопедию, я прочитал статью: «ИГРА». Мне пришлось осмысливать ключевые понятия, входившие в смысловой кругооборот ключевого понятия «*игра*». Кстати, примерно то же самое делал Дейл Карнеги, когда перед ним возникла необходимость разобраться с проблемами *страха* у его учеников в момент, когда они должны были встать и начать говорить на уроке развития навыков публичных выступлений. Подсознательная подсказка, почерпнутая из книг Дейла Карнеги, привела меня к логической структуре *деловой игры*. Ключевые понятия слов «*дело*» и «*игра*» в совместном смысловом

словосочетании «*деловая игр*а» подсказали мне модель, которую я использовал на практических занятиях на «*Высших курсах переподготовки кадров министерств и ведомств*», которые я проводил в Минске. Допустим, я избирал слово «*ситуация*» как явление в практике должностного лица министерства легкой промышленности и просил конкретного чиновника сообщить краткую суть его должностных обязанностей. Выслушав, просил сообщить наиболее часто возникавшую *сложную ситуацию* в его практической деятельности. Он называл мне: *совещание по поводу изложения технического задания для отрасли*. Казалось бы, типичная деловая тема. Однако вскоре выяснялось, что в этом *акте изложения обнаруживались конкретные* проблемы отрасли. Их следовало *изложить*, расставив *акценты*. Конкретные люди, участники совещания, эти проблемы были обязаны *учитывать*. Модель проведения *делового совещания,* разыгрываемая на занятии, учитывала все эти детали. Однако чиновники министерства далеко не всегда были готовы *понять*, что *деловое совещание* – важный инструмент ситуативной деловой игры. Разбор игровой модели, а особенно представленный в форме *киноролика*, выдает все те ошибки, которые для руководителя *недопустимы*. Такие факторы, как *настроение, уместный юмор, точность оценок, предупредительные реплики* и т.п., являются свидетельством культуры *главного лица* в деловом кабинете, проводящего совещание.

Недаром игра изучается философами, историками культуры, этнографами и антропологами, психологами, социологами искусствоведами, специалистами военного дела. Каждый из них включает в контекст игры свои компоненты. Уже приехав в Америку, я стал просматривать книги, посвященные теории и практике деловых игр, поражаясь разнообразию моделей, которые использовались при решении различных проблем бизнеса. Да не только бизнеса!

Главными факторами игры как метода обучения для меня было наличие в ее сути инструмента *управления собственным поведением* участников. Поскольку я преподавал на курсах переподготовки кадров и одновременно в педагогическом колледже иностранных языков, я использовал *ситуативные игры,* моделируя формы *дисциплинарного диалога* педагога с учащимися, нарушившими учебный порядок в классе, или *конфликт* двух коллег-педагогов и т. п. Когда я обращался к ситуациям производственным, люди наглядно видели в *разыгрываемых* обстоятельствах ошибки или психологически

верные приемы влияния людей друг на друга, используемые в игровой ситуации. Несколько директоров промышленных предприятий Минска обратились ко мне с просьбой провести в их коллективах ситуативные игры, которые со временем я стал называть «*деловыми*». Мотив таких просьб, обращенных ко мне, был достаточно простым – желание выработать в группе среднего звена управления промышленного предприятия или учреждения навыки принятия *целесообразных* решений: или в *конфликтных* ситуациях, или при реализации новых производственных программ. К тому же в *игре* складывается и совершенствуется управление собственным поведением *кадров управления*. Происходит *социализация*, то есть усвоение нравственно-психологически и этически *целесообразных* моделей поведения кадров всех уровней *человеческих отношений* на производстве и в учреждении. Я называл их так, помня наставления Дейла Карнеги. Предоставляя индивиду возможность расширить свой *социальный опыт*, удовлетворить *потребности* в знаниях верных форм регуляции отношений с коллегами, *игра* помогала реализации тех *состояний и ролей*, которые не *актуализированы* в его обыденной жизни. Многие мои подопечные с курсов повышения квалификации признавались мне, что, пройдя игровой *практикум*, они обращали внимание на ту обыденную среду (семья, приятельский круг общения и прочее), в которой они оказывались, включая приобретенные в деловой игре навыки решения человеческих проблем. То, что *игра* являлась средством психологической подготовки к будущим жизненным ситуациям, для многих моих учеников становилось *очевидным*. Уже перед самым отъездом в США я начал использовать *ситуативные* игры как *лечебный* метод, обращаясь к этому инструменту как *психотерапевт*. В игре человек получает возможность снятия различных жизненных *напряжений*, возникающих непроизвольно и отягощающих повседневную реальность человека, заставляющих его искать способы эффективной *разрядки*. Приехав в Америку, я начал психотерапевтическую практику в среде русскоязычных иммигрантов. Но это, к слову...

...Получив возможность использовать *игровую ситуацию* в середине восьмидесятых в Минске, я обратился к ней, осуществляя консультативные обязанности в процессе избирательной кампании. Этот метод я разработал, когда проводил *деловые игры* на промышленных предприятиях. Напомню, в условиях социализма в хозяйственной деятельности царила *централизация*. В отраслевых министерствах

разрабатывались планы, которые «*спускались*» в регионы, где располагались промышленные предприятия, а партийные и все иные контрольные организации осуществляли *надзор* за их исполнением. Однако такой метод тормозил *инициативу снизу* и лишал руководителей предприятий возможности адекватно реагировать на обстоятельства, возникающие в их регионах. Завод, стоящий в конкретном городе, был структурой подотчетной министерству, расположенному в Москве. Однако предприятие, будучи в регионе, подпадало под *надзор* местной партийной и советской власти. В начале девяностых распад партийной и уже так называемой «*советской власти*» произошел неожиданно. В республике был избран президент, и он распорядился о переизбрании мэра города Минска. Вся структура власти пока оставалась неизменной, кроме коммунистической. На первый взгляд, никаких заметных перемен не было. Все органы КПСС были ликвидированы, но связь с Москвой оставалась, хотя законодательная инициатива уже перешла в руки местных органов власти. В сельской местности все пока оставалось по-прежнему. Однако и там местные власти распорядились провести выборы. Расположенные там сельскохозяйственные предприятия уже не подчинялись партийным органам, но были связаны с бывшими советскими учреждениями. Это было временно, и все должно было измениться только после новых выборов. Разумеется, какие-то противоречия возникали, но сельхозпредприятия снабжали города продуктами питания, и властям следовало за этим процессом, как-то следить, потому что стихия рынка пока была неуправляемой...

...До развала СССР колхозы и совхозы, даже крупные агрокомплексы располагали ограниченной рабочей силой. Особенно им было нелегко в период сбора урожаев, справиться с которым было непросто. В такие моменты КПСС *приказывала* директору завода предоставлять селу «*рабочую силу*». Людей отрывали от заводских станков, сажали на грузовики и отвозили в колхозы. Оплата за труд на сельскохозяйственном производстве, как правило, была мизерной. Или полностью отсутствовала! В итоге, месяц, а то и два, тысячи людей из заводских цехов трудились, убирая урожай. Завод или фабрика, теряя рабочую силу, нередко срывал график исполнения плановых заданий, в итоге на производстве возникали острые проблемы. Я не раз убеждался, что сельскохозяйственное производство тяжелым грузом ложилось на практику фабрично-заводского

производства. Падала производительность труда и все прочие показатели, которыми руководители заводского коллектива уже не могли похвалиться перед своим вышестоящим начальством в Центре. Возникали «*приписки*», *манипуляции цифрами, двойная отчетность* и все прочие явления, избавиться от которых в условиях такого хозяйствования было невозможно!

Подчинение крупных промышленных предприятий местным органам власти было очевидным, а *вовлечение* их трудовых ресурсов в решение местных сельскохозяйственных предприятий – *неизбежным*. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что проблемы заводских и фабричных специалистов в области организации производства, бухгалтерского учета и т. п. были очевидными! Настал момент, когда в семидесятых годах при крупных промышленных предприятиях стали создаваться... *аграрные хозяйства*. Туда привлекалась рабочая сила из колхозов и совхозов, не справлявшихся со своими обязанностями, поскольку они просто *разваливались*...

...Сам процесс деловой игры, разработанный мной, был довольно простым. В число «игроков» включались: «Директорат» (в него входило управленческое звено предприятия), «Аналитики» (главы расчетных служб предприятия: бухгалтеры, плановые структуры, специалисты по нормированию труда, организации труда, оплаты труда и т. п.). Вся текущая документация конкретного производства вовлекалась в практику «игры» из реальных заводских и фабричных источников производства.

Игровая ситуация, как правило, была одна: наступало лето, время *извлечения* кадров из заводской практики на нужды *сельскохозяйственного* производства. Итогом *игры* была разработка *документа*, который предъявлялся «*Директоратом*». В нем излагался полный расчет итогов деятельности фабрики и завода, из недр которого извлекался конкретный *процент рабочей силы*, передаваемый на два или три месяца в распоряжение *региональных* колхозов и совхозов, которым требовалась *безвозмездная* помощь.

За мою практику деловых игр, а я провел их около ста семидесяти в разных регионах СССР, они давали ответ только на один вопрос: *можно ли избавиться от паразитарного отношения сельскохозяйственного производства к производству промышленному? «Нет!»* – таков был мой ответ. *Почему*? Потому что принцип коллективного сельхозпроизводства и все прочие методы ведения аграрного

хозяйства в условиях СССР были обречены на *паразитарное* существование за счет трудовых ресурсов города. Только после распада СССР и ликвидации КПСС переустройство народного хозяйства в городе и на селе на основе экономической целесообразности изменило ситуацию...

Итак, напомню ситуацию с мэром, которую я описываю. Мои ученики, получив все документы городской мэрии Минска, за три дня напряженной работы проанализировали их и пришли к убеждению, что хозяйственная деятельность мэрии имела множество ошибок, потерь и прочих проблем, на которые закрывались глаза и самим мэром, и его подчиненными. Я попросил руководителя группы *аналитиков* подготовить доклад и представить его чиновникам бывшего мэра. То есть тем сотрудникам, которые руководили хозяйственными отделами мэрии в течение года. Потом мы сели друг против друга и каждый член команды «*аналитиков*» высказал свои суждения по итогам проделанной работы.

Беседа проходила очень остро. Мэр выглядел крайне жалко и, спустя второй час работы моей группы «*аналитиков*», попросил остановить изложение и признался, что в его работе было немало ошибок и откровенных ляпов, но он готов выслушать наши рекомендации. Здесь в процесс обсуждения вступил я, у меня было только одно требование. «*Вы должны осознать, что опыт вашей работы, увы, не безгрешен и вам придется учесть жизненный опыт вашего оппонента, Александра Гавриловича* – так звали конкурента мэра – *с большим уважением. Он не занимался хозяйственной деятельностью, у него не было таких практических задач, с которым сталкивались вы, и он не решал их в нарушение существующих норм и порядка. В противном случае нам придется предать огласке ту практику работы, которую вы осуществляли в течение прошлого выборного периода своей работы...*» Эти слова были записаны в протокол, и мэр документ подписал.

Разумеется, это была модель «*человеческих отношений*» переходного периода в жизни республики Беларусь, где уже существовала иная *власть*, а все атрибуты хозяйственной деятельности оставались пока прежними. Что-то шло по инерции и продолжаться долго так не могло. Тем не менее это были *выборы*, и мне приходилось считаться с привычными начальственными методами опытного администратора (бывшего мэра), готового идти на любые уловки, чтобы

удержаться у власти. Странность происходивших событий вокруг меня была очевидна. Тем не менее те *человеческие отношения*, которые пока оставались привычными и для бывших администраторов, и для тех, кто выстраивал новые демократические институты (я имею в виду самого себя), *закладывались* в новые системы. Старое и новое перемешивалось в густой замес, и проследить за всеми нюансами было невозможно.

Мэр тайно изготовил плакаты с текстом, дискредитирующим его оппонента в выборном процессе, и заставил помощников расклеить их в тех частях города, которые были на периферии и фактически не контролировались. День голосования наступил через два дня, и эта акция сильно повлияла на исход выборов. Узнав об этом, я отказался от консультативных услуг и от причитавшегося мне *гонорара*...

Я продолжил работать в своей компании «КРОСС», но помещение, которое я использовал под офис, приобрел бывший глава правительства Белоруссии, кстати, мой ученик, который учился у меня на курсах повышения квалификации высших управленческих кадров. Мою фирму пришлось закрыть. Единственное, что я успел сделать – написать докладную записку в адрес Президента Белоруссии, в которой подробно описал все «проделки» избрания мэра Минска на основании тех документов, которыми я воспользовался, чтобы умерить его амбиции. Мэр был *отозван* и отправлен *послом* Белоруссии в какую-то страну Западной Европы. Через два месяца я с семьей эмигрировал в США на постоянное место жительства.

VII.

Когда мне удалось прочитать все книги Дейла Карнеги, в подробностях узнать все детали его жизни, изучить методы его преподавательской деятельности в той системе образования, в которой он осуществлял свою практику, я не переставал удивляться сходству тех инструментов, которыми, в разное время, мы с ним пользовались. Нас разделяли годы, время и пространства, но мы оказались с ним очень близкими по духу людьми. Многое из его трех книг актуально и теперь в деловой практике США. Немало выглядит наивно, иллюстративно или даже забавно. Вместе с тем подавляющее большинство

его рекомендаций остается действенным инструментом практической жизни бизнесменов, как начинающих, так и уже обретших практический опыт. Мне не следует извлекать сейчас из его книг, переведенных на русский язык, эти сокровища его ума и опыта. Они станут привычными для новых поколений бизнесменов мира. Я хочу пройтись по годам его жизни, которые были наполнены и приключениями, и реальными успехами.

Особое место, как мне кажется, в его жизни занимает его второй брак, с Дороти Вандерпул (Dorothy Vanderpool, 1913–1998), женщиной, которая сумела весьма эффективно использовать его творческое наследие. Более того, личная жизнь обрела стабильность. Женившись на умной, привлекательной и сильной молодой женщине в середине 1940-х годов и поселившись в прекрасном доме в Форест-Хилс (Forest Hills), он наслаждался устойчивой и комфортной семейной жизнью. Когда с возрастом он начал сокращать свой напряженный график преподавания, письма и публичных выступлений, Дороти стала играть все более важную роль в Carnegie and Associates, особенно в деловых вопросах. Отдавая меньше времени профессиональным занятиям, Карнеги наслаждался своего рода пенсионным отдыхом, который обеспечивал лучшее из обоих миров: работы и дома. В возрасте шестидесяти трех лет он неожиданно стал отцом маленькой девочки, и этот опыт наполнил его жизнь новыми удовольствиями. Эти строчки, изложенные его биографом Стивеном Уоттсом, можно было бы оставить, как заслуженное упоминание финального отрезка жизни этого замечательного человека. Однако его личность оставалась неожиданной и парадоксальной даже в мелочах. Приведу пример из книги Стивена Уоттса «*Мессия самопомощи. Дейл Карнеги и успех в современной Америке*», которую я с удовольствием читал, работая над этой главой:

> In the aftermath of his second blockbuster book in 1948, «How to Stop Worring and Start Living», Carnegie settled into a rich, full domestic life. Settling down with Dorothy at 27 Wendover Road in Forest Hills, he enjoyed a variety of hobbies and activities. The couple continued to travel widely—throughout the American West, to the Canadian Rockies, to Europe, and from time to time to his farm in western Missouri. Dale traveled alone to Italy in 1951 and Japan in 1953. They shared a love of the theater, ate in good restaurants, hosted small dinner parties for friends, and read, filling the house with books. At meetings, Dorothy often played the piano while others sang—something Dale enjoyed doing, especially on old hymns such as "Bringing in the Sheaves." Their marriage was strong, characterized by mutual love and respect. Yet their personalities differed in some ways. Dale was a pack rat, and Dorothy was neat and efficient. She liked to redecorate the house at every opportunity, while he preferred a stable arrangement of things. His taste in furniture was traditional, heavy wooden pieces, while she liked sleek, modern style. But Dale and Dorothy shared a strong will. One day, Dale brought home a large ocean fish, given to him by an acquaintance, which he hoped to eat for the weekend. It was so smelly that Dorothy made him leave it in a wooden box outside. However, after they went to bed, he waited until she seemed to be asleep before sneaking downstairs and putting it in the refrigerator. But she heard him, waited until he was asleep, and then tiptoed downstairs to carry him back outside. This went on all night. In the morning Dorothy finally gave in, but they both laughed, recognizing their mutual stubbornness.[1]

После выхода в 1948 году второго блокбастера «Как перестать беспокоиться и начать жить» Карнеги начал вести насыщенную и полноценную семейную жизнь. Устроившись вместе с Дороти по адресу Вендовер-роуд, 27 в Форест-Хилс, он наслаждался множеством хобби и занятий. Пара продолжала много путешествовать – по американскому Западу, в Канадские Скалистые горы, в Европу и время от времени выезжала на его ферму на западе Миссури. Дейл один поехал в Италию в 1951 году и в Японию в 1953 году. Они разделяли любовь к театру, питались в хороших ресторанах, устраивали небольшие званые обеды для друзей и читали, наполняя дом книгами. На собраниях Дороти часто играла на фортепиано, пока другие пели – Дейл делал это с удовольствием, особенно в старых гимнах, таких как «Bringing in the Sheaves». Их брак был крепким, отличавшимся взаимной любовью и уважением. И все же их личности в чем-то различались. Дейл был вьючной крысой, а Дороти отличалась аккуратностью и работоспособностью. Она любила при каждом удобном случае переделывать дом,

1. Steven Watts SELF-HELP. DALE CARHEGIE AND SUCCESS IN MODERN AMERICA. OTHER PRESS NEW YORK, 2013, p.p.468-469

тогда как он предпочитал стабильное расположение вещей. Его вкус в мебели сводился к традиционным тяжелым деревянным предметам, а ей нравился гладкий современный стиль. Но Дейла и Дороти разделяла сильная воля. Однажды Дейл принес домой большую океанскую рыбу, подаренную ему знакомым, которую он надеялся съесть на выходные. Она была настолько вонючей, что Дороти заставила его оставить ее в деревянном ящике снаружи. Однако после того, как они легли спать, он подождал, пока она, казалось, уснула, прежде чем прокрасться вниз и положить рыбу в холодильник. Но она услышала его, подождала, пока он уснет, а затем на цыпочках спустилась вниз, чтобы вынести рыбу обратно на улицу. Это продолжалось всю ночь. Утром Дороти наконец сдалась, но они оба рассмеялись, признавая взаимное упрямство.

Его увлечение садоводством отражало артистичность натуры. Биограф с удовольствием описывает имение Карнеги, утопающее в цветах. Желание Дейла и Дороти иметь детей относится к разряду невероятных и даже фантастических актов шестидесятитрехлетнего мужчины и женщины, возраст которой трудно было считать подходящим для такого сюрприза. Тем не менее это случилось и придало супружеству особый привкус семейной романтики и аромат духовного расцвета обоих.

Можно перечислять множество событий их жизни, простиравшейся за пределами экватора реальных возможностей бытия, но я рекомендую обратиться к книге Стивена Уоттса, чтобы получить истинное удовлетворение от описания последнего десятилетия жизни Дейла Карнеги. Проблемы со здоровьем начались с мелочей. Вскоре после рождения дочери появились провалы в памяти. Один из первых случаев произошел, когда привередливый Карнеги приехал домой из Нью-Йорка, оставив в метро дорогое новенькое пальто. Дейл потерю не осознавал, а затем сказал, что это ерунда, хотя его жене такое поведение показалось очень странным. Затем она заметила, что у мужа начались проблемы с номерами телефонов. Он их путал, забывая даже через мгновение после того, как произносил их, готовый набирать, а, забыв, очень расстраивался. Рутина ухода за любимой дочерью иногда была для него утомительной. Иной раз он вел малышку по улице в свой подсобный сад, *забывая*, что она была с ним и приходил домой... один. Дороти тщательно скрывала чувства, возникавшие

в таких обстоятельствах, и они, уже вместе, бросались искать дочь. Пруд с золотыми рыбками, гордость Дейла, был, наконец, засыпан, и на этом месте посадили розовые кусты. Так было совместно решено супругами, чтобы предотвратить несчастный случай, увы, возможный в процессе развития его болезни.

Количество подобных фактов в деловой жизни Карнеги накапливалось. Однако его активность оставалась заметной. Дейл и сам понимал реальность угроз надвигающейся на него болезни. К сожалению, реальность брала свое и пришлось обращаться к врачам. Приблизился момент, когда прозвучали предположения, что у Дейла Карнеги все признаки болезни Альцгеймера. Поскольку к 1954 году его забывчивость и растерянность неуклонно усиливались, врачи, наконец, сказали его жене, что в какой-то момент ему потребуется уход, который иначе как *опекунством*, не назовешь.

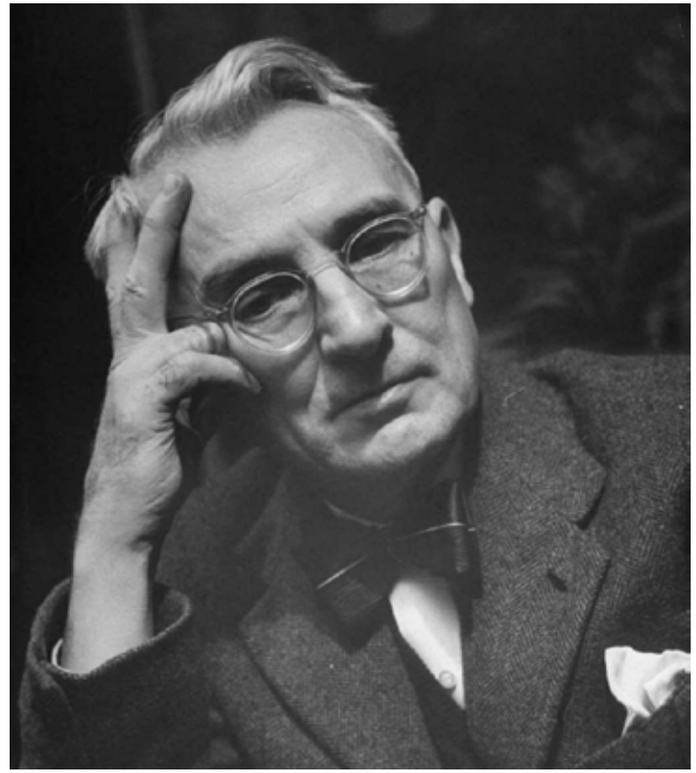
Такие люди, как Дейл Карнеги, и на склоне лет оставались в центре внимания общества. Его жена прекрасно это понимала и, по мере сил, старалась скрыть вызревающую проблему со здоровьем мужа. Поскольку его состояние ухудшалось, Дороти, понимая всю ценность интеллектуальных усилий мужа, решилась взять на себя ответственность за его бизнес. Вместе с тем она понимала, что *опекунство* над мужем должно быть предметом только ее заботы, чтобы не выдавать реальную степень беспомощности, которая нависала над Дейлом.

В 1944 году, когда Дороти и Дейл сочетались браком, его жена стала партнером во всех его начинаниях. Именно ее усилиями был создан «*Курс Дороти Карнеги для женщин*». Одновременно она сыграла важную роль в создании и расширении компании «*Карнеги и партнеры*». В 1945 году Дейл назначил ее вице-президентом этой компании. С развитием болезни мужа Дороти взяла на себя управление всеми деловыми вопросами. Надо признать, что с ее талантами и смекалкой ей удавалось успешно преодолевать возникавшие в компании проблемы и даже ставить новые задачи. «*Она чувствовала,* – писал ее зять, муж их с Дейлом дочери Донны, – *что она может справляться с делами лучше любого мужчины. Она могла войти в комнату и заставить крутых мужчин трястись. Она была сильной!*» Гораздо позднее внучка Дороти описала темперамент жены Дейла, проявившийся в практике ее руководства его компанией: «*Дороти была свободна в своих действиях, прекрасно понимая свою роль, прежде чем кто-либо понял, что это значит*».

В 1953 году Дороти Карнеги опубликовала книгу под названием *«Как помочь вашему мужу добиться успеха в его социальной и деловой жизни»*. Разумеется, она выделила в ней достоинства *материнства*, важность и ценность *супружества*, а также роль домашних дел, которые считала уделом жен. В книге преобладали идеи, характерные для американского общества 1950-х годов, а в стилистике преобладали образцы, характерные для книг с советами ее мужа. Она предлагала формулы: *«Четыре способа дать мужу дополнительный импульс»*, *«Помочь мужу решить, куда он идет»*, *«Как подарить ему дом, милый дом»* и *«Как сделать так, чтобы он нравился людям»*. Главный аргумент Дороти заключался в том, что женщина должна взять на себя задачу: *помочь* своему мужу добиться *успеха*, потому что от него зависело ее благополучие и благополучие их семьи. Надо признать, что в смыслах ее рекомендаций, в которых Дороти видела конкретные перспективы, были признаки уважения к той роли, которую играл не абстрактный мужчина – глава семьи, а... предполагался такой, каким был ее Дейл Карнеги. *«Будьте готовы отказаться от собственной карьеры, если она противоречит счастью и интересам вашего мужа»*. Ее призыв: *«Давайте посмотрим правде в глаза, девочки. Этот замечательный парень в вашем доме (и в моем) строит ваш дом, ваше счастье и возможности, которые появятся у ваших детей. Так что, возможно, пришло время, когда ты начала серьезно думать о том, как можно улучшить его работу»*. Несколько лет спустя она, в шутливой форме, раскрыла уверенность в себе и собственные амбиции. В итоге, пока основатель компании «Дейл Карнеги и партнеры» (Dale Carnegie and Associates) боролся с серьезным недугом, его жена, благодаря своему устойчивому и твердому характеру, двигалась дальше.

В июне 1955 года случилось событие, которое стало знаковым в судьбе Дейла Карнеги. Его альма-матер, Центральный колледж штата Миссури в Уорренсбурге (Central Missouri College in Warrensburg), *решил присвоить ему степень почетного доктора наук*. Надо признать, что этот акт оказался в истории колледжа первым. В обращении к своему давнему воспитаннику Дейлу Карнеги руководство колледжа просит его присутствовать на церемонии летом 1955 года. Более того, произнести вступительную речь. Стремясь вернуться в город, где провел свою юность, он ответил согласием.

Карнеги прибыл в кампус Центрального штата Миссури, чтобы выступить с речью 29 июля, и провел там весь день. Его отвез



в Уорренсбург и обратно Гарольд Эбботт (Harold Abbott) сотрудник курса Карнеги в Канзас-Сити. Согласившись присутствовать на выпускном обеде в колледже, Карнеги радостно приветствовал присутствовавших высокопоставленных лиц, преподавателей и бывших одноклассников. Еженедельник Newsweek освещал это событие. (Newsweek, August 8,1955):

«Today, Dale Carnegie is a figure of global influence, His book: «How to Win Friends and Influence People» is perhaps the most popular publication since the Bible. It was published in 31 languages. Five million copies in English only. In addition, 450,000 students have graduated from his Institute of Effective Speech and Human Relations since he founded it in 1912»

«Сегодня Дейл Карнеги – это личность мирового влияния», – говорилось в нем. Его книга: «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» – едва ли не самое популярное издание со времен Библии. Она издана на 31 языке. Пять миллионов экземпляров только

на английском языке. Кроме того, 450 000 учеников окончили его Институт эффективной речи и человеческих отношений с тех пор, как он основал его в 1912 году».

При всей значительности этого события в жизни Дейла Карнеги его физическое состояние было сложным. Тем не менее он принял участие в торжественной церемонии, и она стала последним выдающимся актом в его судьбе. Один из друзей Карнеги признался, что, учитывая его ухудшающееся здоровье, только крайняя привязанность Дейла к своей школе могла заставить его появиться на публике. Карнеги сел на помост на церемонии в Хендрикс-холле (Hendrix Hall), когда глава Попечительского совета колледжа (College Board of Trustees) зачитал:

> A person who came to this campus from his neighboring farmhouse; who here, by his own effort and determination, was transformed from a timid, reserved farm boy into an accomplished orator, winning contest after contest; who, through difficulties and adversity, became famous as a teacher of public speaking and applied psychology and received worldwide recognition as an author in these fields; who has been hailed in many parts of the world as a benefactor of humanity who has helped thousands of people overcome their fears and develop their innate abilities and self-confidence; a man whom the whole world now knows and will remember almost as a legend as a man who contributed to human happiness and development; I present to you the degree of Doctor of Literature from Dale Carnegie.» Dr. George Diemer, the college's president, then presented Carnegie with his degree. Then regent and former classmate of the honoree, D. Howard Hart, added a few words. «Mr. Dale Carnegie,» she said, «gave men and women all over the world faith in themselves, hope for their future joy and confidence in relationships with others.» College Awards Famous Alumnus Honorary Degree. Warrensburg Daily Star Journal July 29 1955.

> Человек, приехавший в этот кампус из своего соседнего фермерского дома; который здесь, благодаря своим собственным усилиям и решимости, превратился из робкого, сдержанного фермерского мальчика в опытного оратора, выигрывавшего состязание за состязанием; который через трудности и невзгоды прославился как преподаватель публичных выступлений и прикладной психологии и получил мировое признание как автор в этих областях; которого приветствовали во многих частях мира как благодетеля человечества, который помог тысячам людей преодолеть свои страхи и развить врожденные способности и уверенность в себе; человек, которого теперь знает и будет помнить весь мир почти как легенду, как человека, внесшего вклад в человеческое счастье и развитие. Представляю вам ученую степень доктора литературы Дейла Карнеги». Затем доктор Джордж Димер, президент колледжа (George Diemer, college president), вручил Карнеги степень. Затем регент и бывшая одноклассница лауреата, Д. Говард Харт (D. Howard Hart), добавила несколько слов. «Господин Дейл Карнеги, – сказала она, – дал мужчинам и женщинам во всем мире веру в себя, надежду на свое будущее, радость и уверенность в отношениях с ближними.»

Так Дейл Карнеги за несколько месяцев до своей смерти с гордостью принял почетную степень доктора литературы в июле 1955 года от своей альма-матер – Центрального государственного колледжа Миссури. В речи в Уорренсбурге на церемонии вручения докторской степени весьма малозаметны были следы его сражения с недугом. Это выступление оказалось последним словом Дейла Карнеги. За три недели до своего шестьдесят седьмого дня рождения он умер. Это случилось в 6:10 утра, 1 ноября 1955 года. Тело Карнеги было перевезено в Белтон, штат Миссури, где он был похоронен рядом со своими родителями на небольшом кладбище. На простой мраморной плите было написано: «Дейл Карнеги, 1888–1955» (Dale Carnegie, 1888–1955).

VIII.

Наблюдение за развитием современного российского капитализма заставляет осмысливать прежде всего нравственно-этические нормы, складывающиеся с начала девяностых до нынешних лет экономического развития страны и российского бизнеса.

Государственный переворот, случившийся в октябре 1917 года в Российской Империи, декларированный В. И. Лениным как «*октябрьская социалистическая революция*», и как его итог – приход к власти большевиков, радикально изменил процесс социально-экономического развития страны. Этот переход привел к исчезновению

буржуазии. Корни этого социального слоя беспощадно выкорчевывались. Было создано, слитное с государственным аппаратом, грандиозное объединение, именуемое «*союзом социалистических республик*». Старое название – «Российская Империя» – уже не отражало реальности. Одновременно с этим процессом радикальных преобразований в экономике и в хозяйственных отношениях, названных «*революционными*», социальный слой буржуазии исчез. В идеологии российского общества, в качестве главного ориентира, актуального для всех социальных слоев, стали пропагандироваться *единые этические правила на основе веры в построение коммунистического общества.* Все прошлые духовные ориентиры и ценности упразднялись. Возникали новые праздники, традиции, календарные даты, одобренные советским государством. Формулировались и предлагались к усвоению новые нравственные правила, опирающиеся *на коммунистические принципы.* Согласно им, все *слои* управления *государством и экономикой* свою деятельность осуществляли в целях *достижения общенародного блага.* В рамках этой системы все управленческие кадровые звенья *союза советских социалистических республик*, как представители всего народа, были обязаны *утверждать, защищать* и *умножать* интересы всего народа. Этот нравственно-политический принцип определял *поведение* и *деятельность* всех граждан Союза ССР сверху донизу, независимо от занимаемых ими рангов и должностей в государстве, вооруженных силах, политических структурах и производственно-экономических системах.

Со временем возник кризис в системе политического управления Союза ССР, что в конечном счете привело к... диктатуре. В процессе ее эволюции, после осуществленной *индустриализации*, завершившейся Второй мировой войны с диктатурой Гитлера, сложившаяся управленческая модель социально-экономической системы Союза ССР приобрела автократический режим, который окончательно утратил все признаки *саморегулирования*. Нарастание *перекосов* в экономике, политике, идеологии, социальной практике, приводило к замедлению экономического роста, а вместе с тем и к *утрате* первоначально объявленных целей – *утверждать, защищать и умножать* интересы всего народа. Это привело к губительным *финансовым издержкам.* Нравственный принцип государственного, политического и экономического *саморегулирования*, утверждаемый идеологией правящей Коммунистической партии, постепенно становился

для кадров управления Союзом ССР *бессодержательным* набором лозунгов и призывов. Центральная власть, в качестве стимулов нравственной мобилизации и укрепления ответственности кадров управления высшего звена партийного советского руководства, предоставила низовым звеньям Союза ССР большие полномочия. По замыслу КПСС, это должно было привести к включению этического «*мобилизационного ресурса*» управленческих кадров Союза ССР. Однако проблемы морального *саморегулирования* социально-экономической системы окончательно ослабли, а полученные полномочия привели кадры управления всех уровней к *криминализации*. В рамках народного хозяйства страны постепенно формировалась стихия нелегитимных рыночных отношений, заражая систему управления Союза ССР *коррупцией*.

Управляющий слой Союза ССР, складывавшийся из однопартийной политической системы, пользуясь отсутствием в стране конструктивной оппозиции, стремился закрепить свое господствующее положение. С этой целью процесс обновления управленческих кадров на всех уровнях управления страной и экономикой активно *затормаживался*. Высокопоставленные служащие Союза подбирали себе в помощники кадры более низкого качества. Рост возраста у представителей главного звена управления Союзом ССР приводил к ощущению риска своему привилегированному положению в управленческой иерархии. В связи с этим интеллектуальные нагрузки отрицательно влияли на качество принимаемых решений на всех уровнях. Подсознательный страх ответственности приводил к утрате оптимального выбора напряженных режимов деятельности, в которых осуществляется поиск прогрессивных проектов и решений. На этой основе резко снижался нравственный самоконтроль номенклатурных кадров. Укреплялось стремление к неограниченному материальному благосостоянию высших управленческих кадров Союза ССР. Практика власти эволюционировала в сторону автократии. Итогом нравственного разложения высшего управленческого аппарата стала *дискредитация* морально-политических и конституционно-правовых норм правящей партии и государственной идеологии. В результате разложения управляющего слоя стала нарастать моральная деградация всех слоев населения страны. Этические нормы *демократии* насильственно не допускались в практику управления Союза ССР и не осуществляли присущую им функцию нравственного

саморегулирования. При наличии в структурах управления заявленных властью *идеологических ценностей* их смысл и нормативы *маскировались* ложной лояльностью. Форсировался режим отказа от следования нравственным требованиям, включенным в контекст партийных документов и базовых идей советского государства. В итоге произошел отказ от главной ценности – *удовлетворять интересы народа*. Произошло разрушение Союза ССР на отдельные государства и реставрация капитализма. К власти в РФ пришла наиболее реакционная политическая группа, которая втянула элиты в правящий класс, который использовал *реставрацию* в целях личного обогащения.

Картина случившихся в России преобразований отразила острые противоречия. Нравственные *ценности и генетические архетипы* народов, населявших территорию Российской империи, а затем и СССР, не утратили своей *актуальности*. Память населения хранила *уникальность* всей предшествующей истории. Неравнозначность отношения к ней национальных групп только обостряла охранительные инстинкты остальных социальных слоев. Настало время *выживания и выбора* народа в ситуации реставрации капитализма. С конца девяностых до времени прихода к власти президента В.В. Путина актуальность традиционных нравственных ценностей, включенных в контекст моральной парадигмы современного управления социально-экономическим развитием Российской Федерации, стала *смыслом* национальных интересов, которые были подхвачены и наследниками Дейла Карнеги. Этот процесс непрост! Возможны повторения ошибок недавнего прошлого. Однако восстановление морального авторитета церкви придало России новый импульс в борьбе с нравственными пороками. Я хочу привести текст проповеди, произнесенной предстоятелем Русской Православной Церкви патриархом Кириллом. По словам предстоятеля, иногда люди с властными полномочиями по причине того, что от них многое зависит и у них находится большое количество людей в подчинении, «*...завышают как бы свое значение и теряют критическое отношение к себе...*» «*Вот это самый большой грех людей во власти. Когда головка кружится, слишком много людей подчиняются, слишком много зависит, и эту как бы свою должностную позицию человек относит не столько к тому, что он занимает это место, а к своей собственной личности*», – отметил патриарх. *Глава РПЦ добавил, что на фоне влияния этих факторов*

и подобной логики действий у людей во власти развивается большое количество пороков. Патриарх указал на то, что за сегодняшним богослужением читался евангельский отрывок о начальнике мытарей (сборщиков податей. – О. Ю.) Закхее, который при встрече с Христом раскаялся в том, что несправедливо обирал простых людей, и пообещал «воздать вчетверо» всем тем, с кем он поступил плохо. Он подчеркнул особую поучительность данного евангельского чтения для представителей власти – прежде всего тех, кто «особенно имеет власть брать от граждан материальные ценности через налоги и деньги». Такая работа требует особой честности и внутренней силы», – заключил глава РПЦ патриарх Кирилл.

Сейчас в мою задачу не входит глобальный охват всех интеллектуальных усилий российского нравственного опыта и практики, озабоченной проблемами управления социально-экономическими системами. Я коснусь близкого мне сегмента социально-психологической практики управления. Она была предметом внимания Дейла Карнеги в начале XX века в США. В конце семидесятых, все восьмидесятые годы волею судеб этот же сегмент стал объектом моего осмысливания в практике жизни в СССР. В Америке, с пятидесятых годов до финала XX века и в начальном десятилетии XXI, было много исследований в области теории коммуникации, с ее психологическими, лингвистическими, логическими компонентами, которые были отражены в целом ряде публикаций. Появились новые имена, сложились заслуженные авторитеты, которые оказали сильное влияние на практику социально-прикладных коммуникативных дисциплин.

В ситуации поиска работы Дейлом Карнеги, профессия *продавца* отражала присущие ему самому человеческие качества. На его взгляд, приемлемые для эффективного исполнения профессиональных обязанностей черты характера, такие как *живость, приветливость, эмоциональность, готовность помочь,* служили условием быстрого и успешного налаживания *контакта* с покупателем. Речь, мимическая живость, приветливая улыбка, доброжелательность тона и т. п. свойства характера Дейла со временем стали предметом профессионального использования им в процессе обучения и в Академии театрального искусства.

Прошли годы. В США появились новые научные направления по изучению проблем *профессиональных коммуникативных компетенций.* Мимика, язык, его инструментальное разнообразие: *акценты,*

интонирование, скрытные формы манипулирования в диалоге и т. д. и т. п. стали основой научных интересов лингвистов, психоневрологов, психиатров, психологов. Разумеется, философы тоже не остались в стороне. *Логика речи, прагматические ориентиры выстраивания диалога, театральные акценты изложения идей, специфика маневрирования в процессе реализации коммуникативных сюжетов* и т. п. резко расширили возможности профессиональных коммуникативных практик.

Нейролингвистическое программирование дало возможность трансформировать свои и чужие убеждения. Менять поведение, даже лечить психологические травмы с помощью специальных упражнений. При включении ресурсов коммуникации, осуществляется связь между неврологическими процессами, языком и моделями поведения. Ричард Бандлер (Richard Bandler), американский психолог, совместно Джоном Гриндером (John Grinder) использовал в нейролингвистическом программировании стимулы раскрытия актуальных возможностей человека в процессе межличностной коммуникации.

Деннис Соломон (Dennis Solomon) и Дженнифер Тейс (Jennifer Theis) в книге «*Межперсональные коммуникации*» (Interpersonal Communications) предложили разработанные ими методические приемы формирования эффективных практик коммуникации.

В книге «*Межличностное поведение*» (Interpersonal Behavior: History and Practice of Personality Theory by Robert Carson) Р. Карсон описывает, анализирует и объясняет транзакции, происходящие между людьми. Его анализ фокусируется на наименьшей возможной единице социального взаимодействия – диаде или группе из двух человек. Эта книга представляет собой исследование в области человеческого поведения, одновременно *захватывающего и раздражающего.* Роберт Карсон знакомит нас с основными теоретиками межличностного общения. Многолетний опыт работы клиническим психологом позволяет ему эффективно применять концепции взаимодействия личности в области психических и эмоциональных «болезней». Он ясно дает понять, что многие люди, обозначенные как «*психические пациенты*», понесли реальный вред, потому что их воспринимают как людей с «*больной*» личностью, а не как людей, которые при определенных обстоятельствах ведут себя «*неадекватно*», то есть «*странно*».

Седьмое издание «*Навыка межличностного общения*» («Interpersonal Communication Skills») Оуэна Харги (Owen Hargey), созданное как лучший учебник по коммуникативным практикам, тщательно переработано и дополнено последними результатами исследований, теоретическими разработками и приложениями.

Вклад умелого межличностного общения в успех как в личном, так и в профессиональном контексте в настоящее время широко признан и тщательно исследован. У людей есть глубокая и универсальная потребность во взаимодействии с другими, и чем выше их *коммуникативные способности*, тем более удовлетворительной и полезной будет их жизнь. Основное внимание в этой книге уделяется анализу и оценке *основных навыков*, необходимых в этих взаимодействиях. Книга предлагает подробное описание четырнадцати основных навыков: *невербальное общение, подкрепление, вопросы, размышление, слушание, объяснение, самораскрытие, наведение на установку, завершение, напористость, влияние, ведение переговоров, взаимодействие и руководство групповыми дискуссиями.*

Книга завершается обсуждением этических проблем межличностного общения. В этом новом издании также представлен расширенный раздел, посвященный групповому мышлению. Анализируется влияние пандемии коронавируса на коммуникативные модели поведения...

Это всего лишь минимальный перечень книг и монографий, появившихся на книжном рынке за последние десять лет. Впечатляет многообразие тем и множество проблем, связанных с к*оммуникативными процессами* в социально-политическом контексте жизнедеятельности человека во всем разнообразии его коммуникативных практик. К примеру: «Crucial Learning» («Критическое обучение».) Компания специализируется на самых разнообразных сферах коммуникативных практик. Предлагая свои программы тренерских услуг в области обучения коммуникативным практикам, они излагают конкретные факторы эффективности в области профессиональной деятельности, психологического здоровья сотрудников, положительной статистики в их работе после завершения тренинговых курсов. В частности, появляется психотическая безопасность, вследствие того, что все голоса и точки зрения учитываются и услышаны. Возникает устойчивое чувство *справедливости и инклюзивности.* Изложение инновационных идей становится нормой. Эффективность работы повышается. Возрастает профессиональная активность, при этом не утрачивается качество и безопасность исполнения профессиональных обязанностей.

Когда у людей появляются доказательства того, что их голос имеет значение, они знают, что их роль жизненно важна, а их вклад важен, культура диалога способствует вовлечению сотрудников в процесс повседневной деятельности. Люди с большей вероятностью будут делиться новыми идеями и бросать вызов существующему положению дел, если у них есть навыки *эффективного несогласия*. Инновации процветают там, где существует откровенный и уважительный диалог. Исследования показывают, что каждый *избегаемый* важный разговор стоит организации в среднем в 7.500 долларов и более семи рабочих дней. Открытый диалог экономит время и деньги.

Сохранение *гибкости* в неопределенных ситуациях и условиях зависит от людей, способных открыто вести диалог перед лицом возможного стресса и неприятных последствий. *Общение* способствует *сотрудничеству*. Ошибки не случаются тайно; они происходят в тишине. Наши навыки ведения диалога дают работникам уверенность в том, что они могут высказаться, когда видят, что другие совершают ошибки или выбирают ошибочную версию решения проблем.

По необходимости возможны индивидуальные или непосредственные групповые тренинги с привлечением разнообразных методик. Доказательствами эффективности *коммуникативных тренингов,* по свидетельствам Интернета, выступают статистические итоги проведенных исследований практики крупного бизнеса. Компания Sprint сообщает о повышении производительности труда на 93%. Компания Pride International сократила количество инцидентов, связанных с безопасностью, на 55% только за один год. Компания AT & T сократила расходы на выставление счетов на 30%. Компания Rocky Mountain Equipment снизила оборот с 30% до 16%. После коммуникативных тренингов в коллективе школьного округа Сан-Антонио количество жалоб сократилось на 50%. Можно приводить много примеров позитивной динамики бизнеса последнего десятилетия в самых разнообразных сферах *труда* и *сотрудничества* после проведения профессиональных коммуникативных тренингов. За почти семьдесят лет после самоотверженной жизни и деятельности Дейла Карнеги его «*наследники*» сделали гигантские шаги в области *коммуникативных процессов,* выявив в совместном сотрудничестве великое множество тайн и исследованных закономерностей в управлении «*человеческими отношениями*».

...Опыт жизнедеятельности Дейла Карнеги был обращен

и на дисфункциональные состояния человека, опасные импульсы которого требуют коррекции. Его книга «*Как перестать волноваться и начать жить*» опирается на спасительную *самооценку*, заслуживающую нравственной коррекции. Это подчеркивает место морали и справедливости как решающих факторов для воздействия на мир взаимоотношений людей и приводит их поступки в соответствие с целями и возможностями реализации их потребностей. Обосновывая свои жизненные позиции, регулируя эмоции, порождаемые противоречиями, Дейл Карнеги понимает частную жизнь как арену, где ценности и черты характера формируются в рамках совместной с партнерами социальной практики. Именно так, а не просто, как некие наши личные проблемы идентичности, которые следует навязывать другим. Он признает реальность *дисфункций* в достижении личных целей, *естественность* тревог. Умеет уважать *ценность* партнера. Восстановление *его* после эмоциональных *потрясений* воспринимает как *потребность* в ограничениях *самореализации*.

Его огромное влиянии на все сферы современной американской жизни очевидно. Усвоив поздневикторианские принципы самоконтроля, Дейл Карнеги обосновал собственный опыт *самореализации*, предложив, по сути, новые стимулы *самопомощи*, приемлемые для современной эпохи. Его книги и учебные курсы дали толчок к развитию новой отрасли знания, которая вовлекает в свой контент академические усилия массы специалистов гуманитарного профиля. Более того, множество отраслей знания, казалось бы, не имеющие прямого отношения к его практике, обратились к опыту профессиональной коммуникации, основы которой Дейл Карнеги закладывал в процессе подготовки практикующих бизнесменов.

К началу XXI века мировоззрение *самопомощи*, разработанное скромным жителем штата Миссури, восторжествовало в современной Америке. Усилия его учеников и единомышленников выделило главные *ценности* современной социальной практики. *Психическое здоровье* заменило абстрактную мораль. *Личность* заменила характер, подходящий к исполнению конкретной деятельности. *Человек* в отношениях с себе подобными заменил *авторитет*. *Чувствительность* заменила *добродетель* и т. п. Такая культурная трансформация повлекла за собой заметные выгоды. Во-первых, помогла облегчить индивидуальные патологии и личные страдания, накапливающиеся в процессе развивающихся социально-экономических кризисов.

Карнеги и его последователи, как затем и наследники его практического опыта, стремились помочь обычным людям. Формирование стандарта *«психологического человека»* в современной жизни привело к осознанию емкой модели понимания *человеческого поведения.* Его внутренний смысл оказался гораздо глубже, чем прежние понятия *«религиозного человека», «экономического человека»* или *«идеологического человека»,* в которых *преданность* и *целеустремленность* рассматривались как акты материалистические или политические. В-третьих, с практической точки зрения, принципы *«человеческих отношений»* Дейла Карнеги поощряли социальные стандарты доброты, чуткости, хороший юмор и терпение к слабостям других. Это немалое достижение! Да, в современную эпоху слишком часто обнаруживается карьеризм, высокомерие, жадность, пренебрежение к другим. Однако триумф модели самопомощи Дейла Карнеги вызывал постоянный аппетит к «хорошему самочувствию». Многие современные американцы ощущают эмоциональные ожидания, которые требуют от них большей *самореализации* для достижения удовлетворения. В мире Карнеги продвижение и достижения часто являются результатом психологического маневра. В современную эпоху эмоциональное мастерство вплетено в ткань нашей современной культуры. Связь между характером и личностью очень тонкая. Кажется, что она полностью исчезает – между признательностью и лестью, чувствительностью и искусным контролем – в человеческих отношениях, которые нередко переходят к манипуляциям человеком. Так складываются издержки современной коммуникативной практики. И это предмет будущих исследовательских процессов, вовлекаемых в практику *«человеческих отношений»,* в современную эпоху. Ученые будут совершенствовать деятельность людей, для которых их жизнь, наполненная трудом и открытиями, энтузиазмом и сотрудничеством, превратит *межличностные коммуникации* в единственную практику *самовоспитания, самосовершенствования, самопомощи,* в которых личность будет обретать опыт усвоения главной ценности эпохи – любовь к человеку!

Вместе с тем в человеческих отношениях, и об этом Дейл Карнеги на исходе жизни говорил с ощущением глубокой печали, есть место для проявления соблазна обмана. Он рядится в многочисленные маски добропорядочности, которые под видом симпатии и любви к человеку могут проникать в сознание и чувства людей, проделывая

разрушительную работу по уничтожению человеческого доверия.

Вот что об этом пишет автор книги «Steven Watts «Self-helps Messiah – Dale Carnegie and Success in Modern America»:

> Carnegie then arose to read his speech on «The Value of Enthusiasm,» a favorite topic. Mustering some of the mental energy that had sustained him for years, he contended that enthusiasm was a little-recognized key to success and quoted the late Frederick E. Williamson, then president of the New York Central Railroad Company: «The longer I live, the more certain I'm that enthusiasm is the little recognized secret of success... A man of second-rate ability with enthusiasm will often outstrip a man of first-rate ability without enthusiasm.» Carnegie told one of his favorite stories about a student, many years ago, who made a speech about how he threw wood ashes into his yard and got bluegrass the next spring, and spoke so passionately on the point that the students actually believed him. «If enthusiasm can make a group of apparently intelligent businessmen believe that you can produce bluegrass with nothing but hickory wood ashes, what can't enthusiasm produce if you have a tiny molecule of common sense behind what you are saying?» he said. But Carnegie also suggested, unintentionally in a lighthearted passage, that the power of enthusiasm had a downside. It could be used to scam people. He recalled his days as a young salesman, when he came across a crowd at a street corner in a small, South Dakota town where a street barker was pushing a product with great enthusiasm. The barker proclaimed that men who wore thick-soled shoes became bald because they did not establish good electrical connections with the earth. His product, a small steel plate to be tacked to the heels of men's shoes, would remedy this and stave off baldness. Carnegie described how some people were buying it, then joked, "I had spent four years in college and I knew that this claim was absolutely ridiculous. But the man was so enthusiastic that... Well, I did just what you think. And look, it worked!" He pointed to his own head of hair. After extolling the virtue of being eagerly committed to your work
>
> — Yes, to an enthusiastic man, his work is always part play, no matter how hard or demanding it is — Carnegie ended on a note of therapeutic uplift.

Затем Карнеги встал, чтобы прочитать свою речь на тему «Ценность энтузиазма», любимую тему. Собрав часть умственной

энергии, которая поддерживала его в течение многих лет, он утверждал, что энтузиазм является малоизвестным ключом к успеху, и цитировал покойного Фредерика Э. Уильямсона, тогдашнего президента Нью-Йоркской центральной железнодорожной компании: «Чем дольше я живу, тем больше я уверен, что энтузиазм – это малоизвестный секрет успеха... Человек второстепенных способностей с энтузиазмом часто превосходит человека с первоклассными способностями без энтузиазма». Карнеги рассказал одну из своих любимых историй о студенте, который много лет назад произнес речь о том, как он бросил древесную золу во дворе и получил мятлик следующей весной, и говорил так страстно, что студенты действительно поверили ему. «Если энтузиазм может заставить группу внешне умных бизнесменов поверить в то, что вы можете производить мятлик, не используя ничего, кроме древесной золы гикори, то что не может дать энтузиазм, если за тем, что вы говорите, стоит крошечная молекула здравого смысла?» – сказал он. Но Карнеги также предположил, непреднамеренно в беззаботном пассаже, что у силы энтузиазма есть и обратная сторона. Он может быть использован для обмана людей. Он вспомнил свои дни, когда он был молодым продавцом, когда он наткнулся на толпу на углу улицы в маленьком городке в Южной Дакоте, где уличный зазывала с большим энтузиазмом проталкивал товар. Зазывала провозгласил, что люди, которые носят обувь на толстой подошве, становятся лысыми, потому что они не устанавливают хорошей электрической связи с землей. Его продукт, маленькая стальная пластина, которую прикрепляли к каблукам мужской обуви, исправит эту проблему и предотвратит облысение. Карнеги описал, как некоторые люди покупали, а затем пошутил: «Я провел четыре года в колледже и знал, что это утверждение абсолютно нелепо. Но мужчина был настолько воодушевлен, что... Что ж, я сделал именно то, о чем вы подумали. И смотрите, это сработало!» Он указал на свою шевелюру...

— Да, для человека-энтузиаста его работа всегда является частью игры, независимо от того, насколько она трудна или требовательна, — закончил Карнеги на ноте эмоционального подъема.

Обман, как правило, сопутствует тревоге или наоборот, как хотите! Сколько раз юный Карнеги убеждался в этой суровой истине

и становился свидетелем ее жестокой реальности в жизненном опыте: и своем, и своих современников. Словосочетание заголовка его книги: «*Как перестать беспокоиться и начать жить*» содержит многообещающую связь между двумя состояниями, которые для каждого человека являются ключевыми в жизнедеятельности: «*перестать беспокоиться*» и «*начать жить*».

...I became so excited that I got sick! I didn't eat or sleep for three days and nights. Everything around was spinning in crazy circles. Should I pay the money – five thousand dollars – or should I do the following? Go ahead and do the best I can? Anyway, I tried to make a decision, but it all ended in disaster. Then, on Sunday evening, I happened to pick up the booklet «How to Stop Worrying...» that was given to me in a public speaking class at Carnegie Hall. I started reading and came across the story of Willis H. Carrier. «Face the worst...,» it said. So I asked myself, «What's the worst thing I can do? What happens if I refuse to pay and these blackmailers contact the district attorney?» The answer to this was: the ruin of my business is the worst thing that can happen. «You can't go to jail. All that can happen is that I will be ruined.» Then I said to myself, «Okay, the business is ruined. I accept this mentally. What happens next? «Well, since my business is destroyed, I'll probably have to look for a job. It wasn't bad. I knew a lot about oil: there were several companies that could hire me. I started to feel better. The fear I was in for three days and nights began to pass. My emotions calmed down. To my surprise, I was able to think. Now I had enough clarity of mind to improve the worst. A completely new perspective appeared before me. If I told my lawyer all the situations, he might find a way out that I hadn't thought of. I know it sounds stupid. To say that this had never even occurred to me before, but of course I didn't think about it, I was just worried! I immediately decided that I would go to my lawyer first thing in the morning – and then I fell asleep and slept like a rock! «How did it end? The next morning my lawyer told me to go and go to the district court and tell him the whole truth. I did exactly that. When I finished, I was surprised to hear from the district attorney. He said that the blackmail had been going on for several months and that the man who identified himself as a «government agent» turned out to be a criminal wanted by the police. What a relief to hear all this after I tormented myself for three days and nights wondering whether I should give five thousand dollars

to this professional scammer!? (*How To Stop Worrying And Start Living By Dale Carnegie. Pocket books New York-London-Toronto-Sydney 2004 P.p. 61)*

...История, когда к одному из его персонажей обратился человек, представившийся правительственным чиновником, якобы наделенным правом некоего контроля бизнеса, красноречиво свидетельствует, что в обыденной жизни мы доверчивы гораздо чаще, чем готовы обманываться. Со многими из нас в описанной ситуации, происходит нечто подобное, и мы становимся жертвой шантажа мошенника. Попав в клещи индивида, увы, умеющего выстраивать с нами «человеческие отношения», мы теряем бдительность и верим каждому его слову. Так случилось и в описанной ситуации. Очень скоро разговор приобретает болезненный для нас акцент! Мы начинаем надеяться на пощаду собеседника, которому мы добровольно предоставили роль властителя над нашим спокойствием. Но за все надо платить! И мы слышим: «Я думаю, что мы с вами договоримся...» Нам кажется, что «свет в тоннеле стал виден». Быстро делаем простые расчеты: стоимость расплаты за свои мифические ошибки и стоимость оплаты вашего спокойствия, которая называется хорошо всем нам известным словом «взятка». Однако приходим к выводу, что таких денег у нас просто нет! Начинается торг. Он ни к чему не приводит, потому что мошенник убежден: вы у него в капкане. Так происходит в сюжете книги Дейла Карнеги. Но он оптимист! Его вера в силу закона и справедливости нерушима! «Я так разволновался, что заболел! Я не ел и не спал три дня и ночи. Все вокруг завертелось сумасшедшими кругами. Должен ли я заплатить деньги – пять тысяч долларов – или мне следует сделать следующее? Идти вперед и делать все, что в моих силах? В любом случае, я пытался принять решение, но все закончилось кошмаром. Затем, в воскресенье вечером, я случайно взял в руки буклет «Как перестать беспокоиться...», который мне дали на уроке публичных выступлений в Карнеги-холле. Я начал читать и наткнулся на историю Уиллиса Х. Кэрриера. «Столкнитесь с худшим...», – говорилось в нем. Поэтому я спросил себя: «Что самое худшее может случиться, если я откажусь платить, а эти шантажисты обратятся к окружному прокурору?» Ответ на это был: разорение моего бизнеса – это худшее, что может случиться. «Нельзя попасть в тюрьму. Все, что

может случиться, – это то, что я буду разорен». Тогда я сказал себе: «Хорошо, бизнес разрушен. Я принимаю это мысленно. Что произойдет дальше? Ну, раз уж мой бизнес разрушен, мне, наверное, придется искать работу». Это было неплохо. Я многое знал о нефти: было несколько фирм, которые могли бы меня принять на работу. Я стал чувствовать себя лучше. Страх, в котором я аходился три дня и ночи, начал проходить. Мои эмоции успокоились. К моему удивлению, я смог думать. Теперь у меня было достаточно ясного ума, чтобы улучшить худшее. Передо мной предстал совершенно новый ракурс. Если бы я рассказал своему адвокату все ситуации, он мог найти выход, о котором я не подумал. Я знаю, это звучит глупо. Сказать, что мне это раньше даже не приходило в голову, но я, конечно, не думал, я только беспокоился! Я сразу решил, что пойду к своему адвокату первым делом с утра, а потом я уснул и спал как убитый! Как все закончилось? На следующее утро мой адвокат сказал мне пойти и обратиться в окружной суд и рассказать ему всю правду. Я сделал именно это. Когда я закончил, я был удивлен, послушав окружного прокурора. Он сказал, что этот шантаж продолжался уже несколько месяцев и что мужчина, назвавшийся «правительственным агентом», оказался преступником, разыскиваемым полицией. Какое облегчение услышать все это после того, как я три дня и ночи мучил себя размышлениями: стоит ли мне отдать пять тысяч долларов этому профессиональному мошеннику!?»

Ради спасения своего спокойствия в таких поразительно обыденных ситуациях, описанных Дейлом Карнеги в своих книгах, происходят невероятные вещи! Есть условия, при которых люди неизбежно обретают нормальную жизнь, которая на первый взгляд кажется им в закладе у лабиринтов бизнеса, который постепенно, медленно и неохотно подчиняется неумолимо растущему опыту и формирующемуся порядку, в котором главное место занимают: *работа, справедливость и закон...*

Приходилось ли кому-нибудь из нас приходить к мысли, что в нашем бизнесе трудятся люди, от энтузиазма и трудолюбия которых зависит не столько их благополучие, сколько ваше благосостояние и ощущение хорошо и достойно проживаемой жизни? Философия Дейла Карнеги отличалась особым смыслом, в котором ответ на этот

вопрос занимал его едва ли не всю его жизнь. На первый взгляд, это может показаться странным и тем не менее, когда я прочитал его книгу «*Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*», меня, кажется, осенило! Странная обыденность нашей жизни заключается в том, что мы, приступая к реализации своей идеи начать свой бизнес, вовсе не думаем о таких нравственных задачах, которые заключаются в том, что принцип «*завоевания друзей*» – это главное условие любого дела. Нам кажется, что бизнес, который мы задумали построить – наше личное усилие. Однако в нем будут участвовать нанятые люди. Они обязаны располагать опытом, знаниями... И будут получать за свою работу деньги! Разве этого недостаточно? Конечно, все верно! Но не только деньгами исчерпываются старания людей. У них есть своя жизненная философия. Свой порядок бытия, свои мечты, личные пристрастия, потому что это – люди! Но как всю эту конкретику, приложить к делу? Причем к вашему делу. Эти люди работают у вас в компании. Они приходят и уходят, оставляя здесь, в этой вашей компании, свою энергию, творя и исполняя все, что оборачивается продуктом, который отправляется к таким же, как и они, людям, и все этим заканчивается! Но нет. Все оказывается гораздо сложнее. И следует учитывать эту самую философию жизни ваших подчиненных, которые, да, получая зарплату, готовы трудиться вместе с вами. И только изредка вы, глава компании, замечаете, что люди могут ошибаться. Конечно, их наказывают, все верно. Однако что-то *происходит* с ними и их приходится «*подстегивать*». С ними даже приходится *расставаться*! В некоторых случаях расставаться приходится с очень *талантливыми* людьми, у которых хорошие руки и отлично работающая голова, но они почему-то делают *глупости*, за которые приходится расплачиваться вам, *хозяину бизнеса!* Как быть с этим? И когда вы неожиданно слышите, что виноваты в этих случаях нередко бываете *вы* сами, вас охватывает негодование. Как? Почему? Я им... плачу хорошие деньги! И снова вы оказываетесь в заколдованном круге. Сколько раз с этими проблемами сталкивался сам Дейл Карнеги. И его охватывала депрессия. И ему не хотелось работать. Хотелось все бросить к чертовой матери! Пнуть зазевавшегося партнера, с которым его столкнула судьба в неком едином для них деле. Но проходило время, и он задумывался над всеми этими парадоксами жизни и, наконец, написал книгу, ставшую библией не только владельцев бизнеса, но и тех, кто, получив приглашение работать, видел,

в каких условиях этот бизнес делался, как хозяин разговаривает с его товарищами, как он реагирует на таланты своих работников и прочее. Наступил момент, когда все вокруг неожиданно стало меняться! Менялся тон голоса твоего начальника. Теплел взгляд твоего напарника. Ты чувствовал, что к тебе относятся, как к коллеге, от которого зависел успех общего дела. Наступал режим «*набольшего благоприятствования*» там, где ты работаешь, и у тебя все в жизни менялось. Теперь стало что-то меняться и в тебе. Ты приходишь на работу, с удовольствием становясь к станку, к своему кульману. Ты видишь постепенно меняющееся изделие, которое изготавливается в цехах, где воплощается в металл «*продукция*» твоей компании как сумма интеллектуальных усилий всех вас, работающих вместе и не только за деньги, а за этот «кайф», который ты получаешь, встав вместе с ними за свое рабочее место.

> Let me give you an example. An entrepreneur who had three hundred and fourteen employees enrolled in our courses. For years, he continuously pushed, criticized and scolded them all indiscriminately. No one heard pleasantries, words of approval or praise from him. Having become acquainted with the principles given in this book, the entrepreneur dramatically changed his life philosophy. There is now a new atmosphere of dedication, enthusiasm and teamwork in his organization. Three hundred and fourteen enemies turned into three hundred and fourteen friends. At one of the classes, he proudly declared in front of the entire audience: «Before, walking through my enterprise, I did not hear words of greeting. As I approached, the employees tried to look in the other direction. Now they are all my friends, and even the doorman calls me by name.» This entrepreneur's income increased, he had more free time, and – what is incomparably more important - he felt much happier at work and with his family. The application of these principles has enabled countless businessmen to dramatically expand their trading operations and even open new bank accounts, which they had tried in vain to achieve before. Administrative workers have increased both their authority and their salaries. One of them told me about a significant increase in salary, which he attributes to following the proposed rules. And another, a senior employee of the Gas Works Company of Philadelphia, was about to be demoted at the age of sixty-five due to his quarrelsomeness and inability to manage people. After taking

our courses, he changed so much that he was not only not demoted, but also transferred to a higher-paid position...

Приведу пример. На наши курсы поступил предприниматель, у которого работало триста четырнадцать служащих. Годами он беспрерывно подгонял, критиковал и бранил их всех без разбора. Никто не слышал от него любезностей, слов одобрения и похвалы. Познакомившись с принципами, приведенными в этой книге, предприниматель резко изменил свою жизненную философию. Теперь в его организации царит новая атмосфера преданности, энтузиазма и коллективизма. Триста четырнадцать врагов превратились в триста четырнадцать друзей. На одном из занятий он гордо заявил перед всей аудиторией: «Прежде, проходя по своему предприятию, я не слышал слов приветствия. При моем приближении служащие старались смотреть в другую сторону. Сейчас все они – мои друзья, и даже швейцар зовет меня по имени». Доходы этого предпринимателя увеличились, у него стало больше свободного времени, и – что несравненно важнее – он почувствовал себя гораздо более счастливым на работе и в кругу семьи. Бесчисленному множеству коммерсантов применение этих принципов дало возможность резко расширить торговые операции и даже завести новые счета в банках, чего они тщетно пытались добиться прежде. У административных работников повысились и авторитет, и жалованье. Один из них рассказал мне о значительном повышении оклада, которое он приписывает тому, что стал следовать предлагаемым правилам. А другого, ответственного сотрудника фирмы «Гэс уоркс компани» из Филадельфии, в шестьдесят пять лет должны были понизить в должности из-за неуживчивости и неспособности руководить людьми. Позанимавшись на наших курсах, он настолько изменился, что его не только не понизили, но и перевели на более высокооплачиваемую должность...

Феномен Дейла Карнеги в том, что его три книги – это собрание человеческого делового и нравственного *опыта*, воплощенного в простые, ясные, отчетливо изложенные строчки, понятные абсолютно всем! Его книгам просто надо верить. Но именно эти два обстоятельства превращают его книги в предмет отчаянных споров.

Итогом этих споров становится невероятные на первый взгляд

действия умных, даже неплохо образованных людей, положение которых в обществе разрешает им высказываться, допустим, о такой его книге: «*Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*». Впрочем, лучше обратиться к автору: Steven Watts «Self-helps Messiah – Dale Carnegie and Success in Modern America» Other Press New York, 2013, p.p.468-469

Через несколько недель после публикации в начале 1937 года книга Дейла Карнеги «*Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*» достигла вершин, возглавив список бестселлеров документальной литературы. Огромная волна признания и огромные продажи подняли книгу на вершину популярности, а отзывы о ней начали оказывать влияние, меняющее жизнь. «*Если бы я не мог применить эту книгу, я бы ни за какие деньги не продал ее. Содержимое бесценно*», – написал один из обрадованных читателей. «*Я никогда не читал ничего, что так возбудило бы мои амбиции. Прочитаю много раз*», – свидетельствовал другой. Продажи этой книги почти не ослабевают и в течение следующих десяти лет. Книга претерпит более чем девяносто переизданий, будут проданы миллионы экземпляров.

Однако признание критиков сильно отставало от одобрения рядовых читателей. Многие газеты, журналы, иные средства массовой информации проигнорировали книгу полностью, а те, кто обратил на нее внимание, обычно излагали нелепые, вялые оценки. «*Вы можете посмеяться над советом заставить другого парня чувствовать себя важным… Вы можете презирать подразумеваемое «да, чувак», пускает слюни. Но нельзя смеяться над тем, что люди, которые нам нравятся больше всего, те, с кем нам больше всего нравится проводить время, – это те, кто наделяет нас теплым сиянием признания за то, что нам нравится думать, что мы есть*», – довольно неохотно признался один рецензент. Большинство оценок были гораздо жестче. The Nation усмехнулась, что Карнеги «*...дал нам очерк написанной науки о вилянии хвостом и облизывании рук*». «Нью-Йорк Таймс» заменила пренебрежение снисходительностью, описывая бестселлер как банальное руководство, раздающее надежду жалкой публике – «*...миллионам желающих, которые никогда не были в состоянии влиять на других людей. Тех, кто хотел бы «...начать жизнь сначала, даже если им за 40, которые хотят, чтобы им сказали, как они могут думать самостоятельно, и которые живут одиноко». «Как завоевывать друзей и оказывать*

влияние на людей» – объект споров, поскольку интеллектуальный истеблишмент в значительной степени игнорировал принципы, изложенные в книге, и осудил предложенные стратегии в области человеческих отношений.

Многие из содержавшихся в книге идей принять было непросто! Те же мысли, которые были высмеяны рецензентами и критиками, опиравшиеся на стандартные представления, которые никак не укладывались в сущность человеческих отношении в их понимании.

На мгновение прервусь... Между тем в сущности той эпохи, которая называлась периодом сложных кризисных противоречий индустриального развития Америки в тридцатых годах XX века, гуманизм представлялся как некое метафизическое явление, о котором, в лучшем случае думали только философы, ссылаясь на уже удалившиеся в древность периоды цивилизации. В США настал момент прагматической философии, избегающей мифологические абстракции, которые люди увидели в книге *«Как завоевывать друзей и отказывать влияние на людей»,* а затем стали превозносить до небес ее автора Дейла Карнеги.

В том же 1937 году, на другой стороне планеты, в стране, которая называлась СССР, большевики громогласно провозгласили в своем гимне:

Весь Мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый Мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.

Однако в эти годы процветала власть авторитарного лидера большевиков И. Сталина, который сгонял сотни тысяч жертв своего насилия в трудовые лагеря. О каком гуманизме речь? В каждом слове этого гимна речь идет о власти, которая *«грозит и обещает светлое будущее»,* оставляя за собой право распоряжаться жизнью и свободой людей при условии их абсолютного послушания воле вождя.

Довольно кровь сосать, вампиры,
Тюрьмой, налогом, нищетой!
Для вас – вся власть, все блага Мира,
А наше право – звук пустой.

Куда уж как убедительно звучат эти слова! Но они оттуда же – из Интернационала. *И там о гуманизме ни слова!* Для одних – *«тюрьма, налоги, нищета»,* а для других – *«власть» и блага»*, но при условии

абсолютного повиновения воле *«властителя дум», «вождя народов».*

Примерно в том же историческом сегменте времени творчества Дейла Карнеги он, вольно или невольно, не только усваивал собственную философию жизни, но и знакомился с современными его эпохе научными открытиями. Особенно его увлекала *психология*. Обращение к трудам и авторитету *Уильяма Джеймса* (William James) оказало на него огромное влияние. *«Принципы психологии»* (Principles of Psychology) этого автора стали знаковым трудом, который утвердил психологию как серьезную научную дисциплину. Превосходное изложение текста сделало эту книгу доступной и сыграло решающую роль в обслуживании идей Дейла Карнеги в момент работы над главной книгой его времени. Уильям Джеймс старается не делать свой учебник сухим. Каждая глава знакомит, обсуждает и завершает конкретную тему – будь то роль психологии как акад мической и медицинской дисциплины или отражающей различные функции человеческого мозга. Идеи, выдвинутые У. Джеймсом (W. James), заставляют задуматься не только специалиста-психолога, но и любого рядового читателя. Не исключением оказался и Дейл Карнеги, часто цитировавший Джеймса в своих книгах. Работа над духовным элементом человеческой психологии вдохновляла и продолжает вдохновлять профессионалов и ученых в этой области на создание новых книг. Так случилось и с книгой *«Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей».*

Ещё одним учёным,книги которого повлияли на Дейла Карнеги, был Джон Дьюи (John Dewey (1859-1952)). Он относился к разряду философов-прагматиков. Научная деятельность Дьюи охватывала более широкие горизонты. Он преподавал в Мичиганском, Чикагском университетах, а с 1901 по 1931 годы был профессором университета в Нью-Йорке. Основные работы Дьюи были посвящены исследованию проблем психологии и педагогики. На них опирался Дейл Карнеги, многие годы занимавшийся преподавательской деятельностью на курсах подготовки бизнесменов, разрабатывая собственные программы совершенствования «человеческих отношений». В книгах профессора Дьюи: «Человеческая природа и поведение» («Human Nature and Behavior, 1922 год), «Опыт и природа» («Experience and nature», 1925 год), «Как мы мыслим» («How We Think») и пр. развиваются фундаментальные принципы прагматизма, связанные с психологией поведения личности. Ничего удивительного не было в том,

что в книгах Дейла Карнеги простота изложения никак не противоречила основам научных предпосылок, на которые он опирался, привлекая современные научные дисциплины в области психологии, педагогики и философии. Они покоряли души миллионов, ничуть не смущая простотой изложения научных идей. Они были предметом внимания серьезных ученых – его современников. Прорастали в душах людей, накапливаясь в опыте сотен тысяч. Убеждали практической целесообразностью. Эти идеи привлекали ученых-современников Карнеги, таких как Дьюи. Вызывали симпатию бизнесменов сущностью его концепции *«человеческих отношений»*. Вызывали уважение готовностью видеть в деловых сотрудниках соучастников того дела, которому были посвящены усилия бизнесменов, а не ограничиваться формальным статусом «наемных работников», которых следует подвергать *«жестокой эксплуатации»*.

Продолжу мысли Стивена Уоттса *(Stephen Watts, Self-Help Messian -Dale Carnegie and success in Modern America P.p.127):*

> ...That is why Carnegie himself brushed aside the disparaging assessments of critics and reviewers who envied his popularity and isolated him from the demands of ordinary people seeking success in the real world of business competition. In 1938, he described a speech to the Dutch Club in New York where its president introduced him rather unkindly, noting that most of his audience were opposed to the principles set forth in his book. Taking this *(assessment of O. Y.)* in stride, Carnegie made a charming presentation. However, in private, he described *(O. Y.'s audience)* as a gathering of «intellectuals who would scoff at any popular book... 'If a man can take a book that has been fairly popular and attack its author – that gives him *(the author O. Y.)* a sense of importance.» At another time, when a prominent minister denounced How to Win Friends as «...the most immoral book of this generation...,» Carnegie countered that the attack *(on him by O. Y.)* merely gave the attacker «...an opportunity to get into the limelight...» But in fact, Carnegie often had glaring problems with certain aspects or implications of his own doctrine. As the critical debate unfolded, the discussion revealed several important moral, social, and political ambiguities embedded in the book. The author, for example, insisted that readers not view his recommendations as a cynical strategy to flatter themselves on their way to the top, but then instructed: «Three-fourths of the people you meet tomorrow are hungry and hungry for sympathy... Give them that, and they will love you.»
>
> ...Вот почему сам Карнеги отмахнулся от пренебрежительных оценок критиков и рецензентов, которые завидовали его популярности и изолировали от требований, стоящих перед простыми людьми, стремившимися к успеху в реальном мире деловой конкуренции. В 1938 году он описал выступление перед голландским клубом в Нью-Йорке, где его президент представил его довольно нелюбезно, отметив, что большинство его слушателей были противниками принципам, изложенным в его книге. Принимая эту *(оценку. – О. Ю.)* спокойно, Карнеги сделал очаровательную презентацию. Однако в частном порядке он описал *(слушателей. – О. Ю.)* как собрание «интеллигенции, которая насмехалась бы над любой популярной книгой... «Если человек может взять книгу, которая была довольно популярна и нападает на его автора – это придает ему *(автору. – О. Ю.)* чувство значимости». В другое время, когда видный министр осудил «Как завоевывать друзей...» как «...самую аморальную книгу этого поколения...», Карнеги возразил, что нападение *(на него. – О. Ю.)* просто дало злоумышленнику «...возможность оказаться в центре внимания...» Но на самом деле у Карнеги часто были заметные проблемы с определенными аспектами или последствия его собственного вероучения. По мере того как разворачивались критические споры, дискуссия выявила несколько важных моральных, социальных и политических неясностей, заложенных в книге. Автор, например, настаивал чтобы читатели не воспринимали его рекомендации как циничную стратегию льстить себе на пути к вершине, но затем проинструктировал: «Три четверти людей, которых вы встретите завтра, жаждут и жаждут сочувствия... Дайте им это, и они полюбят вас.»

Отвлекусь еще раз. Как личность, прошедшая моральную школу протестантизма, но позднее значительно охладевшая от религиозных догматов, Дейл Карнеги продолжал исповедовать идеи гуманизма, не затрачивая на них интеллектуальных усилий и не пытаясь осмысливать в гуманизме философские мифологемы. Для него реальность *сочувствия* приобретала сугубо гражданские признаки, которые он вкладывал в сущность исповедуемого им содержания *«человеческих отношений»* в контексте его толкований принципов бизнеса.

Современные толкования «*сочувствия*», извлеченные мной из «GOOGLE», излагают простые содержательные *акты*, сущность которых неотъемлема от практики морального бытия подавляющего большинства американцев. Обратите на них внимание, и вы убедитесь, что упреки в интерпретации *сочувствия* как избыточного проявления эмоций в контексте бизнеса, абсолютно нелепы! *«Чувство скорби по поводу чужого несчастья; соболезнование; утешение; поощрение; сострадание; забота; беспокойство; доброта; нежность; тепло; сердечность»*. Какое из этих компонентов *сочувствия*, в контексте бизнеса, может выглядеть «избыточным проявлением эмоций»? Будучи неотъемлемой частью нравственной культуры личности, они органично входят в коммуникативную практику бизнеса, украшая «*человеческие отношения*» ореолом гуманизма.

О чем дальше говорит Стивен Уоттс? «...Карнеги столкнулся со старой дилеммой протестантской этики – как примирить *добродетель с богатством* – и отреагировал как-то неловко. Он любил заявлять: «Не думай, что счастье зависит от денег», но потом неоднократно уверял читателей, что его книга увеличит их «*заработок*». Особенность этики, пропагандируемой Дейлом Карнеги, в том и заключается, что он предлагает в своей концепции «*человеческих отношений*» обширное разнообразие *нравственных* норм, которые в условиях бизнеса, развивающегося в суровых обстоятельствах конкуренции и кризисов, являются *сверхценностью*. Выбор хозяином бизнеса нравственного режима коммуникации с сотрудниками – свидетельство его личной культуры! Почему автор книги *«Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей»* не может предложить хозяину бизнеса модель поведения, в которой содержится *сочувствие* к сотруднику, который будет уволен по мотивам, допустим, вынужденного сокращения кадров? Почему этот экономически целесообразный акт следует рассматривать только как явление «*жестокосердности*», которому сопутствует «*безжалостность*», «*равнодушие*» или «*бессердечность*»? Кстати, у этого события (увольнения) есть экономические предпосылки, равно как и этический смысл. Этот экономически целесообразный акт, безусловно (!), *драматичен*. Однако, пребывая в рамках концепции *«человеческих отношений»,* изложенных Дейлом Карнеги в своих книгах, моральные последствия этого экономически целесообразного явления пребывают в рамках коммуникативного процесса: «*хозяин – сотрудник*». Оба они – *суверенные* личности, наделенные способностью понимать закономерности бизнеса как экономически целесообразного феномена, на базе которого хозяин строит с ним (работником) свои деловые отношения...

IX.

И, наконец, последнее... В процессе работы над этой книгой в моей жизни возникли серьезные затруднения. Я пользовался телекоммуникационными услугами конкретной компании. Провайдер сообщил мне о росте цен за техническое обслуживание, указав, что есть шанс скорректировать мои расходы, если я обращусь к конгрессмену, одному из авторов закона о финансовой поддержке государством категорий низкооплачиваемого населения (пенсионеры, инвалиды и прочие). Мне был предоставлен адрес, фамилия, телефон члена Конгресса. Я задумался...

Обращаться к представителям власти за мою долгую жизнь в СССР мне не приходилось ни разу! В раннем детстве, будучи тяжело больным ребенком, приговоренным к мучительной жизни с туберкулезом, я пребывал в той степени детской депрессии, когда, ничего не понимая, не осознавая, что мне делать и почему я лежу в постели уже третий год без движения, я почти ни с кем не разговаривал. Шли годы. В 1950 году истекал десятый год моей жизни. Я начал ходить на костыликах. Страна восстанавливалась после жуткой войны, и я почти непрерывно слышал слова: «Сталин...Сталина...Сталину... Сталиным...» Уточнив у отца, что такое «сталин», я с удивлением узнал, что это человек. Он в стране – самый главный! И я подумал, что именно он может мне помочь выйти из тяжкого тупика, в который я попал. Несколько дней я писал ему письмо. Все делал втайне, потому что в голосе отца, который отвечал на мой вопрос: *«кто такой Сталин?»*, мне послышалась какая-то грозная сила недовольства. Но, усвоив его мысль: *«Это главный человек в стране...»,* я понял, что мне делать. Наконец, я написал письмо, в котором рассказал о себе, своей беде и просил помочь мне попасть в санаторий. В то время я почти не ходил. На обеих ногах у меня были дырки, из которых тек гной. Но, завершив письмо, я решился дойти до почтового ящика, который висел на улице, прибитый к стене нашего дома в Баку. Опираясь на костылики, я, незаметно выскользнув из дома, вышел за арку ворот и добрался до почтового ящика. Но достать до щели в ящике, куда

надо было бросить письмо, я не мог. Был слишком мал. В растерянности я стоял, не зная, что делать. На улице было темно и пустынно. В это время мать заметила, что моя кровать пуста! Она бросилась меня искать, потому что отец был в отъезде, а бабушки дома не было. Пока мать искала меня на нашем большом дворе, мне повезло. По улице проходил какой-то дядя. Я обратился к нему, и он сунул письмо щель почтового ящика, пройдя мимо меня. Я вернулся на двор и тут же наткнулся на растерянную мать. Она была вся в слезах. Не буду говорить, что было дальше, но я ждал ответа от Сталина целый месяц, потом второй, потом еще месяц. Я помню, как написал: «Москва, Кремль, И. Сталину». Написал и обратный адрес: «Баку, Низами 28, квартира 5, Юрганову Алику». Ответа я так и не дождался. Через три года Сталин умер. Я понял, что теперь уж точно ответа я не дождусь...

Этот миг жизни остался в моей памяти навсегда! *«Бог высоко, а власть далеко»* – так говорила мне мамина старшая сестра, тетя Шура. Она меня крестила, была моей крестной, и я ей верил... Да, она была права. Шли годы, и вот я оказался в Америке. Мне исполнилось 84 года, и я... отправляю письмо в Конгресс США. «*Искусственный Интеллект*» исправил в моем письме все ошибки, потому что английский я знаю неважно. Компьютер, с моим электронным адресом, отправил мое обращение о *финансовой помощи* прямо к конгрессмену, фамилию которого назвал мне телепровайдер. У меня не было никаких сомнений, что конгрессмен с трудно читаемой фамилией C. A. Dutch Ruppersberger его получит. Так и случилось. На следующий день я получаю ответ. Вот он:

December 19, 2023
Mr. Oleg B. Yurganov
9202 Appleford Circle, Apartment 146
Owings Mills, Maryland 21117

Dear Mr. Yurganov: One of the best parts of my job is hearing from constituents. Thank you for taking the time to contact me regarding funding for the Affordable Connectivity Program (ACP). I agree wholeheartedly. The ACP, along with similar state and local programs, is essential to our shared goal of increasing equity and bridging the digital divide in low-income and under-served communities. It may please you to know that, in a collaborative effort with the Maryland Congressional Delegation, I secured $267 million for this program in Maryland this year through the bipartisan infrastructure bill.As this funding expires, I am supporting the President's

request for $6 billion to ensure the program can continue through at least December 2024. You have my commitment to doing whatever I can to provide reliable Internet access to all Maryland families. Please continue to share your thoughts with me. To stay current on issues that are facing Congress and your community, please sign up for my e-Newsletter at dutch.house.gov, follow me on Twitter and subscribe to my channel on YouTube.

Sincerely,
C.A. Dutch Ruppersberger
Member of Congress

«Искусственный интеллект» услужливо перевел мне текст письма, из содержания которого вытекало, что-то совершенно очевидное:

19 декабря 2023 г.
г-н Олег Борисович Юрганов
9202 Эпплфорд Сиркл, квартира 146
Оуингс Миллс, Мэриленд 21117

Уважаемый г-н Юрганов! Одна из лучших частей моей работы – это слышать мнения избирателей. Благодарим вас за то, что нашли время связаться со мной по поводу финансирования Программы доступного подключения (ACP). Я полностью согласен. ACP, наряду с аналогичными программами на уровне штата и на местном уровне, имеет важное значение для нашей общей цели – повышения справедливости и преодоления цифрового разрыва в сообществах с низкими доходами и недостаточно обслуживаемыми. Возможно, вам будет приятно узнать, что в сотрудничестве с делегацией Конгресса Мэриленда я обеспечил в этом году 267 миллионов долларов для этой программы в Мэриленде посредством двухпартийного законопроекта об инфраструктуре. Поскольку это финансирование истекает, я поддерживаю просьбу президента о выделении 6 миллиардов долларов, чтобы обеспечить продолжение программы, как минимум до декабря 2024 года. Я обязуюсь сделать все возможное, чтобы обеспечить надежный доступ в Интернет всем семьям штата Мэриленд. Пожалуйста, продолжайте делиться со мной своими мыслями. Чтобы быть в курсе проблем, стоящих перед Конгрессом и вашим сообществом, подпишитесь на мой электронный информационный бюллетень на сайте dutch.house.gov, следуйте за мной в Twitter и подпишитесь на мой канал на YouTube.

С уважением, К. А. Датч Рапперсбергер

C. A. Dutch Ruppersberger

Вскоре мой телепровайдер сообщил, что оплата моего интернета и телевещания будет сокращена на 20 долларов, правда, не до декабря 2024 года, а до апреля того же года. Как бы там ни было, но мое письмо произвело некий положительный эффект для моего кошелька!

Прочитав все книги Дейла Карнеги, усвоив его концепцию *«человеческих отношений»*, сам в семидесятых-восьмидесятых годах поработав над внедрением его идей в СССР и чувствуя себя уже более или менее подготовленным к ответному обращению к господину Рапперсбергеру, живя здесь уже тридцатый год, я ответил на его письмо скромным *«Спасибо...»*, не претендуя более на какую-то помощь.

Спустя несколько дней я получаю новое письмо из Конгресса, содержание которого ввергло меня в совершенно неожиданные размышления. Откровенно говоря, я был просто крайне удивлен тем, о чем писал мне конгрессмен Рапперсбергер!

February 2, 2024

Mr. Oleg B. Yurganov

9202 Appleford Circle, Apartment 146, Owings Mills, Maryland 21117

Dear Mr. Yurganov:

Last Friday, I announced that I will not be seeking reelection at the end of my current term after representing Maryland's Second Congressional District for more than 21 years, preceded by 16 years in local government. This was an incredibly difficult decision for me because, now more than ever, Congress needs thoughtful, end-game representatives like me – members who care more about constituents and our country and less about cable news hits. But it is time to pass the torch to a younger generation of leaders and I am looking forward to spending more time with my family.

I have been honored to serve you, my constituents, who have entrusted me year after year with this tremendous responsibility. I have never forgotten who I work for and tried, every day, to represent you with decency and integrity. There is still so much work left to do in the coming months, from passing responsible budget bills and addressing crime and immigration, to maintaining our national security at a time of extreme global upheaval. I remain committed to finding bipartisan solutions, just as I have over the last two decades. And, of course, I will continue to provide the same first-rate service my constituents have come to expect and deserve. I am forever grateful for the opportunity to serve my community over the last 37 years. Please continue to share your thoughts with me. To stay current on issues that are facing Congress and your community, please sign up for my e-Newsletter at dutch.house.gov, follow me on Twitter and subscribe to my channel on YouTube.

Sincerely, C.A. Dutch Ruppersberger

Member of Congress

В прошлую пятницу я объявил, что не буду баллотироваться на переизбрание в конце своего текущего срока после того, как я представлял Второй избирательный округ Мэриленда более 21 года, до этого 16 лет в местном самоуправлении. Это было невероятно трудным решением для меня, потому что сейчас, как никогда, Конгрессу нужны вдумчивые, целеустремленные представители, такие как я, – члены, которые больше заботятся об избирателях и нашей стране, а не о новостных хитах кабельного телевидения. Но пришло время передать эстафету молодому поколению лидеров, и я с нетерпением жду возможности проводить больше времени со своей семьей. Для меня было честью служить вам, моим избирателям, которые год за годом доверяли мне эту огромную ответственность. Я никогда не забывал, на кого я работаю, и старался каждый день представлять вас с порядочностью и честностью. В ближайшие месяцы еще предстоит сделать так много работы: от принятия ответственных бюджетных законопроектов и решения проблем преступности и иммиграции до поддержания нашей национальной безопасности во время экстремальных глобальных потрясений. Я по-прежнему привержен поиску двухпартийных решений, как и в течение последних двух десятилетий. И, конечно, я продолжу предоставлять те же первоклассные услуги, которых ожидают и заслуживают мои избиратели. Я вечно

благодарен за возможность служить моему сообществу на протяжении последних 37 лет. Пожалуйста, продолжайте делиться со мной своими мыслями. Чтобы быть в курсе проблем, с которыми сталкивается Конгресс и ваше сообщество, подпишитесь на мою электронную рассылку на dutch.house.gov, следите за мной в Twitter и подпишитесь на мой канал на YouTube.

С уважением,
К. А. Датч Рапперсбергер
Член Конгресса

Признаюсь честно, я был крайне тронут содержанием полученного письма. Понимая, что усилия наследников Дейла Карнеги не прошли даром и реформы тридцатых годов XX века по приданию *бизнесу*, а также чиновникам, воплощающим в жизнь текущую политику правительства США *«человеческого лица»*, дали бурные всходы. Я решил ответить так, как подсказывал мне мой *внутренний голос.* И вот, что я написал члену Конгресса, К.А. Рапперсбергеру.

Dear Mr. Ruppersberger!

I was deeply touched by your address to me - your voter. The moral responsibility of personnel elected by the people to government bodies evokes a feeling of deep satisfaction! A person's real capabilities to adequately cope with the affairs of the state are objectively limited not only by health and age, but also by the moral well-being of the individual. Having lived in the USSR for fifty years, I witnessed the gradual moral decay of the country's top management personnel. The state, which achieved real power, failed to cope with the task of constantly updating senior management personnel. The formation of elected government bodies of the USSR ceased to be an act related to the request of the people of the country for honest and ethically impeccable respect for their interests and needs. The habit of politicians for personal well-being, personal authority and the respect of the masses without systematic moral improvement becomes poison. It leads a person to moral regeneration and weakens the politician's responsibility for the state of affairs in the state. Moreover, this brings the state to the brink of destruction. Your initiative to leave public service for the reasons you have stated deserves great respect. It is the result of an objective assessment of the real capabilities of a person whose activities are limited by health and age. Your authority and respect have increased many times over, at least on my part, because I profess the principle of an honest assessment of my own

ability to serve the interests of the voters. My hopes for help from Congress, addressed to the social layer that does not have adequate financial support from the state, are becoming sustainable. The new personnel, with their great potential, it seems to me, will be able to convince the US government to pay attention to our current needs. Maintaining Verizon funding for ACP programs will be the focus of the new government personnel that will come in after the elections. By giving up your seat in Congress to new faces, you will give them a chance to fulfill their duty to a very vulnerable social stratum that needs constant political and economic tutelage from the state.

With sincere respect and best wishes, Oleg Yurganov

Дорогой мистер Рапперсбергер!

Меня глубоко тронуло Ваше обращение ко мне – Вашему избирателю. Нравственная ответственность кадров, избранных народом в органы власти, вызывает чувство глубокого удовлетворения! Реальные возможности человека успешно справляться с государственными обязанностями объективно ограничены не только здоровьем и возрастом, но и моральным благополучием личности. Прожив в СССР пятьдесят лет, я стал свидетелем постепенного морального разложения высших руководящих кадров страны. Государство, достигшее реальной власти, не смогло справиться с задачей постоянного обновления высших управленческих кадров. Формирование выборных органов власти СССР перестало быть актом, связанным с требованием народа страны в честном и этически безупречном уважении его интересов и потребностей. Привычка политиков к личному благополучию, к абсолютному авторитету без систематического морального совершенствования становится ядом! Он отравляет политика, приводя к нравственному разложению. Уничтожает его ответственность за исполнение государственных обязанностей. В итоге такой политик ставит государство на грань разрушения. Ваша инициатива уйти с государственной службы по изложенным вами причинам заслуживает большого уважения! Это результат объективной оценки реальных возможностей человека, деятельность которого ограничена здоровьем и возрастом. Ваш авторитет и уважение многократно возросли, по крайней мере с моей стороны, потому что я исповедую принцип честной оценки собственных возможностей служить интересам избирателей. Мои надежды на помощь Конгресса, адресованную социальному слою, не имеющему должной финансовой поддержки

со стороны государства, становятся устойчивыми. Новые кадры, с их свежим потенциалом, мне кажется, смогут убедить правительство США обратить внимание на наши текущие нужды. Поддержание финансирования Verizon программ ACP будет в центре внимания нового правительственного персонала, который придет после выборов. Уступив свое место в Конгрессе новым лицам, вы дадите им шанс выполнить свой долг перед очень уязвимым социальным слоем, который нуждается в постоянной политической и финансовой опеке со стороны государства.

С искренним уважением и наилучшими пожеланиями,
Олег Юрганов.

Что скрывать, мне нравилось вести переписку с государственным деятелем, столь откровенно высказавшимся о проблемах управления, возникших в практике исполнения им своих обязанностей перед избирателями. Я искренне верил, что обновленный состав Конгресса, и в самом деле, после выборов, справится с финансовыми трудностями, которые мешали нынешнему добиться льгот для низкооплачиваемых слоев населения. Смогу ли я увидеть их в реальности – дело времени, однако «*человеческие отношения*», которые были мне продемонстрированы, оказали на меня ободряющее впечатление. Хочется верить, что политики, наделенные властью, добьются реальных результатов в жизни низкооплачиваемых слоев населения США. Хочу добавить, что к нуждам простых граждан относится и гуманная стилистика официальных обращений, в которых политики излагают реальное положение дел, отражающих финансовые возможности государства, затрагивающие интересы социально незащищенных слоев населения. По моему мнению, это письмо полностью выражает безусловное уважение к нашим нуждам в духе концепции «человеческих отношений» Дейла Карнеги. Любые противоречия реальной жизни в США конкретны. Не буду опираться на приведенный факт как образец универсальной формы правления в этой стране, потому что это далеко не так! Тем не менее это некий пример из жизни...

Наследие Дейла Карнеги, принципы его «человеческих отношений» очень дороги мне и, как я полагаю, остаются неизменной ценностью бизнеса и политиков в США, влияя благотворно на мировое сообщество во все времена. Однако, в самое последнее время, в связи с созданием искусственного интеллекта и эффективным

продвижением в области человеческих коммуникаций, оснащённых инструментарием нейросети, возникли острые нравственные проблемы! Размах цифровизации резко сузил этическую и правовую функции в человеческих отношениях в той мере, какая тысячелетиями гарантировала неприкосновенность личного пространства человека. «Я» стало беззащитным от разгула мошенничества и неудержимого насилия чужой корысти. Произошла нелепая по своей сути трансформация «человека с ружьём» в «человека с компьютером», опасность которого в акте «коммуникаци» становится абсолютно убийственной! Вас легко могут лишить не только всего нажитого честным трудом. Могут лишить вашей личности. Превратить вашу индивидуадьность в насквозь продуваемую пустоту. Наконец, в игрушку чужих страстей и алчных желаний. Отравить ваше бытие. Лишить вас жизнедеятельности. Но это тема уже для другой книги...

...Историческое и философское...
значение неевклидовой геометрии состоит в том,
что ее построением Лобачевский показал
возможность геометрии, отличной от евклидовой,
что знаменовало новую эпоху в развитии геометрии,
математики и науки в целом.

(Из Википедии)

4

Параллели... пересекаются

I.

...И все же эта история не о геометрии, хотя образ пересекающихся параллелей оказался как нельзя кстати. Нет здесь и намека на головную боль школьников, столкнувшихся с противоречиями между Евклидом, создателем традиционной плоскостной геометрии, и Лобачевским, сделавшим шаг в пространство, в котором им были показаны ее возможности, отличные от геометрии евклидовой. Эта история – рассказ о людях, чьи параллели судеб пересеклись в одной точке, в которой оказался и я. Мне представилась возможность показать духовные возможности двух человек, поставленных в обстоятельства, преграждавшие развитие их *жизнедеятельности*, делая ее невыносимо сложной. Тем не менее дарованная им жизнь, искалеченная болезнью, была ими прожита ярко, а проблемы, которые они решали, оказались *преодоленными*. Жизненный путь этих людей, а точнее их жизненные параллели, пролегали в разных пространствах земного шара. Долгое время они развивались независимо друг от друга, пока не настал миг их пересечения в моей судьбе. Я приехал в Америку, отягощенный серьезными проблемами с моим здоровьем. Американские хирурги помогли мне избавиться от недомогания, прибавив к моим, уже прожитым годам в СССР, немало лет, что позволило мне писать книги об этом периоде жизни в США. В новой стране появились новые друзья, интересы, даже проблемы, которые пришлось решать. В общем, все как у людей, которые приняли такое же решение, как и я в 1992 году. За тридцать лет жизни в США у меня появились друзья, которые рассказывали свои истории прожитых лет, я им – свои. И вот однажды...

Да, так бывает. Когда я писал книгу о феноменах, родившихся и проживших всю свою жизнь в Америке, я наткнулся в Интернете на печальное объявление.Оно гласило, что в марте 2024 года в далекой Алабаме умер человек по имени Пол Ричард Александер (Paul Richard Alexander). В очень коротком некрологе, опять же мной случайно перехваченном

Paul Richard Alexander

при просмотре ленты интернет-информации, промелькнули поразившие меня строчки. Оказывается, Пол Александер прожил почти семь десятков лет в камере автоматического регулирования дыхания, будучи пораженным в шестилетнем возрасте *полиомиелитом*. Сраженный болезнью, он потерял возможность самостоятельно дышать, и ему грозила неминуемая смерть от удушья! Но сила духа этого человека, искусство врачей, создало *феномен* выживания. Он воплотился в судьбе Пола Александера, став волшебством нравственного расцвета личности, отказавшейся от диктата болезни! В некрологе были перечислены достижения, которые воплотились в его судьбе. Среди них – писательский талант, с помощью которого Пол Александер рассказал о своей жизни в железном легком. Я тут же нашел на Амазоне книгу Пола Ричарда Александера «*Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком*» («Three Minutes for a Dog: My Life in an Iron Lung»). Рядом, на полке, стояла книга Раймонда Дж. Коппина

(Raymond J. Coppin) «*Биография Пола Александера*» («Paul Alexander Biography»). Почти десять часов неотрывно я читал потрясающую книгу самого Пола и его биографию. Перевернув последние страницы обеих книг, я был буквально сражен суровым реализмом борьбы человека с недугом. Покорен его стойкостью. Итогами его жизни, которые можно назвать словом: «*феноменально*!» Пол освоил особый тип дыхания, что позволило ему покидать свое «железное легкое» сначала на три минуты, затем на час, затем на восемь часов. Он получил высшее юридическое образование. Стал доктором юриспруденции. Адвокатом. Участвовал в судебных слушаниях. Защищал интересы тех, кто стал инвалидом. Сидя вертикально в специальном кресле, в зале суда, делал это по многу часов. Сталкиваясь со множеством предрассудков в отношениях к таким людям, как он, лишенным законных привилегий в связи с тяжелой инвалидностью, Пол Александер бесстрашно боролся за их и свои права. Он добивался изменений в законодательстве страны. Книга рекордов Гиннеса зарегистрировала его подвиг *(иначе не назовешь!)* пребывания почти семь десятков лет в «*железном легком*».

Читая книгу о Поле, осмысливая его биографию, написанную Раймондом Коппином, я не мог не вспомнить о своем друге – Михаиле Александровиче Чернышеве, сраженном точно такой же болезнью в возрасте пяти лет. Это случилось в далеком СССР, в 1941 году, в городе Саратове, в самый канун Второй мировой войны, ставшей для граждан страны, где родился Миша, Великой Отечественной войной. Как и Пол Ричард Александер, его русский духовный собрат по тяжкой болезни был лишен подвижности. Паралич превратил его нижние и верхние конечности в жалкое подобие рук и ног. Болезнь пощадила мышцы лица, груди, трех пальцев правой руки и шеи. Его беспомощность была очевидной и *полиомиелит* коварно преградил путь к его нормальной *жизнедеятельности*, приговорив к неминуемой утрате достойной судьбы. Но Миша не сдался. Он, как и Пол Александер, строил судьбу, насыщенную несомненными достижениями. Миша закончил среднюю школу. Саратовский университет. Стал поэтом, издавшим множество поэтических сборников. Окончил аспирантуру, защитил диссертацию, став ученым. Написал научную монографию о творчестве русского поэта XIX века Дмитрия Веневитинова. Преодолевая преграды, возведенные *полиомиелитом*, Михаил вступил в брак с женщиной, которая стала для него настоящим другом

Михаил Чернышев

и женой. Она родила ему двух девочек – Ольгу и Дарью. За два года до кончины Миша обрел счастливый статус «*дедушки*». Этот подарок преподнесла ему старшая дочь, Дарья, родившая первенца, названного ею Олегом. Иными словами, Михаил Александрович Чернышев прожил жизнь, достойную глубокого почтения. Он, безусловно, скончался счастливым человеком, как и американец, который помог миллионам соотечественников, волею судеб ставших инвалидами. Параллели судеб этих двух людей, живших в разных концах мира, переплелись в тесном единстве могучего духовного родства!

II.

С помощью Википедии мне удалось проникнуть в лабиринты болезни, столь беспощадно вмешавшейся в судьбы американца – Пола Ричарда Александера и русского – Михаила Александровича Чернышева. Эту болезнь профессионалы называют болезнью Гейне-Медина, детский спинальный паралич, острое высококонтагиозное, вирусное, инфекционное заболевание, поражающее серое вещество спинного мозга, характеризующееся преимущественно патологией нервной

системы. Случается, что *полиовирус* проникает в центральную нервную систему, размножается в мотонейронах (мотонейроны обеспечивают двигательную координацию и поддержание мышечного тонуса), приводя их к *гибели*. Иначе говоря, к необратимым *параличам* мышц, лишая их связи с центральной нервной системой через нервы. Это случилось с мышцами нижних и верхних конечностей у Пола Ричарда Александера, парализовав также мышцы груди, лишив их способности «*двигать*» грудную клетку в режиме дыхания, *приговорив* его организм к неминуемой смерти. Болезнь Михаила Александровича Чернышева оказалась менее жестокой. Она лишила мышцы ног и рук двигательных функций. Мышцы, осуществлявшие дыхательные акты *(вдох-выдох),* а также мышцы спины, шеи и лица затронуты не были...

Вот как описывает время жизни четырехлетнего мальчика по имени Пол, к которому коварно подкрался полиомиелит, чтобы уничтожить безмятежность его раннего детства, писатель Раймонд Дж. Коппин в книге «*Биография Пола Александера*».

> Polio, once a dreaded disease, can strike fear into the hearts of people. In the summer of 1952, the polio virus descended on Dallas, Texas like a silent predator. Among its victims was a young child named Paul Richard Alexander, whose life would be forever changed by the disease. As Paul Richard Alexander's childhood memories reveal, they stand in stark contrast to the grim reality of the looming pandemic. Born into a loving family in the heart of Dallas, Paul grew up with boundless curiosity. Like many children of his time, Paul relished the simple joys of playing outdoors, eagerly exploring the local streets with his friends and siblings. From games of tag to days spent chasing fireflies, Paul's world was a kaleidoscope of laughter and joy, untouched by the looming threat of disease. However, by the end of the summer of 1952, a shadow of horror had fallen over the rural environment of Paul's childhood. Word of the mysterious disease spread like wildfire. The ruthlessness of polio swept through the air like a plague. Joyous summer days quickly turned into a feverish nightmare as the polio virus struck Dallas. Paul's transformation from a healthy, cheerful boy to a motionless, listless child was swift. He was wracked with pain and fever as the virus took control of his body with uncompromising force. As the days turned to weeks, Paul's health rapidly deteriorated. His once-mobile limbs became limp as the disease

progressed insidiously. Robbed of his joy in life and freedom, Paul found himself in a world of hospital corridors and antiseptic wards. His childlike innocence was crushed by the brutal reality of polio's terrible grip. Even in the depths of despair, flashes of light and optimism shone like beacons in the darkness. In the tender embrace of his parents and the attentive care of his doctors, Paul found comfort and the courage to continue living. His spirit was not broken by the trials that lay ahead. When Paul Richard Alexander was exposed to the poliovirus, the purity of his childhood and youth was dissolved by the terrible reality of illness and disability. But the little boy's indomitable spirit shines brightly, lighting the way with unwavering optimism. *Raymond J. Coppin BIOGRAPHY of Paul Alexander. Amazon. Page 12-13*

Полиомиелит, когда-то ужасная болезнь, может вселять страх в сердца людей. Летом 1952 года вирус полиомиелита обрушился на Даллас, штат Техас, словно молчаливый хищник. Среди его жертв был маленький ребенок по имени Пол Ричард Александер, жизнь которого навсегда изменилась из-за этой болезни. Как показывают детские воспоминания Пола Ричарда Александера, они резко контрастируют с мрачной реальностью надвигающейся пандемии. Родившийся в любящей семье в самом сердце Далласа, Пол рос с безграничным любопытством. Как и многие дети его времени, Пол наслаждался простыми радостями игр на свежем воздухе, с нетерпением исследуя местные улицы со своими друзьями, братьями и сестрами. От игр в пятнашки до дней, проведенных в погоне за светлячками, мир Пола был калейдоскопом смеха и радости, не тронутым надвигающейся угрозой болезни. Однако к концу лета 1952 года тень ужаса пала на сельскую среду детства Пола. Известие о загадочной болезни распространилось со скоростью лесного пожара. Беспощадность полиомиелита пронеслась по воздуху, как чума. Радостные летние дни быстро превратились в лихорадочный кошмар, когда вирус полиомиелита поразил Даллас. Превращение Пола из здорового, жизнерадостного мальчика в неподвижного, вялого ребенка было быстрым. Он был охвачен болью и лихорадкой, когда вирус с бескомпромиссной силой овладел его телом. По мере того как дни превращались в недели, здоровье Пола стремительно ухудшалось. Его некогда подвижные конечности стали вялыми, поскольку болезнь коварно прогрессировала.

Лишенный радости жизни и свободы, Пол оказался в мире больничных коридоров и антисептических палат. Его детская невинность была раздавлена жестокой реальностью ужасной хватки полиомиелита. Даже в глубине отчаяния вспышки света и оптимизма сияли, как маяки во тьме. В нежных объятиях родителей и внимательной заботе врачей Пол нашел утешение и мужество продолжать жить. Его дух не был сломлен предстоящими испытаниями. Когда Пол Ричард Александер подвергся воздействию полиовируса, чистота его детства и юности была растворена ужасной реальностью болезни и инвалидности. Но неукротимый дух маленького мальчика ярко сияет, освещая путь непоколебимым оптимизмом. *Раймонд Коппин: «Биография Пола Александера». Amazon. Стр. 12-13.*

Миша Чернышев заболел, когда ему исполнилось пять с половиной лет. Случилось это в 1941 году. Ему были знакомы те же радости детства, о которых пишет и сам Пол Александер, и точно так же к нему совершенно неожиданно подкралась страшная болезнь – *полиомиелит*.

Миша рос в семье пожарного и повара. Александр – так звали его отца –собирался ехать с женой на Южный берег Крыма. На работе ему дали путевку в санаторий, в Туапсе, и он предложил своей жене поехать вместе с ним и детьми. Предполагалось, что он будет лечиться в санатории, а она снимет там же, в Туапсе, квартиру, неподалеку от Черного моря, и будет поблизости от его санатория отдыхать с детьми. О предстоявшей скоро войне ни муж, ни жена не думали. Они знали, что И. Сталин, по радио и в газетах, сообщал, что войны не будет. В СССР часто приезжали гости из Германии, и настроение в семье Чернышева было радужным. Наконец, настал день отъезда и супруги, взяв детей: пятилетнего Мишеньку и его старшего на два года брата, которого звали так же, как и отца (Александром), отправились на поезде в Крым. Прибыв на место, мама детишек, Ольга, которой на тот момент был тридцать один год, обустроилась и радовалась жизни. Мишка весело кричал, бегая по морскому мелководью у самого берега. Его брат Сашка, которому уже исполнилось семь, пытался научиться плавать, храбро отбегая от берега, прыгая по пояс в воде, дразня Мишку. Отец после лечебных процедур в санатории приходил к семье, играл с детьми, и никто из всех четверых даже не догадывался, какая грозная реальность ожидает их в самое ближайшее время.

Ольга купила на рынке первые в 1941 году южные яблоки. Мальчишки набросились на фрукты, впиваясь зубами в зеленные бока плодов, с удовольствием глотая сочную мягкость. Особых предостережений от мамы не возникало. В Крыму в то лето о болезнях думать было не принято. Люди приехали из Поволжья на отдых, поправить здоровье, загорать и купаться в море. О каких тревогах речь? Фруктов – полно! Так было и в тот самый момент, когда на территории, где находились повар Ольга с детьми и пожарный Александр, которому на работе вручили путевку в санаторий, наслаждались жизнью.

Первый тревожный сигнал застал всех 20 июня. У Миши поднялась температура. Он стал вялым, плаксивым и отказывался кушать. Мать предположила, что сын перегрелся на солнце. Старший брат Сашка продолжал весело бегать по прибрежным местам моря, шлепая по воде блестевшими на солнце пятками. Хоть он не вызывал тревог у родителей! Отец не на шутку встревожился, когда у Мишки установилась высокая температура. Понес его в свой санаторий, и там его осмотрели врачи. Пришли к убеждению, что и в самом деле мальчик перегрелся на солнце, и дали простейшие, в таких обстоятельствах, рекомендации: не купаться в море и чаще быть в тени. Ну, а 22 июня 1941 года по радио объявили, что началась война! Решено было Ольге с детьми немедля садиться в поезд и возвращаться в Саратов. Сам Александр Чернышев, курс лечения которого еще не закончился, отправился в Туапсинский военкомат. Он знал: «*военнообязанному пожарному предстоит явиться в военкомат в первые же минуты объявления войны, где бы он ни находился*». Он подлежал немедленному и безоговорочному призыву в том самом месте, где оказался в момент, когда по радио объявлялась война. Он так и сделал, как только его жена с детьми, сев в поезд, отправились в Саратов. На прощание расцеловались и... С той минуты ни Мишка, ни Сашка, ни их мать Ольга больше Александра так и не видели.

Ехали в Саратов сутки. Мишка горел от температуры, ничего не ел. Плакать уже не было сил. Вскоре начались судороги, сильно напугавшие его мать. В Саратов приехали в полдень второго дня пути. Прибыв домой, Ольга вызвала скорую помощь. Мишка был совсем плох. В больнице почти полдня не могли поставить диагноз. Наконец, само тело Мишки подсказало врачам, что речь идет о страшной болезни. Ноги стали безжизненно болтаться, руки тоже. Тело сына стало выглядеть бесформенным. Тут мать и услышала страшный диагноз:

«*детский паралич*». В России тогда *полиомиелит* называли не таким наименованием, а попроще: «*детский паралич*». Только старые, опытные диагносты обращались к наименованию болезни, используя этот термин «*полиомиелит*». Так Мишка был приговорен. Из больницы мать привезла сына домой, глядя со слезами на глазах на безжизненное тело пятилетнего малыша. Врачи были уверены, что держать в больнице мальчика было бессмысленно, он все равно умрет. К тому же началась в Саратове массовая «*человеческая подвижка*». В город шли эшелоны с эвакуированными заводами и людьми, которые на них работали. Их надо было обустраивать, а заводы срочно запускать в дело. Война! Говоря проще, к исходу лета медикам уже точно было не до Мишки. Однако он не умирал. Хотя и оставался тем самым безжизненным, неподвижным *ребенком* пяти лет от роду, который чаще молчал, едва передвигая губами при попытках мамы его покормить. Со временем малыш терял сознание, бредил, что-то бессвязное бормотал. Вскоре об отце и муже пришло сообщение, что он «*пропал без вести*». Проплакав всю ночь, Ольга, попросив Сашку присматривать за Мишенькой, отправилась, как и во все эти дни тревог и слез, на работу в столовую, где она тогда, впрочем, как и все годы своей жизни, трудилась.

III.

У Пола Александера развитие полиомиелита протекало гораздо драматичнее. Очень скоро врачи заметили, что он не мог дышать. Было решено поместить его в специальную железную камеру, в которой вентиляция легких регулировалась автоматически. Много позже впечатление ребенка в условиях замкнутого пространства камеры попытается передать сам автор книги «*Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком*», Пол Александер.

> ...I felt like I needed to touch something real immediately, to understand where I ended up? I had to do it now, before I went crazy. With this sense of urgency, I tried to move my right hand to my right side, to touch something, anything. No matter how hard I tried, I couldn't touch anything. I felt nothing. Nothing was happening. Nothing at all! I tried to move again and again. An arm or a leg, a foot or fingers, I tried to move anything. My arms and legs wouldn't obey my efforts to move –

nothing worked! My first reaction was that I must be dead, but maybe I was still alive? No matter how hard I tried to command my arms or legs to move, my body wouldn't listen. Now I was really scared. I finally looked up and could make out the outline of my mother's face through the wet plastic that surrounded me. It was reflected in the mirror hanging above my head. Her brown eyes were full of tears falling on her soft cheeks. My lips still remembered how soft they had been the last time I had kissed her goodbye. I tried to talk to her, but I found that I could not speak. I remember whispering to her, «Don't cry, everything will be all right». *Paul Alexander Three Minutes for a Dog: My Life in an Iron Lung, Friesen Press, Canada 2020. P.p. 28-29.*

...Я чувствовал, что мне нужно немедленно прикоснуться к чему-то реальному, чтобы понять, где я оказался. Я должен был сделать это сейчас, пока не сошел с ума. С этим чувством срочности я попытался переместить правую руку к правой стороне, чтобы прикоснуться к чему-то, чему угодно. Как бы я ни старался, я не мог ничего коснуться. Я ничего не чувствовал. Ничего не происходило. Вообще ничего! Я пытался снова и снова шевелиться. Рука или нога, ступня или пальцы, я пытался пошевелить чем угодно. Мои руки и ноги не слушались моих усилий пошевелиться – ничего не получалось! Моей первой реакцией было то, что я, должно быть, мертв, но, может быть, я все еще жив? Как бы я ни старался приказать своим рукам или ногам двигаться, мое тело не слушалось. Теперь я был действительно напуган. Я наконец поднял глаза и смог различить очертания лица моей матери сквозь мокрый пластик, окружавший меня. Оно отражалось в зеркале, висевшем над моей головой. Ее карие глаза были полны слез, падающих на ее мягкие щеки. Мои губы все еще помнили, какими мягкими они были в последний раз, когда я поцеловал ее на прощание. Я пытался поговорить с ней, но обнаружил, что не могу говорить. Помню, как прошептал ей: «Не плачь, все будет хорошо». *Пол Александер. «Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком». Friesen Press, Канада, 2020. Стр. 28-29.*

Миша никаких воспоминаний о болезни не оставил. В 1961 году, когда мы впервые с ним встретились, у меня были свои свежие воспоминания о болезни, с которой я попал в Институт ортопедии и травматологии в Саратове, и мы, в разговоре, невольно касались

этих неприятных, в общем-то, тем. Тогда он мне рассказал о своих ощущениях, связанных с болезнью, которая оставила в его памяти тяжкий отпечаток. В моем дневнике, который я вел долгие годы, я записал кое-что. Судя по всему, у Миши все было так же, как пишет Пол. Мой друг рассказывал мне, как он почувствовал невозможность повернуть руку, ногу, пошевелить пальцами рук. Тело его не слушалось. Раньше, как он рассказывал, мог быстро встать, пройти, а теперь, однажды случайно упав с кровати, был не в силах двигаться. Он не мог шевельнуть ногами и руками. Стал кричать. Случилось это ночью. Прибежала мать, подняла его с пола, уложила на кровать. Оказалось, что его спина «*работала*». Он непроизвольно, пытаясь двигаться в кровати, двигал спиной. Безжизненные руки и ноги от дерганья его спиной придвигались к краю кровати, то ли справа, то ли слева... Затем они свалились с края кровати, как тряпки, и затянули его тело, он свалился лицом на пол. Но тогда он понял, что спина будет ему «*помогать*» и с ее помощью хоть он сможет как-то двигать руками и ногами. Постепенно, взрослея, он стал «*пользоваться*» спиной, когда хотел двинуть руку в случае нужды. Это у него получалось сидя лучше, чем лежа. Дернув спиной, он замечал, что рука правая или левая, в зависимости от дергания спины, двигались. Он мог даже уложить руку, правую или левую, на край стола и там держать. Да, на все эти «*мелкие задачки движения*» уходили месяцы, но со временем он научился манипулировать безжизненными руками и ногами.

Однажды мать принесла ему какие-то кожаные бандажи, и пришедший в их дом инструктор уложил безжизненно висевшие ноги Миши в «*русла*» этих бандажей. Инструктор перетянул их шнурками, объясняя матери, как это надо делать. Дошла очередь до ботинок, и туда же были помещены его безжизненные стопы. Наконец, принесли костыли и его тело инструктор и мать поставили на перекладины костылей. Взяли его безжизненные руки, уложив пальцы на внутренние перекладины костылей, и подняли Мишу на ноги. Так он впервые, после двух лет неподвижного лежания в кровати, встал. Ощущение было очень странным. Комната казалась очень маленькой. Он попытался сделать шаг, но не смог. Тогда инструктор подсказал, чтобы он двинул спиной. Миша дернул правой стороной плеча, и получилось! Нога, правая, сдвинулась вперед. Затем он дернул левой стороной спины – сдвинулась левая нога. «*Так я начал учиться хоть как-то передвигаться*», – сказал он мне. В тот день мы были в его квартире одни.

Мне было 21, Мише – 23. Его мать, тетя Оля, ушла на работу. «*Ты знаешь, мне надо бы «отлить»,* – смущенно признался он. – *Ты просто постой рядом, чтобы я не упал*». Я так и сделал. Он, постоянно дергая спиной, поднялся, с моей помощью и опираясь ладонями рук на внутренние перекладины костылей, свисая с перекладин верхних. Дергая спиной слева и справа, стал медленно двигаться к туалету. Я открыл ему двери туда, и он двинулся к унитазу. Пальцы правой руки слабо держались за нижнюю перекладину костылей, и, дернув левым плечом, он двинул правый костыль вперед. Я закрыл двери. Он пришел в комнату минут через двадцать и опустился на стул, который стоял у стола, с тяжелой одышкой. Это мгновение запечатлелось в моей памяти очень отчетливо. Мы оба относились к происходящему совершенно спокойно. Пытались не замечать те усилия, которые ему приходилось прикладывать, делая обыденные движения. Но без них невозможно было обходиться в его реальной *жизнедеятельности*.

Для Пола Ричарда Александера жизнь в «*дыхательной камере*» постепенно становилась привычной. Но шли дни, месяцы, годы, острота необычности притуплялась, и возникало ощущение привычности, уклониться от которой было просто немыслимо.

Писатель Раймонд Коппин попытался показать сложности, переживаемые Полом в то время его жизни, которое постепенно приближалось к тому, когда здоровые дети отправлялись в школу. Оно наполняло личность ребенка новыми обязанностями. Ощущениями *ответственности*. Даже *тревогами* и *желаниями*. Иногда и *страстями*. Без них не обходится ни одна душа школьника. Как и *страхами* сделать нечто такое, что может *расстроить* родителей или *обидеть* младших братьев. Впрочем, почитаем сначала Раймонда Коппина.

> For Paul Richard Alexander, life on a respirator demonstrated the resilience of the human spirit in the face of unthinkable tragedy. In this chapter, we follow Paul's tragic journey as he overcomes life's challenges with the help of a mechanical respirator, finding courage and purpose amid the loneliness and suffering that threatens to destroy him. The Respirator Experience is Paul Richard Alexander's journey through the hospital. As Paul adjusted to the steady rhythm of the respirator, his days became a blur of boredom and monotony, broken only by the repetitive hiss of the machine and the strange hum of conversation from the medical staff. Trapped in his metal cage, Paul found solace in the knowledge that the iron lung was the only thing standing between him and certain death. His mechanical breath sustained him in the absence of his own. Despite the physical limitations of the ventilator, Paul refused to give up hope, finding joy in the simple acts of kindness from staff and loved ones that brightened his days, whether it was a smile from a passing nurse or a friendly gesture from another patient. These small moments of human connection were a lifeline amid the vast loneliness that lay before him. Despite the routine of hospital life, Paul experienced periods of deep meditation and introspection as he wrestled with the harsh truth of his illness and the unknown future that lay before him. *Raymond G. Coppin «Paul Aleksander BIOGRAPHY» Amazon P.p.25-29*

Для Пола Ричарда Александера жизнь на респираторе продемонстрировала стойкость человеческого духа перед лицом немыслимой трагедии. В этой главе мы следим за трагическим путешествием Пола, когда он преодолевает жизненные трудности с помощью механического респиратора, находя мужество и цель среди одиночества и страданий, которые грозят его уничтожить. «Опыт респиратора» — это путешествие Пола Ричарда Александера по больнице. По мере того как Пол привыкал к постоянному ритму респиратора, его дни превратились в размытое пятно скуки и монотонности, нарушаемое только повторяющимся шипением аппарата и странным гулом разговоров медицинского персонала. Запертый в своей металлической клетке, Пол находил утешение в осознании того, что «железное легкое» было единственным, что стояло между ним и неминуемой смертью. Его механическое дыхание поддерживало его в отсутствии собственного. Несмотря на физические ограничения аппарата ИВЛ, Пол отказывался терять надежду, находя удовольствие в простых актах доброты со стороны персонала и близких, которые скрашивали его дни, будь то улыбка проходящей мимо медсестры или дружеский жест другого пациента. Эти маленькие моменты человеческой связи были спасательным кругом среди огромного одиночества, которое лежало перед ним. Несмотря на рутину больничной жизни, Пол переживал периоды глубокой медитации и самоанализа, когда он боролся с суровой правдой своей болезни и неизвестностью будущего, которое лежало перед ним. *Раймонд Коппин: «Биография Пола Александера». Amazon. Стр. 25-29.*

Мы с Мишей, рассказывая друг другу о годах, проведенных в тисках болезни, которая у меня называлась «*костным туберкулезом*», а у него «*детским параличом*», старались не погружаться в тонкостиуже пережитых душевных состояний, сопровождавших нас в тяжкие минуты одиночества и реальных страданий. В отличии от Пола, который писал свою книгу, уже преодолев множество препятствий на пути к сравнительно гармоничной жизнедеятельности, ни Миша, ни я уже не имели возможность окунаться в переживания детства, достигнув сравнительно зрелого возраста. И все же имеет смысл рассказать вероятные переживания, которые мельком проскальзывали в рассказах Миши Чернышева в моменты наших с ним разговоров.

Помню, мы снова оказались одни в его старой квартире. Маленькая комната, заставленная книгами. Я вскипятил чайник и сделал нам обоим ароматный чай. Он взял чашку правой рукой, три пальца которой не очень охотно, но слушались его, и придвинул к себе, слегка дернув спиной. «*Детства у меня практически не было*», – сказал он в ответ на мою реплику о приезде в 1945 году моего отца в Баку и фотографировании с ним, мамой и бабушкой в фотоателье на «долгую память». «*Я запомнил отца большим мужиком,* – неспешно говорил Миша, – *он любил меня подбрасывать, а Сашке отказывал. Тот обижался, а я радовался своей привилегии. Гибель отца вытеснялась этим воспоминанием, и в памяти произошли странные преобразования. Однажды он угостил меня сухариками, которые давали ему на обед в его санатории, и их запах я помню до нынешних дней*». Он вытащил листик из тетради, лежавшей под ладонью его левой руки, которую он быстрым движением левого плеча слегка отодвинул. Два пальца правой руки, которая лежала на столе, придвинули листик в мою сторону – я сидел на стуле, напротив него – и начал читать...

Стихотворение называлось «*Сухарь*». Это я запомнил, а содержание за прошедшее время забыл. С его детским впечатлением, о котором он мне рассказал, смысл строк никак не укладывался, хотя искренность была очевидна. В восьмидесятом году вышла его книжка «*Шаги*». Он мне ее прислал в Минск, где я тогда жил. Там я это стихотворение увидел. В тот момент, когда мы с ним разговорились о наших детских годах, прошло шестнадцать лет, как закончилась война. Впечатления прожитых нами лет сильно изменились. Они преобразили картину реальности. В том числе и факт угощения отцом сына сухариком. В образ, построенный воображением Миши, человека уже

взрослого, много пережившего, вплелись иные мотивы. Хотя, тогда в 1961 году, он был, по сути, очень молодым, человеком. Ему было 24 года, а мне – 22. Он заканчивал второй курс университета, а я завершал первый...

Сухарь солдатский
        Он лежал
Величиной с мою ладошку.
Коричневый,
        как будто ржа
Прожгла его до каждой крошки.
Он сладко пах.
        Казалось мне,
Что снова мирный день над крышей ...
Солдат с винтовкой на ремне
Приглаживал мне чубчик рыжий...
За речкой догорал закат.
Короткий отдых на привале.
От всех ветров прикрыв солдат,
Березы белые стояли...
Но вот, мелькнув щетиной щек,
Солдат ушел, поправив каску,
Оставив мне сухарь,
                еще
Большой руки мужскую ласку.
И сквозь обиду детских слез
Мне вспоминается такое:
На алом фоне –
        цвет берез,
На зле войны –
        добро людское.

A soldier's rusk.
It lay
As big as my palm.
Brown,
        as if rust
Burned it to every crumb.

It smelled sweet.
It seemed to me,
That again a peaceful day was over the roof...
A soldier with a rifle on his belt
Smoothed my red forelock...
Beyond the river the sunset was dying out.
A short rest at the halt.
Shelter from all the winds for the soldiers,
White birches stood...
But then, flashing the stubble of his cheeks,
The soldier left, adjusting his helmet,
Leaving me a rusk,
And still
The caress of a large male hand.
And through the resentment of children's tears
I remember this:
On a scarlet background -
    the color of birches,
On the evil of war -
    human kindness.

Переживания горького и просто безрадостного детства поразительно мужественно воплощались в строках его стихов. Они запечатлелись в его памяти, как миг, как явление далекого времени, оставаясь реальностью, связанной с его судьбой. Отец погиб, когда его сын-малютка был приговорен к неминуемой гибели от жуткой болезни. Жена солдата, она же – мать сына, устав от слез, не могла избавиться от надежд на возвращение мужа и выздоровление сына. Но реальность жестокой войны, в которой пребывал ее муж, и та, которая губила судьбу сына, оставалась неумолимой. Сумев объединить эти два кошмарных явления, Миша написал стихотворение, когда, чудом увернувшись от собственной гибели, столкнулся лицом к лицу с реальностью гибели отца. Стихотворение, которое называется «*Отец*», было написано спустя десять лет после пережитого им мгновения встречи с почтальоном, который отдал матери губительное сообщение, от приговора которого уже не удалось увернуться ни ему, ни его матери, но...

Был почтальон глухой и старый,
С тревожным оспенным
    лицом.
Он подошел и сел устало
На наше старое крыльцо.
А мать,
    споткнувшись у порога,
Еще пыталась не понять,
Еще не верила в тревогу
Еще старалась удержать
Письмо нечитанным
    в конверте...
И длился миг последний тот,
В котором не было
    ни смерти,
Ни вдовьей доли, ни сирот.

There was a postman, deaf and old,
With an anxious, smallpox-like
    face.
He came up and sat down tiredly
On our old porch.
And mother,
    stumbling at the threshold,
Still tried not to understand,
Still did not believe in anxiety
Still tried to keep
The letter unread
    in the envelope...
And that last moment lasted,
In which there was no
        death,
No widow's share, no orphans.

...Меры драматизма переживаний Пола Александера и Миши Чернышева равноценны, и это очевидно! У каждого из этих детей, когда они таковыми и были, складывались свои представления о врачах, к которым оба попадали по воле одинаковой судьбы – после

разрушительной встречи с *полиомиелитом*. И каждый по-своему отражал определенной возрастом *эмоцией*, те истины, которые выражали, и слова, и взгляды, и события. Пол не мог дышать, и его поместили в «железное легкое». Разумеется, ему не говорили о десятилетиях, которые он проведет в этом замкнутом пространстве. Не говорили ему и о том, что с ним случится спустя время. Пол домысливал это сам все годы от детства до отрочества, от юности до зрелости. О долгом экзамене, предстоящем ему, никто не говорил ни слова, а он сдавал его молча, раз за разом. Миша Чернышев посвятил этому мигу изложения врачами своего мнения, которое они адресовали ему – пятилетнему малышу, сложное по смыслу поэтическое послание, в котором, буквально на глазах, встреченное им бремя болезни преображалось от бытия детства в суровую реальность жестокой войны, поглощавшей человеческие жизни, не гнушаясь и судьбой уже схваченного *полиомиелитом* малыша.

А было так...
        Накаты крымских крыш.
Веселое цветенье белых лилий.
«Еще неделя – и пойдет малыш»:
Профессора уверенно твердили.
Одна неделя –
        и моим следам
В дорожной потеряться карусели...
Но черная, тяжелая беда
Уже склонялась над моей постелью.
И непонятно, кто был виноват,
Что вдруг врачи совсем меня забыли,
Когда деревья, небо и закат –
Мой мир в окне –
        бумагой прокрестили.
И разорвав натянутую тишь,
Глаза, которым я так долго верил,
Казалось, говорили мне: «Малыш,
Прости...» –
        и плотно затворялись двери.
Я не прощал, я плакал и кричал,
В квадратах окон расплывались лица...

А вечер языки огня качал
На белых стенах старенькой больницы.
А боль?
        Она нависла над страной,
Большая в хмурых перекосах пыли.
От крымских стен
        в свой самый страшный бой
Мои врачи безмолвно уходили.
Переступив доверия порог,
Июньской растревоженною ранью
Они по самой горькой из дорог
Лечить другие уходили раны.
Мы поздно начинаем понимать.
Листает память годы, словно книжку,
Где, горько плача, падает в кровать
Дороги не увидевший мальчишка.

And it was like this...
The Crimean roofs roll.
The cheerful bloom of white lilies.
«Another week – and the baby will go"
The professors confidently repeated.
One week –
        and my tracks
Will get lost in the road carousel...
But a black, heavy misfortune
Already leaned over my bed.
And it is not clear who was to blame,
That suddenly the doctors forgot me completely,
When the trees, the sky and the sunset -
My world in the window -
        were baptized with paper.
And breaking the tense silence,
The eyes that I had believed for so long,
Seemed to say to me: «Baby,
Forgive me...» –
And the doors closed tightly.
I did not forgive, I cried and screamed,

Faces blurred in the squares of the windows...
And the evening swayed tongues of fire
On the white walls of the old hospital.
And the pain?
She hung over the country,
Large in the gloomy distortions of dust.
From the Crimean walls
Into their most terrible battle
My doctors silently left.
Having crossed the threshold of trust,
In the troubled June morning
They went along the most bitter of roads
To heal other wounds.
We begin to understand late.
Memory leaf's through the years, like a book,
Where, bitterly crying, falls into bed
A boy who did not see the road.

Та мера драматизма ситуации, в которую попали оба, почти ровесники, при сходстве исходов, была в их детских сознаниях почти одинакова. Хотя каждый миг бытия их жизнедеятельности приносил страдания, которые не только осмысливались, но и переплавлялись в эмоции, не давая покоя сознанию. Лишь со временем приходило окончательное понимание сложившегося стиля жизни. Приспосабливаясь к нему, следовало сдерживать эмоции досады, боли, горечи, мобилизуя силу духа и магическую изворотливость пробуждавшегося сознания. У каждого из этих двоих были индивидуальные ресурсы и главный из них – жажда жизни. Иначе говоря, каждый из этих мальчиков стремился к продуктивной жизнедеятельности, которая воспроизводилась, черпая энергию созидания из их духовных ресурсов. Этот процесс жизнедеятельности пробивался сквозь годы лишений и боли, снова и снова подключая энергию развивающейся личности. Миша Чернышев описывает этот процесс в стихах. Пол Александер – по-своему.

Even though I could do many things that were meaningful to me and that I believed would carry my hopes and dreams into the future, they were just tools to achieve my ultimate goals if I didn't achieve the goal myself. With my stick in my mouth, and imagination, I could do anything, but there was one thing I wanted more than anything else that was out of my reach. That ultimate goal was to control your future and promote your dreams. I decided that accumulating knowledge through education was the way to achieve my goals. How could I go to college to gain the necessary knowledge and achieve some degree of independence if I could not leave my iron lung even for one breath? I knew that there had to be a way to reverse or at least eliminate this inability to breathe with the help of a ventilator. But it was physically impossible, at least as far as I could know or imagine. What I didn't know was that my faith had been planted again in the right garden and was about to blossom in another beautiful, fragrant miracle that would open doors I didn't even know existed. Little did I know that my mother was about to set me on the path of another extraordinary adventure. Mom went to a local elementary school and persuaded them to lend her books to teach her to read, including a first-grade teacher's guide. I was so excited when she surprised me with the news that I was going to learn to read at home. Indeed, this was the beginning on the way to my goals. Mom puts a copy of the teacher's manual on the ironing board while ironing the family's clothes. In time, thanks to her patience and perseverance, I began to climb one side of the hill and down the other... Mom did a wonderful job and I quickly advanced in my reading skills. I was fascinated by the knowledge that opened up to me. When my mother and I finished the book, we moved on to the next one until we reached the third grade in the blink of an eye. I wanted to learn, and learn as quickly as possible. I began to understand how I could, with knowledge and a degree of wisdom, fulfill those vague dreams that had helped me survive so many difficulties. I realized that I could develop at my own pace, realizing more and more that this path could make my dreams a reality. However, my inability to function outside of the hardware lung continued to be a major obstacle that plagued my mom and dad constantly. It was difficult, if not impossible, for me to mentally find a way around this serious problem. I knew there had to be a way to reverse or at least eliminate this incurable inability to breathe outside of a respirator, but as far as I could, it was physically impossible to imagine. However, being impossible did not mean that it could not become a reality under the right circumstances. For my parents, this was the norm because they kept urging God to perform another miracle. I am used to this practice of putting requests

before God's throne and receiving his answer. My parents are incredibly influential people, they have influential friends in the right places. I saw, heard, and felt miracles within me that were amazing. My experience of miracles turned out to be quite real, and there was no doubt about them. «*Paul Alexander Three Minutes for a Dog: My Life in an Iron Lung*», *Friesen Press, Canada, 2020. P.p. 55-57*

Несмотря на то, что я мог сделать много вещей, которые были значимы для меня и которые, как я верил, перенесут мои надежды и мечты в будущее, они были всего лишь инструментами для достижения моих конечных целей. С моей палочкой во рту и воображением я мог сделать все, но оставалась одна вещь, которую я хотел больше всего на свете, и которая была вне моей досягаемости. Эта конечная цель заключалась в том, чтобы контролировать свое будущее и продвигать свои мечты. Я решил, что накопление знаний через образование — это путь к достижению моих целей. Как я мог поступить в колледж, чтобы получить необходимые знания и достичь некоторой степени независимости, если я не мог даже на один вдох оставить свое «железное легкое»? Я знал, что должен быть способ изменить или хотя бы устранить эту неспособность дышать с помощью аппарата искусственного дыхания. Но это было физически невозможно, по крайней мере, насколько я мог знать или воображать. Чего я не знал, так это то, что моя вера снова была посажена в правильном саду и вот-вот расцветет еще одним прекрасным, благоухающим чудом, которое откроет двери, о существовании которых я даже не подозревал. Я не подозревал, что моя мама вот-вот наставит меня на путь еще одного необыкновенного приключения. Мама пошла в местную начальную школу и уговорила их одолжить ей книги для обучения чтению, в том числе руководство для учителя первого класса. Я был так взволнован, когда она удивила меня новостью о том, что я собираюсь учиться читать. Действительно, это было началом на пути к моим целям. Мама кладет экземпляр пособия для учителя на гладильную доску во время глажки одежды семьи. Со временем, благодаря ее терпению и настойчивости, я начал подниматься по одной стороне холма и спускаться с другой... Мама проделала замечательную работу, и я быстро продвинулся в своих навыках чтения. Я был очарован знаниями, которые мне открылись. Когда мы с мамой закончили

книгу, мы приступили к следующей, пока не дошли до третьего класса. Я хотел учиться, и учиться как можно быстрее. Я начал понимать, как я могу, обладая знаниями и некоторой степенью мудрости, осуществить те смутные мечты, которые помогли мне пережить столько трудностей. Я понял, что могу развиваться в своем собственном темпе, все больше и больше осознавая, что этот путь может воплотить мои мечты в реальность. Тем не менее моя неспособность функционировать вне аппаратного легкого продолжала оставаться серьезным препятствием, которым я постоянно мучил маму и папу. Мне было трудно, если не невозможно, мысленно найти способ обойти эту серьезную проблему. Я знал, что должен быть способ изменить или хотя бы устранить эту неизлечимую неспособность дышать вне аппарата искусственного дыхания, но, насколько я мог, это было физически невозможно представить. Однако быть невозможным не означало, что это не могло стать реальностью при правильных обстоятельствах. Для моих родителей это было нормой, потому что они все время уговаривали Бога совершить еще одно чудо. Я привык к этой практике, когда я ставлю просьбы перед Божьим престолом и получаю его ответ. Мои родители невероятно влиятельные люди, у них есть влиятельные друзья в нужных местах. Я видел, слышал и чувствовал чудеса внутри себя, которые были удивительными. Мой опыт чудес оказался вполне реальным, и в них не было никаких сомнений. П*ол Александер. «Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком». Friesen Press, Канада, 2020. Стр. 55-57.*

IV.

Этап формирования *жизнедеятельности* в детском возрасте постепенно претерпевал качественные изменения. Понимание необходимости *образования* приходило медленно. Нужно было преодолевать складывающуюся стилистику жизни, пронизанную ограничениями, болью, приступами пассивности, страданиями. Это было непросто человеку, пребывающему в детстве и отрочестве. Да, детство быстро завершалось в том виде, в котором память сохраняла впечатления, полученные в период до атаки страшной болезни. Та реальность, которая уже сложилась, долго не укладывалась в голове и не приобретала спасительный автоматизм привычных движений. Привыкание

к собственной беспомощности протекало мучительно, пока не приобрело состояние неизбежности, впаянной в собственное тело, которое уже не ощущалось как твой собственный ресурс, используя который ты можешь реализовывать свои желания. Они, конечно же, возникали. Однако их приходилось приспосабливать к возможностям своего тела. Противоречия между желаниями и парализованным телом первоначально сводили с ума! Но детский возраст давал шанс случайности, в которой прятались *ресурсы* зреющего сознания. Так Миша, упав с кровати, понял, что мышцы спины не затронуты полиомиелитом. Их можно подключить к манипуляциям с «*ногами*» и «*руками*», которые в его положении без кавычек не назовешь. Полу Александеру помог зрелый ум его отца. Сам бы малыш вряд ли быстро догадался, как, засунув в рот ручку, выводить конфигурации букв, а позднее рисовать таким же образом, засунув кисть в рот, картины. Привыкая к параличу рук, Миша долго не мог приспособить три пальца правой руки к тому, чтобы держать ручку и писать. Но вот он научился читать, и три пальца (*большой, указательный и средний*), неожиданно для него самого, стали «*слушаться*». Месяцы ушли на выработку «почерка», который, позднее подчинился его воле. Точно так же, как с приходом компьютера в обыденную жизнь Пола Александера, его пластмассовая палочка стала «*тыкать*» в буквенные квадраты кейборда, печатая на экране тексты. Опять же, со временем, его тексты, после самостоятельной редактуры, читались без проблем, а его книга «*Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком*» стала мировым бестселлером. Миша писал от руки. До компьютера он не дожил. Однако написал несколько книг, а за его монографией: «*Другой Ленский. В душе неразгаданной думы тая*» специалисты охотятся до сих пор. Когда-то типографский вариант монографии был рукописью. То есть написанный его правой рукой, уже приученной выводить вязь предложений, написанных им самостоятельно, пусть не каллиграфически, но вполне разборчиво. Кстати, в книге 176 страниц! А стихи? Их великое множество! Одна книга лежит сейчас передо мной. В ней восемь десятков стихотворений, написанных его рукой, приученной им выводить слова со скоростью запечатления мыслей.

В моем дневнике есть запись, сделанная 25 мая 1962 года. Приведу ее полностью. «*Миша спросил меня, как я начал учиться? Вопрос был задан точно. Именно: «как?». Я хоть и пришел в первый класс в Крыму, в совхозе, где работал мой отец, на костылях, но уже через месяц отец с матерью уехали в Баку. Теперь мне пришлось быть дома, потому что ходить я уже не мог. На ноге открылся туберкулезный гнойник, а с ним в школу не пойдешь! Но время учиться уже пришло.*

— Ты же учился? — спросил Миша почти шепотом.

— Да! – ответил я. — Наверное, как и ты — дома. Мать пришла в контору, которая занималась надзором за образованием детей. Помню, кажется, РОНО называлось. Ну там и учительницу-пенсионерку нашли. Попросили ее меня учить. Так четыре года она меня и учила...

— У меня был старший брат, Сашка, — оживился Мишка. — Я его букварь взял. Смотрю картинки, а букв не знаю. Говорю ему, мол, научи меня, ты уже второй класс закончил... Мне было лет шесть или семь. Мать слышит мою просьбу и говорит старшему сыну, мол, и в самом деле, поучи Мишу... Тот морщится. Он со мной возился, когда мать на работе была. Ему бы побегать на улице, с пацанами. Но все же он мне помог...

— И быстро ты грамоту усвоил, — поинтересовался я.

— Да, наверное, месяцев шесть или даже больше ушло. Сашка не каждый день со мной занимался, а от случая к случаю. Мать не могла, она много работала. Ей кормить нас двоих надо, не до азбуки, сам понимаешь. Но в конце концов читать я научился. Через год мать пошла в школу, которая у нас была рядом с домом. Там Сашка учился. Спросила у директора, как меня учить с моей этой болезнью? Что-то там ей сказали. И вот, первого сентября сорок четвертого года, мне исполнилось семь лет и ко мне тоже пришла какая-то старушка, как и к тебе. Наверное, тоже пенсионерка...

— И долго она тебя учила? — спросил я.

— Да, года два... Потом, умерла. Был перерыв. Правда, мама мне книжки приносила... Детские сказки...

— Так и у меня получалось, грамоту осваивать, — подтвердил я».

У Пола Александера из Алабамы начало освоения грамоты происходило почти так же, хотя гораздо сложнее было с болезнью. Он пребывал постоянно в своем семилетнем возрасте в «железном легком». Дышать-то он не умел!

Научившись читать, Миша книжки получал от матери, которая брала в библиотеке чаще всего сказки, потом книги для его возраста: восемь, девять лет. Читал он уже быстро и жадно впитывал в себя прочитанное. По воскресеньям мать выносила его, в летние погожие дни, на их двор при доме. Ребят здесь было немного, а его ровесников

и того меньше. Встречались нечасто, но случилось так, как это случается со всеми детьми. Точно так же было и со мной, когда я выходил на костылях на улицу. Постепенно ко мне привыкали, глядя с удивлением и любопытством. Потом даже приглашали поиграть в футбол, убедившись, что я могу стоять на воротах, на костылях, как они говорили, смеясь: «*на четырех ногах*». Однажды Миша услышал от меня эту историю и дня через три или четыре показал стихотворение. Сказал: «*А так было у меня...*»

И помню вечер...
        На крылечке
Я ноги подобрав, сидел, –
Больной худущий человечек.
Я первый раз «на воздух» вышел:
Учился воздухом дышать...
— Эй, чо один уселся ?
        Слышишь?!
Пошел бы с нами поиграть.
— Я не умею.
— Что за чудо?
Ребята тянутся ко мне.
—Ты что боишься? Ты откуда?
По чьей беде? По чьей вине?
— Да ниоткуда. Так уж вышло.
— И что, весь день вот так сидишь?
Ну и валяй... —
Насмешкой дышит
Ребячий круг – не убедишь.
— Хотите сказку?
— Что, ты – бабка?
Давай, попробуй. Может, впрямь...
— Давным-давно под снежной шапкой
Жила гора...
        Куда ни глянь... –
Молчат, придвинулись поближе
Ко мне,
        доверчиво глядят.
— У той горы, что туч пониже,

Две ведьмы страшные сидят.
Там травы желтый месяц косит.
Там околдованная злом
Аленушка...
— И что навовсе?
Ну дальше, дальше... Что потом?
И лес – не лес,
        а богатырский
В глубоком сне застывший строй.
И спит, на меч склонившись низко,
Высокий дуб – старик седой...
— Вот это да!
        И как же это?!
А кто его заколдовал?
И вдруг посыпались советы:
Мол, так бы сделал, так бы дал...
Они еще меня просили.
И говорил я все, что знал:
Какой рассвет
        большой и синий
Над царством Золушки вставал...
Не видел жизни я покуда.
Но может быть-то,
        оттого
Она являлась мне,
        как чудо -
Волшебным, добрым существом.
...Дыханье частое мальчишек
И свет их душ,
        И глаз тепло
Я и сейчас так ясно вижу,
А сколько лет уже прошло...
Они стояли и молчали
Вокруг меня, кусты клоня...
И молча,
        в круг свой
                принимали
Лишь сказки знавшего – меня.

And I remember the evening...
On the porch I sat with my legs tucked up, –
A sick, skinny little man.
I came out «into the fresh air» for the first time:
Learning to breathe air...
— Hey, why are you sitting here alone?
Do you hear?!
You should come and play with us.
— I don't know how.
— What's this?
The kids are drawn to me.
— Are you afraid? Where are you from?
Whose misfortune? Whose fault?
— Nowhere. That's just how it happened.
— So, do you sit like this all day?
Well, go ahead... -
The children's circle is breathing mockery – you can't convince them.
— Do you want a fairy tale?
— What, are you an old woman?
Go ahead, try it. Maybe, really...
— Long ago, under the snow cap
There lived a mountain...
Wherever you look... -
They are silent, they have moved closer
To me,
looking trustingly.
— Near that mountain, which is lower than the clouds,
Two scary witches are sitting.
There, the yellow moon is mowing the grass.
There, bewitched by evil,
Alyonushka...
— And what for good?
Well, further, further... What then?
And the forest - not a forest,
but a heroic
In a deep sleep, frozen formation.
And sleeping, bending low on his sword,
A tall oak – a gray old man...

— Wow!
And how is that?!
And who bewitched him?
And suddenly advice poured out:
They say he would have done this, he would have given that...
They even asked me.
And I said everything I knew:
What a dawn
big and blue
was rising over Cinderella's kingdom...
I have not seen life yet.
But maybe,
That is why
She appeared to me
as a miracle -
A magical, kind creature.
The rapid breathing of boys
And the light of their souls,
And the warmth of their eyes
I still see so clearly,
And how many years have already passed...
They stood and were silent
Around me, bending the bushes...
And silently,
into their circle
they accepted
Only the one who knew fairy tales – me.

В биографии Пола Александера, автором которой был Раймонд Коппин, говорится о конфликте между стремлением к получению хотя бы среднего образования полного инвалида-мальчика, больного *полиомиелитом*, практически постоянно пребывающего, в «железном легком», и абсолютной неготовностью американского общества к удовлетворению этого его стремления. Имеет смысл обратить на это внимание, чтобы понять энергичную активность уже зрелого Пола Ричарда Александера, ставшего юристом, в его борьбе за права инвалидов в США на получение образования. Его положение казалось безвыходным. Так было только на первый взгляд. Его биограф

Раймонд Дж. Коппин искренне восхищается силой воли юного Пола, которому под силу оказалась и эта проблема!

As long as Paul Richard Alexander was in the Iron Lungs, his goals for formal education seemed remote. Due to his intense immobility, Paul was unable to attend a regular school, which posed a serious obstacle to his pursuit of education and personal development. The school system, which at the time was ill-equipped to accommodate people with severe disabilities, did not provide any assistance or accommodations to meet Paul's specific needs. Schools were unwilling or unable to offer him the special care and support necessary for his participation in classes, thereby excluding him from the formal education system. Despite the structural obstacles, Pavel's thirst for knowledge was inexhaustible! Determined to overcome the limitations imposed by his illness, he sought out other learning opportunities, such as books, study materials, and correspondence courses, to broaden his horizons and gain new abilities. Without getting up from his hospital bed, Paul devoured volumes of books, immersing himself in a variety of topics - from history and literature to physics and philosophy. With each page turned and concepts internalized, he felt free, as if his universe grew with each new discovery. As Paul's intellectual curiosity grew, he became increasingly frustrated with the limitations of his position. Deprived of access to the learning environment provided by mainstream schools, he sought to interact with teachers and classmates in a formal educational environment. He wanted to participate in class debates in joint projects with other students. As he saw his peers progress through the school system and achieve academic success, Paul's sense of isolation and alienation grew. He sought to become a member of the academic community, to offer his unique point of view, to show his abilities and desire for knowledge. However, he was constantly hindered by the obstacles that stood in his way. Despite the many challenges he faced, Paul did not lose hope. With unyielding perseverance and fortitude, he continued to fight for himself and for others like him, seeking equal access to education and its benefits. Paul's hard work and unwavering dedication to his goals have paved the way for future generations of people with disabilities to follow their aspirations and reach their full potential, making a lasting impact on the disability rights field. Breaking down barriers: overcoming social rejection and prejudice about oneself. Despite many obstacles along the way, Paul Richard Alexander refused to submit to the restrictions

imposed by society. With unwavering determination and fortitude, he decided to overcome the prejudice and discrimination that threatened to derail his aspirations. He was determined to demonstrate that disability is not an obstacle to success. Armed only with his indomitable spirit and passion for achieving these goals, Paul began the fight to ensure that he and others like him could gain access to the school. Through constant activism and perseverance, he attacked the status quo and demanded a level playing field for people with disabilities, refusing to accept anything less than full inclusion and participation in society. Despite rejection and prejudice at every turn, Paul did not give up and was determined to overcome all the difficulties in his path. With the help of supporters and activists, he fought tirelessly for educational equity, struggling to regain the rights and benefits he had lost due to his disability. Finally, Paul Richard Alexander's commitment to education was not just about gaining access to it. It was also about clearing the way for future generations of people with disabilities to realize their aspirations and reach their full potential. Through his courage and dedication, he has inspired many others to speak up and stand up for their rights, making a lasting impact on the landscape of disability activism. *Raymond J. Koppin «Paul R. Alxander BIOGRAPHY» Amazon. pp. 13-14*

Пока Пол Ричард Александер находился в аппарате «железных легких», его цели получить формальное образование казались отдаленными. Из-за своей неподвижности Пол не мог посещать обычную школу, что представляло собой серьезное препятствие для его стремления к образованию и личностному развитию. Школьная система, которая в то время была плохо оборудована для размещения людей с тяжелыми формами инвалидности, не предоставляла никакой помощи или приспособлений для удовлетворения конкретных потребностей Пола. Школы не желали или не могли предложить ему особую заботу и поддержку, необходимые для его участия в занятиях, тем самым исключая его из формальной системы образования. Несмотря на преграды, жажда знаний у Пола была неисчерпаема! Решив преодолеть ограничения, наложенные его болезнью, он искал другие возможности для обучения, такие как книги, учебные материалы и заочные курсы, чтобы расширить свой кругозор и приобрести новые способности. Не вставая с больничной койки, Пол поглощал тома

книг, погружаясь в самые разные темы – от истории и литературы до физики и философии. С каждой перевернутой страницей и усвоенными концепциями он чувствовал свободу, как будто его вселенная росла с каждым новым открытием. По мере того как интеллектуальная любознательность Пола росла, он все больше разочаровывался в ограниченности своего положения. Лишенный доступа к учебной среде, предоставляемой обычными школами, он стремился взаимодействовать с учителями и одноклассниками в формальной образовательной среде. Он хотел участвовать в дебатах в классе в совместных проектах с другими учениками. По мере того как он видел, как его сверстники продвигаются по школьной системе и добиваются успехов в учебе, чувство изоляции и отчуждения Пола росло. Он стремился стать членом академического сообщества, предложить свою уникальную точку зрения, показать свои способности и стремление к знаниям. Однако ему постоянно мешали препятствия, которые стояли на его пути. Несмотря на множество проблем, с которыми он столкнулся, Пол не терял надежды. С непреклонным упорством и стойкостью духа он продолжал бороться за себя и за других, подобных ему, добиваясь равного доступа к образованию и его благам. Упорный труд Пола и его непоколебимая преданность своим целям проложили путь для будущих поколений людей с ограниченными возможностями, чтобы они могли следовать своим стремлениям и полностью реализовать свой потенциал, оказывая долгосрочное влияние на область прав людей с ограниченными возможностями. Разрушение барьеров: преодоление социального неприятия и предрассудков о себе. Несмотря на множество препятствий на этом пути, Пол Ричард Александер отказался подчиниться ограничениям, наложенным обществом. С непоколебимой решимостью и стойкостью духа он решил преодолеть предрассудки и дискриминацию, которые угрожали пустить под откос его устремления. Он был полон решимости продемонстрировать, что инвалидность не является препятствием на пути к успеху. Вооруженный только своим неукротимым духом и страстью к достижению этих целей, Пол начал борьбу за то, чтобы он и другие, подобные ему, могли получить доступ к школе. Благодаря постоянной активности и упорству он атаковал статус-кво и требовал равных условий для людей с ограниченными возможностями, отказываясь принимать что-либо

меньшее, чем полное включение и участие в жизни общества. Несмотря на отвержение и предрассудки на каждом шагу, Пол не сдавался и был полон решимости преодолеть все трудности на своем пути. С помощью сторонников и активистов он неустанно боролся за равенство в образовании, изо всех сил стараясь вернуть себе права и льготы, утраченные им из-за инвалидности. Наконец, приверженность Пола Ричарда Александера к образованию заключалась не только в том, чтобы получить доступ к нему. Речь также шла о том, чтобы расчистить путь для будущих поколений людей с инвалидностью, чтобы они могли реализовать свои устремления и полностью раскрыть свой потенциал. Благодаря своему мужеству и самоотверженности он вдохновил многих других людей высказываться и бороться за свои права, оказав неизгладимое влияние на ландшафт активизма инвалидов. *РаймондКоппин:«БиографияПолаАлександера».Amazon.Стр.13-14.*

Между тем, двигаясь к решению этой сложной проблемы, Пол, шаг за шагом обретая множество друзей и единомышленников, побеждал в своей борьбе за права инвалидов на получение различного образования, несмотря на ограничения, налагаемые на них болезнями и тяжкими травмами. Итогом его усилий стало успешное окончание средней школы.

Для Миши Чернышева, который оказался в иных, чем Пол Александер, условиях, этот акт получения среднего образования был самой первой победой на пути к уже сложившимся интересам, которые формировались в процессе освоения школьной программы. Десять лет освоения среднего образования стали для него полигоном к освоению начал наук. Усвоение в условиях реального паралича всех конечностей было непростым делом. Десять лет приспосабливания к требованиям жизни и учебы в четырех стенах крохотной квартиры было крайне сложным делом. Победа осознавалась им как некая магия жизни, окружающая его. Она, эта жизнь, с каждым годом представлялась наполненной все новыми и новыми возможностями. Долгие месяцы работы с учебниками, письменные тренировки с помощью трех пальцев правой руки, бесконечное чтение книг расширяли навыки, кругозор и познавательные возможности его ума. Диапазон возможностей награждал его независимостью и свободой. Разум быстро обретал готовность раздвигать границы познания. У старшего

брата Михаила все складывалось иначе. Эгоизм подростка, понятные ограничения бытия, естественные и в годы войны, и с приходом долгих лет восстановительных работ во времена «зализывания ран» и катастрофической бедности, огромного количества растерзанных войной тел солдат, пришедших с войны, все это проносилось мимо психики старшего брата. Мать тяжко трудилась, умоляя его помогать ей в уходе за младшим. Она постоянно указывала быстро подраставшему старшему сыну на поразительную готовность Миши часами читать книги и успешно осваивать школьную программу, несмотря на тяжесть болезненной неподвижности. Старший брат ничего не хотел слышать. Свое везение, тот факт, что он не заболел, Сашка подсознательно истолковывал как выигрышный билет в лотерею, где разыгрывался крупный куш, на который претендовал только он! С пятого по седьмой класс он едва справлялся со школьной программой. Предложения Миши как-то помочь ему вызывали у старшего брата презрительный отказ. То, что младший быстро осваивал школьную программу, опережая сверстников, приводило учителей в замешательство. Они ставили вопрос перед своим начальством в РОНО о досрочном переводе его в следующий класс. Но чиновники от образования, ссылаясь на его болезнь, предостерегали учителей, ссылаясь на требования врачей поберечь мальчика от излишних нагрузок. Старший брат завидовал младшему. Незаметно между ними стало возникать стойкое отчуждение. По характеру Миша был в мать. Добрый, чуткий, терпеливый, готовый к возникавшим в его ситуации нагрузкам, не поддаваясь депрессии, осознавая возникшую в его судьбе драматическую коллизию. Его брат рос крепким, мускулистым юношей, жаждущим жизненных удовольствий. Он не терпел давления преград, которыми была полна послевоенная реальность. Они с избытком предъявлялись и взрослым, и детям, и молодым, и старым, и здоровым, и больным. В возникшей реальности Миша, не предъявляя к жизни никаких требований, довольствовался малым. Старший брат к таким условиям жизни семьи привыкать не собирался. С приходом пятнадцати, шестнадцати, семнадцати лет между матерью и старшим сыном полностью исчезло взаимопонимание. Старший сын погибшего отца стал отдаляться от жизни и забот матери – солдатской вдовы. Школа старшим сыном была покинута. Часто убегая из дома, старший брат, в конце концов, связался с бандитскими подростковыми группами и вскоре был арестован.

Так началась криминализация его личности. Она напрямую была связана с жизненными проблемами времени послевоенного восстановления страны. Отсутствием отца. Безнадзорностью и... Да что уж тут говорить! Судьбы сотен детей, оставшихся без отцов, погибших в тяжкую годину войны, были сходны с судьбой старшего брата Миши Чернышева. Вскоре старший брат был снова арестован. На этот раз за участие в бандитском налете на торговую базу. Обвинен в ограблении. Отдан под суд. Отправлен в колонию строгого режима. Так старший брат Миши исчез из его жизни почти на пятнадцать лет...

...У Пола Александера отношения с близкими и здоровыми родственниками складывались иначе. Появление в доме беспомощного человека, приговоренного к многолетнему проживанию рядом, помещенного в огромную круглую, напоминавшую бочку, камеру, с автоматическим регулированием давления воздуха, где сутками напролет находился совсем еще ребенок – это шок! Больного полиомиелитом надо не только обслуживать: кормить, обстирывать, содержать в чистоте. Надо его любить! Сталкиваясь с его желаниями, которые порой кажутся капризами – смириться. А они раздражают самим своим наличием. Даже если они излагаются осторожным шепотом. Увы, нечасто они вызывают радостную готовность членов семьи исполнять их. Зависимость тяжело больного человека с признаками нормальных потребностей *очевидна*, но далеко не всегда *осознаваема* здоровыми членами семьи. Надо обладать терпением монаха или ментальностью глубоко верующего в Бога человека, чтобы осознавать тугой узел взаимовлияния больного *полиомиелитом* и окружающего мира. Любая услуга больному влияет на перспективы его *жизнедеятельности*. От самой примитивной (а их великое множество!) до сложных судьбоносных актов помощи, без реализации которых обойтись просто невозможно. У Пола эта перспектива была плотно привязана к его *невозможности* дышать. Как его жизнь протекала в таких обстоятельствах, описано в приводимом отрывке.

Мише, в известном смысле, было проще. Однако его старший брат не выдержал нравственного экзамена, предъявленного ему жизнью. Бытие старшего брата отрицало жертвенность в практике его родового соучастия в судьбе парализованного младшего. Мать делала главное – обеспечивала жизнедеятельность обоих сыновей, у которых она была совершенно различна. Она заботилась о детях, как могла. 24 часа в сутки. Семь дней в неделю. В 1954 году старший сын был

осужден. В итоге, вахта матери посвящалась младшему сыну... до самой ее смерти. Сын платил ей благодарностью и своим духовным расцветом, который радовал мать. Да, на старшего сына ее сил не хватило. Такова правда жизни. Но у старшего сына был шанс самостоятельно разобраться в семейной коллизии. Не захотел. Его воля разрушила его собственную судьбу. Парадокс состоялся именно в том, что арест и долгий срок тюрьмы старшего брата для младшего Миши стал избавлением его жестокой борьбы за смысл собственной жизни. Перспективы ее становились очевиднее с каждым годом. Нетрудно представить, как отразилась на судьбе матери история старшего сына. Она его дождалась. В 1969 году он вернулся домой, но очень скоро тетя Оля умерла...

Некоторое время оба брата жили под одной крышей. Отношения в семье были сложными. Старший брат, отсидев тюрьме 15 лет, приехал в Саратов, когда ему было 32 года, а Мише на тот момент исполнилось 30 лет. Эти двое родных по крови людей представляли собой абсолютную противоположность. Миша, оставаясь беспомощным человеком, сумел мобилизоваться и взять свою судьбу в собственные руки. Он закончил университет и поступил в аспирантуру. Старший брат, «блатной», весь в наколках, с удивлением смотрел на Мишу, не узнавая его и одновременно припоминая в чертах его лица мальчишку, который неподвижно лежал в кровати, не в силах двинуть руками и ногами. В характере Саши произошли разительные перемены, сложившиеся в годы долгой отсидки, за время которой он так и не удосужился написать хотя бы одно письмо матери и брату. Тетя Оля с ужасом смотрела на своего старшего сына и не могла поверить, что перед ней тот самый ее мальчик, которого она умоляла помочь ей в уходе за обездвиженным Мишенькой. Она была женщиной, закаленной невзгодами, которые обрушились на нее. Однажды, покормив старшего сына, сказала, что в их жизни с Мишей мало что изменилось. Они оба трудятся. Неплохо бы старшему устроить свою жизнь так, чтобы не мешать младшему строить, без помех, свою судьбу. Саша молчал. Понимал – мир этого дома чужд ему. Жить здесь он просто не сможет. Однако в его душе закипала тщательно скрываемая ярость. На собственную судьбу. На младшего брата. Почему? Он практически никак и никогда за эти пятнадцать лет его не вспоминал. Он всегда смотрел на него равнодушно. Его беспомощность не вызывала в нем сочувствия. Ни в годы начала болезни, ни в годы

отсидки в дальних краях. Инстинкт самосохранения в колонии становился ключевым инструментом выживания. Его индивидуальность уже лишилась естественного сочувствия и родственной близости...

Миша позвонил мне, сообщив о приезде старшего брата. Просил приехать. Я тогда экстерном сдавал предметы за четыре курса университета. Дело в том, что, работая в Обкоме комсомола, я взял академический отпуск. Вскоре заболел. Чтобы не терять время, начал сдавать предмет за предметом, решив побыстрее закончить университет. Приехав к другу, я увидел Сашу. Это был худощавый мужчина с острым взглядом и большими огрубевшими руками. Я видел его впервые. Миша мне рассказывал о Саше, но очень скупо. Оно и понятно! Вспоминать было нечего.

Мы познакомились. Я, без обиняков, спросил его о планах на жизнь. Тот, удивившись, с чего это я «влезаю в его жизнь», уставился на меня жестким взглядом. В глазах была подозрительность и... сила. Я сообщил ему, что стиль жизни Миши, сложившийся за последние пятнадцать лет, был наполнен учебой в университете. Интеллектуальным общением с коллегами. Друзьями. Саша молчал. Я продолжал излагать мысль, которую считал принципиальной в новых обстоятельствах, связанных с приездом в дом старшего брата. Сказал, что менять сложившийся стиль жизни начинающего ученого невозможно! Привыкать к присутствию в доме человека чуждого компромиссам, отличного от друзей и коллег Михаила – бессмысленно. Я не случайно сделал акцент на этих словах. Уже знал о стычках, которые происходили в семье по вине Саши. Тетя Оля тогда была еще жива, и я понимал ее чувства, которые она тщательно скрывала, переживая приезд старшего сына и видя его каждый день. «*Лучше всего было бы,* – продолжал я, – *если бы вы с братом жили раздельно*». Миша напряженно сидел у окна своей комнаты и смотрел в пол. У Саши заиграли желваки. Тети Оли тогда дома не было, и я понимал, что, высказав свои суждения, я, вполне возможно, сильно накалил обстановку. Саша, обращаясь к Мише, спросил, сколько он может еще оставаться здесь. Тот молча посмотрел на меня. Мне хотелось смягчить обстановку, хотя я и не был уверен в своих словах, сказал, что его никто не выгоняет, но все мы ждем его, Саши, понимания ситуации. Уже глядя на меня, Саша вроде бы понял, что я не буду бросать слова на ветер и, по-видимому, располагал какими-то возможностями, которые игнорировать не собирался. Помолчав, он сказал, что еще в тюрьме завел

переписку с женщиной из Новочеркасска и поедет к ней.

И все же, без стычек с Мишей у старшего брата не обошлось. Я пришел к другу через неделю – разговор с Сашей, его стычка с младшим братом происходили летом. У Миши тогда время его «академической тусовки» и аспирантских семинаров еще не наступило. Миша сидел в своей комнате. Саша сорвался на мать. Накричал на нее. Женщина стала плакать. Миша, услышав ее дрожащий голос, крикнул брату, чтобы тот «*прекратил безобразие!*» Разъяренный брат появился в комнате и ударил Мишу в лицо кулаком. Мать, громко запричитав, обняла Мишу, защищая его своим телом. Хлопнув дверьми, старший брат выскочил из дома. Я узнал об этом, придя к Мише в тот же день. Он попросил меня остаться у него с ночевкой. Я согласился. Через неделю Саша уехал из Саратова и с той поры больше не появлялся в квартире Миши. Тетя Оля скоропостижно скончалась вскоре после отъезда старшего сына. Миша остался один.

В его квартире обосновались ребята из его университетской тусовки, потому что ему требовался уход, и студенты по очереди помогали преодолевать бытовые неудобства. Жизнь продолжалась. Поступив в аспирантуру и сдавая кандидатские экзамены, Миша глубоко погружался в предмет своей будущей кандидатской диссертации. Неожиданно он получил предложение от университетской кафедры Русской литературы XIX века помочь студентке Тамаре Прозоровой (фамилия изменена) в работе над ее дипломом. Миша был с ней знаком по совместным семинарам, проходившим в его квартире. Тамара – девушка лет двадцати трех, русоволосая, миловидная, увлекалась поэзией Веневитинова. Она решила написать о его творчестве дипломную работу. Прозорова знала, что Миша уже давно занимается творчеством этого русского поэта XIX века, и, прочитав его дипломную работу, кстати, тоже посвященную личности Веневитинова, хотела осмыслить роль и влияние окружения поэта на формирование его мировоззрения. Она еще не была уверена в правильности своего выбора и пришла к Мише за консультацией. Ее преподаватель позвонил Мише и попросил помочь Тамаре. Она входила в группу студентов-волонтеров, помогавших Мише в решении его бытовых затруднений, и так получилось, что она постепенно стала участвовать в его жизни не только на правах волонтера или дипломницы. Естественное очарование молодости, ее милая наивность, вместе с любознательностью, не могли оставить Мишу равнодушным. Они часами говорили

о Веневитинове и круге его интересов, о творчестве А. Пушкина, его дальнего родственника, или, когда уставали от темы дипломной работы, о разном. Я защищал тогда свою дипломную работу и нередко приходил в гости к другу, видя Тамару в фартуке, стоящую у плиты. Она готовила то ли завтрак, то ли еще что-то. Было видно, что здесь она чувствует себя человеком своим и, главное, нужным. Миша сиял! То, что он был влюблен, было совершенно очевидно...

...Лет пять тому назад, когда я сдавал несколько предметов университетского курса, живя в его квартире, мы завели разговор о девушках. Я только женился и переживал медовый месяц. Миша смотрел на меня печальным взглядом и... Неожиданно, уж и не помню почему, зашел разговор о снах. Мои эротические сны давно забылись, но сны друга его, по-видимому, тревожили. Об этом и заговорили. Неожиданно я спросил его что-то о том, а как «это» у него происходит, если... Он неожиданно рассмеялся и сказал безучастно: «*Да ладно... Что уж тут говорить, если от этого толку никакого нет...*» Я был поражен. Мгновенно мелькнула мысль, что *полиомиелит* не так уж и всемогущ, раз Мишке он не может помешать... Но что-либо сказать «*об этом*» я не решился. Дня через три я пришел к нему снова. Сдав экзамен, попросив разрешения пожить неделю, чтобы сдать политэкономию социализма. Он согласился. Был Миша в том же депрессивном настроении, какое я заметил у него в прошлый свой приезд. Но тогда, вспомнив подробности нашего разговора, вникать в причины не стал, однако, завершив занятия и устав, отправился на раскладушку поспать перед ночным бдением с учебниками. Долго не мог заснуть, и тут мне пришла в голову неожиданная и, смею заметить, шальная мысль, набрать номер телефона междугородней станции. Днем звонить не стал, а ночью, сидя над книгами, в соседней комнате, набрал номер 05. Мягкий женский голос спросил: «*Слушаю вас. С каким городом вас соединить?*» Было три часа ночи. И я решился...

Время было именно таким, когда мало кто собирается звонить по междугородним номерам. На линии в тот час в операторах нужды особой не было, и мы с девушкой, которая мне ответила, говорили долго. То, что мне повезло, было очевидно. Вряд ли со мной стали бы говорить «фанатики-службисты», но Лариса, назову ее так, согласилась. Спать на рабочем месте телефонистке нельзя, а поболтать можно... Короче говоря, я убедил Ларису послушать моего друга, замечательного поэта, человека редкой силы духа, сражающегося с жестокой

болезнью, которая отняла у него все силы и надежды. Он молод и ему нужен живой, женский... голос. Убеждать Ларису не потребовалось. Она согласилась и дала мне график своей работы, часы которой приходились на долгий ночной период, который все девушки телефонной станции называли «*казнью молчания*»: спать нельзя, а поговорить не с кем.

На следующий день, я не утерпел и рассказал Мише о своем «эксперименте». Он удивился, но слушал меня очень внимательно. Без обиняков, я предложил ему повторить мой опыт, и уже назавтра, дождавшись ночи, он это сделал. Не буду распространяться на эту более чем деликатную тему, но я буквально был сражен рассказом друга о реакции женщин-телефонисток. Та же, кому я позвонил и поведал о поэте, с тяжким недугом, сама ему позвонила, использовав телефон, который я, без разрешения Миши, дал ей, как говорится, «на пробу». Далеко не всегда мы, вступив возраст двадцати семи, двадцати восьми лет и даже старше, соблюдаем моветон, приверженцем которого становимся уже сильно повзрослев. Звонок Лоры застал Мишу врасплох. Она представилась и назвала мое имя, которое сначала его рассердило (по его собственному признанию), а потом... Потом, как оказалось, он часто вспоминал меня с благодарностью. Лора попросила разрешения прийти к Мише и, получив согласие, посетила его, придя с цветами, горячим чаем (повторю еще раз: я рассказал ей подробности его положения), прихватив с собой пару чашек и пачку печенья «*К чаю*».

Дверь квартиры Миши никогда не закрывалась. Ни днем, ни ночью. Оставшись один, он не мог запереть сам. Последний посетитель, нередко слышал от него фразу: «*Не запирай...Может быть, ко мне кто-то придет...*» Он засиживался до двенадцати – часу ночи, и свет от окна (а летом оно было открытым всю ночь) падал на асфальт... Его роман с Лорой длился неделю или две. Потом произошла, как он выразился, «смена караула». Женщины, а их оказалось три, были поразительно светлыми существами, настоящими ангелами, прилетавшими на его огонек, чтобы согреть его тело и душу. Все хорошее когда-нибудь кончается. Но я не видел Мишу таким счастливым человеком, как в тот период его жизни. Никто не знает, что стихотворение, которое Миша назвал «*Ожидание*», написано в связи со всеми этими событиями. Оно обладает могучей силой духовного взрыва чувств, которые поэт, зажатый в тисках жестокой болезни, выплеснул

на страницы, боясь, что правда житейского откровения просочится сквозь эти строчки.

> Сегодня ночь – безудержно тиха –
> Повисла, звездной россыпью пронзена,
> И ожидает крика петуха,
> Взлетевшего на гребень горизонта.
> Но до того мгновенья
> в берегах
> Распластана,
> раскинута,
> распята
> Лежит река – безудержно нага
> От синих кос
> до крепких голых пяток.
> И столько, видно, брошено зерна
> В нее сейчас со звездного безбрежья,
> Что жатву ждет ночная тишина
> И колыбельку наготове держит.
>
> Today the night is uncontrollably quiet -
> Hanging, pierced by a scattering of stars,
> And awaiting the crow of a rooster,
> Flying up to the crest of the horizon.
> But until that moment
> Spread out,
> crucified on the banks
> Lies the river - uncontrollably naked
> From blue braids
> to strong bare heels.
> And so much grain, apparently, has been thrown
> Into it now from the boundless starry expanse,
> That the night's silence awaits the harvest
> And holds the cradle ready.

Теперь он стал мечтать о детях, пережив тайные откровения, подаренные ему едва знакомыми, но очень русскими щедрыми женщинами. Спустя пять лет, после появления их в его доме, Тамара Прозорова

(напоминаю, что фамилия выдуманная) стала паролем воплощения его мечты.

Она успешно защитила диплом и предложила себя на роль его жены. Он был рад такому стечению обстоятельств, но и предположить не мог, во что это выльется в самое ближайшее время. Описывая события, случившиеся в середине и конце шестидесятых годов XX века, в жизни моего друга, я своими глазами увидел жестокую противоречивость зрелых, интеллигентных людей (родителей Тамары), столкнувшихся с глубокими и тонкими переживаниями, красотой эмоций, чувств, охвативших личность молодого человека, искалеченного тяжкой болезнью и пережившего настоящую любовную страсть. Нечто подобное случилось и с Полом Александером, хотя у обоих финал любви и прекрасных ожиданий оказался одинаковым. Так параллели судеб этих далеких друг от друга людей пересеклись. Я не знаю, когда созрели *эти* строчки Михаила, но что-то меня убеждает – написаны они были вслед за недавно пережитыми событиями, ураганом пронесшимися по судьбе моего друга, оставив грубые шрамы в его душе. Забыть их невозможно, и, по-видимому, Миша никогда о них не рассказывал, но впечатления остались в душе моего друга – навсегда!

О чем ты говорила –
        я не помню.
И как смотрела -
        разве в этом суть.
Я так тогда
        тобой себя наполнил,
Что до сих пор ветра меня несут.
Легко мне в небе.
        Подо мной долины,
Леса, разлуки, встречи, смех и плач.
Во мне твои слова - неопалимы,
Во мне твой взгляд – напутственник удач.
Я что-то не запомнил?
        Что ж такого.
Я что-то не увидел? –
        Виноват...
Но для меня
        твое, как парус, слово.
Но для меня
        твой, словно ветер, взгляд.
Легко мне в небе.
        Подо мной долины,
Леса, разлуки, встречи, смех и плач.
Во мне твои слова – неопалимы,
Во мне твой взгляд – напутственник удач.

What were you talking about – I don't remember.
And how you looked – essence not it!
I filled myself with you so much then,
That the winds still carry me.
I feel light in the sky.
Below me are valleys,
Forests, separations, meetings, laughter and crying.
In me, your words are unburnable,
In me, your look is a guide to success.
Did I not remember something?
What's wrong?
Did I not see something? –
My fault...
But for me,
your word is like a sail.
But for me,
your look is like the wind.
I feel light in the sky.
Below me are valleys,
Forests, separations, meetings, laughter and crying.
In me, your words are unburnable,
In me, your look is a guide to success.

Шифрование смыслов пережитого в стихах Миши – единственное спасение от последствий случившихся в его жизни драм. Запечатлев их в стихах, он выносил за пределы своего бытия криптограммы финальных переживаний. Вмешательство родителей Тамары в хрупкую конструкцию взаимоотношений дипломницы и ее научного руководителя привели... к руинам. Собрать из них хоть что-то уже не брался никто из этой растерзанной пары. Даже сама мысль об этом казалась

немыслимой. Проклятия матери Прозоровой и шепот самой Тамары потрясают безграничной мерой насилия ее семьи над надеждами и готовностью девушки к ... служению. В итоге, корни ее чувств были отравлены ядом «разумного» эгоизма ее родителей, а *послушание* дочери стало *предательством*. Тогда мне Миша впервые признался, что хотел свести счеты с жизнью. *«Легко мне в небе. Подо мной долины... разлуки, встречи, смех и плачь...»*

Теперь рассказ Пола Ричарда Александера из Алабамы. Ему было столько же лет, сколько и моему другу Мише. Параллели их судеб, пересекаясь, высекают яркие искры переживаний, краски которых зажигают чувственное пламя, в котором горят огни настоящих человеческих страстей, проигнорировать которые, казалось бы, невозможно! Но... Впрочем, пусть об этом расскажет сам Пол...

I began to understand how I could, with knowledge and some level of wisdom, make those vague dreams come true that helped me get through so many difficulties. I realized that I could develop at my own pace, realizing more and more that this path could make my dreams a reality. However, my inability to function outside of my «iron lung» was still a major obstacle that plagued my mom and dad constantly. It was difficult, if not impossible, for me to mentally find a way around this serious problem. I knew there had to be a way to change or even eliminate this irreparable inability to breathe outside of the "iron lungs," but as far as I could imagine, it was physically impossible. But the impossible did not mean that it could not become a reality under the right circumstances. Absolutely no problem – I would show them a stunning success. For my parents, this was the norm because they always called on God to perform another miracle. I'm used to this practice: making requests before God's throne and receiving His answer. My parents are incredibly influential people, they have influential friends in the right places. I know about it. I have seen, heard, and felt miracles within me, amazing and personal in nature. My experience of miracles turned out to be quite real, and there was no doubt about them. The mountains moved. The day came when my parents got us together and announced that my mom was pregnant and we were going to have a baby soon. In a few months, our unique family will have another child to take care of. To put it mildly, it was a shock for all of us, because my mother was already over forty. Each of us perceived this last event in our own way. I think my older brother Nick was a little

embarrassed and maybe offended. After all, my siblings for years were a little frustrated that my life required so much of Mom and Dad's time; the time they need to grow up and realize their dreams. Now, on top of everything else, there is another person to take care of and who takes up mom and dad's time. It was almost too much! As for me, I was very upset about this and demanded an explanation as to why we needed a child. I was terrified to think of going back to the clinic, believing that I would have to be placed there again to make room for the child. How could my mom take care of both of us? I just couldn't believe my mom was capable of more. I remember my dad holding me in his arms and wiping the tears from his eyes, trying to convince me that I wasn't going anywhere just because my mom was going to have a baby. «You're just as important as the rest of the family,» he said, «and you'll stay with us, and we'll take care of you like everyone else.» Later in my life, I discovered that the power of the kind of love and devotion that Mom and Dad surrounded me with would protect and guide me through my most difficult times. My father made me feel like an important member of the family again. It was a special gift given by God to the Pope that made everyone he came into contact with, whether in business or in his personal life, make all people feel important and always welcome... This opportunity to observe and study these traits of my father, although I did not always agree with them, instilled in me the ability to overcome the intricate labyrinths of ignorance and dislike. As it turned out, Philip was born five days before my birthday and was strong and healthy. There was another blue-eyed blond man in our Greek family who looked like me. We were all very excited and proud of this new member of our family. I was especially excited that he would be «me» that I couldn't become. I taught him some of my values, and he expanded them and made them even better. He would have been a good man, a man and a great athlete. After all, his name was taken in honor of the king and father of Alexander the Great. I didn't know how or when it would happen, but I trusted that he would believe me and what I had taught him in the first place. Later, I somehow followed him through the doors that only he could open to the highest achievements of my life. With his birth, I will have more freedom to move to the next level. In his life, he will have the opportunity to do meaningful things that were unimaginable. I played with him for hours, and we laughed and smiled at little things. My job and pleasure was to entertain and delight Philip while my mother took care of the housework.

He learned what I had taught him, including how much I cared for him. My younger brother chose a different path than the one I would have chosen for him. But who can say that the path that he, or anyone else, has chosen is not suitable for their life? Life is a journey, and it is that for most of us, the train has not yet arrived at the station, and the passengers are still on board. Philip was getting better every day, and his gift is as important to me as any other I've ever received from anyone, friend or relative. This prospect was and still is an exciting opportunity that my brother brought to the fight to realize the dream I cherish so much. Our family was still mostly locked in the space of home, church, and school. I became dependent on my mom and dad for care and survival. Whether I'm awake or sleeping, eating or writing, listening to Ray Charles or fantasizing that I can compose like Bob Dylan, or throwing an easel on the floor because I can't find the «right» color for my drawing, none of this could have happened without Mom and Dad's closeness, and the security they provided me. They created a constant care and love that allowed me to take risks and put my energy into big adventures. It was their sacrifice for me, despite the fact that I was anxious and also began to struggle to escape from this loving cocoon. My younger brother Philip grew up and decided to leave me to play with the neighborhood children. At first, I missed him and resented this new distraction. At some point, I don't remember how it happened, I persuaded my mother to take me with her to sit on the porch and watch Philip and the children play in our yard. Soon, neighborhood children appeared on the porch, asking me questions and telling me about their lives. For me, there was an interesting feeling of satisfaction from communicating with these children. It seemed to me that I was living this experience through my children, filling the hole left in me by my past. It was fun and I learned a lot, which brought me even closer to the present, whatever it was... *Paul Alexander «Three Minutes for a Dog: My Life in an Iron Lung», Friesen Press, Canada, 2020. P.p. 59-63*

**African-American Ray Charles was a popular pop composer and jazz singer in the fifties of the twentieth century. A man of dramatic fate, blind at the age of seven. He is the author of many pop songs and jazz compositions, popular among young people. Paul Alexander loved his music, sympathizing with the complexity of his fate and marveling at his invincible optimism.*

***Bob Dylan was an American pop singer and composer in the sixties, an idol of teenagers and young people who were fascinated by his jazz compositions and songs. A man of artistic appearance, who often appeared on the screens in a multiplication of melodramatic plots.*

Я начал понимать, как я могу, обладая знаниями и некоторым уровнем мудрости, воплотить в жизнь те смутные мечты, которые помогли мне преодолеть столько трудностей. Я понял, что могу развиваться в своем собственном темпе, все больше и больше осознавая, что этот путь может сделать мои мечты реальностью. Тем не менее моя неспособность функционировать вне моего «железного легкого» все еще была серьезным препятствием, которое постоянно преследовало моих маму и папу. Мне было трудно, если не невозможно, мысленно найти способ обойти эту серьезную проблему. Я знал, что должен быть способ изменить или даже устранить эту непоправимую неспособность дышать вне «железных легких», но, насколько я мог себе представить, это было физически невозможно. Но невозможное не означало, что оно не могло стать реальностью при правильных обстоятельствах. При них – абсолютно никаких проблем! Я бы показал всем ошеломляющий успех. Для моих родителей было нормой: всегда призывать Бога совершить еще одно чудо. И я привык к такой практике: обращаться с просьбами к Божьему престолу и получать Его ответ. Мои родители невероятно влиятельные люди, у них есть влиятельные друзья в нужных местах. Я знаю об этом. Я видел, слышал и чувствовал чудеса внутри себя, удивительные и личные по своей природе. Мой опыт чудес оказался вполне реальным, и в них не было никаких сомнений. Горы сдвинулись. Настал такой день, когда мои родители собрали детей вместе и объявили, что моя мама беременна и у нас скоро будет ребенок. Через несколько месяцев в нашей уникальной семье появится еще один ребенок, о котором нужно будет заботиться. Мягко говоря, это был шок для всех нас, ведь маме было уже за сорок. Каждый из нас по-своему воспринял это последнее событие. Думаю, мой старший брат Ник был немного смущен и, возможно, обиделся. В конце концов, мои братья и сестры в течение многих лет были немного разочарованы тем, что моя жизнь требовала так много времени мамы и папы; времени, которое им нужно, чтобы повзрослеть и реализовать свои мечты. Теперь, помимо всего прочего, есть еще один человек, о котором нужно заботиться и который отнимает время мамы и папы. Это

было почти слишком! Что касается меня, то я очень расстроился по этому поводу и потребовал объяснений, зачем нам нужен ребенок. Я с ужасом думал о возвращении в клинику, полагая, что меня придется снова поместить туда, чтобы освободить место для ребенка. Как моя мама могла бы заботиться о нас обоих? Я просто не мог поверить, что моя мама способна на большее. Я помню, как мой отец держал меня на руках и вытирал слезы с глаз, пытаясь убедить меня, что я никуда не уйду только потому, что у моей мамы будет ребенок. «Ты так же важен, как и остальные члены семьи, – сказал он, – ты останешься с нами, и мы позаботимся о тебе, как обо всех остальных». Позже в своей жизни я обнаружил, что сила любви и преданности, которыми меня окружали мама и папа, защитит и направит меня в самые трудные времена. Мой отец заставил меня снова почувствовать себя важным членом семьи. Это был особый дар, данный Богом Папе Римскому, который заставлял всех, с кем он соприкасался, будь то в бизнесе или в личной жизни, чтобы все люди чувствовали себя важными и всегда желанными... Эта возможность наблюдать и изучать характер отца, хотя я и не всегда был с ним согласен, привила мне способность преодолевать запутанные лабиринты невежества и неприязни. Как оказалось, Филипп родился за пять дней до моего дня рождения он был крепким и здоровым. В нашей греческой семье был еще один голубоглазый блондин, похожий на меня. Мы все были очень взволнованы и горды этим новым членом нашей семьи. Я был особенно взволнован тем, что он будет «мной», кем я не смогу стать.

Я научил его некоторым своим ценностям, а он расширил их и сделал еще лучше. Он был бы хорошим человеком и великим спортсменом. Ведь он был назван в честь царя и отца Александра Македонского. Я не знал, как и когда это произойдет, но верил, что он сохранит то, чему я научил его в первую очередь. Позже я каким-то образом последовал за ним через двери, которые только он мог открыть для самых высоких достижений в моей жизни. С его рождением у меня будет больше свободы для перехода на следующий уровень. В своей жизни у него будет возможность делать значимые вещи, которые раньше были невообразимы. Я играл с ним часами, и мы смеялись и улыбались по мелочам. Моя работа и удовольствие состояли в том, чтобы развлекать и радовать Филиппа, пока моя мать занималась домашним хозяйством. Он узнал то, чему я его научил, в том числе то, как сильно я о нем забочусь. Мой младший брат выбрал другой путь, а не тот, который я выбрал бы для него. Но кто может сказать, что путь, который выбрал он, или кто-либо другой, не подходит для его жизни? Жизнь – это путешествие, и оно заключается в том, что для большинства из нас поезд еще не прибыл на станцию, а пассажиры все еще находятся в нем. Филипп становился лучше с каждым днем, и его дар так же важен для меня, как и любой другой, который я когда-либо получал от кого-либо, друга или родственника. Эта перспектива была и остается захватывающей возможностью, которую мой брат привнес в борьбу за осуществление мечты, которую я так лелею. Наша семья по-прежнему была в основном заперта в пространстве дома, церкви и школы. Я стал зависимым от мамы и папы в плане заботы и выживания. Бодрствую ли я или сплю, ем или пишу, слушаю Рэя Чарльза или фантазирую, что могу сочинять, как Боб Дилан, или бросаю мольберт на пол, потому что не могу найти «правильный» цвет для своего рисунка, ничего из этого не произошло бы без близости мамы и папы и безопасности, которую они мне предоставили. Они создали постоянную заботу и любовь, которые позволили мне рисковать и вкладывать свою энергию в большие приключения. Это была их жертва ради меня, несмотря на то что я волновался и тоже начал бороться за то, чтобы вырваться из этого любящего кокона. Мой младший брат Филипп вырос и решил оставить меня чтобы поиграть с соседскими детьми. Сначала я скучал по нему и возмущался этим новым отвлечением. В какой-то

момент, не помню, когда это произошло, я уговорил маму взять меня, чтобы посидеть на крыльце и посмотреть, как Филипп с детьми играют у нас во дворе. Вскоре на крыльце появились соседские дети, которые задавали мне вопросы и рассказывали о своей жизни. Для меня было интересное чувство удовлетворения от общения с этими детьми. Мне казалось, что я проживаю этот опыт через детей, заполняя дыру, оставленную во мне моим прошлым. Это было весело, и я многому научился, что еще больше приблизило меня к настоящему, каким бы оно ни было... *Пол Александер. «Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком». Friesen Press, Канада, 2020. Стр. 59-63.*

**Афроамериканец Рэй Чарльз был популярным поп-композитором и джазовым певцом в пятидесятых годах двадцатого века. Человек драматичной судьбы, ослепший в семь лет. Он является автором многих поп-песен и джазовых композиций, популярных среди молодежи. Пол Александер любил его музыку, сочувствуя сложности его судьбы и удивляясь его непобедимому оптимизму.*

***Боб Дилан был американским поп-певцом и композитором в шестидесятых, кумиром подростков и молодежи, очарованных его джазовыми композициями и песнями. Человек артистической внешности, часто появлявшийся на экранах в мультипликации мелодраматических сюжетов).*

Каждое изменение в жизни Пола Александера, как и Миши Чернышева, происходило с последствиями. То есть, если Миша начинал учиться, ему приходилось опираться на те возможности, которыми он располагал, или требовались новые условия, которых просто не было, и следовало их как-то выявлять. Его брат никогда не выражал желания ходить в библиотеку или школу, чтобы принести нужную книгу. Из самой школы учителя к нему приходили домой и давали уроки по тем предметам, которые входили в школьную программу. Однако, в лучшем случае, они приносили ему учебник и довольствовались тем, что он во время урока с письменными работами, допустим, по русскому языку, математике, русской литературе обнаруживал знание того, что было в учебниках. Но пробуждение его любознательности требовало притока новых знаний из книг. Здесь ему приходилось трудно. В учебнике изредка были ссылки с указанием названия книги, года издания, автора, но Миша, даже зная точно эту информацию, не мог пойти и попросить книгу в библиотеке. Телефон у него появился, только когда он завершил среднюю (домашнюю школу) и начал подумывать о поступлении в университет. На получение телефона его ставили на очередь. Из года в год мать ходила на телефонную станцию и справлялась там, когда же поставят телефон. Чиновники, узнав, что будущий абонент – больной юноша, пораженный параличом рук и ног... не спешили. Привилегия на получение телефона распространялась только на страдающих сердечными недугами, поскольку болезнь требовала частых звонков в скорую помощь. Миша получил первую группу инвалидности, но каждый год проходил обязательное переосвидетельствование. Мать таскала его на себе в медицинское учреждение, входящее в систему ВТЭК (всесоюзная врачебно-трудовая экспертиза). Медицинские эксперты прекрасно знали о неизлечимости его болезни, видели его парализованные конечности. Делали вид, что «чудо возможно», и ждали «позитивных перемен». Проходили годы, перемен к лучшему не наступало, но ежегодные экспертизы продолжались до его девятнадцати лет. Настал момент, когда инвалидность была закреплена пожизненно, и тогда возникла надежда, что в его квартиру проведут телефон. Это случилось, когда Мише исполнилось двадцать лет. Школа была окончена и пора было подумать о высшем образовании. Если по закону его освобождали от переходных, из класса в класс, экзаменов, то для поступления в университет, на филологический факультет, который он выбрал, ему предстояло сдавать вступительные экзамены. Это русский язык (устный экзамен, сочинение на заданную или вольную тему), история СССР, иностранный язык. Для этого нужно ехать в университет, сдавать документы, вести переговоры с приемной комиссией. Приходить на консультации Миша не мог. Здесь-то ему и пригодился бы телефон. Наконец, в начале июля 1960 года телефон ему поставили. Найдя по телефонному справочнику номер телефона администрации университета, Миша рассказал о своем положении и попросил посоветовать, как ему быть. По ту сторону провода чиновница, по-видимому, изумленная изложением подробностей его положения, попросила подождать минуту у телефона. Трубка в тот момент с его правой, парализованной руки, которая едва держала ручку тремя пальцами, выпала, и он, сидя за столом, никак не мог ее достать, без страха свалиться на пол. Услышав голос чиновницы, он ничего не мог сделать, довольствуясь тем «Алло...Алло!», на которое он даже не в силах был ответить. К концу рабочего дня пришла мать и, положив трубку

телефона на рычаг, выслушала горестный рассказ сына. Потом стала его кормить тем, что принесла из своей столовой. Назавтра Миша повторил свой «*эксперимент*», и в этот раз все получилось! Его попросили написать письмо на имя ректора университета и подробно описать, что с ним и как он собирается учиться, пребывая в том состоянии, в котором находится. Слова «*детский паралич*» действовали крайне шокирующе. Миша сел писать, но как излагать в письме чрезвычайно скромные возможности, которыми он располагал на тот момент? Он мог читать. Мог писать. Этого было достаточно, чтобы он мог поглощать знания. Но как эти знания ему давать? На лекции профессоров он приходить не мог. Допустим, мог читать книги, но как он будет справляться с экзаменационной сессией? Ему же надо... приходить в университет для сдачи экзаменов. А как быть с семинарскими занятиями? В них группа студентов участвовала в дискуссиях, слушая мнение профессора – руководителя специального факультатива. Со временем пришел опыт, но сначала все эти сложности надо было как-то осмысливать обеим сторонам...

В 1959-60 годах Миша неожиданно для себя начал писать стихи. Поначалу они были подражательными с упрощенной поэтической стилистикой. Его память хранила множество строк из Пушкина, Некрасова, Брюсова, советских поэтов. Школьная программа дала толчок к поэтическому творчеству, а сам процесс стихосложения привлек его внимание едва ли не с пятого класса. К моменту окончания школы жажда творчества стала непреодолимой. Улавливание стихотворного ритма, подсказанного творчеством Маяковского, его не привлекло, хотя сама стилистика поэтического изложения в свободном расположении текста его часто соблазняла. Классический стиль стихосложения нравился, но казался скучным. По-видимому, он не поддавался подсознательному ритму его ощущения жизни. Однообразие обыденности невольно рождало серые и даже скучные строчки. Фрагментируя текст стихосложения, Миша придавал ему внутреннюю экспрессию, которая просачивалась в его авторский стиль. Примирение классического стиля с бурной динамикой случилось, и этому способствовало его энергичное чтение, примерно с седьмого, восьмого класса. Оно неожиданно наполняло его фантазию образами, далекими от его повседневной реальности. Чтение газет и журналов резко расширило его горизонты. Впитываемая информация наполняла воображение подростка, затем юноши подробностями

молодежной активности. В его годы она была насыщена ударным трудом, освоением космоса, научными открытиями, жестоким противостоянием в политике, страхами от тех подробностей, которыми была полна реальность «холодной войны». Девятый, десятый класс привел его к теме своего, индивидуального восприятия жизни. Оно наполнялось красками природы, любви, нежности, мечтаний. Фантазия спасала его от давления обыденности, расцвечивая мир его личности многообразием ярких красок, которые впитывались в его воображение. Оно не обогащалось жизненными впечатлениями, но каждый акт непредвиденной новизны, приносимой его новыми юными друзьями и студентами, преподавателями университета из его окружения, оставлял не только конкретный след, но и становился стимулом к новой вспышке его фантазии, в которой рождались разнообразные и неожиданные ассоциации. Это был акт обогащения его разума, который получал толчки познания, движимые его духовностью и волей. Готовность жить своей внутренней жизнью возбуждала энергию созревающего интеллекта. Стихи стали полигоном проявления его личности, формируя особую, индивидуальную стилистику самовыражения. Постепенно сложился и стиль духовной жизнедеятельности Миши, который назвал «*естественным*» автор рецензии на его поэтический сборник «ШАГИ», Юрий Денисов. Поэзия Михаила Чернышева обрела такую истинную естественность, отражая реальность, которую он никогда не стремится приукрасить. Этот принцип обогащал его жизнедеятельность сочной красотой индивидуальной культуры. Будем помнить, что понятие «культура» исходит от смысла латинского понятия colere – «*возделывать, ухаживать*». Логика жизни Миши, и, кстати, Пола Александера тоже, в том и заключалась, что они оба, лишенные возможности осуществлять нормальную жизнедеятельность, сумели *возделывать* духовные плантации своего индивидуального бытия, обогащая продуктами своего ума и воли пространство современной им цивилизации...

V.

С наступлением подросткового возраста и успешным усвоением школьной программы Пол Александер приближался к разрешению главной проблемы – временному пребыванию внутри «железного легкого». Иными словами, ему надо научиться хотя бы временно

оставлять этот «инкубатор дыхания». Отказ от камеры «железного легкого» грозил смертью от удушья. Вместе с тем усвоение знаний, процесс взросления, разнообразие интересов, развитие сознания требовали радикальных изменений в его *жизнедеятельности*. Главной преградой было отсутствие способности дышать за пределами «железного легкого». Это понимали в клинике, которая опекала Пола, понимали его родители, постепенно начал понимать и он. Как эту проблему решил Пол Александер, сделав скачок в качестве своей жизни, он описывает в IV главе книги: «*Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком*». Усвоив метод «дыхания лягушки», Пол уменьшил время пребывания в замкнутом пространстве. Постепенно, привыкая к такому дыханию, адаптируясь к нестандартным требованиям вовлечения горла, трахей, иных органов дыхания в новую для себя методику, Пол Александер стал выходить из замкнутого пространства. Это позволило ему покидать «*железное легкое*» на несколько часов, вступая в контакты с друзьями, профессорами университета, позднее, пребывая в зале судебных слушаний, где он исполнял обязанности адвоката. Наконец, Пол Александер мог оставлять замкнутое пространство на несколько суток, осуществляя небольшие прогулки на машине или путешествуя по округе своего штата. Тем не менее, будучи зависимым от полноценной, принудительной вентиляции легких, он нуждался в периодическом возвращении в «*железное легкое*». Но это его уже не угнетало. Интерес к жизни активно возрастал. Вот как Пол Александер описывает этот сложный период своей жизни...

> One day, when I was hanging out in my iron lung, playing with my parrots, my mother said, «Someone from Marsh Dimes [the charity that took care of Paul Alexander O.Y.] called and wants to come to our house and see us.» «What do they want to do to me?» «They say they want to see if there's anything they can do to help you, like exercise to prevent stiffness.» I said, «I'm not going to stress myself and there's nothing they can do for me, there's nothing I can do better." She said, "Paul, it doesn't hurt to see them and talk to them. You never know what they'll say until you've talked to them. It can be something you like or don't like.» «But Mom, I can't get out of the ventilator (iron lungs) to train me.» «Honey, I know. We'll tell them you can't breathe without iron lungs, and they'll leave.» «Do you promise?» «I won't let anyone hurt you.» The day came, and I was scared to death as they knocked on our door. That's when my heart almost stopped beating. Mom let a rather nice-looking woman into our house, who seemed friendly when Mom talked to her. The closer she got to my mother, the more nervous I became until I thought I might cry. I don't think I would, but I don't swear to it. Mrs. Sullivan introduced herself to me and told me about various things I was interested in and asked me to explain how a respirator helped me breathe. I explained to her the process of breathing under negative pressure, with some restrained suspicion. The question swirled in my head: when will she get to the point where she wants to pull me out of the «iron lungs» to train my body? After spending some time visiting my mom and then spending alone with me, she made another appointment to come back and left. All things considered, I liked her, but I didn't understand what she wanted or where she thought our meetings might go. Now my mother suspected something. These visits continued for some time. I don't remember exactly how much time, but enough to stumble upon information that intrigued me greatly. It turns out that our dear Mrs. Sullivan bred dogs, and not just any dogs, but one of my favorite types: boxers. I loved boxers. Mrs. Sullivan told me stories about how she raises her Boxers and shows them at dog shows. She completely fascinated me and I wanted to spend time with her, listen to more such stories. From time to time, we talked about my experience of visiting the hospital and trying to get me to breathe as if polio had never entered my vocabulary and consciousness. I told her how they had turned off the respirator in an attempt to force me to breathe like I had done before the infection. I emphasized how impossible this is and that breathing outside the "iron lungs" is simply impossible. I was just losing consciousness. Time after time, I insisted that nothing had changed since the last ordeal to make it easier for me to breathe. To this day, I don't know the real story behind the stage version of this series of failed attempts to breathe. However, there was another, interesting story: in fact, this story became the meaning of my life. Mrs. Sullivan must have been contemplating her plan to get into my dark soul and rearrange the furniture for a while before contacting my parents. At some point, she started a conversation with Mom and Dad, and what a discussion it must have been! Indeed, I would rather write about this extremely personal and amazing decision-making process between this woman, Mrs. Calesu Sullivan, and my loving parents. How was this decision made and did your mother cry when she agreed to make it? This decision was made between my parents

and Mrs. Sullivan, although it is understandable what extraordinary experiences occurred as a result of this decision when I learned the gist of the story: I was allowed to have a puppy, my own dog named Ginger. But... How can I learn to breathe outside of the «iron lungs»? Is it possible to do this? For such a strange and incomprehensible reason, I was allowed to have what we would call my own dog that I could love. This is what I wanted and needed to feel in harmony with nature and myself. Something alive that believed and trusted me, that I could hold and touch. A creation of God that loved me and belonged to me. Mrs. Sullivan, the therapist, suggested that Mom and Dad have one of her purebred puppies teach me to learn... breathe. She believed in me and was confident that I could do it. Therefore, Mom and Dad must have approved of this plan. Then Mrs. Sullivan herself proposed to me, and I reacted enthusiastically and said that I would do it! The «iron lung» apparatus would shut down, and I would train the muscles of my throat and mouth to pump air into my lungs. This breathing technique was called "frog breathing" and required training muscles that were created by God to perform tasks other than blowing air into my lungs. She trained me by saying, «But don't hold your breath.» The deal was made between Mrs. Sullivan and me. If I had learned to breathe in three minutes without the help of "iron lungs", I would have been rewarded with an excellent boxer. Wow! THREE MINUTES FOR THE DOG! I couldn't believe it was really happening, and I didn't believe it was really going to happen. After all, that hadn't happened before, and even though I hated and feared medical professionals, it must have meant more. We started immediately. Mrs. Sullivan had her watch, and I had mine. At first, it was like a baby starting to walk. At first, holding your breath seemed like the right thing to do. But this was not the goal or task. Weeks have passed without any noticeable progress, only a huge amount of effort and failure. My efforts were constantly supported by Ms. Sullivan. This woman was never disappointed in me and kept her trust in me... In any case, her faith sustained me as I continued to try different ways to breathe in air and direct it into my lungs. Theoretically, it sounds simple, but it is impossible to do without the appropriate muscles. In order to breathe, I had to find another way to swallow air into my esophagus; like food or water, with the exception of the trachea and lungs. That was the trick, and I needed to find a way to master the process so that air would go in and out of my lungs. To perform one or a partial breath, it was necessary to perform

two, three, four or more acts. The initial act of swallowing or shortness of breath was not difficult. All I had to do was wait and do nothing until my body was so starved of oxygen that it would go crazy trying to gasp for air. My heart began to pound and speed up significantly. Every cell in my body began to scream for me to take a breath of air at any cost. Kill for it or die for it, just get it. At that moment, I could easily take a breath of air into my mouth and throat. Then the trick was that I somehow had to keep my epiglottis relaxed and open enough that it wouldn't close my windpipe or block the air. If I could do that, then all I would have to do is find a way to swallow or otherwise direct that swallowed air into my trachea and lungs. Usually, if a person swallows at this point, the epiglottis slams shut over the trachea, causing the gasping person to simply swallow air into the stomach. For this theory to work, it is necessary to stop the closure of the epiglottis. I thought it should be kept open so that air could get into the lungs. Since I thought it would be easy to swallow air, I figured it would be more difficult to keep the epiglottis open long enough to force air to pass through the trachea and into the lungs. It was frustrating to realize what I had to go through to be able to put all the elements together and form a comprehensive performance of this type of breathing. I was concerned that I might not be able to do it again like I once did in the hospital. If I could not do this, everyone would be confused and disappointed in me. I always claimed that I could do anything I wanted, and in fact, it raised big doubts about my ability to overcome the most serious challenges. It has to be done, and I have the power to achieve it. So, let's make it possible. The key and answer to the next step in this process was to wait out the body's need for oxygen. Do not give in to the desire for the next breath and make it wait until your whole body demands air and does everything it can to control it – even to the point of death, if necessary. Suppress the urge of the epiglottis to close your throat until your spirit is ready, not when your body is ready... Then, inhale some air into your open windpipe and direct it into your lungs using the throat muscles, which are not normally used for this purpose. You have to find them and train them to perform this operation until it becomes comfortable. This needs to be repeated over and over again, because at first you are more likely to make mistakes than to succeed. A thousand times in one small breath, at best millions in one minute, a billion is three minutes for a dog! An infinite number – for a lifetime. Long, long months of hard work followed to get out of the safe

confines of the «iron lungs.» It was incredibly scary! For a long time, my father stayed with me every minute in case I messed up this delicate process too much and couldn't get back on track, and I had to go back to the iron lungs. My dad is a great person. I was lucky: he was strong and fast. It wasn't just the issue of distance and time away from iron lungs to get back in time if something went wrong. Some of my activities require more effort and perseverance than others. Still others caused much more stress, such as pain during a doctor's visit. It was difficult to master eating from the machine, since I really performed several tasks at the same time: with my mouth and throat. Then, if you add spoken language to all these requirements, you will have a real coordination complex. If I wanted to include some additional activity, for example, writing with a pen stick in my mouth, swallowing every two or three seconds... Thus, I reached the limit of the tasks that I could perform when I came out of the «iron lungs». I had to reserve the «Old Iron Horse» for computer work and document processing. It is now that I type every letter in this book. Before the computer came into my life, I had to write with a pen that I held in my teeth and manipulated only my tongue. Over the years, I have used a lot of pencils. As for my ability to breathe, I was able to breathe on my own outside of the (iron) lungs for two days and nights. It was a struggle and, of course, atypical. A normal day at work and maybe dinner at a restaurant is enough to exhaust me. Of course, this endurance has allowed me to experience more freedom and opportunities to explore this world and its beings than at any time before in my life. I was able to travel from California to Washington, D.C., and a couple of times to Mexico. Not so bad for my circumstances and the limitations that have arisen. Yes, mistress. Sullivan gave me a boxer puppy! I managed to develop new respiratory muscles in my neck and throat to stay out of the «iron lungs» long enough... Ginger, my dog, had four white stockings and white breasts. The rest of her coat, a honey golden color, was beautiful... The fact is that pharyngeal breathing kept me alive in some rather difficult times and tense moments. I've been in car accidents and injured, but I haven't stopped breathing. The so-called frog breath consumes a huge amount of energy. It also requires concentration so as not to lose sight of what will happen next, for example, STILL BREATHING. In my survival business, it's important not to lose concentration... At the time, I was living with a woman who loved me and cared for me. I met Sandra in the hospital, where I had come to have

surgery to close my open trachea, thinking it might make it easier for me to breathe. I didn't need to suction respiratory mucus (O.Y.) for a very long time. Sandra was a respiratory therapist, and I thought: how appropriate this is in my situation! We flirted with each other all the time I was in the hospital, until one afternoon we were alone outside the doors of the hospital, where she and I were accompanied by an iron lung. Returning home to my small apartment, we became closer. Sandy brought Greek food and Greek music. How could I not love her? As time went on, we grew closer, and I spent more time with her family – she had two boys – Sandra suggested that I consider hiring and training a new set of student assistants each semester. Most of the time, it was a risky business, loss of study time, and other problems in my curriculum. She said, «Since you're preparing to go to law school and the accompanying care is unpredictable, move in with me and the kids and I will take care of you. You can be sure of this so that you can fully concentrate on your studies. In exchange for that, you could contribute to the expenses of our living together.» I had lived alone for many years and definitely did not want to give up my independence. But the more I thought about it, the more attractive the idea seemed to me. If it worked out and she really took care of me and got me to class on time, it could do me good. She had two sons. I learned to play and communicate with them. There was only one way to know if it would work? I moved and started trying to adjust to living with my family and going to law school. Sandra (for me) turned out to be a wonderful teacher and worked hard to help me learn. After taking care of me all day and taking me where I needed to go, she worked with me to help me do study assignments in the evenings. Sandra did this for three years until I graduated in 1984. The following year, I focused on preparing for the bar exam. Sandra and I went to different small towns and other places, such as the coast, to see the ocean. One of the events that she came up with that changed my life happened when she introduced me to the Greek Orthodox Church. As a young man, I was interested in the Greek Orthodox faith because of its history in the New Testament and Greece, and because of the fact that my paternal grandfather came from Greece as a child. As a child, I was intrigued by this man. Then, while walking through downtown Austin with my friend Paul, I happened to see an old golden-domed building that evokes a mystical feeling. I insisted on inspecting it, but when I approached it, the doors were locked and I couldn't get inside. I noticed the name

«Orthodox» on the sign, which I remembered. Many years later, before I even moved in with Sandra, she suggested that I leave Sunday open because I was in for a surprise. The next thing I remember, we drove up to that old building that I had been fascinated by many years ago. Needless to say, I was excited to have a look inside this church that I had wanted to see for so long. It made a huge difference to me, and Sandra brought new knowledge and faith into my life. I will always be grateful to my friend Sandy for my law degree and for the Orthodox faith. The church was incredibly beautiful, and when I entered the sanctuary, I had the feeling that I had looked into the sky. The liturgy was amazing, something I had never experienced in all my years in church. The people were so interesting, and I met a man who changed my whole life: the priest Father Jacob. This man and I became great friends and discussed the Scriptures and the Christian faith from an orthodox perspective. The more we discussed and argued the differences between the Protestant and Orthodox viewpoints for more than a year, the more comfortable I felt with these teachings and the traditions of the first-century disciples and the faith they established. I decided that this orthodoxy was the closest to the truth that Christ tried to teach by word and example.*Paul Alexander Three Minutes for a Dog: My Life in an Iron Lung", Friesen Press, Canada, 2020. P.p. 60-63*

В один прекрасный день, когда я болтался в моем «железном легком», играя со своими попугаями, мама сказала: «Кто-то из Марша Даймс *(благотворительная организация, которая опекала Пола Александера. – О. Ю.)* звонил и хочет прийти к нам домой и увидеться с тобой». «Что они хотят со мной сделать?» «Они говорят, что хотят посмотреть, смогут ли они тебе чем-нибудь помочь, например, заняться спортом, чтобы предотвратить скованность». Я сказал: «Я не собираюсь напрягаться, и они ничем не могут мне помочь, я ничего не могу сделать лучше». Я попросил маму передать им, что не хочу никого из них видеть. Она сказала: «Пол, не помешает увидеться и поговорить с ними. Никогда не знаешь, что они скажут, пока не поговоришь с ними. Это может быть то, что тебе понравится или не понравится». «Но, мама, я не могу выйти из аппарата искусственного дыхания («железные легкие»), чтобы они меня тренировали». «Милый, я знаю. Мы скажем им, что ты не можешь дышать без «железных легких», и они уйдут».

«Ты обещаешь?» «Я не позволю никому причинить тебе боль». Мама назначила встречу. Настал день, и я был напуган до смерти, когда они постучали в нашу дверь. Именно тогда мое сердце почти перестало биться. Мама впустила в наш дом довольно приятную на вид женщину, которая, когда мама с ней разговаривала, казалась дружелюбной. Чем ближе она подходила к маме, тем больше я нервничал, пока не подумал, что могу заплакать. Не думаю, что я это сделал бы, но не клянусь в этом. Миссис Салливан представилась мне и рассказала о разных вещах, которые меня интересовали, и попросила меня объяснить, как респиратор помогает мне дышать. Я объяснил ей процесс дыхания при отрицательном давлении, с некоторым сдержанным подозрением. В моей голове крутился вопрос: когда же она дойдет до того, что захочет вытащить меня из «железных легких», чтобы тренировать мое тело? После некоторого времени, проведенного в гостях у мамы, а затем проведенного со мной наедине, она назначила еще одну встречу, чтобы вернуться, и ушла. Учитывая все обстоятельства, она мне нравилась, но я не понимал, чего она хочет и куда, по ее мнению, могут пойти наши встречи. Теперь мама что-то подозревала. Эти визиты продолжались некоторое время. Не помню точно, сколько времени, но достаточно, чтобы наткнуться на информацию, которая меня сильно заинтриговала. Оказывается, наша дорогая госпожа Салливан разводила собак, и не просто собак, а одного из моих любимых видов: боксеров. Я любил боксеров. Миссис Салливан рассказала мне истории о том, как она выращивает своих боксеров и показывает их на собачьих выставках. Она меня полностью очаровала, и мне хотелось проводить с ней время, слушать больше таких историй. Время от времени мы говорили о моем опыте посещения больницы и попытках заставить меня дышать так, как будто полиомиелит никогда не входил в мой словарный запас и сознание. Я рассказал ей, как они отключили респиратор, пытаясь заставить меня дышать так, как я делал до заражения. Я подчеркнул, насколько это невозможно и что дыхание вне «железных легких» просто невозможно. Я просто терял сознание. Раз за разом я настаивал на том, что со времени последнего испытания ничего не изменилось, чтобы мне было легче дышать. По сей день я не знаю реальной истории, стоящей за сценической версией этой серии неудачных попыток дышать. Однако была еще одна, интересная история:

по сути, эта история стала смыслом моей жизни. Миссис Салливан, должно быть, обдумывала свой план залезть в мою темную душу и на некоторое время переставить мебель, прежде чем обратиться к моим родителям. В какой-то момент она начала разговор с мамой и папой, и какая это, должно быть, была дискуссия! Действительно, я бы предпочел написать об этом чрезвычайно личном и удивительном процессе принятия решений между этой женщиной, миссис Кейлзю Салливан, и моими любящими родителями. Как было принято это решение и плакала ли мама, когда согласилась на его принятие? Это решение между моими родителями и миссис Салливан было принято, хотя понятно, какие необычайные переживания произошли в результате этого решения, когда я узнал суть этой истории: мне разрешили иметь щенка, свою собаку по имени Джинджер. Но ... Как мне научиться дышать вне «железных легких»? Можно ли это сделать? По такой странной и непостижимой причине мне разрешили иметь то, что мы назовем моей собственной собакой, которую я мог бы любить. Это то, чего я хотел, и должен был чувствовать себя в гармонии с природой и самим собой. Что-то живое, что верило и доверяло мне, что можно было держать и трогать. Творение Божие, которое любило меня и принадлежало мне. Миссис Салливан, терапевт, предложила маме и папе одного из своих чистокровных щенков, чтобы они предложили мне научиться... дышать. Она верила в меня и была уверена, что я смогу это сделать. Следовательно, мама и папа, должно быть, одобрили этот план. Потом предложение мне сделала сама госпожа Салливан, и я с энтузиазмом отреагировал и сказал, что сделаю это! Аппарат «железных легких» отключался, и я тренировал мышцы горла и рта, чтобы нагнетать воздух в легкие. Эта техника дыхания называлась «лягушачье дыхание» и требовала тренировки мышц, которые были созданы Богом для выполнения других задач, помимо нагнетания воздуха в мои легкие. Она тренировала меня, говоря: «Но не задерживай дыхание». Соблюдать это ограничение будет очень сложно. Сделка была заключена между госпожой Салливан и мной. Если бы я научился дышать без помощи «железных легких» три минуты, то был бы вознагражден прекрасным боксером. Ух ты! ТРИ МИНУТЫ ДЛЯ СОБАКИ! Я не мог поверить, что это действительно происходит, и не верил, что это действительно произойдет. В конце концов, раньше такого не было, и, несмотря

на то что я ненавидел и боялся медицинских работников, это, должно быть, значило нечто большее. Мы начали немедленно. У миссис Салливан были свои часы, а у меня свои. Сначала это было похоже на то, как ребенок начинает ходить. Поначалу задержка дыхания казалась правильным решением. Но это не было целью или задачей. Прошли недели без какого-либо заметного прогресса, только огромное количество усилий и неудач. Мои усилия постоянно поддерживались со стороны госпожи Салливан. Эта женщина никогда не разочаровывалась во мне и сохраняла доверие ко мне... В любом случае, ее вера поддерживала меня, пока я продолжал пробовать различные способы вдохнуть воздух и направить его в легкие. Теоретически это звучит просто, но без соответствующих мышц обойтись невозможно. Чтобы дышать, мне нужно было найти другой способ заглатывать воздух в пищевод; как еду или воду, за исключением трахеи и легких. В этом и заключалась хитрость, и мне нужно было найти способ освоить этот процесс, чтобы воздух поступал в мои легкие и выходил из них. Для выполнения одного или частичного вдоха необходимо было совершить два, три, четыре или более актов. Первоначальный акт глотания или одышки не был трудным. Все, что мне нужно было делать, это ждать и ничего не делать, пока мое тело не начнет испытывать настолько недостаток кислорода, что начнет сходить с ума, пытаясь хватать воздух. Мое сердце начинало колотиться и значительно ускоряться. Каждая клетка моего тела начинала кричать, чтобы я любой ценой глотнул воздуха. Убей ради этого или умри ради этого, просто получи это. В этот момент я мог легко глотнуть воздух в рот и горло. Затем хитрость заключалась в том, что мне каким-то образом нужно было держать надгортанник расслабленным и достаточно открытым, чтобы он не закрывал дыхательное горло и не перекрывал воздух. Если бы я мог это сделать, то все, что мне нужно было бы сделать, это найти способ проглотить или иным образом направить этот проглоченный воздух в мое трахею и легкие. Обычно, если человек глотает в этот момент, надгортанник захлопывается над трахеей, в результате чего задыхающийся человек просто заглатывает воздух в желудок. Чтобы эта теория заработала, необходимо остановить закрытие надгортанника. Я считал, что его нужно держать открытым, чтобы воздух мог проникать в легкие. Поскольку я считал, что глотать воздух будет

легко, я полагал, что будет труднее держать открытым надгортанник достаточно долго, чтобы заставить воздух пройти через трахею в легкие. Было обидно осознавать, через что мне пришлось пройти, чтобы получить возможность собрать воедино все элементы и сформировать комплексное выполнение этого типа дыхания. Я был обеспокоен тем, что, возможно, не смогу сделать это снова, как когда-то в больнице. Если бы я не смог этого сделать, все бы смутились и разочаровались во мне. Я всегда утверждал, что могу сделать все, что захочу, и на самом деле это вызывало большие сомнения в моей способности преодолевать самые серьезные испытания. Это необходимо сделать, и во мне есть сила, чтобы добиться этого. Итак, давайте сделаем это возможным. Ключом и ответом на следующий шаг в этом процессе было переждать потребность организма в кислороде. Не поддаваться желанию следующего вдоха и заставлять его ждать, пока все ваше тело не потребует воздуха и не сделает все возможное, чтобы его контролировать – даже до предела смерти, если это будет необходимо. Подавите желание надгортанника закрыть горло до тех пор, пока ваш дух не будет готов, а не тогда, когда будет готово тело... Затем вдохните немного воздуха в открытое дыхательное горло и направьте его в легкие с помощью мышц горла, которые обычно не используются для этой цели. Вам предстоит их найти и обучить выполнять эту операцию до тех пор, пока она не станет комфортной. Это нужно повторять снова и снова, ибо поначалу вы чаще ошибаетесь, чем добиваетесь успеха. Тысячу раз за один маленький вдох, в лучшем случае миллионы за одну минуту, миллиард и есть три минуты для собаки! Бесконечное количество – на всю жизнь. Последовали долгие-долгие месяцы напряженной и тяжелой работы, чтобы покинуть безопасные пределы «железных легких». Это было невероятно страшно! В течение долгого времени мой отец каждую минуту оставался со мной на случай, если я слишком сильно испорчу этот деликатный процесс и не смогу вернуться в нужное русло, и мне придется вернуться обратно в «железные легкие». Мой папа – это отличный человек. Мне повезло: он был сильным и быстрым. Была не только проблема расстояния и времени вдали от «железных легких», чтобы вернуться вовремя, если что-то пойдет не так. Некоторые виды моей деятельности требуют больше сил и настойчивости, чем другие. Третьи вызывали гораздо больший стресс, например, боль

во время визита к врачу. Освоить прием пищи из автомата было сложно, поскольку я действительно одновременно выполнял несколько задач: ртом и горлом. Затем, если вы добавите ко всем этим требованиям разговорную речь, у вас возникнет настоящий комплекс координации. Если бы я хотел включить какую-то дополнительную деятельность, например, писать палочкой-ручкой во рту, сглатывая каждые две или три секунды... Таким образом, я достиг предела задач, которые мог выполнить, выйдя из «железных легких». Мне пришлось зарезервировать «старого железного коня» для работы на компьютере и обработке документов. Именно теперь я печатаю каждую букву в этой книге. До того как компьютер появился в моей жизни, мне приходилось писать ручкой, которую я держал в зубах и манипулировал только языком. За эти годы я использовал массу карандашей. Что касается моей способности дышать, то я смог самостоятельно дышать вне (железных) легких в течение двух дней и ночей. Это была борьба и, конечно, нетипичная. Обычного рабочего дня и, возможно, ужина в ресторане достаточно, чтобы меня измотать. Конечно, эта выносливость позволила мне испытать больше свободы и возможностей исследовать этот мир и его существ, чем когда-либо прежде в моей жизни. Мне удалось поехать из Калифорнии в Вашингтон-округ Колумбия и пару раз в Мексику. Не так уж и плохо для моих обстоятельств и возникших ограничений. Да, госпожа Салливан подарила мне щенка боксера! Мне удалось развить новые дыхательные мышцы на шее и горле, чтобы оставаться вне «железных легких» достаточно долго... У Джинджер – моей собаки – было четыре белых чулка и белая грудь. Остальная часть ее шерсти, золотисто-медового цвета, была прекрасна... Дело в том, что глоточное дыхание сохраняло мне жизнь в некоторые довольно тяжелые времена и напряженные моменты. Я попадал в автомобильные аварии и получил травмы, но не переставал дышать. Так называемое лягушачье дыхание потребляет огромное количество энергии. Также требуется концентрация, чтобы не потерять из виду то, что будет дальше, например, ЕЩЕ ДЫШАТЬ. В моем деле выживания важно не терять концентрацию... В то время я жил с женщиной, которая любила меня и заботилась обо мне. Я встретил Сандру в больнице, куда приехал, чтобы сделать операцию по закрытию открытой трахеи, думая, что это может облегчить мне дыхание. Мне не требовалось

отсасывание дыхательной слизи в течение очень долгого времени. Сандра была респираторным терапевтом, и я подумал: как это уместно в моем положении! Мы флиртовали друг с другом все время, пока я был в больнице, пока однажды днем мы не остались одни за дверями больницы, где нас с ней сопровождало «железное легкое»... Вернувшись домой в мою маленькую квартирку, мы сблизились. Сэнди приносила греческую еду и греческую музыку. Как я мог ее не любить? Шло время, мы сближались, и я проводил больше времени с ее семьей – у нее было два мальчика – Сандра предложила мне на рассмотрение наем и обучение нового набора студентов-помощников каждый семестр. В большинстве случаев это было рискованным делом, потерей учебного времени и другими проблемами в моей учебной программе. Она сказала: «Поскольку ты готовишься поступить на юридический факультет, а сопутствующий уход за тобой непредсказуем, переезжай ко мне и мы с детьми позаботимся о тебе. Ты можешь быть в этом уверен, чтобы полностью сосредоточиться на учебе. В обмен на это ты мог бы внести свой вклад в покрытие расходов на наше совместное проживание». Я был заинтригован, но колебался. Я много лет жил один и определенно не хотел отказываться от своей независимости. Но чем больше я об этом думал, тем привлекательней мне казалась эта идея. Если бы все получилось, и она действительно позаботилась обо мне и привела меня на занятия вовремя, это могло бы пойти мне на пользу. У нее было два сына. Я учился с ними играть и общаться. Был только один способ узнать, сработает ли это? Я переехал и начал пытаться адаптироваться к жизни с семьей и поступлению на юридический факультет. Сандра (для меня) оказалась замечательной воспитательницей и много работала, чтобы помочь мне учиться. После того как она весь день заботилась обо мне и возила меня куда мне надо было, она работала со мной, помогая по вечерам исполнять учебные задания. Сандра занималась этим три года, пока я не закончил учебу в 1984 году. В следующем году я сосредоточился на подготовке к экзамену на адвоката. Мы с Сандрой ездили в разные маленькие города и в другие места, например, на побережье, чтобы увидеть океан. Одно из событий, которые она придумала и которые изменили мою жизнь, произошло, когда она познакомила меня с Греческой Православной Церковью. В молодости меня интересовала греческая православная

вера из-за ее истории в Новом Завете и Греции, а также из-за того факта, что мой дедушка (по отцовской линии) в детстве приехал из Греции. В детстве я был заинтригован этим человеком. Затем, прогуливаясь по центру Остина с моим другом Полом, я случайно увидел старое здание с золотым куполом, вызывающее мистическое ощущение. Я настоял на том, чтобы его осмотреть, но, когда я подошел к нему, двери были заперты, и я не смог попасть внутрь. Я заметил на вывеске название «Православный», которое запомнил. Много лет спустя, еще до того как я переехал к Сандре, она предложила мне оставить воскресенье открытым, так как меня ждал сюрприз. Следующее, что я помню, мы подъезжали к тому старинному зданию, которым я был очарован много лет назад. Излишне говорить, что я был взволнован возможностью заглянуть внутрь этой церкви, которую я так долго хотел увидеть. Это имело для меня огромное значение, а Сандра принесла в мою жизнь новые знания и веру. Я всегда буду благодарен моей подруге Сэнди за мое юридическое образование и за православную веру. Церковь была невероятно красива, и при входе в святилище у меня возникло ощущение, будто я заглянул в небо. Литургия была потрясающей, чего я никогда не испытывал за все годы своего пребывания в церкви. Люди были такие интересные, и я встретил человека, который изменил всю мою жизнь: священник, отец Иаков. Мы с этим человеком стали большими друзьями и обсуждали Священное Писание и христианскую веру с ортодоксальной точки зрения. Чем больше мы обсуждали и аргументировали различия между протестантской и ортодоксальной точками зрения на протяжении более года, тем более комфортно я чувствовал себя в отношении этих учений и традиций учеников первого века и веры, которую они установили. Я решил, что эта ортодоксальность наиболее близка к истине, которой Христос пытался научить словом и примером. *Пол Александер. «Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком». Friesen Press, Канада, 2020. Стр. 60-63.*

...Для Михаила Чернышева таким же впечатляющим событием стало поступление в Саратовский университет. Все сложности, связанные и со вступительными экзаменами, и с графиком занятий, включая семинарские, так или иначе были преодолены. Главными «учителями» для него были книги, список которых был составлен

преподавателями, с учетом программных обязательств, которые стояли перед студентом Чернышевым. Мать, видя, как старательно сын штудирует книги, радовалась, надеясь, что получение высшего образования сделает его жизненные перспективы более очевидными. Не думаю, что она верила в какие-то конкретные варианты трудоустройства сына по окончании университета, но тот факт, что он сдал все вступительные экзамены, получил подтверждение тому, что его приняли на первый курс филологического факультета, и то, что первое семинарское занятие прошло в их квартире, которую заполнили студенты-первокурсники и преподаватель, не могло не радовать мать.

Со временем вокруг Миши сложилась не только студенческая тусовка, но и поэтическая. Молодежная газета *«Заря молодежи»* была органом Саратовского обкома комсомола. В те годы – это было время между 1960-1967 годами – в стране происходили разные события. В космосе уже летали первые спутники. Потом спутники с подопытными собаками Белкой и Стрелкой. Началось освоение космоса человеком – полет Юрия Гагарина. Вместе с тем возникали трудности с поставками продуктов питания в торговую сеть. Начались реформы в управлении экономикой. Взбудоражили страну и события в Новочеркасске. XXII съезд КПСС и разоблачение культа личности Сталина надолго запомнились советским людям. Одновременно шло освоение Сибири, комсомольские стройки. Все происходившие события, хотя и не касались Михаила, но оставляли в его памяти и чувствах заметные следы. Но тот образ жизни, который диктовался *полиомиелитом*, требовал от него вырабатывать такие стандарты *жизнедеятельности*, которые Миша постепенно приспосабливал под те обязанности, которые требовала его учеба в университете. Он хорошо учился, обретал друзей. Вокруг складывались группы волонтеров, которые брали на себя добровольные заботы, помогая его матери в быту. Складывался ближний круг друзей-единомышленников, с которыми Миша делился своими идеями, как бы проверяя их на прочность. В него входил и я. В 1961 году я поступил в университет и стал студентом первого курса. Тогда же я пришел в его старую квартиру, где он жил с матерью – тетей Олей. Наши бесконечные разговоры убедили меня в том, что его внутренний мир приобретает устойчивые ориентиры, открывающие ему отчетливые перспективы на будущее. Два влечения – историко-филологические исследования и поэзия – стали его основными духовными практиками, в которых он воплощал энергию

своего разума. Его тело могло довольствоваться тем малым, что позволяла ему болезнь, а его природа приносила те же сюрпризы, которые были знакомы каждому человеку, вступавшему в возраст юноши и молодости. Вместе с тем сложности его быта и стесненность уже становились заметнее. Что-то надо было делать, чтобы Миша не испытывал очевидных бытовых неудобств. Он имел право на перемены в своей жизни, как инвалид первой группы, но социальные органы не спешили прилагать к этому ни усилий, ни стараний. Очередь на новую квартиру не двигалась. Оставалась только инвалидная пенсия, но прожиточный минимум оставлял от нее такую часть, которой не хватало на затраты, необходимые для духовного развития. Покупать книги не приходилось. Телевизора в доме долго не было. Обновлять одежду не удавалось. Зарплата матери была более чем скромной. Она была женщиной без образования. Работала в столовой на подсобных должностях. Мебель в квартире не обновлялась десятилетиями. Скромность быта уместно было бы определить одним словом: нищенская. Пробить ему квартиру долго не удавалось. Он стоял в очереди на улучшение квартирных условий, но ничего не менялось после долгих разговоров и посещений чиновников квартирного отдела того района, в котором Миша жил.

Наконец, мы – его друзья – решились. О-о-о! Это была жуткая процедура!! Среди Мишкиных друзей набралась команда из очень крепких ребят. Приехав на такси к зданию Саратовского горисполкома, они брали Мишу на руки и быстро проносили внутрь, чудом проскользнув мимо поста дежурного милиционера. Тот даже не успел как-то отреагировать. Я шел последним и говорил ему, что мы – к председателю исполкома. Милиционер бросался листать журнал приемов, растерянно перелистывал страницы, что-то бормотал насчет того, что такой фамилии нет в журнале. Я просил его понять, что бывают пропуски, ошибки и прочее, проходя вслед за своими товарищами, которые, держа на руках драгоценный груз, уже поднимались на второй этаж. Зайдя в приемную, не давая опомниться секретарше, друзья пронесли Мишу прямо в кабинет председателя исполкома. Я, проскочив туда первым, держал двери распахнутыми, не обращая внимания на то, что там происходит. «Носильщики» проносили Мишу в кабинет председателя, поспешно усадив его на стул. В кабинете возникла «*немая сцена*». Точно как в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор». Из-за стола встал хозяин кабинета, изумленно созерцая

осторожные действия «носильщиков», усаживавших Мишу. Я снимал с плеча «носильщика» Мишины руки, потому что сам он делать этого не мог, аккуратно укладывал их на столик, стоявший напротив стула. Невозможно передать гримасы лиц «деловых людей», находившихся в кабинете и растерянно созерцавших грузное тело «посетителя», сидевшего на стуле. Я стоял позади Миши, зорко следя, чтобы он случайно не сполз со стула. Говорить начинал самый мускулистый из «носильщиков» – Николай. Тоном, не терпящим возражений, он сказал заранее приготовленную фразу:

— Это Михаил Чернышев. Он полный инвалид. Ему нужна двухкомнатная квартира. Семь лет он стоит в очереди. Вы не «чешетесь». Мы будем сидеть здесь до тех пор, пока не получим ордер на заселение.

Тягостная тишина, установившаяся после этой реплики, превращалась в звенящую. Зная Мишкин мягкий характер, мы, разрабатывая сценарий визита к властям города, взяли с него слово, что он будет молчать, чтобы не «сломать» ситуацию. Иначе говоря, чтобы городские чиновники снова не вырвали у него согласие ждать в очереди. В это время в кабинет ворвались два милиционера и... замерли, увидев *«немую сцену»*. Председатель исполкома, придя в себя, просил милиционеров и чиновников выйти из кабинета, растерянно глядя на сидевшего Мишу, «носильщиков», на меня, стоявшего позади Чернышева. Было ясно – настроены мы очень решительно! Присев на стул, глядя на Мишу, он как-то просительно, почти шепотом задал вопрос.

— А вы в каком районе проживаете?..

— Октябрьском... — пролепетал Миша.

— Ага... Сейчас я туда позвоню, и мы все узнаем, — сказал хозяин кабинета. Он набирает номер телефона, наверное, Октябрьского райисполкома. Спрашивает об очереднике по имени Чернышев Михаил. Ну и т. п. Получалась очень некрасивая картина. Мишу, с его пожилой матерью, из года в год просто передвигали в очереди, забирая квартиру, на которую он мог рассчитывать еще семь лет назад! Ситуация накалялась. Председатель исполкома снова стал обещать: *«...все решим скорейшим путем...»*, но «команда» упорно требовала, чтобы сейчас же был выписан ордер на заселение! И не где-нибудь, а в центре города. Ну хотя бы рядом с центром.

— Вы нас из кабинета вынесете всех только с милицией.

Парни подошли ближе к Мише. Тот растерянно вертел головой, пытаясь что-то сказать. Я знаками просил его молчать. Вконец растерявшийся хозяин кабинета вышел из-за стола. Сказал, что сейчас вернется. Что будет дальше, мы не знали. Мэр города был сравнительно молодым мужчиной, в сером костюме, с густой шевелюрой. Мы молча ждали. Почти со слезами на глазах Миша стал нас уговаривать отнести его домой. «Носильщики» и я запротестовали. Мы препирались несколько минут, потом открылась дверь и в кабинет вернулся председатель исполкома с пожилой женщиной. Он сел за свой стол, женщина уселась за столик напротив Миши и попросила его паспорт. Я помог вынуть документ из его кармана, и она стала записывать его данные в какой-то толстый журнал, а хозяин кабинета сказал, что есть три квартиры и назвал районы. Две из них были в районе железнодорожного вокзала, на втором этаже, а одна на тихой Соколовой улице, двухкомнатная, на первом этаже. Миша кивнул, когда женщина его спросила, согласен ли он на эту квартиру? Она выписала ордер и дала на подпись мэру. Тот вложил ордер в паспорт и хотел Мише вручить, но поднять руку, чтобы взять свой паспорт, Миша не мог. Я взял паспорт, услышав Мишкин шепот: «*Спасибо*...» Мы удалились... В тот же день Миша вселился. Теперь оставалось «выбить» у советской власти телефон в новой квартире. На этот раз обошлись без нашего «экстремального опыта». Начальство городской АТС, выслушав «мои речи», через неделю телефон подключило. Он имел на него полное право по советским законам, как инвалид первой группы. Квартиру Мишки мы обставили общими усилиями. Он облюбовал себе комнату, которая стала его кабинетом. Принимал здесь гостей, подолгу сидел летом у открытого окна, глядя на проходивших людей, тут же спал. Иногда с превеликим трудом, когда рядом был кто-то из наших ребят, которые могли его подстраховать, он выходил на костылях на двор. Но эта процедура для него была слишком рискованной. Мог упасть... Жизнь в новой квартире закипела, переполненная молодым задором, смехом, стихами, дискуссиями, долгими спорами и продвижением интеллекта Миши к тем высотам, которые, хоть и нехотя, но поддавались его духовным усилиям.

Еще учась очно на первом курсе филологического факультета, я познакомился с Мишей Чернышевым – когда он был второкурсником. Это было еще на его старой квартире. Мы быстро подружились. Я нередко оставался у него ночевать, хотя и жил в общежитии.

Его мать, тетя Оля, стелила мне на раскладушке, и мы ночами напролет рассказывали каждый о своей жизни. Вечерами приходили друзья – ребята и девчонки. Уже начался учебный год, и появлялись у Миши в основном студенты. Читали стихи, обсуждали их, пили вино и болтали о всяком-разном. Переселившись в новую квартиру, прочувствовав и уже привыкнув ко всем «благам цивилизации» в новом жилье, он наслаждался жизнью! Однажды кому-то из молодежной тусовки пришла мысль попытаться издавать литературный журнал. Ее сразу же подхватил сам хозяин квартиры и горячие поклонники идеи. У меня была некая «организаторская жилка», и это было заметно. Мне тут же предложили возглавить издание, и я выбрал себе в помощники Славу Кагана. Со Славкой мы познакомились случайно, в очереди за пластинками. Был он невысоким, черноволосым евреем, который учился в Саратовском мединституте. Его конек – девушки, и он мог часами о них говорить, не забывая отметить свои победы на женском фронте. Он был веселым и необыкновенно остроумным парнем. Жил с матерью в Саратове, отец погиб на войне. Славка обладал бойким пером, по-видимому, унаследовав писательский талант от своего отца, который до войны работал редактором саратовской газеты «Коммунист». Я познакомил Славу с Мишей Чернышевым, и когда зашел разговор об издании журнала, Каган предложил назвать его «Огни». Смеясь, он объяснил, что здесь, у Мишки, так много «горящих огней» мужского и женского пола – Слава обвел взглядом сидевших вокруг Мишкиной кровати ребят и девчат, – что грех пропустить этот шанс всех нас объединить в названии «Огни». Всем идея понравилась, и меня тут же сделали главным редактором, а Славку – моим заместителем... Был объявлен большой сбор творческих рукописей, и мы договорились, что все присутствующие обладают правом «вето» в принятии решения о публикации. Славка пошел в типографию выяснять, как делается журнал, что для этого нужно, сколько будет стоить выпуск первого номера, а я сел писать рассказ «Ольга», о случае, который произошел у меня в Прочноокопском санатории, где я лечился от туберкулеза.

Славке в типографии сказали, что требуется разрешение Саратовского обкома ВЛКСМ на издание молодежного журнала. Там у Славки не было никаких связей. Тогда же не было никаких прямых контактов и у меня. В Мишкиной «общине» мы договорились, что пока будем собирать материал для первого номера, обсуждать его, что-нибудь придумаем. Поскольку все были студентами, у каждого были учебные обязательства. Идея издания журнала быстро обрела контуры «прекрасного далека». Потом наступило лето. Все разъехались на каникулы. Я – домой в Краснодар. Потом я женился. Возникла перспектива жизни в деревне, куда направляли на работу мою жену, и мне пришлось переходить в университете на заочное отделение... Между тем состав редколлегии постоянно менялся, по мере того как старые Мишкины друзья уходили, а новые приходили. Славка писал статью о провинциальной медицине, как мне показалось, демонстрируя свое фрондерство в задорной критике политики советской власти в области здравоохранения. Но, пока статья писалась и обсуждалась у Мишки, автор, его острое перо, да и текст тоже были в безопасности. Парни и девчата, входившие в круг друзей Мишки, весело обсуждали все, что Славка написал, хотя было очевидно, что его опус публикации не дождется. Неожиданно у Славки возникла идея отказаться от фамилии «Каган», поскольку она еврейская. С ней ему было жить сложновато... Он решил взять фамилию матери: «Петрова». Мы обсуждали с ним эту проблему только вдвоем. Его мать, пережив сравнительно недавний период сталинской «борьбы с космополитизмом», идею одобрила. Кто знает, какие еще новации преподнесет советская власть? К тому же отношение к евреям в Саратове было, мягко говоря, непростым. Годы «оттепели» обещали некоторое освежение общественной атмосферы, но в поволжской провинции антисемитизм был хронической болезнью пролетарского государства.

Прошел еще год. В моей карьере произошли некоторые перемены. Я начал работать в Энгельсской городской газете «Знамя Коммунизма», печатном органе городского комитета КПСС и горисполкома. К Мише приезжал теперь уже редко. Славка тоже. Однако круг друзей не исчезал, и контакты не утрачивались, а идея издавать журнал даже окрепла. Славка, со сменой фамилии, почти добился своего. Он ждал разрешения на получение новых документов с фамилией Петров. Взял академический отпуск, чтобы побыстрее утрясать свои «фамильные» дела, и теперь работал в типографии, той самой, где хотел издавать наш журнал. Наконец, материалы в первый номер мы собрали. Стали договариваться с обкомовскими чиновниками о встрече. Я тогда уже работал в Энгельсе на Комбинате искусственного волокна и урывками готовился к этой встрече, однако свой рассказ в первый номер журнала завершил.

Настал день встречи с комсомольским начальством в декабре 1964 года. В кабинете Юрия Кочеткова, кстати, самого старого по возрасту секретаря обкома ВЛКСМ. Ему исполнилось 44 года. Мы расселись – Славка, я и человек пять из редколлегии журнала «Огни». К нам присоединился член Союза писателей, очень молодой поэт, которого Славка сумел привлечь, и... начался разговор. Деньги на издание первого номера мы с грехом пополам собрали. Главной целью было убедить обком взять последующее финансирование издания на себя и сделать журнал «органом Саратовского обкома ВЛКСМ», ведь был он молодежным! Еще полгода назад Славка принес туда все бумаги первого номера, даже письмо от Бориса Полевого, автора книги «*Повесть о настоящем человеке*», благословившего выход журнала. Сделать это его убедил все тот же Славка, покойный отец которого был дружен с Б. Полевым. То было время, когда в издательстве «Роман-газета» вышла повесть Александера Солженицына «*Один день Ивана Денисовича*», наделавшая много шума. Конечно, мы рассчитывали, что наступившая оттепель – надолго...

Обсуждение в обкоме затянулось. Как мы и ожидали, застряли на материале Славки о сельской медицине. Материал решено было сократить, потом переделать, притупив излишне «острые углы». Мой рассказ прошел. Стали обсуждать стихи. И снова – ступор. Наконец, секретарь обкома предложил перенести обсуждение на месяц, сославшись на занятость. А в это время в квартире Миши каждый вечер собирались его друзья, чтобы обсудить материалы уже второго номера журнала, считая, что с первым проблем уже не будет. Я был там лишь один раз, поскольку я уже начал работать на Энгельсском Комбинате искусственного волокна вторым секретарем комитета комсомола, и занятость у меня была просто дьявольской...

...В Мишкиной команде произошли перемены. Мы собрали материалы во второй номер нашего журнала, но издание первого затягивалось. Никак не удавалось убедить Юрия Петровича найти время и сказать нам свое мнение о роли обкома ВЛКСМ в его издании. Славка аккуратно приезжал к Мише, передавая мои извинения, за то, что я не мог, в связи с занятостью, приехать к нему. Когда Славка приезжал ко мне в Энгельс, где я жил, он рассказывал новости, случившиеся в Мишкиной «общине». Однажды он рассказал мне, что у Миши вроде бы возник роман с красивой девушкой по имени Галина. Ее я не знал. Она появилась недавно в нашей группе молодежи,

готовившей к изданию журнал «Огни», и представилась студенткой политехнического института, начинающим поэтом. Правда, собственные стихи никогда не читала, краснея и извиняясь, ссылаясь на страшную их сырость. Славка «сплетничал» мне о сильной увлеченности Миши этой девушкой, заметив, что была она хороша собой и очень деликатна в общении. Внимательно слушала все речи молодежи. Всегда садилась рядом с Мишей, который смотрел на нее с нескрываемым восторгом. Через неделю он успел объясниться ей в любви, она, опять же, по словам Славки, мягко и нежно реагировала, отвечая осторожно. Славка радовался за Мишу, но вел себя вполне прилично, хотя, в присутствии хорошеньких девушек, в него вселялся какой-то черт! Правда, никаких излишеств он себе не позволял – Миша для Славки, как, впрочем, и для всех остальных ребят, был сильным моральным авторитетом.

Наконец, в феврале 1965 года, была назначена вторая встреча в обкоме, которая, кстати, тоже постоянно переносилась комсомольскими функционерами со ссылками на загруженность. И тут, совершенно неожиданно, случились два события. За неделю до встречи в обкоме, рано утром, в квартиру к Мише пришла Галина. Он был еще в постели. Извинившись, она присела к нему на кровать и очень мягко сказала, что издание журнала «Огни» – дело безнадежное и ему лучше всего отказаться от этой затеи, чтобы не усложнять себе жизнь. Она нежно его поцеловала и... тут же исчезла. Миша, потрясенный случившимся, отказывался верить в реальность происходивших событий. В тот же день в его квартире появился Слава, чтобы забрать свою рукопись, оставленную по забывчивости. Мишу он застал в состоянии близком к шоку, и тот ему все рассказал. Славка был человеком невероятной интуиции. Изложив мне эпизод встречи с Мишей, он с ужасом прошептал: «*Я не выдержал и сказал ему, что эта девка – агент КГБ. Мишка потерял дар речи. Потом почему–то попросил меня уйти...*»

Влюбленный юноша был буквально парализован этим открытием и на неделю слег с тяжелой мигренью. Я ничего не знал. Пока еще жил в Энгельсе и работал на Комбинате синтетического волокна. Приехавший ко мне Славка попросил меня выйти на улицу и начал рассказывать новости о случившемся. Тогда же арестовали одного из самых разговорчивых участников нашего редакционного коллектива. Звали его Николай. Это был атлетически сложенный парень,

который пытался сблизиться с Галиной, но у него ничего не получалось. Он, конечно, понимал ее роль в судьбе Миши, но... Случайно, увидев ее на улице, он неожиданно заметил, что Галина зашла в здание КГБ. Он тут же пришел к Мише и рассказал об этом. Тот, зная о безнадежных «симпатиях» Николая к Галине, не поверил. Вокруг ощущалась «оттепель». Это потом, со временем, стало ясно, что она была мнимой. Спецслужбы не дремали, их агенты во множестве тусовались в молодежной среде, особенно в вузах. Да и кому хотелось бы верить, что красивая, яркая, молодая девушка оказалась... агентом КГБ? Бедный Мишка! И вдруг – арест Николая... Назавтра выпустили. Придя к Мише после задержания, он рассказал, как его допрашивали, просили рассказать подробности «сборища» в Мишкиной квартире. Миша подавленно молчал. История с Галиной на него подействовала крайне удручающе. Я смог приехать к Мише и увидеть его только через полгода или даже позже. Проект журнала «Огни» пришлось забыть. Последствия от этой затеи Миша сразу же почувствовал на себе. Многие студенты из его «общины» исчезли, перестав к нему приходить...

Довольно часто стихи Миши публиковались в газете «Заря молодежи». Редакция исправно платила ему гонорары. Это был его, пусть нечастый и малозначительный, но заработок! Теперь публиковать стихи перестали. Этот факт Мишу сильно подавлял. Я, как работник обкома (меня туда уже взяли), пошел к главному редактору. Разговор у нас был трудным. Редактор – в прошлом комсомольский функционер – был настроен сдержанно. К самому Чернышеву он относился тепло, но то ли решил перестраховался, то ли получил «втык» от своего обкомовского начальства, уже забывшего о своем участии в судьбе журнала «Огни», не знаю! Но с редактором мы все же договорились, что газета сделает паузу на пару месяцев, а потом снова начнет публиковать стихи Михаила. Я пришел к другу и все ему рассказал. Может быть, немного его успокоил...

После всех пережитых приключений в жизни Миши наступил период формирования научных интересов, которые складывались в финальном периоде обучения в университете. Ему уже исполнилось двадцать восемь лет, и, к исходу завершения университетского курса наук, он стал готовиться к дипломной работе. Год или два назад, изучая поэзию Веневитинова на спецкурсе, который вел профессор Е. Н. Покусаев, Миша остановил свое внимание на судьбе русского поэта XIX века, чья непростая судьба и поэтическое наследие

привлекли его интерес. Началась напряженная работа над дипломом, под руководством кандидата филологических наук Ниной Ивановной Беловой. Книги стали его друзьями и союзниками. Мне запомнились строчки, которые вошли в его поэтический сборник «ШАГИ».

> Перевернуты страницы. Точка.
> Станет книга снова в длинный ряд.
> И опять немыми будут строчки
> Те, что так охотно говорят.
>
> Не забьется чей-то голос встречный,
> Не ударит яростью прибой...
> За обложкой – грубый и сердечный.
> За обложкой – будто за судьбой.
>
> Мудрость книг – неизмерима словом:
> Есть у добрых них иная стать:
> От того, что все они готовы,
> Что имеют, – людям передать.
>
> The pages are turned. Period.
> The book will stand again in a long row.
> And again the lines will be silent
> Those that speak so willingly.
>
> Someone's oncoming voice will not be drowned out,
> The surf will not strike with fury...
> Behind the cover – rough and heartfelt.
> Behind the cover – as if behind fate.
>
> The wisdom of books – is immeasurable in words:
> There is another form in good ones:
> Because they are all ready,
> What they have – to convey to people.

У Пола Александера, примерно в те же годы, происходила острая борьба за самоутверждение. Была иная страна, иные обстоятельства жизни, иной статус у родителей и той группы юных друзей

и соратников, которые складывались вокруг него. Вот как об этом пишет Раймонд Коппин в биографии Пола Александера...

Despite many obstacles along the way, he refused to submit to the restrictions imposed by society. With unwavering determination and fortitude, he decided to overcome the prejudice and discrimination that threatened to derail his educational aspirations, determined to demonstrate that disability is not an obstacle to success. Armed only with his indomitable spirit and passion for achieving his chosen goals, Paul began the fight to ensure that he and others like him could gain access to the school. Through constant activity and perseverance, he attacked the status quo and demanded equal opportunities for people with disabilities due to illness and disability, refusing to accept anything less than full inclusion and participation in society. Despite rejection and prejudice at every turn, Paul did not give up and was determined to overcome all the difficulties along the way. With the help of supporters and activists, he fought tirelessly for educational equity, struggling to regain the rights and benefits he had lost due to his disability. Finally, Paul Richard Alexander's commitment to education was not just about giving him access to education; It was also about clearing the way for future generations of people with disabilities to realize their aspirations and reach their full potential. Through his courage and dedication, he has inspired many others to speak up and stand up for their rights, making a lasting impact on the landscape of disability activism. Paul's path to graduation was not easy at all. From the moment he was diagnosed with polio as a child, he was forced to face challenges and frustrations that would discourage weaker people. Chained to a respirator, unable to move or speak, Paul faced a life devoid of hope and opportunity. But he did not succumb to despair, firmly believing in his abilities and refusing to succumb to his infirmities. Paul, determined to follow his aspirations despite the difficulties, fully devoted himself to his studies, taking every opportunity to learn and improve. He devoured books and study materials while lying in a hospital bed, learning to read, write, and think critically in the absence of official instructions. With each new idea he explored and reaching an academic milestone, Paul felt a new sense of purpose and tenacity, fueling his desire to challenge those who doubted his skills. When graduation day came, Paul felt an intoxicating combination of emotions: excitement, anticipation and a strong sense

of gratitude to everyone who helped him along the way. From loyal family and friends to professors and mentors who believed in him when others didn't, Paul knew that he owed his success to countless people who helped him overcome obstacles in his path. As Paul walked down the platform to receive his diploma, he felt a deep sense of satisfaction and pride, knowing that he had overcome all the difficulties in his path and emerged victorious against all odds. With tears in his eyes, he looked at the sea of faces gathered to celebrate his achievement, feeling overwhelmed with gratitude to all who had supported him along the way. Graduating was more than just a personal achievement for Paul; It was a demonstration of strength, fortitude, dedication and indomitable human spirit. As Paul approached the beginning of a new chapter in his life, he realized that the challenges he faced only strengthened his resolve and deepened his desire to change the world for the better. And as he looked to the future, he felt a new sense of optimism and hope, ready to face whatever challenges lay ahead with courage and determination. *Raymond J. Coppin BIOGRAPHY of Paul Alexander.Amazon.P.p. 15-16*

...Несмотря на множество препятствий на своем пути, он отказался подчиняться ограничениям, налагаемым обществом». С непоколебимой решимостью и силой духа он решил преодолеть предрассудки и дискриминацию, которые угрожали разрушить его устремления к получению образования, решив продемонстрировать, что инвалидность не является препятствием на пути к успеху. Вооруженный только своим неукротимым духом и страстным стремлением к достижению избранных им целей, Пол начал борьбу за то, чтобы он и другие, подобные ему, могли получить доступ к школе. Посредством постоянной активности и упорству он атаковал существующее положение дел и потребовал равных возможностей для людей с ограничениями, вызванными болезнью и инвалидностью, отказываясь принимать что-либо меньшее, чем полное включение и участие в жизни общества. Несмотря на отвержение и предубеждения на каждом шагу, Пол отказался сдаваться и был полон решимости преодолеть все трудности на своем пути. С помощью сторонников и активистов он вел неутомимую борьбу за равенство в образовании, изо всех сил стараясь вернуть права и льготы, утраченные для него из-за его инвалидности. Наконец, стремление Пола Ричарда Александера к образованию

заключалось не только в обеспечении ему доступа к образованию; речь также шла о том, чтобы расчистить путь будущим поколениям людей с ограниченными возможностями, чтобы они могли реализовать свои чаяния и полностью реализовать свой потенциал. Благодаря своей храбрости и самоотверженности он вдохновил многих других высказаться и бороться за свои права, энергично влияя на активность людей с ограниченными возможностями. Путь Пола к выпускному экзамену был совсем не простым. С того момента, как ему в детстве поставили диагноз полиомиелит, он был вынужден сталкиваться с проблемами и разочарованиями, которые обескуражили бы более слабых людей. Прикованный к аппарату «железных легких», неспособный двигаться и говорить, Пол столкнулся с жизнью, лишенной надежды и возможностей. Но он отказался поддаться отчаянию, твердо веря в свои способности и отказываясь подчиняться своей немощи. Пол, полный решимости следовать своим стремлениям, несмотря на трудности, полностью отдался учебе, используя любую возможность учиться и совершенствоваться. Он поглощал книги и образовательные материалы, лежа на больничной койке, приучая себя читать, писать и критически мыслить в отсутствие официальных инструкций. С каждой новой изученной идеей и достижением академической вехи Пол ощущал новую целеустремленность и упорство, что подстегивало его желание бросить вызов тем, кто сомневался в его навыках. Когда настал день выпускного, Пол почувствовал пьянящую комбинацию эмоций: волнение, ожидание и сильное чувство признательности всем, кто помогал ему на этом пути. От верной семьи и друзей до профессоров и наставников, которые верили в него, когда другие не верили, Пол знал, что своим успехом обязан бесчисленным людям, которые помогали ему преодолевать препятствия на его пути. Преодолевая препятствия к получению диплома, Пол чувствовал глубокое удовлетворение и гордость, зная, что он преодолел все трудности на своем пути и одержал победу, несмотря ни на что. Со слезами, текущими по его щекам, он взглянул на море лиц, собравшихся, чтобы отпраздновать это достижение, чувствуя себя переполненным признательностью ко всем, кто поддерживал его на этом пути. Выпускной для Пола был больше, чем просто личным достижением; это была демонстрация силы стойкости, самоотверженности и неукротимого человеческого духа. Приближаясь к началу новой главы своей жизни, Пол осознал, что проблемы, которые он преодолел, только укрепили его решимость и углубили его стремление изменить мир к лучшему. И, глядя в будущее, он чувствовал оптимизм и надежды, готовый смело и решительно встретить любые трудности, которые его ждут впереди». *Раймонд Коппин: «Биография Пола Александера». Amazon. Стр. 15-16.*

Сам Пол Александер пишет о своей борьбе за право получить среднее и высшее образование более основательно. В его позиции был вызов обществу, которое оказалось не готовым к адекватному восприятию проблем людей, страдающих тяжкими формами инвалидности, но жаждущих получить образование и готовых включиться в жизнь общества, несмотря на реальные ограничения и препятствия. Стойкость и духовная непреклонность Пола не знали границ. Он готов был на личном примере доказать, что такое пренебрежительное отношение общества к инвалидам – это не что иное, как насилие над личностью, которая уже была сражена тяжким заболеванием, и лишать ее помощи и уважения – вопиющая несправедливость, которая приговаривает человека к духовной смерти. Ниже приводится описание эмоционального состояния Пола, вставшего на тропу беспощадной борьбы за свои права, а по сути за права тех десятков тысяч людей, жизнь которых была жестоко разрушена болезнью или тяжкими травмами, но которые не сдались и вправе требовать уважительного отношения к себе.

I knew I wanted to go to law school when I first got access to the books my mom helped me with. At the time, Mom and Dad also lobbied the Dallas School Board to create an educational program for those returning home (from O.Y. hospitals). At the time, there were no federal or state laws protecting the rights of people with disabilities to education or personal care. If someone wanted or demanded a better, more meaningful life as an invalid, they had to be pulled out of the mud by a party that set out to realize unique and difficult dreams of independence and self-sufficiency. My goal was to go to college and get a profession that would allow me to achieve this. After that, I could play an important role in the implementation of a national program that provides equal opportunities to every person with disabilities. Doors opened that I didn't even know

existed, and it put me on the path to an extraordinary adventure in my life. Apparently, at the time my mom was teaching me to read, a group of parents of children with disabilities who were deemed unable to attend school met with the school board to convince them to provide teachers for the «Homebound Program» («Homebound Program is defined as a situation where people are unable to leave their homes on their own without assistance, and instructional materials provide equivalent instruction only at home»). Mom and Dad coped, and the school board gave us the opportunity to study in the programs of ordinary students every year. Once we demonstrate our academic abilities to them, the DISD (Dallas Independent School District) will conduct the next evaluation of our program for the next school year. I am sure that at first the Dallas School Board was reluctant to prepare two or three young, inexperienced teachers for special education for the disabled. The teachers had no experience with people like me and our small group of «losers». Thus, the future of the "Connect with Home" program looked extremely depressing. Indeed, within months of its launch, after a tremendous amount of work by everyone involved in organizing education in Dallas for students with disabilities confined to their homes, the program was slowly dying under the weight of its own incompetence. Eventually, Mrs. Osborne came to the Homebound program and dedicated herself to organizing its work. She brought with her much-needed energetic and organizational knowledge. She needed time for each student to feel like her best friend. She took on our goals and made them her own. At one point, Mrs. O. Osborne gave up two summer vacations to help me finish two classes a year so I could get closer to my classmates' grades. Polio took several years of my life, and I was ashamed to fall behind in school. Mrs. O. Osborne loved her students and gave us the opportunity to believe in ourselves and that we, too, could achieve anything we set out to achieve. Mrs. Osborne had such a strong and sincere spirit, that once she has taught you to believe in the incredible personality by which you were created, whether crippled or not, you will never doubt or forget it, and you will not allow anyone to disgrace or degrade that trust which is so carefully cultivated in our souls. So we worked hard and moved forward together. Through her teaching and friendship, she gave me the confidence of what I needed to gain strength and get into Southern Methodist University (SMU), the best institution in the area. I still believe in the most personal and most protected place

of my heart, because someone will always tear you to pieces and destroy your confidence and self-esteem. I deserve everything, I can achieve anything if I am willing to give my best. Necessary work and dedication. To know this for sure is a gift that my teachers have given me. Thank you, Mrs. O. Osborne. I applied to Southern Methodist University and hoped to be accepted, although of course my education took place at home. Eventually, I graduated from high school in Dallas. Initially, the Dean of Student Services talked to me to find out what I didn't know. The decision was made and my application was rejected. I was rejected not because of my academic abilities, but because of the severity of my disability. They didn't want to tolerate my presence on their campus for reasons of responsibility. Frustrated, I found this to be a clearly unacceptable decision that infuriated me! After all, there were no and, as far as I know, never had a single student with a disability on campus. Apparently, they did not know who a disabled student was, and even more so where to place him. Everywhere on campus, inside and outside every building, there were concrete steps and endless staircases. Falling from a wheelchair to the ground was not unusual. The university administration was lucky: in those days I did not think like a lawyer. The Texas Rehabilitation Commission (a source of funds for education or training for people with disabilities) told me that they considered me unemployed, and after conducting a life expectancy analysis, they determined that I had «no» years of life in total for education. Our small group of warriors (my teachers and Mrs. Kelly, Mrs. Osborne, my biggest admirer and confidant, who has returned home and now rests in the loving arms of God's angels) entered into battle with them. Finally, when two more years of my life were wasted due to ignorance, fear of change, and unwillingness to accept it, in the spring of 1969, I was finally allowed to begin college. After enrolling at SMU (Southern Methodist University), my life took a giant step in a whole new direction than I could have expected. The only condition of my admission to SMU was that I let the guys from the APO (Alpha Phi Omega volunteer organization for the disabled) be responsible for my care and transportation. That meant commuting to and from school, as well as serving me between classes. It gave me the opportunity to make friends and gave me breathing room related to the logistics involved in getting from point A to point B. The most important factor was what I was going to do with the classes and my professors, or rather, what the professors would do with me. The reason for choosing the

courses was to gain experience in the investment field and earn a lot of money to change the lives of people like me, relying on the economy. Unfortunately or by accident, I let my heart go that way and eventually got a law degree. And here I am fighting for justice on paper, and I will not be too late to achieve my original goals. After all, I liked to deny the power of my old nemesis (polio) to make me look crippled; that is, unable to do anything productive or even desirable. Against all odds, before this period, I had been victorious at least once more than the demon of polio. At just the right time to move on to the next adventure of my life, a woman named Sullivan appeared, sent from heaven, with a boxer's puppy to bring back what polio had taken from me years ago and restore my ability to breathe. Of course, this method of breathing was different, but effective enough to keep my life away from the "iron lungs" and achieve my goals face to face with real people. Developing this breathing method would be a miracle, and I could aim for a college degree, make a living, and maybe spend my life with someone I would love. I was sitting in my professor's class at SMU (Southern Methodist University). The dream came true and I started my goal as a college student. It was the first time in my life that I had been in a real, live class, and I was experiencing mixed emotions: excitement and even fear. At the time, I was twenty-six years old and starting my college journey in a child psychology course, an advanced high school course, and I was just a petrified freshman with no idea how the hell I got there. I think a few days ago I was suffocating in a room at Parkland Hospital. And now I was sitting in an SMU class, studying and fulfilling my dreams that I had during those horrible times when I was fainting and God was bringing me back with one of His miracles. Southern Methodist University turned out to be a good school for me to start my studies. Due to the smaller size of the campus and the cozier environment and staff, the transition to student life here was easier. For me, it has given me the opportunity to learn how to think and absorb knowledge from my professors, and it has also given me the opportunity to meet the most diverse group of people possible. I had no idea that this class and its instructor would determine my future and a path that I would never have predicted or even dreamed of. My professor was a nice middle-aged woman, a little stocky, with a pleasant but restrained smile that seemed to express tender conviction. I saw her practice her craft one-on-one with children with autism. If such a child could communicate with someone, it would be her, because she

exuded a certain maternal sense of security. However, a certain objectivity was always present, at least when we were together, and she could be a very accommodating woman. On the other hand, my professor taught me a bit of psychology and a lot about honesty, truth, and their attitude toward deception that I will never forget. My professor was constantly talking about her daughter and how much she wanted her daughter to get to know me and me to meet her. She must have felt that we could be good friends. I believe that the professor has come up with a way to achieve her goal. She told me that she had decided that her daughter would take my first oral exam here in the professor's office. Ouch! What have I gotten myself into now? A number of circumstances and extremely unlikely events came together like pieces of a puzzle in the picture in which I am sitting in a college auditorium. I survived polio, I breathe through my iron lung, I live at home, I know about my parents and a thousand other things, I am taken care of at a moment when, in spite of everything, I should simply be forgotten. I smiled at myself and at God, concentrating on the meaning of every word in the professor's lecture. At times, I felt like I was listening to my mom teach me how to read. Now I was far from it. It was a great time. I wanted to show that this Alexander (the name of the author of the book O.Y.) is no worse than others and even better than the majority. Is it possible? At times, I felt like I was the only disabled person in Dallas, much less on campus. The symbol of SMU (Southern Methodist University) is Dallas Hall. A spiral staircase without ramps led inside, and everyone knew that no one needed them. Every building, including Dallas Hall, had concrete steps and endless stairs everywhere. For one semester, three of my assistants from the APO fraternity carried my wheelchair to the fifth floor and back twice a day. Until the following year, there was no elevator in this building. I wonder why? Was the exam a test of my knowledge of the rules in this world I didn't know much about? It was a lesson on a subject I claimed to be familiar with. So, I studied the material and prepared for this test like no other I had ever taken. It was like taking the Harvard entrance exam. The exam is higher than all exams. One that will set the standard for the rest of the semester and therefore possibly my career. It would have earned the respect of my professor, and therefore her daughter, or I would have ruined everything. The time had come, and I believed that I was ready. After completing the campus tour (which you'll learn more about in a moment), I walked into the psychology

building, where I found my professor's office and Claire, her daughter, who was a little nervous (no, very nervous)... I walked into a rather small office to what I felt was a great professor and an even greater man, for a moment I was blinded by the brightness of a single window, with a curved black wrought iron railing surrounding a tiny balcony. I looked to my left, where out of the corner of my eye I saw someone's presence, and then a very strange thought arose in my mind, which seemed to warn me of the great pleasure that would have to be experienced at a high price. I understand that this presence will become a meaningful person in my life. For me, it was really one of those moments. This question actually formed in my mind even before I met Claire's amazing mother when I looked at her sitting at her mother's table in the morning sun like a great golden princess. Everything I felt about this woman was confirmed. Her bright green eyes sparkled in the sun and were the greenest, surpassing any emerald I had ever seen. Her dark, silky hair fell in the gentle waters of a rocky stream over her soft white shoulders and was divided by a perfectly rounded chest in a thousand different directions. Her skin was as white as ivory and just begged for gentle caresses. She was the very quintessence of femininity. She will not have to lie under the scorching sun. She was everything a woman should be, and more. Apparently, the crowd of guys who had to push my small wheelchair around campus were equally impressed by its beauty, and each tried to talk to the other, resembling a flock of screaming geese. For a while, I just watched, laughing from time to time at some childish nonsense that one of the hordes spewed out in an attempt to gain the upper hand. At that moment, I felt a little embarrassed and couldn't wait for the exam to start. So, I thanked them for the trip and asked them to come back to spare me the embarrassment of failing the exam in front of the professor's daughter and picking me up in an hour. After a few seconds, I realized that I was alone with Claire, and... I broke out in a cold sweat. I didn't know if I was more nervous about my first college exam or if the professor's charming daughter would be taking it. Interestingly, Claire and I had a lot of similar thoughts and feelings about things, and after we met in the office, we developed a pretty good relationship. The group of guys who drove me across campus to the office where Claire was waiting were members of the APO fraternity. They were good guys and we had a great friendship. After the exam, which, thank God, I passed with flying colors, Claire and I had different

reasons for starting a kind of cursory conversation on the phone. These conversations were wonderful because they gave us the opportunity to get to know each other better. It turned out that we have a lot in common. In some ways, we had nothing in common, and we were diametrically opposed in our views. Interestingly, these differences, for some reason, strengthened our relationship rather than caused conflict. The exchange of opposing views forced both of us to rethink our opinions and values. I believe this has led to an increased level of empathy between Claire and me, strengthening our relationship. Every phone conversation brought us closer than ever before. Wherever we go and whatever we present to the world, we have done it in style and created a masterpiece of unique understanding... and a kind of tender love that everyone (of the young) seeks and rarely finds, regardless of their physical condition. Wherever we went and whatever we did, we impressed those around us and enjoyed the role. We were incredible, and we knew it. Sometimes we went to one of our favorite restaurants and had a wonderful romantic evening. One such place was a steak restaurant on the outskirts of town, where everyone chose their specific cut of steak from a large cut of beef, which was then cooked according to your wishes. After another romantic dinner with filet mignon, wine, bananas, and candles, it wasn't unusual to ask for a check and find that our dinner had been paid for by some unknown diners who, according to our waitress, loved to watch me and Claire together. We were so in love with each other and obviously very happy... Although we lived in such a fantasy, enjoying all the joys that accompanied us, when the world demanded realistic planning and decision-making based on everyday needs, together we had the opportunity to focus on problems and cope with them. As a result of these events, we were inspired to follow our hearts and strive for a brilliant and productive future, so we continued. Sometimes Claire drove me home after class. We would stop and buy food before we found a secluded parking spot on White Rock Lake where we could be alone. We could talk endlessly, tell each other personal stories, laugh or share serious experiences, or otherwise explore a person about whom few people knew anything except the two of us. We became best friends and discovered that we had more feelings for each other than we could have imagined. Naturally, we started dating with the help of my best friend Jack. He took us to the movies for dinner (like in real life) as well as picnics in the park. We went on long trips with her, where it was nice just

to be with each other. I went to her house for great dinners with fried chicken and artichokes, we went to concerts and church services. She spent more and more evenings at my house, listening to music and having dinner with my parents. And then it happened: our first kiss. In that time, we've shared so many special moments when the stars shone brighter, when our lives intertwined. One of those moments that lingers fondly in my memory is our first kiss, or rather, her first kiss, because I didn't expect it and she took me by surprise. I remember a sunny day when they somehow decided that she was going to drive me home in her red Mustang convertible. We planned to have a good time together, skiing in the sun. She was wearing one of her sundresses, which I liked to see her in. But she and I will be the only ones who know the real reasons why I loved these outfits of hers so much. Her long, silky hair fluttered in the wind as we drove through the city and around the lake. I was so proud to be seen with such a beautiful woman. We talked and laughed for one reason or another all the way home and were happy just to be together. Remember that feeling when you were with the right person at the right moment in your life? Your blood seemed to flow through your veins a little faster, and you could have sworn you tasted love in the wind, like the smell of honeysuckle, when Claire and I were together. I felt like the king of this golden queen. At that incredible moment, I believed that there was not a single force or person in heaven, hell, or even more so on earth, who could defeat me in any way or purpose. Yes, there was such a faith, but such a naïve one. However, our conversation about wanting to be physically closer to each other led to the question of whether Claire had the strength to lift me, pull me out of the car, and put me on the ground, or if she simply didn't have the strength. If she could lift me up, it would allow me to be closer to each other, hugging her and feeling the warmth of her body and the softness of her skin. This, of course, with some variations, is the superficial part of hugging each other... You must be able to penetrate the most personal and vulnerable places within yourself and motivate the same feelings with words and emotions. Of course, I'm not saying that one style of communication is a perfect substitute for another. Of course, it's no substitute for running your fingers through her silky hair, or stroking her pretty face, or her soft breasts, or squeezing her hand while walking in the woods, or unbuttoning her dress, or texting her back when she's tired after a long day, or taking a picture of us in each other's arms. That night on White Rock Lake, in

the arms of the woman I loved, I went from being a boy to a man. Needless to say, our relationship has changed. What was now friendship turned into an amazing relationship of lovers. How did it all begin? In White Rock, of course. One evening, as the moonlight reflected on the lake and the Dallas skyline in the distance, she and I sat in a Mustang with the radio off to hear the water lapping against the shore. As we watched the full moon rise reflected in the shimmering water, the next thing I remember, we talked about how great it would be to lie down next to each other and hug each other for a while. It should be remembered that I cannot move my arms. It was one of those amazing nights when you were just happy to see us together. We talk for hours and laugh about what happened to us on that particular day. One such incident involved a note left in bold letters on the blackboard in Claire's next lesson. She told me that it said, «CLAIRE, I LOVE YOU SO MUCH, MARRY ME. «Who has the courage to put you in such a predicament in front of the professor and classmates?» To be honest, I felt a little weird, even a little angry, talking to her about going on a date with someone else. "How rude! Do I have competition there? Tell me the truth. Did Jim do it? I can do it. Though I'll have to hunt him down and beat the hell out of him to preserve your honor. I laughed. But I'm still not sure if she'll believe it was him. To be honest, we lived in another dimension where the happiness for us was to be together, and we were together all the time or talked about it on the phone. After many months of our friendship and many hours and nights of intense intimate conversations, I casually told Claire how much I loved her and how much I enjoyed talking to her and being together. Finally, we let the day take its course and arrived at my parents' place, the angel's words softly spoken in her ear. Without warning, one of the quietest and most beautiful sounds I've ever heard came out: «Paul, I love you too.» Same words, but they sounded very different when she said them. These words came from her heart. I knew it right away because I felt it deep inside me. It was as if Cupid had shot his arrow piercing my heart... My breath caught in my throat and I couldn't speak. God in heaven must have fallen from his throne. For a moment, I felt like I was lost in a dream, and I searched my head for words that weren't there. «What did you say?» she repeated again, and it sounded just as beautiful. I asked her, how could this happen? What about my friend Claire who told me that her love for me was growing? I asked the same question again, and this time I was afraid of the answer.

«How could you fall in love with me? I'm a cripple, right? You can have a normal man who loves you and can take care of you.» She loved the person I was on the inside. I wanted so much for her to convince me that she had thought of everything and that it was true. «What about dancing? I know you like to dance,» I asked. «I could dance with others, but in my heart I would dance with you. What about children? Can you have children?» I said I didn't know, because I had never had a chance to know. I told her that I thought I could have children, and there would be many. Then I replied (incredible!) before thinking, «I believe I can have children with you or someone else. We talked about it so often, and it seemed like a natural part of our thinking and future. She giggled! Then she became interested in the idea of starting a family. At that moment, I knew what I was going to do. If I ever had any questions about our relationship or our possible marriage, they were put off. I truly believed that Claire was destined to be my wife, and from that moment on, I acted and worked to prepare for and achieve that goal. Nothing was more important to me than Claire becoming my wife. I asked her to marry me, and believe it or not, she agreed! I told her I'd remind her later, and she said yes anyway. I asked questions, and she laughed. We started choosing rings and stuff. Despite polio, Claire was the embodiment of everything I dreamed of, worked for, fought for and adored. While this is true for me, and perhaps for Claire, it was not her mother's plan to control Claire's life. I often ponder the mystery of her mother's true feelings for me. At first, she seemed so kind and loving to me. She couldn't have been a more amiable woman. The most interesting, but at the same time confusing, moment of our relationship was and still is that she constantly insists that Claire and I get to know each other. It was almost as if she saw our meeting and getting to know each other as a professional solution to some developmental flaw in someone, perhaps me, perhaps both of us. Perhaps, in fact, there was nothing at all in her persistence. Maybe she just approved of me or thought it would be nice for us to get to know each other? I don't think so. «It's time,» I decided, thinking there was enough circumstantial evidence to spare me too much embarrassment if something went wrong. Because I understood what guys should do before such important events in their social development, I continued to pursue my goal of getting even closer to Claire. I discussed my plan with my friend Jack and asked for his advice, and while he probably didn't understand what was going on with me and Claire, I needed his emotional

support... Jack and I were a good fit in many ways. He was raised by his mother, who had to work full-time to support Jack and his sister. I never knew anything about his father because he never talked about him. All I knew was that he had great respect for my father and treated him with great respect as if he were his own. Whenever my dearest friend came to my parents' house, he always showed great respect, and my parents always treated him the same way... I told Jack that I loved Claire, and that we wanted to get married and start a family if possible. I told him that I needed his help... I told him that I wanted to give Claire and me the perfect night, take her to a beautiful place, and make love in a way we hadn't experienced before. I said, «I need you to help me find the right place to make this an incredible night that we'll remember forever.» Jack and I searched for a place and eventually stopped at the Hilton Hotel on the Central Expressway. I felt that Claire would feel comfortable at the Hilton as it is close to her area and perfect for such a night out. Claire was not only surprised, but also delighted. It was as amazing as we expected. Nothing in our dreams or on a screen can compare to the tenderness or love we share between our bodies and souls. The first night of magic, touching, and exploring how strong our love for each other had become was unexpected and incredible. Claire and I were truly in love. All the results were perfect and beautiful because the love we felt for each other merged into one in a man and a woman. We sailed away to the angels and fell asleep in their arms, forever under the gentle smile of God. Jack spent the night parked in his van in front of the Hilton Hotel in case we needed it, and he kept an eye on our small room all night. Dallas really was our city that day. Then Claire said so gently, «Paul, what if I get pregnant?» Then I said, «We'll choose a name for the baby, get married to give him mom and dad, and move in with my parents until we find a suitable place to raise him.» But most of the time we spent in my room on the hill above the lake and discovered how strong our love could become. It was enough for us just to be together to be happy. She loved the little loving madness I was creating, so I did it often. If she was upset about something or it was a Thursday, I would send her pink or yellow roses. Claire and I had the creativity of role-playing various "All in the Family" role-playing games, or the monotonous passion of Ward and June Cleaver [the characters in the series «Leave It to Beaver.» or a rich guy and a prostitute, and we had a lot of fun making love passionately. In the two years that I have been studying, SMU

(Southern Methodist University) has opened many doors. I made a lot of friends, I was respected by teachers and administrators. I wanted to look as good to Claire as she looked great to me. I also wanted to give Claire a reason to be proud of me in front of her parents, especially in front of her mother, and at the same time make her mother proud that she introduced us. During our time at SMU and with each other, I was transformed. I was a cripple who could not command his little finger to move or speak his thoughts, who could only lie in his «pipe» all day and wait for some sign of mercy from someone. Now I was an extraordinary person, able to make dreams come true, motivate and inspire people. After all, without God, there is no metamorphosis and even minimal greatness. One is absolutely a function of the other... Every word I said in conversation, every question I asked the professor during class, every conversation with the president of the Young People's Council over coffee, every chance (not so accidental) meeting with Claire's mother was an important statement of who I had become. One such manifestation arose out of my love for Claire and took the form of a plan to transform SMU into a campus suitable and accessible for people with disabilities. I was the only disabled person in the school, with the exception of a temporary victim of a skiing accident who was temporarily walking on crutches. He purchased a women's home on campus, turned it into a living space for disabled people and their companions, and rented it out. At the same time, I have established a trust fund under the auspices of the university to provide scholarships to students with disabilities in need of care... The university received all kinds of charitable rewards and carried out new construction. It was a victory, a victory for everyone, until federal legislation was developed to prescribe the creation of such programs. I also took partial responsibility to act together with the university's finance department for investment management. In short, that's what I've become! The last remaining piece of the puzzle was, of course, the initial funding for the program. I knew how to finance it after I took the next step towards my future. I arranged a meeting with the president of the Council of Young Scientists, a doctor. Willis, a friendship that I cultivated and enjoyed. I ask him to make an appointment with Ross Perot (the tycoon) to discuss the project I have in mind. Willis liked my idea and got a meeting with his sister Perot, who was the director of his investment program fund. Our meeting went very well, and she said that they would participate in this program. Dr. Willis was able to arrange a

meeting with Sister Perot at SMU to talk about a project I had been working on since graduate school at the University of Texas. It was a program aimed at caring for disabled students and helping them study and get higher education, which was urgently needed in the United States at that time. The possibility of going to university and being able to earn a living and provide care, as well as independence and self-sufficiency, was in most cases out of the question. It was very difficult both to try to do it and to study at the same time. I knew, because I did it by the grace of God and with great determination. Naturally, this characteristic complemented my personality. I quickly made friends with everyone, including wealthy, successful Jews, from whom I learned a lot. Interestingly, throughout my student years, various Jews were friends with me and seemingly for no reason helped me overcome the crisis in my life. I also became friends with the Black Panthers, as well as members of the SCLC (Southern Christian Leadership Conference for Human Rights) and participated in some civil rights activities. I have now established my future ability to do everything, including supporting Claire and our family. I dreamed and we worked together to achieve my goals for SMU and my dreams for Claire and our family... *Paul Alexander, «Three Minutes for a Dog: My Life in an Iron Lung» Friesen Press, Canada, 2020. 80-87*

Я понял, что хочу поступить в юридическую школу, когда впервые получил доступ к книгам, с которыми мне помогала мама. В то время мама и папа также лоббировали в школьном совете Далласа создание образовательной программы для тех, кто возвращается домой (из госпиталей. – О. Ю.). В то время не существовало федеральных законов или законов штата, защищающих права людей с ограниченными возможностями на образование или личный уход. Если кто-то хотел или требовал лучшей, более осмысленной жизни, будучи инвалидом, его должна была вытащить из грязи партия, которая намеревалась осуществить уникальные и трудные мечты о независимости и самодостаточности. Моей целью было поступить в колледж и получить профессию, которая позволила бы мне этого добиться. После этого я мог бы сыграть важную роль в реализации национальной программы, которая предоставляет равные возможности каждому человеку с инвалидностью. Открылись двери, о существовании которых я даже не подозревал, и это

поставило меня на путь к необыкновенному приключению в моей жизни. По-видимому, в то время, когда моя мама учила меня читать, группа родителей детей-инвалидов, которые считались неспособными посещать школу, встречалась со школьным советом, чтобы убедить их предоставить учителей для «Программы Homebound Program» (Homebound Program определяется как ситуация, когда люди не могут покидать свои дома без посторонней помощи, а учебные материалы обеспечивают эквивалентное обучение только дома). Мама и папа справились, и школьный совет каждый год предоставлял нам возможность учиться по программам обычных учеников. Как только мы продемонстрируем им свои академические способности, DISD (Независимый школьный округ Далласа) проведет следующую оценку нашей программы для следующего учебного года. Я уверен, что поначалу школьный совет Далласа не хотел подготавливать двух-трех молодых, неопытных учителей к специальному образованию инвалидов. У учителей не было опыта общения с такими людьми, как я и наша маленькая группа «неудачников». Таким образом, будущее программы «Связь с домом» выглядело крайне удручающе. Действительно, через несколько месяцев после своего запуска, после огромного объема работы всех, кто участвовал в организации образования в Далласе для учащихся с ограниченными возможностями, прикованных к своим домам, программа медленно умирала под тяжестью собственной некомпетентности. В конце концов, миссис Осборн пришла в программу Homebound и посвятила себя организации ее работы. Она принесла с собой столь необходимые энергичные и организационные знания. Ей нужно было время, чтобы каждый ученик почувствовал себя ее лучшим другом. Она взяла на себя наши цели и сделала их своими. В какой-то момент миссис О. Осборн отказалась от двухлетних каникул, чтобы помочь мне закончить два класса в год, чтобы я мог приблизиться к оценкам моих одноклассников. Полиомиелит отнял у меня несколько лет жизни, и мне было стыдно оставаться в школе. Миссис О. Осборн любила своих учеников и давала нам возможность поверить в себя и в то, что мы тоже можем достичь всего, чего намеревались достичь. Миссис Осборн обладала таким сильным и искренним духом, что, как только она научит вас верить в невероятную личность, которой вы были созданы, будь вы калекой или нет, вы никогда не будете

сомневаться в этом или забывать об этом, и вы никому не позволите опозорить или унизить то доверие, которое так тщательно культивируется в наших душах. Так что мы усердно работали и вместе двигались вперед. Благодаря своему преподаванию и дружбе она дала мне уверенность в том, что мне нужно, чтобы набраться сил и поступить в Южный методистский университет (SMU), лучшее учебное заведение в этом районе. Я по-прежнему верю в самое личное и самое защищенное место моего сердца, потому что кто-то всегда разорвет на куски и разрушит вашу уверенность и самооценку. Я достоин всего, я могу достичь всего, если готов выложиться по максимуму. Необходимая работа и преданность делу. Знать это наверняка – это подарок, который мне сделали мои учителя. Благодарю вас, миссис О. Осборн. Я подал документы в Южный методистский университет и надеялся, что меня примут, хотя, конечно, мое образование проходило дома. В конце концов, я закончил среднюю школу в Далласе. Изначально декан по работе со студентами разговаривал со мной, чтобы узнать то, чего я не знал. Решение было принято, и моя заявка была отклонена. Меня не приняли не из-за моих академических способностей, а из-за тяжести моей инвалидности. Они не хотели терпеть мое присутствие в их кампусе по причинам ответственности. Разочарованный, я обнаружил, что это явно неприемлемое решение, которое привело меня в ярость! В конце концов, в кампусе не было и, насколько я знаю, никогда не было ни одного студента с инвалидностью. Судя по всему, они не знали, кто такой студент-инвалид, а тем более куда его поместить. Повсюду в кампусе, внутри и снаружи каждого здания, были бетонные ступени и бесконечные лестницы. Падение с инвалидной коляски на землю не было чем-то необычным. Администрации университета повезло: в те времена я не мыслил как юрист. «Техасская комиссия по реабилитации» (источник средств на образование или профессиональную подготовку для инвалидов) сообщила мне, что они считают меня безработным, и после проведения анализа ожидаемой продолжительности жизни они определили, что у меня в общей сложности «нет» лет жизни на образование. Наша маленькая группа воинов (мои учителя и миссис Келли, миссис Осборн, моя самая большая поклонница и доверенное лицо, которая вернулась домой и теперь покоится в любящих объятиях Божьих ангелов) вступила с ними в битву. В конце

концов, когда еще два года моей жизни были потрачены впустую из-за невежества, боязни перемен и нежелания их принять, весной 1969 года, мне разрешили наконец начать учебу в колледже. После поступления в SMU (Южный методистский университет) моя жизнь сделала гигантский шаг в совершенно новом направлении, чем я мог ожидать. Единственным условием моего поступления в SMU было то, что я позволяю ребятам из служебного братства APO (Alpha Phi Omega – волонтерская организация помощи инвалидам) отвечать за мой уход и транспортировку. Это означало поездки в школу и обратно, а также обслуживание меня между уроками. Это дало мне возможность завести друзей и дало мне передышку, связанную с логистикой, связанной с доставкой из точки А в точку Б. Самым важным фактором было то, что я собираюсь делать с классами и моими профессорами, или, скорее, что профессора будут делать со мной. Это будет интересно не только мне, но и им. Причиной моего выбора курсов было желание получить опыт в инвестиционной сфере и заработать большую сумму денег, чтобы изменить жизнь таких людей, как я, опираясь на экономику. К сожалению или случайно, я позволил своему сердцу встать на этот путь и в конечном итоге получил юридическое образование. И вот я сражаюсь за справедливость на бумаге, и я не опоздаю достичь своих первоначальных целей. В конце концов, мне нравилось отрицать силу моего старого заклятого врага (полиомиелита) выставлять меня калекой; то есть неспособным сделать что-либо продуктивное или даже желательное. Несмотря ни на что, до этого периода я был победителем по крайней мере на один раз больше, чем демон полиомиелита. В самое подходящее время, чтобы перейти к следующему приключению в моей жизни, появилась женщина по имени Салливан, посланная с небес, с щенком боксера, чтобы вернуть то, что полиомиелит отнял у меня много лет назад, и восстановить мою способность дышать. Конечно, этот метод дыхания был другим, но достаточно эффективным, чтобы удержать мою жизнь подальше от «железных легких» и добиваться своих целей лицом к лицу с реальными людьми. Разработка этого метода дыхания была бы чудом, и я мог бы нацелиться на получение высшего образования, зарабатывать на жизнь и, возможно, провести свою жизнь с кем-то, кого я полюблю. Я сидел в классе своего профессора в SMU (Южный методистский университет). Мечта сбылась,

и я приступил к своей цели, будучи студентом колледжа. Это было первый раз в моей жизни, когда я был в настоящем, живом классе, и я испытывал смешанные эмоции: волнение и даже страх. В то время мне было двадцать шесть лет, и я начинал свой путь в колледже на курсе детской психологии, продвинутом курсе средней школы, и я был всего лишь окаменевшим первокурсником, понятия не имеющим, как, черт возьми, я туда попал. Кажется, несколько дней назад я задыхался в палате больницы Паркленда. А теперь я сидел в классе SMU, изучал и исполнял свои мечты, которые были у меня в те ужасные времена, когда я падал в обморок, и Бог возвращал меня обратно с одним из Своих чудес. Южный методистский университет оказался для меня хорошей школой для начала обучения. Благодаря меньшим размерам кампуса, более уютной обстановке и персоналу, переход к студенческой жизни здесь был проще. Что касается меня, то это дало мне возможность научиться думать и впитывать знания от моих профессоров, а также дало мне возможность познакомиться с максимально разнообразной группой людей. Я понятия не имел, что этот класс и его преподаватель определят мое будущее и путь, который я никогда бы не предсказал и даже не мечтал о нем. Моим профессором была милая женщина средних лет, немного коренастая, с приятной, но сдержанной улыбкой, которая, казалось, выражала нежную убежденность. Я видел, как она практиковалась в своем ремесле один на один с детьми с аутизмом. Если бы такой ребенок мог с кем-то общаться, то это была бы она, потому что она источала некое материнское чувство безопасности. Тем не менее определенная объективность всегда присутствовала, по крайней мере, когда мы были вместе, и она могла быть очень сговорчивой женщиной. С другой стороны, мой профессор научил меня немного психологии и многому о честности, правде и их отношении к обману, что я никогда не забуду. Мой профессор постоянно говорила о своей дочери и о том, как сильно она хочет, чтобы дочь познакомилась со мной, а я с ней. Должно быть, она чувствовала, что мы можем быть хорошими друзьями. Я полагаю, что профессор придумала способ достичь своей цели. Она сообщила мне, что решила, что ее дочь будет сдавать со мной первый устный экзамен здесь в кабинете профессора. Ой! Во что я ввязался сейчас? Ряд обстоятельств и крайне маловероятных событий сложились воедино, как кусочки пазла в картину, на которой я сижу

в аудитории колледжа. Я пережил полиомиелит, дышу через свое «железное легкое», живу дома, знаю о своих родителях и тысяче других вещей, обо мне заботятся в тот момент, когда, несмотря ни на что, должен быть просто забыт. Я улыбался себе и Богу, концентрируясь на значении каждого слова в лекции профессора. Временами мне казалось, что я слушаю, как мама учит меня читать. Теперь я был далеко от этого. Это было прекрасное время. Я хотел показать, что этот Александер ничем не хуже других и даже лучше большинства. Возможно ли это? Временами мне казалось, что я единственный инвалид в Далласе, а тем более в кампусе. Символом SMU (Южный методистский университет) является Даллас-холл. Внутрь вела винтовая лестница без пандусов, и все знали, что они никому не нужны. В каждом здании, включая Даллас-холл, повсюду были бетонные ступени и бесконечные лестницы. В течение одного семестра три моих помощника из братства АРО дважды в день носили мою инвалидную коляску на пятый этаж и обратно. До следующего года в этом здании не было лифта. Интересно, почему? Был ли экзамен проверкой моего знания правил в этом мире, о котором я мало что знал? Это был урок по предмету, с которым, как я утверждал, я был знаком. Итак, я изучил материал и подготовился к этому тесту так, как ни к одному другому, из тех, которые я когда-либо проходил. Это было похоже на вступительный экзамен в Гарвард. Экзамен выше всех экзаменов. Такой, который установит стандарт на оставшуюся часть семестра и, следовательно, возможно, на мою карьеру. Это заслужило бы уважение моего профессора, а значит, и ее дочери, или я бы все испортил. Время пришло, и я верил, что готов. После завершения экскурсии по кампусу (о которой вы узнаете больше чуть позже), я вошел в здание психологии, где обнаружил кабинет моего профессора и Клэр, ее дочь, которая немного нервничала (нет, очень нервничала)... Я вошел в довольно маленький кабинет к тому, кого я чувствовал великим профессором и еще более великим человеком, на мгновение меня ослепила яркость единственного окна, с изогнутыми черными коваными перилами, окружающими крошечный балкон. Я посмотрел налево, где краем глаза у меня отразилось чье-то присутствие, и тут у меня в голове возникла очень странная мысль, которая как бы предупреждала меня о великом удовольствии, которое придется испытать дорогой ценой. Я понимаю, что это присутствие

станет значимым человеком в моей жизни. Для меня это был действительно один из таких моментов. Этот вопрос на самом деле сформировался у меня в голове еще до того, как я встретил удивительную мать Клэр, когда смотрел на нее, сидящую за столом матери под утренним солнцем, как на великую золотую принцессу. Все, что я чувствовал в этой женщине, подтверждалось. Ее ярко-зеленые глаза сверкали на солнце и были самыми зелеными, превосходящими любой изумруд, который я когда-либо видел. Ее темные, шелковистые волосы ниспадали нежными водами каменистого ручья на мягкие белые плечи и разделялись идеально округлой грудью в тысяче разных направлений. Ее кожа была белой, как слоновая кость, и просто просила нежных ласк. Она была самой квинтэссенцией женственности. Ей не придется лежать под палящим солнцем. Она была всем, чем должна быть женщина, и даже больше. Судя по всему, толпа ребят, которым приходилось толкать мою маленькую инвалидную коляску по кампусу, была одинаково впечатлена её красотой, и каждый пытался разговаривать с другим, напоминая стаю кричащих гусей. Какое-то время я просто наблюдал, время от времени смеясь над какой-то детской чепухой, которую одна из орд извергла в попытке одержать верх. В тот момент я почувствовал себя немного смущенным и не мог дождаться начала экзамена. Итак, я поблагодарил их за поездку и попросил вернуться, чтобы избавить меня от смущения провалить экзамен перед дочерью профессора и забрать меня через час. Через несколько секунд я понял, что я один с Клэр, и... я покрылся холодным потом. Я не знал, нервничал ли я больше из-за своего первого экзамена в колледже или из-за того, что его будет сдавать и очаровательная дочь профессора. Интересно, что с Клэр у нас было много похожих мыслей и чувств по поводу вещей, и после того, как мы встретились в офисе, у нас сложились довольно хорошие отношения. Группа парней, которые везли меня через кампус в офис, где ждала Клэр, были членами братства АПО. Они были хорошими парнями, и у нас была отличная дружба. После экзамена, который, слава Богу, я сдал на «ура!», у нас с Клэр были разные причины для того, чтобы начать своего рода беглый разговор по телефону. Эти беседы были замечательными, потому что они дали нам возможность лучше узнать друг друга. Оказалось, что у нас много общего. В чем-то у нас не было ничего общего, и мы были диаметрально

противоположны во взглядах. Интересно, что эти различия, по какой-то причине, скорее укрепляли наши отношения, чем вызывали конфликты. Обмен противоположными взглядами заставил нас обоих переосмыслить наши мнения и ценности. Я считаю, что это привело к повышению уровня эмпатии между Клэр и мной, укрепляя наши отношения. Каждый телефонный разговор делал нас ближе, чем когда-либо прежде. Куда бы мы ни отправились и что бы ни представили миру, мы сделали это стильно и создали шедевр уникального понимания... и своего рода нежную любовь, которую каждый (из молодых) ищет и редко находит, независимо от своего физического состояния. Куда бы мы ни пошли и что бы мы ни делали, мы производили впечатление на окружающих и наслаждались ролью. Мы были невероятны, и мы знали это. Иногда мы ходили в один из наших любимых ресторанов и проводили замечательный романтический вечер. Одним из таких мест был стейк-ресторан на окраине города, где каждый выбирал свой конкретный кусок стейка из большого куска говядины, который затем готовили по вашему желанию. После очередного романтического ужина с филе-миньоном, вином, бананами и свечами не было ничего необычного в том, чтобы попросить чек и обнаружить, что наш ужин был оплачен какими-то неизвестными посетителями, которые, по словам нашей официантки, любили наблюдать за мной и Клэр вместе. Мы были так влюблены друг в друга и, очевидно, очень счастливы... Хотя мы жили в такой фантазии, наслаждаясь всеми сопутствующими нам радостями, когда мир требовал реалистичного планирования и принятия решений, исходя из повседневных потребностей, вместе мы имели возможность сосредоточиться на проблемах и справиться с ними. В результате этих событий мы получили вдохновение следовать зову сердца и стремиться к блестящему и продуктивному будущему, поэтому мы продолжили. Иногда Клэр отвозила меня домой после занятий. Мы останавливались и покупали еду, прежде чем находили уединенное место для парковки на озере Уайт-Рок, где мы могли побыть одни. Мы могли бесконечно разговаривать, рассказывать друг другу истории из личной жизни, смеяться, делиться серьезными переживаниями или иным образом исследовать человека, о котором мало кто знал что-либо, кроме нас двоих. Мы стали лучшими друзьями и обнаружили, что чувств у нас друг к другу больше,

чем мы могли себе представить. Естественно, мы начали встречаться с помощью моего лучшего друга Джека. Он водил нас в кино на ужин (как в реальной жизни), а также на пикники в парке. Мы с ней ездили в дальние поездки, где было приятно просто побыть друг с другом. Я ходил к ней домой на великолепные обеды с жареной курицей и артишоками, мы ходили на концерты и церковные службы. Она проводила все больше и больше вечеров у меня дома, слушала музыку и ужинала с моими родителями. И вот это произошло: наш первый поцелуй. За это время мы разделили так много особенных моментов, когда звезды сияли ярче, когда наши жизни переплетались. Один из таких моментов, который с любовью остается в моей памяти, это наш первый поцелуй, вернее, ее первый поцелуй, потому что я этого не ожидал, и она застала меня врасплох. Помню солнечный день, когда каким-то образом решили, что она повезет меня домой на своем красном кабриолете «Мустанг». Мы планировали хорошо провести время вместе, катаясь на лыжах под солнцем. На ней был один из ее сарафанов, в котором мне нравилось ее видеть. Но она и я будем единственными, кто знает настоящие причины, почему я так любил эти ее наряды. Ее длинные шелковистые волосы развевались на ветру, когда мы ехали по городу и вокруг озера. Я был так горд тем, что меня увидели с такой красивой женщиной. Мы говорили и смеялись по тем или иным причинам всю дорогу домой и были счастливы просто быть вместе. Помните то чувство, когда вы были с нужным человеком в нужный момент своей жизни? Ваша кровь, казалось, текла по венам немного быстрее, и вы могли бы поклясться, что почувствовали вкус любви на ветру, как запах жимолости, когда мы с Клэр были вместе. Я чувствовал себя королем этой золотой королевы. В тот невероятный момент я верил, что нет ни одной силы или человека ни на небесах, ни в аду, ни тем более на земле, которые могли бы победить меня каким-либо образом или целью. Да, была такая вера, но такая наивная. Однако наш разговор о желании быть физически ближе друг к другу привел к вопросу о том, хватит ли у Клэр сил поднять меня, вытащить из машины и положить на землю, или у нее просто не хватит сил. Если бы она могла поднять меня, это позволило бы мне быть ближе друг к другу, обнимая ее и чувствуя тепло ее тела и мягкость ее кожи. Это, конечно, с некоторыми вариациями, поверхностная часть обнимания друг друга... Вы должны

уметь проникать в самые личные и уязвимые места внутри себя и мотивировать те же чувства словами и эмоциями. Конечно, я не говорю, что один стиль общения является идеальной заменой другому. Конечно, это не заменит того, чтобы провести пальцами по ее шелковистым волосам, или погладить ее красивое личико, или ее мягкую грудь, или сжимать ее руку во время прогулки по лесу, или расстегнуть ее платье, или написать ей в ответ, когда она устала после долгого дня, или сфотографировать нас в объятиях друг друга. В ту ночь на озере Уайт-Рок, в объятиях женщины, которую я любил, я превратился из мальчика в мужчину. Излишне говорить, что наши отношения изменились. То, что было дружбой, превратилось в удивительные отношения влюбленных. С чего все начиналось? В Уайт-Роке, конечно. В один прекрасный вечер, когда лунный свет отражался на озере и горизонте Далласа вдалеке, мы с ней сидели в «Мустанге» с выключенным радио, чтобы слышать, как вода плещется о берег. Когда мы наблюдали за восходом полной луны, отражающейся в мерцающей воде, следующее, что я помню, мы говорили о том, как было бы здорово лечь рядом друг с другом и обнять друг друга на некоторое время. Следует помнить, что я не могу двигать руками. Это был один из тех удивительных вечеров, когда ты был просто счастлив видя нас вместе. Мы часами разговариваем и смеемся над тем, что произошло с нами в тот конкретный день. Один из таких инцидентов был связан с запиской, оставленной жирными буквами на доске на следующем уроке Клэр. Она сказала мне, что на ней было написано: «КЛЭР, Я ТАК ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ВЫХОДИ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ. ТВОЙ НАВСЕГДА» «У кого хватит смелости поставить тебя в такое затруднительное положение перед профессором и однокурсниками?» Я поговорил с Клэр о желании Джима пригласить ее на свидание. Честно говоря, я чувствовал себя немного странно, даже немного злым, разговаривая с ней о том, чтобы пойти на свидание с кем-то другим. – «Как грубо! Есть ли у меня там конкуренция? Скажите мне правду. Джим сделал это? Я справлюсь. Хотя мне придется выследить его и избить до чертиков, чтобы сохранить твою честь». Я рассмеялся. Но я до сих пор не уверен, поверит ли она, что это был он? Честно говоря, мы жили в другом измерении, где счастьем для нас было быть вместе, и мы все время были вместе или говорили об этом по телефону. После многих месяцев нашей дружбы и многих часов

и ночей интенсивных интимных разговоров, я невзначай сказал Клэр, как сильно я люблю ее и как мне нравится разговаривать с ней и быть вместе. Наконец, мы пустили день на самотек и прибыли к моим родителям, и слова ангела тихо произносились ей на ухо. Без предупреждения раздался один из самых тихих и красивых звуков, которые я когда-либо слышал: «Пол, я тоже тебя люблю». Те же слова, но они звучали совсем по-другому, когда она их произносила. Эти слова исходили из ее сердца. Я понял это сразу, потому что чувствовал это глубоко внутри себя. Как будто Купидон выпустил свою стрелу, пронзившую мое сердце... У меня перехватило дыхание, и я не мог говорить. Бог на небесах, должно быть, упал со своего престола. На мгновение мне показалось, что я потерялся во сне, и я искал в своей голове слова, которых там не было. «Что ты сказал?» – повторила она снова, и это прозвучало так же прекрасно. Я спросил ее, как это могло произойти? А как насчет моей подруги Клэр, которая сказала мне, что ее любовь ко мне растет? Я снова задал тот же вопрос, и на этот раз боялся ответа. «Как ты могла влюбиться в меня? Я ведь калека, верно? У тебя может быть нормальный мужчина, который любит тебя и может о тебе позаботиться». Она любила человека, которым я был внутри. Я так хотел, чтобы она убедила меня, что она все продумала и что это правда. «А как насчет танцев? Я знаю, что ты любишь танцевать», — спросил я. «Я могла бы танцевать с другими, но в душе я бы танцевала с тобой». «А как насчет детей?» «Ты можешь иметь детей?» Я сказал, что не знаю, потому что у меня никогда не было возможности узнать. Я сказал ей, что думаю, что смогу иметь детей, и их было бы много. Тогда я (невероятно!) ответил, прежде чем подумать: «Я верю, что могу иметь детей с тобой или с кем-то еще. Мы могли бы это узнать!» Мы так часто говорили об этом, и это казалось естественной частью наших размышлений и будущего. Она хихикнула! Тогда она заинтересовалась идеей создания семьи. В тот момент я знал, что буду делать. Если у меня когда-либо возникали какие-либо вопросы о наших отношениях или нашем возможном браке, они откладывались. Я искренне верил, что Клэр суждено стать моей женой, и с этого момента я действовал и работал, чтобы подготовиться к этой цели и достичь ее. Для меня не было ничего важнее, чем то, что Клэр станет моей женой. Я предложил ей выйти за меня замуж, и, хотите верьте, хотите

нет, она согласилась! Я сказал ей, что напомню ей позже, и она все равно согласилась. Я задавал вопросы, а она смеялась. Мы начали выбирать кольца и прочее. Несмотря на полиомиелит, Клэр была олицетворением всего, о чем я мечтал, ради чего работал, боролся за выживание и обожал. Хотя это верно для меня и, возможно, для Клэр, в планы ее матери не входило контролировать жизнь Клэр. Я часто размышляю над тайной истинных чувств ее матери ко мне. Сначала она казалась такой доброй и любящей ко мне. Она не могла бы быть более любезной женщиной. Самым интересным, но в то же время сбивающим с толку моментом наших отношений было и остается то, что она постоянно настаивает на том, чтобы мы с Клэр познакомились. Это было почти так, как если бы она рассматривала нашу встречу и знакомство друг с другом как профессиональное решение какого-то недостатка в развитии кого-то, возможно меня, возможно, нас обоих. Возможно, на самом деле в ее настойчивости вообще ничего не было. Может быть, она просто одобряла меня или подумала, что нам было бы неплохо познакомиться друг с другом? Я так не думаю. «Время пришло», – решил я, думая, что есть достаточно косвенных улик, чтобы избавить меня от слишком большого смущения, если что-то пойдет не так. Поскольку я понимал, что парни должны делать перед такими важными событиями в своем социальном развитии, я продолжал преследовать свою цель – еще больше сблизиться с Клэр. Я обсудил свой план со своим другом Джеком и попросила его совета, и, хотя он, вероятно, не понимал, что происходит со мной и Клэр, мне нужна была его эмоциональная поддержка... Джек и я хорошо подходили друг другу во многих отношениях. Его воспитывала мать, которая должна была работать полный рабочий день, чтобы содержать Джека и его сестру. Я никогда ничего не знал о его отце, потому что он никогда не говорил о нем. Я не хотел ставить Джека в неловкое положение, поэтому не стал задавать вопросы о его отношениях с отцом. Все, что я знал, это то, что он очень уважал моего отца и относился к нему с большим уважением, как к своему собственному. Когда бы мой самый дорогой друг ни приходил в дом моих родителей, он всегда проявлял большое уважение, и мои родители всегда относились к нему так же... Я сказал Джеку, что люблю Клэр, и что мы хотим пожениться и создать семью, если это возможно. Я сказал ему, что мне нужна его помощь... Я сказал

ему, что хочу подарить Клэр и мне идеальную ночь, отвезти ее в прекрасное место и заняться любовью так, как мы раньше не испытывали. Я сказал: «Мне нужно, чтобы ты помог мне найти правильное место, чтобы сделать этот вечер невероятным, который мы запомним навсегда». Мы с Джеком искали место и в конце концов остановились на отеле «Хилтон» на Центральной скоростной автомагистрали. Я чувствовал, что Клэр будет чувствовать себя комфортно в отеле Hilton, так как он находится недалеко от ее района и идеально подходит для такой ночи. Клэр была не только удивлена, но и обрадована. Это было так удивительно, как мы и ожидали. Ничто в наших снах или на экране не может сравниться с нежностью или любовью, которые мы разделяем между нашими телами и душами. Первая ночь волшебства, прикосновений и исследования того, насколько сильна стала наша любовь друг к другу, была неожиданной и невероятной. Мы с Клэр были по-настоящему влюблены. Все результаты были идеальными и красивыми, потому что любовь, которую мы испытывали друг к другу, слилась воедино в мужчине и женщине. Мы уплыли к ангелам и заснули в их объятиях, навсегда под нежной улыбкой Бога. Джек провел ночь, припарковавшись в своем фургоне перед отелем «Хилтон» на случай, если нам это понадобится, и всю ночь он присматривал за нашей маленькой комнатой. Даллас действительно был нашим городом в тот день. Тогда Клэр сказала так мягко: «Пол, а что, если я забеременею?» Тогда я ответил: «Мы выберем для ребенка имя, поженимся, чтобы дать ему маму и папу, и переедем к моим родителям, пока не найдем подходящее место, чтобы вырастить его». Клэр стала чаще приезжать к нам домой, и мы с ней либо учились, либо гуляли по городу. Но большую часть времени мы проводили в моей комнате на холме над озером и обнаруживали, насколько сильной может стать наша любовь. Нам было достаточно просто быть вместе, чтобы быть счастливыми. Ей нравилось маленькое любящее безумие, которое я создавал, поэтому я делал это часто. Если она была чем-то расстроена или это был четверг, я посылал ей розовые или желтые розы. У нас с Клэр были творческие способности разыгрывать различные ролевые игры из серии «Все в семье» или монотонную страсть Уорда и Джун Кливер *(герои сериала «Leave It to Beaver» – О. Ю.)* или богатого парня и проститутку, и мы получали огромное удовольствие, занимаясь любовью

страстно. За два года, что я учился, SMU (Южный методистский университет) открыл много дверей. У меня появилось много друзей, меня уважали учителя и администраторы. Я хотел выглядеть так же хорошо для Клэр, как она выглядела великолепно для меня. Я также хотел дать Клэр повод гордиться мной перед своими родителями, особенно перед мамой, и в то же время заставить ее маму гордиться тем, что она познакомила нас. Во время нашего пребывания в SMU и друг с другом я преобразился. Я был калекой, который не мог приказать своему мизинцу двигаться или произносить свои мысли, который мог только целый день лежать в своей «трубе» и ждать какого-нибудь знака милосердия от кого-либо. Теперь я был неординарным человеком, способным воплощать мечты в реальность, мотивировать и вдохновлять людей. Ведь без Бога нет метаморфозы и даже минимального величия. Одно является абсолютно функцией другого... Каждое слово, которое я говорил в разговоре, каждый вопрос, который я задавал профессору во время занятий, каждая беседа с президентом Совета молодых людей за кофе, каждая случайная (не такая уж случайная) встреча с матерью Клэр были важным заявлением о том, кем я стал. Одно из таких проявлений возникло из моей любви к Клэр и приняло форму плана по преобразованию в университете кампуса, подходящего и доступного для людей с ограниченными возможностями. Я был единственным инвалидом в школе, за исключением временного пострадавшего в результате несчастного случая на лыжах, который временно ходил на костылях. Он приобрел женский дом на территории кампуса, превратил его в жилое пространство для инвалидов и их спутников и сдавал в аренду. В то же время я создал целевой фонд под эгидой университета для предоставления стипендий студентам с ограниченными возможностями, нуждающимся в уходе... Университет получал всевозможные благотворительные вознаграждения и осуществлял новое строительство. Это была победа, победа для всех, пока не было разработано федеральное законодательство, предписывающее создавать такие программы. Я взял на себя и частичную ответственность действовать вместе с финансовым отделом университета по управлению инвестициями. Короче говоря, вот кем я стал! Последним оставшимся кусочком головоломки было, конечно же, первоначальное финансирование программы. Я знал, как его финансировать после того, как сделаю следующий шаг к своему

будущему. Я договорился о встрече с президентом Совета молодых ученых, врачом Уиллисом, дружбу с которым я культивировал и которой наслаждался. Я прошу его назначить встречу с Россом Перо (магнатом), чтобы обсудить проект, который я задумал. Уиллису понравилась моя идея, и он добился встречи с сестрой Перо, которая была директором его фонда инвестиционной программы. Наша встреча прошла очень хорошо, и она сказала, что они будут участвовать в этой программе. Доктору Уиллису удалось договориться о встрече сестры Перо в SMU, чтобы поговорить о проекте, над которым я работал еще со времен аспирантуры в Техасском университете. Это была программа, направленная на заботу о студентах-инвалидах и помощь им в учебе и получении высшего образования, что было крайне необходимо в США в то время. О возможности поступить в университет и иметь возможность зарабатывать на жизнь и обеспечивать уход, а также о независимости и самодостаточности в большинстве случаев не могло быть и речи. Было очень сложно и пытаться это сделать, и учиться одновременно. Я знал, потому что делал это по благодати Божьей и с большой решимостью. Естественно, эта характеристика дополняла мою личность. Я быстро подружился со всеми, включая богатых, успешных евреев, у которых я многому научился. Интересно, что на протяжении всех моих студенческих лет разные евреи дружили со мной и, казалось бы, без причин помогали мне преодолеть кризис в моей жизни. Я также подружился с «Черными пантерами», а также с членами SCLC (Южная конференция христианского лидерства по правам человека) и участвовал в некоторых мероприятиях по защите гражданских прав. Теперь я установил свою будущую способность делать все, включая поддержку Клэр и нашей семьи. Я мечтал, и мы работали вместе, чтобы достичь моих целей для SMU и моих мечтаний для Клэр и нашей семьи...»
Пол Александер «Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком», Friesen Press, Канада, 2020. Стр .80-87.

...Примерно в то же время Миша Чернышев с головой погружался в аспирантские заботы, сдал все вступительные экзамены и начал собирать материалы для написания кандидатской диссертации. Семинары в его квартире продолжали работать и постепенно забывались те сцены, которые устраивали ему родители Тамары.

Она, казалось бы, и сама уже смирилась с неизбежностью и даже уехала из Саратова. К Мише, как и всегда это было, приходили друзья, звучали стихи, позже появлялись и музыканты, которые исполняли песни, написанные на его стихи. Изредка приходили письма из Азербайджана, Мордовии, Молдавии с текстами построчников на русском языке национальных авторов, которые просили сделать поэтические переводы своих оригинальных стихов на русский язык. Для Миши это была увлекательная работа, и он с удовольствием исполнял все просьбы. Потом пришла радостная весть о приеме его в Союз писателей, и друзья шумно и весело справили этот «сюрприз» судьбы. В конце 1969 года я навестил друга перед отъездом в Минск. Сидя за чашкой чая, я признался, что развожусь с женой. Он знал о моих проблемах с Леной, но по его реакции мне показалось, он не очень внимательно слушал мои жалобы на неудавшийся брак. Чуть позже, я понял, *что* его отвлекло. Он, медленно подбирая слова, стал говорить о сложностях брака. Три года назад, как я уже знал, когда он хотел жениться на Тамаре и возникла эта нелепая и довольно драматическая развязка, следы пережитых событий могли остаться. Глотнув ароматного чаю, я слушал, соображая, куда он клонит. Может, мне сочувствует или что-то другое имеет в виду. Миша, минуту помолчав, сказал:

— Тут ко мне пришла одна молодая женщина... Довольно симпатичная... Мне даже показалась, что с интеллектом...

Он тщательно подбирал слова и было видно, что его сильно занимает то, о чем он старался мне сказать. Я терпеливо слушал. По опыту я знал, что надо просто набраться терпения и все выслушать, потому что по выражению его лица, я понял, что мой друг подступает сейчас к теме, которая не до конца ему самому понятна, но занимает его чрезвычайно.

— Так случилось, что мои гости быстро разошлись и мы остались вдвоем. Я начал ей рассказывать о Веневитинове. Ты же знаешь, я об этом человеке могу рассказывать часами!

Я кивнул, поощряя его продолжать свой рассказ.

— Мы уже встречались с ней у меня... Ее Наташей зовут. Она работала, по-моему, в каком-то НИИ. Я так толком и не понял...

Миша осторожно взял чашку тремя пальцами правой руки. Низко наклонил голову и сделал глоток.

— Третья встреча тоже проходила с гостями, шумом, смехом... Понимаешь? Но я как-то сразу выделил ее из всей нашей компании.

Но теперь... В общем, сидим. Все мои гости разошлись. Она принесла из кухни горячий чай... Пьем, разговариваем, как с тобой сейчас. И тут она говорит мне: «А знаешь...» Мы были уже с ней на «ты»... Ну вот, говорит она... «А давай я тебе буду помогать в твоем быту? Ты не против?» Ты же знаешь, Олег, у меня с этим все время были проблемы... Я замолчал. Смотрю на нее и не совсем понимаю, куда она клонит. Но она так сказала... Просто... Ну очень как-то у нее прозвучало по-человечески... Понимаешь?

Я кивнул.

— Говорю ей, что это было бы здорово... У меня такое случается... Когда никого нет, а нужда... «Ну вот и договорились...» – это Наташа мне говорит. Назавтра, рано утром, она приходит ко мне и видит, что я сижу одетый за своим письменным столом... С заспанным видом. У меня такое случается, иногда...

Миша махнул рукой... Я молча кивнул, поскольку знал, что, и в самом деле, не раз такое видел.

— Она пошла на кухню, нашла там тазик, принесла чашку с водой, полотенце на плече, сказала: «Неплохо было бы тебе освежиться...»

Я молчал, откровенно говоря, был просто поражен рассказом друга. Неужели – думал я – высшие силы... Нет, я тогда не мог считать себя верующим человеком. Советская школа жизни с меня соскоблила все признаки метафизики. Но... Бывают события, когда подсознание, помимо воли, подсказывает... Я понял, что к Мишке пришла женщина, которая достойна глубокого почтения...

— Она стала ко мне приходить довольно часто, — продолжал Миша. — А потом привела ко мне своих родителей... И мы познакомились... Представляешь? Мать у нее... Она, такая седая... Отец, невысокий, но видно крепкий мужчина. Очень добрые люди...

В лице моего друга было столько недоумения, которое бывает, наверное, только когда удивление от случившегося просто зашкаливает! Тут хлопнула дверь. В комнату, где мы разговаривали вошла молодая женщина. Роста она была чуть ниже среднего. Брюнетка. В сером платье, в туфлях...

— О! Наташа, привет! — сказал Миша. — А мы только что о тебе говорили с Олегом.

— Здравствуйте! — протянула она мне руку. — Наташа!

Я пожал. Назвал себя. Рука была мягкой. Теплой... Легкий, едва заметный, запах чистых волос и парфюма коснулся меня. Миша, глядя

то на меня, то на нее, неожиданно спросил:

— Ты не забыла свои очки у меня?

— Я? — она удивленно посмотрела на него. Улыбнулась... — Это кто-то другой...

Минут через двадцать я ушел, оставив их вдвоем, а через неделю или две, уже с вокзала, я позвонил Мише, сказать, что через полчаса отправляюсь в Минск и вряд ли мы с ним скоро увидимся. Он был весел, у него было шумно.

— Олег! Поздравь меня! Я женюсь...

С Мишей мы больше не встречались. Жизнь у меня была полна до краев. Через год и я женился на Татьяне, которая родила мне троих детей. Неожиданно Миша прислал мне открытку с поздравлениями... Были какие-то праздники. Сообщил, что у него родилась дочь и он назвал ее именем матери – Ольга. Он, кажется, через год или два – мы переписывались очень редко – прислал мне письмо, в котором писал нежные слова о жене, которую называл «моя голубушка – Наталья Николаевна». Я понял, что в жизни моего друга наступил долгий и счастливый медовый период. Так оно и было. Потом были звонки. А позже я получил маленькую бандероль, в которой оказалась его книга «Шаги» с посвящением: «Дорогим Олегу и Тане! Слава богу, что теперь и я могу вам что-то послать. Хорошо бы не в последний раз, чтобы и от вас еще получить подобное. Хотя я и пишу вместо писем стихи, но вас всегда помню и люблю.

Ваш Мишка, т.е. Чернышев. 29/1 – 1981»

Открываю первую страницу подаренной мне книги и читаю одиннадцатистрочный манифест:

> А жизнь моя –
> одни начала:
> И первый класс,
> и первый курс,
> И первый выход от причала,
> Печали первой
> горький вкус.
> И первой радости улыбка,
> И первой трудности порог,
> И незакрытая калитка
> Перед открытием дорог.

> And my life -
> one beginning:
> And first class,
> and first year,
> And the first exit from the pier,
> The bitter taste of the first sorrow.
> And the smile of the first joy,
> And the threshold of the first difficulty,
> And the open gate
> Before the opening of the roads.

...Пол Александер был полон надежд в самый ответственный период жизни, когда он и его возлюбленная Клэр принимали решение пожениться. У Пола были надежды на успех, потому что он хорошо знал родителей Клэр. Часто вспоминал, как ее мать, его профессор, выражала свое восхищение упорством Пола, силой его воли перед лицом жестоких ограничений, налагаемых полиомиелитом на все его весьма амбициозные жизненные планы. Она восхищалась им и нередко говорила своей дочери, что подобные качества его личности вызывают в ней уважение. Казалось бы, раз мать так говорит, значит она видит в его характере пример для подражания ее дочери. Да и сама дочь не раз убеждалась, сколь мужествен был Пол перед лицом невзгод и испытаний. Она не сомневалась, что ему доступны все те планы, которые он объявил и постепенно добивался их осуществления. Но, увы, мать, поняв, что дочь влюблена в этого несчастного парня, которого она искренне жалела, испугалась той реальности, которую по-своему представляла. Возникла примерно такая же ситуация, как и у Миши с Тамарой. Драма разрасталась. Что случилось дальше, рассказывает сам Пол Ричард Александер...

> It felt like the parental pressure on Claire was building to end her affair with me, and it was getting stronger every day. In case something didn't work out with her parents, we began discussing developing a backup plan to «escape» and get married, returning to Dallas as husband and wife. After much discussion and reflection, we thought about the trauma this would cause to her parents and canceled the move. Instead, my love and I took responsibility and live with it even today. Looking back, I feel that Claire must have been under tremendous pressure to

destroy the love between us. She hadn't talked to me much about it, and she clearly had no choice as to the end result. In the final version of our fairy tale, she did what she had to do according to her parents' demands. These demands sometimes directly contradicted her own desires in life. Claire was close to her parents, especially her mother, who I think was a strong role model for her. Since Claire was their only child, her mother could no longer have children. Mom and dad are equally committed to their relationship with their only child. I really appreciate Claire's respect for her parents because I had the same relationship with my parents. I disagreed with some of the views of Claire's parents, especially those concerning me. I feel like I haven't been given a proper chance to demonstrate my ability to care for their daughter. I am convinced that her parents made a profound mistake that had a devastating impact on my life and Claire's life. Often we talked about how to assemble our small family (although in the end we will have a large family) from born and adopted children. Claire and I agreed that children need the gift of leadership and the experience of their parents to achieve the best goals and objectives in their lives. At the same time, despite all this knowledge and lessons from parents and other significant people, decisions made based on their observations, emotions and personal logic deserve respect and attention from us. This is the goal that we will try to set for ourselves, meeting the requirements of making decisions about the creation of new lives. Ignoring or simply not providing this gift to your descendants is a waste of the family's legacy and uniqueness in our case. I believe that this will go down in history and become an outstanding event. In addition, I was extremely distressed by the fact that a college degree or even a doctorate did very little to minimize prejudice. In my opinion, her mother and father could have achieved greater honor and respect from humanity if they had allowed the adoption (by their precious daughter) of a member of their family with disabilities. What a missed opportunity to bring two wonderful families together in one of the most tender and exciting love stories! It seems that all parties involved have failed in their interpersonal relationships. We reviewed and discussed in detail all aspects of our relationship and their unique qualities in relation to our future, as well as how we will deal with the day-to-day challenges we face. Therefore, we felt that our life together was well planned and we were confident that we had a high degree of probability of success. Claire and I decided that marriage, family, and the necessary determination to make it all work was what we

wanted. Thus, with a loving kiss and God's grace, we lay out our commitment to each other and our path to the future. All things considered, we were a pretty impressive couple, destined for outstanding achievement. Another ten minutes or so, and I would still be Alexander, having experienced his first separation from my beloved and fiancée. Finally, the time has come. Lord, let Claire answer the phone. I called, and to my disappointment and horror, her mother picked up the phone. I couldn't understand why: an overwhelming feeling of fear took hold of my mind, waiting to return to the woman I loved. I could wait until I heard the voice of my faithful friend. No matter how polite and courteous I was to my professor and her daughter, whom my professor herself insisted on meeting with and now hides her somewhere in his shadows. Something was wrong in this conversation. I walked along this terrible path, and it was something dark, something sinister. Claire's mom responded appropriately to my chatter and polite questions about her vacation trip, except for one question I wanted and had to ask her first. The opportunity to ask did not present itself in this life. I'll leave that question for the next life. Our conversation began to fade away, as it happens when it is time to end it or move on. So I asked with great trepidation, because I expected the worst: «Can I talk to Claire, please?» At this stage and at all subsequent ones during the next year. It seems that everything in my heart and soul stops feeling good. It's like I've died inside, and at that moment, anything related to being alive doesn't matter. To be honest, I didn't feel any joy or interest, and I couldn't make plans for the future. Nothing I tried to do helped me get rid of the endless pain and depression that Claire had rejected throughout my life. I must say in her defense: Claire is not to blame for what she did to me, or for completely abandoning our love and friendship. If anyone had to take responsibility for giving up our love and future together, I firmly believe it was endless pressure from her parents and especially her mother. I had never experienced such pain before and did not know what to do about it? The pain will never subside, no matter what I do to myself. It seemed like when Claire got rid of me and our life together and didn't see or talk to me anymore, all of my dreams and accomplishments that I had worked so simply ceased to exist. It was as if her family denied that I ever existed and could share my love with anyone. At that moment, my senses and all thought processes were turned off, as if protecting me. Her mother's carefully chosen and thoughtful words, though I can't remember them exactly, were something very much like a

captured feeling of doubt, leaving only who I was as we stood next to each other, holding our love tightly between us and no one could humiliate her. «Paul, Claire doesn't want to talk to you, and she asked me to tell you that she doesn't want to see you anymore, so don't call here and look for her again.» All I knew was an excruciating pain in the middle of my intestines, as if a huge spoon had pierced me and drained my entire being from my personality and left me empty. All I knew was that Claire's parents didn't want me in the family, and they would do everything they could to prevent us from being together. I asked her mother to let me talk to Claire one last time. She said, «No, I can't do that,» and hung up, saying, «Don't call again.» I sat and sat and sat. It cost me more than a year of my life. I wish I could deny it! I can't. It took me so long to overcome the terrible, endless pain and depression. Sleep was out of the question. It was impossible to think about leaving the safety of Mom and Dad's house. The whole town seemed to be moaning, «Now you're alone, you can't call her and hear her voice, never again.» I mourned the love that polio stole. Claire certainly wasn't the last, but she was incredible... One night when we were having dinner at the Kipps, one of the guys from the APO at SMU came up to say hello and said, "By the way, did you hear that Claire married Jim? I lost my temper and screamed in the restaurant, as my insides twisted when I heard about it. Before this encounter with reality, if I lived in some kind of illusion that I had finally freed myself from it, I knew only too well that it was still alive and well and was making itself felt to me. I rushed to the nearest phone and called Claire at home. Of course, her mother picked up the phone and said that she was not at home. She replied that Claire was happily married, and now I needed to leave her alone. After this statement from her mother, I felt that this was her goal. It also made me wonder if she was happy? The last time I had to deal with Claire's mother was when I went to bury her. I found out that she had died... Claire divorced, her father died. I thought it would be a good idea to go to the service, to stay away... Paul Alexander. «*Three Minutes for a Dog: My Life in an Iron Lung*» *Friesen Press, Canada, 2020. P.p. 89-92*

Казалось, что родительское давление на Клэр нарастало, чтобы она прекратила свой роман со мной, и оно становилось сильнее с каждым днем. На случай, если что-то не получится с ее родителями, мы начали обсуждать разработку запасного плана «побега», думали пожениться, вернувшись в Даллас как муж и жена.

После долгих обсуждений и размышлений мы подумали о том, какую травму это нанесет ее родителям, и отменили переезд. Вместо этого мы с моей любовью взяли ответственность на себя и живем с этим даже сегодня. Оглядываясь назад, я чувствую, что Клэр, должно быть, была объектом огромного давления, чтобы разрушить любовь между нами. Она не говорила со мной об этом много, и у нее явно не было выбора относительно конечного результата. В окончательной версии нашей сказки она сделала то, что должна была сделать в соответствии с требованиями своих родителей. Эти требования иногда прямо противоречили ее собственным желаниям в жизни. Клэр была близка со своими родителями, особенно с матерью, которая, я думаю, была для нее сильным образцом для подражания. Клэр была их единственным ребенком, ее мать больше не могла иметь детей. Мама и папа одинаково преданы своим отношениям с единственным ребенком. Я действительно ценю уважение Клэр к своим родителям, потому что у меня были такие же отношения с моими родителями. Я не соглашался с некоторыми взглядами родителей Клэр, особенно с теми, которые касались меня. Я чувствую, что мне не дали надлежащего шанса продемонстрировать свою способность заботиться об их дочери. Я убежден, что ее родители совершили глубокую ошибку, которая оказала разрушительное влияние на мою жизнь и жизнь Клэр. Часто мы говорили о том, как собрать нашу маленькую семью (хотя, в конце концов, у нас будет большая семья) из рожденных и усыновленных детей. Мы с Клэр согласились, что детям нужен дар лидерства и опыт их родителей, чтобы достичь лучших целей и задач в своей жизни. В то же время, несмотря на все эти знания и уроки от родителей и других значимых людей, решения, принятые на основе их наблюдений, эмоций и личной логики, заслуживают уважения и внимания с нашей стороны. Это цель, которую мы постараемся поставить перед собой, отвечая требованиям принятия решений о создании новых жизней. Игнорирование или просто непредоставление этого дара вашим потомкам является пустой тратой наследия и уникальности семьи в нашем случае. Я верю, что это войдет в историю и станет выдающимся событием. Кроме того, я был крайне огорчен тем фактом, что диплом колледжа или даже докторские степени сделали очень мало для минимизации предрассудков. По моему мнению, ее мать и отец могли бы добиться

большего почета и уважения со стороны человечества, если бы они разрешили усыновление (их драгоценной дочерью) члена своей семьи с ограниченными возможностями. Какая упущенная возможность соединить две замечательные семьи в одной из самых нежных и захватывающих историй любви! Кажется, что все вовлеченные стороны потерпели неудачу в своих межличностных отношениях. Мы рассмотрели и подробно обсудили все аспекты наших отношений и их уникальные качества по отношению к нашему будущему, а также то, как мы будем решать повседневные проблемы, с которыми сталкиваемся. Поэтому мы чувствовали, что наша совместная жизнь была хорошо спланирована, и мы были уверены, что у нас высокая степень вероятности успеха. Клэр и я решили, что брак, семья и необходимая решимость заставить все это работать — это то, чего мы хотим. Таким образом, с любящим поцелуем и Божьей благодатью мы излагаем нашу преданность друг другу и наш путь в будущее. Учитывая все обстоятельства, мы были довольно впечатляющей парой, предназначенной для выдающихся достижений. Еще минут десять или около того, и я все еще был бы Александером, пережившим свою первую разлуку с моей возлюбленной и невестой. Наконец, время пришло. Господи, позволь Клэр ответить на телефон. Я позвонил, и к моему разочарованию и ужасу, трубку взяла ее мать. Я не мог понять почему: подавляющее чувство страха овладело моим разумом, ожидая возвращения к женщине, которую я любил. Я мог ждать, пока не услышу голос моего верного друга. Неважно, насколько вежливым и учтивым я был со своим профессором и ее дочерью, на встрече с которой мой профессор сама настояла, а теперь скрывает ее где-то в своей тени. Что-то было не так в этом разговоре. Я шел по этому страшному пути, и это было что-то темное, что-то зловещее. Мама Клэр адекватно отреагировала на мою болтовню и вежливые вопросы о ее поездке на отдых, за исключением одного вопроса, который я хотел и должен был задать ей прежде всего. Возможность спросить не представилась в этой жизни. Я оставлю этот вопрос для следующей жизни. Наш разговор начал угасать, как это бывает, когда приходит время закончить его или двигаться дальше. Поэтому я спросил с большим трепетом, потому что ожидал худшего: «Могу ли я поговорить с Клэр, пожалуйста?» Должно быть, за эти годы я стер большую часть болезненных слов из своей

памяти. На этом этапе и на всех последующих в течение следующего года. Кажется, что все в моем сердце и душе перестает чувствовать себя хорошо. Я как будто умер внутри, и в этот момент все, что связано с тем, чтобы быть живым, не имеет значения. Честно говоря, я не чувствовал ни радости, ни интереса, и не мог строить планы на будущее. Ничего из того, что я пытался сделать, не помогало мне избавиться от бесконечной боли и депрессии, которые Клэр отвергала на протяжении моей жизни. Я должен сказать в ее защиту: Клэр не виновата в том, что она сделала со мной, или в том, что полностью отказалась от нашей любви и дружбы. Если кто-то и должен был взять на себя ответственность за отказ от нашей любви и совместного будущего, я твердо верю, что это было бесконечное давление со стороны ее родителей и особенно ее матери. Я никогда раньше не испытывал такой боли и не знал, что с этим делать? Боль никогда не утихнет, что бы я ни делал с собой. Казалось, что, когда Клэр избавилась от меня и нашей совместной жизни и больше не видела и не разговаривала со мной, все мои мечты и достижения, над которыми я так долго работал, просто перестали существовать. Как будто ее семья отрицала, что я когда-либо существовал и мог делиться своей любовью с кем-то. В тот момент мои чувства и все мыслительные процессы были отключены, как бы защищая меня. Тщательно подобранные и продуманные слова ее матери, хотя я не могу их вспомнить точно, были чем-то очень похожими на запечатленное чувство сомнения, оставляя только то, кем я был, когда мы стояли рядом друг с другом, крепко держа нашу любовь между нами и никто не мог унизить ее. «Пол, Клэр не хочет с тобой разговаривать, и она просила меня передать тебе, что она больше не хочет тебя видеть, так что не звони сюда и не ищи ее снова». Я не мог поверить в то, что услышал! Все, что я знал, это мучительная боль в середине моего кишечника, как будто меня пронзила огромная ложка и вычерпала все мое существо из моей личности и оставила меня пустым. Все, что я знал, это то, что родители Клэр не хотели, чтобы я был в семье, и они сделают все возможное, чтобы помешать нам быть вместе. Я попросил ее мать позволить мне поговорить с Клэр в последний раз. Она сказала: «Нет, я не могу этого сделать», и повесила трубку, сказав: «Больше не звони». Я сидел, сидел и сидел. Это стоило мне больше года моей жизни. Хотел бы я это отрицать! Я не могу. Мне потребовалось так

много времени, чтобы преодолеть ужасную, бесконечную боль и депрессию. О сне не могло быть и речи. Было невозможно думать о том, чтобы покинуть безопасный дом мамы и папы. Весь город, казалось, стонал: «Теперь ты один, ты не можешь позвонить ей и услышать ее голос, никогда больше». Я оплакивал любовь, которую украл полиомиелит. Клэр, конечно, была не последней, но она была невероятной! ... Однажды вечером, когда мы ужинали в «Kipps» *(наименование ресторана. – О. Ю.)* один из парней из APO *(благотворительная организация по уходу за инвалидами. – О. Ю.)* в SMU *(Южный Методистский Университет. – О. Ю.)* подошел поздороваться и, уходя, сказал: «Кстати, ты слышал, что Клэр вышла замуж за Джима?» Я вышел из себя и закричал в ресторане, так как мои внутренности скрутило, когда я об этом услышал. До этого столкновения с реальностью, если я и жил в какой-то иллюзии, что я наконец-то освободился от нее, я слишком хорошо знал, что она все еще жива и здорова и дает мне о себе знать. Я бросился к ближайшему телефону и позвонил Клэр домой. Конечно, трубку взяла ее мать и сказала, что ее нет дома. Она ответила, что Клэр счастлива в браке, и теперь мне нужно оставить ее в покое. После этого заявления ее матери я почувствовал, что это ее цель. Это также заставило меня задуматься, счастлива ли она? Последний раз я имел дело с матерью Клэр, когда ходил ее хоронить. Я узнал, что она умерла... Клэр развелась, ее отец умер. Я подумал, что было бы хорошей идеей пойти на службу, остаться в стороне... *Пол Александер. «Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком». Friesen Press, Канада, 2020. Стр. 89-92.*

Настало время, когда страсти улеглись и Пол продолжил осуществлять свои жизненные планы. Умерли его родители, жить стало гораздо сложнее, но закрепившиеся привычки последних лет, когда Пол жил, полагаясь на помощь нанятых помощников, позволяли осуществлять повседневные нужды. Его биограф Раймонд Коппин пишет об этом периоде его жизни.

For Paul Richard Alexander, a career in law was more than just a job; it was a calling, an opportunity to make a difference and speak out on behalf of people who had been ignored and neglected. Despite numerous challenges and obstacles in his life, Paul did not let anything stand in the way of his work, pursuing his passion for justice with unwavering tenacity and determination.

As a practicing attorney, Paul soon established himself as an effective advocate and champion for the rights of the disabled and disadvantaged. Drawing on his personal experiences as a polio survivor and his deep commitment to equality and justice, Paul made a commitment to representing clients who had been denied a voice and working diligently to ensure their rights were protected. Paul's influence was felt everywhere, from the courtroom to the corridors of power, as he fought to break down barriers and combat discriminatory practices wherever they appeared. Whether it was pushing for affordable housing, fighting for change in the workplace, or advocating for the rights of people with disabilities. However, Paul's influence extended beyond the courtroom, as he worked tirelessly to raise awareness of the challenges faced by people with disabilities, promoting greater accessibility and awareness of these issues across all sectors of society. Through his efforts, Paul sought to dispel prejudices and misconceptions about disabilities, advocating for a more equitable society in which everyone could grow and thrive. While Paul Richard Alexander had a major impact on the legal industry, his influence extended far beyond the courtroom. This section examines many aspects of Paul's personal and professional development, including his accomplishments as a published author, his fight for disability rights, and his lasting influence as a mentor and inspiration to others. Paul's creative endeavors demonstrated his perseverance in the face of adversity. His autobiography, Three Minutes for a Dog: My Life in a Respirator, gave readers a moving look at his extraordinary journey, from the challenges of living with polio to his legal victories. Paul's work was aimed at encouraging people to persevere in the face of adversity and to embrace the power of hope and tenacity. He fought prejudice and worked to break down barriers in all walks of life. Whether it was lobbying for affordable housing, employment, or a greater media presence, Paul's advocacy efforts had a lasting impact on the disability rights movement, motivating many others to join him in the fight for equality and justice. But perhaps Paul's greatest impact was in his role as a mentor and inspiration to others like him. Throughout his life, Paul's relentless tenacity and good attitude were a source of hope and inspiration to all who knew him. As a mentor, Paul offered advice, support, and encouragement to people going through their own struggles, guiding them through life's obstacles with courage

and tenacity. His words of wisdom and boundless optimism touched the lives of many, leaving an unforgettable mark on all who had the pleasure of knowing him. Beyond his role as a mentor, Paul's personal and professional development was characterized by a commitment to lifelong learning and personal improvement. Despite various obstacles throughout his life, Paul remained true to his desire for knowledge and progress, always seeking new ways to learn and improve. Whether through formal training, professional development, or personal development activities, Paul took every opportunity to expand his horizons and improve his understanding of the world around him. Paul Richard Alexander's personal and professional development demonstrates the transformative power of perseverance, resilience, and the human spirit. Paul's legacy lives on through his achievements in disability advocacy... *Raymond J. Koppin* «*Paul R. Alxander BIOGRAPHY*» *Amazon.*

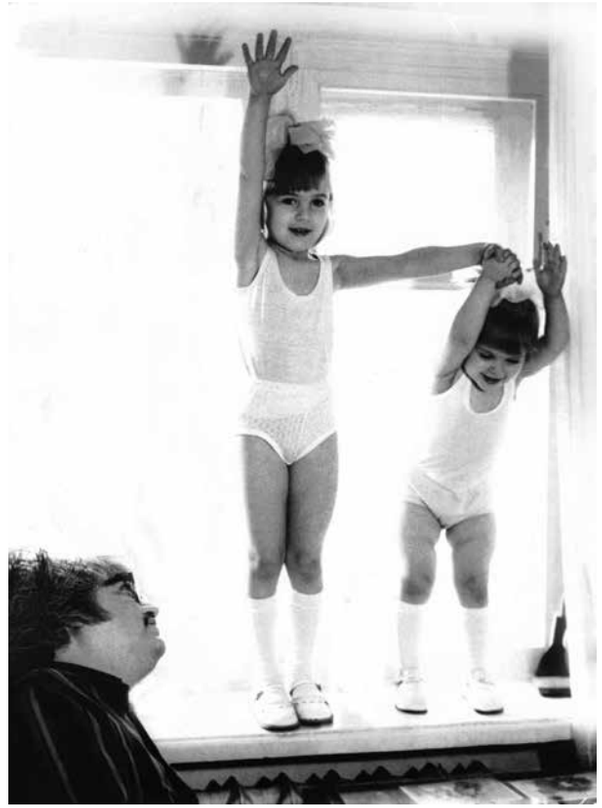
Для Пола Ричарда Александера карьера юриста была больше, чем просто работой; это было призвание, возможность изменить мир к лучшему и высказаться от имени людей, которых игнорировали и которыми пренебрегали. Несмотря на несколько проблем и препятствий в своей жизни, Пол отказался позволить чему-либо встать на пути его деятельности, следуя своей страсти к справедливости, с непоколебимым упорством и решительностью. Будучи практикующим адвокатом, Пол вскоре зарекомендовал себя как эффективный защитник и защитник прав инвалидов и обездоленных. Опираясь на свой личный опыт пережившего полиомиелит и свою глубокую приверженность равенству и справедливости, Пол взял на себя обязательство защищать клиентов, которым было отказано в праве голоса, и усердно работать над обеспечением защиты их прав. Влияние Пола ощущалось повсюду, от зала суда до залов власти, поскольку он боролся за разрушение барьеров и дискриминацию, где бы она ни появлялась. Будь то стремление к доступному жилью, борьба за модификацию рабочих мест или защита прав людей с ограниченными возможностями. Однако влияние Пола вышло за пределы зала суда, поскольку он неустанно работал над повышением осведомленности о трудностях, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями, поощряя большую доступность и осведомленность об этих проблемах во всех частях общества. Своими усилиями Пол стремился развеять

предубеждения и неправильные представления об инвалидности, выступая за более справедливое общество, в котором каждый мог бы расти и процветать. Хотя Пол Ричард Александер оказал большое влияние на юридическую отрасль, его влияние выходило далеко за пределы зала суда. В этом разделе рассматриваются многие аспекты личного и профессионального развития Пола, включая его достижения в качестве публикуемого автора, его борьбу за права инвалидов, а также его длительное влияние как наставника и вдохновителя для других. Творческие усилия Пола продемонстрировали его настойчивость перед лицом трудностей. Его автобиография «Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком» дала читателям трогательный взгляд на его необыкновенный путь: от трудностей жизни с полиомиелитом до его юридических побед. Работа Пола была направлена на то, чтобы побудить людей выстоять перед лицом невзгод и принять силу надежды и настойчивости. Он боролся с предрассудками и за разрушение барьеров во всех частях общества. Будь то лоббирование доступного жилья, трудоустройства или большего присутствия в СМИ. Пропагандистские усилия Пола оказали длительное влияние на движение за права инвалидов, мотивируя многих других присоединиться к нему в борьбе за равенство и справедливость. Но, возможно, самое большое влияние Пола оказывает его роль наставника и вдохновителя для ему подобных. На протяжении всей жизни неослабевающее упорство и хорошее отношение Пола были источником надежды и вдохновения для всех, кто его знал. В качестве наставника Пол давал советы, поддерживал и воодушевлял людей, испытывающих трудности, убеждая их преодолевать жизненные препятствия с храбростью и упорством. Его мудрые слова и безграничный оптимизм повлияли на жизнь многих людей, оставив незабываемый след у всех, кто имел удовольствие знать его. Помимо функции наставника, личное и профессиональное развитие Пола характеризовалось стремлением к непрерывному обучению и личному совершенствованию. Несмотря на различные препятствия на протяжении всей его жизни, Пол оставался верным своему стремлению к знаниям и прогрессу, всегда ища новые способы учиться и совершенствоваться. Будь то формальное обучение, профессиональный рост или деятельность по личному развитию, Пол использовал любую возможность, чтобы расширить свои взгляды и улучшить

> понимание окружающего мира. Личное и профессиональное развитие Пола Ричарда Александера демонстрирует преобразующую силу упорства, стойкости и человеческого духа. Наследие Пола продолжает жить благодаря его достижениям в защите прав инвалидов...
> *Раймонд Коппин: «Биография Пола Александера». Amazon.*

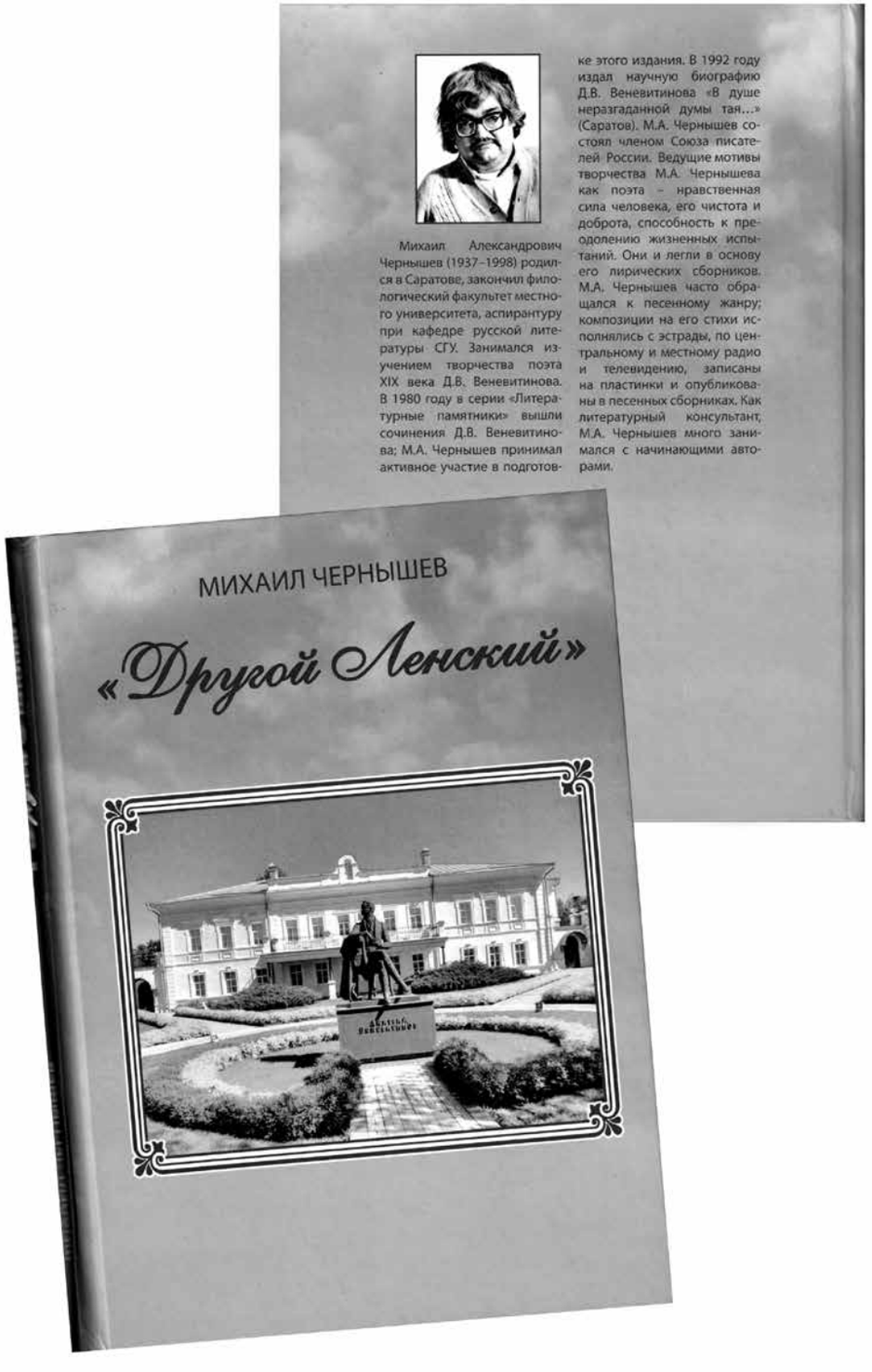
9 июня 1973 года у Миши родилась дочь – Ольга! Она была названа именем его замечательной матери – женщины, посвятившей младшему сыну всю свою жизнь, ставшей свидетелем его духовного расцвета и нравственного падения сына старшего.

Рождение дочери для Миши было по-настоящему знаковым событием. Первая беременность Натальи, разумеется, предвещала Мише, как и всем мужчинам в его положении, надежды, смешанные с тревогой. Десятилетиями переживая болезненную беспомощность, Миша не мог знать всех подробностей собственного заболевания в контексте наследственности. Как всегда, жена исправно служила своему мужу и семейному очагу, который зажгла сама простым и естественным желанием помочь ему в преодолении его жизненных невзгод. По характеру она была очень аккуратной и деятельной женщиной. Так, во всяком случае мне, показалось, когда я увидел ее впервые. В заботы она втянулась быстро. К тому же ее родители, как могли, помогали, и эта их помощь была не в сочувствии, не в жалости, а в естественной человеческой готовности включиться, вместе с дочерью, в то нравственное служение личности Миши, которого они все – и Наталья, и ее мать, и ее отец – уважали беспредельно! К моменту их появления в его доме Миша уже многого достиг. Он заканчивал сдавать кандидатские экзамены. Стал членом Союза российских писателей. Готовился к защите кандидатской диссертации. В его квартире проходили научные дискуссии, семинары, консультации студентов – старшекурсников, готовящихся к защите дипломных работ. Эти интеллектуальные «коллегии» лишний раз убеждали родителей Натальи в готовности Миши быть активным гражданином, ученым, достойным почтения, поэтом, способным к эстетически безукоризненному отражению страстей человеческих в своем художественном творчестве. Мне не довелось узнать ни об образовании, ни о профессии, ни о характере деятельности родителей Натальи, но их естественность и порядочность не могли не вызывать чувство благодарности. Они воспитали дочь, достойную почтения, вместе с тем они любили



ее ничуть не меньше, чем любили своих детей родители Тамары Прозоровой или Клэр, духовной избранницы Пола Ричарда Александера. И все же любовь к своему потомству, которое ты произвел на свет, конечно же, для счастья и радости, для нежного обаяния и сопереживания, это что-то иное, чем нравственная диктатура, овладевшая родителями Тамары и Клэр. Нетрудно догадаться чего они достигли своим насилием, движимым, казалось бы, этическими мотивами.

Рождение дочек раскрыло новые грани характера Миши. Да, он не мог взять младенцев на руки. В лучшем случае мог лишь погладить своими тремя пальцами правой руки по их головкам. Поцеловать «дочку в щёчку» или рассказать им занятную историю или сказку, помня мудрую истину: «*Сказка – ложь, но в ней намек – милым девочкам урок...*» Они платили ему любовью. Мама делала все остальное, что делают все мамы на свете. Бабушка с дедушкой – тоже несли в своих душах то тепло, нерастраченное за годы их сурового детства,



напряженной юности и зрелости, переполненной готовностью принимать на себя противоречия бытия...

Обо всем об этом можно писать много. Суть не в этом. Смысл жизни человеческой, а особенно со следами слепого природного насилия над телом твоего дитя состоит в том, чтобы этот дар Божий принять с благородностью. Несмотря на жестокость нелепых и случайных ошибок природы, да и самой жизни, из лабиринтов которой нередко вырывается жестокий ее враг, подвергая тяжким испытаниям судьбу твоего малыша. И, наблюдая личность взрослеющего человека, борющегося с недугом, перед нами акт возрождения человека! Ничто так не может радовать, как акт *возрождения*. Его надо увидеть, не ослепляясь жалостью. Ему следует помогать, подчиняясь искренности своего порыва. Им следует гордиться, радуясь своему соучастию. Оберегать плоды интеллекта личности. Ни мать Клэр, ни мать Тамары не были на это способны, оставив в душе своих дочерей уродливые шрамы.

8 мая 1975 года у Миши родилась дочь Дарья, а когда он завершал свою работу над книгой о русском поэте XIX века, Дмитрии Веневитинове, его дочь Дарья родила ему внука. Его назвали Олегом. Так Миша получил еще одно родовое наименование – «*дедушка*». Наталья Николаевна Чернышева, читая фрагменты книги своего мужа, даже не предполагала, что ей придется приложить немало сил, чтобы его рукопись обрела строгие контуры книги с именем, которое она носила с гордостью почти четверть века! Но она это сделала! Книга «*Другой Ленский. В душе неразгаданной думы тая... Этюды о поэте*» была издана в Тамбове (Россия) в 2017 году, и я ее приобрел в 2024 году. Жена Миши – Наталья Николаевна Чернышева – написала Предисловие к этой знаковой книге. «*Мой муж,* – пишет она, – *Член Союза писателей России, известный Саратовский поэт, публицист и критик, еще со студенческих и аспирантских лет занимался изучением творчества Дмитрия Веневитинова. Он навсегда связал свою жизнь с именем этого замечательного поэта и стал одним из крупнейших специалистов по его творчеству...*» Так утверждается искренняя любовь и почтение к человеку, который, встретив все преграды, выстроенные жестокой болезнью, одолел их, сделал свою победу реальностью. Он шел к этому долго. Утверждал свое право создавать искусную вязь словесного волшебства, в котором рождались образы, близкие ему по духу. Впитавшие его ум, его чувства, его эмоции сочными красками любви и очарования...

А по дороге заснеженной,
Ленту у плеч теребя,
Ходит пронзительно нежная
Добрая чья-то судьба.

Ходит легко и доверчиво,
Снега касаясь чуть-чуть.
Белая шапочка девичья,
Шарф – осторожно на грудь.

Утром ли, в сумерках тающих
Ходит она налегке...
...Мы из окошка с товарищем
Смотрим: а что вдалеке?

Видим дорогу заснеженной,
Замерший куст на бегу,
Видим березоньку нежную –
Тонкие ветки в снегу...
And along the snowy road,
Tugging the ribbon on her shoulders,
Walks a piercingly tender
Someone's kind fate.

Walks easily and trustingly,
Little touching the snow.
A white girl's cap,
A scarf – carefully on her chest.

In the morning, in the melting twilight
She walks lightly...
...My comrade and I look out the window:
what's in the distance?

We see a snowy road,
A frozen bush on the run,
We see a tender birch -
Thin branches in the snow...

Когда это стихотворение было написано, неведомо мне, но я отлично помню, как пришел к Мише, и он, будучи один, что-то писал, сидя у окна. Была зима. Выпал снег. Наталья Николаевна ушла в магазин, а я примчался, чтобы принести другу давно обещанные книги из собственной библиотеки, которые оказались интересны и ему. Только что начался 1970 год. Выпал снег и город преобразился. Он посмотрел в окно и позвал меня.

— Посмотри! Видишь женщину?

По заснеженной дороге, легко ступая, шла молодая Наталья Николаевна. Тогда, конечно, просто «Наташа». В вязанной шапочке. Обернутая теплым шарфом. Легкой походкой.

— Снега касаясь чуть-чуть... Вот она... Моя судьба... — произнес Миша очень тихо, не в силах оторвать взгляд от никого и ничего не замечавшей женщины, проходившей мимо оголенного деревца, быть может и в самом деле «*березки нежной с тонкими ветками в снегу...*» Такое не забывается, и лишь после долгого перечитывания этих стихов друга, в моем внутреннем взоре неожиданно ярко просочились эти кинематографически отчетливые черты той картины из окна комнаты в квартире моего друга...

...Примерно в то же время происходили события в жизни Пола Александера, которые во многом были сходны с теми, которые переживал мой друг Миша Чернышев. Вот что происходило в те далекие теперь дни его жизни, описанные им самим в главе IX книги «*Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком*».

Название главы: «*Ваши руки и ноги – Мэри Кэтрин Гейнс*». Friesen Press, Canada, 2020. Стр. 138-141.

I ended up in a different place in my life compared to where I was in Austin, Texas. (Paul Alexander graduated from the Faculty of Law at the local university and received a doctorate in law O.Y.) I needed to find new people to take care of me and help... I placed an ad in the local newspaper and started taking calls. I received many calls, including from a young woman who wanted to come to my interview, but for some reason I kept putting her off. Finally, after she called for the third or fourth time and said she wanted to come and talk to me, I asked her to come and promise to talk. When she came to my house, she seemed very nice to me and said that it was her birthday. She sat down and we started talking. She had just left her job as a phlebotomist, taking blood

from people for analysis. «You're not going to do it here because I'm not going to give up my DNA,» I said. She knew I was looking for a nurse, and she wanted to know what was going on. I told her. She replied, «Sounds great, I'd like to be involved in your life and take care of you.» She said, "I want to be your hands and feet and take care of you. My heart was so touched by such a statement that I hired her. Everything was going well; She learned to take care of me, and I enjoyed the food she cooked. She was a very good cook. One day she was at my house and a storm broke out, and it was time for her to go home. It was one of those Texas storms that suddenly appears and turns everything into darkness. She told me that she had to quit her job because she had trouble driving at night because her eyesight was deteriorating due to diabetes. I scolded her and said that this was unacceptable. I think I was starting to get a little attached to this young woman. I immediately decided what to do. I told her that there should be other apartments in my complex, and she decided to move. I was excited that she would be closer, and it would be more comfortable for both of us. So we became neighbors. Over time, our friendship grew closer as we learned more about each other. Our intimacy grew into a very caring and loving friendship. The beauty of our relationship was that we enjoyed each other's company and could work together to take care of not only my needs, but hers as well. Over the years, each of us has grown estranged from our families, and as our relationships have evolved, they have become more like family. I started to treat her differently as she took care of me completely and became my best friend. After learning about her true state of health, I felt that I should take care of her too. I also wanted and had to live for her. I had more sympathy and concern for her life. I recall a moment that illustrates the development of our relations. One day, she was taking us down a busy highway when the car suddenly turned off the other side and drove right in front of us. There was no way to avoid a collision with another car. I said, «We're going to hit them,» and she said, «I know,» and suddenly let go of the steering wheel. She is... She hugged me with both arms, pulling my body to her and holding me tightly. I was very surprised because she didn't do anything to protect herself, only me. I couldn't do anything but look at her and ask, «Are you okay?» That is how we have seen our relationship continue to evolve over the years. She and I began to travel to different places in the United States and Mexico. She took care of me during the flights and in the different hotels we stayed in. We did all this and had a great time traveling together.

There was a time when Katie had problems with diabetes and decided to consult with the doctors she worked with about her condition. They told her that over time, she would likely have even more problems with diabetes and at some point she would go on dialysis. Kathy has always been a champion of her health and would rather go for a transplant than wait for her to need dialysis. She insisted that she wanted to be included in the list. Interestingly, I don't think Kathy left the doctor with many options. After a relatively short time, a donor was found, and she will undergo a double transplant (kidney and pancreas). Having put her life in order, she went to the transplantation department. I followed her and found myself in the hospital, next to her. All the necessary preoperative preparations were made and a transplant operation was performed. I stayed with her. He sat in a wheelchair and watched how everything began to work for her. Thank God, everything worked out, and a miracle happened. After enough time, I asked the doctors to return my iron lung for safekeeping, and we left the hospital, together two new people. Of course, I watched her like a hawk to make sure nothing happened. For example, if we were in court, I would notice that she was getting weaker even if she didn't realize it, and I would take her aside, check her blood sugar, and see if we needed to bring her some juice or something to eat. . I would ask the judge to take a short break so I could take care of her, and then go back to court. I developed a certain sensitivity to her diabetic needs, and I could talk to her about them so we could take care of it together. I felt great satisfaction that I could take care of her as much as she cared for me. Our association with each other engendered a strong and caring love for each other. It was amazing; As if it was always meant to be that way. It seems that God created two people who formed a perfect union. I believe that no other person has ever been as close and loved each other as we have. There were many stumbling blocks that interfered with our life together. It seems that we were «too disabled» to deserve the right to marry. Many times I thought about suing the state for violating our civil rights, but I didn't have the time to pursue them because we were busy with our lives. So, we continued to live, work, and love in our own little world. In my next book, I will go into more detail about the discrimination we all face as people with disabilities. Her operation became one of the most successful organ transplants in the world. After more than thirty-five years of living together on this planet and loving each other in a way that probably does not exist in the rest of the universe, something happened

that we never expected. My child fell ill and was admitted to the hospital. This should not have happened. She entered the hospital, but could not get out. She was confused and at times did not know who I was. I wasn't allowed to see her, and I rarely got to talk to her on the phone. The spirit that had once thrived in her smile and laughter was fading by the day, and I was lost without her. God recognized that He had given me the most extraordinary person who cared for me and loved me, and wanted to take her. Now she's serving God, and I'm waiting for the time to run up and I'll see her in Heaven again. There we will finally be reunited as husband and wife. Cathy has played an important role in my life and my literary pursuits. She was a much better writer than I was, as I am a lawyer, not a writer. She even called my first book «Three Minutes for a Dog.» Over the years, I've received a lot of praise for the witty title, but all the credit goes to her.

Я попал в другое место в своей жизни по сравнению с тем местом, где я был в Остине, штат Техас *(Пол Александер заканчивал в тамошнем университете юридический факультет и получал докторскую степень по юриспруденции. – О. Ю.)*. Мне нужно было найти новых людей, которые позаботятся обо мне и помогут... Я разместил объявление в местной газете и начал принимать звонки. Я получил много звонков, в том числе от молодой женщины, которая хотела прийти ко мне на собеседование, но по какой-то причине я все откладывал ее. Наконец, после того как она позвонила в третий или четвертый раз и сказала, что хочет прийти и поговорить со мной, я попросил ее прийти и обещал поговорить. Когда она пришла ко мне домой, она показалась мне очень милой и сказала, что у нее день рождения. Она села, и мы начали разговаривать. Она только что ушла с работы флеботомистом, брала кровь у людей для анализа. «Вы не будете делать этого здесь, потому что я не собираюсь отказываться от своей ДНК», – сказал я. Мы оба рассмеялись. Она знала, что я ищу сиделку, и хотела знать, в чем дело. Я сказал ей. Она ответила: «Звучит здорово, я бы хотела участвовать в твоей жизни и заботиться о тебе». Она сказала: «Я хочу быть твоими руками и ногами и заботиться о тебе». Мое сердце было так тронуто таким заявлением, что я нанял ее. Все шло хорошо; она училась заботиться обо мне, и я наслаждался едой, которую она готовила. Она была очень хорошим поваром. Однажды она была у меня дома,

и началась буря, и ей пришло время уйти домой. Это был один из тех техасских штормов, которые внезапно появляются и превращают все во тьму. Она сообщила мне, что ей пришлось уволиться с другой работы, потому что у нее были проблемы с вождением автомобиля в темное время суток, поскольку из-за диабета у нее ухудшалось зрение. Я отругал ее и сказал, что это неприемлемо. Кажется, я начал немного привязываться к этой молодой женщине. Я сразу решил, что надо делать. Я сказал ей, что в моем комплексе должны быть другие квартиры, и она решила переехать. Я был взволнован тем, что она будет ближе, и это будет удобнее для нас обоих. Так мы стали соседями. Со временем наша дружба становилась ближе, поскольку мы узнавали больше друг о друге. Наша близость переросла в очень заботливую и любящую дружбу. Прелесть наших отношений заключалась в том, что мы наслаждались обществом друг друга и могли работать вместе, чтобы заботиться не только о моих потребностях, но и о ее. С годами каждый из нас отдалился от своих семей, и по мере развития наших отношений они стали больше напоминать семью.

Я начал относиться к ней по-другому, поскольку она полностью заботилась обо мне и становилась моим лучшим другом. Узнав о ее истинном состоянии здоровья, я почувствовал, что тоже должен о ней позаботиться. Я тоже хотел и должен был жить ради нее. У меня появилось больше сочувствия и беспокойства за ее жизнь. Я вспоминаю момент, который иллюстрирует развитие наших отношений. Однажды она доставляла нас по оживленному шоссе, когда машина внезапно свернула с другой стороны и поехала прямо перед нами. Не было никакой возможности избежать столкновения с другой машиной. Я сказал: «Мы собираемся их ударить», а она сказала: «Я знаю» и внезапно отпустила руль. Она... обняла меня обеими руками, притягивая мое тело к себе и крепко удерживая. Я был очень удивлен, потому что она ничего не сделала, чтобы защитить себя, только меня. Я ничего не мог сделать, кроме как посмотреть на нее и спросить: «С тобой все в порядке?» Я сразу почувствовал, какую любовь она ко мне испытывала. Именно так мы видели, как наши отношения продолжали развиваться на протяжении многих лет. Мы с ней начали путешествовать по разным местам США и Мексики. Она заботилась обо мне во время рейсов и в разных отелях, в которых мы останавливались. Мы все это сделали

и прекрасно провели время, путешествуя вместе. Было время, когда у Кэти возникли проблемы с диабетом, и она решила проконсультироваться с врачами, с которыми она работала, по поводу своего состояния. Они сказали ей, что со временем у нее, вероятно, будет еще больше проблем с диабетом, и в какой-то момент она пойдет на диализ. Кэти всегда была борцом за свое здоровье и предпочла бы пойти на трансплантацию, чем ждать, пока ей потребуется диализ. Она настаивала на том, что хочет, чтобы ее включили в список. Интересно, что я не думаю, что Кэти оставила доктору много вариантов. Спустя относительно короткий срок был найден донор, и ей сделают двойную трансплантацию (почки и поджелудочной железы). Наведя в своей жизни порядок, она уехала в отделение трансплантологии. Я последовал за ней и оказался в больнице, рядом с ней. Были проведены все необходимые предоперационные приготовления и проведена операция по трансплантации. Я оставался с ней рядом. Сидел в инвалидной коляске и смотрел, как у нее все начинает работать. Слава Богу, все обошлось, и чудо произошло. По прошествии достаточного времени я попросил медиков вернуть мое «железное легкое» на хранение, и мы покинули больницу, вместе – два новых человека. Конечно, я следил за ней, как ястреб, чтобы ничего не случилось. Например, если бы мы были в суде, я бы заметил, что она слабеет, даже если бы она этого не осознавала, и отвел бы ее в сторону, проверил бы уровень сахара в крови и посмотрел, нужно ли нам принести для нее немного сока или что-нибудь перекусить. Я бы попросил судью сделать небольшой перерыв, чтобы я мог позаботиться о ней, а затем вернулся бы в суд. У меня развилась определенная чувствительность к ее диабетическим потребностям, и я мог поговорить с ней о них, чтобы мы могли позаботиться об этом вместе. Я чувствовал огромное удовлетворение от того, что могу заботиться о ней так же, как она заботилась обо мне. Наше общение друг с другом порождало сильную и заботливую любовь друг к другу. Это было потрясающе; как будто так всегда должно было быть. Кажется, что Бог создал двух людей, которые образовали идеальный союз. Я считаю, что ни один другой человек никогда не был так близок и любил друг друга, как мы. Было много камней преткновения, которые мешали нашей совместной жизни. Похоже, мы были «слишком инвалидами», чтобы заслужить право на брак. Много раз я думал о том, чтобы

подать в суд на государство за нарушение наших гражданских прав, но у меня не было времени добиваться их, поскольку мы были заняты своей жизнью. Итак, мы продолжали жить, работать и любить в нашем собственном маленьком мире. В своей следующей книге я подробнее расскажу о дискриминации, с которой мы все сталкиваемся, как люди с ограниченными возможностями. Ее операция стала одной из наиболее успешных операций по трансплантации органов в мире. После более чем тридцати пяти лет совместной жизни на этой планете и любви друг к другу так, как, вероятно, не существует в остальной части вселенной, произошло то, чего мы никак не ожидали. Мой ребенок заболел, и его положили в больницу. Этого не должно было случиться. Она вошла в больницу, но не смогла выйти. Она была сбита с толку и временами не знала, кто я такой. Мне не разрешали ее видеть, и мне редко удавалось поговорить с ней по телефону. Дух, который когда-то процветал в ее улыбке и смехе, угасал с каждым днем, и я потерялся без нее. Бог признал, что дал мне самого необыкновенного человека, который заботился обо мне и любил меня, и захотел взять ее. Теперь она служит Богу, и я жду, пока истечет время, и я снова увижу ее на Небесах. Там мы наконец-то воссоединимся как муж и жена. Кэти сыграла важную роль в моей жизни и моих литературных занятиях. Она была гораздо лучшим писателем, чем я, поскольку я юрист, а не писатель. Она даже назвала мою первую книгу «Три минуты для собаки». На протяжении многих лет я получал много похвал за остроумное название, но вся заслуга в этом принадлежит только ей.

Должен признаться, что откровения о практике ухода за пациентом, парализованным полиомиелитом, крайне редки даже в кругу самых близких ему людей. Оно и понятно! Истинная опека таких людей оберегает прежде всего достоинство и честь таких пациентов. Самые искренние пожелания внести в эту сферу хотя бы минимум гуманистических мотивов, убедить людей в выработке у себя готовности служить делу опеки таких больных, исключают подробности этой работы. Выработка методик ухода, технические детали, все прочие подробности ухода изучаются в медучреждениях, на макетах, при наблюдении специалистов-инструкторов. Но это уже «*технология*». Вот что пишет Пол Б., доктор медицинских наук, магистр здравоохранения 18 марта 2013 года в своем приложении к книге Пола Александера

«Три минуты для собаки: моя жизнь в железном легком», пожелавший тем не менее остаться неизвестным широкой публике. Friesen Press, Канада, 2020. Стр. 142-145.

> In more than forty years of professional nursing practice, I have met literally thousands of wonderful people. Most of the patients and their families have been completely erased from memory. It is not possible to save every meeting. A few special cases remain readily available as examples, which I have used as informal teaching examples of what to do or not to do when planning a therapeutic intervention. elimination (of the consequences of O.Y.) of a disease, pathological condition... other impairment of vital activity, normalization of disturbed vital processes. Wikipedia) With one exception, I have not had long-term relationships with anyone I first met as a patient. Paul Alexander is an exceptional person. Even though I was an experienced nurse in the emergency room, my first encounter with Paul Alexander was an unpleasant experience. When I first saw him, it shocked me and stuck in my memory. That's saying a lot because my work in emergency rooms has given me some weird and memorable human experiences. My ability to adapt to almost any situation and Paul Alexander's profound ability to attract attention were characteristics that were perfectly combined between a smart nurse and a phenomenal patient. Our first meeting grew into a long-lasting forty-year friendship. In 1972, my wife and I moved to Austin, Texas, from San Antonio. Fresh out of the military, I was fortunate enough to be the first «male nurse» ever hired by the Austin Travis County Health Department in central Texas. My education and experience in previous years have been related to intensive care in hospitals. I was an experienced nurse in the emergency department and had just been discharged from the Army Junior Medical Corps. I was completely exhausted by the demands of emergency care and mass wound care. The assistance of junior medical personnel in public health was essentially a specialty. She allowed me... work from home with people who have required instruction in routine self-care and generally non-critical intervention. I bought a Volkswagen van and set it up as a "field office." The beauty of this job was that I could be outside every day, since my neighborhood was a large part of Travis County. Every day I traveled about 125 miles, visited five to seven families daily, and dealt with the problems of patients from cradle to grave. My «office» at the Department of Health headquarters was a desk in a large room where about thirty-five other nurses were working. It was before the advent of computers (in the medical institution of O.Y.) and each nurse had to draw up a detailed worksheet – a schedule of the activities they proposed for each week, so that it was approved by the director of the nursing department. There were many forms to fill out, and before going home, patient cards had to be filled out for each day. The organization of work for each week was a logistical problem. One Monday morning, I was summoned to the director of the nurses' service unit. The manager of the University of Texas dormitory, Mr. Jester, called and said that the student had some kind of disease. I was ordered to «drop everything» and immediately go to the university, assess the situation and report to the director as soon as possible... All I knew was that the student's health condition was only described as requiring complex and urgent care. The dormitory building was... relatively new and massive high-rise structure. The dormitory manager met me at the front door and began to describe the situation as best he could. In fact, he told me that the student had very specific health needs who had been abandoned by his guardians. At best, the manager could determine that his caregivers had left the student for about three days without any immediate care. This situation was only discovered when other residents of the dormitory told the «floor captain» that they had heard someone screaming for help. Screams came from the room of a disabled student. As a matter of urgency, the manager escorted me to the floor where this student lived. As we got out of the elevator, I heard someone screaming, and they sounded worried. The man's voice was hoarse, the words were unintelligible, but I was sure that he had repeatedly called for help. As we approached the room from which the screams were heard, the manager's demeanor became even more anxious, and his hands trembled as he unlocked the door. Nothing from my previous experience prepared me for what I saw when the door opened. Dorm rooms are notoriously small and poorly lit. This room was no exception. All I could see at first was a huge metal cylinder with a humming electric motor at one end and a very excited and angry human head at the other. Paul Alexander fought with madness, cursed, cried, and suffered from thirst. He lost track of time, but in the end we established that he had been without immediate attention for about three days... There was no telephone or any other communication device within reach. No assistant could be called, and he did not appear. There was a refusal to communicate or, worse, a deliberate abandonment (without the care and

assistance of O.Y.) For Paul, this meant that his needs for food, water and personal care were not met. He had no other way to communicate with the outside world than to keep shouting and hope that his requests would be heard. He was dehydrated, hungry, scared, and frustrated, and his caregiver team was absent. We never discussed the reasons for the obvious lack of guardianship. Could it be that a tragic accident made it impossible for the guardian to return as planned? Maybe they were kidnapped and they couldn't call and agree on something else? Paul didn't want to go into too much detail and, in his typical way, just wanted to move forward. There were many issues that needed to be resolved immediately. He always has a plan, and for the next twelve hours he told me how to work with and around his iron lung. When I told my supervisor and the head of nursing care about all this, he was amazed. Since Paul did not have full-fledged caregivers to take care of him and take responsibility for Paul's well-being, this job became my only task for the next three weeks. That is how long it took him to recruit and train a new team of caregivers. In the weeks that followed, and throughout the time he needed to rebuild his team, I visited him periodically unannounced to make sure he was being treated as planned. He had my work and home phone numbers, and I was at his service when needed. This whole meeting with the patient seemed exciting to me. It takes a special personality to work with people who are heavily dependent on others for almost complete and intimate care. Paul is very effective in his ability to describe his needs. His friendly demeanor and sense of humor help his caregivers get to know his phenomenal situation relatively easily. Within a few months, Paul managed to find reliable guardianship assistants. Paul was able to continue attending classes and resumed his life as a student at Trans-college. My wife and I lived close to campus, and Paul Alexander was easily included in our Sunday activities with other friends. In late 1972, my wife and I moved to Chapel Hill, North Carolina, and Paul moved to Berkeley, California. We all wanted to continue our education and build a new career. Thousands of miles and years have passed between us, but we have found that our shared bonds of mutual respect and care persist. Our friendship was one of the strongest in my life.

За более чем сорок лет профессиональной «медсестринской» практики я встретил буквально тысячи замечательных людей. Большинство пациентов и членов их семей полностью стерлись

из памяти. Невозможно сохранить каждую встречу. Несколько особых случаев остаются легко доступными в качестве примеров, которые я использовал как неофициальные обучающие примеры того, что делать или не делать при планировании терапевтического вмешательства *(процесс, целью которого является... устранение (последствий. – О. Ю.)* заболевания, патологического состояния... иного нарушения жизнедеятельности, нормализация нарушенных процессов жизнедеятельности. Википедия). За одним исключением, у меня не было долгосрочных отношений ни с кем, кого я впервые встретил в качестве пациента. Пол Александер – исключительный человек. Несмотря на то, что я был опытным медбратом в отделении неотложной помощи, моя первая встреча с Полом Александером оказалась неприятным опытом. Когда я впервые увидел его, это шокировало меня и запечатлелось в моей памяти. Это говорит о многом, потому что моя работа в отделениях неотложной помощи подарила мне некоторые странные и запоминающиеся человеческие переживания. Моя способность адаптироваться практически к любой ситуации и глубокая способность Пола Александера привлекать внимание были характеристиками, которые идеально сочетались между толковым медбратом и феноменальным пациентом. Наша первая встреча переросла в длительную сорокалетнюю дружбу. В 1972 году мы с женой переехали в Остин, штат Техас, из Сан-Антонио. Мне, только что уволившемуся из армии, посчастливилось стать первым «медсестрой-мужчиной», когда-либо принятым на работу в Департамент здравоохранения округа Остин-Трэвис в центральном Техасе. Мое образование и опыт в предыдущие годы были связаны с интенсивной терапией в больницах. Я был опытным медбратом в отделении неотложной помощи и только что был уволен из армейского корпуса младшего медицинского обслуживающего персонала. Я был полностью измотан требованиями оказания неотложной помощи и оказания помощи при массовых ранениях. Помощь младшего медицинского обслуживающего персонала в общественном здравоохранении была, по сути, специальностью. Она позволяла мне... работать на дому с людьми, которым требовались инструкции по обычному уходу за собой и, как правило, некритическому вмешательству. Я купил фургон «Фольксваген» и оборудовал его под «полевой офис». Прелесть этой работы была в том, что я мог

каждый день находиться на улице, поскольку моим районом была большая часть округа Трэвис. Каждый день я проезжал около 125 миль, ежедневно посещал пять-семь семей и занимался проблемами пациентов от колыбели до могилы... Мой «кабинет» в штаб-квартире Департамента здравоохранения представлял собой стол в большой комнате, где работали еще около тридцати пяти медсестер. Было до появления компьютеров *(в медучреждении. – О. Ю.),* и каждая медсестра должна была составлять подробный рабочий лист-график предлагаемых мероприятий на каждую неделю, чтобы его утвердил директор сестринского подразделения. Нужно было заполнить множество форм, и перед тем, как отправиться домой, необходимо было заполнить карты пациентов на каждый день. Организация работы на каждую неделю представляла собой проблему логистики. Однажды утром, в понедельник меня вызвали к директору обслуживающего подразделения медсестер. Звонил менеджер общежития Техасского университета Мистер Джестер и сообщил, что у студента какое-то заболевание. Мне было приказано «бросить все» и немедленно отправиться в университет, оценить ситуацию и как можно скорее доложить директору... Все, что я знал, это то, что состояние здоровья студента описывалось только как требующее сложной и неотложной помощи. Здание общежития было... относительно новым и массивным высотным сооружением. Управляющий общежитием встретил меня у входной двери и начал, как мог, описывать ситуацию. По сути, он рассказал мне, что студент был с очень специфическими потребностями (обеспечения. – О. Ю.) здоровья, и его бросили опекуны. В лучшем случае менеджер мог определить, что опекавшие оставили студента примерно на три дня без какой-либо непосредственной заботы. Эта ситуация была обнаружена только тогда, когда другие жильцы общежития сообщили «капитану этажа», что слышали, как кто-то кричал о помощи. Крики доносились из комнаты студента-инвалида. В срочном порядке менеджер проводил меня на этаж, где жил этот студент. Когда мы вышли из лифта, я услышал чьи-то крики, и они звучали обеспокоенно. Голос мужчины был хриплым, слова были неразборчивы, но я был уверен, что он неоднократно звал на помощь. Когда мы подошли к комнате, откуда доносились крики, поведение менеджера стало еще более встревоженным, и его руки тряслись, когда он отпирал дверь. Ничто из моего предыдущего опыта не подготовило

меня к тому, что я увидел, когда дверь открылась. Комнаты в общежитиях, как известно, маленькие и плохо освещены. Эта комната не стала исключением. Все, что я мог видеть вначале, это огромный металлический цилиндр, на одном конце которого был гудящий электродвигатель, а на другом — очень взволнованная и сердитая человеческая голова. Пол Александер сражался с безумием, ругался, плакал и страдал от жажды. Он потерял счет времени, но в конце концов мы установили, что он находился без непосредственного внимания около трех дней... Не было телефона или любого другого устройство связи в пределах досягаемости. Никакого помощника вызвать не удавалось, и он не появился. Произошел отказ от общения или, что еще хуже, намеренное оставление *(без опеки и помощи. – О. Ю.)* Для Пола это означало, что его потребности в еде, воде и личном уходе не были удовлетворены. У него не было другого способа общаться с внешним миром, кроме как продолжать кричать и надеяться, что его просьбы будут услышаны. Он был обезвожен, голоден, напуган и разочарован, а его команда опекунов отсутствовала. Мы с ним никогда не обсуждали причины очевидного отсутствия опеки. Может быть, трагический несчастный случай лишил возможности опекуна вернуться, как планировалось? Может быть, их похитили и они не смогли позвонить и договориться о чем-то другом? Пол не хотел вдаваться в подробности и в своей типичной манере просто хотел двигаться вперед. Было много вопросов, которые нужно было немедленно решать. У него всегда есть план, и в течение следующих двенадцати часов он рассказывал мне, как работать с его «железным легким» и вокруг него. Когда я рассказал обо всем этом своему руководителю и заведующему отделом сестринского ухода за пациентами, он были поражен. Поскольку у Пола не было полноценных опекунов, которым можно было бы поручить заботу о нем и ответственность за благополучие Пола, эта работа стала моей единственной задачей на следующие три недели. Именно столько времени ему потребовалось, чтобы набрать и обучить новую команду сиделок. В последующие недели и на протяжении всего времени, пока ему нужно было восстановить свою команду, я периодически навещал его без предупреждения, чтобы убедиться, что ему оказывается помощь в соответствии с планом. У него были мои рабочие и домашние номера телефонов, и я был к его услугам при необходимости. Вся эта встреча

с пациентом показалась мне захватывающей. Требуется особая личность, чтобы работать с людьми, которые в значительной степени зависят от других в практически полной и интимной опеке. Пол очень эффективен в своей способности описывать свои потребности. Его дружелюбное поведение и чувство юмора помогают тем, кто за ним ухаживает, относительно легко знакомится с его феноменальным положением. В течение нескольких месяцев Полу удалось найти надежных помощников по опеке. Пол смог продолжить посещать занятия и возобновил свою жизнь в качестве студента колледжа. Мы с женой жили недалеко от кампуса, и Пола Александера легко было включить в число участников в наших мероприятиях в воскресные дни с другими друзьями. В конце 1972 года мы с женой переехали в Чапел-Хилл, Северная Каролина, а Пол переехал в Беркли, Калифорния. Мы все стремились продолжить образование и построить новую карьеру. Между нами прошли тысячи миль и лет, но мы обнаружили, что наши общие узы взаимного уважения и заботы сохраняются. Наша дружба была одной из самых крепких в моей жизни.

...В Голландии принят закон о добровольной эфтаназии. Иначе говоря, стоит человеку принять для себя решение уйти из жизни, ему достаточно составить при нотариусе документ и подписать его. Он получит вожделенный яд и через некоторое время умрет. Жизнь человека, и в самом деле, – дар. Эту истину понимаешь, знакомясь с историями именно таких людей, как Пол Ричард Александер и Михаил Александрович Чернышев. Подчеркну еще раз – именно таких, как Пол и Михаил. Их отношение к жизни как к дару сложилось именно потому, что каждый из них был окружен любовью и заботой своих близких. Они делали все возможное, чтобы облегчить участь своего родного человека, пораженного смертельно опасным вирусом. И вместе с тем реальность превышает все те возможности, которые позволяют человеку, видя беспомощность парализованного вирусом человека, сохранять хладнокровие и быть готовым незамедлительно оказать помощь страждущему. Для описания картины необходимой опеки над Полом Александером мне не понадобилось делать никаких усилий. Практика его опеки лишь однажды была сорвана нанятыми и проплаченными людьми, чьи нервы не выдержали необходимого, скажем так, «*служебного*» напряжения, которое следовало приложить для исполнения

необходимых гигиенических и всех прочих мероприятий, исполняемых при опеке над больным. В Америке учат медицинский персонал, обслуживающий нуждающихся в опеке больных, которые абсолютно беспомощны вследствие заболевания, подобного полиомиелиту, или получили спинальные травмы, приведшие к хронической обездвиженности, подверглись генетическими заболеваниям, исключающими произвольную готовность самообслуживания. Не буду вдаваться в подробности, ***что*** там изучают и ***как*** подбирают персонал. Ясно одно, подобрать людей, способных исполнять роль *опекуна* больного, очень непросто. Деликатность Пола Александера не позволяла описывать подробности о тех обязанностях, которые осуществлял персонал по уходу за ним. Сложность его заболевания была *феноменальной*. Эта уникальность диктовала особые требования, предъявляемые к уходу за ним. В середине XX века американское общество не было готово к осуществлению квалифицированной *опеки* над больными, парализованными полиомиелитом. Точно так же к этому не была готова система здравоохранения СССР. Жизнь Михаила Чернышева пришлась на годы жестокого противостояния с фашизмом, а затем на время грандиозных забот о восстановлении разрушенной страны. С годами мало что изменилось. В судьбе Михаила оказались две женщины, которые вынесли на своих плечах заботы, связанные с его опекой. Можно ли это назвать *везением*? Думаю, что так и есть. Приходится обращаться к этой метафизической категории, оценивая судьбу человека, чей склад характера совпал с лабиринтами человеческих судеб, извлекших из своих запутанных систем таких людей, как мать и отец Пола Александера и мать Михаила, а затем представила и тому, и другому таких невероятно гуманных существ, как Наталья Николаевна и Мэри Кэтрин Гейнс. Нетрудно представить, что произошло бы с каждым их них, окажись они обездоленными, в смысле выбора иной судьбы, оказавшейся без таких выдающихся женщин, с их непрерывной готовностью спасать дорогих для них людей.

Судьбы Пола и Миши состоялись. Они оказались абсолютно адекватными стандартам той эпохи, в которой они жили. Их деятельность полностью соответствовала критериям современной им цивилизации. Но она, эта цивилизация, оказалась не готовой принять таких людей, как Пол Александер и Михаил Чернышев. Да, они достигли духовных высот! Но достигли вопреки существовавшим при их жизни цивилизационным стандартам гуманизма. Упрек той реальности, в которой

оказались Пол и Михаил, конкретен. Она, эта реальность, оказалась не готовой к стандартам *истинного гуманизма,* а люди, живущие в этой реальности, оказались лишенными тех свойств и качеств своей психологии, в которой этот гуманизм незамедлительно бы проявлялся при первом же востребовании. Увы, это так. Опыт использования атомного оружия, беспомощность людей, гибнущих от безнадзорности, наркомания и алкоголизм, ставшие эпидемией современной цивилизации, убеждают – проблема гуманизации современной цивилизации остается еще только ожидаемой реальностью. Пример Пола и Михаила – образец единичный. Это пример мужества, духовной стойкости человека. Пусть так! Но ему, этому примеру, следует подражать, доказывая на собственном опыте возможность быть человеком в самых невероятно сложных обстоятельствах. Убеждают не только те, кто страждет помощи, утратив способность, отнятую войной, болезнью, травмой... Любым трагическим исходом. Убеждают те, кто способен в этой схватке с недугом встать рядом и, несмотря ни на что, приложить свои силы к сохранению жизни страждущего, ставшего для них дорогим, любимым, бесконечно родным человеком.

Михаил Чернышев и Пол Александер создали новые ценности. До их прихода в этот мир ничего подобного не было. Пол разработал проекты законодательных инициатив по облегчению положения инвалидов, страдающих тяжкими заболеваниями. Правовая база инвалидов Америки стала гораздо прочнее в сравнении с периодом прошлых лет. Ее приняли и ряд европейских, и азиатских государств в соответствии со своими возможностями. Современная цивилизация адаптировала проблемы инвалидов в контексте не только опеки над ними, но и использования каждого из них в общественно-полезной деятельности, учитывая их способность вырабатывать «*прибавочный продукт*». Инвалид перестал быть абсолютной обузой общества. Он обрел готовность *существовать* не за счет общества, а вместе с ним. И это случилось, благодаря усилиям таких людей, как Пол Александер и Михаил Чернышев. Стихи Миши удивительно жизнеутверждающие! Разве можно сказать, что автор этих строк был не в силах сделать шага без посторонней помощи? Самостоятельно себя накормить. Одеть себя и посмотреть в зеркало без добрых рук, готовых помочь ему. Вы только прислушайтесь к этим строчкам, и вы заметите, что перед вами личность, мир которой пропитан любовью к жизни, а взгляд его глаз излучает духовную щедрость.

С кем подобного не бывает!..
Жизнь она разгулялась всласть,
Вон как речка весной играет,
Разрумянилась, разлилась.
Бродят пчелы в цветах медовых,
Ошалели тетерева,
Даже иве – молодке вдовой
Вечер шепчет хмельные слова.
Даже, даже...
Куда тут деться,
Нас от жизни не отучить.
На рассвете луну, как сердце,
Пробивают насквозь лучи.
Не гони от себя снежинки
Белых яблонь в своем саду...
Солнце катится по тропинке,
Я за ним...
Я к тебе иду.

Who hasn't had this happen to them!..
Life has been running wild,
Look how the river plays in the spring,
Blushed, overflowed.
Bees wander in honey flowers,
Black grouse have gone crazy,
Even to the willow - a young widow
The evening whispers intoxicating words.
Even, even...
Where can you go,
We can't be weaned off life.
At dawn, the moon, like a heart,
Pierces through with rays.
Don't drive away the snowflakes
Of white apple trees in your garden...
The sun rolls along the path,
I follow it...

Опыт обездвиженного на годы человека пропитывается всем тем богатством, которое приносит сам себе парализованный человек. Все сокровища души он сам создает, умело огибая все препятствия, возводимые кошмарным полиомиелитом или чем-то подобным, что свалило его навзничь. Пример Пола и Миши – лучшее тому свидетельство. Эрудиция Миши была безбрежной! Его можно было слушать часами, боясь упустить хотя бы слово. Его работа над творчеством юного русского поэта Веневитинова нуждалась в подвижничестве. Поэт, погибший от простуды в двадцать один год, и представить не мог при жизни, что спустя сто с лишним лет его творчество, с упорством добросовестного следователя, будет изучать парализованный ученый, который откроет в стихах, казалось бы, читанных-перечитанных поколениями и простаков, и специалистов, новые смыслы. И главное, они, эти смыслы, в самом деле, хранились в строчках стихов Дмитрия Веневитинова до той поры, пока к ним не прикоснулся разум Михаила Александровича Чернышева. Открытия всегда радуют. Но они нередко и обескураживают! Как могло случиться, что строчки, написанные сто лет тому назад, оказались осмысленными гораздо глубже ученым-исследователем, который на сто лет с лишним опередил время, оставшееся в прошлом. Четырнадцатилетний мальчик Дима Веневитинов читает оду Горация. Пытается перевести с латыни на русский. Найденный черновик полон помарок, исправлений. Но вот найден окончательный вариант перевода стихотворения римского поэта Горация «К Делию», и Миша представляет его в своей книге «*Другой Ленский...*» как пример раннего поэтического увлечения подростка Дмитрия Веневитинова, извлеченный из архивных анналов поэта, не забывая заметить с нескрываемым удовольствием, что: «*...этот перевод ни в чем не уступает известному сейчас переводу того же стихотворения, выполненному... Левиком, как впрочем и всем другим переводам. Тем радостнее находка*». И таких открытий в творчестве русского поэта сделано было немало. Поиски Михаилом Чернышевым скрытых идей и новаций в литературе и поэзии XIX века начались с его дипломной работы, которую он защитил 28 июня 1965 года на «Отлично!», завершая Саратовский Государственного Университет имени Н. Г. Чернышевского. Его привезли друзья в здание факультета и он предстал перед высокой университетской комиссией, нимало удивив контрастом между профессорскими знаниями и скромной внешностью. В своем ознакомительном слове, представляя дипломника, Нина Ивановна Белова, кандидат

филологических наук, с удовольствием сообщила высокой комиссии, что Михаил Чернышев не имел возможности постоянно посещать лекции и семинарские занятия в университете, но уровень его подготовки и литературной эрудиции, особенно в области истории русской классической литературы XIX века и, в частности, творчества Дмитрия Васильевича Веневитинова, вызывает лично у нее абсолютное удовлетворение. «*Сейчас,* – сказала она, обращаясь к комиссии, – *вы сами в этом убедитесь...*» И Мише было предоставлено слово. При своем несомненном волнении он изложил научный анализ лирики Д. В. Веневитинова, поразив университетскую профессуру глубиной анализа, безукоризненностью доказательств и обширностью представленного материала. Его финальные слова были встречены громом аплодисментов и приглашением в аспирантуру, которое было сделано сидевшим в комиссии заведующим кафедрой русской классической литературы XIX века, профессором Е. И. Покусаевым. В том же 1965 году после защиты диплома Миша был в аспирантуру принят, а профессор Покусаев стал научным руководителем кандидатской диссертации Михаила Чернышева. В его состоянии мало что изменилось. Но его работоспособность была немыслимой. Сдав все вступительные экзамены, Миша представил кандидатскую диссертацию по творческой биографии и поэтическому творчеству Дмитрия Веневитинова, которую с таким же блеском защитил в Саратовском университете в 1969 году, получив звание «кандидат филологических наук». По мотивам кандидатской диссертации Миша написал книгу: «*В душе неразгаданной думы тая*», которая была издана в «Заволжском книжном издательстве» в 1992 году. Чуть позже им были написаны «*Этюды о поэте*», и эту книгу он назвал интригующе: «Другой Ленский», рассказав на ее страницах о связи героя поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин» Владимира Ленского с поэтом Дмитрием Веневитиновым, который, оказывается(!), был дальним родственником великого русского поэта. В свое время Александр Герцен назовет Веневитинова «*другим Ленским*», что и стало теперь историческим актом единения российского поэтического искусства XIX века, обозначенного научными усилиями кандидата филологических наук, Михаила Александровича Чернышева. Такова цена его жизни, много лет назад приговоренной смертельно опасной болезнью, лишившей моего друга всех радостей бытия, занеся над его головой вздорный, но, увы, карающий меч. Он прожил свою жизнь достойно, оставив после себя свидетельство силы духа и богатства ума...

Послесловие

Когда закончена книга, испытываешь разные чувства. Главные из них – благодарность тем, кто помогал в работе над ней. Хочется сказать спасибо трем выдающимся женщинам, которым я обязан, как автор книги. Моя жена Зиночка внимательно следила за моим здоровьем, потому что напряжение, в котором я пребывал, просто «зашкаливало». Вероника Ефремова – мой корректор, а нередко и редактор, заслуживает самых теплых слов благодарности за ее терпение. Художник и дизайнер проекта Татьяна Солодилова, с которой я работаю уже более 25 лет, как всегда – выше всяких похвал. Ее участие в моих писательских трудах полно заботы, уважения и готовности помочь в любую минуту. Не говоря о включении в работу ее выдающегося художественного дарования. Уникальные судьбы неповторимы. Очевидными они становились в условиях своей феноменальной жизнедеятельности. Их свидетелями становились современники, обладавшие гуманизмом и любознательностью. Я мог бы перечислить здесь десятки имен американцев, на свидетельства которых я ссылался в книге, опираясь на их личные впечатления от встреч с феноменальными героями моего документального романа – размышления. Имена сочувствовавших актам духовной жизнедеятельности кандидата филологических наук М. А. Чернышева назову сейчас. Я обратился в Саратовский университет, где Миша учился в шестидесятых годах XX века. Точнее – к директору Института филологии и журналистики СГУ – госпоже Л. Борисовой. Присланные ею сведения о научных изысканиях Михаила в стенах альма-матер, вопреки преградам полиомиелита, стали свидетельством его уникальной судьбы, которая отразилась и в его поэтическом творчестве. Особую благодарность заслуживает жена ныне покойного поэта и ученого – Наталья Николаевна Чернышева. В Предисловии, к изданной ею книге мужа: «Другой Ленский...», каждая строка пропитана любовью и почтением к автору...

Afterword

When the book is finished, you experience different feelings. The main ones are gratitude to those who helped in working on it. I would like to say thank you to three outstanding women to whom I owe as the author of the book. My wife Zinochka closely monitored my health, because the tension in which I was was simply «off the scale». Veronika Efremova, my proofreader and often editor, deserves the warmest words of gratitude for her patience. The artist and designer of the project Tatyana Solodilova, with whom I have been working for more than 25 years, as always, is beyond praise. Her participation in my writing work is full of care, respect and willingness to help at any moment. Not to mention the inclusion of her outstanding artistic talent in the work. Unique destinies are inimitable. They became obvious in the conditions of their phenomenal life. They were witnessed by contemporaries who possessed humanism and curiosity. I could list here dozens of names of Americans whose testimonies I referred to in the book, based on their personal impressions of meetings with the phenomenal heroes of my documentary novel – reflections. I will name the names of those who sympathized with the acts of spiritual life, Candidate of Philological Sciences M. A. Chernyshev. I turned to the Saratov University, where Misha studied in the sixties of the twentieth century.More precisely, to the director of the Institute of Philology and Journalism of SSU, Mrs. L. Borisova. The information she sent about scientific research within the walls of his alma mater, despite polio, became evidence of his unique fate, which was reflected in his poetic work. The wife of the now deceased poet and scientist, Natalia Nikolaevna Chernysheva, deserves special thanks. In the Preface she wrote to her husband's book: «The Other Lensky...», each line is imbued with love and respect for the author...

Оглавление

Аннотация 6

Предисловие 9

Сэмюэл Ленгхорн Клеменс,
ставший писателем Марком Твеном 30

Спящий лекарь и другие 210

Дейл Карнеги
и практика человеческих отношений 396

Параллели пересекаются 532

Послесловие 678

Олег Борисович Юрганов

родился в 1939 году в Баку, в семье крестьян – выходцев из Пензенской и Тамбовской губерний, Российской империи, эмигрировавших в XIX веке г. Баку. Его отец, Борис Юрганов, и мать, Зинаида Юрганова в 1955 голу переехали в Краснодар, где и завершился их жизненный путь. Олег Юрганов с детского возраста страдал туберкулёзом обоих тазобедренных суставов. В возрасте 18 лет, переезжает с родителями и младшим братом Александром в Краснодар. В 1961 году, находясь на лечении в Саратовском институте ортопедии и травматологии, Олег Юрганов поступает в Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, который заканчивает в 1966 году. В 1970 году Олег Юрганов переезжает в Минск (Беларусь), где работал заведующим лабораторией социологических исследований на заводе ЭВМ. В 1972 году Олег Юрганов приглашён на работу старшим научным сотрудником в Институт философии и права Национальной Академии наук Белоруссии, где разрабатывает социальные проблемы управления. В 1980 году Олег Юрганов преподаёт курс социально-коммуникативных практик в Белорусском государственном университете, Институте народного хозяйства, Институте иностранных языков, Центре повышения квалификации высших управленческих кадров министерств и ведомств СССР и Белорусской ССР. С 1980 по 1990 год Олег Юрганов – автор программ на телевидении и радио, посвящённых проблемам социальных коммуникаций. Олег Юрганов – автор трех книг: «Смотрись, как в зеркало, в другого человека», «Автопортрет без ретуши (психолог комментирует дневник рабочего)», «Красота общения». В 1992 году Олег Юрганов, с женой и детьми, переезжает на постоянное жительство в США, где проживает в штате Мэриленд, город Балтимор. В 1995 году получает приглашение американского Университета Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University), в Департамент социологии рофессором-консультантом и руководит докторской диссертацией аспирантки Мишел Стем Кук, (N. Michelle Stem Cook), работавшей над темой: «Наследование и лишение наследования памяти в семьях еврейских иммигрантов из бывшего Советского Союза (Inheritance and disinheritance of memory within families of jewish immigrants from the former Soviet Union), диссертация представлена в университет Джонса Хопкинса в соответствии с требованиями на получение степени доктора философии, Балтимор, Мэриленд, апрель 2001 г. Одновременно Олег Юрганов работает в газере «Касакад» в период с 1998 по 2019 год. В связи с обострением болезни Олег Юрганов покидает Университет Джонса Хопкинса, оставляет работу журналиста и уходит на пенсию по инвалидности. Все годы жизни в США Олег Юрганов занимается писательским творчеством. Здесь были написаны шесть томов документального романа «На перекрёстках судеб», роман «Автопортрет любви без ретуши», документальный роман «Мгновения». Книга О. Юрганова «Волшебство феномена» посвящена американцам, чья судьба повлияла на развитие мировой цивилизации.

Oleg B. Yurganov

was born in 1939 in Baku, in a family of peasants – natives of the Penza and Tambov provinces of the Russian Empire, who emigrated to Baku in the 19th century. His father, Boris Yurganov, and mother, Zinaida Yurganova, moved to Krasnodar in 1955, where they ended their lives. Oleg Yurganov suffered from tuberculosis of both hip joints since childhood. At the age of 18, he moved with his parents and younger brother Alexander to Krasnodar. In 1961, while undergoing treatment at the Saratov Institute of Orthopedics and Traumatology, Oleg Yurganov entered the Saratov State University named N.G. Chernyshevsky, which he graduated from in 1966. In 1970, Oleg Yurganov moved to Minsk (Belarus), where he worked as the head of the sociological research laboratory at the computer plant. In 1972, Oleg Yurganov was invited to work as a senior research fellow at the Institute of Philosophy and Law of the National Academy of Sciences of Belarus and developed social and psychological problems of management. In 1980, Oleg Yurganov taught a course in social and communication practices at the Belarusian State University, the Institute of National Economy, the Institute of Foreign Languages, and the Center for Advanced Studies of Senior Management Personnel of the Ministries and Departments of the USSR and the Belarusian SSR. From 1980 to 1990, Oleg Yurganov was the author of television-radio program, dedicated to the problems of social communications in the field of management. Oleg Yurganov is the author of three books: «Look at another person as in a mirror», «Self-portrait without retouching (a psychologist comments on a worker's diary)», «The beauty of communication». In 1992, Oleg Yurganov, with his wife and children, moved to the United States for permanent residence, where he lives in the state of Maryland, in the city of Baltimore. In 1995, he received an invitation from the American Johns Hopkins University, in the Department of Sociology as an adjunct professor-consultant and supervised the doctoral dissertation of graduate student Michelle Stemp Cook, who was working on the topic: «Inheritance and disinheritance of memory within families of jewish immigrants from the former Soviet Union» dissertation, submitted to Johns Hopkins university in accordance with the requirements for the degree of doctor of philosophy. Baltimore, Maryland April 2001. At the same time, Oleg Yurganov works as journalist at the newspaper «Kaskad» from 1998 to 2019. Due to an exacerbation of his illness, Oleg Yurganov leaves Johns Hopkins University, quits his job as a journalist and retires on disability. All the years of his life in the USA Oleg Yurganov has been engaged in creative writing. Here he wrote six volumes of the documentary novel «At the crossroads of destinies», novel «Self-portrait of love without retouching», documentary novel «Moments». O. Yurganov's book «Magic of the phenomenon» is dedicated to Americans whose fate influenced the development of world civilization.

Олег Юрганов
ВОЛШЕБСТВО ФЕНОМЕНА
Документальный
роман–размышление

Дизайн, компьютерная верстка –
Татьяна Солодилова

Фото на титульном листе –
Геннадия Гурвича

Подписано в печать 27.05.2025.
Бумага офсетная
усл. печ л. 31,8.
Заказ № 957

Отпечатано в авторской редакции
в ООО «Аркаим» г. Владимир
print@arkprint.ru

Вся современная американская литература произошла от одной книги Марка Твена под названием «Гекльберри Финн». Американская литература произошла от нее. До этого ничего не было. С тех пор ничего не было столь же хорошего. *Эрнест Хемингуэй*

All modern American literature comes from one book by Mark Twain called Huckleberry Finn. American writing comes from that. There was nothing before. There has been nothing as good since. *Ernest Hemingway*

Дейл Карнеги – американский лектор, автор и пионер в области публичных выступлений и психологии успешной личности. *Энциклопедия Британника*

Dale Carnegie – The American lecturer, author, and pioneer in the field of public speaking and the psychology of the successful personality. *Encyclopedia Britannica, Inc.*

Эдгар Кейси точно предсказал две мировые войны, включая годы их начала и окончания, расовую рознь в Америке, смерть Джона Ф. Кеннеди и сотни других событий. Он, по-видимому, мог путешествовать во времени и пространстве, чтобы лечить больных, и распространял информацию, которая привела к бесчисленным излечениям там, где традиционная медицина была бессильна. Первый, кто познакомил многих американцев с концепцией реинкарнации, Кейси опирался на подсознательный Вселенский Разум для получения поразительной информации о прошлом и будущем. *Джесс Стерн, журналист*

Edgar Cayce accurately predicted two world wars, including the years they began and ended, racial strife in America, the death of John F. Kennedy, and hundreds of other events. He could apparently travel in time and space to treat the ill, and dispensed information that led to innumerable cures where traditional medicine was helpless. The first to introduce many Americans to the concept of reincarnation, Cayce drew on a subconscious Universal Mind for startling information about past and future. *Jess Stearn, journalist*

Жизнь – такая необыкновенная штука», просто держись. Дальше будет лучше.
Пол Ричард Александр

Life is such an extraordinary, just hold on. It's going to get better. *Paul Richard Alexander*

...Когда я пришёл к Михаилу Чернышёву впервые, увидел одутловатого парня в очках, под толстыми стёклами которых на меня смотрели чёрные, удивительно добрые глаза. Когда он протягивал мне правую руку для приветствия, я заметил, что он дёрнул правым плечом, как бы выбрасывая её вперед снизу вверх. Ноги свисали с кровати и казались непропорционально толстыми. Позднее я понял, что они были обуты в специальные корсетные штаны. Миша страдал детским параличом, и его ноги были обездвижены.
Олег Юрганов «На перекрёстках судеб» стр.116-117

...When I came to Mikhail Chernyshev for the first time, I saw a puffy guy in glasses, under the thick lenses of which black, surprisingly kind eyes looked at me. When he extended his right hand to me to greet me, I noticed that he jerked his right shoulder, as if throwing it forwardfrom the bottom up. His legs hung off the bed and seemed disproportionately thick. Later I realized that they were shod in special corset pants. Misha suffered from infantile paralysis, and his legs were immobilized.
Oleg Yurganov «At the Crossroads of Fates» pp. 116-117